

ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИЙ ПО ЮРИДИЧЕСКИМ НАУКАМ

МАРТ - АПРЕЛЬ

2016

**ЗАЩИТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ
ПО ЮРИДИЧЕСКИМ НАУКАМ**

МАРТ - АПРЕЛЬ

2016

Бюллетень “Современное государство и право:
Защиты диссертаций по юридическим наукам”
(Приложение к журналу
“Вопросы правоведения”)
зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-48884 от 07 марта 2012 г.

Справочное и методическое издание для исследователей,
их научных руководителей, руководителей диссертационных советов

Редакционный совет:

М. А. Федотов (председатель), А. А. Тедеев (главный редактор),
В. Н. Григорьев (заместитель главного редактора),
О. А. Околеснова (выпускающий редактор)

И. Н. Барциц, В. П. Басик, Ю. М. Батулин, И. Л. Бачило,
Е. В. Белоусова, Л. В. Борисова, Н. Е. Борисова, А. В. Брызгалин,
Е. Ю. Грачева, А. Я. Капустин, М. И. Клеандров, М. А. Краснов,
В. М. Лебедев, Г. М. Резник, Е. Р. Россинская, Т. А. Сошникова,
Ю. Н. Стариков, С. В. Степашин, Е. А. Суханов, Е. Г. Тарло,
Г. А. Тосунян, А. С. Туманова, Х. Хаджиев, В. Е. Чиркин,
И. Г. Шаблинский, С. М. Шахрай, Н. Г. Шурухнов, В. Ф. Яковлев

Распространяется в электронной форме

Учредитель и издатель:

Международный исследовательский институт, г. Москва

© Составление.

Международный исследовательский институт, 2016.

Содержание

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Защиты докторских диссертаций 14

Жуков Вячеслав Николаевич Социология права в России: вторая половина XIX – первая треть XX в. (теоретико-методологический аспект)

Белоусов Сергей Александрович Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика)

Яковлев Константин Леонидович Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской Империи в дореформенный период (1802–1861 гг.)

Защиты кандидатских диссертаций 44

Самарин Алексей Алексеевич Экстерриториальное действие права

Касьянов Александр Викторович Особенности организационно-правового обеспечения деятельности полиции Российской Империи в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Тохидлу Гасем Абдоллах Становление и развитие законодательства о выборах в представительные органы Таджикистана (1917–2015 гг.)

Панов Олег Александрович Идея «правовой личности» в российском политико-правовом пространстве (теоретико-правовое исследование)

Царев Павел Алексеевич Интеграция в мировую экономику как функция Российского государства

Смирнов Александр Павлович Юридические средства защиты субъективных прав

Токмин Сергей Алексеевич Партийные акты в системе источников советского права

Холинова Мижгона Муборакишоевна Эволюция института опеки и попечительства в истории таджикского права

Саидов Хикматулло Хужаназарович Формирование и развитие таможенного законодательства в советском и постсоветском Таджикистане: историко-правовое исследование

Юрчак Екатерина Валерьевна Вина как общеправовой институт

Андрошук Виктор Владимирович Преступления против религии по законодательству России конца XIX – начала XX вв.

Скибина Ольга Алексеевна Государственно-правовые взгляды М. А. Рейснера

Жиленко Александр Сергеевич Верховный тайный совет в системе властеотношений Российской Империи (1726–1730 гг.): историко-правовое исследование

Косимов Файзали Махмадович Становление и развитие оперативно-розыскной деятельности в Таджикистане (историко-правовое исследование)

Павлова Ксения Евгеньевна Юридическая техника как атрибут нормотворческой деятельности (на примере органов внутренних дел)

Изместьева Екатерина Михайловна Субъекты правоприменительной деятельности в условиях децентрализации правового регулирования в России

Рассказов Вячеслав Леонидович Уголовный сыск на Кубани: вторая половина XIX в. – 1917 г. (историко-правовое исследование)

Тимофеев Евгений Александрович Law and Economics: учение о праве и государстве в США в XX веке

Вострокнутов Валентин Александрович Мифологический элемент в современном общественном правосознании

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Защиты докторских диссертаций 138

Чуксина Валентина Валерьевна Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите (сравнительно-правовое исследование)

Защиты кандидатских диссертаций 149

Грудинин Никита Сергеевич Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации как орган народного представительства: вопросы теории и практики

Вахрамеев Роман Геннадьевич Право на информацию в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование)

Афанасьева София Дмитриевна Конституционно-правовой институт изъятия земельных участков для публичных нужд: сравнительный анализ опыта Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки

Демешева Юлиана Васильевна Конституционно-правовые механизмы разрешения этнолингвистического конфликта в Бельгии

Гиздатов Антон Радикович Парламентский контроль за деятельностью полиции (конституционно-правовой аспект)

Яшина Анна Александровна Конституционно-правовые основы реабилитации в Российской Федерации

Демидов Антон Андреевич Закрепление института прав и свобод человека и гражданина в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации

Шаидулина Елена Михайловна Полномочия органов городского самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства: правовые основы и практика реализации

Герасимова Александра Евгеньевна Конституционные основы права на судебную защиту в США

Блохин Павел Дмитриевич Роль аппарата органов конституционной юстиции в судебном процессе: сравнительно-правовой анализ

Артемова Оксана Евгеньевна Конституционно-правовой статус центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Лихтер Павел Леонидович Институт Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации

Косолапова Наталья Александровна Право на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Защиты докторских диссертаций 209

Гришина Яна Сергеевна Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства

Сиземова Ольга Борисовна Механизм правового регулирования межбанковских расчетов

Защиты кандидатских диссертаций 232

Афанасьев Илья Владимирович Сервитут в системе ограниченных вещных прав

Баукин Иван Вячеславович Форфейтинг как инструмент финансирования трансграничной торговли

Шайдуллина Венера Камилевна Договор перевозки грузов: полисистемное исследование

Басос Евгения Владимировна Правовой режим помещения как объекта гражданских прав

Заболотный Сергей Николаевич Гражданско-правовой статус автономного образовательного учреждения

Бородкин Вадим Геннадьевич Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора

Абедины Мохаммад Хосейн Расторжение брака в иранском праве

Лукина Вероника Владимировна Нотариальное удостоверение сделок с земельными участками

Кобыляцкий Дмитрий Андреевич Правовая охрана произведений в сети Интернет

Дудченко Анна Владимировна Гражданско-правовая ответственность по договорам перевозки груза и пассажира

Джанаева Анна Мишелевна Понятие реституции: сравнительно-правовой анализ института в российской и англо-американской системах права

Евстигнеев Эдуард Александрович Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве

Пиличева Анна Владимировна Лекарственные средства как объекты патентных прав

Акимова Юлия Михайловна Принципы международного частного права

Файзрахманов Карим Рафисович Признание вещного права отсутствующим как правовое средство

Трубина Марина Владиславовна Гражданско-правовое регулирование акционерных соглашений в России и странах континентальной Европы

Мазо Мария Александровна Конфликт интересов в акционерном обществе (гражданско-правовой аспект)

Еремин Александр Александрович Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения

Кодирзода Тохир Камар Проблемы злоупотребления субъективными гражданскими правами

Цибенко Александр Юрьевич Хозяйственное партнерство как организационно-правовая форма венчурного и инновационного предпринимательства (компаративное исследование)

Мотылькова Алиса Вадимовна Проблемы правовой охраны товарного знака в законодательстве Российской Федерации

Доронькина Виктория Юрьевна Имплементация дистрибуторского договора в российское право

Ромашин Эдгар Сергеевич Особенности правовой охраны аудиовизуального произведения как сложного комплексного объекта интеллектуальной собственности

Быстров Артем Константинович Интернет-сайт и доменное имя как объекты гражданских прав в системе отношений по использованию сети Интернет

Калиниченко Ксения Сергеевна Правовой режим земельного участка и расположенных на нем зданий, сооружений в России и Германии

Абдурахманова Тахмина Джамолиддиновна Правовое регулирование договора франчайзинга в международном частном праве

12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право**Защиты кандидатских диссертаций 351**

Бабина Ксения Ивановна Государственные учреждения науки как субъекты финансового права

Гугнюк Иван Геннадьевич Доступность банковских услуг как финансово-правовой принцип банковской деятельности

Климовский Руслан Викторович Система налогового права России

Бацура Михаил Сергеевич Субъекты банковского права

Смолицкая Елена Евгеньевна Гражданско-правовые институты, понятия и термины в налоговом праве

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения**Защиты кандидатских диссертаций 373**

Глотова Ирина Александровна Конкретизация норм трудового права

Пишеничников Сергей Витальевич Правовое регулирование труда работников, направляемых работодателем к другим физическим или юридическим лицам

12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право 387**Защиты докторских диссертаций 387**

Дудиков Михаил Владимирович Правовое обеспечение публичных интересов в горном праве

Защиты кандидатских диссертаций 396

Миронов Никита Юрьевич Правовое регулирование досрочного прекращения, приостановления и ограничения права пользования недрами

Басыров Равиль Наилевич Правовое регулирование обустройства участков недр

Бутылина Екатерина Вячеславовна Земельный надзор и контроль

Тельхигова Малика Шамельевна Правовое регулирование недропользования на северных территориях Российской Федерации

Зиновкин Никита Сергеевич Плата за негативное воздействие на окружающую среду как эколого-правовой регулятор хозяйственной деятельности

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Защиты докторских диссертаций 420

Мартыненко Наталия Эдуардовна Уголовно-правовая охрана потерпевшего

Морозов Николай Александрович Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики

Александрова Ирина Александровна Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции

Защиты кандидатских диссертаций 447

Хилтунов Николай Николаевич Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда

Матчанова Зоя Шарифовна Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ

Мнацаканян Аревик Васильевна Информационная безопасность в Российской Федерации: уголовно-правовые аспекты

Аглямова Гульназ Махияновна Криминологическая характеристика коррупционной преступности в сфере местного самоуправления и ее предупреждение

Гарипов Тимур Ильгизович Преступления против правосудия, совершаемые в досудебных стадиях уголовного судопроизводства его участниками и иными лицами (вопросы теории и практики)

Ахмедов Микайыл Насреддин оглы Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты

Москалев Георгий Леонидович Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации

Матвеева Яна Максимовна Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модер-

низация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта

Зорькина Анна Александровна Неосторожные преступления несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты

*Третьякова Елена Игоревна*оборот фальсифицированных лекарственных средств: уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия

Сухомлинов Дмитрий Вячеславович Уголовная ответственность за угон транспортного средства и ее дифференциация

Семочкина Анна Александровна Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в ритуальной форме

12.00.09 – Уголовный процесс

Защиты докторских диссертаций 507

Россинский Сергей Борисович Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу

Защиты кандидатских диссертаций 519

Самутичева Екатерина Юрьевна Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование)

Рогова Антонина Александровна Использование материалов СМИ в доказывании по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного судопроизводства

Фетищева Лидия Михайловна Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности

Тутикова Ирина Алексеевна Внесудебный порядок рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства (в порядке ст.124 УПК РФ)

Таболкина Ксения Андреевна Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел

Гехова Дина Хусеновна Кассационное производство в российском уголовном процессе: генезис и перспективы развития

Несмачная Нина Валерьевна Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации

Кожокарь Валерий Васильевич Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики

Соболев Антон Валентинович Процессуальные последствия истечения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности

12.00.10 – Международное право; европейское право

Защиты докторских диссертаций 570

Тюрина Наталия Евгеньевна Публичный интерес в международном торговом праве

Гурбанов Рамин Афад оглы Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики

Защиты кандидатских диссертаций 590

Водянов Андрей Викторович Международно-правовое регулирование деятельности Интерпола по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем

Завгородний Вячеслав Станиславович Контрольный механизм американской конвенции по правам человека

Теймуров Эльвин Сахават оглы Международно-правовое регулирование рационального использования пресной воды

Клюня Алесь Юрьевич Ответственность за нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм международного права

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Защиты кандидатских диссертаций 608

Немзорова Римма Юрьевна Приоритеты прокурорской деятельности: практический и теоретический аспекты

Семенов Андрей Сергеевич Взаимодействие прокуратуры с органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере обеспечения законности

Буслаева Оксана Борисовна Деятельность адвоката по оказанию юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях: теория и практика

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Защиты докторских диссертаций 622

Гусев Алексей Васильевич Концепция формирования специального криминалистического познания и механизма его реализации в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной деятельности

Защиты кандидатских диссертаций 628

Еремин Денис Николаевич Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона

Вдовина Ольга Павловна Теория и практика использования микрообъектов в расследовании дорожно-транспортных преступлений

12.00.14 – Административное право; административный процесс

Защиты докторских диссертаций 636

Мельников Валерий Анатольевич Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел

Защиты кандидатских диссертаций 643

Алексеев Денис Борисович Актуальные проблемы контрольной деятельности органов государственной власти в современной России

Грецькая Анна Сергеевна Контроль в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции

Изюмова Евгения Сергеевна Правовое регулирование контрольной и надзорной деятельности органов государственного управления в сфере игорного бизнеса

Сабодаш Анатолий Николаевич Административно-правовое регулирование государственного управления в области социальной защиты ветеранов боевых действий в Российской Федерации

Кретов Вадим Валерьевич Административно-правовое регулирование дорожного хозяйства Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы развития

Дорофеева Жанна Павловна Превенция административной деликтности несовершеннолетних: научно-практические основы формирования государственных программ и их реализация в Российской Федерации

Куценко Татьяна Михайловна Новые виды документов и вещественных доказательств по делам об административных правонарушениях: проблемы теории и правового регулирования в Российской Федерации

12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

Защиты кандидатских диссертаций 678

Сорокина Татьяна Владимировна Институт судебных поручений в гражданском судопроизводстве Российской Федерации

Шумова Кристина Александровна Принципы медиации

Цуцкова Марина Геннадиевна Информационное обеспечение в гражданском судопроизводстве

Мальченко Ксения Николаевна Преюдиция судебных постановлений в гражданском судопроизводстве

Матросов Николай Александрович Особенности судопроизводства по делам о расторжении брака и связанных с ним споров

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Защиты докторских диссертаций

Жуков Вячеслав Николаевич
Социология права в России: вторая половина XIX
– первая треть XX в. (теоретико-методологический аспект)
Дата защиты – 10 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
Научный консультант	Марченко Михаил Николаевич
Оппоненты	Графский Владимир Георгиевич, Корнев Аркадий Владимирович, Экимов Анисим Иванович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»
Место защиты	Диссертационный совет Д 501.001.74 на базе ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Научная новизна исследования

Настоящая работа является первым в отечественной историко-правовой литературе исследованием, посвященным всестороннему анализу социологии права в России второй половины XIX – первой трети XX в. Впервые предпринимается попытка рассмотреть русскую социологию права системно и полно.

Новизна настоящего исследования состоит также в следующем:

- предложена новая концепция социологии права в России, ее развития и структуры;
- впервые обобщены и проанализированы социолого-правовые идеи и концепции представителей всех основных школ и направлений, а не только юридической науки;
- впервые предлагается и обосновывается развернутая классификация основных направлений в русской социологии права;
- впервые детально анализируются методологические основания важнейших социолого-правовых доктрин и выявляется их влияние на идейное содержание данных доктрин;
- отличается новизной трактовка становления и состава отечественной юридической науки в связи с проникновением в нее социологии;
- впервые системно и полно рассматриваются социолого-правовые концепции, возникшие в результате негативной реакции на позитивистскую и марксистскую социологию.

Положения, выносимые на защиту

1. Социология права – комплексная междисциплинарная отрасль знания, возникшая благодаря исследовательской деятельности социологов, юристов, философов, историков, антропологов, этнологов, психологов, экономистов. Они создавали социологию на материале своей науки, что вело к появлению отраслевой социологии (явно или неявно выраженной), в рамках которой изучение государства и права получало особый угол зрения. Взгляды на государство и право юриста-социолога, философа-социолога, экономиста-социолога, историка-социолога, психолога-социолога, отражая специфику соответствующей науки, делали общую картину мозаичной и противоречивой, но, в конечном счете, – весьма информативной и благоприятной для будущих исследований. Таким образом, социология права в России оказалась рассредоточенной по различным отраслям знания, между разными направлениями и школами. Социология права, созданная юристами (в рамках юриспруденции), является наиболее крупным, но далеко не единственным направлением.

2. Социология права в России развивалась на основе раз-

личных философских школ – позитивизма, кантианства, неокантианства, гегельянства, марксизма, фрейдизма, феноменологии, религиозной метафизики. Позитивистская методология, ближе всего стоявшая к сути социологического подхода, дала наибольшее количество сочинений, доктрин и идей по социологии и социологии права, представила наиболее аутентичные ее формы. Вместе с тем другие, непозитивистские и антипозитивистские, подходы также сыграли заметную роль в формировании русской социологии права. Зачастую авторы использовали плюралистическую методологию, включавшую компоненты разных философских школ.

3. Формирование социологии права в России проходило во второй половине XIX – первой трети XX в. Бурный всплеск интереса к социологии (конкретно – к работам О. Конта) на Западе и в России происходит одновременно (примерно в 60-е гг. XIX в.), далее процесс развития социологии там и там идет в целом синхронно благодаря тесным научным контактам. Русские юристы начинают системно внедрять социологию в юриспруденцию раньше своих европейских коллег. Уже в 70-е гг. В.И. Сергеевич, С.А. Муромцев и Ю.С. Гамбаров создают свои первые социолого-правовые труды, хотя и признавая при этом своим учителем Р. Иеринга. Несмотря на интенсивное развитие, процесс институционализации социологии права в России как научной и учебной дисциплины остался не завершенным. Если возможность применения социологии для изучения государства и права признавалась практически всем сообществом русских обществоведов (с разными оговорками), то вопрос о социологии права как самостоятельной дисциплине вызывал дискуссию (т.е. дело обстояло примерно так же, как с философией права). Тем не менее в России в рассматриваемый период сложилась самостоятельная, оригинальная, крупная по своей роли в науке и культуре, состоящая из нескольких направлений социология права.

4. Позитивистская социология права была самым широким и влиятельным направлением. Ее несомненным достоинством было стремление создать подлинную науку, способную выявлять законы функционирования государства и права и давать данным институтам точный прогноз развития. Опираясь на классифика-

цию наук О. Конта, авторы ставили перед собой задачу связать в единый комплекс функциональных взаимозависимостей между духовной и биологической природой человека, между социальной и природной средой его обитания. Негативной стороной неоправданного сближения обществоведения и естествознания стало грубое искажение свойств государства и права. Органицизм верно указывал на системное единство государства и права, но допускал при этом очевидный примитивизм, проводя чуть ли не прямую аналогию между ними и биологическим организмом. Географизм, как будто раскрывая связь между условиями природной среды и особенностями политико-правовых институтов, оказывался неспособным хотя бы к минимальному прогнозу (что и ждут от науки). Законы, предложенные органицистами и географистами для объяснения государства и права, нередко были не просто далекими от жизни, но воспринимались как курьез в науке.

5. Субъективная социология права (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский) – самое крупное направление в русской позитивистской социологии второй половины XIX в., не имевшее аналога на Западе. П.Л. Лавров за четверть века до Р. Риккерта, В. Виндельбанда, Г. Зиммеля и М. Вебера указал на различие наук о культуре от наук о природе, связав первые с ценностями и фактически создав нормативную социологию. Поскольку социология, по Лаврову, исследует человека и общество в основном как явления культуры, ее главный метод – субъективный. В контексте такой логики государство и право оказываются результатом не столько естественноисторического процесса, сколько познающей активности субъекта. Государство и право в этом смысле глубоко субъективны, они живут по законам познающего сознания, а социологические законы их рождения, развития и функционирования относятся к сфере сознания субъекта (народа, правящего класса, отдельных лиц).

6. Психологическое направление в русской социологической и социолого-правовой мысли было одним из самых крупных, и стало оно таковым в силу своего междисциплинарного характера. Психологизм в большей или меньшей мере был присущ огромному числу авторов, так или иначе затрагивавших со- цио-

лого-правовую проблематику, это – позитивисты (или тяготевающие к позитивизму) П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, В.В. Лесевич, В.П. Воронцов, Н.И. Кареев, И.И. Каблиц, П.Ф. Лилиенфельд, К.М. Тахтарев, М.М. Ковалевский, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, Г.К. Гинс и др.; марксисты Г.В. Плеханов, М.А. Рейснер; кантианцы П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов; феноменолог Н.Н. Алексеев. Наибольший вклад в разработку психологической социологии права внесли юристы Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, М.А. Рейснер, Г.К. Гинс.

Поскольку русские социологи психологического направления считали психические процессы эпицентром социальной, политико-правовой жизни, то психология для них – либо часть социологии (социологии права), либо – ее основа. Психолого-социологический подход сыграл позитивную роль в демифологизации и демистификации государства и права, в становлении трезвого, собственно научного взгляда на них. Взгляд на власть, государство и право как на совокупность психологических реакций и механизмов объективно снижал их культурную ценность. Если, например, для Гегеля право и государство были проявлением свободы, мирового разума, торжеством высокого человеческого духа, то с точки зрения психологической, государство и право – всего лишь следствие стереотипов и рефлексов человеческой психики. Поведение человека в области политики и права определялось не столько априорными нравственными и религиозными императивами, сколько психологическими стереотипами, сложившимися в эпоху первобытного человеческого стада. Психологическая социология права, выводя на первый план психолого-биологические аспекты жизни человека в сфере политики и права, если не игнорировала полностью его рациональные качества, то весьма сильно их принижала.

7. В XIX – начале XX в. юридическая наука России включает в себя догматическую и фундаментальную (история государства и права, философия права, история философии права, энциклопедия права, общая теория права и государства, сравнительное правоведение, политика права, социология права) юриспруденцию. Русские юристы проявляют интерес к социологии на

10 лет позже политических публицистов (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский), что объяснялось консерватизмом юридической среды: отраслевики опасались, что внедрение социологии разрушит юридическую догматику. Юридический корпус разбивался на несколько основных групп. Первую составляли юристы, целенаправленно пытавшиеся соединить социологию с юриспруденцией либо путем реформирования отраслей права на основе социологии (С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров), либо разрабатывая новую социолого-юридическую методологию (Б.А. Кистяковский, Е.В. Спекторский), либо просто пропагандируя ценность социологического знания для юридической науки (В.М. Хвостов). Во вторую группу входили юристы, откликнувшиеся на социологию, но которые либо считали недопустимым внедрение социологии в юриспруденцию, либо делали на этот счет существенные оговорки. При этом и те, и другие фактически довольно успешно соединяли социологию с юридической наукой (Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич). Юристы третьей группы (основная масса) оставались равнодушны к социологии и не предпринимали активных попыток использовать социологический подход в юриспруденции. Совсем редкие случаи – это полный переход юристов в социологию, что было позднее, в 20 – 30-е гг. XX в. (Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, П.А. Сорокин).

8. Социология в равной мере и с одинаковой интенсивностью проникала в догматическую и фундаментальную юриспруденцию. Такое течение дел определялось тем фактом, что обе части юридической науки реформировали, как правило, одни и те же лица. Отраслевики-социологи (С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, М.Н. Коркунов, Л.И. Петражицкий, Ю.С. Гамбаров, В.В. Ивановский, Н.И. Лазаревский, М.П. Чубинский и др.) внесли главный вклад в реформирование энциклопедии и философии права, в наполнение новым содержанием политики права, в создание общей теории права, сравнительного правоведения и социологии права. Цивилист Г.Ф. Шершеневич, будучи противником имплантации социологии в юридическую догматику, много сделал для разработки общей теории права как комплексной дисциплины, включающей социологический компонент. Внутри отраслей гражданского, уголовного, государственного, междуна-

родного права была проделана большая работа по социологическому переосмыслению догматического материала.

9. Взгляды юристов на место социологии права в составе юридической науки можно условно разделить на три группы. Первую группу составляли юристы, наиболее радикально настроенные в деле внедрения социологии в юриспруденцию. С.А. Муромцев и Ю.С. Гамбаров, считая социологию венцом научного знания, предлагали реформировать всю юриспруденцию (прикладную и фундаментальную) на основе социологии. В этом случае правоведение должно было стать частью социологии, что, по их мнению, придало бы всей юриспруденции подлинно научный характер. Во вторую группу входили юристы (в основном это отраслевые догматики: С.В. Пахман, А.Х. Гольмстен, Г.Ф. Шершеневич и др.), фактически признавшие социологию права составной частью общей теории права. При этом формально их позиция была более осторожной: опасаясь разрушительного воздействия социологии на догму права, они утверждали, что социология права – часть социологии и потому не может быть частью правоведения. Третья группа юристов (Н.А. Гредескул, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич) видела в социологии права самостоятельную дисциплину в составе юриспруденции, отличной от догмы права, философии права и общей теории права. Данный подход формировался по мере институционализации социологии права как научной и учебной дисциплины и стал вполне устоявшимся примерно к 20 – 30-м гг. XX в.

10. Общая теория права в России создавалась юристами, представлявшими как отраслевую, так и фундаментальную юридическую науку. Общую теорию права создавали юристы-социологи, юристы-догматики, юристы-философы, образуя тем самым соответствующие составные компоненты теоретико-правовой науки: социологический, догматический, философский.

11. Марксизм благодаря цельности, системности, теоретико-методологическому единству, широкому охвату эмпирических данных оказал огромное влияние на формирование целой плеяды социологов Запада и России (Ф. Теннис, М. Вебер, В. Зомбарт, Э. Дюркгейм, К. Мангейм, Г. Маркузе, Э. Фромм, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич и др.). В качестве

социологической доктрины марксизм получает свой статус прежде всего в среде социологов и благодаря их усилиям, теории и практики рабочего движения воспринимали марксизм в основном как доктрину научного социализма.

В России марксизм получает статус социологической науки в позитивистской среде, здесь формируется традиция воспринимать его в качестве социологической теории. В дальнейшем, после Октября 1917, данная традиция будет воспринята многими большевиками-обществоведами (Н.И. Бухарин, И.П. Разумовский, С.А. Оранский, Е.А. Энгель, М.А. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис). Основной массив марксистской литературы по социологии права появляется после Октябрьской революции. Особенность советской социологии права 20-х гг. состояла в соединении марксизма и идей классиков немарксистской социологии, что иногда вело к стиранию грани между марксистской и «буржуазной» социологией.

12. Для советских юристов 20-х гг., разрабатывавших общую теорию права, ее социологический компонент стал основным, т.к. догматика и философия права прочно ассоциировались с «буржуазной» наукой. Они сумели всесторонне и глубоко показать механизм взаимосвязи экономики, классовой структуры общества, права и государства, развивая базовые положения марксизма и восполняя в нем пробелы. Государство и право, с их точки зрения, вырастая из отношений производства и обмена, проходя через призму классового сознания, взаимодействуют очень опосредованно, с использованием сложной цепи социальных взаимосвязей. Право для них – часть базиса и часть надстройки, общественное отношение, форма сознания и закон, что существенно расширяло представление о праве.

13. В русской общественной мысли, всегда тесно связанной с главными проблемами дореволюционной России (земельный и рабочий вопросы, ограничение самодержавия, ликвидация культурной отсталости страны), критика позитивизма и марксизма, как правило, сопрягалась с политической борьбой консервативных кругов против революционного и либерального движения. Марксизм и позитивизм воспринимались не только как научные школы, но также как идеологическое оружие, направленное про-

тив самодержавия и традиционных общественных устоев. Позитивисты (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев), гегельянцы (Б.Н. Чичерин), кантианцы (А.С. Лаппо-Данилевский, П.Б. Струве, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов), религиозные метафизики (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк), создавая альтернативные социолого-правовые теории, не просто вели научную дискуссию, но отстаивали, как правило, консервативные ценности уходящей России. Альтернативная социология права во многом была вызвана революционным брожением и страхом перед революцией со стороны господствующих классов и значительной части русской интеллигенции. Антипозитивистские и антимарксистские социолого-правовые доктрины в значительной мере отходили от естественнонаучной методологии, делали ставку на идеализм и религию, заменяя теорию прогресса религиозной эсхатологией. При этом в их арсенале оставались научная терминология, стремление выявить объективные свойства государства и права, отыскать их функциональные зависимости и локальные закономерности.

14. Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева во многом продиктована скептическим отношением к возможностям европейской культуры, их ориентацией на консерватизм, антилиберализм и национализм. Они поставили под вопрос универсальность европейских ценностей, предложили отказаться от европоцентризма. В теории циклов Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева наблюдаются два неравноправных компонента – идеологический (главный) и научный (подчиненный). Оба автора выстраивают конструкции, внешне основанные на естественнонаучном знании и позитивизме (в форме органицизма), но призванные обосновать политические и идеологические цели. При всей оригинальности данных концепций в их основе лежат умозрительные фикции, субъективные аксиомы, под которые подбирается нужный эмпирический материал. Важная особенность аргументации – апелляция к религии, что придает концепциям иррациональный характер. Предмет внимания обоих авторов – государство, закономерности его происхождения, развития и функционирования. Притом что идеологическая составляющая концепций Данилевского и Леонтьева ведущая, они ста-

вят проблемы, представляющие несомненный интерес для социологии государства и права.

15. Несмотря на то что философия Гегеля воспринималась позитивистами в России как пример «туманной метафизики», далекой от подлинной науки, между гегельянством и социологией нет антагонистического противоречия. Панлогизм гегелевской философии ориентировал на поиск социальных закономерностей, на открытие функциональных связей между природой и обществом, между духовной и эмпирической жизнью людей. Данная установка была воспринята Б.Н. Чичериным – главным представителем русского гегельянства. Отвергая позитивизм и контовскую социологию за отрыв от религии и метафизики, русский гегельянец создал собственную социологию права, основанную на единстве метафизики, естествознания и религии. За формальным отрицанием позитивистской социологии стояло фактическое использование ее познавательного арсенала: были взяты на вооружение метод структурно-функционального анализа и теория прогресса; общество, государство и право рассматривались как системные объекты; поиск взаимосвязи между природными и социальными факторами и политико-правовыми институтами; установление закономерности в сменяемости государств и их форм.

16. Несмотря на широчайшее распространение кантианства и неокантианства в обществоведении, способность данных направлений служить методологической основой социологии права встречала объективные трудности. Естественнонаучный дух кантовского дуализма (ноумены и феномены) в целом не противоречил «первому позитивизму», Канта и Конта сближали агностицизм и стремление систематизировать научное знание. Пафос создания подлинной науки был присущ и основателям Марбургской и Баденской школ. Неокантианцы предложили устранить противопоставление познающего субъекта и «вещи в себе» при помощи сведения второго к первому. В этом случае действительность становилась проекцией познающего сознания, онтология сводилась к логике, объективные закономерности бытия отрицались и заменялись априорными законами разума. Познающий субъект, изучая предмет, фактически творил его в собственном сознании, реальность представала в качестве совокупности поня-

тий о ней. В этом случае государство и право оказывались не объективными «вещами в себе», а трансцендентно-логическими построениями познающего субъекта. Соответственно, предмет социологии права переводился из сферы эмпирики в сферу сознания.

Неокантианская методология при рассмотрении государства и права в большей или меньшей степени представлена у П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, В.М. Хвостова, П.Б. Струве, В.А. Савальского, И.А. Ильина, Л.И. Петражицкого, Г.Д. Гурвича, С.И. Гессена, П.А. Сорокина. Русские неокантианцы пытались найти закономерности, функциональные связи и системные свойства не столько в самих эмпирических феноменах государства и права, сколько в их логических моделях, присущих общественному и научному сознанию. Следуя идеям Баденской школы, они подчеркнули принципиальное различие между социальной и природной материей, чем серьезно скорректировали позитивистскую социологию права.

17. Если в общественной жизни русские религиозные философы последней трети XIX – начала XX в. (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн и др.) пытались оправдать и обосновать (в большей или меньшей степени) политическую реакцию со стороны абсолютизма, то в сфере мысли они имели в виду более широкую задачу: поставить под сомнение рационалистические основания философии и общественной науки (прежде всего социологии), научное познание дополнить откровением, верой в Бога. Процесс познания государства и права становится у них частью богопознания. Отвергнув позитивистскую социологию, поскольку та не нуждалась в опоре на Бога, религиозные философы предприняли попытку создать собственную христианскую социологию. Ими не отвергаются закономерности в происхождении, развитии и функционировании государства и права, системность и прогрессивный рост их свойств, признается существенной роль их эмпирической основы, но все это – исключительно в системе религиозной картины мира. Главная постулируемая ими закономерность сводилась к христианской эсхатологии: государство и право, возникнув вследствие акта грехопадения и развива-

ясь по направлению к Царству Божьему, закончат свое существование с концом земной жизни. Заслуга русских религиозных философов состояла в том, что они показали слабые стороны позитивистской социологии права, заставив взглянуть более реалистично на ее познавательные возможности. Поскольку любая наука антропоморфна, связана со свойствами разума и психологии человека, доказывали они, то всякое научное знание относительно, а открываемые ей закономерности государства и права условны.

Белоусов Сергей Александрович
Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика)
Дата защиты – 11 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
Научный консультант	Сенякин Иван Николаевич
Оппоненты	Баранов Владимир Михайлович, Ромашов Роман Анатольевич, Арзамасов Юрий Геннадьевич
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет» Диссертационный совет Д 212.239.02 на базе
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна исследования состоит в том, что оно представляет собой одну из первых комплексных общетеоретических работ, посвященных наиболее общим вопросам формирования, протекания и устранения процессов разбалансированности системы российского законодательства. По существу автором предпринята попытка, используя системный подход, не только уточнить отдельные параметры строения и функционирования системы законодательства, но и представить целостную общетео-

ретическую модель законодательного дисбаланса в многообразии форм его проявления.

Гипотетически категория «законодательный дисбаланс» призвана интегрированно отразить в теории права такие негативные явления, пронизывающие систему законодательства, как: правовая инфляция; коллизии нормативно-правового материала; пробелы в праве; нарушения в установлении предметных и функциональных связей в структуре законодательства; расхождения в использовании законодательной терминологии и иных средств юридической техники при изложении нормативно-правового материала; несоответствие закрепляемых в системе нормативных правовых актов целей и средств правового регулирования; нарушение баланса частных и публичных интересов в нормативных правовых предписаниях и др.

В качестве элементов научной новизны диссертации можно выделить следующие ее результаты: общетеоретическое определение понятия, форм, типов и уровней проявления законодательного дисбаланса; установление диалектики взаимосвязи состояний баланса и дисбаланса в развитии системы законодательства; выяснение общих закономерностей процесса детерминации различных видов законодательного дисбаланса; построение многофакторной модели причинно-следственных связей возникновения данного явления; раскрытие значения нарушений принципа федерализма в процессе снижения уровня сбалансированности законодательства; установление специфики иерархического дисбаланса в структуре нормативно-правовой системы; объяснение основных закономерностей нахождения баланса частных и публичных интересов в законодательстве; четкое разграничение категорий «законодательный дисбаланс», «дисбаланс правовой системы», «дефект нормативно-правового акта», «противоречия в праве» и иных смежных понятий; изучение технико-юридического инструментария, способствующего устранению дисбаланса в процессе правотворческой деятельности; уточнение роли специализации и унификации законодательства в установлении состояний баланса и дисбаланса законодательства; описание негативных последствий законодательного дисбаланса в правореализационной практике; теоретическое рассмотрение основных спосо-

бов устранения дисбаланса внутринационального законодательства и международного права и др.

Решение обозначенных задач на общетеоретическом уровне позволяет, по мнению диссертанта, уточнить и развить учение о законодательстве, восполнить пробелы в понятийном ряду «система законодательства – структура законодательства – подсистемы законодательства – отрасли и институты законодательства – предметные и функциональные связи системы законодательства», дополнив его научно-юридическими абстракциями «законодательный баланс и дисбаланс», «отрицательный и положительный дисбаланс», «структурный и содержательный дисбаланс», «типы и формы дисбаланса в законодательстве», «системный и фрагментарный законодательный дисбаланс», «отраслевой и межотраслевой дисбаланс» и др.

На защиту выносятся следующие основные положения, отражающие новизну диссертационного исследования:

1. В качестве отправной методологической установки обосновывается утверждение, что баланс (как и его антипод – дисбаланс) в законодательной системе предстает в единстве и взаимосвязи трех аспектов:

1) является итогом взаимодействия ряда противоположных тенденций – специализации и унификации законодательства, устойчивости (стабильности) и изменчивости его элементов и структурно-функциональных связей;

2) выступает показателем степени реагирования на внешние факторы, воздействующие на систему законодательства, которые подразделяются на две подгруппы: а) общесоциальные детерминанты – дифференциация

экономических отношений и дисбалансы в экономике, дифференциация политических отношений и политический дисбаланс, национально-культурное расслоение общества, конфликты на религиозной почве, геополитический дисбаланс сил в регионе и т.д.; б) юридические факторы – дифференциация и интеграция структур и элементов в системе права, специализация юридической деятельности, крайние формы правосознания в виде правового нигилизма и правового идеализма, юридическая наука и постоянное усложнение содержащихся в ней знаний, специализация

обычаев, судебных прецедентов, договоров, доктрины как источников права и др.;

3) отражает особый уровень постоянства системы законодательства в течение определенного периода времени (или непостоянства в нормативноправовой материи в случае дисбаланса).

2. Предлагается решение вопроса о соотношении понятий «баланс» и «устойчивость» (стабильность) в системе законодательства, в которой равновесие есть результат сбалансированности двух пар – специализации и унификации законодательства, а также тенденций по обеспечению стабильности его внутреннего содержания и структуры и одновременно адаптивности (изменчивости) по отношению к внешней среде. Равновесие системы законодательства – это и есть в первую очередь баланс между указанными парами противоположных процессов, позволяющий обеспечивать ее функционирование и развитие. Неравновесность системы нормативных правовых актов, наоборот, выражается в состоянии дисбаланса между тенденциями законодательства к устойчивости и изменчивости, между его специализацией и унификацией, что в определенной степени тормозит развитие нормативно-правовой материи. В связи с этим равновесие и баланс представляются относительными, так же как и их противоположности – неравновесность, дисбаланс. Фиксация одной из тенденций (состояний, процессов) в качестве доминирующей противоположности возможна лишь на конкретный отрезок времени в ходе мысленной «остановки» движения системы. Именно данное обстоятельство побуждает трактовать баланс и дисбаланс законодательства как динамичные процессы, а не застывшие моменты, явления в его развитии.

3. Обосновывается необходимость совместного рассмотрения ряда диалектически противоположных явлений, сопровождающих процесс функционирования и развития российского законодательства: его устойчивости (стабильности) и изменчивости (нестабильности), сбалансированности и разбалансированности нормативно-правовой материи, специализации и унификации нормативно-правовых актов. При этом указанные три категориальные пары в развитии системы законодательства отражают различные его стороны. «Устойчивость» и «изменчивость» как

понятийные средства призваны продемонстрировать в теории временной параметр, цикличность его трансформации, а также показать скорость подобных изменений по отношению к другим государственно-управленческим, политическим, социально-экономическим и иным процессам.

Понятия «баланс» и «дисбаланс» выполняют иную теоретико-методологическую функцию, направляют исследование по пути раскрытия системного равновесия или неравновесия, согласованности или рассогласованности подсистем и элементов системы законодательства. Изучение состояний сбалансированности и разбалансированности нормативно – правового материала позволяет раскрыть качественную сторону структуры и содержания законодательства. В данном случае не столько важен временной фактор, сколько необходимо уяснить действительный уровень системности законодательства в зависимости от действующих на него различных внутренних и внешних факторов, влияющих на его трансформацию.

Категории «унификация» и «специализация» раскрывают в первую очередь технологическую сторону осуществления процессов сбалансированности и разбалансированности, стабильности и неустойчивости законодательства. К примеру, унификация законодательства, с технико-юридической точки зрения, служит объясняющей моделью для отражения в мышлении процесса достижения системного единства нормативно-правового материала, обретения им надлежащего уровня стабильности. Без рассмотрения средств унификации законодательства в виде кодификации, выработки общей юридической терминологии, формирования общих нормативных предписаний, общеправовых и отраслевых принципов невозможно теоретическое осмысление юридической технологии установления состояния баланса и стабильности в нормативно – правовой системе.

4. Проводится разграничение категорий «дисбаланс» и «дефект» применительно к исследованию системы законодательства. Сходство между дефектом и дисбалансом в законодательстве наблюдается лишь в отношении отдельного изъяна и фрагментарного вида разбалансированности в нормативном правовом акте. Иные более сложные типы дисбаланса законодательства

(функциональный, системный, предметный, иерархический и другие) могут соотноситься с дефектами нормативно-правового материала как целое и часть.

Критикуется имеющая место в юридической литературе позиция, согласно которой всей системе законодательства приписывается свойство дефектности. В данном случае обосновывается необходимость оперирования категорией системного дисбаланса законодательства, отражающей такую степень его разбалансированности, при которой рассогласование, противоречия и диспропорции пронизывают значительную и (или) центральную часть системы нормативных правовых актов. Однако в состоянии длительного системного дисбаланса законодательство существовать и функционировать не может. Оно достаточно быстро сменяется либо коренной «ломкой» всей нормативной базы, либо поступательной трансформацией ее отдельных частей.

5. Констатируется наличие прямой связи между избыточностью юридической информации в негативном ее понимании и процессом разбалансированности в законодательстве, где одно есть форма и часть проявления другого. Обосновывается необходимость недопущения ситуации перерастания полноты изложения воли законодателя в тексте нормативного правового акта в избыточное дублирование его положений, что в итоге может привести к смысловой, информационной разбалансированности законодательства. Таким образом, проблема дисбаланса законодательства может рассматриваться и в информационном аспекте с опорой на знания общей теории информации.

Предлагается трактовать принципы правовой экономии, правовой соразмерности (пропорциональности) в качестве необходимых условий (требований) формирования и поддержания баланса в законодательстве и в механизме правового регулирования в целом.

6. Доказывается, что одной из типичных форм законодательного дисбаланса выступает расхождение целей и средств в правовом регулировании, которое условно обозначается как «дисбаланс-несогласованность». Другую форму дисбаланса образует модель «дисбаланс-неравнозначность», которая применима к нарушениям баланса в законодательном закреплении попарно,

диалектически взаимосвязанных юридических инструментов. Чаще всего такого рода дисбаланс характерен для «взаимоотношений» парных средств права: дозволений и запретов, прав и обязанностей, стимулов и ограничений, поощрений и наказаний.

7. Устанавливается закономерность, согласно которой законодательный дисбаланс также проявляется и в несоразмерности плотности правового регулирования на различных участках общественных отношений. Законодательный дисбаланс подразделяется на положительный и отрицательный, имеет две противоположные формы своего проявления – пробелы в законодательстве (отрицательный дисбаланс) и юридическая инфляция, или избыточное законодательное урегулирование (положительный дисбаланс).

Юридическая инфляция определяется как одна из форм выражения законодательного дисбаланса в отношении несоразмерности плотности правового регулирования в различных областях социальной сферы и включает в себя такие дефекты законодательства, как коллизии, избыточность нормативно-правовых предписаний, излишняя множественность самих нормативных правовых актов, чрезмерная их специализация.

8. Дается авторское определение законодательного дисбаланса в качестве объективно обусловленного уровнем и условиями общественного развития, имманентно присущего законодательству динамичного процесса, выражающегося либо в несогласованности, несоответствии образующих его структуру и содержание элементов (подсистем), либо в неравновесии, неравнозначности используемых им средств, а также в диспропорции между тенденциями законодательства к устойчивости и стремлением к изменчивости, специализацией и унификацией нормативно-правовой материи, что в совокупности при достижении им критических значений неравновесия в законодательстве создает препятствия в правовом регулировании общественных отношений и существенно снижает потенциал поступательного развития всей правовой системы.

9. Обобщаются знания о сущности и природе горизонтальных уровней законодательного дисбаланса. В частности, отраслевой (внутриотраслевой) законодательный дисбаланс предпола-

ет структурные нарушения внутри одной отдельно взятой отрасли, связанные с неравномерностью развития составляющих ее институтов, противоречия между конкретными нормами. Межотраслевой законодательный дисбаланс – это горизонтальный дисбаланс более высокого уровня, когда несоразмерность, дисгармония, пробелы и прямые противоречия затрагивает одновременно несколько отраслей законодательства. Доказывается наличие связи двух подвидов горизонтального дисбаланса (отраслевого и межотраслевого), прежде всего, в том плане, что отраслевой дисбаланс в определенных случаях имеет неуклонную тенденцию перерасти в межотраслевой дисбаланс, катализировать его, усугублять и усложнять.

10. Предлагается ряд мер по обеспечению сбалансированности системы права и системы законодательства:

совершенствование средств юридической техники по проведению более точных работ в сфере специализации и унификации законодательства, техники его кодификации;

устранение излишней дискуссионности по вопросам соотношения и взаимосвязи структуры системы права и системы законодательства, решение вопроса о критериях деления системы права и системы законодательства на отрасли;

минимизация негативного субъективного влияния со стороны участников правотворческого процесса на итоговый результат в виде системы законодательства, низведение дисбаланса частных и публичных интересов в праве и законодательстве до некритичных уровней;

становление учения о юридической конструкции в качестве полноправной теории в юриспруденции, что будет содействовать гармонизации понимания системы права и системы законодательства в науке, а использование ее на практике позволит обеспечить технико-юридическое согласование структуры права и структуры законодательства.

11. Аргументируется утверждение о том, что в вертикальном срезе законодательства отношения между элементами столь же сложны и неоднозначны, как и в горизонтальном. В отличие от последнего существенной характеристикой вертикального строения системы законодательства является субординация элементов

системы. Выделение в системе современного российского законодательства по вертикали не двух, а трех уровней в наибольшей степени соответствует практике правового регулирования, организации и функционирования системы. Речь идет о федеральном законодательстве, законодательстве субъектов Федерации и подсистеме муниципальных нормативно-правовых актов. В дополнение к этому вертикальное строение системы современного российского законодательства имеет как бы два среза, которые условно определяются как внешне-каркасный и внутренне-ранговый. Первый связан с различными уровнями публичной власти, разделением компетенции между ними на основе принципа федерализма.

Второй – отражает расположение элементов каждого уровня в зависимости от их основного свойства – юридической силы, а также единство принципов построения всех уровней.

12. Устанавливаются дефекты, связанные с определением и законодательным отражением предметов ведения и полномочий различных уровней государственной власти в Российской Федерации, использования разного рода правовых оснований их закрепления и разграничения в отношении субъектов (договорное разграничение), выступающих в качестве одного из системообразующих критериев формирования системы законодательства по вертикали, что приводит в итоге к дисбалансу законодательства, проявляющегося в следующих формах:

поглощении сфер правового регулирования, потенциально могущих быть отнесенными к полномочиям субъектов Федерации;

ограничении законотворческой инициативы субъектов, влекущем определенный количественный дисбаланс между актами Федерации и актами субъектов Федерации;

правовой инфляции и «опережающем» правотворчестве; отсутствии унификации форм актов в различных субъектах РФ; прямых коллизиях между предписаниями трех уровней законодательства по вертикали – федеральном, региональном и муниципальном.

13. Выявляется ряд общих закономерностей в детерминации дисбаланса российского законодательства ввиду его сложного

иерархического строения, что порождает дисбаланс системы актов местного уровня с подсистемами двух его первых уровней: федерального и регионального. Наблюдается удвоение дисбаланса в системе законодательства в отношении актов местного самоуправления. Вертикальный дисбаланс в этом случае дифференцируется на дисбаланс системы актов органов местного самоуправления с системой федеральных актов и дисбаланс системы актов органов местного самоуправления с системой регионального законодательства.

Указывается на две основные причины дисбаланса в подсистеме муниципальных актов: отсутствие четкого законодательного определения статуса нормативного правового акта в системе муниципальных актов и устоявшейся практики его применения в качестве средства регулирования общественных отношений (как нормативного или как индивидуального); отсутствие надлежащего разграничения компетенции представительных и исполнительных органов местного самоуправления, влекущее разные подходы к определению форм актов, регламентирующих одни и те же отношения в различных муниципальных образованиях.

14. В правовой системе определяются следующие типы дисбаланса: дисбаланс в системе источников права; дисбаланс правовых и неправовых методов регулирования (дисбаланс между правом и моралью); дисбаланс между действующими в обществе правовыми нормами и его правосознанием; дисбаланс между законодательством и юридической практикой. Дисбаланс в законодательстве неизбежно порождает дисбаланс в правоприменительной практике, выражающийся в следующем:

неопределенности, расплывчатости формулировок текста закона, создающих возможности его неоднозначного толкования и применения (в том числе и для различного рода злоупотреблений);

громоздкости, сложности законодательных конструкций, большом количестве отсылочных и бланкетных норм, усложняющих процесс правоприменения;

несогласованности норм одной отрасли, регулирующих определенную сферу общественных отношений, с нормами других отраслей, под действие которых они (отношения) также подпа-

дают;

отсутствии в тексте закона правореализационных механизмов, создающем проблемы в его претворении в жизнь.

15. Доказывается, что устранение законодательного дисбаланса (посредством правотворчества) возможно далеко не во всех случаях либо возможно, но не одновременно, поэтому в противодействии негативным проявлениям законодательного дисбаланса немаловажную роль играют акты высших судебных инстанций: постановления Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ. Посредством принимаемых актов суды во многом устраняют либо нивелируют просчеты законодателя, смягчают его подчас негативное нормативное воздействие на социальные процессы.

Делается вывод, что среди всех высших судебных инстанций именно Конституционный Суд РФ способен сыграть наиболее важную роль в вопросах законодательного дисбаланса. Его акты не только направлены на преодоление дисбаланса, что носит временный характер, но и опосредованно «задают старт» дальнейшему устранению законодательного дисбаланса на том или ином участке правового регулирования. Благодаря постановлениям Конституционного Суда РФ достигается и поддерживается баланс внутри самой системы актов высших судебных инстанций. Это выражается в том, что постановления Конституционного Суда РФ используются в правоприменительной деятельности в качестве правовых оснований при принятии судебных актов.

16. Утверждается, что существенными факторами усиления дисбаланса международного права и российского законодательства становятся: отдельные проявления процесса глобализации; стремление ряда стран Западной Европы и США сохранить доминирующие позиции на международной арене посредством игнорирования прав и интересов других государств; распространение международного терроризма и отсутствие согласия в противодействии ему у ряда ведущих мировых держав.

Дисбаланс международного права и системы национального законодательства, как правило, выражается в следующих формах или в их комбинации:

несоблюдении международными организациями и государствами общепринятых принципов международного права;

коллизиях национального законодательства или его части с международными стандартами;

противоречиях между внутригосударственным правом и актами межгосударственных объединений;

принятии внутригосударственных нормативных правовых актов вопреки нормам международного права;

расхождении между нормами международного права, международных договоров и официальным нормативным толкованием предписаний национального законодательства;

игнорировании критерия конституционности в ходе заключения и введения в действие новых международных договоров;

коллизиях между межгосударственными, межправительственными, межведомственными и федеративными договорами;

отсутствии нормативных правовых актов в национальном законодательстве, предусматривающих механизм исполнения международных обязательств и конкретизирующих их.

17. Определяется комплекс инструментов обеспечения гармоничного взаимодействия международного права и национальной системы законодательства, предотвращения возникновения критических форм дисбаланса между ними:

строгое соблюдение принципов добросовестного исполнения международных обязательств, равноправия государств и универсальности, недопустимости произвольного одностороннего отказа от выполнения международных обязательств и злоупотребления правом;

установление совокупности гарантий обеспечения суверенитета государства и национальных интересов;

повышение эффективности процедур имплементации, ратификации международного договора, посредством которых он вводится в силу и исполняется на территории Российской Федерации;

совершенствование конституционного механизма разрешения коллизий между международным и национальным правом;

до вступления международного договора в силу для России своевременное обращение компетентного органа в Конституци-

онный Суд РФ с просьбой проверить положения договора с позиции соответствия его Конституции РФ;

формирование правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам коллизий международного права и российского законодательства;

создание специальных межведомственных рабочих групп по проведению работ по унификации и имплементации норм международного права в российское законодательство;

унификация терминологии международного права и национальной системы законодательства;

совершенствование института применения норм иностранного права на территории Российской Федерации;

своевременное принятие для реализации несоисполнимых международных договоров соответствующих внутригосударственных нормативных правовых актов, в том числе конкретизирующих;

разрешение коллизий между межгосударственными, межправительственными и межведомственными договорами Российской Федерации;

систематизация и расширение технико-юридических мер по совершенствованию порядка подготовки проектов нормативных правовых актов в целях исключения их дисбаланса с актами международного права;

развитие института экспертизы проектов международных договоров на этапах инициирования, апробации, проверки обоснованности в качестве меры превенции возможного дисбаланса;

разработка института недействительности международного договора в случае его противоречия общепризнанным принципам и нормам международного права;

формирование долгосрочной стратегии достижения баланса международного права и российского законодательства в рамках международной договорной политики России;

в случае присоединения Российской Федерации к уже действующему многостороннему международному договору привидение национального законодательства в соответствие с данным договором до выражения согласия на его обязательность или одновременно с ним;

закрепление в учредительных документах региональных международных организаций юридического статуса принимаемых документов в целях предотвращения дисбаланса между ними и иными международными договорами, а также с национальным законодательством;

установление баланса между использованием метода унификации законодательства в форме модельного регулирования (модельных законов) и иными средствами гармонизации международного и национального права в сфере экономических отношений в рамках СНГ и Евразийского экономического союза;

систематизация коллизионных норм как в международном, так и в национальном законодательстве.

Яковлев Константин Леонидович
Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской Империи в дореформенный период (1802–1861 гг.)

Дата защиты – 21 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный консультант	Малыгин Александр Яковлевич
Оппоненты	Лукьянов Сергей Александрович, Немытина Марина Викторовна, Петренко Николай Иванович
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» Диссертационный совет Д 203.002.06 на базе ФГКОУ ВПО «Академия управления
Место защиты	Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно является первым монографическим историко-правовым исследованием, в котором проводится всесторонний анализ государственно-правового статуса Министерства внутренних дел Российской империи, дается характеристика его места и роли в государственном механизме, исследуются основные направления его деятельности, не только как карательного органа, но и как центрального органа отраслевого управления, осуществлявшего широчайший круг функций, связанных с обеспечением жизнедеятельности государства и общества.

До начала 1990-х гг. изучение государственного аппарата дореволюционной России было затруднено существовавшими в стране цензурными и идеологическими ограничениями, в рамках которых требовалась критическая (как правило, негативная) оценка как правительственной политики в целом, так и деятельности отдельных правительственных учреждений и должностных лиц. В связи с чем в деятельности Министерства внутренних дел в первую очередь рассматривались его карательные (классовые) функции, то есть функции центрального органа по управлению полицией и местами лишения свободы, подавлению прогрессивного движения. Общесоциальные функции министерства подчас даже не упоминались.

Эти функции всегда рассматривались как второстепенные, хотя исполнение многих из них было возложено на местную полицию. В тех же работах, прежде всего дореволюционных авторов, где все же говорилось об этой стороне деятельности министерства, исследования носили описательный характер и в них отсутствовал правовой анализ.

Элемент новизны состоит также в том, что в процессе исследования проведен кропотливый анализ значительного количества архивных материалов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, а также и старых печатных источников, отражающих историю становления и развития Министерства внутренних дел и иных государственных органов. Они позволяют проследить тесную взаимосвязь между карательными и общесоциальными функциями министерства.

Научная новизна диссертационного исследования состоит также в том, что вопросы темы рассматриваются с учетом последних достижений историкоправовой науки, в результате всестороннего изучения исторических и историко – правовых источников, позволяющих провести комплексное исследование государственно-правового статуса Министерства внутренних дел.

Положения выносимые на защиту:

1. Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел представляет собой совокупность нормативно закрепленных прав, обязанностей, принципов организации и деятельности данного ведомства, а также механизма ответственности. В структуре государственно-правового статуса Министерства внутренних дел как органа центрального отраслевого управления можно выделить три блока элементов: системный, организационно-структурный и функционально-компетентный.

2. Принципы организации и деятельности Министерства внутренних дел Российской империи – это коренные начала, идеи и закономерности, лежащие в основе организационного построения и функционирования министерства, как закрепленные в нормативных актах, так и выделяемые в результате научного анализа. На основе проведенного исследования можно выделить следующие принципы: законности, системности, единоначалия, иерархичности, специализации и разделения власти, осведомленности о деятельности подчиненных подразделений, подконтрольности Сенату, делегирования полномочий сверху вниз, функциональности.

3. В условиях обостряющегося кризиса феодальной системы в первой половине XIX в., создание Министерства внутренних дел Российской империи, как и других министерств, было вызвано объективной потребностью приспособить государственный аппарат абсолютной монархии к новым историческим условиям (характеризующимся бурным развитием капиталистических отношений при сохранении крепостной зависимости значительной части населения страны), и повысить уровень централизации государственного управления, специализации различных звеньев государственного механизма, дифференциации выполнявшихся ими функций. Переход к новой модели управления сопровождал-

ся многочисленными реформами центральных и местных государственных органов и занял продолжительный отрезок времени.

4. Становление Министерства внутренних дел (определение организационной структуры, создание нормативно-правовой базы) в основном завершилось к середине 20-х годов XIX в. Дальнейшие преобразования частного характера осуществлялись в связи с возникновением или изменением общественных отношений, которые требовали совершенствования органов отраслевого управления. Общий консерватизм внутренней политики императора Николая I, обусловил неизменность организационной структуры основных звеньев государственного аппарата, включая и Министерство внутренних дел. Лишь во второй половине 50-х годов XIX в. начинается процесс изменения структуры министерства, вызванный подготовкой к проведению «Великих реформ».

5. Кадровая политика Министерства внутренних дел была ориентирована на решение многих проблемы, характерных для рассматриваемого периода, в том числе сложность и противоречивость взаимодействия центральных и местных органов, дефицит опытных и грамотных сотрудников, текучесть кадров, недостаточное финансирование, слабое материально-техническое обеспечение и др. Усилиями Министерства внутренних дел к середине XIX в. удалось: 1) ввести единые принципы комплектования личного состава различных государственных органов и учреждений, в том числе городской и сельской полиции; 2) перейти в комплектовании полицейских должностей от выборности дворянством к комплектованию по вольному найму от правительства; 3) установить образовательные цензы для занятия различных должностей в учреждениях системы МВД; 4) упорядочить систему назначения пенсий и иных социальных гарантий для чиновников министерства и подведомственных ему мест; 5) провести унификацию форменного обмундирования чиновников ведомства.

6. В первой половине XIX в. эволюция системы местного управления Российской империи характеризуется рядом общих тенденций. С одной стороны, централизация власти в руках губернаторов, которая в свою очередь приводила к расширению участия Министерства внутренних дел в управлении на местах,

так как контроль практически за всеми сторонами местной жизни проходил через это ведомство и губернаторов как его представителей на местах. С другой стороны, это проводимые правительством попытки децентрализации управления через органы общественного, пока еще строго сословного, самоуправления. Однако эти попытки были безуспешными, так как половинчатость преобразований и жесткий административный контроль над этими учреждениями со стороны губернской администрации снижали и без того низкую активность сословных представителей.

7. Некоторые из возложенных на Министерство внутренних дел в момент его создания обязанности по развитию промышленности, сельского хозяйства, строительству и благоустройству населенных пунктов империи по мере развития отраслевой специализации в системе государственного управления стали передаваться вновь создаваемым или уже существующим самостоятельным ведомствам. При этом обеспечение населения продовольствием сохранялось в ведении министерства до начала пореформенного периода, когда вопросы продовольственной безопасности перешли в компетенцию земских органов, но остались под контролем МВД.

8. В своей деятельности по развитию системы здравоохранения Министерство внутренних дел сочетало профилактические и санитарные мероприятия, важную роль в осуществлении которых играла местная полиция. В исследуемый период стараниями министерства была несколько сокращена нехватка врачей в империи и в этой области наметились положительные сдвиги, как в развитии медицинской науки, так и в распространении практических навыков обеспечения санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий среди населения.

9. Создание Министерства внутренних дел как центрального органа по управлению полицией на первоначальном этапе не повлияло на ее повседневную деятельность. С момента образования основное внимание министерства было сосредоточено на совершенствовании организационно-штатной структуры местных полицейских органов. Лишь с 30-х годов XIX в., в условиях централизации и унификации государственного аппарата, под руководством министерства разрабатываются нормативные акты, ре-

гламентирующие основные направления деятельности полиции, начинается осуществляться учет и анализ состояния преступности в стране.

10. Взаимодействие Министерства внутренних дел с другими государственными органами по обеспечению внутренней безопасности государства характеризовалось отсутствием четкого разграничения функциональных обязанностей различных министерств в этой сфере деятельности. Нормативные акты, определявшие конкретные задачи, стоявшие перед ведомствами по поддержанию «тишины и порядка», предусматривали координацию их усилий в различных организационных формах, таких, как деятельность комитетов и комиссий, «письменные отношения», совместное патрулирование, «этапирование и окарауливание».

11. Деятельность Министерства внутренних дел в пенитенциарной сфере в исследуемый период была направлена на гуманизацию тюремной политики через улучшение условий содержания лиц, находящихся в различных видах мест заключения Российской империи, воспитательно-исправительное воздействие, приобщение заключенных к труду и получению профессий, профилактические усилия, образовательную работу и религиозное воспитание, а также на подготовку законодательной базы для совершенствования пенитенциарной системы в целом, с учетом отечественного и зарубежного опыта. Осуществление данной работы не всегда носило последовательный характер и достигало намеченных целей. На нее оказывали определенное влияние экономическая и политическая ситуации в стране, личностные качества императоров и министров. Тем не менее, к концу рассматриваемого периода она привела к определенным положительным результатам.

12. В конкретно-исторических условиях первой половины XIX в. Министерство внутренних дел выступало в качестве оптимального инструмента, позволявшего сочетать интересы экономического развития страны (внедрение капиталистических начал в сельском хозяйстве, промышленности и торговле) и интересы сохранения существующего строя (предотвращение социальных катаклизмов путем регулирования цен, оказания помощи неимущим, регулирования отношений работников и работода-

лей), широко используя в этих целях административные меры.

Защиты кандидатских диссертаций

Самарин Алексей Алексеевич
Экстерриториальное действие права
Дата защиты – 30 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»
Научный руководитель	Баранов Владимир Михайлович
Оппоненты	Оксамытный Виталий Васильевич, Тенилова Татьяна Львовна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» Диссертационный совет Д 203.009.01 при
Место защиты	ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научная новизна диссертационного исследования **заключается в следующем:**

- дано определение экстерриториального действия права, указаны его основные теоретико-методологические параметры в различных концепциях правопонимания;
- установлены основные типологические характеристики различных форм экстерриториального действия права, предложена их видовая характеристика;
- выявлены основные технико-юридические характеристики экстерриториального действия права, определены проблемные области применения иностранного права, установлен механизм, узловые компоненты и средства применения иностранного права;
- выделены главные тенденции в развитии новых форм и

проявлений экстерриториальности права в условиях глобализации, определены признаки и направления трансформации правового пространства и территориальной юрисдикции государств под влиянием технологических и глобализационных процессов в политике, экономике, культуре Российского государства и международного сообщества;

- сформулированы приоритетные направления развития различных видов экстерриториального действия права в условиях российского федерализма, выявлены особенности внутрисоциальной экстерриториальности права.

Теоретическая и практическая значимость работы. Предпринятый в диссертации теоретико-методологический анализ экстерриториальности права позволит осуществить разработку новых технологий правовой политики, скорректировать и оптимизировать курс модернизационных правотворческих реформ правовой системы; прогнозировать и использовать в национальных интересах процессы, протекающие в различных сферах международной жизни и правовой глобализации. Материалы исследования могут выступать в качестве вспомогательных источников по теории государства и права, социологии права, антропологии права, этнологии права, философии права, конституционному праву России и зарубежных стран.

Методология и методы диссертационного исследования. Теоретико-методологической основой диссертационного исследования наряду с общенаучными методами системно-структурного, концептуального, парадигмального анализа служат принципы и методы технико-юридического познания права, социологии права, философии права, теории правовой политики. Для рассмотрения различных аспектов экстерриториальности в праве использовались методы сравнительного правоведения, подходы и методы юридической антропологии и этнологии. За основу изучения механизма экстерриториального действия права взят широкий подход к праву, учтены методологические разработки герменевтической философии права, коммуникативного подхода к праву, исторической школы права, социологического правопонимания. Автор исходил из того, что экстерриториальность права – комплексная категория, «открывающая» целый по-

нятийный ряд: экстерриториальность права может и должна быть изучена в качестве особого правового института; специального юридического механизма; самобытного правового режима; оригинальной формы реализации юридических норм; канала продвижения правовых и иных социальных ценностей; средства передачи юридических инноваций; метода обеспечения государственного суверенитета; технико-юридического инструмента «расширения» правового пространства. Межпарадигмальный, плюралистичный подход, являющийся максимально широким и предельно абстрактным в рамках избранного предмета общетеоретического анализа, позволил охватить собой основные проблемы функционирования этого высокоценного юридического феномена. Экстерриториальное действие юридических норм образуют «ядро», «стержень» этих проблем, решить которые позволил системный подход, интегрирующий логико-гносеологический, герменевтический, социологический, психологический, культурологический и иной методологический материал. Речь идет не о механическом, а о творческом соединении методов разных типов правопонимания.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Экстерриториальное действие права в узком смысле следует понимать как признание в качестве юридически значимых нормативных велений, юридических фактов, правоотношений, статусов, нотариальных документов, судебных решений, возникших и принятых на территории иного государства, либо на территории иного субъекта Федерации, административно-территориальной единицы внутри одного и того же государства. В широком смысле экстерриториальное действие права может пониматься как отсутствие связи между правовым установлением (нормативным актом, договором, прецедентом) и территорией их действия. Экстерриториальное действие правовых норм представляет собой элемент экстерриториальной юрисдикции государства.

2. В контексте юридического позитивизма экстерриториальное действие права следует рассматривать как распространение юридической силы нормативных актов и правоприменительных решений за пределы территории государства, их принявшие-

го, а также иных территориальных образований, обладающих нормоустановительной компетенцией. В социолого-правовой реальности экстерриториальное действие права раскрывается с позиции взаимосвязи между юридической силой источников права и территорией проживания социальных групп, их признающих. В парадигме естественного права экстерриториальность права означает признание за правовыми нормами универсального объективного действия независимо от государственных или иных территориальных пределов.

3. Экстерриториальное действие права, имеющего государственное происхождение, делится на виды: экстерриториальное действие отдельных юридических норм; правоприменительное признание субъективных прав; правоприменительное признание документов и результатов нотариального правоприменения – доверенностей, выданных за границей; экстерриториальное действие личного закона физических и юридических лиц; экстерриториальность правоприменительных решений иностранных судов. При этом следует различать экстерриториальное признание иностранных судебных решений и их исполнение, а также признание иностранного права и его применение. Признание права – это пассивная позиция со стороны принимающего государства в плане одобрения правового статуса иностранного лица (точнее, субъективных прав, возникших под действием иностранного права), в то время как применение иностранного права – это активная деятельность правоприменительных органов по разрешению каких-либо вопросов на основе норм иностранного права.

4. Экстерриториальное действие внутригосударственного права отличается от экстерриториального действия иностранного права тем, что применение иностранного закона является исключением, установленным международными нормами и допустимым внутригосударственным правом, а признание экстерриториальной юридической силы нормативных актов отдельных субъектов внутри государства является правилом. Нормативные акты, изданные Федеральным центром (даже если адресатом являются отдельные территории), обязательны для всего государства, всех субъектов Федерации. Особым видом экстерриториальности внутригосударственного права является экстерриториальность

юридической практики, прежде всего, нотариальной и адвокатской.

5. В силу не связанности с территорией государства значительной спецификой отличается экстерриториальное действие негосударственных форм права: канонического, обычного, корпоративного, теневого. Экстерриториальный характер права свойственен и сетевой государственности, когда возрастает роль негосударственных субъектов организации общественных связей и отношений и их все более возрастающее участие в процессах социального управления, сотрудничество в формировании публичной политики ведет к росту значения негосударственного нормирования общественных отношений.

6. Экстерриториальное действие права является, с одной стороны, элементом правового суверенитета, с другой стороны – его ограничителем. С помощью универсальных свойств естественного права осуществляется попытка изменить понятие «суверенитет» как в целях гуманитарного характера (права человека), так и в целях финансово-правового контроля. Между тем для государственного суверенитета крайне важен принцип иммунитета от иностранной юрисдикции, который предполагает на государственной территории, на международной территории, где государству принадлежат суверенные права, а также международной территории (открытое море и космическое пространство), где государство осуществляет свою юрисдикцию применительно к аппаратам, зарегистрированным под его флагом, действие исключительно норм права данного государства.

7. Территория действия права не всегда совпадает с территорией государства. Во-первых, отдельные нормативные акты и нормы могут иметь законодательно закрепленный экстерриториальный статус, то есть распространять свое действие за пределы государственной территории. Во-вторых, закон может распространяться на всю территорию государства, не выходя за ее пределы, нормативно определяя абсолютное ограничение экстерриториальности акта. В-третьих, нормативный акт может иметь относительно ограниченный экстерриториальный статус, о чем, как правило, делается оговорка в тексте нормативного акта. В-четвертых, правовые нормы могут иметь в качестве пределов

действия территориальные границы иных государств – данный тип экстерриториальности закона следует считать смежно-территориальным. В-пятых, некоторые законы государства могут быть экстерриториальными не в силу придания им такого статуса законодательной властью, а в связи с тем, что иностранные государства могут придавать им такую юридическую силу, при этом такие ситуации могут быть как определенными в законе, так и не предусмотренными им.

8. Экстерриториальность права формирует юридическое пространство государства, которое представляет собой социолого-правовое, а не политикогеографическое явление. Правовое пространство государства находится под влиянием юридических норм не только национальных, но и трансграничных, наднациональных, а также под воздействием надтерриториальных правовых систем. Правовое пространство государства – это не только нормативные акты, действующие на территории государства, но и сетевые взаимозависимости государств, транснациональных корпораций, торгово-экономических и иных союзов от международного правопорядка, договорных обязательств, норм корпоративного права, правовых ценностей и принципов, которым следует государство как в ходе своего исторического развития, так и в целях гуманитарного и экономического сотрудничества.

9. Основная сложность в ходе применения иностранного права заключается в отсутствии у правоприменителя господствующего в этом иностранном государстве стиля юридического мышления и правосознания, что мешает достижению главной цели: применить иностранное право так, как оно применяется у себя на родине. Механизм применения иностранного права предполагает обязанность суда обратиться к официальному толкованию норм иностранного права; изучить правовую доктрину иностранного государства, юридическую практику – заключения высших органов судебной власти; учитывать не только статутное, но и прецедентное право стран англосаксонской системы.

10. В условиях правовой глобализации суверенные права государства уменьшаются, а нормотворческие полномочия негосударственных субъектов увеличиваются, что приводит к росту объема экстерриториальной юрисдикции, так как связь террито-

рии и права осуществляется именно государством. В современном мире экстерриториальная юрисдикция – это еще и юридические нормы надгосударственного, транснационального значения. Государства стали вступать в коммерческие отношения с транснациональными корпорациями, что привело к появлению транснационального права. В условиях глобализации экстерриториальность стала еще и характеристикой новых негосударственных видов правового регулирования: государственный суверенитет не распространяется на информационные сети, а киберпространство представляет собой некое вненациональное саморегулирующееся сообщество пользователей. Поэтому неизбежным является дальнейший рост негосударственного и, соответственно, экстерриториального регулирования в сфере электронной коммерции.

11. Внутри государства вопросы экстерриториального действия права связаны особенностями интерлокального правового взаимодействия различных территориальных единиц: во-первых, право другого региона основано на общем конституционном законодательстве, общих правовых принципах и является основанным на едином ценностном фундаменте, поэтому отказать в применении такого права судья из другого региона, ссылаясь на публичный порядок, как это возможно в случае применения иностранного права, не может; во-вторых, применение иностранного права является исключением из правила, а применение права другого региона внутри государства в том или ином случае является нормой; исполнение решений иностранного суда также является исключением из правила, а решение любого суда имеет юридическую силу на всей территории государства, учредившего данный суд; в затруднительной ситуации есть возможность обратиться в высшие судебные органы для преодоления коллизии.

12. Дальнейший рост и усиление этнокультурной идентичности разных народов России неизбежен ввиду глобализации, что создает в перспективе предпосылки правового плюрализма федеративного типа и позволит сохранить целостность государства. В случае отхода от конфликтогенного национально-территориального деления в России возникнет необходимость внедрять экстерриториальный правовой федерализм на основе национальнокультурных автономий экстерриториального типа.

Касьянов Александр Викторович
Особенности организационно-правового обеспечения
деятельности полиции Российской Империи в годы
Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Дата защиты – 31 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный руководитель	Борисов Александр Владимирович
Оппоненты	Туманова Анастасия Сергеевна, Лукьянов Сергей Александрович
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова» Диссертационный совет Д 203.002.06 при ФГКОУ ВПО «Академия управления
Место защиты	Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем на основе анализа широкого круга источников осуществлено комплексное изучение особенностей организационно-правового обеспечения деятельности полиции в годы Первой мировой войны.

В диссертации показаны особенности участия полиции в организации мобилизационных мероприятий и проведении эвакуации, решении продовольственного вопроса. Проведен историко-правовой анализ изменений законодательства, определяющего деятельность полиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Первой мировой войны. Кроме того, в диссертации анализируются нормативно-правовые акты, принятые в целях повышения эффективности деятельности полиции в условиях военного времени. Изучено взаимодействие полиции с органами государственного управления в сфере обеспечения безопасности Российской империи. Полученные результаты расши-

ряют имеющиеся в науке истории государства и права, в том числе таком ее направлении как история органов внутренних дел знания о деятельности органов государственного управления, полиции Российской империи в годы Первой мировой войны.

Научную новизну диссертационного исследования дополняют положения, выносимые защиту.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Накануне Первой мировой войны организация и деятельность полиции Российской империи нуждались в реформировании, так как они не соответствовали изменившимся после революции 1905-1907 гг. социальнополитическим условиям. Деятельность Министерства внутренних дел в 1906-1916 гг. по подготовке полицейской реформы не привела к выработке ее завершеного проекта. Отдельные намеченные Министерством внутренних дел меры по реорганизации полиции не были реализованы, поскольку не получили должной поддержки в Государственной Думе и необходимого финансирования.

2. Участие Российской империи в войне вызвало необходимость реорганизации и создания новых органов государственного управления. Так, были созданы Особые совещания по важнейшим направлениям экономической деятельности государства, главным из которых стало Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Представители Министерства внутренних дел Российской империи не вошли в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства и не присутствовали на его заседаниях при рассмотрении вопросов, связанных с обеспечением общественного порядка в тылу. Это приводило к тому, что некоторые решения Особого совещания не учитывали возможностей местных органов управления, полиции в их реализации.

3. Первая мировая война обусловила появление у полиции новых обязанностей по массовой эвакуации населения и имущества государственных учреждений, организации жизни населения на освобожденных и занятых Российской императорской армией территориях, борьбе со спекуляцией и вражеской разведкой. Расширение обязанностей полиции не сопровождалось существенными организационными изменениями, что негативно отра-

зилось на выполнении полицией основных функций по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

4. В условиях патриотического подъема в первые месяцы участия в войне в Российской империи наблюдалось снижение уровня преступности, но уже к 1915 г. он начал существенно повышаться. Это вызвало необходимость увеличения штата чинов полиции, осуществлявших борьбу с преступностью, наделения их дополнительными полномочиями, однако этого в достаточной мере не произошло.

5. Широкая компетенция в сфере обеспечения общественного порядка, которой была наделена полиция до начала Первой мировой войны, не позволяла ей эффективно осуществлять эти обязанности в условиях военного времени. С началом войны власть в губерниях, находившихся в районе театра военных действий и в ближнем тылу, переходила к военному командованию. Многие проблемы взаимодействия военного командования и гражданских властей не были нормативно урегулированы. Это затрудняло деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по обеспечению общественного порядка и безопасности на данных территориях.

6. Ухудшение криминогенной обстановки, появление новых видов преступлений и других правонарушений, рост протестных настроений обусловили необходимость расширения функций и задач, поставленных перед полицией. Однако отсутствие должных мер, направленных на создание достаточных условий, содействующих успешному выполнению возложенных задач, привело к тому, что полиция оказалась не способна противостоять росту массовых беспорядков, дезорганизации общественно-политической жизни.

7. С началом мобилизации в Российской империи актуализировалась борьба со шпионажем, осуществление которой, в основном, было возложено на Контрразведывательное отделение Главного управления Генерального штаба, Контрразведывательное отделение при Морском министерстве, Отдельный Корпус пограничной стражи. В то же время эти функции выполняли полиция и жандармерия. Во время Первой мировой войны предпринимались попытки образования единого контрразведыватель-

ного органа под руководством либо Министерства внутренних дел, либо Военного министерства, однако осуществлены они не были. Отсутствие единого контрразведывательного органа, а также трудности в организации работы существующих контрразведывательных органов, вызванные межведомственными противоречиями по поводу руководства контрразведывательной деятельностью, не позволили организовать эффективную борьбу со шпионажем в годы войны. Межведомственные разногласия не только снижали эффективность контрразведывательной деятельности, но и приводили к дезорганизации работы органов государственного управления, в том числе полиции, что было одним из проявлений кризиса государственной власти.

Тохидлу Гасем Абдоллах

Становление и развитие законодательства о выборах в представительные органы Таджикистана (1917 – 2015 гг.)

Дата защиты – 1 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	Институт философии, политологии и права им. А. Баховадинова АН Республики Таджикистан
Научный руководитель	Тахиров Фазыл Тахирович
Оппоненты	Мулукаев Роланд Сергеевич, Шодиев Исматулло Рахматуллоевич
Ведущая организация	ГОУ-ВПО «Институт государственного управления при Президенте Республики Таджикистан» Диссертационный совет ДМ 737.004.08 при Таджикском национальном университете, Институте философии, политологии и права им.
Место защиты	А. М. Баховадинова Академии наук Республики Таджикистан, МОУ ВПО «Российско-Таджикский (славянский) университет»

Научная новизна диссертационного исследования заключается, прежде всего, в том, что в нем впервые с позиций историко-теоретико-сравнительно-правового методов и подходов осуществляется комплексное монографическое исследование законодательного обеспечения и развития выборов в ПОГВ РТ.

Кроме того, элементы научной новизны содержатся в постановке вопросов и подходах к исследованию, а также в характере использованных источников, значительная часть которых также впервые вводится в научный оборот.

Также несколько методов законодательства ИРИ связанные с выборам Собрания исламского совета с материалами Конституции и Закона о выборах ИРИ связанные с работой были сравнены в научный оборот во второй главе в сжатом виде.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Законодательство Таджикистана о выборах в представительные органы в процессе своего становления и развития прошло четыре неравномерных, противоречивых, но находящихся друг с другом в преемственной связи, этапов. Первый этап охватывает с 1918 по 1935 г., когда, главным образом, происходило формирование представительных органов государственной власти в Таджикской ССР как системы и законодательства об этих органах. Юридическое оформление первого этапа было завершено на основе Конституции ТаджССР 1931 г., принятой в новой редакции в 1935 г. Второй этап ознаменовался формированием единой советской представительной системы – Советов депутатов трудящихся и новой системы выборов на основе Конституции Тадж ССР 1937 г., которая, как избирательная и представительная система, почти без изменений функционировала более 40 лет. Третий этап ознаменовался превращением представительной и избирательной систем в единую систему Советов народных депутатов как политическую основу государства, с конституционализацией коммунистической партии как «руководящей и направляющей силы», получив свое юридическое оформление в Конституции ТаджССР 1978 г. На этом этапе, охватывающем период до 1994 г., постепенно началась демократизация и расширение избирательной системы и публичной власти, с постепенным разграничением представительной системы государственной власти

(ПОГВ) и представительных органов местного самоуправления (ПОМС), в совокупности составляющих конструкцию

представительных органов публичной власти (ПОПВ). Четвертый этап приходится на период принятия и реализации Конституции РТ от 6 ноября 1994 г., которая юридически закрепила наличие самостоятельных ПОГВ и ПОМС, с формированием законодательства о них, которое продолжается в настоящее время.

2. На первом этапе произошла институционализация представительной системы как советской власти; на втором этапе – институционализация института выборов в представительные органы государственной власти (ПОГВ) как правового института, без выделения из этого института местного самоуправления; на третьем этапе произошло постепенное выделение института местного самоуправления из системы ПОГВ, и на четвертом этапе произошла институционализация представительных органов местного самоуправления (ПОМС), и ныне происходит формирование законодательства о ПОМС как правового института.

3. Каждый из отмеченных этапов развития законодательства о выборах в представительные органы имел свою существенную специфику и закономерности. На первом этапе это было сохранение ограничений по социально-классовому признаку и ряд других отступлений от демократических принципов избирательного права, которые детерминировались закономерностями развития правовой системы ТаджССР. На втором этапе вводилось всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании, что не могло существенно не изменить социально-классовую основу системы ПОГВ, и советская избирательная система в Таджикистане сформировалась как результат именно выборов в ПОГВ. На третьем этапе поиск путей и противоречивость развития законодательства о выборах в ПОГВ и реальных общественных отношений в сфере представительных органов РТ создали предпосылки и основу законодательства о выборах ПОГВ и ПОМС, которое несло в себе заряд как советской, так и постсоветской избирательной системы. На четвертом этапе наиболее приоритетное развитие получило законодательство о выборах Президента РТ, уже оформившись как институт права, и происходит институционализация законодательства о выборах в

ПОМС.

4. Опыт показывает, что практика выборов в ПОГВ закономерно отставала от развития законодательства об этих органах, одновременно оказывая обратное влияние, направленное на его совершенствование. Так, законодательство о выборах в представительные органы на первом этапе сформировалось в 1918 – 1937 гг., а практика его реализации стала возможной в Таджикистане только в 1925 – 1939 гг., т.е. советская избирательная система в Таджикистане как результат выборов в ПОГВ сформировалась окончательно к 1939 г., и, по существу, без изменений, функционировала до второй половины 80-х гг. XX в.

5. Особенностью развития законодательства о выборах в ПОГВ в условиях независимой РТ заключается в том, что не признававшееся в условиях советской действительности понятие «местное самоуправление» вошло в систему представительных органов публичной власти (ПОПВ) как самостоятельный институт представительных органов местного самоуправления (ПОМС), т.е. в условиях постсоветского развития законодательство о ПОМС значительно отстает от созревших общественных отношений и складывающейся системы ПОМС.

6. В современных условиях развития законодательства о представительных органах как государственной власти, так и местного самоуправления, на приоритетное место вышли уже законодательно сформулированные принципы избирательного права, которые обладают в новых условиях не только свойствами основных начал, руководящих норм, универсальностью, но и высшей императивностью (обязательностью) и общезначимостью. Только в современных условиях принципы избирательного права выросли до уровня системы, для которой характерно наличие особых связей, отражающих роль и значение отдельных правовых начал для формирования и развития не только избирательной системы, но и всей правовой системы РТ.

7. Законодательству РТ о выборах в представительные органы присущи и определенные тенденции, прежде всего, конституционализация и усложнение механизмов обеспечения принципа народовластия. Другая тенденция – структурная институционализация самой избирательной системы. Не менее важная тен-

денция – возрастание роли и необходимости систематизации избирательного права и законодательства, главным образом в форме кодификации. В связи с этим возникает насущная потребность и необходимость разработки Избирательного кодекса РТ, который должен выступить основным фактором дальнейшей специализации избирательного права на уровне комплексной подотрасли, а затем и отрасли права.

8. В современных условиях развития Республики Таджикистан, наряду с трансформацией всей её политической системы, стоит острая задача трансформации избирательной системы. Институт выборов в ПОГВ в Таджикистане уже сегодня приобрел статус субинститута права. Кроме того, практика показывает, что выбор и переход к пропорциональной системе в выборах в ПОГВ в значительной мере позволят преодолеть преобладание специфического кланового принципа в условиях таджикской действительности.

9. Основные проблемы и противоречия развития законодательства о выборах в представительные органы связаны с низким уровнем культуры не только избирателей, но и других субъектов избирательного процесса (избирательных комиссий, политических партий, СМИ), а еще более – с отсутствием конструктивного диалога между ними в процессе избирательных кампаний. В этих условиях разработка правовых механизмов социального партнерства, заключения политических договоров взаимной ответственности между ними является эффективным и стабильным залогом развития как законодательства, так и, в особенности, практики его реализации.

Панов Олег Александрович

Идея «правовой личности» в российском политико-правовом пространстве (теоретико-правовое исследование)

Дата защиты – 4 апреля 2016 г.

Место
выполнения
работы

ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»

Научный руководитель	Напалкова Ирина Георгиевна
Оппоненты	Груздев Владислав Владимирович, Макеев Василий Васильевич
Ведущая организация	ФГКОУ «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Место защиты	Диссертационный совет Д 504.001.10 при ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Научная новизна диссертации заключается в выработке нового подхода к пониманию правовой личности на основе общей теории правового положения человека, личности, гражданина; в установлении закономерностей функционирования правовой личности в российском и мировом правовых пространствах на основе сравнительно-исторического, генетического и структурно-функционального подходов.

Автором предложена целостная концепция правовой личности как особого субъекта общественно-полезного юридического действия в условиях генезиса в правовом пространстве России;

На защиту выносятся следующие положения и выводы, представляющие собой основные научные результаты проведенного исследования, обладающие элементами научной новизны:

В диссертации обосновывается идея о том, что перед современной юридической наукой стоит задача определения действенных методов и средств, обеспечивающих ее выход на путь расширенного и углубленного изучения объективной реальности, государственно-правовых механизмов и процессов, идеалов и ценностей правового государства посредством определения новых концептуальных подходов, обеспечивающих свободное развитие научных юридических знаний в современных условиях. В этой связи для теории государства и права и всей российской юридической науки представляется весьма важным утверждение той концептуальной основы, которая способна не только продвигать новые научные знания, внедрять их в повседневную практи-

ку, но и обеспечить преемственность в развитии юридического знания.

При этом расширение сферы применения различных подходов в исследовании понятия «личность» – инструментального (анализ правовых средств обеспечения правового положения человека в государстве), аксиологического (позиционирующего ценностные характеристики человека), системноструктурного (раскрывающего элементы правового статуса личности), «деятельностного» (рассматривающего личность в качестве субъекта социальноправового действия через природу юридической деятельности) и других, которые вполне эффективно продвигаются отечественными учеными-правоведами, и которые представляют собой как продуктивные, так и перспективные способы познания, позволяющие вполне результативно взаимодействовать с другими методологическими системами и обеспечивать всестороннее исследование личности.

В настоящем исследовании задача конкретизируется через призму юридического ракурса научного знания в области актуализации личностного подхода в современной юриспруденции, которому диссертант отдает предпочтение, полагая, что среди многообразия методологических ориентиров именно этот подход более всего отвечает современным реалиям и способен формировать объективные оценки всей палитры правовых связей, возникающих между конкретным человеком и государством, оптимизируя ценностно-правовые ориентации россиян соответственно перспективам развития российского общества и российской правовой системы.

Формирующееся в отечественной юридической науке новые методологические ориентиры обеспечивают соответственно и новую концептуализацию идеи «правовая личность», исходя из преемственности дореволюционной юридической науки и современного юридического знания, что позволяет проследить динамику трансформации правовых интересов и ценностноправовых ориентаций россиян в современных условиях.

Данный подход вполне отчетливо обнаруживает себя при оценке современного состояния юридической науки и является основанием для поиска и выбора соответствующих специфических средств и оценочного отношения к праву с точки зрения

складывающихся в российском государстве и обществе правовых реалий. Он отражает прогресс современного юридического научного знания и, как представляется, ближе всего продвигает нас к основной целевой установке настоящего диссертационного исследования – научно-теоретическому обоснованию идеи правовой личности.

Автор утверждает, что научно-теоретическое обоснование личностно-ориентированного подхода в современном юридическом знании позволяет актуализировать концептуальные основы проблемы взаимоотношения органов власти и личности в современном правовом пространстве России, определить как общие контуры и ориентиры данного соотношения, так и основополагающие векторы новационной методологии научного исследования. Это будет способствовать наиболее приемлемому восприятию имеющих место трансформационных процессов, с позиции выявления основных приоритетов личности перед государством и обществом, путем признания приоритета прав и свобод человека во всех сферах государственной и общественной жизни. Это обеспечит возможность формировать вполне конкретное содержание сравнительно нового в отечественной юридической науке подхода в оценке правовых явлений – личностно-ориентированного направления, которое было актуализировано и успешно развивается в российской юридической науке с конца 90-х годов прошлого столетия.

В рамках конкретизации личностного (или личностно-ориентированного подхода), который выразился в современной правовой науке в разработке проблематики взаимодействия личности с государством, обществом, ее самореализации в правовом пространстве и т.д., в современном юридическом знании была сформирована соответствующая парадигма, в которой на основе оттачивалась идея правовой личности как субъекта социально-правового действия с присущими ей особой системой правовых взглядов, ценностно-правовых установок и ориентаций, способностями и возможностями, раскрывающихся в действиях и поступках.

В настоящее время в процессе модернизации российского правовой системы представляется важным обратить внимание на исследование проблем, связанных с условиями формирования

правовой личности, феномен которой отражает особое состояние современного человека, и которая более всего способна проявить специфику его положения в конкретном правовом пространстве, посредством определения социально-правовых ориентиров, соответствующих вектору реализации принципов правового государства.

В диссертации утверждается, что развитие идеи правовой личности в отечественной юридической науке обусловлено поляризацией возникающих концепций и существенными различиями в осмыслении основного для нас понятия – «личность».

Отправная точка теоретических исследований личности и ее правового состояния в дореволюционном отечественном правоведении концентрировала исследовательский интерес не на индивидуальных особенностях человека и их проявлениях в юридической деятельности, а через анализ той социальной системы, в которую он включен, а так же тех социально-правовых функций и ролей, которые он выполняет. При этом определенные социальные роли были обусловлены не индивидуальными характеристиками, а детерминированы социальной структурой общества. Поэтому личность с точки зрения дореволюционного правоведения рассматривалась как сущностное качество человека, как проявление его индивидуальности.

Применительно к правовой сфере существования личности, в дореволюционной юриспруденции понятие «социального индивида» как воплощения определенного уровня социально-политической организации человека получает свое выражение в принципиально иных категориях – «гражданин», «субъект права» – в которых фиксируется на законодательной основе степень юридической связи конкретного человека с государством. Поэтому данная связь не просто характеризует фактическое социокультурное измерение феномена «личность», а более того, выражает устойчивый характер государственно-правовых отношений и степень задействованности в них конкретного человека (личности), так как эти отношения носят субъектно-объектный характер и их уровень и структура всецело определены государством в традиционных для него правовых формах и обусловлены складывающимися политическими и правовыми реалиями. Значение среды в формировании личности и ее правовых характеристик

через правосубъектные отношения разделялось в различной степени многими представителями дореволюционного правоведения (Н.Н. Алексеев, Ю.С. Гамбаров, Б.Н. Чичерин и др.)

Альтернативные концепции правовой личности были предложены Б.А. Кистяковским (идея правовой личности основывалась на особых правовых качествах и свойствах человека) и Л.И. Петражицким, вдвинувшими идею «интуитивного права», свойственного личности с высоким уровнем правового сознания и культуры.

В диссертации дополнительно обосновывается идея о том, что проблема правовой личности в юридической науке советского периода сводилась к понятию «личность советского человека» или «советская личность» как особый исключительный тип социальности, свойственный только социалистическому государству. Все попытки осмысления данного феномена в основном были сведены к ответам на вопрос: чем фактически является данный человек, каковыми должны быть пределы выбора им степени свободы и общественной ответственности.

Отправная точка большинства научно-теоретических исследований советского периода в сфере личности была акцентирована не на индивидуальных особенностях человека, и его личностных характеристиках, а на той социальной системе, в которую он входит, и на те функциональные роли, которые он должен в ней выполнять. Именно такой подход лежит в основе принципа социального детерминизма, который стал путеводной нитью всей массы научных и теоретических исследований советского периода в отношении личности и которым руководствовались авторы в исследованиях феномена «советского человека», «социалистической личности», наделяя ее целым рядом особых свойств и качеств, через которые она проецируется и гармонизируется с существующим социумом (коллективизм, духовность, патриотизм, героизм и т.п.).

Для понимания советского человека (личности) важнейшее значение имела интерпретация источниковых основ её генезиса, а также знание того, под воздействием каких принципиальных обстоятельств советский человек формировался как личность.

Автор диссертации считает, что современное состояние идеи правовой личности ассоциируется в основном с процессами гене-

зиса в правовом пространстве России институтов гражданского общества и правового государства. При этом в качестве системообразующих здесь выдвигаются такие оценочные критерии личности как свобода и достоинство, самостоятельность и самоуважение, правовая информированность и юридическая грамотность, правовая активность, умение защищать имеющиеся права и свободы и многое др.

В этой связи в качестве современных задач Российского государства и общества является создание надлежащих условий для формирования личности, обладающей активной жизненной позицией, в основе которой лежит осознание личностью своих прав и свобод, а также достоинства, свободы самовыражения и ответственности перед государством и обществом.

Трансформационные процессы, связанные с формированием в России правового государства и гражданского общества, в настоящее время не мыслятся без переоценки личностного отношения к праву и закону. Это находит свое выражение, прежде всего, в укреплении рыночных механизмов в жизнедеятельности российского общества, в демократизации всех сторон государственной и правовой жизни. В данных условиях существенным образом возрастает ценностная составляющая идеи правовой личности, которая воплощает в себе систему социокультурных ориентаций и правовых установок, направленных на активизацию правовой позиции, высокого уровня правовой культуры. При этом высокая активность в современных условиях всецело связан с уровнем и степенью участия личности в государственной и правовой жизни общества, а также от ее проявлений в той социально-правовой среде, в которой она формируется, и одновременно на которую она воздействует.

В диссертации обосновывается идея о том, что идея правовой личности с научно-теоретических позиций может быть рассмотрена как юридическая категория, то есть представлена на категориально-модельном уровне. Это позволит конкретизировать исследовательскую задачу посредством определения ее понятийной характеристики, оценки качеств и свойств, определяющих личность как правовую и конкретизировать механизм и оценить уровень ее самовыражения в праве.

Исходные основы концепции правовой личности следует определять через реализацию двух важных методологически принципов: принципа детерминизма и принципа системности, которые в своей системной обусловленности позволяют выявить категориальную характеристику правовой личности. Под правовой личностью следует понимать человека, обладающего комплексом правовых качеств и характеристик, должным уровнем правового мышления и сознания, высокой правовой культурой, способный конструктивно осуществлять преобразования социально-правовой действительности, и реализующий правовые связи через механизмы социально-правовой активности.

В качестве исходной основы для формирования концептуальной характеристики правовой личности в исследовании были определены ее такие правовые качества и свойства как: высокий уровень отражения социальноправовой действительности; высокий уровень правового мышления и сознания, а также правовой культуры; высокая степень восприятия правовой личностью своих личных, групповых и общественных потребностей и интересов, что служит хорошим стимулятором общественно-полезного поведения правовой личности; высокая степень осознанности личностью обязанностей перед собой, семьей, коллективом, различными общественными группами, социумом в целом; наконец, высокий уровень правовой активности, выражающийся в выборе правомерного и социально-активного поведения.

Автор уверен в том, что в современных условиях сущностные и ценностные свойства и качества личности могут проявляться через ее субъектные характеристики, в силу чего личность выступает, с одной стороны, как субъект социально-правового действия, а, с другой, как носитель реальных права и обязанностей, как выразитель правого интереса и правовых возможностей.

При этом ее статусные роли в современных условиях уже не могут ограничиваются узко проекционными рамками процесса ее самореализации. При этом механизм формирования правовой личности представляет собой совокупность правовых средств, а также форм и методов правовоспитательного воздействия, обуславливающих правовую социализацию личности, формирующих высокий уровень ее правосознания и правовой культуры и способствующих формированию правовых качеств сообразно кото-

рым личность проявляется в качестве правовой. Данный механизм складывается из двух системообразующих элементов. Первый элемент отражает социальную сторону данного механизма и связан с обоснованием социализационных процессов, обуславливающих формирование правовой личности. Второй элемент отражает юридическую составляющую и обуславливает формирование правовоспитательного процесса как важнейшего условия становления и развития правовой личности в современных условиях.

Царев Павел Алексеевич

Интеграция в мировую экономику как функция российского государства

Дата защиты – 5 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	НОУ ВПО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Научный руководитель	Карнаухов Сергей Сергеевич
Оппоненты	Исаков Владимир Борисович, Губанов Илья Андреевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» Диссертационный совет Д 504.001.10 при ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Место защиты	

Научная новизна исследования состоит в том, что автор одним из первых дал теоретико-правовое комплексное обоснование самостоятельности функции интеграции в мировую экономику современного российского государства, раскрыл государственно-правовую систему ее реализации, а также обобщил интересы российского государства в мировой экономике, показал связь целей, задач и функций российского государства вообще, целей, задач и

функции интеграции в мировую экономику современного российского государства – в особенности.

На защиту выносятся следующие положения и выводы, представляющие собой основные научные результаты проведенного исследования, обладающие элементами научной новизны:

1. В диссертации обосновывается операциональное определение интеграции в мировую экономику как функции современного российского государства как самостоятельного вида государственной деятельности, направленной на реализацию национальных экономических интересов в международных отношениях в условиях гомогенизации мировой экономической системы, связанной с реализацией задач российского государства для достижения цели формирования гражданского общества, создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека.

Автор дополнительно аргументирует позицию о том, что в формулировании конкретной цели российского государства проявляется его социальное назначение, для достижения которой объективно нужно решение конкретных задач, что обусловлено осуществлением соответствующих функций российского государства, включая и функцию интеграции в мировую экономику современного российского государства.

2. Автор предлагает рассматривать функцию интеграции в мировую экономику современного российского государства как состоящую из трех последовательных стадий. *Первая* – нахождение приоритетов развития национальной экономической системы в международном интеграционном процессе; *вторая* – определение системы мер, направленных на достижение поставленных целей развития национальной экономической системы; *третья* – создание механизма реализации намеченных мер.

Указанная позиция дополнительно аргументируется автором тем, что к функциям, вытекающим из природы любого общества, относятся все направления деятельности государства по поддержанию естественных условий существования этого общества, которые предполагают деятельность как внутреннюю, так и на межгосударственной основе. В условиях научнотехнической революции, принявшей глобальные масштабы, значение функций государства все более возрастает, а функции интеграции в миро-

вую экономику современного российского государства – в особенности.

3. В диссертации утверждается и обосновывается позиция о том, что в процессе глобализации происходит изменение значимости и роли некоторых функций национальных государств. Введение санкций против России в связи с событиями на Украине (конец 2014 – начало 2015 гг.) повлияли на значимость функции интеграции современного российского государства в мировую экономику. Экономическая безопасность российского государства во многом будет зависеть от взвешенной внешнеэкономической политики, обеспеченной грамотными политико-правовыми решениями и соответствующим нормативно-правовым обеспечением.

Стабильность социально-экономического и политико-правового развития современного российского государства зависит от того, насколько активна его позиция в процессе глобализации мирового сообщества. При этом деструктивная позиция ряда стран Евросоюза и США, нарушающая принципы международно-правовых отношений приводит к дестабилизации мирового порядка и снижению уровня межгосударственной интеграции во всех сферах жизнедеятельности.

4. Автор, развивая мнение Ю. А. Тихомирова о том, что генеральной тенденцией в развитии современных функций государства являются саморегулирование, начала самоорганизации и самостоятельности, делает вывод, что российскому государству на данном этапе присуща внешняя функция интеграции в мировую экономику. Он утверждает, что четкое определение политико-правовой стратегии государства позволяет поддерживать высокий уровень национальной безопасности в мировых интеграционных процессах. Основными тенденциями развития России в процессе глобализации является формирование устойчивой социально-экономической государственной политики, направленной на занятие лидирующей позиции в процессе реализации функции интеграции в мировую экономику современного российского государства.

5. В диссертации обосновывается структурная составляющая государственно-правовой системы по реализации функции интеграции в мировую экономику современного российского

государства, выделяются две подсистемы: государственно-правовой механизм и формы реализации функции, так как деятельность государства по реализации своих функций облекается в правовые формы: правотворческую; исполнительно-распорядительную; правоохранительную, что основано на принципе разделения властей.

6. Автор отстаивает позицию о том, что функция интеграции в мировую экономику современного российского государства реализуется посредством трехзвенного механизма. Первое звено составляют органы государственной власти. К таковым, прежде всего, относятся законодательные и исполнительные государственные органы. Второе звено составляют государственные учреждения и государственные предприятия, которые играют вспомогательную роль, обеспечивая интеграционные процессы. Третье звено образуют негосударственные объединения, которые связаны с государственными организациями и непосредственно участвуют в реализации функции интеграции в мировую экономику современного российского государства.

Смирнов Александр Павлович
Юридические средства защиты субъективных прав
Дата защиты – 7 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный руководитель	Кожевина Марина Анатольевна
Оппоненты	Минникес Илья Анисимович, Панченко Владислав Юрьевич
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» Диссертационный совет Д 999.008.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского»

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые осуществляется комплексное исследование юридических средств в механизме защиты субъективных прав. Проанализированы подходы к пониманию правовых (юридических) средств в отечественной юридической науке, выработано авторское определение понятия «юридические средства защиты субъективных прав», установлены критерии классификации, осуществлена видовая градация юридических средств защиты субъективных прав, раскрыто авторское понимание механизма защиты субъективных прав, показаны место и роль юридических средств в этом механизме, на основе выделенных критериев эффективности юридических средств защиты субъективных прав обоснованы методы повышения эффективности механизма защиты субъективных прав, выявлены особенности выбора юридических средств защиты субъективных прав в публичных и частных правоотношениях, показана специфика межотраслевой адаптации юридических средств защиты субъективных прав.

На защиту выносятся следующие положения, в которых нашла отражение научная новизна диссертации:

1. «Защита права» и «правовая защита» – нетождественные юридические категории. Защита права, осуществляемая самим субъектом, чьи права нарушены или оспорены, либо государственными органами (должностными лицами), представляет совокупность юридических и неюридических (политических, экономических, социальных, идеологических, культурных и иных) средств, направленных на пресечение правонарушений, восстановление нарушенных или оспоренных прав либо компенсацию за утраченное право. Правовая защита субъективных прав, в отличие от защиты права, есть совокупность только юридических средств защиты, используемых управомоченными субъектами для пресечения нарушения субъективных прав, их восстановления либо компенсации за нарушенное или утраченное право. Такой подход позволяет отграничить понятия «охрана права» и «защита права» и выделить юридические средства защиты субъективных прав в качестве основного элемента механизма защиты субъективных прав.

2. Юридические средства защиты субъективных прав необходимо рассматривать в связи с концептом «юридические сред-

ства». Они обладают специфическими признаками, характеризующими процесс защиты субъективных прав. Это есть институциональные правовые явления (установления и деяния), направленные на защиту субъективных прав путем пресечения правонарушений, восстановления нарушенных прав либо компенсации за нарушенное или утраченное право.

3. Юридические средства составляют основу механизма защиты субъективных прав и направлены на урегулирование общественных отношений, возникших в результате нарушения субъективного права. Многообразие правоотношений такого рода обуславливает специфику классификации юридических средств защиты, которую можно осуществить по следующим основаниям:

1) характеру правового воздействия: юридические средства, пресекающие нарушение права; юридические средства, восстанавливающие нарушенное право; юридические средства, компенсирующие нарушение права;

2) виду субъекта защиты: юридические средства защиты субъективных прав физических лиц; юридические средства защиты субъективных прав юридических лиц;

3) характеру и назначению нормы права: материальные и процессуальные;

4) объекту защиты: юридические средства защиты вещных прав, в том числе права собственности; юридические средства защиты обязательственных прав и т. д.

4. Совокупность юридических средств, сформированная для защиты субъективных прав, представляет определенный механизм, направленный на реализацию охранительной функции права. Юридическая конструкция механизма защиты субъективных прав является отдельной частью механизма правового регулирования общественных отношений, действующего в рамках определенного алгоритма и нацеленного на эффективную защиту субъективных прав.

5. Оценку эффективности действия юридического средства защиты субъективного права следует интерпретировать в контексте эффективности правовой нормы, правового регулирования и правового воздействия, эффективности права в целом. В связи с этим важно ввести в научный оборот и определить понятие «кри-

терий эффективности». Критерий эффективности юридического средства защиты субъективного права включает качественные и количественные показатели эффективности, указывающие на результативность юридического средства защиты.

6. Результативность использования различных юридических средств защиты субъективных прав как в публичных, так и в частных правоотношениях зависит от выполнения обязательных требований, к которым относятся: точно сформулированная, достижимая цель (цели) защиты; соблюдение баланса интересов между конфликтующими сторонами; доступность и реализуемость юридического средства для субъекта, чьи права нарушены или оспорены; оперативность реагирования на любые нарушения субъективных прав; финансовая необременительность для субъектов конфликта; учет правового статуса субъекта, чьи права нарушены или оспорены; экономия средств.

Специальные требования связаны с отраслевой принадлежностью юридических средств защиты субъективных прав.

7. Защита субъективных прав в публичных правоотношениях обеспечивается нормами права, в которых четко определяются права и обязанности субъектов публичного правоотношения; гарантии и презумпции для «слабой» стороны; устанавливается ответственность государственных органов и должностных лиц за нарушения субъективных публичных прав юридических и физических лиц; признается самозащита субъективных прав в качестве наиболее оперативного юридического средства защиты; закрепляется порядок осуществления действенного государственного и общественного надзора за соблюдением прав в публичных правоотношениях.

Учитывая неравнозначность правового положения сторон конфликта в публичных правоотношениях, юридические средства должны обеспечивать в первую очередь защиту субъективных прав «слабой стороны».

8. Защита субъективных прав в частных правоотношениях обеспечивается корректным установлением прав и обязанностей субъектов частного правоотношения; юридическим закреплением внесудебных средств защиты субъективных частных прав, таких как самозащита и медиация; определением пределов гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности за

злоупотребление правом в частных правоотношениях; совершенствованием исполнительного производства.

9. Эффективную защиту субъективных прав может обеспечить только комплексный подход к формированию совокупности юридических средств на основе межотраслевых связей, что предполагает межотраслевую адаптацию юридических средств защиты субъективных прав. Межотраслевая адаптация юридических средств защиты субъективных прав есть способ вовлечения юридических средств защиты субъективных прав одной отрасли права в правовое поле другой отрасли права. Чем выше уровень адаптации и консолидации юридических средств, тем эффективнее адаптированное юридическое средство защиты, тем выше степень эффективности механизма защиты субъективных прав.

Токмин Сергей Алексеевич

Партийные акты в системе источников советского права

Дата защиты – 7 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	НОУ ВПО «Сибирская академия права, экономики и управления»
Научный руководитель	Минникес Ирина Викторовна
Оппоненты	Кодан Сергей Владимирович, Морозова Людмила Александровна
Ведущая организация	ФБГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» Диссертационный совет Д 999.008.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского»

Научная новизна исследования В диссертации впервые в историкоюридической науке дан комплексный анализ роли партии в правотворческой деятельности советского государства; определена правовая природа партийных актов как источника советского права и их система.

На защиту выносятся следующие, содержащие новизну положения:

1. Коммунистическая партия в советском государстве переросла рамки общественной организации и обладала фактически не только идеологическими средствами воздействия, но и реальной властью, в том числе и законодательной.

2. Правотворческая роль коммунистической партии в советской политической системе связана с особым ее положением в государстве, которое сложилось в результате воздействия нескольких факторов: формирование однопартийной системы, сращивание партийного и государственного аппарата и примат партийной власти над властью государственной.

3. Участие коммунистической партии в правотворческой деятельности советского государства осуществляется в нескольких формах. Первая форма – это издание партийных актов как базы законодательных актов; вторая форма – участие партийных структур в процессе законотворчества; третья форма – это издание совместных партийно-правительственных актов; и четвертая форма – автономное правотворчество партийных органов.

Четвертая форма охватывает случаи самостоятельного издания партийей полноценных правовых норм, не предусматривающего участия государства.

Три первых формы так или иначе опосредованы государственной правотворческой деятельностью.

4. Партийные акты, содержащие предписания, которые и с точки зрения формы, и с точки зрения их содержания могут быть отнесены к нормам права, являются источниками права. Предлагается именовать такие акты «партийными нормативными правовыми актами».

5. Существеннейшее отличие норм партийных нормативных правовых актов от норм, содержащихся в нормативных правовых актах – это то, что они исходят не от государства. Особое положение коммунистической партии как центрального субъекта политической системы советского общества, органически вросшего в государственный аппарат, предопределяло его статус как полноценного субъекта правотворчества и признание партийных актов источниками права.

6. Нормы партийных нормативных правовых актов обла-

дают всеми характерными признаками норм права – они представляют собой формальноопределенное правило общего характера, обязательное для исполнения, причем его исполнение гарантируется принудительной силой государства.

7. Партийные акты-носители норм права образуют иерархическую систему. Иерархия партийных нормативных правовых актов, не будучи формализованной документальными правовыми средствами, подвержена влиянию множества факторов: это политическая обстановка в стране, сила партийного лидера, обстоятельства разработки и принятия акта, его срочности и предполагаемого воздействия на государство, общество и международную сферу. Поэтому иерархическая система вариативна и следует говорить лишь о тенденциях и закономерностях ее построения, но никак не о строгих унифицированных правилах комплектации.

8. Партийные акты нормативного характера могут быть классифицированы по нескольким основаниям:

- по субъектам правотворчества – на собственно партийные и совместные;
- по времени действия – на срочные и бессрочные;
- в зависимости от действия по кругу лиц – на общие, специальные и смешанные;
- по действию в пространстве – на общие, региональные, местные и смешанные;
- по кругу регулируемых отношений – на внешние и смешанные;
- по характеру норм, содержащихся в партийном акте, – на программные, конкретные и смешанные;
- в зависимости от предмета регулирования – на предметные (целевые) и многоцелевые;
- по механизму реализации – на самостоятельные и дублируемые.

9. Существует связь между формой партийного акта и наличием в нем норм права. Наиболее часто нормы права оформляются такими актами партии, как постановление, резолюция и директива. Обнаруженная закономерность еще не означает прямой зависимости между формой акта и отражением в нем правовой нормы. Эта неоднозначность существенно отличает партийные акты от нормативных правовых актов.

Холинова Мижгона Муборакшоевна
Эволюция института опеки и попечительства в истории
таджикского права

Дата защиты – 8 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан
Научный руководитель	Хамроев Шухрат Садиорович
Оппоненты	Ромашов Роман Анатольевич, Азизов Убайдулло Абдуллоевич
Ведущая организация	Таджикский государственный университет коммерции Диссертационный совет ДМ 737.004.08 на базе Таджикского национального университета, Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан, Межгосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российско-Таджикский (славянский) университет"
Место защиты	

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в юридической науке Республики Таджикистан была предпринята попытка комплексного исследования истории одной из разновидностей формы семейного устройства детей, лишенных родительской опеки, института опеки и попечительства, на основе системного анализа конкретно-исторических и формально-логических особенностей правового регулирования института опеки и попечительства и с целью усовершенствования его функционирования.

На защиту выносятся следующие основные положения, имеющие одновременно и научную новизну:

1) опека и попечительство как самостоятельный институт права – это одна из древнейших форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей; это специфическая сфера деятельности человека, ассоциирующего с понятием выбора формы

устройства и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей в родовом строе, когда сам этот опыт был еще сравнительно простым. Со временем опыт совершенствовался и в итоге возникли предпосылки для превращения опеки и попечительства в самостоятельный институт семейного права;

2) появление правовых норм и сопутствующих правоотношений по воспитанию и заботе детей – сирот, а также социально-производственные факторы развития общества придали огромный импульс в функционировании и совершенствовании института опеки и попечительства. Последний становится особым инструментом, обеспечивающим нормальное функционирование и удовлетворение социально-заботливых и полезных интересов, общественных потребностей по устройству и воспитанию детей-сирот;

3) нормы об опеке и попечительстве были зафиксированы в зороастрийской, мусульманской, советской и постсоветской правовых системах Таджикистана. При этом они занимали разное место и имели разное содержание, также предопределялось отличие принципов и задач данного института от других институтов семейного права;

4) в истории права Таджикистана способы и формы установления опеки над детьми преимущественно регулировались религиозными законами, обычаями и традициями. Светские законы в этой сфере стали применяться с образованием советского Таджикистана. Современное состояние этого института является лишь частичным итогом предшествующей эволюции права. В данном случае мы можем говорить о влиянии на его сложение закономерностей *авестийского, исламского, советского и постсоветского* периодов развития институтов опеки и попечительства в истории таджикского права;

5) огромное влияние на развитие институтов семейно-брачных отношений, а также создание социально-правового института опеки и попечительства оказало авестийское право. В эпоху зороастризма устройство и воспитание детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, либо установление опеки и попечительства над ними – это было осознанное проявление человеческого добра, своего рода трансмиссия понятия "добра" в семейно-брачных отношениях. И это вполне понятно, потому что

"Авеста" предписывала необходимость создания семьи, наличия в ней детей, и это расценивалось в зороастризме как порождение добра;

б) в мусульманском праве институт "ал-кафала" – "принятие сироты под свою опеку", считалось и считается весьма достойным поступком мусульманина, и это оговорено нормами мусульманского права. Здесь выделяются следующие наиболее важные, основополагающие принципы установления опеки: а) для заключения брака; опека устанавливается над несовершеннолетними, над умалишенными того или иного пола, а также для оказания помощи взрослой женщине в здравом рассудке, при заключении брачного договора; б) над несовершеннолетним в целях его воспитания; в) опека над имуществом несовершеннолетнего. Между опекой и попечительством разницы обычно не видели;

7) становление института опеки и попечительства на различных исторических этапах развития государства и права в значительной мере зависело от должного социально-нормативного регулирования. Достижениями в сфере нормативно-правового становления института опеки и попечительства в советском Таджикистане стало создание прочной правовой базы, которая ориентировала на одновременное выполнение трех взаимосвязанных функций: а) на законодательное закрепление и утверждение института опеки и попечительства на всем пространстве СССР; б) на создание условий и оказание содействия в решении задач устройства и воспитания детей, лишенных родительской опеки; в) на защиту прав несовершеннолетних (сирот, беспризорных) и недееспособных (правоспособные дети, слабоумные либо душевнобольные граждане), либо не полностью дееспособных лиц;

8) после приобретения государственной независимости в Таджикистане были предприняты целенаправленные шаги по реформированию семейного законодательства. В частности, были приняты ряд нормативно-правовых актов, отвечающих принципам и нормам международного стандарта по защите прав человека и положениям Конвенции о правах ребенка. Как конституционногарантированная форма устройства и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, Семейный Кодекс РТ закрепил больше других положений об организации и функциони-

ровании института опеки и попечительства. СК является более эффективным средством, способствующим гармоничной и справедливой реализации защиты прав детей, лишенных родительской опеки;

9) Гражданский и Семейный кодексы Республики Таджикистан не содержат нормы о возможности назначения нескольких опекунов одному лицу, или одного лица опекуном нескольких подопечных. В связи с этим мы предлагаем включить соответствующую статью в Гражданский кодекс или Семейный кодекс Республики Таджикистан. В целях качественного определения статуса предполагаемого опекуна и попечителя ввести в Семейный кодекс РТ отдельную статью под названием и с указанием статуса "Добросовестный (потенциальный) и недобросовестный опекун (попечитель)" осиротевших детей.

Саидов Хикматулло Хужаназарович
Формирование и развитие таможенного законодательства в советском и постсоветском Таджикистане: историко-правовое исследование

Дата защиты – 12 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	Таджикский национальный университет
Научный руководитель	Зоиров Джурахон Маджидович
Оппоненты	Ромашов Роман Анатольевич, Хайтов Сайдали Поргиевич
Ведущая организация	Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан Диссертационный совет ДМ 737.004.08 на базе Таджикского национального университета,
Место защиты	Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан, Межгосударственного образовательного учреждения высшего

профессионального образования "Российско-Таджикский (славянский) университет"

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что оно представляет собой первое диссертационное исследование развития таможенного законодательства Таджикистана в советский и постсоветский периоды в рамках комплексного историко-правового и теоретического анализа. В диссертации выявлены и проанализированы общие закономерности становления и развития таможенного законодательства советского и постсоветского Таджикистана на основе раскрытия предпосылок, исторических условий, хронологических рамок, тенденций его развития. В результате сформулирован ряд положений, выводов и рекомендаций по совершенствованию таможенного законодательства Республики Таджикистан.

Научная новизна диссертации подтверждается следующими **научными положениями**, которые выносятся на защиту:

1. Формирование и развитие таможенного законодательства на территории советского и постсоветского Таджикистана охватывает следующие этапы: 1) с образования Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Узбекской ССР в 1924 г. до её преобразования в 1929 г. в союзную республику – Таджикскую ССР; 2) с образования Таджикской ССР до 1991 г. – распада СССР; 3) с провозглашения Республики Таджикистан до принятия первого Таможенного кодекса 1992 г. и Конституции Республики Таджикистан 6 ноября 1994 г.; 4) с принятия Конституции Республики Таджикистан и второго Таможенного кодекса РТ от 4 ноября 1995 г.; 5) с принятия действующего Таможенного кодекса РТ от 3 декабря 2004 г. и вступления Республики Таджикистан во Всемирную таможенную организацию (1997 г.), Всемирную торговую организацию (2 марта 2013 г.) и присоединения к другим международным торгово-экономическим институтам.

2. В советский период таможенное регулирование осуществлялось в Таджикистане в рамках общесоюзного таможенного законодательства и, соответственно, при отсутствии собственного таможенного законодательства Таджикистана. В развитии советского общесоюзного таможенного законодательства

выделяются следующие этапы, отражающие основные тенденции и закономерности его развития: 1) формирование таможенного законодательства Советского государства с целью защиты экономических интересов страны, продовольственной безопасности, регулирования внешнеэкономической деятельности; 2) в 1930-е гг. таможенное регулирование подчиняется целям административно-командной системы управления экономикой страны, в том числе и во внешней торговле; 3) во время Великой Отечественной войны сужается сфера таможенного регулирования и подчиняется целям обороны государства; 4) после войны основными целями таможенного законодательства были содействие восстановлению народного хозяйства, развитие внешнеторговых связей со странами народной демократии, странами социалистического содружества, укрепление кадров; 5) в 60-е гг. определяются новые задачи таможенного законодательства в условиях мировой торговли, регулирования взаимоотношений в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ); 5) в 80-е гг. таможенное законодательство подчиняется целям развития отношений с развивающимися странами, потребностям разрешительно-запретительной системы, интересам экономической интеграции стран-членов СЭВ и Берлинского соглашения; 6) в конце 80-х гг. на развитие таможенного регулирования оказывают влияние либерализация внешней торговли, расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и организаций в сфере их свободной внешнеэкономической деятельности, международное разделение труда, усиление интеграционных процессов.

3. В составе СССР Таджикистан во внешнеэкономической деятельности строго руководствовался общесоюзными нормативными актами, которые определяли степень целесообразности выхода республики на внешний рынок. В этот период право заниматься внешнеэкономической деятельностью имел ограниченный круг предприятий, начался процесс развития приграничной торговли с Афганистаном, в 1987 г. создается Нижне-Пянджский оперативный отдел таможенного контроля, в 1989 г. – первая республиканская таможня. Решением вопросов в области регулирования внешнеэкономической деятельности в республике занималось Управление уполномоченного МВЭС СССР при Совете Министров Таджикской ССР, а осуществлением экспортно-

импортных поставок – Республиканское внешнеторговое объединение «Таджиквнешторг» и Экспортно-импортная контора Таджикпотребсоюза.

4. После обретения государственной независимости развитие таможенного законодательства Республики Таджикистан проходит следующие этапы: 1) формирование национального таможенного законодательства в рамках принятия первого Таможенного кодекса 1992 г. и иных нормативных правовых актов на фоне осложнения внутривнутриполитической ситуации, несвоевременного введения собственной валюты, тарифного и нетарифного регулирования, ограничений и запретов, нестабильности рыночной экономики (первая половина 90-х гг.); 2) после принятия второго Таможенного кодекса 1995 г. осуществляется реформа тарифной системы и таможенного дела, расширяются таможенные режимы, усиливается интеграция отечественной экономики в мировое хозяйство; 3) после принятия Таможенного кодекса 2004 г. начинается новый этап, на котором преодолеваются громоздкость таможенного законодательства, включавшего огромное количество подзаконных актов, недостатки технологии таможенного процесса, противоречия между нормами таможенного законодательства и нормами гражданского, административного и уголовного права.

5. Система таможенного законодательства представляет собой совокупность нормативных правовых актов, содержащих нормы права, регулирующие отношения при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу. Она включает следующие группы нормативных правовых актов: 1) Конституция Республики Таджикистан; 2) международные правовые акты, признанные Республикой Таджикистан; 3) Таможенный кодекс РТ и иные законы; 4) подзаконные акты, содержащие нормы таможенного законодательства, которые подразделяются на четыре подгруппы: а) указы Президента Республики Таджикистан; б) постановления Правительства; в) совместные акты таможенных органов и иных органов управления; г) нормативно-правовые акты Таможенной службы при Правительстве Республики Таджикистан.

6. Единственной универсальной характеристики международных договоров в сфере таможенного дела в науке не существует. В Конституции и Таможенном кодексе Республики Та-

Таджикистан используется термин «международно-правовые акты». Под понятием «международные правовые акты» признаются международные двусторонние, многосторонние, региональные и универсальные договоры Республики Таджикистан. Международно-правовые акты в сфере таможенного дела, участником которых является РТ, разделяются на три группы: универсальные, региональные и двусторонние.

7. Таможенное законодательство независимого Таджикистана в сфере внешнеэкономической деятельности в порядке правопреемства приняло за основу союзное таможенное законодательство. Это четко выявляется при сравнительно-правовом анализе Таможенного кодекса СССР 1991 г. и Таможенного кодекса Республики Таджикистан 1992 г. Таможенный Кодекс Республики Таджикистан 2004 г. по содержанию и структуре существенно отличается от таможенных кодексов республики, принятых в 1992 и 1995 гг. Несмотря на это, у них много общего, что свидетельствует о преемственности в развитии таможенного законодательства.

8. На современном этапе остро ощущается потребность в совершенствовании таможенного законодательства в силу следующих причин: отсутствие в Таможенном кодексе Республики Таджикистан положений в отношении защиты интеллектуальной собственности; отсутствие четких определений некоторых важных понятий; несбалансированность прав и обязанностей таможенных органов и участников внешнеэкономической деятельности; частые изменения в технологии таможенного процесса; несоответствие таможенного регулирования внешнеэкономической деятельности международной практике и правилам Всемирной торговой организации.

9. С целью совершенствования таможенного законодательства предлагается: объединить все субъекты таможенного права в отдельной главе общей части Таможенного кодекса РТ; ввести в ст. 10 Таможенного кодекса РТ определение понятия «таможенная территория» с целью преодоления разночтения понятия государственной границы; ввести в Таможенный кодекс определение понятия «таможенная процедура» в его разграничении от понятия таможенного режима с целью устранения пробелов в правоприменительной практике.

10. Вступление Республики Таджикистан в ВТО требует перехода на качественно новый уровень таможенно-тарифного регулирования внешнеторговых отношений посредством следующих мер: создание условий для успешной работы в Республике Таджикистан зарубежных инвесторов; координация и регулирование внешнеторговой деятельности участников ВЭД; совершенствование импортного таможенного тарифа; информационная поддержка при интеграции внутреннего и внешнего рынка; формирование прогрессивной структуры экспорта через создание системы государственной поддержки, включая страхование.

Юрчак Екатерина Валерьевна
Вина как общеправовой институт
Дата защиты – 13 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Кашанина Татьяна Васильевна
Оппоненты	Липинский Дмитрий Анатольевич, Цыбулевская Ольга Ивановна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» Диссертационный совет Д 212.123.02 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна исследования заключается в том, что работа представляет собой комплексное теоретическое исследование социально – правового института вины. Определена роль вины как необходимого атрибута правонарушения и юридической ответственности. Даны авторские понятия вины и виновности, применимые, в том числе, и к юридическим лицам. Проанализированы

основные элементы конструкции института вины. Детально исследовано влияние на вину и ее степень психологических особенностей личности и психического состояния лица в момент совершения деяния. В неразрывной связи со спецификой отраслей частного и публичного права показаны особенности института вины в различных сферах правового регулирования.

Положения, выносимые на защиту.

- В результате проведенного автором историко -правового анализа процесса возникновения, становления и развития института вины в праве, выявлено, что эволюция института вины обусловлена эволюцией принципа индивидуальной и виновной ответственности: с развитием общества медленно, но верно шел процесс автономизации личности и повышения ее значимости, что неизбежно вызвало переход от коллективной ответственности к индивидуальной, а, соответственно, пристальное и детальное исследование вины стало необходимым и обязательным условием наложения мер юридической ответственности.

Диссертантом выявлена стабильная тенденция эволюции института вины в праве: вина, бывшая в течение долгого времени признаком объективной стороны состава правонарушения и означавшая само противоправное деяние или причастность к его совершению, с развитием законодательства и теоретических взглядов о вине стала необходимым для привлечения к юридической ответственности элементом субъективной стороны состава правонарушения, а психическому отношению личности к своему общественно вредному деянию со временем придается все большее значение.

- Комплексное исследование социально-философских и психологических взглядов на понятие вины позволило диссертанту сделать следующие выводы:

1. Философской основой теории субъективной причины вины является вывод о свободе воли индивида, а понятие вины непосредственно связывается с внутренним состоянием человека и отношением его к совершенному проступку и ценностям общества, которым причиняется вред.

В связи с этим, вина в философии рассматривается как внутренний процесс и как отрицательное отношение личности к общественным ценностям, заслуживающее порицания.

2. В психологии вина понимается как психический процесс, вызванный совершением лицом любых действий, которые, по его мнению, нарушили социальный порядок. Протекание этого процесса связано с периодом, непосредственно следующим за совершением негативного деяния.

- В результате детального анализа доктринальных подходов к определению понятия вины и теоретических концепций вины юридического лица в праве, автор, рассматривая вину как психическое отношение лица к совершаемому им деянию, делает ряд принципиально важных для формулирования общеправового определения вины теоретических выводов:

1. В понятие вины необходимо включать осознание общественной вредности совершаемого деяния и его последствий, а не осознание их общественной опасности или противоправности, так как это, с одной стороны не допустит необоснованного его применения **лишь** к преступлениям, а с другой, сделает невозможным исключение вины при ссылке правонарушителя на незнание закона.

2. В определении понятия вины необходимо указание на то, что в психическом отношении лица к совершаемому общественно вредному деянию и его последствиям выражается отрицательное отношение лица к ценностям общества, так как данный признак отражает сущность вины и служит важнейшим критерием определения ее степени.

3. Так как воля организации производна от воли ее участников, вину юридического лица следует ставить в зависимость от вины физических лиц, имеющих право совершать юридически значимые действия от имени и в интересах юридического лица.

- Диссертант формулирует следующее общеправовое определение понятия вины:

Вина – это психическое отношение деликтоспособного физического лица или лица, уполномоченного на совершение юридически значимых действий от имени и в интересах юридического лица, к совершаемому им общественно вредному деянию и его последствиям, в котором проявляется его отрицательное субъективное отношение к ценностям общества.

- Проанализировав научные подходы к вопросу о разграничении понятий «вина» и «виновность», автор приходит к за-

ключению, что виновность – это доказанная с учетом всех обстоятельств совершения правонарушения и установленная вступившим в законную силу правоприменительным актом вина и формулирует следующее общеправовое определение понятия виновности:

Виновность – это установленное вступившим в законную силу правоприменительным актом психическое отношение деликтоспособного физического лица или лица, уполномоченного на совершение юридически значимых действий от имени и в интересах юридического лица к совершаемому им общественно вредному деянию и его последствиям, которому, с учетом всех обстоятельств совершения деяния, дана отрицательная оценка со стороны государства.

- Рассмотрение вины как одного из элементов субъективной стороны состава правонарушения, основания и принципа юридической ответственности и наказания позволило автору сделать заключение, что социально-правовой институт вины в праве выполняет следующие функции:

- является идеей, легитимирующей государственное принуждение и придающей карательной функции права справедливость и соразмерность;
- увеличивает значимость личности и исключает произвольное привлечение к юридической ответственности.

- Автором разработана теоретическая конструкция вины в праве: определены основные элементы вины (сущность, содержание, форма и степень) и связи между ними.

Диссертант определяет значение цели, мотивов и эмоционального состояния лица в момент совершения правонарушения в общетеоретической конструкции вины: мотив, цель и эмоциональное состояние лица в момент совершения правонарушения составляют психологическую и социальную основы вины, так как, с одной стороны, являются фоном протекания интеллектуальных и волевых процессов, тем самым, оказывая на них влияние, и, с другой стороны, показывают степень отрицательного отношения правонарушителя к ценностям общества, которым его деянием причиняется вред. Как следствие, цель и мотивы лица, наряду с интеллектуальным, волевым и эмоциональным компонентами содержания вины, являются критериями разграничения

форм и видов вины и оказывают непосредственное влияние на ее степень.

- Нахождение виновного лица в момент совершения правонарушения в состоянии физиологического аффекта и наличие у него психического расстройства, не исключающего вменяемости, не исключают вину лица, но уменьшают ее степень, и поэтому смягчают ответственность и меру наказания при привлечении физического лица к уголовной и административной ответственности, а в гражданском праве влияют на размер компенсации вреда. Определенные психологические особенности личности и нахождение лица в момент совершения правонарушения в состоянии алкогольного опьянения лица могут как уменьшать степень вины лица, так и увеличивать ее.

- Вина как межотраслевой институт входит во все отрасли российского права. Исследовав особенности вины в различных сферах правового регулирования (публичном и частном праве) диссертант доказал, что принцип ответственности только за виновные действия является общеправовым. Подходя к вопросу об учете вины как субъективного основания привлечения к юридической ответственности в частном праве с позиции необходимости различать меры защиты и меры частноправовой ответственности, диссертант отстаивает мнение, что привлечение к юридической ответственности без установления вины невозможно, а из процессуальной презумпции вины в частном праве не следует, что вина исключается из числа необходимых элементов состава правонарушения.

- Исходя из того, что специфика института вины в публичном и частном праве зависит от целей и механизма установления и применения мер юридической ответственности, а цели юридической ответственности, в свою очередь, от того, чьи интересы защищают соответствующие нормы права, диссертант выявил особенности института вины в отраслях публичного и частного права:

1) В различных сферах правового регулирования при определении понятия вины физического лица преобладает либо психологический подход (в публичном праве), либо оценочный (в частном праве), а при определении понятия вины юридического лица – либо психологический подход, либо поведенческий, соот-

ответственно. Признание юридических лиц субъектами уголовной ответственности и выработка нормативного определения понятия вины юридического лица в уголовном праве теоретически возможны только на основании психологического подхода.

2) В публичном праве форма вины, психическое и эмоциональное состояние лица в момент совершения правонарушения, мотив и цель совершения правонарушения оказывают непосредственное влияние на степень вины лица и учитываются при квалификации деяния и выборе меры ответственности. В частном праве их влияние на степень вины и меру ответственности минимально в силу компенсаторного характера частноправовой ответственности.

3) В публичном праве подробно разработан институт обстоятельств, исключающих вину лица в совершении правонарушения. В частном праве отсутствие вины освобождает от ответственности, а не исключает ее. Обстоятельства, освобождающие от ответственности, в частном праве чаще всего связаны либо с оценкой объективных доказательств, свидетельствующих о том, при соблюдении всех необходимых требований субъект не мог предотвратить правонарушение, либо с виновным поведением иных лиц.

Андрощук Виктор Владимирович
Преступления против религии по законодательству России
конца XIX – начала XX вв.
Дата защиты – 19 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Научный руководитель	Сафонов Александр Александрович
Оппоненты	Иванов Алексей Алексеевич, Пчелинцев Анатолий Васильевич
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И.

Место защиты Лобачевского»
Диссертационный совет Д 212.048.10 при
ФГАОУ ВПО «Национальный
исследовательский университет «Высшая школа
экономики»

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации впервые в историографии система преступлений против религии в российском законодательстве конца XIX – начала XX вв. изучается в тесной связи с проводимой государством вероисповедной политикой. В диссертационном исследовании рассмотрен весь комплекс нормативных правовых актов о религиозных преступлениях и правовом положении религиозных организаций, изданных в изучаемый период. Автором также выявлены и проанализированы законопроекты и предложения, исходившие от учёных-правоведов и государственных деятелей, не получивших силу закона, но оказавших значительное влияние на теоретико-правовую разработку проблемы.

Существенным вкладом в историко-правовую науку является проведение диссертантом исследования религиозных преступлений в Российской империи на основе большого массива архивных материалов, впервые введённых в научный оборот: судебно-следственных дел, делопроизводственных документов, справочно-статистических материалов. Анализ составов преступлений против религии осуществлён с учётом их историко-правового развития во взаимосвязи с социально-политической обстановкой в Российской империи и характером складывавшихся взаимоотношений государства и Православной церкви. Данный подход позволил определить место, которое система преступлений против религии занимала в российском законодательстве.

В диссертации отображена специфика правоприменительной практики органов государственной власти и дана оценка её эффективности, рассмотрены особенности судопроизводства по делам о религиозных преступлениях, не являвшегося ранее специальным предметом исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Религиозная свобода российских подданных была производной от проводимой государством национально-вероисповедной политики, которая, в свою очередь, определяла объём их гражданских и политических прав согласно конфессиональной принадлежности. Характер государственно-церковных отношений оказал непосредственное влияние на появление в российском законодательстве группы преступлений против религии. Православие, как основа русской народности, противопоставлялось иностранным верам, а уклонение российского подданного от православия считалось изменой государству и уголовно преследовалось.

2. Большинство уголовно-правовых составов было реципировано светским законодательством из церковных уставов древнерусского права. По мере развития государственно-церковных отношений изменялась сущность религиозных преступлений, а также объём и место, которые они занимали в российском законодательстве. Расширение вмешательства государства в дела Церкви в XVIII- XIX вв. привело к значительному сокращению юрисдикции духовного суда и передаче преобладающей части религиозных преступлений в компетенцию светской власти. Укрепление абсолютистского государства и формальное подчинение российскому императору всех религиозных общин на территории Российской империи послужило причиной окончательного перемещения системы преступлений против религии в уголовное законодательство.

3. К концу XIX в. российское уголовное законодательство претерпело ряд поэтапных модернизаций. Первый полноценный уголовный кодекс Российской империи – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, подверглось неоднократным редакционным изменениям, связанным с проводимыми в середине XIX в. экономическими, политическими и административно-судебными реформами. Несмотря на определённую либерализацию уголовно-правовых норм в конце XIX в., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. сохранило приверженность полицейскому типу охраны религии. Религия признавалась одним из важнейших устоев государства, а религиозные преступления приравнивались к преступлениям против прерогатив верховной (самодержавной)

власти.

4. В годы первой русской революции в Российской империи происходит переход от одного типа уголовно-правовой охраны религии (при котором государство поддерживало и охраняло интересы православия, одновременно ограничивая или запрещая другие религиозные учения) к другому типу, когда государство признало право российских подданных на религиозное самоопределение. Ограничения религиозной свободы были сохранены в интересах обеспечения общественной безопасности.

5. Следствием принятия Указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» стал пересмотр раздела Уголовного уложения 1903 г. о преступлениях против религии, во время которого были учтены как достижения европейской уголовно-правовой науки, так и потребности социально-экономического развития России. Перечень уголовно-правовых составов был значительно сокращён.

Преступления против религии стали рассматриваться как нарушение общественного порядка. Из числа уголовно-наказуемых деяний были полностью исключены составы, связанные с переходом из православия в другие христианские исповедания, а из христианства – в нехристианские религии. Однако в целом Уголовное уложение сохранило преимущественное положение Православной церкви перед инославными и иноверными исповеданиями.

6. Материалы судебно-следственных дел свидетельствуют о том, что российская судебная практика не выработала единого отношения к религиозным преступникам, чьим деяниям могла даваться неадекватная оценка, а их общественная опасность – преувеличиваться. В то же время российские суды были склонны демонстрировать снисходительность по отношению к лицам, обвинённым в совершении преступлений против религии, и назначать минимальный размер наказания с учётом установленных по делу смягчающих вину обстоятельств.

7. На основе данных судебной статистики установлено, что степень распространённости преступлений против религии зависела от места их совершения. Более высокие показатели религиозной преступности зафиксированы в сельской местности.

Уровень культуры и образования населения в столице и крупных городах, а также напряжённый темп жизни, являлись факторами, сдерживавшими распространение преступлений против религии. Религиозная преступность являлась противоположностью преступности политической, которая получила широкое распространение преимущественно в столицах и крупных городах. Политические преступники в большинстве своём были молоды, а совершавшие религиозные преступления лица находились в зрелом и даже пожилом возрасте. Среди религиозных преступников практически не было людей не только с высшим, но даже со средним образованием.

Скибина Ольга Алексеевна

Государственно-правовые взгляды М. А. Рейснера

Дата защиты – 21 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	АНО ВПО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
Научный руководитель	Сафонов Александр Александрович
Оппоненты	Працко Геннадий Святославович, Карсканова Светлана Викторовна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина» Диссертационный совет Д 999.044.03 на базе ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс»

Научная новизна работы заключается в том, что на основании выполненных соискателем исследований:

1. разработана научная концепция государственно-

правовых воззрений М.А. Рейснера, отражающая его вклад в развитие отечественной политикоправовой мысли;

2. предложена авторская периодизация эволюции научных взглядов М.А. Рейснера, выявлены их мировоззренческие и идейные истоки;

3. доказан вклад М.А. Рейснера в формирование и развитие ранней советской государственно-правовой мысли, который выражен его концепцией «нравственной личности» как основы правового государства; интерпретацией марксистской теории и учения Л.И. Петражицкого об интуитивном праве с точки зрения социально-психологического подхода; концепцией государства и права как идеологических форм; раскрытием сущности и содержания форм государства; оценкой ученым современного ему советского законодательства, государства и правовой системы;

4. введены в научный оборот предложенные М.А. Рейснером теоретикоправовые категории («нравственная личность», «идеологическая форма», «компромиссное (общее) право» и др.); в отношении самой правовой концепции М.А. Рейснера автором введен термин «психологический марксизм».

На защиту выносятся следующие **положения**, обладающие элементами научной новизны:

Творческая, научно-преподавательская, служебная, общественная деятельность, идейно-теоретические взгляды М.А. Рейснера развивались под влиянием общественно-политической обстановки в стране, связанной с крайней политизированностью и идеологизированностью всех сфер жизни общества. В научной биографии ученого-юриста прослеживается два основных ее этапа, сформировавшиеся под влиянием сложившихся общественно-политических и государственных реалий. Первый этап (1893-1902 гг.) объединяет период с начала научно-педагогической деятельности М.А. Рейснера до октября 1902 г., когда в публичной лекции после возвращения из научной командировки в Европу ученый впервые открыто критиковал современную ему систему государственной власти и имперское право России. Придерживаясь либеральных взглядов, Рейснер называл себя славянофилом и отстаивал необходимость проведения государственных и политических реформ на базе «просвещенного абсолютизма», закрепление и обеспечение прав и свобод личности. Второй этап

(1903/1928 гг.) был ознаменован «томским скандалом» и дальнейшей эмиграцией и включает в себя всю последующую научную деятельность М.А. Рейснера. В этот период мировоззрение ученого серьезно изменилось под влиянием марксистского учения, а его научная деятельность тесно переплелась с политической. На базе марксистской доктрины и учения об интуитивном праве Л.И. Петражицкого он развивает собственное социально-психологическое правопонимание (психологический марксизм).

В своих ранних правовых рассуждениях относительно свободы вероисповедания и государственно-конфессиональных отношений М.А. Рейснер основывался на своеобразном использовании теории естественного правопонимания. Исходным моментом в его концепции выступали не естественные гражданские права и свободы (закрепляемые и защищаемые государством), а сам «естественный гражданин», обыватель, нравственный и верующий человек (как сознательная и организованная личность), его признание в нормах объективного положительного права. По мысли ученого, с признанием «естественного» субъекта («разумно-нравственной личности») в области религиозных и нравственных общественных отношений устанавливаются естественные права и свободы граждан, такие как право свободного религиозного вероисповедания, право личной неприкосновенности, свобода передвижения, свобода слова, печати, собраний и проч. Исходя из смысла учения Рейснера, по мере исторической эволюции «естественного человека» подлежит пересмотру и система естественных прав и свобод личности, закрепленных в законодательстве, что, в свою очередь, обуславливает невозможность построения окончательной и законченной догмы «естественного права». Право свободного вероисповедания и понятие «нравственной личности» являются обязательными составляющими в рейснеровской формуле правового государства.

Научные разработки революционной правовой теории М.А. Рейснера вылились в своеобразную концепцию психологического марксизма, интегративным образом сочетающую в себе марксистскую правовую теорию и учение об «интуитивном» праве Л.И. Петражицкого. Это учение явилось попыткой «по-новому» взглянуть на известные положения марксизма и его правовую теорию в частности. Основываясь на широком подходе, психоло-

гический марксизм синтезировал в себе различные аспекты правовой регуляции: от правосознания, выраженного, по Рейснеру, в общественном сознании народных масс, до правовой нормы. При этом приоритет и первородство ученый признает за «интуитивным» правом, утверждая, что любое позитивное право является проявлением «интуитивного», рождающегося среди широких народных масс из правды-справедливости того или иного класса.

Центральной категорией психологического марксизма М.А. Рейснера выступала идеология, под которой он понимал как совокупность идей, принципов, норм и идеалов, «подлежащих воплощению в общественной деятельности человека», являющихся «постоянным спутником всякой общественной организации» и «налагающих специфическое клеймо» на их сущность. В качестве таковых (форм выражения классовой идеологии) ученый называл эстетику, мораль, нравственность и иные. Однако научной разработке в его учении в качестве форм идеологии подверглись лишь государство и право.

Право в учении М.А. Рейснера, наряду с государством, предстает как одна из идеологических форм, построенная при помощи борьбы за равенство и связанную с ним справедливость, заключающая в себе два основных момента: одностороннее субъективное право (правопритязание) и нахождение «общей правовой почвы», на основе которой в результате компромисса формируется двустороннее объективное право. Специфическими признаками права в понимании М.А. Рейснера являются: 1) связь с экономикой (хозяйством); 2) справедливость; 3) компромиссность; 4) идеологичность. Право, по Рейснеру, всегда возникает как идеологическая надстройка над экономическими отношениями, ее развитие находится в тесной зависимости от развития хозяйственных, производственных и социальных условий. Обязательным условием существования права является фактическое неравенство, так как оно всегда возникает как «протест» из глубин общественного, народного сознания и направлено на достижение справедливости на принципах взаимных уступок и компромисса. Отметим, что из числа обязательных признаков права Рейснер исключал государственное принуждение и классовость. При этом термин «классовый» в трактовке Рейснера, в отличие от марксизма, характеризовал не сущность или характер права, а лишь ука-

зывает источник его формирования (в недрах идеологии какого социального слоя оно сформировалось).

Историческое развитие правовой идеологической формы, по Рейснеру, базируется на марксистском учении об общественно-экономических формациях и формационных типах государств. Проводя соответствующие параллели, М.А. Рейснер выделял следующие исторические типы права: первобытное, третейское право международного общения, сословное право феодализма, буржуазное право капитализма, социалистическое постреволюционное право. При этом ученый указывал, что общее право (общеполитическое или пролетарское постреволюционное) имеет сложносоставной характер, отражающий в той или иной степени интересы (идеологию) составляющих общество классов на началах социального компромисса.

Любая система права, по Рейснеру, представляет собой сложный «компромисс, образованный из идеологических обрывков самых различных классовых идей». Поэтому советская система права рассматривалась им как совокупность пролетарского права рабочего класса, крестьянского права и классового права буржуазии. В отличие от К. Маркса, ученый утверждал, что пролетарское право в первые советские годы уже сформировалось как данность, но делает оговорку, что оно еще не «общее», компромиссное, а субъективное пролетарское (сугубо классовое) право, которое водворяется как основное и единственное начало нового советского правопорядка. Как подчеркивал Рейснер, пролетарское право выводится из совершенно иной правовой формулы равенства, в основе которой уже лежит не единица стоимости товара, измеряемая содержащимся в нем общественно-необходимым трудом, а единица труда. В этом он видел его принципиальное отличие от буржуазного права. С окончанием гражданской войны, по Рейснеру, произошло восстановление некоторых институтов классового права буржуазии в качестве составных элементов общего правопорядка, и тем самым в советской России установилось новое междуклассовое право.

Учение М.А. Рейснера о государстве также базировалось на социальнопсихологической методологии. Государство в его концепции наряду с правом, моралью, нравственностью, эстетикой и проч. (однопорядковые для Рейснера явления) предстает как одна

из форм классовой и общественной идеологии – идеологической формы, как «социально-психологическое явление, идеология и организованное при ее содействии массовое поведение людей». Государственно-политические, как и любые другие, идеологические построения, по Рейснеру, осуществляются посредством мистики, эстетики и рациональной логики. Логическая цепочка образования идеологической формы выстраивалась ученым следующим образом: условия жизни и хозяйствования (базис) людей определяют их психологические переживания; последние определяют идеологию (общественных групп, классов, общностей) как совокупность принципов, идеалов, «подлежащих воплощению в общественной деятельности человека» и определяющих сущность всякой общественной организации; из идеологии общественных групп (посредством идеологических построений) формируется идеологическая форма – государство (право и др.). С динамической стороны ученый определяет государство как социально-психологическое явление, представляющееся «преимущественно процессом», посредством которой организуется массовое поведение государственного населения.

В качестве признаков государства, в полном соответствии с избранным социально-психологическим подходом, ученым назывались: государственная власть, население и территория. Однако последние он полагал дополняющими, факультативными по отношению к первому, считая их производными от идеи власти. Государственная власть, с точки зрения мыслителя, является ключевым признаком государства, важнейшим политическим понятием, выступающим «организационной идеей политического поведения людей». При этом рейснеровское понимание государственного народа не совпадает с действительным, конкретным народом, живущим в том или ином государстве. Носителями государственной идеологии, с точки зрения ученого, являются лишь немногочисленные культурно господствующее слои населения, большая же его часть живет вне государственного сознания и идеи государства. То есть в его понимании понятие гражданина совпадает с понятием целостной, социально и политически активной и патриотически-ориентированной личности (по терминологии ученого «политически дееспособной»). Территориально-психологический аспект государства состоит в том, что населе-

ние верит «в свою особенную духовную и материальную связь с землей, лежащей в условно намеченных границах». Одновременно в качестве признаков государства М.А. Рейснер назвал: а) основанность на государственной идеологии, б) упорядочивающий, организующий и нормирующий характер, в) компромиссность. Таким образом, ученый характеризовал государство через «фантазмы» (идеи) государственной власти и государственно-политической идеологии, производной от личности как источника формирования идей и идеалов.

Важными характеристиками государства и его сущности М.А. Рейснер считал а) форму организации его нормативно-государственной идеологии, посредством которой тот или иной государственный идеал воплощается в действительность, т.е. *форму правления* («идеальный тип политической техники», а также б) формальный способ организации верховной государственной власти, ее правовой и политической систем, т.е. *государственную форму*. По форме правления он выделял монархическую, аристократическую или демократическую разновидности государств (причем понимание ученым формы правления серьезно отличается от современного). Рассматривая их в качестве идеологических конструкций, ученый проводил их разграничение по способу сочетания воли индивидов, социальных групп, классов – естественному или искусственному (в монархии – в образе монарха-суверена; в аристократии – во властвующей коллегии; в демократии – в народе («коллективном монархе»)). При этом монархия и демократия рассматривались им в качестве антиподов.

По второму критерию Рейснер выделял три государственных формы нового времени (XVII – XIX вв.): абсолютное, конституционное и народное (демократическое) государство. Разграничение этих форм проводилось им способом формирования единой государственной (вторичной) идеологии, позволяющей примирить идеалы разных слоев и классов. Абсолютное государство базируется на государственной воле, власти и силе государства; конституционное – включает в себя обоснование государственной власти народа как политической величины, а также некоторого их объединяющего идеологического «высшего единства»; народное (демократическое) государство – сводится к народу как единственному источнику государственной власти. В качестве

идеологического основания государства М.А. Рейснер называл религиозные (теологические) начала, вотчинный суверенитет, теорию «общего блага», патриархальную идею, теории «духовного организма», «естественного состояния» и общественного договора, идею национальности и проч. Причем в каждой разновидности государства оно выражалось специфическим образом.

Особое внимание в своей концепции государства как идеологической формы М.А. Рейснер уделял конституционному и демократическому государству. Первое он называл «подлинным» и правовым, выделяя такие его признаки: 1) незыблемость и верховенство закона при соблюдении верховенства конституции как «нормы высшего достоинства и силы»; 2) наличие системы народного представительства, а также участие общества в государственно-политической деятельности; 3) наличие системы разделения властей (на высшем и на местном уровнях), обеспечение разграничения полномочий органов государственной власти, их самостоятельности и подчинения закону; 4) наличие развитой, эффективной политической системы и многопартийности. К характерным признакам демократии, как государственной формы, ученый относил: 1) верховенство закона (которое не просто главная сдерживающая норма для власти, как в конституционном государстве, а «исключительная форма проявления суверенной воли «народа-самодержца»); 2) сосредоточение всей полноты власти в руках народа, чья воля посредством законодательства становится выражением общей государственной воли (ограничение власти волей народа, а не взаимоограничение ветвей власти); 3) широкий общественный контроль государственнополитической деятельности. Таким образом, демократическое государство Рейснер рассматривал как высшую ступень развития, одновременно признавая за ним ряд недостатков: а) уравнивание воли большинства и воли всего народа, б) чрезмерную монополизацию политической жизни государства, фактически приводящую к подавлению личного мнения и личной инициативы и другие.

Несмотря на активное личное участие М.А. Рейснера в формировании и становлении нового советского государства и права, он достаточно резко критиковал практику и результаты функционирования новой советской власти, прогнозируя негативные последствия принимаемых политических решений. В частности, он

высказывался против увлечения экономической обусловленностью и вторичностью права и государства как форм идеологии, а также «буржуазными» принципами нормативности и принудительности права, против юрисдикции и формализма новых законов, этатизма советской науки, призывал отказаться от признания и защиты частного права и интереса, критиковал новую экономическую политику как буржуазную по духу и содержанию, называл ошибочной политику террора и классовой диктатуры первых советских лет. Советское государство в его оценке предстает как временная, «отмирающая» государственная форма, построенная не на принципах права и правовой законности, а на целевых, телеологических началах. Несмотря на то, что Советская Республика в Конституции РСФСР 1918 г. уже была провозглашена социалистической, послереволюционное государство, по Рейснеру выступало как государство переходного досоциалистического строя, поскольку несло на себе отпечатки буржуазного общества, рождалось в рамках буржуазной государственности, на классовой основе и пользовалось старыми буржуазными средствами – классовой диктатурой и государственным принуждением.

Учение М.А. Рейснера не было лишено недостатков, в некоторой степени было недоработанным, незавершенным (ввиду смерти ученого), включало ряд противоречивых положений (обусловленных объективными условиями жизни ученого и недостатками самой марксистской теории), случаи подмены научных теоретических разработок декларативными постулатами и лозунгами (как дань эпохе). Как и в других научных концепциях советского периода, в учении Рейснера с пролетарско-классовых, коммунистических позиций по существу отвергался принцип формального равенства свободных индивидов, как основной принцип всякого права. Однако, несмотря на сказанное, нельзя не отметить, что в целом государственно-правовое учение М.А. Рейснера представляет собой достаточно целостную и обоснованную научную концепцию, которая заложила методологические и идеологические основы нарождающейся советской юридической науки и на многие годы вперед определила структуру и содержание общей теории права и государства. Она смогла приспособить экономико-политическую по своему характеру марксистскую теорию к государственно-правовым нуждам молодого советского государ-

ства, усилить его юридическую составляющую, обосновать новые идеологические и методологические принципы нарождающейся советской юридической науки. Именно к идеям Рейснера восходит ряд ключевых понятий советской юриспруденции, в числе которых «социалистическое право», «социалистический правопорядок», «пролетарское право», «революционная законность», «правосознание», «революционная совесть», «классовое интуитивное право» и др. А его выводы о сущности и признаках конституционного и демократического государства, о роли личности в нем, заслуживают самого пристального внимания и сейчас. Особый интерес и актуальность представляют идеи о государственно-правовой идеологии, которые могут быть использованы для дальнейшего научного поиска и теоретической разработки концепции государственной идеологии и национальной идеи как важнейшего отправного и консолидирующего начала современного российского общества.

Жиленко Александр Сергеевич
Верховный Тайный Совет в системе властеотношений
Российской Империи (1726-1730 гг.): историко-правовое
исследование

Дата защиты – 21 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»
Научный руководитель	Рассказов Леонид Павлович
Оппоненты	Щечоев Валерий Кулиевич, Демьяненко Мария Алексеевна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»
Место защиты	Диссертационный совет Д 999.044.03 на базе ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,

ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс»

Научная новизна диссертации заключается в том, что на основании выполненных соискателем исследований:

1. разработано уникальное правовое положение Верховного тайного совета во властной иерархии Российской империи в период правления Екатерины I и Петра II;
2. предложена авторская трактовка причин, приведших к образованию Верховного тайного совета;
3. доказана авторская позиция по вопросу о роли «кондиций», предложенных Верховным тайным советом Анне Иоанновне при ее восшествии на трон;
4. выявлены особенности полномочий Верховного тайного совета, исходя из принципа разделения властей; определена специфика взаимодействия Верховного тайного совета с императрицей (императором), Сенатом, коллегиями и другими органами государственной власти и управления; раскрыт механизм реализации законодательных, исполнительно-распорядительных и судебных функций Верховного тайного совета.

На защиту выносятся следующие положения, обладающие элементами научной новизны.

– Создание в 1726 г. Верховного тайного совета было обусловлено рядом как субъективных, так и объективных факторов. В первом случае имели место политические интриги в высшем эшелоне власти, где Меншикову благодаря его близким отношениям с императрицей Екатериной I и его соратникам удалось провести реформу органов высшей власти и создать новый орган – Верховный тайный совет, занять в нем ведущие позиции и одновременно отодвинуть на задний план Сенат. Вместе с тем вопрос об учреждении такого рода постоянно действующего на профессиональной основе органа для обсуждения наиболее важных для государства дел с выработкой предложений по их решению для монарха был актуальным еще при Петре I, который нуждался в экспертном мнении опытных,

но одновременно не связанных служебной принадлежностью к иным властным структурам государственных деятелей. Ввиду смерти реформатора этого сделать не удалось, однако предложенные при его жизни идеи о таком органе были реализованы Екатериной I. Верховный тайный совет вполне вписался в систему властеотношений абсолютистской России, он функционировал чуть больше четырех лет и как орган государственной власти внёс определенный вклад в развитие российской империи как государства. В этот период Верховный совет функционировал на условиях, определенных при Екатерине I, в целом достаточно стабильно, несмотря на ротацию его членов.

– Встречающиеся в литературе попытки представлять «кондиции», предложенные членами Верховного тайного совета Анне Иоанновне при ее восшествии на трон в начале 1730 г., как некий первый в истории России конституционный проект с прогрессивным началом не имеют под собой достаточных оснований. Предъявляя «кондиции», члены Верховного тайного совета не имели никакой идейной основы, их не волновало положение иных сословий в обществе, не было речи и о выборном начале властных структур. Они хотели больше полномочий именно для себя, намереваясь посредством «кондиций» оставаться де-факто управителями России, понимая, что после смерти Петра II они уже не будут фаворитами при дворе, и в этом контексте «кондиции» отражали обычные корыстные мотивы небольшой группы правящей верхушки, заседавшей в Верховном тайном совете. Не было и заговора против верховной власти со стороны Верховного тайного совета, а имела место типичная попытка верховников сохранить свою власть, свое влияние в государстве и извлекать из этого личные выгоды путем некоторого ограничения власти императрицы.

– В период своего функционирования (февраль 1727 – март 1730 гг.) Верховный тайный совет обладал уникальным правовым статусом, оказавшись в иерархической лестнице властных структур ниже императрицы (императора), но выше всех других органов, включая Сенат. Такое положение во многом было обусловлено особенностями внутривластной борьбы различных группировок правящей элиты между собой.

Специального закона, регулировавшего полномочия Верховного тайного совета, издано не было. Первоначальные же статусные полномочия были обозначены в учредительном указе Екатерины I от 8 февраля 1726 г., согласно которому Верховный тайный совет должен был обсуждать наиболее важные вопросы государственной жизни и представлять императрице проекты решений для окончательного решения, при этом все другие органы власти и управления обязывались сообщать в Верховный тайный совет все необходимые сведения. Исходя из современных представлений о властеотношениях, Верховный тайный совет представлял собой совещательный орган, однако фактически, с учетом особенностей его создания и персонального состава, он по своему влиянию выходил далеко за рамки совещательных функций.

– Из учредительного Указа следует, что главой Верховного тайного совета является сама императрица, которая должна была лично проводить совещания членов Верховного тайного совета. Однако фактически Екатерина I лично очень редко проводила заседания Верховного тайного совета, но при этом она одновременно и не назначала своего заместителя, который должен был замещать ее во время заседаний Верховного тайного совета. Такой подход, наряду с другими мерами, свидетельствует о том, что Екатерина I отнюдь не намерена была исполнять роль послушной правительницы примогущественных чиновниках. Однако после смерти Екатерины I и опалы Меншикова усилиями Долгоруких Верховный тайный совет фактически взял на себя функции высшего органа власти при юном и не участвующем в текущем государственном управлении Петре II.

– Верховный тайный совет являлся органом власти общей компетенции, то есть он был полномочен принимать участие в решении практически любого вопроса государственной жизни. В связи с учреждением Верховного тайного совета некоторым образом было изменено правовое положение Сената, который оказался в подчинении Верховного тайного совета, в частности, Сенат обязывался доносить Верховному тайному совету о наиболее важных делах. Но фактически Сенат продолжал исполнять, как и до этого, административные функции. В свою очередь, Верховный тайный совет, состоявший из бывших

сенаторов, не пошел по пути обострения отношений с Сенатом. И в целом Верховный тайный совет, осуществляя свои функции, не доводил дело до конфликтов ни с императрицей, ни с Сенатом.

– Верховный тайный совет практически с первых дней стал формировать регламентную базу своей деятельности. В самом учредительном указе содержались нормы об определенных днях недели, когда должен был заседать этот орган; было также установлено, что свои подписи под протоколами должны ставить все члены Верховного тайного совета, даже не присутствовавшие на заседании, то есть был закреплена налог принцип консенсуса, когда не согласиться с решением большинства Совета не мог ни один его член. Через короткое время после учреждения (чуть больше месяца) был принят акт («Мнение не в указ»), регулирующий более подробно регламент и делопроизводство Верховного тайного совета. Проект этого акта составлял Верховный тайный совет, где он предпринял попытку узаконить такой порядок издания императорских указов, чтобы любой указ имел силу только после одобрения его в Верховном тайном совете. Однако Екатерина I данное положение существенно скорректировала, указав, что о важных делах Верховный тайный совет должен «поставить протоколы», которые, пока еще не подписанные, должны для апробации императрице доставлять лично один или два («смотря по важности дела») члена Верховного тайного совета. Екатерина I тем самым хотела повысить ответственность членов Верховного тайного совета за принимаемые решения. Кроме того, императрица, отказала Верховному тайному совету в выделении каждому члену Совета отдельного департамента со своим штатом. Получившая опыт управления государством императрица решила, что должна иметь правовой рычаг, позволяющий ей принимать необходимые меры в случае возможного политического обострения, и она показала, что уже не является послушной правительницей под фактическим управлением высших чиновников.

– Совокупность принятых нормативных положений о порядке деятельности Верховного тайного совета дает основание обозначить их как регламент Верховного тайного совета. Вместе с тем регламентные предписания, особенно в организационном плане, в значительной мере фактически не выполнялись, в том

числе не «сочинялись» планы работы Верховного тайного совета, на его обсуждение выносились те вопросы, которые поступали туда в текущем режиме. Такое положение во многом обуславливалось тем обстоятельством, что подобного органа еще не было в российской бюрократии, а также тем, что в Верховный тайный совет входили высшие сановники, не привыкшие исполнять нелегкую черновую секретарскую работу. Привлечение же иных лиц, грамотных и способных вести делопроизводство на уровне указанных выше требований, было проблематично ввиду того, что на заседаниях Верховного тайного совета обсуждались важнейшие вопросы государственной жизни, что по определению предполагало допуск к ним весьма ограниченного круга лиц.

– В период своего функционирования Верховный тайный совет практически сразу после учреждения стал осуществлять законодательную функцию, которая характеризовалась следующими особенностями. Во-первых, поскольку Верховный тайный совет являлся органом государственной власти общей компетенции, то предметом законодательной деятельности являлись все важнейшие вопросы государственной жизни. Во-вторых, Верховный тайный совет обладал законодательными полномочиями в силу своего положения во властной иерархии, где он находился между монархом – с одной стороны, и Сенатом и другими органами – с другой стороны. При этом чисто с формальной позиции императрица (император) обладали правом последней санкции и могла вносить изменения в любой законопроект, однако фактически те решения, которые принимал Верховный тайный совет, и становились законодательными актами, поскольку Екатерина I уже с осени 1726 г. ввиду болезни отошла от активной государственной деятельности, делегировав соответствующие полномочия Верховному тайному совету, а Петр II по причине своего возраста не мог быть реальным субъектом законотворчества. Кроме того, законодательные полномочия Верховного тайного совета подтверждались Указом от 5 августа 1726 г., согласно которому в финансовой сфере императрица приравнивала свою подпись и решение Верховного тайного совета.

– Наибольший объем законодательных актов был

составлен Верховным тайным советом в сфере государственного управления, а в его рамках – по вопросам оптимизации финансовых отношений в Российской империи. Общая направленность такого рода законодательных актов обуславливалась необходимостью сокращения бюджетных (казенных) расходов ввиду сложностей получения доходов от податных людей. И в этой связи разрабатывались и принимались законы, направленные на экономию бюджетных средств, в том числе Верховный тайный совет довольно жестко сокращал расходы в отношении органов власти и управления, проявляя при этом действительно государственную целесообразность, в частности, было принято решение вообще упразднить Главный магистрат и ряд других структур, были сокращены штаты большинства коллегий, канцелярий и контор. Для обоснования своих решений Верховный тайный совет требовал детальнейшие финансовые отчеты, предусматривая строгие наказания за их непредставление и искажение. В целом же законодательных актов, разработанных Верховным тайным советом в сфере государственных финансов, было издано достаточно много, и в совокупности они составили фундаментальную правовую основу, позволившую впервые в правовой истории России на системном уровне отрегулировать финансово-бюджетные отношения исходя из цели оптимального расходования казенных средств для реализации государственных функций. Вместе с тем не всегда законодательные нормы были реализуемы, и в этом смысле социально-полезный законодательный замысел Верховного тайного совета во многих случаях явно опережал возможности государственного аппарата и не всегда учитывал реальное положение дел, что объективно не позволяло реализовать многие законодательные предписания Верховного тайного совета, в частности, о проведении сплошной инвентаризации всех плательщиков сборов и доимок за последние годы по всей стране. Немалое внимание Верховным тайным советом как законодательным органом уделялось также совершенствованию собственно управленческой деятельности государственных органов, вопросам борьбы с преступностью, предупреждению инфекционных болезней. В меньшей степени уделялось внимание военной тематике, а также вопросам внешней

политики, что обуславливалось особой их важностью для государства, требовавшей обсуждения и принятия решений в узком круге лиц, посвященных в государственные тайны.

– В рамках реализации исполнительно-распорядительной деятельности Верховный тайный совет принимал соответствующие правоприменительные акты, и объем таких актов в деятельности Верховного тайного совета в сравнении с законодательными и судебными актами был несравненно большим. Значительное внимание в сфере правоприменения уделялось государственному управлению и государственному устройству, а в их рамках – вопросам назначения на должности губернаторов и воевод; эти вопросы решались со всей тщательностью, при этом на должности воевод выдвигались чиновники разных чинов и различных сословных подгрупп, из чего можно предположить, что на первый план при определении кандидата в воеводы брались его деловые качества, то есть Верховный тайный совет руководствовался действительно государственными интересами. Для каждой губернии при определении туда нового губернатора Верховный тайный совет формировал, помимо общих, конкретные обязанности губернатора, которые были присущи именно для данной губернии, и такой подход, как представляется, может быть интересен и для современных российских реалий. Важным направлением правоприменительной деятельности Верховного тайного совета было разбирательство по конкретным доношениям от чиновников, в которых находили отражение конкретные проблемы; по итогам таких разбирательств также принимались правоприменительные акты самым разнообразным вопросам государственной жизни (укрепление крепостей, строительство судов, «выбитие» золотых медалей в память Коронации Императора Петра II, разрешение свободной торговли смолой в Архангельске, разработка месторождений полезных ископаемых в Курской губернии и т.д.), где доминирующее место занимали вопросы экономики.

– Верховный тайный совет выполнял также судебные функции, хотя объем такого рода вопросов был относительно небольшим. В основном Верховный тайный совет рассматривал имущественные дела, в то время как уголовные дела были

единичными. При этом по первой категории дел проходили представители высоких сословий, в то время как по уголовным делам – напротив, представители низких сословий, что объясняется тем обстоятельством, что споры имущественного характера среди представителей аристократической знати могли решать только представители тех же высших сословий, каковыми и были члены Верховного тайного совета; что касается уголовных дел, то представители высших сословий, дававшие присягу на верность императрице (императору), вполне давали себе отчет в том, что их ждет в случае нарушения присяги и совершения действий «по двум пунктам» (политические преступления), и поэтому они таких деяний просто не совершали, чего не скажешь о представителях низших сословий, которые были менее грамотными, менее воспитанными, более склонными к обсуждению разного рода опасных тем, особенно в состоянии алкогольного опьянения, что и приводило к высказываниям разного рода «поклепных слов», за что они нередко платили своими жизнями. В некоторых случаях Верховный тайный совет представлял собой фактически вышестоящую инстанцию для Сената, который в рассматриваемый период значительно активнее, чем Верховный тайный совет, исполнял судебные полномочия.

Косимов Файзали Махмадович

Становление и развитие оперативно-розыскной деятельности в Таджикистане (историко-правовое исследование)

Дата защиты – 22 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан
Научный руководитель	Зоиров Джурахон Маджидович
Оппоненты	Сальников Виктор Павлович, Раджабов Равшан Мухиддинович
Ведущая	Таджикский государственный университет

организация права, бизнеса и политики
Диссертационный совет ДМ737.004.08 на базе
Таджикского национального университета,
Место защиты Института философии, политологии и права
имени А.М.Баховадинова Академии наук
Республики Таджикистан.

Научная новизна диссертации заключается, прежде всего, в самой постановке и формулировке проблемы историко-правового исследования, которая ранее не была предметом комплексного научного изучения в таджикской юридической литературе. В диссертации комплексно проанализированы вопросы возникновения, становления и развития ОРД в Таджикистане, особенности становления ОРД в древней истории таджикской государственности, совершенствование ОРД в период Туркестанского генерал – губернаторства Российской империи, роль царской агентуры и дальнейшее развитие ОРД в системе правоохранительных органов РСФСР и СССР, закрытость ОРД с начала XX века, предание гласности ОРД в суверенном Таджикистане и странах постсоветского пространства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ретроспективное историко-правовое исследование сыскной деятельности в Таджикистане, многовековая история и правовое регулирование этого вида деятельности имеет большое значение для возникновения и развития законодательных актов государства в данной сфере. При этом необходимо также учесть положительный опыт других государств. Совершенствование нормативно – правовых актов в современных условиях предполагает их развитие с учетом опыта, неразработанного предшествующими поколениями. Значимость изучения правового регулирования ОРД в Республике Таджикистан и необходимость его совершенствования в современных условиях очевидны, особенно в условиях обострения мировой глобализации и появления новых вызовов в период активизации деятельности преступных сообществ, существенно возрастает роль правоохранительных органов как гаранта обеспечения безопасности государства.

2. На основе анализа различных источников, можно сделать вывод о том, что ОРД государства в истории таджикской госу-

дарственности прошла несколько этапов развития, которые состоят в следующем: первый этап – становление и развитие ОРД при зороастрийской правовой системе; второй этап – развитие ОРД при мусульманской правовой системе; третий этап – ОРД при совместном развитии мусульманской, традиционной и российской правовой системы во второй половине XIX – в начале XX века, после присоединения территорий досоветского Таджикистана к России; четвертый этап – становление и развитие ОРД при системе советского права (с начала XX века до начала 90-ых гг.); пятый этап – развитие ОРД при постсоветской правовой системе Таджикистана.

Применительно к науке ОРД следует выделить также отдельные, практические этапы развития этой сферы деятельности: 1) период правового «застоя» ОРД через режим секретности с соблюдением принципа скрытности и период развития теории ОРД; 2) период гласности ОРД в годы независимости Республики Таджикистан, которая длится и по настоящее время.

3. Проведение ОРД в истории таджикской государственности имела целью нахождение документов, вещественных доказательств, информацию. В частности, информацией признавались материально закрепленные сведения, полученные субъектами ОРД в процессе оперативно-розыскных действий, ОРМ или оперативно-розыскных операций, зафиксированные в оперативно-служебных документах и на иных материальных носителях и могущих быть использованными только в целях и в порядке, предусмотренном правом, приказами правителя, а в современном периоде УПК РТ и Законом об ОРД и иными нормативно-правовыми актами Республики Таджикистан в сфере ОРД.

4. ОРД как сфера деятельности имеет длительную историю. Она возникла вместе с государственностью, как ответ на вызов, брошенным обществу дерзкими преступлениями, когда правовыми, гласными способами деятельности правоохранительным органам не удавалось раскрыть преступления и наказать преступников на месте.

5. Значение ОРД в условиях неуклонного роста преступности, в частности, транснациональной организованной преступности, существенного повышения степени ее общественной опасности всегда были актуальны, и особо актуализируется в целях за-

щиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств в современный период истории Таджикистана.

6. ОРД является разновидностью правоприменительной деятельности государства. Только Республика Таджикистан в лице высших органов – государственной власти законодательной, исполнительной и судебной (в пределах их компетенции) может наделять правом осуществления ОРД какого-либо субъекта, возложить на них определенные обязанности и осуществлять контроль над реализацией законодательных норм в ОРД.

7. Введение ОРД присуще, в Саманидском государстве, например дивану Сахиб ал-барид, баридам (местным чиновникам данного дивана – К.Ф.) которые осуществляли негласные мероприятия для получения точной и объективной информации, необходимой для главы государства и центральных органов власти.

8. История становления и развитие правоохранительной деятельности, да и сама организация соответствующей системы неразрывно связаны и во многом обусловлены становлением и развитием отечественного сыска. Основываясь на принципе детерминированности, ОРД целесообразно рассматривать в той социально-исторической среде, в которой происходило историческое развитие государств, в том числе государства Саманидов, с учетом сложившихся объективных закономерностей и причинной обусловленности развития общественных отношений.

9. Тысячелетиями, что прошли с момента первых упоминаний об агентурных приемах работы в Ахеменидском государстве, сотни тысяч людей ежегодно вовлекается в агентурную работу в качестве добровольных (содействующих) помощников правоохранительных и специальных служб либо в качестве штатных сотрудников, обеспечивающих ОРД, современные сыщики не используют исторический опыт сыскных функций.

10. Основными формами реализации правовой политики Республики Таджикистан в области ОРД в условиях государственной независимости являются правотворчество, правоприменение, правовое воспитание и обучение. Для нас важное значение имеет правоприменительная политика, которая является деятельностью по определению целей, задач, приоритетов применения

прав с участием субъектов правоприменения, осуществляемая в особых формах, посредством правоприменительных актов и направленная на практическое воплощение правовой политики, а также правовоспитательная политика, сфера деятельности государственных органов, граждан, общественно-политических организаций по определению целей, задач, приоритетов, средств, форм и методов правового воспитания, осуществляемая посредством правового просвещения, правовой пропаганды и подготовки профессиональных (юридических) кадров правоохранительной системы, в которые деятельно вовлечены и органы занимающихся ОРД.

Павлова Ксения Евгеньевна
Юридическая техника как атрибут нормотворческой
деятельности (на примере органов внутренних дел)
Дата защиты – 22 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Научный руководитель	Тонков Евгений Евгеньевич
Оппоненты	Толстик Владимир Алексеевич, Богмацера Эдуард Викторович
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет» Диссертационный совет Д 999.044.03 на базе ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс»

Научная новизна работы заключается в том, что на основании выполненных соискателем исследований:

1. разработана новая научная идея о понимании юридической техники как исторически обособленного в прикладных целях универсального общетеоретического феномена и атрибута нормотворческой деятельности, дополняющая современную теорию юридической техники;

2. предложены: модернизация процессов применения юридической техники в нормотворческой деятельности органов внутренних дел на основе выявленных юридической наукой и практикой принципов построения; разрешения коллизий в нормотворческой деятельности органов внутренних дел; системы определения ошибок в нормотворческой деятельности органов внутренних дел;

3. доказаны: соотношение содержания феномена «юридическая техника» со смежными понятиями «законодательная техника» и «юридическая технология» как особенного, единичного и общего; генетическая взаимосвязь юридической техники в нормотворческой деятельности органов внутренних дел с выявленными юридической наукой и практикой принципами построения;

4. введены в научный оборот авторские трактовки юридической техники, юридической технологии, ошибки в нормотворческой деятельности органов внутренних дел.

На защиту выносятся следующие положения, обладающие элементами научной новизны.

1. Авторский вывод об исторической обусловленности феномена юридической техники как результата преемственного совершенствования нормотворческой деятельности в части создания гарантий высокого качества законов по форме и содержанию. Ведущее значение нормативных актов в системе источников права досталось современной России в наследство от всех предшествующих эпох развития ее правовой системы. По мере накопления знаний в области законотворчества происходила выработка внешних способов и приспособлений для создания норм права, а также инструментария юридической техники. Бесценным является исторический правовой опыт технического оформления текстов законодательных документов, получивший признание и апробацию. Исследование генезиса юридической техники способствует получению дополнительных знаний о природе юридических приемов создания, реализации и толкования норм права,

определению правовых концепций и конструкций.

2. Определение юридической техники как исторически обособленного в прикладных целях универсального общетеоретического феномена и атрибута нормотворческой деятельности, интегрирующего правила, средства, способы, приемы разработки, оформления, принятия и обнародования нормативных правовых, правоприменительных и интерпретационных актов. Данная дефиниция основана на ретроспективном анализе сложившихся в юридической науке точек зрения о происхождении и понятии юридической техники и раскрывает его как комплексное и многогранное явление. Диапазон взглядов на эту проблему диаметрально противоположный: от полного отрицания, игнорирования и неприятия правовой категории «юридическая техника» до детальной и всесторонней разработки этой правовой категории, постановки ее в качестве одной из исходных, существенных в юриспруденции.

3. Соотношение содержания феномена «юридическая техника» со смежными понятиями «законодательная техника» и «юридическая технология». Обосновано, что логический строй указанных понятий отражает рассматриваемое соотношение как особенное, единичное и общее. В деятельностном аспекте законодательная техника адекватна правотворческой деятельности, юридическая техника – нормотворческой, а юридическая технология служит универсальной платформой функционирования права.

4. Интерпретация понятия «юридическая технология», рассматриваемого соискателем в широком смысле как проявление тенденции процессуализации права, а в узком – как дополняющая содержание юридической техники совокупность не только средств и приемов осуществления юридической практики, но и принципов, правил, методов и методик использования этих средств и приемов.

5. Вывод о генетической взаимосвязи юридической техники в нормотворческой деятельности органов внутренних дел с выявленными юридической наукой и практикой принципами построения (определенность юридической формы, исключаяющая двусмысленность положений и неоднозначность формулировок; ясность и доступность юридического языка; устойчивость обще-

принятых терминов и выражений; компактность юридических формулировок) как совокупности требований, предъявляемых к результату их нормотворческой деятельности. В этой связи юридическая техника в нормотворческой деятельности органов внутренних дел рассмотрена, во-первых, с учетом знания особенностей юридического языка, а во-вторых, с терминологической точки зрения, как устранение ее излишней синонимии и логических противоречий.

б. Авторское определение ошибки в нормотворческой деятельности органов внутренних дел, под которой понимается отклонение от сформулированного юридической наукой и практикой стандарта, игнорирование принципов построения, пренебрежение терминологической определенностью, добросовестное профессиональное заблуждение, необоснованное расширение пределов допуска нормативного регулирования. Помимо этого, ошибки в нормотворческой деятельности органов внутренних дел связаны с несоблюдением требований формальной логики и грамматических правил русского языка. Уяснение общего понятия ошибки в нормотворческой деятельности органов внутренних дел является этапом полного и всестороннего познания причин и конкретных видов нарушений, допускаемых субъектом нормотворчества.

7. Особенности разрешения коллизий в нормотворческой деятельности органов внутренних дел, которые находятся в зависимости от статуса документа: разрабатываемый или принятый. В первом случае субъект нормотворчества ориентирован преимущественно на юридико-техническую превенцию, во втором – на фиксацию формально-логических противоречий. Предупреждение коллизий необходимо рассматривать в указанных аспектах параллельно с процессом формирования структуры и содержания нормативного правового акта. Нарушение правил юридической техники служит детерминирующим фактором появления коллизий норм права. В связи с этим целесообразно упорядочить систему требований к нормативным актам, коррелирующую с концепцией действия коллизионного механизма. Основным технико-юридическим приемом превентивной направленности должна стать научно-правовая экспертиза нормативных правовых актов. Сформулированы дополнительные аргументы в пользу

принятия закона о порядке преодоления нормативных споров.

Изместьева Екатерина Михайловна
Субъекты правоприменительной деятельности в условиях
децентрализации правового регулирования в России
Дата защиты – 25 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Научный руководитель	Цыбулевская Ольга Ивановна
Оппоненты	Карташов Владимир Николаевич, Рудковский Виктор Анатольевич
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.239.02 на базе ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна исследования находит непосредственное отражение в следующих основных положениях, выносимых на защиту:

Обосновывается, что эволюция общественных отношений неизбежно приводит к усложнению правового регулирования и необходимости сочетания его различных видов и типов, что является свидетельством многомерности, полиструктурности правовой регламентации в современной России.

Децентрализация правового регулирования в условиях формирования структур гражданского общества выражается в увеличении объема дополняющего государственное локального (корпоративного) регулирования, саморегулирования, основанных на принципах координации, конкуренции, свободы, относительной независимости от государства.

Правовое регулирование как сложный юридический феномен необходимо рассматривать с позиций известных теорий правопонимания с учетом их научно-практического потенциала. Философский (естественно-правовой), антропологический, социокультурный подходы раскрывают современный социальный фон, в котором происходит правовое регулирование общественных отношений, позволяют судить об эффективности данного процесса. Позитивистская концепция (инструментальный подход) способствует осмыслению механизма правового регулирования через призму сугубо юридических средств. Последняя наиболее близка исследуемому аспекту права.

Доказывается приоритет властных начал правоприменения над его государственной природой. Осуществлять властные полномочия по применению норм права могут и негосударственные субъекты.

Уточняется понятие правоприменительной деятельности как публично-властной, социально значимой, ответственной юридической деятельности компетентных субъектов (государственных и негосударственных) по вынесению индивидуального предписания с целью реализации субъективных прав и юридических обязанностей сторон, обеспеченной в необходимых случаях принудительной силой государства.

Характер правоприменительной деятельности негосударственных субъектов (нотариальных палат, адвокатских палат, саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, третейских судов и др.) различен по объему, направленности, степени императивности. В то же время в данной деятельности в той или иной мере отражаются традиционно сложившиеся в науке признаки правоприменения: направленность на реализацию чужих интересов; принудительный характер; процессуальная форма; юридическая ответственность в случае ненадлежащего правоприменения; наличие официального правоприменительного акта как итога правоприменительной деятельности.

Дается понятие субъекта правоприменительной деятельности как лица публичного и частного права, наделенного государством специальной правосубъектностью, властными полномочиями по реализации прав и законных интересов субъектов с целью дости-

жения публичного интереса (общего блага) и вынесения акта применения права.

Сформулированы признаки субъектов правоприменения: учреждаются как частными лицами, так и государством, то есть имеют частноправовую, публично-правовую и смешанную (частно-публичную) природу; наделены властными полномочиями на выполнение отдельных публичных функций; обладают специальной правосубъектностью; реализуют публичный интерес; действуют в интересах третьих лиц с целью достижения общего блага; несут публично-правовую ответственность.

Уточняется научная классификация субъектов правоприменительной деятельности. Они подразделяются на виды в зависимости от: места в политической организации общества; количественного критерия; вида правового статуса; характера полномочий; объема компетенции; направленности правоприменительной деятельности.

Анализируется тенденция в правовом регулировании – наделение публичными функциями и полномочиями отдельных негосударственных субъектов для осуществления ими правоприменительной деятельности в отдельных сферах общественных отношений.

Доказывается, что в соответствии с концепцией правового государства и положениями Конституции Российской Федерации передача государственно-властных полномочий должна сопровождаться одновременным установлением механизма контроля и ответственности субъектов, которым такие полномочия делегированы.

Пробелом действующего законодательства о третейских судах можно считать отсутствие норм об ответственности третейского судьи, который должен быть устранен посредством введения обязательного страхования ответственности судей в Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации».

Предлагается распространить понятие должностного лица на представителей нотариальной и адвокатской палат, саморегулируемых организаций. В законодательстве о деятельности данных субъектов необходимо указать на то, что они выполняют государственные функции и наделены публичными полномочиями в определенных сферах.

Обосновывается, что создание государственных корпораций и наделение их государственными (в том числе и правоприменительными) полномочиями обусловлено задачами и целями государства по урегулированию экономических отношений на конкретном историческом этапе. В то же время индивидуальные законодательные акты в отношении государственных корпораций учреждают уникальные правовые статусы, что затрудняет осуществление контроля за их деятельностью, создает предпосылки для злоупотреблений, неэффективного использования средств, порождает коррупцию. В конечном итоге это умаляет значимость принципа равенства участников гражданского оборота.

Обращается внимание на необходимость уточнения требований, предъявляемых к созданию и деятельности государственных корпораций; введения критериев возможности передачи им дополнительных активов, полномочий, функций; формирования целостного механизма контроля и ответственности.

Аргументируется целесообразность унификации правового регулирования в отношении отдельных юридических лиц, достижение которой возможно путем законодательного оформления конструкции «юридическое лицо публичного права» как организационно-правовой формы участия в имущественном обороте субъектов, создаваемых по инициативе государства.

Определяется акт применения права как самостоятельный вид правовых актов, представляющий собой официальный акт-документ, принятый соответствующим компетентным (государственным или негосударственным) субъектом в пределах своих полномочий по конкретному делу в отношении индивидуально-определенного лица с целью реализации его прав и законных интересов.

Выделяются ключевые признаки акта применения права: выносится по результатам рассмотрения конкретного дела и адресован конкретному субъекту; носит публично-властный характер; выражает государственную волю; направлен на властную реализацию правовых норм, поднормативное правовое регулирование; выступает в качестве способа реализации принуждения, в котором переплетаются государственный и частноправовой элементы; отвечает требованиям, предъявляемым к нему законодательством.

Проводится анализ качественной стороны отдельных действующих актов применения права. Аргументируется, что игнорирование правил юридической техники при составлении индивидуальных актов вообще и актов применения права в частности служит причиной несоответствия их формы содержанию. Правовые акты федеральных органов исполнительной власти в форме приказа, постановления, распоряжения являются по своей природе сугубо правоприменительными и должны быть исключены из Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, где они именуется как нормативные.

Автор считает, что принятие смешанных актов должно иметь место в исключительных случаях. Необходимо установить пределы компетенции властных органов в части издания актов строго определенных видов и форм и закрепить систему правовых актов в целом в Федеральном законе «О системе правовых актов в Российской Федерации», уделив особое внимание правоприменительным актам.

Анализируется мониторинг правоприменительной практики как самостоятельная теоретическая конструкция, встроенная в концепцию правового мониторинга в целом. Отстаивается позиция, согласно которой мониторинг законодательства и правоприменительной практики должен осуществляться в комплексе. Однако на сегодняшний день деятельность государственных институтов в этой сфере не скоординирована, не является обязательной, осуществляется при отсутствии методологической основы, вследствие чего не дает достоверных результатов, необходимых для планирования законотворческой деятельности, определения ее стратегии и системного развития и не влияет на результаты правоприменения.

В качестве субъектов мониторинга, кроме органов государственной власти, необходимо привлекать и негосударственных субъектов, в первую очередь наделенных публичными властными полномочиями в правотворческой и правоприменительной сферах. Учет результатов мониторинга права, осуществляемого такими субъектами, должен стать обязательным.

Следует законодательно закрепить обязанность для органов юстиции федерального и регионального уровней размещать в от-

крытом доступе результаты мониторинговой деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, негосударственных субъектов. Обнародование результатов мониторинга и обязательность учета его результатов, во-первых, повысят степень его значимости, а во-вторых, в перспективе дадут реальные результаты – повышение эффективности правового регулирования.

Доказывается необходимость формирования единой электронной информационно-аналитической системы «Мониторинг законодательства и правоприменения». Это позволит придать системность работе по сбору, анализу, оценке правовой информации и повысить эффективность взаимодействия органов государственной власти разных уровней и институтов гражданского общества.

Резюмируется, что эффективность правоприменительного процесса напрямую зависит от уровня профессионализма и нравственных качеств правоприменителя. Отмечается, что в российском обществе сегодня сложился переходный тип правовой культуры, в рамках которого формируется соответствующий тип правоприменительной деятельности, характеризующийся зачастую негативными проявлениями: политической конъюнктурой, «ручным» управлением, лоббированием интересов определенных групп субъектов; излишней бюрократизацией.

Обосновывается необходимость разработки четко выстроенной государственной программы повышения уровня правовой культуры правоприменителей. Среди приоритетных направлений автор особо выделяет задачи совершенствования системы юридического образования, в частности первичной подготовки негосударственных субъектов применения права, переподготовки и повышения квалификации государственных правоприменителей с упором на антикоррупционную составляющую.

Требования, предъявляемые к субъектам правоприменительной деятельности, наиболее целесообразно, как показывает практика, закреплять в этических кодексах.

Рассказов Вячеслав Леонидович
Уголовный сыск на Кубани: вторая половина XIX в. – 1917 г.
(историко-правовое исследование)
Дата защиты – 25 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»
Научный руководитель	Курдюк Петр Михайлович
Оппоненты	Щечоев Валерий Кулиевич, Стус Нина Владимировна
Ведущая организация	ФГКОУ «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.239.02 на базе ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна исследования и основные положения, выносимые на защиту. Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в историко-правовой науке предпринята попытка комплексного исследования уголовного сыска на Кубани во второй половине XIX – начале XX вв., который ранее в таких историко-временных рамках не исследовался.

На основании выполненных соискателем исследований:

- с новых позиций рассмотрен процесс организационно-правового строительства и модернизации сыскной полиции в Российской Империи, ее компетенция, формы деятельности;

1. по-новому исследованы общие вопросы формирования и функционирования органов полиции Кубани, выявлена особенность их служебной деятельности по борьбе с преступностью, показана специфика борьбы с преступностью в некоторых районах области.

Впервые автором:

1. определена специфика для создания в Кубанской области сыскной полиции, охарактеризовано ее финансовое и кадровое

обеспечение;

2. охарактеризована практическая деятельность Екатеринодарского сыскного отделения и его взаимодействие с административно-полицейскими органами на местах в сфере уголовного розыска;

3. раскрыт механизм реализации правотворческих, исполнительнораспорядительных функций администраций Кубанской области и Кавказского наместничества по оптимизации борьбы с преступностью и раскрытию преступлений.

В результате исследования разработаны основные положения, которые выносятся автором на защиту:

1. Во второй половине XIX – начале XX вв. уголовный сыск в России осуществлялся территориальными органами общей полиции, за исключением Петербурга и Москвы, а также ряда крупнейших губернских городов, в которых были учреждены специализированные подразделения сыскной полиции. Исходя из источников финансирования (государственного и местного) они подразделялись на постоянные штатные и временные (или «внештатные») подразделения. С принятием закона «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. и последовавшей в его развитие «Инструкции чинам сыскных отделений» от 10 августа 1910 г., уголовный сыск выделяется из функций полиции и сосредоточивается в специально на то уполномоченных сыскных отделениях при полициях 89-ти губернских и иных городов, имевших стратегическое значение в связи с их геополитической дислокацией. Таким образом, в Российской Империи в начале XX века была создана нормативная база деятельности сыскных отделений. Соответствующие органы на Кубани вносили свою лепту в ее имплементацию применительно к региональным особенностям. Руководство Кубанской области было прекрасно осведомлено о прохождении через Государственную Думу проекта закона «Об организации сыскной части», с причислением штатного Екатеринодарского СО к 3-му разряду. Поэтому, после принятия закона и вступления его в силу, процесс учреждения СО в Екатеринодаре прошел гладко и быстро, в отличие от других городов, где они были сформированы только спустя 4-5 месяцев после вступления закона в силу.

2. В процессе становления и развития уголовного сыска в

Кубанской области выделяются три этапа: 1) вторая половина XIX в. – 1908 г. На этом этапе полиция в городах и отделах (уездах) осуществляла розыск преступников и раскрытие преступлений наряду с иными, достаточно многообразными функциями; 2) 1908 – 1914 гг. С учреждением Екатеринодарского сыскного отделения вырабатываются формы и методы его деятельности, в том числе и за пределами областного центра; 3) 1914 - 1917 гг. В условиях военного времени и обострения оперативной обстановки происходит совершенствование функционирования сыскного отделения, модернизируется специализация работы сыщиков по видам преступлений, на новый уровень выходит организация агентурной деятельности, штат пополняется за счет прикомандированных к отделению полицейских чинов.

3. В начале XX в. на Кубани осложнилась криминогенная обстановка. Вместе с тем выявились слабые стороны органов охраны общественного порядка: стремительное отставание штатной численности полиции от реалий жизненной необходимости; крайне низкое материальное содержание полицейских, в особенности нижних чинов; их недостаточная профессиональная подготовка; слабое техническое оснащение полиции; недостаточное финансирование уголовного сыска из бюджета местных властей (областной, городских, отдельских, станичных и т.д.) и Департамента полиции МВД.

4. На Кубани в исследуемый период особой спецификой в сфере охраны правопорядка и общественной безопасности отличалось селение Армавир, которое из небольшого аула черкесских горских армян (черкесо-гаев) превратилось в конце XIX начале XX вв. в крупный торгово-промышленный центр. В истории не только Кубани, но и Северного Кавказа, Армавир в это время занимает особое место, играющим важную роль в социальноэкономической и культурной жизни региона, представляющим собой феномен геополитических устремлений Российской империи на Кавказе. В условиях существования в Армавире острой проблемы специфических национальных отношений, при том, что он являлся крупным промышленно-экономическим центром и транспортным железнодорожным узлом не только на Кубани, но и в Кавказском наместничестве, этот фактор не мог не сказаться на состоянии оперативной обстановки, особенно обострившейся в пе-

риод Первой русской революции. В связи с этим заслуживает внимания опыт содержания временного штата Армавирской полиции за счет финансирования сельским обществом и организация сысской части в период нахождения Кубанской области на военном положении, позволившем достичь стабилизации в борьбе с уголовной преступностью.

5. Екатеринодарское сысское отделение в сфере оперативно-розыскной деятельности было абсолютно самостоятельным и полицмейстеру не подчинялось, несмотря на то, что состояло при городской полиции областного центра, являясь ее структурным подразделением. С полицией сысское отделение объединяли общие задачи борьбы с уголовной преступностью. Однако формы и методы реализации задач были различны: у полиции – гласные, процессуальные, у сысского отделения – негласные, не процессуальные. Это приводило, на первых порах, к недопониманию и неправильному истолкованию своих функциональных обязанностей руководства полицией, не обладавших специальной уголовно-розыскной подготовкой.

6. При небольшом постоянном штате Екатеринодарское сысское отделение добилось стабильно положительной динамики в раскрытии преступлений и розыске лиц, их совершивших. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий им использовались процессуальные и не процессуальные формы деятельности, осуществление розыска по зональному и линейному принципам. При совершении особо тяжких преступлений по области, на места командировались сыщики, которые способствовали их раскрытию. Однако они не всегда в полной мере находили взаимопонимание по вопросам взаимодействия в раскрытии преступлений со стороны станичных и сельских административно-полицейских властей.

7. В целях широкомасштабной оптимизации розыска преступников и раскрытия преступлений на всей территории региона, администрация Кубанской области предложила создать Кубанскую областную сысскую полицию, финансируемую из средств Кубанского казачьего войска и предназначенную для обслуживания всех отделов (уездов) области в сфере уголовного сыска. Екатеринодарское сысское отделение, финансируемое из казны, органично вливалось в структуру областного органа, а его

начальник получал статус помощника руководителя сыскной полиции Кубани. Однако инициатива не нашла поддержки у МВД, исповедавшего консерватизм в вопросах структурно – полицейского реформирования.

8. Предпринятые руководством Кубани меры в сфере реорганизации уголовного сыска на ее территории получили поддержку Кавказского наместничества, в военно-административном ведении которого состояла Кубанская область. С начала 1914 г. Кавказская администрация начинает прорабатывать осуществление комплекса реформ, направленных на оптимизацию борьбы с уголовной преступностью и взаимодействия сыскных отделений с общей полицией в губерниях и областях, подведомственных Кавказскому наместничеству, в целях упорядочения уголовного сыска на местах. Однако реформирование института уголовного сыска на Кавказе в силу военного времени затормозилось и не было доведено до своего логического завершения в связи с крахом монархии в России.

Тимофеев Евгений Александрович
«Law and economics»: учение о праве и государстве в США в XX веке

Дата защиты – 27 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Научный руководитель	Романовская Вера Борисовна
Оппоненты	Груздев Владислав Владимирович, Купцова Ольга Борисовна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» Диссертационный совет Д 203.009.01 на базе
Место защиты	ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской

Федерации»

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые в отечественной правовой науке проведено комплексное исследование одного из передовых, ведущих в большинстве англосаксонских стран, в частности в США, направлений научных исследований на стыке права и экономики. Многие из использованных при подготовке диссертационного исследования источников, включая материалы судебной практики, ранее не переводились на русский язык.

Новым в научном плане является системное изложение генезиса политико-правового учения «Law and Economics», его исходных идей и предпосылок формирования. Кроме того, диссертантом предложена авторская периодизация развития учения «Law and Economics» от момента зарождения до настоящего времени, дана сравнительная характеристика основных школ учения, на основании чего выявлены тенденции его развития на современном этапе.

Впервые в отечественной науке в качестве термина, отражающего мультидисциплинарное содержание политико-правового учения «Law and

Economics», обосновано и введено в научный оборот русскоязычное понятие «экономический анализ права».

Новизну исследования определяет также проведенный сравнительный анализ особенностей познавательной установки, исходных идей и начал методологии «Law and Economics» и догматической юриспруденции (в наиболее обобщенном виде нивелирующем различия вариаций догматики), результаты которого для наглядности вынесены в приложение 1 (см. таблицу). На основе этого анализа определены относительные преимущества и ограничения (недостатки) познавательной установки «Law and Economics» в контексте возможности применения «Law and Economics» в условиях российской правовой системы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политико-правовое учение «Law and Economics» обосновывает необходимость познания правовых феноменов, исходя из экономических детерминант, предпосылок и методологии индивидуализма (применение теории рационального выбора, ценовой

теории, теоремы Коуза, а также понятий альтернативных, трансакционных издержек и эффективности), в качестве одного из актуальных направлений исследования проблем государства и права. При этом учение «Law and Economics» представляется одним из новейших научных направлений в юриспруденции и обладает статусом самостоятельной, стремительно развивающейся научной школы, обладающей потенциалом для решения как научных, так и политических задач (критика государственного вмешательства в экономику, обоснование необходимости свободы договора и предпринимательства и проч.).

2. «Law and Economics», с одной стороны, является наследником идей неприятия чрезмерно формального юридического подхода к праву, нашедшего отражение в концепциях естественного права (Платон, М.Т. Цицерон, Ф. Аквинский, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), философии утилитаризма (И. Бентам), шотландского просвещения (Д. Юм), американского правового реализма (О. Холмс, Р. Паунд, Б. Кардозо, К. Льюэллин), школы критических правовых исследований (А. Хант, С. Холл, Д. Кеннеди, Р. Ангер), а с другой стороны – экономических идей (нео) классической (А. Смит, Д. Рикардо, Т. Мальтус, Дж. С. Милль, К. Маркс, К. Менгер, М. Фридман, П. Самуэльсон, А. Пигу и др.), новой исторической (В. Зомбарт, Г. Шмоллер, М. Вебер, Л. Brentано, К. Бюхер и др.) и (нео) институциональной (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон, Г. Демсец, Т. Веблен, Дж. Коммонс, Дж. Гэлбрейт и др.) школ.

Близкие по духу европейские школы права – социология права (Д. Анцилотти, О. Эрлих, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Л. Дюги), юриспруденция интересов (Р. Иеринг), школа свободного права (Л. Канторович, Г. Радбрух, Е. Эрлих) – не оказали существенного влияния на становление «Law and Economics», поскольку в континентальной правовой традиции, восходящей к философии И. Канта, юриспруденция традиционно позиционируется как полностью самостоятельная, автономная, догматическая наука, не нуждающаяся в междисциплинарном взаимодействии.

3. В научной литературе по «Law and Economics» отсутствует общепринятая периодизация развития учения. Имеющиеся варианты фрагментарны и сводятся либо к делению экономического анализа права на «старый» и «новый» (Р. Познер), либо к выде-

лению в нем «первой» и «второй» волны (Э. Маккей, А. Бальсевич), не охватывая всего исторического горизонта.

В работе предлагается авторская периодизация развития экономического анализа права, включающая следующие этапы: 1) этап формирования исходных идей (со времен Античности до 40-х годов XX века) – на котором, начиная с работ древнегреческих мыслителей Платона и Аристотеля, то есть задолго до формирования экономики как самостоятельной науки (А. Смит), стали формироваться концептуальные основания-предпосылки дальнейшего становления и обособления учения «Law and Economics»; 2) классический этап (40-е – 70-е годы XX века) – период расцвета учения, интенсивного роста его влияния и резко увеличенного числа сторонников, в который сложилась ставшая впоследствии классической Чикагская школа (Р. Познер), а такие ученые, как Р. Коуз, Г. Беккер и Г. Калабрези заложили концептуальные основы для всего последующего развития «Law and Economics»; 3) современный этап (с 1980-х годов по настоящее время) – начался с выдвижения на лидирующие позиции наряду с Чикагской школой неклассической Австрийской школы (М. Ричцо, И. Кирцнер, У. Блок, Р. Эбелинг, Г. Креспи, Л. Секрест, Н. Кинселла, Р. Кордато, К. Воннел, Л. Уайт, Г. Фолмер и др.), уточнившей предпосылки анализа за счет включения в них изменчивости предпочтений индивидов, динамического характера рынка и неполноты (фрагментарности) информации, тем самым придав всему современному экономическому анализу права импульс к еще большему усложнению используемой модели реальности (например, за счет уточнения теории рационального выбора введением элементов ограничений (провалов) рациональности и т. д.).

4. Характерными особенностями познавательной установки «Law and Economics» являются ее проактивность (подход *ex ante*) – рассмотрение права как системы экзогенных стимулов, «неявных цен»; мультидисциплинарность (использование экономической теории для изучения права); маржинальность – отслеживание приростных изменений в целом стабильных по остальным параметрам систем; консеквенциалистская эффективность (оценка правовых последствий при помощи ценовой теории); прагматичность (рациональность) представлений о человеке как макси-

мизаторе собственной выгоды; тенденция к генерализации, выявлению общих закономерностей взаимоотношений права и среды, моделированию и прогнозированию; максимально продуктивная работа с количественными показателями (cost benefit analysis).

5. Наличие в рамках «Law and Economics» радикальных нормативных предположений, вплоть до замены традиционных правовых целей и ценностей (таких как, например, справедливость) категориями экономической эффективности, является не более чем следствием общесоциальной тенденции к излишней «экономизации» всех сфер жизни общества, включая науку, которая не может быть проигнорирована никаким современным политико-правовым учением. Однако в своем классическом (позитивном) варианте «Law and Economics» строго научно, не носит нормативного подтекста и не претендует на создание нового мировоззренческого горизонта, представляя собой объективное, нонкогнитивное, инструментальное учение, свободное от чрезмерной идеологизированности, направленное в основном на реализацию прогностической, дескриптивной и эвристической функций.

6. С точки зрения классификации видов научного взаимодействия «Law and Economics» тяготеет к мультидисциплинарным (таким, например, как философия права, социология права и проч.), а не междисциплинарным (например, юридическая психология, юридическая лингвистика и проч.) или трансдисциплинарным (например, изучение преступности, городской среды и проч.) направлениям, поскольку право здесь изучается извне, с позиций иной самостоятельной научной дисциплины – экономики. В силу этого фактора «Law and Economics» не предполагает создания новых интегральных структур, основываясь на четкой демаркации предметов научного знания экономики и юриспруденции.

7. Наиболее герменевтически обоснованным и терминологически выверенным русскоязычным понятием для обозначения учения «Law and Economics» представляется «экономический анализ права» – понятие, позволяющее, в отличие от иных встречающихся в литературе вариантов («экономика права», «экономическая теория права», «право и экономика» и проч.), подчеркнуть мультидисциплинарность содержания описываемого политико-правового учения.

8. Учение «Law and Economics» является интернациональным и занимает важное место в современной мировой юриспруденции. В настоящее время география «Law and Economics» выходит далеко за пределы США (где учение первоначально зародилось и обрело наибольшее количество последователей), включая также страны Европы (учение имеет значительное влияние в Германии, странах Бенилюкс, Италии и ряде других государств Европейского союза), Скандинавские страны и Латинскую Америку (наиболее бурный рост отмечается в Бразилии).

9. В условиях российской правовой системы, в целом тяготеющей к романо-германской правовой семье, необходимо использовать позитивное направление экономического анализа права в первую очередь путем применения разработанной в нем системы принципов институционального проектирования нормативных правовых актов, что позволит улучшить качество отечественного правотворчества за счет обращения к передовым методам моделирования и прогнозирования.

Подход экономического анализа права к оценке эффективности правовых актов (как внутренней эффективности, так и эффективности их применения) расширяет преобладающее в отечественной науке понимание эффективности как достижения запланированного результата правового воздействия возможностью оценки последствий введения выбранного варианта регулирования (или самого выбора варианта регулирования) при помощи ценовой теории (консеквенциалистская эффективность).

Кроме того, целесообразно использование экономического анализа права в качестве инструмента аналитического исследования законодательства и правоприменительной практики, а также его прямое применение в правоприменительной практике по вопросам оценки фактических обстоятельств, имеющих значение для дела и целей толкования нормативных предписаний в ряде отраслей права (гражданское право, предпринимательское право, налоговое право, антимонопольное право и т. д.).

Вострокнутов Валентин Александрович
Мифологический элемент в современном общественном правосознании

Дата защиты – 28 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»
Научный руководитель	Клименко Алексей Иванович
Оппоненты	Глухарева Людмила Ивановна, Азнагулова Гузель Мухаметовна
Ведущая организация	ФГКОУ «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» Диссертационный совет Д 203.019.01 на базе
Место защиты	ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»

Научная новизна работы состоит, прежде всего, в выборе предмета исследования и обосновании значения мифологического компонента в современном правосознании. Новизну составляют также следующие результаты осуществленного теоретического исследования проблемы:

1. определение сходных и отличительных черт, характерных для современного правового и мифологического сознания;
2. установление смысловой и функциональной связи основных правовых идей, характерных для современного правосознания, с традиционными мифологическими сюжетами;
3. обоснование тезиса, что современный правовой миф в принципе неотделим от элементов магических и религиозных представлений, поскольку они характерны для мифологического мышления по его природе;
4. обоснование тезиса, что в идеологической сфере современного общества правовое и мифологическое сознание находятся в синтезе;
5. различение историко-ретроспективных и перспективнопро-

гностических мифов, в том числе с точки зрения характерных для них функций и дисфункций;

6. определение основных подходов к выявлению сущности права и определению его понятия с точки зрения мифологической составляющей этих подходов: правопонимания в контексте мифа закона, в контексте мифа свободы, на основе мифа порядка и в каркасе идеи права;

7. установление специфики и степени существенности мифологического компонента, заключенного в ряде концепций, входящих в современное общественное правосознание, прежде всего, на его доктринальном уровне, – в концепциях правопонимания, теориях происхождения государства и права, концепции прав человека, правового государства и гражданского общества, законности, правопорядка;

8. определение роли и функций элементов мифологизации различных правовых представлений в обыденно-массовом правосознании;

9. определение роли и функций мифологизации различных элементов действующего права в профессиональном правосознании;

10. обоснование того, что выявление мифологического элемента в правосознании является весьма существенным для объяснения латентной мотивации правозначимого поведения;

11. выявление роли и способов демифологизации правовых мифов о правопорядке, основанном на законности, правовом государстве и гражданском обществе, о правах человека.

Научная новизна работы отражена в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Обращение к мифологической составляющей общественного правосознания способствует углублению научного знания о природе и действии права, а демифологизация основных идей и концепций является одним из стратегических направлений развития современной правовой теории.

2. Правовой миф – это миф, связанный с конкретной правовой идеей и сопровождающийся определенным сюжетом правовой жизни. Механизм правового мифа действует в соответствии с логикой мифологического сознания, заключающейся в придании единичному качества всеобщего, казуальному – качества норма-

тивного.

3. Исходя из анализа функциональных характеристик правового мифа следует сделать заключение о высокой степени социальной значимости мифологического комплекса правосознания. Правовой миф присутствует в общественном правовом сознании на рациональном и иррациональном уровнях, где он актуализируется через систему правовой идеологии, способствуя внедрению связанных с ним правовых идей в правосознание на его обыденнопрактическом уровне без их критического осмысления.

4. Наиболее значимы для современной правовой теории мифологические представления о происхождении государства и права, о природе права, о правах человека, о правопорядке и законности, правовом государстве и гражданском обществе. В этих концепциях мифологическая составляющая прослеживается наиболее явно.

5. Основная задача мифологической конструкции происхождения государства и права в системе правовой идеологии состоит в легитимации государственной власти; однако она может быть использована и для дискредитации государственной власти – все зависит от направленности и целей идеологического воздействия.

6. Элементы мифологизации концепции прав человека имеют как функциональную, так и дисфункциональную нагрузку. Усиление дисфункций мифологического компонента ведет к деидеологизации концепции прав человека и к преувеличению «презумпции достоинства» как основы мифологического понимания прав человека.

7. Мифологическая составляющая концептов правового государства и гражданского общества, будучи весьма существенной, способна играть положительную роль, и потому идеологическая работа должна направляться не столько на демифологизацию образов правового государства и гражданского общества, сколько на их корректировку.

8. Обыденное правосознание склонно к содержательной оценке правопорядка и законодательства с точки зрения опыта и интересов, и они мифологизируются незначительно, тогда как на уровне профессионального правосознания миф о законосообраз-

ном правопорядке оказывается самоценным, и минимизировать его дисфункции довольно сложно. Поэтому оценки правопорядка с позиции профессионального и обыденного правосознания чаще всего сильно расходятся.

9. Дисфункции мифа о государственном правопорядке наиболее ярко проявляются на уровне профессионального правосознания и, в частности, на уровне правосознания сотрудников органов внутренних дел. Профессиональное правосознание сотрудников ОВД должно основываться на понимании значимости приоритета юридического правопорядка, основанного на законности, перед другими формами правопорядка, а не на мифологизации юридического правопорядка как единственно существующего.

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Защиты докторских диссертаций

Чуксина Валентина Валерьевна

Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите (сравнительно-правовое исследование)

Дата защиты – 8 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права»
Научный консультант:	Нарутто Светлана Васильевна
Оппоненты	Несмеянова Светлана Эдуардовна, Нудненко Лидия Алексеевна, Тхабисимова Людмила Аслановна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» Диссертационный совет Д 999.008.03 на базе
Место защиты	ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Научная новизна исследования. Настоящая диссертация представляет собой одно из первых юридических исследований, посвященных изучению теоретических и прикладных проблем деятельности государственных органов по содействию правам человека и их защите в зарубежных странах, на новом научно-

теоретическом уровне исследована специфика становления и развития системы государственных органов по содействию правам человека и их защите в Российской Федерации. На основе анализа нового фактического, нормативного и теоретического материалов (в подавляющем большинстве переведенных диссертантом с иностранных языков и впервые введенных в научный оборот) разработана авторская концепция правового регулирования и эффективного функционирования государственных органов по содействию правам человека и их защите, определены их правовая сущность, специфика, основные типы, место и роль в государственном внесудебном правозащитном механизме.

На защиту выносятся следующие выводы, касающиеся конституционно-правовой сущности, мирового опыта правового регулирования и функционирования государственных специализированных органов по содействию правам человека и их защите.

1. Установлено, что глобализация прав человека в результате имплементации норм международного права во внутригосударственное (и наоборот) привела к унификации правовых принципов создания и функционирования внутригосударственных правозащитных структур и механизмов и является новой общемировой тенденцией развития государственных систем обеспечения и защиты прав человека. Наряду с совершенствованием судебной и административной защиты происходит формирование новых государственных внесудебных органов по содействию правам человека и их защите, называемых по общепринятой терминологии в системе ООН (National Human Rights Institutions for the Promotion and Protection of Human Rights) – национальными учреждениями (или институтами), специализирующимися исключительно на содействии правам человека и их защите (в широком смысле), которые стали важной новеллой XX века в конституциональном плане.

2. Траектории создания системы государственных органов по содействию правам человека и их защите зависят от уровня конституционно-правового и социально-экономического развития страны, формы государственного устройства и его особенностей, специфики и остроты существующих проблем с правами человека. Проведенный анализ позволяет выделить основные теоретические модели создания системы государственных орга-

нов по содействию правам человека и их защите:

1) инновализационную (учреждение новых правозащитных органов, детерминированное преимущественно внутригосударственными причинами);

2) модернизационную (расширение полномочий и функций имеющихся правозащитных органов, при которых ведущую роль играет инициатива самого государства);

3) парадигмальную (использование правовых конструкций, имеющихся в других странах и/или мирового опыта в целом, выбираемых государствами по собственной инициативе или под влиянием внешних факторов; в результате могут быть созданы как эффективные правозащитные органы, так и только формально соответствующие выбранному типу);

4) инновационную (соединение в одном органе различных типов правозащитных органов, преимущественно по инициативе государства).

На практике взаимодействие международного и национального права приводит к наложению моделей (в синхронном и диахронном аспекте) создания систем специализированных государственных органов по содействию правам человека и их защите.

3. Проведенный анализ национальных и региональных (в федеративных государствах) органов по содействию правам человека и их защите, несмотря на многообразие их типов, позволяет говорить о единой правовой сущности органов данного типа как новых институциональных элементов государственной внесудебной системы защиты; представить их в единстве структурных элементов, связей и функций.

Показано, что по своей правовой сущности государственные органы по содействию правам человека и их защите, несмотря на существующие между ними различия в разных странах, выступают как независимые субсидиарные структуры, интегрированные в систему публичного управления, но не обладающие юрисдикционными полномочиями (за редким исключением); создаваемые в целях предупреждения нарушений и защиты основных (конституционных) прав и имплементации общепризнанных стандартов прав человека на внутригосударственный уровень; реализующие в пределах своей компетенции принцип справедли-

ности (в правовом и гуманистическом смыслах) с учетом национальных особенностей государства. Основной целью их учреждения служит правовая реализация стратегий содействия правам человека и их защиты и совершенствование конституционной системы защиты прав и свобод человека и гражданина.

4. Показано, что по форме (источнику) закрепления полномочия органа по содействию правам человека и их защите классифицируются на: закрепленные в конституции, законе и, как исключение, подзаконном акте. По направлению деятельности полномочия целесообразно разделить на внутригосударственные и внешнегосударственные.

Спецификой функционирования государственных органов по содействию правам человека и их защите является взаимодействие с гражданским обществом и органами государственной власти. На практике существуют разнообразные модели включения представителей гражданского общества в состав органов по содействию правам человека и их защите и выполнения требований к его репрезентативности. Во-первых, члены руководства и штатные работники могут представлять различные социальные группы общества. Во-вторых, обеспечение плюрализма осуществляется через процедуры создания общественных (консультативных, экспертных) советов, комиссий или проведения совещаний. Для повышения эффективности деятельности органа по содействию правам человека и их защите в его состав включаются квалифицированные эксперты по правам человека и представители органов государственной власти на консультативной основе.

5. Применяемые государственными органами по содействию правам человека и их защите формы и методы защиты прав позволяют говорить о принципиально отличной от других органов, компетентных рассматривать жалобы и заявления частных лиц, посреднической роли данных органов в ситуации, связанной с нарушением прав и личных интересов граждан. При рассмотрении заявлений и жалоб граждан, во-первых, может использоваться метод примирения сторон (альтернативного урегулирования споров); во-вторых, метод вынесения в установленных законом пределах обязательного решения; в-третьих, метод уведомления стороны, представившей заявление, о ее правах, в част-

ности об имеющихся в ее распоряжении средствах правовой защиты; в-четвертых, возможно направление заявления любому другому компетентному органу; в-пятых, наложение штрафных санкций (в некоторых странах: Индия, Пакистан и др.).

6. Установлено, что исторически генезис органов по содействию правам человека и их защите обусловлен правовыми и политическими причинами. До создания ООН страны самостоятельно решали вопрос об учреждении данных органов, с середины XX века международные структуры стали оказывать влияние, а в некоторых случаях инициировать процесс создания внутригосударственных органов по содействию правам человека и их защите. В этих целях были разработаны «стандарты», имеющие статус «мягкого» права (Парижские принципы) эффективного функционирования данных органов. Выявлено, что быстрого увеличения количества органов по содействию правам человека и их защите не происходило вплоть до конца 1990-х годов, за последние пятнадцать лет учреждены более 70% всех имеющихся сегодня структур. Анализ эволюции органов по содействию правам человека и их защите дает основания говорить о тенденции к расширению их типов и смещению акцентов от реагирования на нарушения прав человека постфактум к превентивным формам и методам правозащитной деятельности. Показано, что впервые органы по содействию правам человека и их защите появились в форме комиссий по правам человека с широкой сферой компетенции по содействию правам человека и их защите (в том числе превентивной), включая развитие образовательных программ по соблюдению прав человека, консультаций-рекомендаций правительственным учреждениям, сотрудничество с неправительственными организациями и СМИ и др.

7. На основе сравнительного анализа компетенции «классического» омбудсмана и новых омбудсменов по правам человека обоснована трансформация концепции «классического» омбудсмана. Из органа контроля за администрацией он все больше превращается в институт постомбудсмана¹ – государственный специализированный орган по содействию правам человека и их

¹ Понятие введено автором диссертации.

защите, понимаемой в широком смысле (как ретроспективная и проспективная защита), в орган внутригосударственного контроля за соблюдением конституционных и статутных прав с учетом международных стандартов прав человека (большинство омбудсменов в странах Восточной и Центральной Европы, включая Российскую Федерацию, и др.).

8. На основе разработанной автором типологии государственных специализированных органов по содействию правам человека и их защите выделены их основные типы: комиссии по правам человека; омбудсмены по правам человека – постомбудсмен институты; антидискриминационные омбудсмены/комиссии; институты/центры по правам человека; консультативные комиссии по правам человека; комплексные институты по правам человека (коллегиальные по составу, выполняющие функции омбудсменов, комиссий по правам человека и центров по правам человека).

Обосновано, что проблема типологии органов по содействию правам человека и их защите лежит не в формальной, а в практической плоскости. В рамках одного типа данные органы могут иметь отличия не только по названию, но и по правовому статусу (государственные или государственно-общественные органы), количественному составу, срокам полномочий, формам и методам работы с органами государственной власти и гражданским обществом, с международными органами и т.д.

9. В результате проведенного анализа установлено, что процесс институционализации органов по содействию правам человека и их защите в постсоветских государствах (СНГ) имеет многообразие вариаций. В отличие от мировой практики в государствах СНГ изначально учреждались комиссии по правам человека, затем институты омбудсмена (уполномоченного по правам человека). Анализ этого явления позволяет утверждать, что нормативно-правовые акты, учреждающие и регулирующие деятельность новых правозащитных структур, различались не только по юридической силе, но и по направленности самого процесса институционализации. В настоящее время главной особенностью системы органов по содействию правам человека и их защите в странах СНГ является их «комбинированный» характер: они одновременно сочетают традиционные функции омбудсмена и

функции комиссий по правам человека, тем самым реализуя преимущественно инновационную модель развития. По сравнению с полномочиями Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации омбудсмены/уполномоченные по правам человека в некоторых государствах СНГ наделены правами: официального внесения заключений на законопроекты; обращения в Конституционный Суд в порядке абстрактного нормоконтроля.

Принятие и совершенствование национального законодательства, касающегося создания новых государственных органов по защите прав человека во многих зарубежных странах СНГ, проходили под влиянием и при непосредственном участии (включая финансовую помощь) международных структур по правам человека. Это предопределило схожесть законов об уполномоченных по правам человека в этих и других зарубежных странах, осуществляющих демократические реформы.

Практика адаптации мирового опыта с учетом национальных особенностей государств СНГ показывает, что в деятельности их органов по содействию правам человека и их защите возникает еще много проблем, обусловленных взаимосвязью социально-экономического и конституционно-правового развития, а также особенностями правовой культуры и правового сознания, включая восприятие данных органов гражданским обществом и органами государственной власти.

10. Выявлено влияние доктринальных, конституционно-правовых и культурно-исторических факторов развития федераций на процесс учреждения органов по содействию правам человека и их защите в федеративных государствах, определения их сферы компетенции на федеральном и региональном уровнях. Специфика моделей разграничения предметов ведения и полномочий федерации и ее субъектов приводит к ряду различных практических трудностей, связанных с созданием органов по содействию правам человека и их защите и осуществлением международных обязательств в области прав человека и на федеральном, и на региональном уровнях (например, США, Австралия и др.). В отличие от федераций, принадлежащих к системе англосаксонского права, европейские федерации позволяют обеспечивать более единообразный подход к защите прав человека на всей территории страны и учреждать органы по содействию правам

человека и их защите на федеральном уровне.

Интенсивное развитие принципов кооперативного федерализма во многих странах и международные обязательства государств в области прав человека, рекомендации международных структур, стимулируют тенденцию к институционно оформленному сотрудничеству федерации и ее субъектов в форме создания и укрепления взаимодействия федеральных и региональных органов по содействию правам человека и их защите.

11. Установлено, что в Российской Федерации процесс создания системы новых внесудебных государственных органов по содействию правам человека и их защите берет начало с формирования комиссий по правам человека при Президенте Российской Федерации и главах субъектов Российской Федерации, учрежденных подзаконными актами. Изначально существующее противоречие между провозглашенными целями, задачами, функциями комиссий и средствами их обеспечения стало главным препятствием их эффективности и привело к замене институту уполномоченного по правам человека.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации по принципам деятельности, правовому положению в системе государственных органов, механизмам обеспечения функциональной независимости, порядку назначения и прекращения полномочий, вопросам финансирования аппарата, специфическим методам «альтернативного урегулирования споров», сохраняет основные характеристики классического (парламентского) института омбудсмана. При этом законодательно закрепленная цель и практика функционирования данного института масштабно отличаются от целей института классического омбудсмана, что дает основания отнести его к такому типу органов по содействию правам человека и их защите как омбудсмен по правам человека, т.е. постомбудсмен институт, который в рамках своей компетенции должен способствовать системному совершенствованию всей государственной защиты прав человека.

12. По итогам исследования выработаны практические рекомендации:

- Для решения проблемы эффективности института регионального уполномоченного по правам человека необходимо учитывать специфику социальнокультурного развития субъекта фе-

дерации: при утверждении структуры аппарата определять оптимальное количество штатного состава, создавать материально-технические условия адекватные направлениям деятельности, а также отразить акценты в направлениях и формах деятельности уполномоченного.

- В ежегодном отчетном докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека субъектов федерации должны быть названы органы государственной власти и органы местного самоуправления, должностные и юридические лица, которые нарушали права и свободы человека, не считались с рекомендациями Уполномоченного о мерах по восстановлению этих прав.

- Ввести в практику публичную презентацию и обсуждение ежегодных докладов уполномоченных по правам человека (федерального и регионального) с представителями органов власти и гражданского общества.

- Активизировать просветительно-образовательную деятельность в сфере прав человека, используя опыт зарубежных структур по содействию правам человека и их защите (в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, СМИ и телевидения) в свете законодательно предусмотренной функции российских уполномоченных – правового просвещения.

- В целях совершенствования и координации деятельности российских уполномоченных по правам человека и повышения культуры прав человека в России представляется необходимым разработка Национальной программы по правовому просвещению с учетом Всемирной программы образования в области прав человека ООН.

13. В настоящее время система российского института уполномоченного по правам человека соответствует преимущественно модернизационной и инновационной моделям развития. Перманентное совершенствование нормативно-правовой базы российского института уполномоченного по правам человека, включая изменения, внесенные в законодательство Российской Федерации в 2015 г., является одним из стимулов для эффективного выполнения триединой обязанности российского государ-

ства признавать, соблюдать, защищать права и свободы и акцентирует внимание на необходимости отказа от узкой конституционно-правовой трактовки защиты прав человека как правомерной деятельности управомоченных субъектов по применению способов защиты для фактического восстановления нарушенного права (законного интереса) и/или нейтрализации угрозы нарушения и законодательного закрепления термина «защита» в широком смысле.

Автор считает, что защита прав человека в широком и в узком смысле связаны принципом субсидиарности, предполагающим возможность и необходимость вмешательства исполнительных, судебных и других органов государства лишь тогда, когда это объективно неизбежно при нарушении прав человека или злоупотреблении правом. В нормальных условиях должен действовать принцип «презумпции добросовестности», усиливающий востребованность позитивной или проспективной юридической ответственности государства.

14. Показано, что аккредитация национальных учреждений по содействию правам человека и их защите Международным координационным комитетом означает официальное признание соответствия их правового регулирования и практики функционирования международным критериям эффективных учреждений (Парижским принципам). Парижские принципы стали ярким примером того, как «жесткие» договорные обязательства государств содействовали признанию «мягких» стандартов международного права.

Обосновано, что создание при ООН «Секции национальных учреждений и региональных механизмов» и получение национальными учреждениями по содействию правам человека и их защите аккредитационного статуса привело к расширению объема их полномочий за счет прямого участия в новых правозащитных международных механизмах (Совете ООН по правам человека), Универсальном периодическом обзоре стран, мониторинге выполнения рекомендаций конвенционных органов, а также посредством включения в их компетенцию защиты прав человека в соответствии с ратифицированными международными договорами.

15. Установлено, что в условиях глобализации у государ-

ственных специализированных органов по содействию правам человека и их защите появляется новое направление деятельности в сфере защиты прав человека от пыток и жестокого обращения. Подавляющее большинство государств при создании национальных превентивных механизмов в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции ООН против пыток пошли по пути наделения существующих государственных специализированных органов по содействию правам человека и их защите полномочиями национальных превентивных механизмов против пыток. Автором выделены основные модели участия государственных специализированных органов по содействию правам человека и их защите в национальных превентивных механизмах: «государственный специализированный орган по содействию правам человека и их защите + новая функция»; «государственный специализированный орган по содействию правам человека и их защите + новая структура»; «государственный специализированный орган по содействию правам человека и их защите + другие органы»; «государственный специализированный орган по содействию правам человека и их защите как центральный механизм + другие органы».

16. Государственные органы по содействию правам человека и их защите обрели международное измерение и стали первым примером практической реализации инновационного подхода, основанного на взаимосвязанном трехстороннем взаимодействии «органов государственной власти – государственных специализированных органов по содействию правам человека и их защите – международных органов».

Благодаря своему уникальному статусу они, с одной стороны, содействуют выполнению обязанностей органов власти по защите прав и свобод человека и гражданина, привлекая для реализации этой функции институты гражданского общества, с другой стороны, содействуют разрешению противоречий между вызовами процесса глобализации прав человека и культурно-историческими и социально-экономическими особенностями развития государств.

Защиты кандидатских диссертаций

Грудинин Никита Сергеевич
Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации как орган народного представительства: вопросы теории и практики
Дата защиты – 1 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет»
Научный руководитель:	Николаев Андрей Михайлович
Оппоненты	Садовникова Галина Дмитриевна, Ежевский Дмитрий Олегович
Ведущая организация	АНОО ВО «Алтайская академия экономики и права»
Место защиты	Диссертационный совет Д 170.001.01 на базе ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

Научная новизна диссертационного исследования состоит как в постановке и анализе проблемы функционирования Государственной Думы Федерального Собрания в интересах многонационального народа России, так и комплексном подходе к её решению, включающем в себя не только оценку конституционно-правовых норм, которые регулируют порядок формирования и функционирования Государственной Думы, эффективность реализации ею своих основных функций, но и оценку отношения и уровня доверия граждан Российской Федерации к работе Государственной Думы.

Необходимо отметить, что автором работы была установлена прямая взаимосвязь между практикой проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания и эффективностью функционирования самой Государственной Думы. На основании этого был сделан вывод о бинарной правовой природе

института свободных выборов депутатов Государственной Думы, который является одновременно и формой непосредственного волеизъявления граждан, и частью представительной системы России.

В ходе проведённого исследования автором также было уточнено понятие народного представительства, перечислены функции, выполняемые данным институтом. С позиций современной теории конституционного права были рассмотрены преимущества и недостатки пропорциональной избирательной системы, применявшейся на выборах депутатов Государственной Думы пятого и шестого созывов, обоснована необходимость закрепления мажоритарно-пропорциональной избирательной системы при комплектовании депутатского корпуса Государственной Думы непосредственно в тексте Конституции Российской Федерации.

Научную новизну диссертационного исследования конкретизируют следующие выводы и положения, выносимые на защиту:

1. Автором уточнено понятие народного представительства. Народное представительство представляет собой институт представительной демократии, форму реализации народного суверенитета, сущность которой состоит в передаче народом мандата на управление делами государства своим представителям на определённый законом срок в коллегиальном органе государственной власти (парламенте). Данный институт выступает в качестве фундаментальной основы конституционного строя современных демократических государств.

2. Автором выявлены функции, выполняемые институтом народного представительства: представительная, законодательная, контрольная, системообразующая, обеспечительная, регулятивная, коммуникационная. Последовательная реализация данных функций на практике – необходимое условие эффективного функционирования органов народного представительства в интересах народа.

3. Система народного представительства – это комплексный государственно-правовой институт, включающий в себя совокупность представительных органов власти, порядок их формирования и функционирования, взаимоотношения с другими органами государственной власти, местного самоуправления, обще-

ственными организациями и гражданами, а также формы влияния и контроля за их деятельностью со стороны народа. Качество функционирования системы народного представительства предопределяется рядом факторов, среди которых на первый план выходят следующие: законодательная база, на которой основано функционирование органов народного представительства; механизм формирования представительных органов государственной власти; уровень политического и правового сознания общества; механизмы, обеспечивающие постоянную двустороннюю взаимосвязь депутатов со своими избирателями.

4. Народное представительство может функционировать как на презентативной, так и на репрезентативной основе. Органы народного представительства, функционирующие на репрезентативной основе, формируются в ходе всеобщих прямых свободных периодических выборов. В их основе – прямое избирательное право граждан государства и непосредственный мандат от граждан на представительство своих интересов в законодательных органах государственной власти. На современном этапе развития отечественной государственности органом народного представительства репрезентативного типа на федеральном уровне является Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, качество функционирования которой определяет саму суть народного представительства.

5. Качество функционирования органов народного представительства репрезентативного типа зависит от модели избирательной системы, используемой в ходе проведения выборов и определения их результатов. Результатом применения пропорциональной системы на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания пятого и шестого созывов стало ослабление связей между депутатами Государственной Думы и их избирателями, разрыв между теорией и практикой реализации идеи народного представительства.

6. Укреплению взаимосвязей между депутатами Государственной Думы и их избирателями, повышению эффективности реализации коммуникационной функции института народного представительства должны способствовать поправки к Федеральному закону от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской

Федерации». Представляется целесообразным:

- введение обязательных предварительных голосований граждан по вопросу о персональном составе федеральных списков кандидатов в депутаты Государственной Думы, результаты которых должны напрямую влиять на формирование региональных групп федеральных списков кандидатов в депутаты Государственной Думы;

- введение элементов преференциального голосования при голосовании на выборах депутатов Государственной Думы по партийным спискам. Избирателям должна быть предоставлена возможность отметить знаком в бюллетене одного кандидата из состава региональной группы федерального списка кандидатов, которого они прежде всего хотели бы видеть депутатом.

7. С целью повышения эффективности функционирования Государственной Думы Федерального Собрания как органа народного представительства необходимым и целесообразным представляется принятие поправки к Конституции Российской Федерации, которая должна закрепить основы избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы. Часть 3 статьи 95 Конституции должна звучать следующим образом: «Государственная Дума состоит из 450 депутатов, 225 из которых избирается в одномандатных избирательных округах и 225 – по федеральным спискам кандидатов в депутаты, выдвигаемым для участия в выборах политическими партиями и избирательными блоками».

8. Снижение степени эффективности функционирования органов народного представительства свидетельствует о наличии определённых проблем на пути построения демократического правового государства, реализации конституционного установления о суверенитете народа в Российской Федерации. Для эффективного функционирования системы народного представительства в России должна быть создана система контроля за работой депутатов в интересах своих избирателей. Применительно к Государственной Думе система правовых гарантий, препятствующих утрате ею своего представительного статуса, должна включать в себя институт ежегодных публичных отчётов политических партий о своей деятельности в Государственной Думе. Более того, депутаты, избранные в одномандатных избирательных округах,

должны представлять ежегодные отчёты о своей деятельности населению своих округов через средства массовой информации.

Вахрамеев Роман Геннадьевич
Право на информацию в Российской Федерации
(конституционно-правовое исследование)
Дата защиты – 4 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет»
Научный руководитель:	Кожевников Олег Александрович
Оппоненты	Крусс Владимир Иванович, Бережная Татьяна Валентиновна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.282.02 на базе ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет»

Научная новизна работы определяется тем, что в ней проведено комплексное правовое исследование конституционно-правовых основ конституционного права человека и гражданина на информацию как базиса для реализации данного права. Определены понятие конституционного права человека и гражданина на информацию и его содержание с учетом действующих международных и российских нормативных правовых актов, рассмотрены проблемы реализации конституционного права на информацию, в том числе отмечено недостаточное правовое регулирование положения иностранных граждан и лиц без гражданства в этой сфере.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Под конституционно-правовыми основами права на информацию предложено понимать совокупность норм, содержащихся в Конституции Российской Федерации, федеральных нор-

мативных правовых актах и нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, регулирующих общественные отношения в сфере свободного производства, распространения, поиска, сбора, получения, использования и хранения информации.

2. На основе проведенного исследования разграничены понятия конституционно-правовых основ конституционного права на информацию и конституционного права человека и гражданина на информацию, под которым понимается закрепленное в Конституции Российской Федерации субъективное право, включающее в себя права человека и гражданина на свободное производство, распространение, поиск, сбор, получение, использование и хранение любым законным способом информации о любых процессах и явлениях при условии соблюдения ограничений в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

3. Показано, что процесс реализации конституционного права на информацию состоит из пяти стадий. Это стадия производства информации, стадия распространения, стадия поиска и сбора, стадия получения и стадия хранения и использования информации.

На каждой из указанных стадий осуществляются входящие в содержание конституционного права человека и гражданина на информацию и закрепленные в Конституции Российской Федерации права: а) на производство информации; б) на распространение информации; в) на поиск и сбор информации; г) на получение информации; д) на хранение информации; е) на использование информации.

Стадии составляют единый цикл реализации конституционного права на информацию, при этом каждое из выделенных прав может быть реализовано самостоятельно в конкретных правоотношениях на определенной стадии.

4. Обосновано, что для достижения единообразия в правоприменении, восполнении пробелов в правовом регулировании правоотношений, возникающих между человеком, гражданином, с одной стороны, и государственными органами, органами местного самоуправления – с другой, по поводу реализации консти-

туционного права на информацию, необходимы разработка и принятие федерального закона, в котором бы раскрывалось содержание конституционного права человека и гражданина на информацию, определялись его гарантии и принципы реализации, ответственность должностных лиц за его нарушение, перечни информации, ограниченной и запрещенной к распространению. Предложена концепция данного федерального закона, основу которого составили конституционно-правовые основы исследуемого права.

5. Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что конституционно-правовые основы права на информацию необходимо рассматривать как формирующийся конституционно-правовой институт, который станет базисом для регулирования отношений, связанных с реализацией конституционного права на информацию.

6. Сформулированы предложения по изменению действующего законодательства, устанавливающего ответственность уполномоченных должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления за нарушение установленного порядка обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, в том числе к информации ограниченного доступа.

7. Доказано, что доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления является основной формой реализации человеком и гражданином конституционного права на информацию, поскольку без этого доступа человек и гражданин не может эффективно участвовать в процессе управления государством.

8. Обосновано, что конституционное право на информацию осуществляется с помощью системы общих и специальных юридических гарантий, направленных на реализацию, восстановление и защиту прав человека и гражданина на производство, распространение, поиск и сбор информации, на получение, хранение и использование информации.

В качестве специальных юридических гарантий конституционного права на информацию выделены: гарантии доступа к информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, гарантии сво-

бодного производства информации и использования ее по своему усмотрению (распространение, хранение), гарантии получения информации о себе, гарантии достоверности информации, предоставляемой государственными органами и органами местного самоуправления, гарантии защиты информации, гарантии защиты от информации, запрещенной к распространению, гарантии наступления ответственности за нарушение конституционного права на информацию.

9. Доказано, что дополнительным основанием ограничения права на распространение информации должно стать законодательное ограничение доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию о способах совершения административных правонарушений и преступлений.

Афанасьева София Дмитриевна
Конституционно-правовой институт изъятия земельных участков для публичных нужд: сравнительный анализ опыта российской федерации и соединенных штатов америки
Дата защиты – 22 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Научный руководитель:	Краснов Михаил Александрович
Оппоненты	Чиркин Вениамин Евгеньевич, Лафитский Владимир Ильич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» Диссертационный совет Д 212.048.04 на базе ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Место защиты	ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования заключается в том, что дис-

сертация представляет собой одну из первых работ по сравнительному конституционному праву, ориентированную на изучение эволюции и современного состояния моделей института изъятия частной собственности для публичных нужд. При этом работа ориентирована на выявление проблем в современных российской и американской моделях правового регулирования института изъятия и поиск возможных путей их разрешения.

Научная новизна диссертационного исследования состоит также в том, что в нем впервые:

1. введен термин «законодательное исключение», означающий акт или норму, которые расширяют базовый список оснований, допускающих изъятие частной земли, и (или) изменяют порядок осуществления изъятия для конкретных ситуаций;

2. законодательное регулирование института изъятия частной земли для публичных нужд и соответствующая правоприменительная практика охарактеризованы как механизм, ограничивающий права человека;

3. условие соблюдения «надлежащей процедуры» выделено в качестве базовой гарантии института публичных изъятий наряду с требованиями действительного наличия публичных нужд в изъятии и выплаты компенсации за изъятие частной земли;

4. выявлена проблема отсутствия в российской модели института публичных изъятий ответственности инициаторов отчуждения частной земли или бенефициаров изъятия за недостижение заявленных целей инициативы по изъятию;

5. осуществлена попытка представить структуру и содержание модельного акта, регламентирующего процедуру и порядок осуществления изъятия частной земли для публичных нужд.

На защиту выносятся следующие научные положения:

1. Институт изъятия частной собственности для публичных нужд (институт публичных изъятий) имеет двойственную природу. С одной стороны, он представляет собой совокупность правовых норм, направленных на защиту конституционного права частной собственности. С другой, – набор правил, регламентирующих ограничение прав частного собственника, в первую очередь, свободы распоряжения своим имуществом.

Именно так следует понимать ч.3 ст.35 Конституции РФ:

«Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения». Не только ее расположение в главе о правах и свободах человека и гражданина и в статье, посвященной праву частной собственности и его охране, но и сама ее стилистика свидетельствуют о том, что Конституция, хотя и допуская возможность ограничения прав собственника (свободы распоряжения своим имуществом), акцент делает именно на гарантиях прав частного собственника. Эти гарантии заключаются в требованиях:

- а) наличия публичных нужд в изъятии;
- б) выплаты частному собственнику справедливой компенсации за ущерб, причиненный изъятием;
- в) соблюдения надлежащей законной процедуры изъятия, включающей предписания процессуального и материального характера.

2. Сравнение российского и американского законодательства, практики применения публичных изъятий и судебной практики свидетельствует о том, что при весьма существенных исторических, ментальных, культурных различиях России и США трактовки данного института в этих странах в настоящее время значительно сблизились. Точнее, американская доктрина и практика приблизились к российской. В нашей стране остается доминирующим взгляд на институт публичных изъятий как на инструмент удовлетворения потребностей государства. В США законодатель и правоприменители изначально исходили из понимания института публичных изъятий как системы норм, охраняющих, гарантирующих право частной собственности. Но постепенно приоритет все чаще стал отдаваться экономической целесообразности, а не защите права.

3. На сегодняшний день ни в российском, ни в американском федеральном законодательстве не разработано универсального определения «публичных нужд» («public use»), являющихся основанием для отчуждения частной земельной собственности. Такая ситуация влечет за собой возникновение множества проблем, не позволяющих обеспечить баланс частных и публичных интересов в данной сфере. Наиболее серьезными из них являются

проблема допустимости *законодательного введения исключений* (далее – «законодательные исключения»), бессистемно расширяющих перечень оснований для изъятия частной земли и облегчающих эту процедуру в конкретных ситуациях, а также проблема возможности спекулятивного использования такого размытого основания для изъятия как «*в целях развития территории*».

Решением обеих проблем может быть принятие комплекса норм, снижающих способность рентоориентированных лиц злоупотреблять возможностями института публичных изъятий. Среди них:

а) введение четкого законодательного определения понятия «публичные нужды» («public use»);

б) введение санкций за отказ осуществлять отчуждение имущества и (или) за недостижение заявленных результатов действий по изъятию в установленный срок;

в) установление закрытого списка публичных нужд, для целей удовлетворения которых может осуществляться отчуждение частной земли;

г) введение особой процедуры принятия решения об осуществлении изъятия, которая подразумевает разработку подробного плана по развитию данной местности.

4. Конституционное понятие «государственные нужды» (аналог американского понятия «публичные нужды») предлагается максимально четко определить в российском законодательстве.

Для этой цели, потребуется законодательно ввести понятие «государственные нужды», которое следует обозначить как актуальную длящуюся государственную или муниципальную (публичную) потребность в обеспечении физического или юридического лица определенным публичным благом или в его сохранении, подтвержденную вступившим в законную силу решением государственного или муниципального органа.

5. В российском законодательстве целесообразно предусмотреть правило «актуальности необходимости», которое определяло бы условия возникновения и исчезновения определенной публичной потребности в отчуждении частной земли. Данное правило должно содержать в себе следующий перечень требований:

I. Государственные или муниципальные нужды могут существовать:

а) только в течение установленного в законодательстве периода времени, который не может превышать сроки реализации соответствующего плана по развитию (нормативно-правового акта, отражающего стратегию государства по развитию региона и предусматривающего конкретные сроки предварения стратегии в жизнь);

б) в условиях чрезвычайного или военного положения – в рамках разумного срока.

II. Действия по принудительному отчуждению частной земли для публичных нужд не могут быть признаны необходимыми, если инициатором проекта:

а) не были предприняты все возможные разумные способы получения определенного публичного блага, являющиеся альтернативой отчуждению частной собственности; в том числе ограничение прав пользования земельным участком без его принудительного выкупа, заключение добровольного соглашения о выкупе земельного участка с частным собственником до инициирования процедуры отчуждения;

б) не был доказан факт отсутствия альтернативных земельных участков, подходящих для исполнения проекта, обеспечивающего получение определенного публичного блага, в том числе тех, которые могут быть выкуплены по соглашению с частным собственником.

б. В целях совершенствования российской модели института публичных изъятий в контексте соблюдения баланса частных и публичных интересов предлагается законодательно закрепить:

а) требование возмещения денежных средств, израсходованных частным собственником для улучшений на участке после объявления решения об изъятии, если обязательства по изъятию частной земли не осуществлены в назначенный срок;

б) минимальный размер компенсации за изъятие частной земли, который предусматривает ее расчет исходя из повышенной процентной стоимости рыночной земли (например, выплата 150 % от рыночной стоимости). Дополнительные проценты будут играть роль своеобразной моральной компенсации собственникам, возмещения их субъективных издержек от изъятия.

7. В целях достижения баланса частных и публичных интересов при регулировании публичных изъятий в законодательстве РФ целесообразно предусмотреть:

а) обязанность предварительной выплаты возмещения частному собственнику земельного участка вне зависимости от того, выкупается земля по соглашению, добровольно заключенному с частным собственником, или принудительно – по решению суда;

б) ответственность отчуждающих (изымающих) органов за нарушение требования предварительности (выплата компенсации в процентном соотношении);

в) выплату отдельной компенсации частному собственнику при несоблюдении сроков изъятия частной земли.

8. В настоящее время в России положения, касающиеся публичных изъятий, «разбросаны» по разным актам (главным образом, кодексам), т.е. отсутствует единый нормативный правовой акт, аккумулирующий все необходимые правила в данной сфере. Вследствие этого, возникает путаница с регулированием различных видов публичных изъятий собственности. Особая важность создания надежных механизмов защиты прав частной собственности требует кодификации норм, регулирующих отношения в сфере отчуждения частной земли для публичных нужд. Предлагается разработать и принять федеральный закон об основаниях и порядке отчуждения частных земельных участков для государственных и муниципальных нужд, в котором могли бы найти отражение предложенные в работе идеи.

Демешева Юлиана Васильевна
Конституционно-правовые механизмы разрешения
этнолингвистического конфликта в Бельгии
Дата защиты – 22 марта 2016 г.

Место выполнения работы
Научный руководитель:
ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Шаблинский Илья Георгиевич

Оппоненты	Евдокимов Вячеслав Борисович, Тарасова Екатерина Павловна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» Диссертационный совет Д 212.048.04 на базе ФГАОУ ВПО «Национальный
Место защиты	исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научная новизна исследования

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что автором впервые выявлены, комплексно исследованы и систематизированы традиционные и новые конституционно-правовые механизмы разрешения дискуссионного этнолингвистического конфликта в Бельгии, определены их особенности.

При этом разграничены характерные для Бельгии конституционно-правовые регуляторы и иные факторы, влияющие на конфликт, но не разрешающие его самостоятельно. Выявление и анализ подобных факторов, способных создать благоприятные условия для действия конституционно-правовых механизмов, применительно к Бельгии также осуществлено впервые. Кроме того автором предложен не проводившийся ранее юридический анализ причин бельгийского этнолингвистического конфликта и этапов его конституционно-правового разрешения.

Настоящее исследование частично восполняет пробелы в научных знаниях о конституционном праве Бельгии, поскольку существенную теоретическую базу работы составили зарубежные источники, не переведенные на русский язык. Введение в российский научный оборот ряда концепций бельгийской доктрины конституционного права способствует приращению научного знания.

В результате проведенного исследования в научный оборот введено понятие бельгийский «семипалатный Парламент» и раскрыто правовое содержание понятия «временное изменение жесткости Конституции». Кроме того, в диссертации впервые структурирована сложная и нестандартная система органов законодательной власти Бельгии, систематизированы основные валлонские и фламандские политические партии, представлены

наглядные схемы разделения языковых зон и спорных территорий, провоцирующих обострение этнолингвистического конфликта.

Научная новизна определяется также примененным в исследовании междисциплинарным подходом, который позволил комплексно рассмотреть конституционно-правовые механизмы разрешения этнолингвистического конфликта, выйти за рамки юридических категорий и не ограничивать объект исследования формой государственного устройства и хорошо изученным процессом бельгийской федерализации. Обращение к политологическим данным добавило в анализ эффективности правовых механизмов дополнительные характеристики объекта, что, в свою очередь, обеспечило более репрезентативный результат. Междисциплинарный подход позволил расширить область исследования, объединить полученные ранее результаты политологических и юридических научных работ и впервые оценить эффективность конституционно-правовых регуляторов с учетом актуальной политической ситуации в Бельгии.

Научная новизна исследования находит свою реализацию в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. При разрешении острого этнолингвистического конфликта в Бельгии был использован комплекс конституционно-правовых механизмов, существенно расширивших доктринальные представления о способах и средствах преодоления подобных конфликтов, а именно:

- специальный (подстроенный под конфликт) порядок изменения жесткости Конституции;
- исключительная гибкость парламентского устройства, зависящая от кризисной динамики;
- обеспечение оперативности государственного управления с помощью правовых обычаев.

Бельгийский опыт доказал, что такие модификации привычных механизмов возможны и эффективны в ограниченных временных рамках при жестко поставленной цели сохранения государственного единства.

2. Вместе с тем, опыт Бельгии подтвердил, что само по себе формальное применение конституционно-правовых механизмов

без привязки к целям единства и мирного сосуществования не только не разрешает этнолингвистический конфликт, но, напротив, может провоцировать и усиливать его¹.

3. Бельгийский опыт показал, что гибкость Конституции без отхода от ее духа и смысла может быть одним из самых эффективных способов разрешения конфликта. Бельгийцами введено в оборот понятие «временное изменение жесткости» Основного закона, которое позволило в ограниченном временном коридоре принимать оперативные меры для разрешения этнолингвистических и политических противоречий.

4. Бельгийский опыт выявил узость традиционных представлений об ограниченно-функциональной структуре высших представительных органов власти и значительно расширил эти представления. В дополнение к доктринальным одно- и двухпалатным парламентским системам, пример Бельгии доказал возможность эффективного функционирования в специальных обстоятельствах практически любого количества палат Парламента (в описываемом случае – семи) с целью разрешения конфликта.

5. Опыт Бельгии показал, что в кризисных ситуациях конституционный обычай может реализовать задачу разрешения конфликта гораздо эффективнее, чем формализованные конституционные процедуры. Правовой обычай способен успешно восполнять отсутствие стабильного законодательного регулирования в условиях обострения этнолингвистических противоречий. Так, допускаемая обычаем вариативность процесса формирования федерального Правительства Бельгии, способствует сглаживанию исходных межпартийных разногласий и делает возможным достижение компромисса даже в период острого политического

¹ Так, законодательная фиксация лингвистической границы обеспечила этнолингвистическому конфликту юридическую основу; законодательное разграничение языков судопроизводства и делопроизводства на территории регионов привело к полной утрате мотивации для лингвистической интеграции в рамках всего государства; выражение Арбитражным (Конституционным) судом правовой позиции о неконституционности парламентских выборов до решения вопроса об избирательном округе Брюссель-Халле-Вилворде, не отвечавшей интересам ни одной из языковых групп, обусловило тяжелые политические кризисы 2007-2011 годов.

кризиса.

6. Монархическая форма правления является благоприятной основой для применения конституционно-правовых мер по разрешению этнолингвистических конфликтов. В современных европейских условиях монарх, по сравнению с выборными институтами власти, оказывается менее зависим от влияния предпочтений избирателей и более последователен в достижении поставленных перед государством целей.

7. Вопреки традиционным представлениям, отсутствие в правовой системе государства некоторых базовых демократических институтов (в случае с Бельгией – референдума) может являться благоприятным фактором, положительно влияющим на урегулирование этнолингвистических противоречий.

8. Наднациональные правовые процедуры Европейского Союза и адаптация внутригосударственного права к международным стандартам и ценностям показали свою высокую эффективность при разрешении этнолингвистического конфликта на рассматриваемой части европейской территории.

Гиздатов Антон Радикович
Парламентский контроль за деятельностью полиции
(конституционно-правовой аспект)
Дата защиты – 25 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный руководитель:	Карасёв Анатолий Тихаиович
Оппоненты	Лебедев Валериан Алексеевич, Безруков Андрей Викторович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
Место защиты	Диссертационный совет Д.212.274.06 на базе ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научная новизна исследования заключается в представлении исследования парламентского контроля за деятельностью полиции как элемента системы государственного контроля, объединяющего в себе черты публично-властного и общественного контроля.

В работе раскрывается значимость историко-правовых периодов возникновения и формирования института парламентского контроля в России. Парламентский контроль рассмотрен как неотъемлемый элемент системы государственного контроля, однако наделенный рядом специфических черт, качественно его выделяющих.

В работе доказана ведущая роль конституционных принципов в сфере регулирования парламентского контроля в Российской Федерации, в том числе в связи с тем, что законодательство, касающееся вопросов реализации парламентского контроля, находится на этапе своего развития и не в полном объеме регулирует общественные отношения, возникающие при осуществлении парламентского контроля

Обосновывается необходимость осуществления парламентского контроля за деятельностью полиции как одного из ключевых звеньев правоохранительной системы в целях повышения эффективности деятельности полицейского аппарата и обеспечения защиты прав и свобод личности в Российской Федерации. В ходе исследования в результате обобщения и анализа правоприменительной практики сделан вывод о необходимости корректировки действующих законодательных актов, регламентирующих вопросы осуществления парламентского контроля.

Проведенный анализ практики реализации различных форм парламентского контроля за деятельностью полиции позволил выявить тис положительные моменты, так и недостатки правового регулирования института парламентского контроля и его реализации применительно к деятельности полиции, а также предложить меры по совершенствованию института парламентского контроля.

На защиту выносятся следующие основные положения, нвлшощиеси новыми или содержащие элементы научной новизны:

1. На основе имеющихся в литературе взглядов и положе-

ний законодательства дано авторское определение парламентского контроля как конституционно-правовой деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти, сто членов и образуемых им органов по мониторингу законности осуществления полномочий органами исполнительной власти, их должностными лицами, иными лицами с целью последующей оценки их деятельности и возможного применения мер реагирования.

2. В ходе исследования установлено, что конституционно-правовые основы парламентского контроля в Российской Федерации представляют собой систему норм права, которая включает в себя:

во-первых, нормы, закрепляющие основополагающие начала, содержащиеся в Конституции Российской Федерации и регулирующие наиболее общие аспекты реализации парламентского контроля;

во-вторых, нормы, принятые в развитие конституционных положений, содержащиеся в иных нормативно-правовых актах и регулирующие отдельные аспекты осуществления контрольной деятельности палат Парламента, их должностных лиц и образуемых ими органов.

3. В работе аргументировано понятие конституционно-правовой природы парламентского контроля за деятельностью полиции, определяемой как совокупность фактических и нормативных основ осуществления контроля законодательными (представительными) органами государственной власти за деятельностью полиции, обусловленных как природой взаимоотношений законодательной и исполнительной власти, так и исключительной ролью полиции в обеспечении безопасности общества.

4. Сделан вывод о том, что большинство мер реагирования, применяемых по результатам осуществления парламентского контроля, не носят императивного характера, а являются лишь рекомендацией к совершению тех или иных действий соответствующими органами (в том числе полицией). Подобное направление развития парламентского контроля в Российской Федерации представляется недостаточно эффективным ввиду отсутствия реального и оперативного механизма воздействия на общественные отношения, требующие вмешательства парламентариев.

С учетом этого высказано мнение о том, что органы и должностные лица, осуществляющие парламентский контроль, не только могут, но и должны реагировать на то или иное изменение общественных отношений с помощью законотворчества.

5. Исследование практики реализации права палат Федерального Собрания РФ на внесение парламентских запросов позволило установить, что парламентарии не акцентируют внимание на конечном результате – вынесении обязательных рекомендаций, принятии конкретных решений, предполагаемых санкциях. С целью совершенствования данной формы парламентского контроля обосновывается необходимость соответствия парламентских запросов двум критериям: во-первых, обязательное присутствие должностного лица, которому был адресован запрос, на заседании соответствующей палаты Федерального Собрания; во-вторых, применение по результатам рассмотрения ответа на парламентский запрос соответствующих мер реагирования.

6. На основании проведенного анализа осуществления парламентского контроля в Российской Федерации, а также практики реализации отдельных форм парламентского контроля за деятельностью полиции, сделан вывод о том, что исчерпывающее толкование круга субъектов парламентского контроля не позволяет отнести к органам, осуществляющим парламентский контроль, органы представительной (законодательной) власти субъектов Российской Федерации. Подобная позиция законодателя представляется спорной. Исходя из сущности, природы и правового смысла парламентского контроля, законодательные (представительные) органы субъектов федерации следует включить в систему парламентского контроля. С учетом этого предлагается внести изменения в ст. 1 Федерального закона от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле», расширив круг субъектов парламентского контроля.

7. Установлено, что практика ежегодных отчетов Правительства РФ о результатах его деятельности перед Государственной Думой Федерального Собрания РФ представляется недостаточно эффективной. Сложившаяся ситуация может быть разрешена путем внесения изменений в Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле», касающихся необходимости оценки деятельности Правительства РФ за отчет-

ный период и представления рекомендаций по устранению выявленных недостатков, в том числе в сфере охраны прав и свобод человека и гражданина.

8. В целях реализации принципа гласности парламентского контроля, предусмотренного п. 6 ч. 1 ст. 3. ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле», при направлении палатами Федерального Собрания РФ парламентских запросов, направлении членами Совета Федерации, депутатами Государственной Думы депутатских запросов внесены предложения по дополнению ч. 12 ст. 30 Регламента Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; ст. 47 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации положениями о необходимости учета парламентских и депутатских запросов, а также ответов на них. с последующим опубликованием на официальном сайте соответствующей палаты Федерального Собрания РФ.

9. Установлено, что заслушивание министра внутренних дел Российской Федерации в рамках «правительственного часа» является эффективной формой парламентского контроля, в связи с чем предлагается дополнить ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» нормой об обязанности ежегодного отчета руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел Российской Федерации перед палатами Федерального Собрания Российской Федерации.

Яшина Анна Александровна
Конституционно-правовые основы реабилитации в
Российской Федерации
Дата защиты – 25 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
Научный руководитель:	Гуляков Александр Дмитриевич
Оппоненты	Белоусова Елена Вениаминовна,

Ведущая организация	Колесников Евгений Викторович ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)»
Место защиты	Диссертационный совет Д 999.036.03 на базе ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Научная новизна работы заключается в раскрытии потенциала Конституции РФ для конкретизации и развития правового содержания реабилитации. Автором впервые в теории конституционного права проведено целостное, завершенное конституционно-правовое исследование основ указанного явления, изучение конституционно-правового механизма обеспечения реабилитации, сформулированы авторские научно обоснованные определения «конституционно-правовая реабилитация человека и гражданина», «конституционно-правовая реабилитация репрессированных народов», «конституционное право на реабилитацию человека и гражданина» как объекта государственной защиты, а также «конституционно-правовой механизм обеспечения реабилитации». Исследованы конституционно-правовые гарантии реализации права на реабилитацию, определено ее место в системе гарантий основных прав и свобод человека и гражданина.

Конституционно-правовая реабилитация рассматривается во взаимосвязи с ответственностью государства, в том числе конституционной. В работе даны рекомендации по совершенствованию конституционно-правового законодательства и правоприменительной практики с целью повышения эффективности реализации права субъектов на реабилитацию.

Научная новизна диссертационного исследования отражена в положениях, выносимых на защиту:

1. Конституционно-правовая реабилитация человека и гражданина – это обеспеченное государством восстановление социального, правового, имущественного и морального статуса личности в связи с признанием действий (бездействия) органов

публичной власти незаконными, необоснованными и/или антиконституционными.

Реабилитация является непосредственным выражением конституционных ценностей, представленных в единстве принципов приоритета прав и свобод человека и гражданина, уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности, равенства, презумпции невиновности, государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, ответственности государства за незаконные действия (бездействие) его органов и должностных лиц.

2. Реабилитация является комплексным (межотраслевым) правовым институтом, имеющим свои конституционно-правовые основы, выражающиеся в закреплении права субъектов на восстановление их статуса, а также регулирующие деятельность уполномоченных органов власти и их должностных лиц по обеспечению права на реабилитацию.

3. Право человека и гражданина на реабилитацию есть субъективное конституционное право, структурно входящее в состав комплексного (межотраслевого) института реабилитации. Оно выступает как совокупность гарантированных конституционно-правовых возможностей, обеспечивающих признание государством действий (бездействия) органов публичной власти незаконными, необоснованными и/или антиконституционными; вынесение и получение официального юридического акта о реабилитации; разъяснение порядка реабилитации; получение бесплатной юридической помощи; принесение официального извинения от имени государства; обнародование опровержения в средствах массовой информации; обращение в суд или иные государственные органы за защитой; восстановление нарушенных прав и свобод; возмещение имущественного ущерба и морального вреда; социальное обеспечение; исполнение судебных и иных актов о реабилитации.

Каждый индивид, пострадавший от незаконных, необоснованных и/или антиконституционных актов публичной власти и должностных лиц, имеет право на реабилитацию. Субъектом права на реабилитацию могут быть признаны также близкие родственники лица, ставшего жертвой политических репрессий. Этому праву соответствует обязанность государства обеспечить

полное и реальное восстановление прав и свобод личности. Право на реабилитацию в конституционном смысле относится к той группе прав, которую составляют права-гарантии, направленные на охрану и защиту личных, политических, социальноэкономических и культурных прав.

Предлагается включить в Конституцию РФ статью следующего содержания: «Право на реабилитацию в связи с незаконными, необоснованными и/или антиконституционными действиями (бездействием) органов государственной власти, местного самоуправления или их должностных лиц гарантируется государством». Статью аналогичного содержания предлагается включить в конституции (уставы) субъектов Российской Федерации.

4. Конституционно-правовая реабилитация репрессированных народов – это признание и обеспечение государством права на восстановление политико-правового, государственно-территориального, национально-культурного и социального статуса народа в связи с проведением государственной властью в отношении его антиконституционных актов.

Она должна проводиться на основе заложенных в Конституции РФ 1993 г. общепризнанных принципов верховенства права, народовластия, равноправия и самоопределения народов, законности, справедливости, равенства, гуманизма и др. Реабилитация народов может быть обеспечена только на государственном уровне путем разработки и принятия комплекса конституционно-правовых мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению народов.

5. Конституционно-правовой механизм обеспечения реабилитации представляет собой систему органов публичной власти, а также условий и средств, гарантирующих возможность эффективной реализации конституционного права на реабилитацию. Основное назначение механизма обеспечения реабилитации человека и гражданина заключается в создании и осуществлении гарантий, обеспечивающих право индивида на полное и реальное восстановление его прав.

Конституционно-правовой механизм обеспечения реабилитации включает в себя следующие элементы: субъекты обеспечения реабилитации – органы публичной власти и должностные лица;

объект обеспечения – право человека и гражданина на реабилитацию; гарантии обеспечения права на реабилитацию.

6. Судебная защита прав и свобод – это институт конституционного права, занимающий основополагающее место и роль в государственно-правовом механизме обеспечения реабилитации, в том числе в процессе осуществления судебного конституционного контроля, а также возмещения имущественного ущерба и компенсации морального вреда.

7. Конституционно-правовые основы деятельности прокуратуры Российской Федерации в механизме реабилитации определяются по следующим направлениям: принесение официального извинения от имени Российской Федерации субъекту, подлежащему реабилитации; проверка законности и обоснованности принятия процессуальных решений и производства процессуальных действий; участие прокурора в судебном процессе при решении вопроса о возмещении имущественного ущерба и морального вреда реабилитируемому; надзор за соблюдением и исполнением законодательства о реабилитации в целях защиты прав и свобод реабилитируемого; защита основных прав реабилитируемых; установление и проверка дел с неотменными решениями судов и несудебных органов на лиц, подлежащих реабилитации, до введения в действие Закона РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий».

8. Основными направлениями деятельности по совершенствованию конституционно-правового регулирования и юридической практики о реабилитации являются: провозглашение в Конституции Российской Федерации права на реабилитацию; закрепление соответствующего права в конституциях (уставах) субъектов Федерации; принятие Федерального закона «О реабилитации лиц в связи с незаконными либо необоснованными действиями (бездействием) органов публичной власти в Российской Федерации»; распространение действия Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» на крымских татар и другие народы и принятие специального нормативно-правового акта, регулирующего разработку и реализацию конституционно-правовых мер по их реабилитации; предоставление гражданам права на бесплатную юридическую помощь; формирование реабилитационного производства в рамках административного су-

допроизводства; совершенствование законодательства по неукоснительному исполнению судебных и иных актов о реабилитации, в том числе внесение специальной статьи расходов на возмещение вреда в порядке реабилитации в Федеральный закон «О федеральном бюджете Российской Федерации» и др.

Демидов Антон Андреевич

Закрепление института прав и свобод человека и гражданина в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации

Дата защиты – 25 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
Научный руководитель:	Гошуляк Виталий Владимирович
Оппоненты	Комарова Валентина Викторовна, Нардина Оксана Владимировна
Ведущая организация	НОУ ВПО «Московский гуманитарный университет»
Место защиты	Диссертационный совет Д 999.036.03 на базе ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Научная новизна диссертации состоит в том, что автор, одним из первых в Российской Федерации, в комплексном и систематизированном виде осветил проблемы закрепления конституционно-правового института основных прав и свобод человека и гражданина в конституциях и уставах субъектов РФ, определил степень самостоятельности субъектов РФ в правовом регулировании указанного института, выявил дополнительные, по сравнению с федеральными, региональные юридические и институциональные гарантии прав и свобод.

В диссертации, в отличие от предшествующих работ по теме исследования, доказаны положения о зависимости института прав человека от системы федеративных отношений, сложившихся в государстве на том или ином отрезке его истории; о том, что особенности конституционно-правового статуса субъектов РФ определили различные подходы к закреплению института прав и свобод человека и гражданина в их конституциях и уставах; о том, что в сложившейся системе федеративных отношений федеральный законодатель должен проявлять «разумную сдержанность» в регулировании прав и свобод человека и гражданина, оставляя правовое поле для собственного правового регулирования со стороны субъектов РФ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Системный анализ статей Конституции РФ, касающихся российского федерализма, показывает, что защита прав и свобод человека и гражданина, защита прав национальных меньшинств определяются конституционной природой России как федеративного государства.

Органы государственной власти субъектов РФ вправе осуществлять собственное правовое регулирование института прав и свобод человека и гражданина. При этом оно будет носить вторичный, производный от Конституции РФ и федерального законодательства характер, за исключением дополнительных гарантий и дополнительных правовых механизмов реализации прав и свобод, установленных субъектами РФ и впервые законодательно урегулированных.

В конституциях и уставах субъектов РФ не только воспроизводятся нормы Конституции РФ о правах человека и гражданина, но они наполняются конкретным правовым содержанием, конкретизируются и развиваются.

Это придает институту прав и свобод человека и гражданина на уровне субъекта РФ дополнительную нормативность, поскольку субъект РФ принимает на себя дополнительные обязательства по реализации и защите прав граждан.

2. Правовое регулирование предметов совместного ведения РФ и субъектов РФ в федеральном законе дает возможность Российской Федерации занимать значительную часть правового поля, предназначенного для совместного правового регулирования

со стороны Российской Федерации и субъектов РФ. Такая правовая политика приводит к тому, что в разные периоды поле для собственного правового регулирования субъектов РФ в данном предмете ведения менялось. Здесь выделяются периоды централизации и децентрализации. Отсюда «маятниковый характер» федеративных отношений оказывает свое влияние на защиту прав и свобод человека и гражданина субъектами РФ. Поэтому практику детального регулирования защиты прав и свобод на уровне федерального закона нельзя назвать удовлетворительной.

3. Юридические свойства конституций и уставов субъектов РФ в их совокупности выражают правовую природу и отражают специфику указанных учредительных актов субъектов РФ, оказывающих свое влияние на содержание института прав и свобод человека и гражданина в субъектах РФ. Так, учредительный характер норм конституций и уставов, в части касающейся института прав человека, не столь всеобъемлющий, как в Конституции РФ, поскольку именно Российская Федерация, а не ее субъекты регулирует права и свободы человека. Усложненный порядок принятия основных законов и внесения в них поправок служит гарантией стабильности, закрепленного в них конституционно-правового института прав и свобод человека и гражданина.

Свойства конституций и уставов проявляются не изолированно, а действуют в органическом единстве. Конституции (уставы) субъектов РФ не могли бы служить юридической базой для текущего законодательства, если бы они не носили учредительного характера, не обладали бы нормативностью, легитимностью, стабильностью, высшей юридической силой и прямым действием. Это означает, что указанные юридические свойства конституций и уставов субъектов РФ представляют собой не их простую совокупность, а системную целостность.

4. Опираясь на современную теорию прав человека и положения Конституции РФ, учредительные акты субъектов РФ в своих текстах закрепили гуманистические основы конституционного строя РФ, как дублируя их, так и осуществляя их правовое наполнение.

Принципами закрепления гуманистических основ конституционного строя в учредительных актах субъектов РФ стали: принцип федерализма, принцип единства основ конституционно-

го строя, принцип свободы субъектов РФ в текстуальном воспроизведении или не воспроизведении гуманистических основ конституционного строя, принцип допустимости правового наполнения в рамках конституционных установлений основ конституционного строя РФ. Их соблюдение не только не нарушает федеральную Конституцию, но и позволяет развивать ее положения на уровне субъектов РФ.

5. Учредительные акты субъектов РФ содержат многовариантную схему закрепления основных прав и свобод человека и гражданина. Это свидетельствует о достаточно широкой свободе субъектов РФ в закреплении этого конституционно-правового института. Пределы данной свободы субъектов РФ определяются основами конституционного строя РФ, принципами российского федерализма, разграничением предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами Федерации. При учете этих границ субъекты РФ не будут вмешиваться в компетенцию федерального центра и своими правовыми нормами не смогут умалять то или иное конституционное право.

Разнообразие подходов регионального законодателя к закреплению института прав и свобод привело к тому, что в одних субъектах РФ они закреплены по примеру Конституции РФ, в других субъектах РФ включены только основополагающие нормы-принципы, касающиеся прав и свобод, как с выделением отдельной главы, так и без такого выделения; в третьих субъектах РФ правовое регулирование института прав и свобод отсутствует; в четвертых субъектах ограничились только правовыми нормами, направленными на защиту и установление гарантий прав и свобод. Между тем, опираясь на буквальное толкование п. «б» статьи 72 Конституции РФ, субъекты РФ, в своих конституциях (уставах) должны закреплять положения, касающиеся защиты и гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина.

6. В конституциях и уставах субъектов РФ по-разному закрепляются коллективные права малочисленных народов – от общих правовых норм до их конкретного правового регулирования. При этом конкретное правовое регулирование характерно для большинства тех субъектов РФ, на территории которых имеются достаточно большие группы малочисленных народов, компактно проживающих на определенной территории. Нормы учре-

дительных актов субъектов РФ здесь регулируют предоставление региональных гарантий в реализации прав малочисленных народов, начиная от создания специализированных структур органов исполнительной власти до различных мер поддержки традиционного образа жизни, хозяйствования, промыслов, культуры и обычаев коренных малочисленных народов. Такое правовое регулирование определяет вектор развития законодательства субъектов РФ в сфере обеспечения прав малочисленных народов.

7. Большое значение для защиты прав граждан имеют институциональные гарантии прав и свобод, наиболее значимыми из которых являются конституционные и уставные суды субъектов РФ и уполномоченные по правам человека в субъектах РФ.

Объективной необходимостью образования конституционных и уставных судов является наличие двухуровневого законодательства, включая законодательство о правах и свободах человека и гражданина, которое, в свою очередь, требует наличия двух уровней конституционного правосудия.

Конституционные и уставные суды субъектов РФ, там, где они созданы, вписываются в концепцию судебного федерализма. Данная концепция может быть распространена на указанные суды даже при отсутствии процессуального единства между ними. Эти суды имеют свое функциональное единство и работают в рамках единой системы конституционного правосудия, а решения Конституционного Суда РФ учитываются в решениях конституционных и уставных судов субъектов РФ. Отсюда федеративное устройство России можно считать конституционной предпосылкой образования органов конституционной юстиции в субъектах РФ и правильно поступили те субъекты РФ, которые учредили свои органы конституционного правосудия.

8. Правовое регулирование института уполномоченного по правам человека нуждается в своем совершенствовании. Законодательство субъектов РФ об уполномоченном содержит достаточно большое количество спорных и неоднозначных положений, препятствующих полноценному использованию уполномоченным своих возможностей для защиты и восстановления прав граждан.

Институт уполномоченного по правам человека является публично-правовым, а не государственно-правовым средством

защиты прав и свобод человека и гражданина. Функции уполномоченных по правам человека в субъектах РФ указывают на то, что уполномоченный является вспомогательным государственным органом. Он не принадлежит ни к одной из ветвей власти и занимает самостоятельное положение в механизме разделения властей. Уполномоченный по правам человека в своей деятельности при реализации своих полномочий тесно взаимодействует со всеми ветвями власти и органами местного самоуправления. Однако в Российской Федерации необходимо создавать единую систему уполномоченных по правам человека федерального и регионального уровней. Это даст возможность согласовывать и координировать их действия, утверждать единые формы и методы выявления и устранения ими нарушений прав граждан.

Шаидулина Елена Михайловна
Полномочия органов городского самоуправления в сфере
жилищно-коммунального хозяйства: правовые основы и
практика реализации
Дата защиты – 25 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»
Научный руководитель:	Шишкина Наталья Эдуардовна
Оппоненты	Игнатенко Виктор Васильевич, Тепляков Дмитрий Олегович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет» Диссертационный совет Д 212.274.06 на базе
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научная новизна диссертации состоит в представлении комплексного исследования проблем правового регулирования и практики реализации полномочий органов городского само-

управления в жилищно-коммунальной сфере. Впервые в рамках диссертационного исследования проведен анализ основ правового статуса новых видов муниципальных образований: городского округа с внутригородским делением и внутригородского района. Доказано, что разделение вопросов местного значения в сфере ЖКХ между городским округом с внутригородским делением и внутригородским районом противоречит принципу единства городского хозяйства.

Выявлены существенные признаки, характеризующие жилищно-коммунальное хозяйство, на основе которых предложено авторское определение понятия «жилищно-коммунальное хозяйство» и разработано доктринальное определение категории «полномочия органов городского самоуправления в сфере ЖКХ», что дополнило понятийный аппарат юридической науки.

Проанализированы сложившиеся в регионах России модели регулирования полномочий органов местного самоуправления городских округов, являющихся административными центрами субъектов Российской Федерации, в сфере ЖКХ и определена наиболее оптимальная из них. Исследованы основные формы взаимодействия органов городского самоуправления с управляющими компаниями в сфере ЖКХ и выявлены возникающие в их взаимодействии проблемы. Дана характеристика механизма защиты прав граждан в жилищно-коммунальной сфере, созданного на муниципальном уровне.

Научная новизна настоящей работы конкретизируется в положениях, выносимых на защиту, в которых уточняются результаты исследования, вытекающие из поставленных задач.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сделан вывод о том, что особенности обеспечения жизнедеятельности населения в сельских поселениях предполагают более узкий круг вопросов местного значения по сравнению с городскими поселениями. Выявлены отличия городского поселения от сельского, которые обуславливают неизбежные различия и в вопросах местного значения, установленных для городских и сельских поселений, что позволит учитывать организационные, материальные и иные возможности органов местного самоуправления в отдельных муниципальных образованиях по решению вопросов местного значения.

2. Предложено закрепить вопросы местного значения, относящиеся к сфере жилищно-коммунального хозяйства (за исключением благоустройства), за городским округом с внутригородским делением (учитывая, однако, местную специфику), поскольку это обусловлено целостностью инфраструктуры и необходимостью сохранения единства городского хозяйства.

3. Доказана взаимосвязь развития правового регулирования полномочий в сфере жилищно-коммунального хозяйства с развитием города, позволяющая сделать вывод о том, что правовая регламентация жилищно-коммунальной сферы берет свое начало именно в городе и что полномочия в данной сфере всегда возлагались на местные органы власти.

4. Предложено авторское определение понятия «жилищно-коммунальное хозяйство» как отрасли хозяйственной деятельности по обеспечению в границах территории муниципального образования благоприятных и безопасных условий проживания населения, а также надежной и устойчивой работы систем жизнеобеспечения органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, а также юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими публично значимые функции.

5. С учетом предложенного автором определения понятия «жилищнокоммунальное хозяйство» в научный оборот предлагается ввести определение полномочий органов городского самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства как системы прав и обязанностей органов городского самоуправления, их должностных лиц, необходимых для решения вопросов местного значения, связанных с обеспечением благоприятных и безопасных условий проживания населения, а также надежной и устойчивой работы систем жизнеобеспечения в границах территории муниципального образования.

6. Выявлен наиболее оптимальный вариант регулирования и финансового обеспечения полномочий городских властей по выполнению функций административного центра субъекта Российской Федерации – комбинированная модель, при которой происходит делегирование муниципальным органам части государственных полномочий по выполнению функций столицы региона с предоставлением на эти цели субвенций из регионального

бюджета наряду с финансированием субъектом Российской Федерации расходных обязательств, возникающих при выполнении органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения, в форме субсидий. Указанную модель можно рекомендовать для использования в субъектах Российской Федерации с учетом специфики местного самоуправления в конкретном регионе России.

7. Сделан вывод о том, что создание управляющих компаний в сфере жилищно-коммунального хозяйства в организационно-правовой форме унитарных предприятий при наличии аналогичных по профилю деятельности организаций в определенных случаях следует квалифицировать как нарушение Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», поскольку перечень случаев создания унитарных предприятий ограничен. Рекомендовано соответствующим органам (Прокуратуре Российской Федерации, Федеральной антимонопольной службе России) при осуществлении контроля (надзора) за соблюдением российского законодательства обращать особое внимание на подобные нарушения.

8. В соответствии с действующим законодательством определение порядка проведения внеплановой проверки, предусмотренной ст. 165 Жилищного кодекса Российской Федерации, оставлено на усмотрение местных либо региональных властей. Предложено полномочия по регламентации процедуры проведения указанной проверки передать исключительно на региональный уровень. Поскольку проведение органами местного самоуправления внеплановой проверки деятельности управляющей организации, обслуживающей государственный и частный жилищные фонды – это полномочия органов государственного жилищного контроля, обосновано, что необходимо эти полномочия делегировать на муниципальный уровень с учетом императивных предписаний, установленных гл. 4 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

9. Сделан вывод о том, что на сегодняшний день на муниципальном уровне сложилась определенная система органов, созданных для защиты прав граждан в сфере жилищно-

коммунального хозяйства, как типичных (традиционных), таких как представительный орган, глава муниципального образования, местная администрация, контрольно-счетный орган муниципального образования, так и нетипичных (нетрадиционных): общественные советы по вопросам жилищнокоммунального хозяйства, комиссии по соблюдению жилищного законодательства и др. Практика функционирования нетипичных органов показывает, что они довольно эффективно могут осуществлять защиту прав граждан в жилищно-коммунальной сфере.

10. Контроль общественных советов по вопросам жилищнокоммунального хозяйства в целях защиты прав граждан в жилищно-коммунальной сфере во многом носит формальнодекларативный характер, поскольку либо такие советы обладают весьма номинальными полномочиями, либо не разработан сам порядок проведения таких проверок в некоторых муниципальных образованиях. Предложено для повышения роли таких общественных советов наделить их контрольно – надзорными полномочиями: правом направлять запрос на получение необходимой информации и документов, связанных с выполнением подконтрольными субъектами своих функций; полномочием по передаче своих решений для принятия мер в соответствующие органы и др.

Герасимова Александра Евгеньевна
Конституционные основы права на судебную защиту в США
Дата защиты – 30 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель:	Алебастрова Ирина Анатольевна
Оппоненты	Колосова Нина Михайловна, Кряжкова Ольга Николаевна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Место защиты | Диссертационный совет Д 212.123.02 на базе
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)»

Научная новизна исследования состоит в осуществлении автором исследования права на судебную защиту не через призму гарантий, которые обеспечивают его реализацию, а через комплекс базовых принципов американского конституционализма, таких как разделение властей, федерализм, конституционный контроль. Данный подход позволяет осмыслить право на судебную защиту более широко и комплексно. При этом автором сделаны новые выводы относительно позитивного влияния децентрализации судебной системы, конкуренции между федерацией и штатами на реализацию права на судебную защиту.

В рамках диссертационного исследования автором были сформулированы и обоснованы следующие положения на защиту:

1. Право на судебную защиту имеет двойственную правовую природу, одновременно является гарантией и правом. В качестве гарантии право на судебную защиту выступает тем связующим звеном между нарушенным «первичным» правом и механизмом судебной защиты, в рамках которого такое «первичное право» может быть защищено и восстановлено. Только реализуя свое право на судебную защиту, лицо может привести механизм судебной защиты в действие, что и характеризует право на судебную защиту как одну из ключевых гарантий существования всей системы прав и свобод личности. В качестве самостоятельного субъективного права право на судебную защиту обладает собственным набором правомочий, собственным механизмом и, наряду с иными правами, нуждается в защите.

2. Структура права на судебную защиту состоит из совокупности трех элементов: субъект права на судебную защиту (любое лицо, право которого нарушено), объект права на судебную защиту (права и свободы) и механизм судебной защиты (судебная система, органы, обеспечивающие исполнения судебных решений). В качестве основания возникновения права на судебную защиту отдельно следует отметить нарушение «первичного»

права, на защиту и восстановление которого направлена реализация права на судебную защиту,

3. Конституционными основами права на судебную защиту в США, оказывающими сильнейшее воздействие его на правовое регулирование и механизм реализации, являются три составляющих американского конституционализма: разделение властей, федерализм, конституционный контроль.

4. Положение судебной власти в США характеризуется сочетанием независимости судей при одновременном усилении политизированности данной ветви власти. Такое положение, как показывает практика, двояко сказывается на реализации права на судебную защиту. С одной стороны, суды в США не уклоняются от решения острых социальных и экономических (а также, порой, и политических, несмотря на наличие доктрины невмешательства судов в политику) вопросов. В связи с этим в США любое лицо имеет возможность получить судебную защиту при возникновении споров по таким сложным вопросам, как, в частности, применение принципа равенства. С другой стороны, наряду с нормами права на решения судей также оказывают значительное влияние их политические взгляды. Определенным решением данной проблемы в США является исторически сложившееся чередование консервативных и либеральных составов Верховного суда США¹. При этом суды штатов менее независимы, чем федеральные суды, что обусловлено исторически сложившимся принципом выборности судей штатов и ограниченным сроком их пребывания в должности. Для повышения уровня независимости принимаются различные механизмы ограничения влияния групп давления («миссурийский план», внепартийные выборы, раскрытие источников финансирования и др.).

5. Правовое воздействие принципа федерализма на реализацию права на судебную защиту в США выражается в наличии конкуренции между федеральной судебной системой и судебными системами различных штатов по установлению различного

¹ Более подробно см. Е.В. Наквакина. Дихотомия «консерватизм-либерализм» в правовой политике Верховного суда США. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2 (18). С. 60-65.

уровня гарантий реализации права на судебную защиту – в том числе, с учетом исторических, культурных и социальных особенностей отдельных штатов. Вместе с тем, за данной возможностью на практике кроется опасность, связанная с установлением преимуществ тем лицам, которые являются более выгодными налогоплательщиками для штата, что одновременно сопряжено с ущемлением прав других лиц. Противовесом такому дисбалансу на уровне штатов служит федеральное правительство. Так, федеральные суды могут признать неконституционными акты или действия правительства штатов, применяя клаузу «о верховенстве федерального права».

6. Противостояние между правительствами штатов и федеральным правительством за возможность регулировать тот или иной круг общественных отношений на практике зачастую связано с наличием у федерации и штатов различных подходов к разрешению какого-либо правового вопроса. Так, в рамках кооперативного федерализма политике штатов по защите свободы предпринимательской деятельности противостоит политика федерального правительства по защите социальных и экономических прав менее защищенных общественных групп. Указанное противостояние обеспечивает подвижность в регулировании основных прав и свобод, с определенной периодичностью судебную защиту могут получить разные группы лиц. В процессе данного противостояния право на судебную защиту также находится в постоянном развитии, вынужденно постоянно адаптироваться к современным потребностям общества.

7. Институт конституционного контроля в США до настоящего времени является ключевым конституционным механизмом формирования и развития права на судебную защиту. Именно посредством института конституционного контроля, а не деятельности законодателя, в США получили возможность равной судебной защиты, а соответственно, и полной реализации права на судебную защиту, этнические меньшинства, женщины, однополые семейные пары и т.д. Конституционной основой защиты прав различных групп лиц в рамках института конституционного контроля являются доктрины «надлежащей правовой процедуры» (V и XIV поправки к Конституции США) и «равной правовой защиты» (XIV поправка к Конституции США).

8. Осуществление судами в США конституционного контроля непосредственно связано с наличием необходимости соотносить различные, но сопоставимые по значимости правовые ценности: права различных лиц (групп лиц), права личности и публичные интересы. С развитием и совершенствованием правовой доктрины и правовой культуры критерии доказывания наличия публичного интереса становятся более жесткими, суды последовательно придерживаются принципа приоритета прав личности. В рамках конституционного права США данный подход, в частности, прослеживается в прецедентах Верховного суда США к соотношению свободы слова и публичных интересов. Так, ограничение свободы слова допускается только в том случае, если (а) наступила реальная конфронтация, которая неизбежно приведет к насилию, либо (б) такие высказывания нарушили и продолжают нарушать работу административной системы, в деятельности которой заинтересовано общество в целом либо, (в) если высказывания лица были направлены против существующего строя, они допускаются в той мере, пока имеется реальная возможность для изложения иной точки зрения.

Блохин Павел Дмитриевич

Роль аппарата органов конституционной юстиции в судебном процессе: сравнительно-правовой анализ

Дата защиты – 5 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Научный руководитель:	Кряжков Владимир Алексеевич
Оппоненты	Брежнев Олег Викторович, Митюков Михаил Алексеевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.048.04 на базе ФГАОУ ВПО «Национальный

исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научная новизна диссертационного исследования определяется как самим его предметом, так и используемым научным инструментарием, а равно вводимыми в научный оборот доктринальными и иными источниками. Так, в настоящей работе впервые в отечественной и зарубежной научной литературе предлагается комплексный подход ко многим взаимосвязанным проблемам конституционного судебного права и процесса именно с позиции деятельности аппарата органов конституционного контроля и его отдельных структурных подразделений и должностных лиц. В частности, предлагается принципы конституционного судопроизводства рассматривать, в том числе, с учетом функционирования аппарата конституционного суда; попутно предлагается сформулировать такие принципы, не получившие отражения в Законе, как недопустимость злоупотребления правом на обращение, процессуальная экономия, самостоятельность и творческая активность служащего органа конституционного контроля; делается попытка разграничить такие доктринальные понятия как «конституционное судопроизводство» и «конституционный судебный процесс», «допустимость» и «приемлемость» обращения в конституционный суд, провести параллели между устройством и функционированием аппарата Конституционного Суда РФ и иных вспомогательных государственных органов.

Автором вводится в научный оборот множество иностранных нормативных и научных источников, особое место в числе которых занимают доклады судей и ведущих служащих аппарата органов конституционной юрисдикции, а равно работы в области политологии и социологии права, а также целый ряд архивных документов и материалов, в том числе, ранее не публиковавшихся.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Аппарат органа конституционной юстиции может быть определен как система всех подразделений и должностных лиц, составляющих неотъемлемую часть этого органа, обеспечивающих его правовые, информационно-аналитические, представи-

тельские, хозяйственные и иные нужды. От того, в какой степени орган конституционной юстиции самостоятелен при формировании, руководстве и обеспечении деятельности аппарата, зависит внешняя (по отношению к другим органам государственной власти) независимость самого этого органа и его реальная самостоятельность в системе сдержек и противовесов. Объем переданных аппарату полномочий, т.е. обязанностей и соответствующих им правовых возможностей, как они предусмотрены законодательством, уточнены локальными актами органа конституционной юстиции, и реализованы на практике (в силу правовых обычаев, неформальных правил) может быть условно охарактеризован понятием «роль аппарата». От того, насколько серьезна эта роль, зависит, в свою очередь, внутренняя независимость этого органа (по отношению к самому этому аппарату), его дееспособность и эффективность.

2. Избранной законодателем моделью управления аппаратом (администрации) органа конституционной юрисдикции предопределяется структура аппарата такого органа, подотчетность его служащих, а также набор задач, выполняемых его подразделениями и должностными лицами; при этом предлагается выделять три такие модели: а) централизованную (французскую), б) децентрализованную (германскую или американскую) и в) смешанную (российскую). Оптимальной моделью в условиях российской правовой действительности может быть признана существующая сегодня смешанная модель при условии некоторого усиления децентрализованных начал с целью наилучшего гарантирования принципов конституционного судопроизводства, в частности, закрепление на законодательном уровне и некоторое расширение полномочий и ответственности судьи в отношении своего аппарата (офиса), а также более определенная законодательная регламентация полномочий всего Суда в отношении его аппарата (и Секретариата как его основного звена).

3. Аппараты органов конституционного контроля можно классифицировать с точки зрения способа их укомплектования на три категории: а) ту, что допускает только занятость публичных служащих на основе трудового договора или служебного контракта (Россия), б) ту, что предполагает формирование значительной части аппарата (или того или иного его подразделения)

на основе ротации или прикомандирования (Германия), и в) ту, в которой существует также институт поступления во временное распоряжение конституционного суда служащих иных органов власти и учреждений для выполнения строго определенных задач и на непродолжительный промежуток времени (Франция). Использование второго из названных институтов (прикомандирование) может быть особенно полезно как для самого органа конституционной юстиции, так и для государственного аппарата в целом, поскольку цель этого института состоит в интенсивном обмене опытом и навыками применения на практике конституционных стандартов прав и свобод, с одной стороны, и отраслевого, узкопрофессионального подхода к разрешению конкретных правовых проблем, с другой.

4. Мировому опыту известны следующие основные категории требований, предъявляемых к конституционной жалобе: а) требования к форме жалобы и приложениям к ней, иные требования, помимо формальных, а именно б) подведомственность и в) допустимость, а также г) требования приемлемости и д) требования обоснованности. От государства к государству и от одного периода времени к другому эти требования имеют как общие черты, так и заметные отличия, постоянно корректируются не только законодателем, но и судебной практикой – что позволяет конституционным судам, наряду с законодателем, в большей или меньшей степени, влиять на формирование собственной «повестки дня». В частности, в российском конституционном судопроизводстве сегодня применяются все эти требования кроме приемлемости (наличие или возможность серьезного и непоправимого ущерба для заявителя или особая конституционная значимость вопроса, выходящая за пределы одного дела), которое на практике способно превратить конституционную жалобу из гарантии прав гражданина в почти не ограниченную дискрецию суда. На основании норм Закона о Конституционном Суде (ст. 3, 36-40, 43, 68, 74, 96-97) и с учетом практики Суда и его Секретариата, всего сегодня можно выделить более 40 таких требований, предъявляемых в жалобе.

5. Аппарат органа конституционной юстиции, как правило, имеет больше полномочий на этапе предварительного рассмотрения обращений, где он выполняет одновременно «фильтрацион-

ную» и «консультационную» функции, и заметно меньше при рассмотрении дела по существу. На практике аппарат может быть уполномочен на проверку соблюдения требований, относящихся к любой из указанных выше категорий. Однако, с точки зрения права на доступ к суду, созданному на основании закона (ч. 1 ст. 46 и ч. 1 ст. 47 Конституции РФ) и принципа осуществления правосудия только судом (ч. 1 ст. 118 Конституции), во всяком случае, сюда могут быть отнесены все формальные требования; иные (содержательные) требования к жалобе – подведомственности и допустимости – сюда могут быть отнесены только при соблюдении определенных условий; в любом случае, аппарат не может самостоятельно оценивать соблюдение требования обоснованности и принимать окончательное решение по обращению, поскольку в этом случае происходило бы вторжение в само существо правосудия.

6. Объем полномочий Секретариата Конституционного Суда РФ по предварительному рассмотрению обращений, в особенности жалоб и ходатайств граждан и их объединений, как он сформулирован в Законе, и как он реализуется на практике, различается. Строгое соблюдение жесткого разделения функций между Секретариатом и судьями, проведенного в Законе (ст. 40 и ст. 43 ФКЗ о Конституционном Суде РФ соответственно), оказывается невозможным и не всегда целесообразным с точки зрения самого заявителя. Это привело к тому, что на практике выработалось такое понятие как «явная недопустимость» – по аналогии с понятием «явная неподведомственность» (которое предусмотрено ст. 40 ФКЗ о КС РФ). В то же время желательно выработать и зафиксировать в регламентных нормах определенные правила, только следуя которым Секретариат вправе оценивать соблюдение содержательных требований к обращению (т.е. подведомственности и допустимости); также желательно проводить обобщение практики принятия решений об отказе в рассмотрении обращений, что позволило бы заметно повысить результативность взаимодействия заявителя, с одной стороны, и Конституционного Суда (его Секретариата), с другой.

7. В условиях стабильно возрастающей нагрузки на органы конституционного контроля существенно возрастает и роль аппарата этих органов. Зарубежному опыту известно несколько

средств, позволяющих полностью или частично предотвратить чрезмерное увеличение этой роли. Некоторые из этих средств могут быть оценены положительно и в перспективе применены (или уже применяются) к российскому конституционному судопроизводству: упрощение организационно-правовой формы принятия решений, а именно формирование из числа судей малых составов для рассмотрения обращений в предварительном порядке и использование письменного судопроизводства, и кроме того внедрение инструментов электронного делопроизводства и электронного судопроизводства. Некоторые, напротив, способны чрезмерно затруднить доступ к суду, подорвать доверие к конституционно-судебной защите фундаментальных прав и свобод: принятие решений об отказе в рассмотрении дела без указания мотивов, чрезмерное ужесточение требований, предъявляемых к обращению, а также постоянное «раздувание штатов», усложнение структуры аппарата, его бюрократизация.

8. Доктринальное понятие «конституционный судебный процесс» равнозначно используемому в законодательстве термину «производство в Конституционном Суде» и является более широким, чем понятие «конституционное судопроизводство»; в свою очередь, отправление конституционного правосудия, как правило, может иметь место именно в результате осуществления конституционного судопроизводства, т.е. рассмотрения правового спора по существу с непосредственным участием судей. Секретариат Конституционного Суда РФ, в отличие от аппаратов иных судов, законодательно наделен обширными возможностями участия в судебном процессе; при подготовке проектов постановлений, а также развернутых определений с позитивным содержанием роль помощника судьи или сотрудника Секретариата фактически также предполагает участие в осуществлении судопроизводства.

9. В случае, если аппарат суда наделен серьезными юрисдикционными полномочиями и участвует в судебном процессе, и особенно, в осуществлении судопроизводства, принципы конституционного судопроизводства должны в достаточной степени распространять свое действие не только на стадии и процедуры, в которых участвуют члены конституционного суда или аналогичного органа, но и на стадии и процедуры, в которых участвуют

служащие аппарата этого суда или органа. Следовательно, деятельность аппарата органа конституционного контроля (особенно, неспециализированного органа, являющегося высшей кассационной инстанцией, решение которого непосредственно влияет на права и обязанности сторон) должна подчиняться вытекающим из статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и из национального конституционного права основополагающим требованиям справедливого судопроизводства, включая принципы «законного судьи», беспристрастности, соблюдения тайны совещательной комнаты, а также принципам равенства прав судей, независимости и коллегиальности при принятии решений.

10. Централизованный аппарат органа конституционного контроля в судебном процессе должен пониматься не как бюрократический аппарат иных государственных органов, а как своеобразное экспертное учреждение внутри суда, а значит, его деятельность должна строиться на иных принципах, гармонично сочетающихся с общими принципами административного управления. К числу таких принципов можно отнести самостоятельность и творческую активность сотрудника аппарата суда, а также обеспечение аппарата полномочиями и ресурсами, строго соответствующими поставленным перед ним задачам, имеющим юрисдикционный характер. Соответственно, к служащему такого аппарата могут предъявляться повышенные квалификационные требования и дополнительные правовые гарантии, не исчерпываемые законодательством о государственной гражданской службе.

Артемова Оксана Евгеньевна
Конституционно-правовой статус Центральной
избирательной комиссии Российской Федерации
Дата защиты – 22 апреля 2016 г.

Место
выполнения
работы

ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный
университет»

Научный руководитель:	Романовская Ольга Валентиновна
Оппоненты	Астафичев Павел Александрович, Малый Денис Александрович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» Диссертационный совет Д 999.036.03 на базе ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что в ней впервые представлено комплексное исследование конституционно-правовой концепции, определяющей место Центральной избирательной комиссии России в системе субъектов конституционного права, в триаде разделения властей, устанавливающей особенности ее как государственного органа и как юридического лица публичного права.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

- Центральная избирательная комиссия России, обозначенная как государственный орган, наделена государственно-властными полномочиями, которые позволяют характеризовать ее как носителя публичной власти, не входящего в общую систему разделения властей, а являющегося органом *sui generis*. Доказано, что это не входит в противоречие с общими принципами организации государственной власти (в частности, с принципом разделения на три ветви власти). Обоснован вывод о нецелесообразности внесения дополнений в Конституцию Российской Федерации в виде специальной главы, посвященной избирательной системе. В диссертации проведена классификация полномочий ЦИК России.

- Статус ЦИК России определяется с помощью специального правового регулирования, когда норма закона приобретает характер индивидуального правового акта. Это имеет определенные недостатки, главный из которых – отсутствие согласованности норм специальных законов и общих

нормативных актов, определяющих статус органов государственной власти.

В то же время существуют особенности правового статуса ЦИК России. Во-первых, ее функции не имеют производного характера, они не возложены на комиссию государственным органом власти, а имеют интегративный характер. Во-вторых, порядок формирования коллегиального органа носит гибридный характер. Участие принимают три самостоятельных органа государственной власти. В-третьих, присутствует организационная самостоятельность, когда отсутствует связь полномочий ЦИК РФ с деятельностью конкретной ветви власти.

Историко-правовое исследование показало этапность развития статуса центральных избирательных органов, как в России, так и за рубежом:

1-й этап характеризуется отсутствием не только единого центрального избирательного органа, но и, как правило, вообще каких-то специальных органов, уполномоченных на управление избирательным процессом.

2-й этап связан с развитием демократических институтов и распространением выборов как основы формирования представительных органов государственной власти. На данном этапе институционализация избирательным процессом развивалась по трем направлениям. Функции управления осуществляли: исполнительные органы государственной власти; судебные органы; специально создаваемые органы на период проведения избирательных компаний. При этом присутствовало разделение основных функций, присущих современным избирательным комиссиям, между различными органами государственной власти: от составления списков избирателей, подсчета голосов до подведения итогов и рассмотрения жалоб на нарушения избирательного законодательства. Такая бессистемная дифференциация обуславливала невозможность создания единого централизованного органа.

3-й этап связан с признанием необходимости существования постоянно действующего центрального избирательного органа. Однако исторические особенности формирования субъектов избирательного права в разных странах привели к вариативности определения статуса указанного органа.

- Выделены особенности формирования международных избирательных стандартов, определяющих процесс управления выборами:

- в условиях современной глобализации процесс международной защиты субъективных избирательных прав, принадлежащих гражданам, стал активно влиять на суверенные полномочия государства в сфере организации национальных политических институтов;

- отсутствие единого стандарта организации выборов в странах «развитой демократии»;

- наличие двойных стандартов (отношение стран Европейского Союза к референдуму в Крыму, голосованию по вопросу независимости в Шотландии).

Обоснован приоритет норм Конституции РФ по отношению к международным избирательным стандартам при регулировании национального избирательного процесса.

- Сравнительно-правовое исследование позволило выделить подходы в формировании центрального избирательного органа: правительственный (подчиненность органам исполнительной власти); судебный (членами центрального избирательного органа являются судьи); многопартийный (устанавливается квотирование победивших в выборах партий); экспертный (члены избираются исходя из их профессиональных качеств); смешанный (происходит сочетание вышеназванных подходов).

Анализ зарубежного законодательства позволил сформулировать общие выводы:

- в мире отсутствует единый стандарт создания и функционирования центральных избирательных органов. Принципы, на основе которых происходит общая организация выборов, сформированы в условиях исторических и национальных особенностей государственно-правового строительства каждого государства;

- для целого ряда стран характерно отсутствие единого централизованного избирательного органа, создаваемого на постоянной основе. Создание Центральной избирательной комиссии – прерогатива государства и не вытекает из каких-либо международных обязательств;

- весьма распространенной практикой является формирование центрального избирательного органа из числа представителей судебной власти. Возможны варианты: сама судебная власть формирует избирательный орган, либо иная ветвь власти формирует указанный орган, но из представителей судебной власти;

- в ряде государств организация и проведение выборов – прерогатива органов исполнительной власти. В подавляющем большинстве случаев органом, ответственным за выборы выступает министерство внутренних дел. Нередко в структуре министерства создается центральная избирательная комиссия (иногда формируемая из представителей различных ветвей власти), но даже в этом случае нормативно-правовое регулирование осуществляется министерством;

- налицо мировая тенденция по созданию на центральном уровне власти автономного, независимого, постоянно действующего избирательного органа (его название может зависеть от исторических и национальных особенностей). В этом случае происходит концентрация ключевых полномочий по нормативному регулированию, организации выборов, контролю за их проведением, подведению итогов в рамках одного такого органа. Государства озабочены при этом созданием гарантий независимости избирательного органа от ветвей власти, политических партий, бизнес-элит. Достигается это различными моделями организации, в рамках которых происходит создание некоей «системы сдержек и противовесов»: участием в формировании различных ветвей власти; представительство членов перед главой государства; создание специализированного избирательного суда.

- Обоснован вывод о необходимости привнесения этического элемента в деятельность Центральной избирательной комиссии РФ и каждого ее члена. Достигаться это может либо путем принесения присяги при вступлении в должность, либо путем принятия этического кодекса поведения члена ЦИК РФ.

- Сформулированы рекомендации по совершенствованию действующего избирательного законодательства в части регулирования правового статуса ЦИК России. Необходимо: 1) систематизировать нормотворческие полномочия ЦИК РФ,

установленные в различных федеральных законах, и привести их к единообразным формам; 2) четко классифицировать полномочия ЦИК РФ по принятию решений с становлением наименования вида каждого правового акта; 3) закрепить общие правила принятия нормативных актов в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и привести в соответствии с установленными правилами положения Регламента ЦИК России; 4) систематизировать полномочия ЦИК России по обеспечению информационной безопасности в едином нормативном акте, а именно в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; 5) устранить возникающие противоречия избирательного законодательства и Федерального закона «О персональных данных», в части включения ЦИК РФ в перечень органов, уполномоченных на обработку персональных данных и принятие нормативных актов в указанной сфере.

В современной юридической науке возрождается вопрос о существовании юридических лиц публичного права и придании такого статуса носителям публичной власти. В диссертации доказано, что ЦИК России является примером такого юридического лица публичного права, обладающая основными признаками, обуславливающими их видовое выделение.

Лихтер Павел Леонидович

Институт Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации

Дата защиты – 22 апреля 2016 г.

Место
выполнения
работы
Научный
руководитель:

ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
Синцов Глеб Владимирович

Оппоненты	Королев Сергей Викторович, Феоктистов Данил Евгеньевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина» Диссертационный совет Д 999.036.03 на базе ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Саратовский
Место защиты	государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Научная новизна диссертационного исследования определяется сформулированными в ходе исследования научными выводами и содержащимися предложениями по совершенствованию законодательства, регулирующего правовой статус Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации.

В диссертации даются авторские определения ряда понятий конституционного права (Уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, компетенция Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации и т.д.). Предложена периодизация становления и развития института Уполномоченного по правам ребенка в России и за рубежом. Проведен системный анализ юридической природы, правовых основ деятельности Уполномоченного по правам ребенка, его места в механизме защиты прав несовершеннолетних, порядка взаимодействия с государственными органами и негосударственными институтами с учетом особенностей формирования основ гражданского общества и правового государства в современной России.

Диссертационное исследование является системным исследованием института Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации на основе анализа новейшего отечественного законодательства и с учетом современных международных и зарубежных нормативно-правовых актов.

В диссертации анализируются научные подходы к повышению эффективности реализации статуса Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации и даются

предложения по совершенствованию деятельности, направленной на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

Основные положения, выносимые на защиту:

Уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации – это независимый государственный орган, осуществляющий контроль за действиями и решениями органов государственной власти, местного самоуправления и неправительственных учреждений в сфере соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних на территории субъекта Российской Федерации.

Для Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации характерна двойственность его юридической природы, что подтверждается его принадлежностью к региональным органам государственной власти и одновременно наличием элементов института гражданского общества.

В настоящее время созданы необходимые предпосылки для нового этапа в развитии защиты прав ребенка, на котором возможен переход к функционированию института Уполномоченного по правам ребенка на основе собственного конституционно-правового статуса. По нашему мнению, именно сегодня в целях повышения стабильности и независимости деятельности Уполномоченных по правам ребенка необходимо включить положения об основе правового статуса института детского правозащитника в статью 103 Конституции Российской Федерации.

Наиболее актуальным направлением совершенствования федерального законодательства об Уполномоченных по правам ребенка в регионах является разработка проекта рамочного закона «Об основах деятельности Уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации», который будет регламентировать единый правовой статус детских правозащитников в системе органов государственной власти, круг их полномочий, порядок назначения и освобождения от должности.

Для повышения защиты прав молодых людей при переходе во взрослую жизнь (что особенно важно для детей-инвалидов, сирот и ряда других социальных групп) представляется целесообразным внести изменение в законодательство Российской Федерации в части закрепления за Уполномоченными по правам ребенка обязанности по защите прав лиц в возрасте от 18 до 21 го-

да; предоставить дополнительные полномочия для решения указанной задачи; рассмотреть вопрос о переименовании должности «Уполномоченный по правам ребенка» на «Уполномоченный по правам детей и молодежи».

Актуальным является вопрос определения и формального закрепления наиболее существенных критериев эффективности работы детского правозащитника (в том числе количество обращений к Уполномоченному, объем разрешенных жалоб, сроки исполнения и т. д.), а также создание механизма независимого и объективного контроля основных показателей. Целесообразно использовать следующие категории индикаторов деятельности Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации: показатели входящих ресурсов, показатели процессов, показатели непосредственных результатов, показатели конечных эффектов и показатели влияния.

При этом следует признать оптимальным сочетание объективных и субъективных методов оценки эффективности работы региональных детских омбудсменов (в том числе на основе экспертной оценки представителей Общественной палаты субъектов Российской Федерации).

Процесс выдвижения кандидатур на должность Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации должен включать в себя участие самого широкого круга различных социальных групп. В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в региональные законы, которые бы наделяли правом внесения кандидатур детского правозащитника, в том числе общественные объединения, организации в сфере обеспечения и защиты прав ребенка, жителей региона, что станет убедительным доказательством демократизации указанного процесса.

Полный объем требований, предъявляемых к кандидату на должность Уполномоченного, должен быть следующим: гражданин Российской Федерации; не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство на территории иностранного государства; достигший возраста 35 лет; не признанный судом недееспособным или ограниченно дееспособным; не имевший судимости, а также не привлекавшийся к административной ответственности за правонарушения против несовершенно-

нолетних; имеющий высшее юридическое, педагогическое образование либо по иной специальности, связанной с исследованием проблем детей; стаж работы не менее 5 лет, с безупречной репутацией, высокими моральными качествами и общественным авторитетом.

В настоящее время требуется расширение форм участия Уполномоченных по правам ребенка в правотворческом процессе посредством наделения их правом осуществления экспертизы проектов законов, вносимых в законодательный орган субъекта Российской Федерации (непосредственно касающихся вопросов обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних) и правом обращения в Конституционные (Уставные) суды субъектов Российской Федерации с запросом о соответствии региональным Конституциям (Уставам) отдельных нормативных правовых актов, затрагивающих права детей, что будет способствовать совершенствованию законодательства в сфере прав ребенка.

Для реализации принципа независимости в деятельности Уполномоченных по правам ребенка необходимо закрепить ряд дополнительных мер по обеспечению финансовых, организационных и политических гарантий деятельности детских правозащитников. В том числе необходимо уравнивать правовой статус регионального Уполномоченного по правам ребенка в части содержания правовых гарантий деятельности (правовых иммунитетов) со статусом депутата законодательного (представительного) органа в соответствующем субъекте России.

Совершенствование регионального законодательства должно пойти по пути закрепления порядка координации (субординации) деятельности муниципальных Уполномоченных по правам ребенка с региональным детским правозащитником, а также основ правового статуса муниципальных общественных помощников: порядок их назначения и освобождения от должности, права и обязанности. Институт представителей (помощников) регионального Уполномоченного по правам ребенка должен быть учрежден во всех муниципальных образованиях субъекта Российской Федерации.

Целесообразно рассмотреть возможность разработки многостороннего договора «О создании института Уполномоченного

по правам ребенка стран Содружества Независимых Государств». Создание данного института позволит повысить эффективность защиты прав детей, а также улучшить работу по научно-информационному и методическому сопровождению деятельности региональных Уполномоченных по правам ребенка в ряде стран бывшего Советского Союза.

Косолапова Наталья Александровна
Право на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе
Дата защиты – 22 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Научный руководитель:	Мархгейм Марина Васильевна
Оппоненты	Понкин Игорь Владиславович, Новопавловская Елена Евгеньевна
Ведущая организация	ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы» Диссертационный совет Д 999.044.03 на базе ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
Место защиты	ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс»

Научная новизна диссертации заключается в том, что на основании выполненных соискателем исследований:

разработана новая научная идея о праве на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе, дополняющая понятийный и содержательный аспекты гарантирования субъективных прав личности;

предложены способы закрепления в законодательстве субъектов Российской Федерации требований к представителям сторон в конституционном судопроизводстве (воспроизведения, расширения, типично-региональный и абстрактный); направления совершенствования права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе;

доказана целесообразность понимания права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе как комплексной категории по структуре, содержанию и законодательному регулированию;

введены в научный оборот авторские трактовки права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе; представительства как формы реализации квалифицированной юридической помощи в конституционном судебном процессе; гарантий реализации права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе; базово-судебных и статусно-представительских видов гарантий субъективного права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе.

На защиту выносятся следующие **положения**, обладающие элементами научной новизны.

Авторское обоснование права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе как комплексной категории, которая в зависимости от набора правовых норм и исходных теоретических подходов может быть рассмотрена как:

межотраслевой институт;

субъективное конституционное право, реализуемое в определенном виде судопроизводства;

основная гарантия получения личностью квалифицированной юридической помощи, обеспечивающая, помимо прочего доступ к правосудию;

факультативная гарантия реализации субъективного права на судебную защиту;

принцип конституционного судебного процесса.

Авторская интерпретация субъективного права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе в качестве конституционно-обусловленной и законода-

тельно гарантированной возможности каждого доверителя на получение должного юридического содействия со стороны уполномоченных субъектов, действующих в его интересах в рамках конституционного судебного процесса.

Авторские аргументы в пользу понимания принципа квалифицированной юридической помощи в конституционном судебном процессе, представляющего собой концептуально-обоснованную, нормативно объективированную лексическую конструкцию, содержание которой определяет закономерности процедурно-процессуальных отношений между их участниками по поводу получения и использования результатов юридического содействия со стороны уполномоченных лиц с ретроспективными и проспективными целями в интересах личности, общества и государства.

Выявленные автором способы закрепления в специальном законодательстве субъектов Российской Федерации требований к представителям сторон в конституционном судопроизводстве. Так, это осуществлено путем:

воспроизведения (отражает полное совпадение с требованиями к представителю, закрепленными в ст. 53 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; включен в ст. 53 Конституционного закона Чеченской Республики от 24 мая 2006 г. № 2-РКЗ «О Конституционном Суде Чеченской Республики»);

расширения (отражает в качестве представителей сторон адвокатов или лиц, имеющих высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами (ст. 37 Закона Кабардино-Балкарской Республики от 12 декабря 1997 г. № 38-РЗ «О Конституционном Суде Кабардино-Балкарской Республики»; ст. 62 Конституционного закона Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2002 г. 16-з № 363-П «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве»));

типично-региональный (отражает в качестве представителей сторон адвокатов и лиц, имеющих высшее юридическое образование / образование по юридической специальности (ст. 53 Закона Республики Адыгея от 17 июня 1996 г. № 11 «О Конституци-

онном Суде Республики Адыгея», ст. 50 Конституционного закона Республики Ингушетия от 28 декабря 2001 г. № 10-РКЗ «О Конституционном Суде Республики Ингушетия», ст. 36 Закона Республики Северная Осетия-Алания от 15 июня 2001 г. № 17-РЗ «О Конституционном Суде Республики Северная Осетия-Алания», ст. 54 Закона Республики Татарстан от 22 декабря 1992 г. № 1708-ХП «О Конституционном суде Республики Татарстан», ст. 52 Конституционного закона Республики Тыва от 4 января 2003 г. № 1300 ВХ-1 «О Конституционном суде Республики Тыва»); адвокатов и иных лиц, полномочия которых подтверждены соответствующим документом / оформлены в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 49 Закона Республики Дагестан от 2 февраля 2010 г. № 8 «О Конституционном Суде Республики Дагестан», ч. 2 ст. 46 Закона Карачаево-Черкесской Республики от 21 июня 2004 г. № 5-РЗ «О Конституционном Суде Карачаево-Черкесской Республики», ст. 48 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 г. № 7-РЗ «О Конституционном Суде Республики Коми», ст. 50 Закона Республики Марий Эл от 11 марта 1997 г. № 14-З «О Конституционном суде Республики Марий Эл», ст. 36 Закона Республики Северная Осетия-Алания от 15 июня 2001 г. № 17-РЗ «О Конституционном Суде Республики Северная Осетия-Алания», ст. 51 Закона Калининградской области от 2 октября 2000 г. № 247 «Об Уставном Суде Калининградской области»));

абстрактный (в формулировках отсутствуют содержательные требования к конкретному кругу лиц, которые могут быть представителями в конституционном процессе конституционного (уставного) суда субъекта России (ст. 46 Закона Республики Бурятия от 25 октября 1994 г. № 42-1 «О Конституционном Суде Республики Бурятия»; ст. 52 Закона Республики Карелия от 7 июля 2004 г. № 790-ЗРК «О Конституционном Суде Республики Карелия» и ст. 53 Областного закона от 6 мая 1997 г. № 29-ОЗ «Об Уставном Суде Свердловской области»)).

Авторская дефиниция представительства как формы реализации права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе. Это опосредованная интересами доверителя совокупность процессуально-организационных отношений, направленных на разрешение спорной ситуации,

удовлетворение его законных интересов и восстановление нарушенных прав посредством включенного на основании нотариально заверенной доверенности участия представителя (адвоката или лица, имеющего ученую степень), оказывающего должное юридической содействие.

Авторское определение и систематизация гарантий реализации права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе.

Гарантии реализации права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе представляют собой совокупность благоприятных условий, норм, средств и способов базово-судебного и статусно-представительского характера, обеспечивающих каждому правовые возможности для реализации соответствующего субъективного права.

Базово-судебные гарантии субъективного права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе представляют собой совокупность конституционно-правовых норм, средств и определяемых на их основе способов в единстве обеспечивающих каждому доступ к правосудию и защите в рамках конституционного судопроизводства.

Статусно-представительские гарантии включают в себя совокупность конституционно-правовых норм и средств, определяющих статус субъектов и способы осуществления квалифицированной юридической помощи в конституционном судопроизводстве.

Предложения, направленные на совершенствование гарантий права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе:

унификация в законах субъектов Российской Федерации о конституционных (уставных) судах количественных (от одного до трех) и качественных требований к представителю стороны в конституционном судопроизводстве (адвокаты; лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами);

закрепление на законодательном уровне норм, предусматривающих порядок взаимоотношений в рамках конституционного судебного процесса между доверителем и представителем – ли-

цом, имеющим ученую степень по юридической специальности, полномочия которого подтверждены соответствующими документами.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Защиты докторских диссертаций

Гришина Яна Сергеевна

Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства

Дата защиты – 25 марта 2016 г.

Место выполнения работы	НОУ ВПО «Московская академия экономики и права»
Оппоненты	Андреева Любовь Васильевна, Губин Евгений Парфирьевич, Серова Ольга Александровна
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Место защиты	Диссертационный совет Д 521.023.02 при НОУ ВПО «Московская академия экономики и права»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые на доктринальном монографическом уровне теоретически обоснована концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства, разработаны рекомендации по ее практической реализации в виде авторской концепции федерального закона

«О государственных гарантиях развития социального предпринимательства» и других системных изменений законодательства, обусловливаемых его легализацией; сформулированы науч-

ные дефиниции концептуальной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства, а также социального предпринимательства как объекта правового обеспечения и оригинала конструируемой модели; выявлены ее структурные элементы, их взаимозависимость, системообразующие факторы, принципы и этапы построения модели.

Диссертация является первым в данном аспекте и объеме научным исследованием системы взаимодействия частных и публичных правовых средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях конструирования модели правового обеспечения социального предпринимательства, отражающей на уровне целостной, развернутой концепции основные этапы ее построения, целеполагания и функционирования. Концептуальная модель правового обеспечения социального предпринимательства формировалась на основе творческого развития теории имущественных потребностей и гражданско-правовых средств их удовлетворения, разработанной Н. А. Бариновым. Автором на базе имеющегося эмпирического материала дополнены положения теории Н. А. Баринова, а также впервые сформулированы и обоснованы основные закономерности и принципы оригинальной авторской концепции инновационно-правового обеспечения социально-имущественных потребностей, ее категориальный аппарат.

На основе изучения эволюции общих тенденций и перспектив дифференциации имущественных отношений, составляющих предмет гражданского и предпринимательского права, спрогнозировано и смоделировано формирование института социального предпринимательства и законодательства о нем, обладающих специфическим дозволительноразрешительным режимом правового регулирования. Кроме того, смоделирован механизм правового обеспечения социального предпринимательства как системы взаимодействия частных и публичных средств правового обеспечения и базиса концептуальной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства. Доказана необходимость разработки национальной правовой политики поддержки социального предпринимательства, учитывающей достоинства зарубежных правовых моделей. Обоснованы ее элементы, среди которых наиболее важным является федеральный закон «О

государственных гарантиях развития социального предпринимательства». Разработаны классификация субъектов социального предпринимательства, социально предпринимательских договоров, критерии разграничения традиционной предпринимательской и социально-предпринимательской деятельности, а также отнесения социальных предприятий к субъектам социального предпринимательства.

Проведенное исследование позволило обосновать следующие основные положения и выводы, выносимые на защиту.

Сформулировано научное определение конструируемой концептуальной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства, под которой следует понимать совокупность системно взаимосвязанных предпринимательско-правовых элементов (юридических конструкций, форм и разноотраслевых правовых средств), а также обеспечивающих их функционирование юридических механизмов (обеспечения, защиты), системообразующих факторов, принципов и понятий, целью воздействия которых является повышение уровня жизни и социальной защищенности российских граждан и решение или сглаживание других социальных проблем. Обоснованы этапы ее конструирования, обуславливающие структуру моделирования.

В результате исследования эволюции идеи социального предпринимательства, а также основных подходов к его определению за рубежом и в России обоснован вывод, что социальное предпринимательство как объект правового обеспечения и оригинал конструируемой концептуальной модели следует рассматривать в узком и широком смысле. В первом случае под социальным предпринимательством понимается такая предпринимательская деятельность, которая направлена на интеграцию социального и экономического эффекта, достигающегося применением инновационных методов. При этом приоритет социального результата выше, чем экономического.

В широком смысле под социальным предпринимательством следует понимать межсекторное взаимодействие государства, бизнеса, гражданского общества, обеспеченное системой частных и публичных правовых средств. И в первом, и во втором случае нацеленность правового инструментария общая – на решение или смягчение различных социальных проблем общества, связанных

с обеспечением социально-имущественных потребностей российских граждан. Критерием разграничения социального предпринимательства и традиционной предпринимательской деятельности и некоммерческого хозяйствования является не прибыльность, которая не исключается, но и не абсолютизируется, а в первую очередь нацеленность на удовлетворение социально-имущественных потребностей с помощью социально-инновационных предпринимательских средств. Успехи социального предпринимательства позволяют рассматривать его в качестве перспективной и оптимальной антикризисной модели, призванной обеспечить высокий уровень жизни и социальную защищенность российских граждан.

Спрогнозировано формирование правового института социального предпринимательства как важнейшего элемента предпринимательского права и законодательства, находящегося в области конвергенции частного и публичного (социального) права, призванного обеспечить достойный уровень жизни и социальной защищенности (социально-имущественные потребности) российских граждан и общества в целом. Данный научный прогноз обуславливает необходимость корректировки определения предпринимательской деятельности, содержащегося в ч.1 ст. 2 ГК РФ, и последующих системных изменений всех институтов гражданского законодательства в аспекте их соответствия Гражданскому кодексу, отвечающему требованиям модели социального государства. Обоснованием системных изменений в соответствии с общемировой тенденцией социализации экономики и права должна стать разработка программного документа – концепции социализации гражданского законодательства.

Правовое обеспечение социального предпринимательства представляет собой результат системного динамического воздействия частноправовых и публично-правовых средств в рамках механизма правового регулирования социального предпринимательства в целях решения или сглаживания социальных проблем, при этом обеспечивается системность действия позитивного права и в конечном счете – эффективность правового регулирования, которая достигается применением комплексного дозволительно-разрешительного правового режима.

Обосновано, что одним из важнейших системообразующих факторов конструируемой концептуальной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства является категория социально-имущественных потребностей, являющаяся родовой по отношению к категориям потребностей в а) социально необходимых товарах и б) социально необходимых объектах.

Под социально-имущественными потребностями в социально – имущественных благах, объединенных в понятие «социально необходимые товары», в отличие от общественных благ, не включенных в рыночный товарооборот (национальная оборона, деятельность судебной, законодательной, исполнительной власти), понимаются объекты рыночного товарообмена (такие, например, как лекарственные средства, предметы детской гигиены, продукты питания первой необходимости, социально значимые бытовые услуги, работы по протезированию и т. д.), удовлетворяющие имущественные потребности граждан в социальной сфере, обеспечение которых осуществляется оптимальным сочетанием частноправовых и публично-правовых средств, интеграция социального и экономического воздействия которых приводит к решению или сглаживанию острых социальных проблем в обществе.

Правовой режим оборота товара, обладающего статусом «социально необходимого», приобретает существенные особенности, которые заключаются в том, что законодатель предъявляет особые требования к безопасности и качеству товаров, к лицензированию предприятий, осуществляющих данный вид деятельности. В случае необходимости правительство вправе регулировать цены на эту группу товаров, в частности ограничивать торговые надбавки, устанавливать нормативы рентабельности, требовать декларирования изменения цен и т. д., что обусловливается необходимостью воздействия публично-правовых средств для обеспечения достойного существования личности, то есть обеспечения первостепенных жизненно необходимых потребностей. В некоторых случаях, строго определенных законом, данные виды товаров (например, лекарственные средства) приобретают статус ограниченных в обороте, и удовлетворение социально-

имущественных потребностей в них обеспечивается специальным правовым режимом.

Обоснован вывод, что к социально необходимым объектам, позволяющим обеспечить социально необходимые потребности общества, относится часть объектов народного достояния, составляющая имущественные комплексы социального назначения, дающие возможность мобилизовать внутренний потенциал личности, способствующий выходу из трудной жизненной ситуации, такие, как социальные объекты недвижимого имущества, предназначенные для социального содействия детям, оставшимся без попечения родителей, пожилым гражданам и инвалидам и т. п. Так же, как и в отношении правового режима оборота товара со статусом «социально необходимого», правовой режим социально необходимых объектов обладает особенностями по отношению как к частным оборотоспособным объектам недвижимости, участвующим без ограничений в гражданском обороте, так и к объектам исключительной государственной собственности (публичным вещам), находящимся вне оборота или участвующим в гражданском обороте в ограниченных законом пределах.

Вместе с тем объекты исключительной государственной собственности (социального назначения) – социально необходимые объекты – являются особой разновидностью объектов публичной собственности, так как их правовой режим соответствует гражданско-правовым критериям, и в связи с этим право собственности на данные объекты может рассматриваться как вещно-правовое средство обеспечения социально-имущественных потребностей общества. По сравнению с другими публичными вещами, входящими в состав исключительной государственной собственности, объекты социального назначения обладают более высокой степенью оборотоспособности, соответствующей режиму объектов права собственности юридических лиц. Однако их правовой режим оборотоспособности также может быть ограничен (на указанные объекты не должны распространяться правила приобретательной давности, должна быть легализована сдача в аренду на конкурсной основе; должны соблюдаться требования о возврате публичной собственности и т.д.).

Главной характерной чертой общественных отношений по удовлетворению социально-имущественных потребностей следу-

ет считать их социальную направленность на решение проблем в сферах здравоохранения, образования, занятости, социальной защиты, то есть на обеспечение достойного уровня жизни и социально-правовой защищенности всех российских граждан, но в случае конфликтов интересов в приоритетном порядке – лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Доказано, что публично-правовые и частноправовые средства как элементы конструируемой концептуальной модели включают в себя совокупность укрупненных блоков взаимодействующих правовых средств (правовых конструкций), каждый из которых представляет собой самостоятельную подсистему общей системы обеспечения российского социального предпринимательства. В свою очередь каждый из этих блоков публично-правовых и частноправовых средств (правовых конструкций) состоит из подсистемы правовых средств более низкого уровня. В целом систему публично-правовых средств можно представить как совокупность подсистем правовых средств (правовых конструкций), объединенных понятиями публично-правовых средств государственной поддержки субъектов социального предпринимательства и обеспечения качества, безопасности и доступности социально необходимых товаров, включающих следующие правовые инструменты: государственный заказ; государственное задание; лицензирование, патентование и квотирование; сертификацию и стандартизацию; применение нормативов и лимитов; регулирование цен и тарифов; предоставление инвестиционных, налоговых и других льгот; предоставление дотаций, компенсаций, целевых инноваций и субсидий и других средств. В свою очередь система частноправовых средств состоит из блоков правосубъектных, вещных, обязательственных и защитноохранительных правовых средств (правовых конструкций).

Правосубъектные частноправовые средства служат реализации потенциала субъектов социального предпринимательства, необходимого для их участия в процессе обеспечения социально-имущественных потребностей. В зависимости от степени участия представляется возможным выделить следующие группы субъектов социально-предпринимательской деятельности:

а) публично-правовые образования и созданные ими юридические лица, обеспечивающие удовлетворение общественных социально-имущественных потребностей;

б) корпоративные предпринимательские организации, целью которых является удовлетворение социально-имущественных потребностей своих членов (участников) (коммерческие и некоммерческие корпоративные организации);

в) некорпоративные (унитарные), непредпринимательские организации, способствующие удовлетворению социально-имущественных потребностей (некоммерческие унитарные организации);

г) индивидуальные социальные предприниматели [индивидуальные предприниматели и крестьянские (фермерские) хозяйства].

Наличие особенностей правовых режимов оборота товаров (вещей, работ и услуг) и объектов недвижимости, обладающих статусом «социально необходимых», обуславливает возможность обоснования системы социально-предпринимательских договоров, где в качестве системообразующих признаков правомерно рассматривать предмет договора: а) социально необходимые товары и б) социально необходимые объекты. Данный подход, обусловленный необходимостью законодательного совершенствования правового режима социально необходимых товаров и объектов позволяет классифицировать договоры в сфере осуществления социально-предпринимательской деятельности по обеспечению социально-имущественных потребностей, дифференцируя две группы: 1) гражданско-правовые договоры в сфере социального предпринимательства и комплексные (полиотраслевые) социально-предпринимательские договоры.

Общим системообразующим фактором классификации является направленность на интеграцию социального и экономического эффекта, способствующую решению или сглаживанию острых социальных проблем (социально-экономический эффект), как вектор развития социального предпринимательства. Вместе с тем в связи с различной правовой природой первой и второй групп договоров последующие системообразующие признаки предполагаются различными для каждой из групп.

Гражданско-правовые договоры в сфере социального предпринимательства характеризуются такими признаками, как: а) регламентация нормами права, составляющими арсенал гражданского законодательства; б) стороны договора (субъектом отношений одной из

сторон является социальный предприниматель); в) предмет договора (социально необходимые товары). В эту группу договоров могут быть включены договоры: поставки для государственных нужд; контрактации; подряда (социальный подряд); коммерческой концессии (социальный франчайзинг); лизинга (социальный лизинг); возмездного оказания социальных услуг; розничной и оптовой купли-продажи лекарственных средств, иных социально необходимых товаров и другие.

Для комплексных (полиотраслевых) социальнопредпринимательских договоров особенности правового режима определяются следующими факторами: а) комплексностью (полиотраслевой характер воздействия норм); б) сторонами договора [одной из сторон является государство (публично-правовое образование)]. Данная группа в зависимости от того, какие социальные блага, способствующие решению социальных проблем, являются предметом договора: а) социально необходимые объекты или б) социально необходимые товары), – в свою очередь делится еще на две подгруппы:

в первую подгруппу следует включить соглашения о государственно-частном партнерстве (государственно-муниципальном партнерстве), об осуществлении деятельности (социально предпринимательской) на территории опережающего социальноэкономического развития, об осуществлении социально предпринимательской деятельности в особой экономической зоне, договоры концессии и др.; во вторую подгруппу включаются социальный контракт, социальный заказ и другие;

во вторую подгруппу включаются социальный контракт, социальный заказ и другие.

Исходя из положения, что элементами механизма правовой защиты социальных предпринимателей являются правовые способы, формы и средства, к средствам правовой защиты вполне обоснованно относить любые охранительно-защитные правовые инструменты, не относящиеся к легально определенным в зако-

нодательстве способам и формам защиты, но направленные на обеспечение защиты прав предпринимателей. В качестве общего направления развития механизма защиты прав предпринимателей за рубежом выявлена тенденция к уравниванию статуса потребителя и субъекта малого бизнеса с предоставлением им соответствующих правовых средств защиты, в механизме которого формируется особый правовой инструментарий, получивший условное наименование «средства мягкого права» (корпоративные кодексы наилучших практик, различные нравственные декларации, стандарты, саморегулирование, несудебные альтернативные методы разрешения споров), что должно быть принято во внимание при моделировании правового инструментария защиты прав социальных предпринимателей.

Обосновано существование в России предпосылок для координации и объединения усилий трех секторов экономики на основе продуманной национальной политики поддержки социального предпринимательства с применением преимуществ как американской, так и европейской модели социального предпринимательства, что представляется оптимальным вариантом реализации концептуальной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства. Используя достоинства американской правовой модели, следует предусмотреть стимулирующие средства поддержки крупного социально ответственного бизнеса, составляющего инфраструктуру поддержки социального предпринимательства и предприятий, уставный капитал которых состоит из вкладов социально ориентированных некоммерческих организаций, и сертификационную систему соответствующую требованиям ведения общественно полезной деятельности, позволяющей рассматривать социальное предприятие как объект государственной и частной поддержки. При использовании европейского передового правоприменительного опыта целесообразно легализовать: возможность предоставления субсидий и налоговых льгот не только организациям, использующим труд инвалидов и соответствующим критериям социального предприятия, но и всем другим подобным организациям, трудоустраивающим иные категории социально незащищенных граждан, имеющих легальный статус «лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации»; обязательное реинвестирование 2/3 прибыли социального

предприятия в решение социальных проблем; демократический стиль управления при жестком государственном контроле.

В качестве элементов национально-правовой политики поддержки социального предпринимательства следует предусмотреть:

а) мероприятия по обеспечению социально-имущественных потребностей граждан, включая решение вопросов о доступности социально необходимых товаров и объектов, их качества, безопасности и эффективности;

б) поддержку инновационной социально-предпринимательской деятельности по разработке и производству социально необходимых товаров и эксплуатации социально необходимых объектов (государственные субсидии, льготное налогообложение и другие публично-правовые формы поддержки), которая должна стать сферой высоких инновационных технологий;

в) корректировку Закона о техническом регулировании по следующим направлениям:

изменение его понятийного аппарата с учетом требований, предъявляемых к безопасности, качеству и доступности социально необходимых товаров;

изменение процедур подтверждения соответствия социально необходимых товаров обязательным требованиям к безопасности, качеству и доступности;

создание правового механизма поддержки производителей социально необходимых товаров в соответствии с мировым опытом поддержки социального предпринимательства.

Сформулированные в диссертационном исследовании рекомендации должны приобрести форму программного документа – государственной программы социально-экономического развития социального предпринимательства как публично-правового инструмента государственного планирования и прогнозирования, являющегося частью национальной правовой политики в сфере государственной правовой поддержки социального предпринимательства.

Центральным элементом национальной правовой политики поддержки социального предпринимательства должен стать федеральный закон «О государственных гарантиях развития соци-

ального предпринимательства». Обоснована авторская концепция закона, в котором предусматриваются критерии определения социального предпринимательства и социальных предприятий, перечень видов предпринимательской деятельности, направленной на достижение общественно полезных целей, способствующих решению социальных проблем. При этом оказание содействия гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, рассматривается как наиболее приоритетное содержание социально ориентированной деятельности субъектов социального предпринимательства. Предлагается перечни социально полезных целей и социальных проблем сформулировать как открытые, для того чтобы они могли быть дополнены или изменены субъектами РФ, исходя из особенностей социально-экономической ситуации и социальноимущественных потребностей населения соответствующего субъекта.

В законе рекомендуется также предусмотреть определенные ограничения полномочий субъектов РФ в части изменения указанных перечней по своему усмотрению. Например, не могут быть признаны общественно полезными такие цели деятельности, как: участие в политической деятельности, в том числе в форме финансирования деятельности политических организаций, политических акций и избирательных кампаний; извлечение прибыли исключительно в интересах учредителей субъекта социального предпринимательства либо какого-либо определенного физического или юридического лица (лиц) или органа (органов) государственной власти.

Обращается внимание на то, что к субъектам социального предпринимательства могут относиться: коммерческие и некоммерческие организации вне зависимости от организационно-правовых форм и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в установленном законодательством порядке, что не будет связывать социальных предпринимателей исключительно с принадлежностью к определенным секторам экономики и формам собственности. Вместе с тем в их учредительных документах должны быть определены социально значимые виды деятельности (ее общественно полезные цели), а также средства их достижения.

Обоснована необходимость легализации в законе положений о приобретении и утрате статуса субъекта социального предпринимательства; реестре субъектов социального предпринимательства; процедуре повторного приобретения статуса субъекта социального предпринимательства, по которому уполномоченным органом было принято решение о неподтверждении статуса субъекта социального предпринимательства, а также положения о федеральном органе и уполномоченных органах субъекта РФ по поддержке социального предпринимательства с конкретизацией прав и обязанностей с учетом правоприменительного опыта Великобритании и Южной Кореи.

Рекомендовано закрепить возможность создания общероссийского объединения социальных предпринимателей и социальных предприятий как формы самоорганизации и представительства их интересов в органах власти всех уровней, развития международного сотрудничества в целях распространения лучших практик, а также мер контроля и надзора за деятельностью социальных предпринимателей и механизма их защиты от злоупотреблений со стороны проверяющих органов.

Доказана необходимость легализации дополнительных государственных гарантий (мер поддержки) социального предпринимательства: а) финансовых – предоставление дотаций и субсидий из бюджетов различного уровня, в том числе в рамках программ поддержки субъектов социального предпринимательства;

б) имущественных – предоставление в безвозмездное пользование или аренду на льготных условиях с правом выкупа государственного (муниципального) имущества социального назначения;

в) информационно-консультационных – создание инфраструктуры федеральных, региональных и муниципальных информационноконсультационных систем поддержки социального предпринимательства и обеспечение их функционирования;

г) иных форм поддержки – установление специальных налоговых режимов, упрощенных правил ведения налогового учета, упрощенных форм налоговых деклараций по отдельным налогам и сборам для субъектов социального предпринимательства; гарантированное размещение у субъектов социального предпринимательства государственных и муниципальных заказов; принятие

мер по развитию инфраструктуры поддержки и обеспечению прав и законных интересов субъектов социального предпринимательства; установление налоговых и иных льгот для организаций, составляющих инфраструктуру поддержки социального предпринимательства.

Обосновано, что в целях повышения эффективности законодательства, направленного на обеспечение социально-имущественных потребностей российских граждан и общества, наряду с принятием закона о государственных гарантиях развития социального предпринимательства необходимо внести следующие системные изменения в действующие нормативно-правовые акты:

а) в Федеральном законе «О некоммерческих организациях» установить, что в соответствии с законом «О государственных гарантиях развития социального предпринимательства» органы государственной власти и органы местного самоуправления в приоритетном порядке оказывают поддержку не только социально ориентированным некоммерческим организациям, но и некоммерческим организациям, получившим легальный статус социального предприятия;

б) в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» расширить круг субъектов, имеющих преференции при осуществлении закупок в соответствии с данным Законом, социальных предприятий наряду с общественными организациями инвалидов, социально ориентированными некоммерческими организациями и субъектами малого предпринимательства, а также внести дополнения в статьи Закона, регулирующие процедуру гарантированного участия данных субъектов в закупках для государственных и муниципальных нужд (в перспективе целесообразно принятие специального закона о государственном социальном заказе);

в) в Федеральном законе «О защите конкуренции» дополнить перечень субъектов, имеющих преимущество при заключении договоров в отношении государственного и муниципального имущества, а также при предоставлении государственных и муниципальных преференций, субъектами социального предпринимательства (наряду с социально ориентированными коммерче-

скими организациями и субъектами малого предпринимательства);

г) в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» добавить нормы, определяющие компетенцию государственных органов, положение об их полномочиях, предоставленных данным органам законом о государственных гарантиях развития социального предпринимательства;

д) в Налоговый кодекс РФ внести положения, устанавливающие налоговые льготы для субъектов социального предпринимательства и организаций, составляющих инфраструктуру их поддержки;

е) в Федеральном законе «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотреть поправки о приоритетных основаниях для участия социальных предпринимателей в соглашениях, направленных на повышение качества и обеспечения доступности предоставляемых населению социальных услуг, а также в соглашениях о привлечении в экономику частных инвестиций, нацеленных на создание социально значимых объектов социальной инфраструктуры.

Разработаны научно-практические рекомендации по совершенствованию Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Доказано, что предложенный подход к определению критериев статуса субъекта социального предпринимательства оптимален для применения в Федеральном законе «О государственных гарантиях развития социального предпринимательства».

Обоснована целесообразность формулировки ст. 26 проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в следующей редакции:

«1. В целях оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, с учетом ограничений, установленных частями 3 и 4 статьи 15 настоящего Федерального закона, под социальным предпри-

нимательством следует понимать социально ориентированную (интегрирующая экономический и социальный эффект) деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства (хозяйствующих субъектов), направленную на достижение общественно полезных целей, способствующих решению социальных проблем граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, при осуществлении которой выполняется хотя бы одно из следующих условий:

обеспечивается занятость лиц, признаваемых находящимися в трудной жизненной ситуации в соответствии с законодательством Российской Федерации, при условии, что среднесписочная численность работников в соответствии с законодательством Российской Федерации составляет не менее 50 процентов от числа всех работников субъекта малого или среднего предпринимательства, а их доля в фонде оплаты труда работников составляет не менее 25 процентов;

в качестве основного вида экономической деятельности признаются общественно полезные виды деятельности по производству товаров, выполнению работ, оказанию услуг, выручка от осуществления которых без учета налога на добавленную стоимость составляет не менее 70%, а суммарный размер прибыли, подлежащей reinvestированию и (или) направлению на благотворительные цели, составляет 65%, а именно:

а) содействие профессиональной ориентации и трудоустройству граждан, включая содействие самозанятости;

б) социальное обслуживание населения;

в) производство и реализация социально необходимых товаров, в первую очередь медицинской техники, протезно-ортопедических изделий, а также технических средств, включая автотранспорт, материалы, которые могут быть использованы исключительно для профилактики инвалидности или реабилитации инвалидов;

г) предоставление гражданам с ограниченными возможностями доступа к образовательным услугам;

д) содействие социальной адаптации и социальной реабилитации различных категорий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации;

е) другие виды социального содействия лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Субъекты малого и среднего предпринимательства, отвечающие хотя бы одному из условий, содержащихся в пунктах 1 и 2 статьи 26 Законопроекта, признаются социальными предприятиями».

Сизимова Ольга Борисовна

Механизм правового регулирования межбанковских расчетов

Дата защиты – 29 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный консультант	Ефимова Людмила Георгиевна
Оппоненты	Илюшина Марина Николаевна, Мансуров Гафур Закирович, Эрделевский Александр Маркович
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» Диссертационный совет Д 212.123.04 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые предложена разработанная автором научная концепция платежного права и теория механизма правового регулирования межбанковских расчетов.

В рамках концепции платежного права сформулировано его понятие, определен предмет, метод, структура, принципы и иные элементы платежного права, место платежного права в системе отраслей российского права, которые могут быть положены в основу формирования общей концепции сближения регулирования платежных и иных финансовых услуг в условиях глобализации и

международной интеграции.

В теории построения механизма правового регулирования межбанковских расчетов поставлены цели и принципы его построения, разработана структура и система правовых средств на каждой его стадии (этапе), определены критерии эффективности правовых средств и в целом правового механизма.

На защиту вынесены следующие положения:

1. Впервые в отечественной цивилистике на основе анализа законодательства Европейского Союза и российского законодательства автором сформулировано понятие платежного права. Рассматривая общее и особенное в правовых системах регулирования платежей и расчетов, диссертант определяет платежное право как подотрасль банковского права, как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе перевода денежных средств с участием кредитных организаций.

Институтами платежного права являются:

- право организации платежных систем;
- межбанковское платежное право;
- клиентское платежное право.

2. Применение концептуального подхода к анализу механизма правового регулирования межбанковских расчетов позволило автору создать целостное представление о нем как о системе правовых средств, используемых в праве организации платежных систем, межбанковском платежном праве с целью осуществления переводов денежных средств клиентов, обеспечения их бесперебойности и безопасности.

3. Разработка правового механизма межбанковских расчетов должна осуществляться в зависимости от цели правового регулирования. Под целью правового регулирования межбанковских расчетов следует понимать результат деятельности субъектов платежных систем, заключающийся в достижении такого уровня их взаимодействия, при котором обеспечивается обязательное соблюдение принципов платежного права.

4. В работе сформулированы принципы платежного права:

- принцип мгновенности доступа к платежной системе;
- принцип безопасности перевода денежных средств;
- принцип непрерывности перевода денежных средств;

- принцип совершения платежей в режиме реального времени;
- принцип свободы выбора участников платежных систем.

Реализация этих принципов в практической деятельности субъектов

платежных систем должна осуществляться с помощью предусмотренных законодательством правовых средств.

5. Вопреки распространенной в юридической литературе точке зрения доказано, что использование публично-правовых средств в механизме правового регулирования межбанковских расчетов должно осуществляться только в исключительных случаях. Вмешательство публичной власти является обоснованным для целей предупреждения кризиса неплатежей, потери ликвидности платежных систем и их участников, для обеспечения экономической безопасности государства и т.п. Чрезмерное использование императивного метода правового регулирования в других случаях может привести к дестабилизации деятельности платежных систем, нарушению свободной конкуренции, замедлению интеграции национальных платежных систем в мировые финансовые рынки.

Механизм правового регулирования межбанковских расчетов должен базироваться на принципе приоритетного использования частноправовых средств.

6. Использование функционального подхода к анализу механизма правового регулирования межбанковских расчетов позволило автору предложить систематизацию правовых средств, являющихся элементами данного правового механизма. Правовые средства разделены на две подсистемы:

- 1) подсистема правовых средств организации платежной системы межбанковских расчетов;
- 2) подсистема правовых средств функционирования платежной системы.

В первую подсистему включены четыре группы правовых средств:

- правовые средства создания платежных систем;
- средства технического сопровождения переводов денежных средств, приобретающие форму норм права;
- правовые средства организации переводов денежных

средств;

- правовые средства, обеспечивающие непрерывность переводов денежных средств.

Во вторую подсистему должны быть включены четыре группы правовых средств:

- правовые средства приобретения статуса участника и доступа к платежной системе;

- правовые средства перевода денежных средств;

- правовые средства гарантии безопасности переводов;

- правовые средства, обеспечивающие окончательность расчетов.

7. В работе конкретизировано определение понятия «платежная система». Как и всякая система, платежная система характеризуется выполняемыми ею функциями. Необходимым условием существования платежной системы является выполнение ею четырех функций: функции оператора платежной системы; функции расчетного центра; функции операционного центра; функции платежного клирингового центра.

Как и любая система, платежная система состоит из взаимосвязанных элементов – участников платежной системы. Участники выполняют по отдельности или комбинацию указанных функций. Взаимодействие участников регулируется системой гражданско-правовых договоров и правилами платежной системы. Участники платежной системы приобретают комплекс взаимных прав и обязанностей, которые могут быть реализованы только в данной системе.

В этом и состоит уникальность каждой платежной системы.

8. Гражданско-правовой договор является базовым правовым средством механизма межбанковских расчетов, имеющим системообразующее значение.

В результате заключения гражданско-правовых договоров между участниками платежной системы возникает сложное многостороннее длящееся обязательственное правоотношение по переводам денежных средств.

Центральное место в системе договоров принадлежит договору корреспондентского счета, который, исходя из специфики целей, предмета, прав и обязанностей сторон, является самостоятельным гражданско-правовым договором.

9. Определяя юридическую природу правил платежной системы, автор приходит к выводу о том, что содержание нормы части 3 ст. 20 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», согласно которой правила относятся к договору, является ошибочным.

В отличие от договора правила не порождают правоотношения между участниками платежной системы. Кроме того, основные признаки правил, а именно:

- отсутствие конкретизации содержания правил (прав и обязанностей) для каждого участника платежной системы;
- неопределенность субъектного состава как в момент разработки и утверждения правил, так и в последующем, в процессе функционирования платежной системы;
- отсутствие свободного волеизъявления участников платежной системы при разработке и утверждении правил, вступление их в силу с момента одобрения Банком России;
- локальность правил для каждой платежной системы свидетельствуют о том, что правила платежной системы являются самостоятельным, регулирующим межбанковские расчетные отношения, средством локального характера.

Правила платежной системы могут быть отнесены к числу средств «мягкого» правового регулирования межбанковских расчетов.

10. В диссертационной работе обосновывается вывод, что расчетное обязательство между банками и их клиентами может возникать ранее и совершенно независимо от основного обязательства. Современная тенденция развития расчетных правоотношений такова, что сначала появляется расчетное обязательство путем предварительного предоставления клиентом денежных средств платежной системе, и только потом он выбирает товар, работу, услугу, которые впоследствии будут оплачены. В связи с этим меняется сущность межбанковского расчетного правоотношения.

11. Обоснована авторская позиция по вопросу систематизации правоотношений в правовом механизме межбанковских расчетов, которая содержит следующие элементы:

- 1) платежные межбанковские правоотношения, включающие:

- многостороннее дяущееся обязательственное правоотношение по переводу денежных средств в платежной системе межбанковских расчетов;

- правоотношения, обеспечивающие окончательность переводов денежных средств в платежной системе: правоотношения по гарантированию переводов денежных средств в платежной системе, правоотношения по предоставлению расчетного кредита участникам платежной системы;

2) правоотношения, направленные на организацию межбанковских расчетов в платежной системе (организационные правоотношения в платежной системе):

- инфраструктурные правоотношения в платежной системе (правоотношения оператора платежной системы, операторов услуг платежной инфраструктуры);

- корпоративные правоотношения участников платежной системы;

3) надзорные правоотношения в платежной системе:

- правоотношения по наблюдению за значимыми платежными системами;

- правоотношения по надзору за кредитными организациями;

- правоотношения по надзору за иными, не являющимися кредитными организациями, операторами платежных систем.

12. Платежными правоотношениями являются любые правоотношения, возникающие при оказании платежных услуг.

Соответственно под межбанковскими платежными правоотношениями следует понимать платежные правоотношения, возникающие между операторами по переводу денежных средств (операторами электронных денежных средств) и иными участниками платежных систем в процессе оказания платежных услуг.

Платежные межбанковские правоотношения возникают в результате заключения операторами по переводу денежных средств (операторами электронных денежных средств), иными участниками платежных систем гражданско-правовых договоров, юридической целью которых является осуществление перевода денежных средств до момента его окончательности.

Поэтому платежное межбанковское правоотношение, возникшее в процессе осуществления одного перевода денежных

средств, представляет собой сложное многостороннее обязательственное правоотношение, объединяющее всех участников платежной системы, участвующих в его выполнении.

13. Организационные межбанковские правоотношения возникают в процессе создания и функционирования платежных систем. Они подразделяются на инфраструктурные правоотношения, обеспечительные правоотношения и корпоративные правоотношения.

Инфраструктурные правоотношения возникают на основании договоров, направленных на организацию платежной системы, обеспечивающих регулирование переводов денежных средств между операторами по переводу денежных средств, операторами электронных денежных средств.

Под обеспечительными правоотношениями понимаются правоотношения, возникающие при создании гарантийного фонда платежной системы, предоставлении расчетных кредитов, и иные правоотношения, имеющие целью гарантировать безопасность и бесперебойность переводов денежных средств.

Корпоративные правоотношения возникают в процессе управления платежной системой через создание и деятельность органов управления в платежной системе, в том числе обеспечивающих контроль исполнения участниками платежной системы правил и стандартов, действующего законодательства.

14. Надзорные правоотношения в платежной системе возникают в процессе наблюдения и надзора за деятельностью платежных систем, который осуществляет Банк России в пределах своих полномочий. Особенностью надзорных мероприятий в данной сфере должна стать ориентация на стимулирование организации самонадзора в платежных системах, создание специальных структурных подразделений в платежной системе, включающих представителей ее участников. В их полномочия должны входить:

- разработка критериев по управлению рисками в платежной системе;
- создание методики оценки кредитоспособности участников;
- обеспечение возможности предоставления расчетного кредита только платежеспособным кредитным организациям –

участникам;

- контроль исполнения требований правил платежной системы и иных актов оператора платежной системы, самого структурного подразделения по управлению рисками, а также издание предписаний для устранения нарушения указанных требований и контроль выполнения предписаний;

- организация и проведение стресс-тестов участников;
- право исключения недобросовестного участника из платежной системы.

В системно значимых и социально значимых платежных системах возможно участие в структурных подразделениях по управлению рисками представителей Банка России с правом рекомендации.

Защиты кандидатских диссертаций

Афанасьев Илья Владимирович

Сервитут в системе ограниченных вещных прав

Дата защиты – 1 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Артёменков Сергей Викторович
Оппоненты	Павлов Владимир Павлович, Леонтьева Елена Александровна
Ведущая организация	ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.123.04 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна исследования состоит в комплексном

анализе сервитута как компонента системы ограниченных вещных прав, рассмотренной с учетом основных положений Концепции развития гражданского законодательства, Проекта Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» и изменений, внесенных Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В результате такого анализа разработан теоретико-правовой подход, который позволил целостно раскрыть юридическую природу сервитута, выявить признаки сервитута как самостоятельного ограниченного вещного права, обосновать место сервитута в системе ограниченных вещных прав, предложить и систематизировать подходы к классификации сервитутов, уточнить содержание отдельных видов сервитутов. В работе представлена теоретическая аргументация необходимости расширения объектного и субъектного состава сервитутных отношений, а также унификации норм гражданского и земельного законодательства в отношении регламентации сервитутов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Общее понимание сервитута как права ограниченного пользования недвижимой вещью (служащая вещь), установленного в пользу другой недвижимой вещи (господствующая вещь), принадлежащей иному лицу, дало основание разработать и реализовать теоретико-правовой подход, позволяющий целостно раскрыть юридическую природу сервитута. Выявлены характерные признаки сервитута как самостоятельного ограниченного вещного права: содержание сервитута не включает в себя правомочие владения как господства над вещью; ограниченная возможность реализации правомочия пользования; объект сервитута может быть одновременно обременен другими правами; особый характер объекта, включающий две недвижимые вещи, права на которые принадлежат разным лицам; может возникнуть не только в добровольном, но и в принудительном порядке.

2. В соответствии с принципами равенства, автономии воли и свободы договора участников гражданского оборота обосновывается необходимость предоставления лицам, которым на праве аренды принадлежит недвижимое имущество вне зависимости от

его формы собственности, права быть субъектами сервитутных отношений, если иное прямо не установлено в договоре аренды. В таком случае время действия сервитута не должно превышать срок действия договоров аренды господствующей или служащей вещи. Аналогичным образом в круг субъектов сервитутных отношений могут быть включены концессионеры, недропользователи и ссудополучатели.

3. В целях обеспечения максимальной стабильности и устойчивости сервитута как вещного права, перечень оснований прекращения сервитута должен быть исчерпывающим и отвечать признаку достаточности, с точки зрения полноты учета законных интересов субъектов сервитутных отношений. К числу таких оснований следует отнести: соглашение лиц, связанных сервитутом; односторонний отказ сервитуария от сервитута; уничтожение служащей или господствующей вещи; отпадение необходимости установления сервитута; соединение служащей и господствующей вещи; истечение срока; совпадение в одном лице права собственности на земельный участок и на объект недвижимости, расположенный на таком земельном участке; неиспользование сервитута в течение определенного времени; грубые нарушения правил рационального использования земли, установленных законом; утрата естественных свойств служащей вещи, использование которых предполагал сервитут.

4. В современном российском законодательстве используются особые правовые конструкции, которые имеют черты как публичных, так и частных сервитутов одновременно. С частными сервитутами их объединяет то, что они устанавливаются на основании соглашения, с публичными – установление их в общественных интересах. Для таких институтов характерен особый правовой режим: установление только на определённой территории, на закреплённый в законодательстве период; наличие особой процедуры заключения соглашения об установлении сервитута, а также его прекращения; требование опубликования решения об их установлении; закрепление специального порядка государственной регистрации и определения размера соответствующей платы. Данные правовые конструкции используются для опосредования общественных и иных публичных интересов и поэтому не подпадают под классическое понимание сервитута, а пред-

ставляют собой легальное ограничение прав.

5. При изучении судебной практики об установлении сервитутов выявлена совокупность обстоятельств, которые могут служить основанием для удовлетворения соответствующих исков (отказ в заключении соглашения об установлении сервитута; наличие между собственниками служащей или господствующей вещи спора, препятствующего подписанию соглашения о сервитуте; объективная невозможность удовлетворения потребностей, кроме как путем установления сервитута; соблюдение баланса интересов сторон и пр.) и доказана необходимость их всестороннего анализа при вынесении законного и справедливого судебного решения.

6. На основе анализа ГК РФ и ЗК РФ сформулирован и обоснован вывод о необходимости унификации норм, определяющих виды сервитутов, круг субъектов сервитутных отношений, условия соглашения об установлении сервитута, порядок определения размера платы за сервитут, что придаст единообразие регулированию вопросов установления сервитута вне зависимости от того, в чьей собственности находится служащая вещь. Отмечается, что в земельном законодательстве должны содержаться исключительно нормы, регламентирующие участие публично-правовых образований в сервитутных отношениях, включая особый порядок заключения соглашения об установлении сервитута с уполномоченным органом на земли государственной или муниципальной собственности.

7. Обладателю сервитута следует предоставить право за свой счет возводить на служащей вещи, вне зависимости от воли ее собственника, необходимые для осуществления сервитута строения. При этом на него возлагается обязанность содержать их в надлежащем состоянии. Возводимые сервитуарием строения должны иметь некапитальный (не обладать прочной связью с землей) и временный характер (только на срок действия сервитута). В период действия сервитута собственник служащей вещи, по общему правилу, не может пользоваться указанными строениями. При прекращении сервитутных отношений судьба возведенных строений согласовывается с собственником служащей вещи: они могут поступить в собственность обладателя служащей вещи без возмещения затрат на их строительство либо

подлежат сносу за счет собственника господствующей вещи.

8. Для каждого вида сервитутов характерны особые условия его установления. В частности, для наиболее часто используемого на практике сервитута перемещения к таким условиям следует отнести: 1) доступ к дорогам общего пользования недостаточен для полноценного использования земельного участка. Доступ признается достаточным, если является наименее коротким (из всех имеющихся альтернатив); обладает необходимой шириной для проезда на транспорте, прогона скота и т.п.; удобным и безопасным; не требует значительных затрат для его организации; 2) прежнее сообщение земельного участка с публичной дорогой не подлежит восстановлению. Следствием установления сервитута перемещения может являться наделение собственника служащего земельного участка преимущественным правом покупки господствующего участка, предлагаемого для продажи третьим лицам, и, соответственно, собственник господствующего земельного участка имеет преимущественное право покупки служащего участка.

На основе теоретических положений в диссертации сформулированы предложения по совершенствованию законодательства:

1. Целесообразно дополнить ст. 274 ГК РФ следующим положением: «Если служащая или господствующая вещи представлены на праве аренды или безвозмездного пользования, соглашение об установлении сервитута заключается лицами, имеющими такое право, если договором об установлении соответствующего права не предусмотрено иное. Срок установления сервитута в этом случае не может превышать срок действия договора аренды или безвозмездного пользования».

2. В новых редакциях федеральных законов: от 05.04.2013 № 43-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 07.06.2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Феде-

рации» – следует отказаться от использования термина «сервитут» и использовать формулировку «ограничения права собственности в целях размещения и (или) эксплуатации объектов инфраструктуры».

3. Предложено дополнить ГК РФ статьей «Договор об установлении сервитута» следующего содержания: «1. Договор об установлении сервитута заключается в письменной форме, путем составления одного документа, подписанного сторонами. Несоблюдение данного требования влечет недействительность договора об установлении сервитута. 2. Существенными условиями договора об установлении сервитута являются сведения о служащей и господствующей вещи, о виде сервитута и его конкретном содержании, а также о размере платы за сервитут. Договор об установлении сервитута должен предусматривать размер платы за сервитут или указание на то, что сервитут является безвозмездным. Сервитут может быть безвозмездным, если он не связан с осуществлением собственниками господствующей и служащей вещей предпринимательской деятельности. 3. В Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество вносятся сведения о служащей вещи, о виде сервитута и условиях его осуществления (место в границах служащей вещи и время, в том числе периодичность осуществления), о плате за сервитут».

4. Предложено закрепить в ГК РФ общие положения об установлении сервитута вне зависимости от того, на какие земли он устанавливается, а в ЗК РФ закрепить лишь особенности заключения соглашения об установлении сервитута с уполномоченным органом на земли государственной или муниципальной собственности.

5. В ГК РФ следует включить положения, регламентирующие горный сервитут, под которым предлагается понимать право ограниченного пользования недропользователем участком недр, находящимся в пользовании другого недропользователя. Требуется включить недропользователей в круг субъектов сервитутных отношений, а также законодательно закрепить, что участок недр может быть как господствующей, так и служащей вещью. Особенности такого сервитута должны устанавливаться законодательством о недрах.

Баукин Иван Вячеславович
Форфейтинг как инструмент финансирования
трансграничной торговли
Дата защиты – 1 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Скачков Никита Геннадьевич
Оппоненты	Фархутдинов Инсур Забирович, Савранский Михаил Юрьевич
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.123.04 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна исследования. В настоящем диссертационном исследовании впервые комплексно исследованы вопросы правового регулирования трансграничного договора форфейтинга, сформулировано его понятие, выработаны предложения по коллизионно-правовому регулированию трансграничных форфейтинговых отношений, проведен анализ международных договоров, действующих в сфере финансирования трансграничной задолженности, а также в сфере уступки дебиторской задолженности с выводом о возможности распространения обозначенных международно-правовых норм на трансграничные форфейтинговые отношения.

Основные выводы, конкретизирующие научную новизну исследования, отражены в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Трансграничный договор форфейтинга представляется целесообразным определить как осложненный иностранным элементом договор, по которому одна сторона – продавец (экспортер) продает оборотный документ, в котором выражено право де-

нежного требования от покупателя (импортера) по первоначальной внешнеторговой сделке другой стороне – форфейтеру, а форфейтер обязуется уплатить задолженность покупателя продавцу в полном объеме за вычетом вознаграждения, отдельно оговоренного сторонами. В случае неоплаты платежа покупателем форфейтеру, форфейтер не имеет право требовать такой оплаты от продавца.

2. Под трансграничным форфейтинговым правоотношением предлагается понимать комплексное трехстороннее правоотношение, характеризующееся продажей экспортером (продавцом) форфейтеру оборотного документа, в котором выражено право денежного требования от импортера (покупателя) по первоначальной внешнеторговой сделке в обмен на обязательство форфейтера уплатить задолженность импортера экспортеру в полном объеме за вычетом вознаграждения, отдельно оговоренного сторонами, при условии осложнения такого правоотношения иностранным элементом.

3. Иностраный элемент в трансграничном договоре форфейтинга (в трансграничных форфейтинговых правоотношениях) выражается в субъекте первоначальной внешнеторговой сделки (экспортер, импортер). Дополнительно иностранный элемент может быть выражен и в субъекте отношений по продаже оборотного документа (форфейтинговые отношения с участием иностранного для продавца форфейтера). Иностраным элементом могут быть осложнены и оборотные документы, традиционно используемые в договорах форфейтинга (например, вексель, выпущенный на территории государства, иностранного для экспортера по первоначальной сделке).

4. Рекомендация об указании в договорах форфейтинга положения о применимом праве, содержащаяся в ст. 5 Унифицированных правил по форфейтингу (URF 800), позволяет сделать вывод о преимущественно трансграничном характере договора форфейтинга и реализованной в Правилах идеи регламентации именно трансграничных договоров форфейтинга.

5. Отношения сторон трансграничного договора форфейтинга при отсутствии выбора сторонами применимого права регулируются правом страны, где имеет основное место деятельности экспортер (продавец). Правом страны форфейтера при отсут-

ствии выбора сторонами применимого права должны регулироваться отношения между форфейтером и импортером (покупателем по первоначальному договору), т.к. это правило будет совпадать с общепринятым правилом *lex venditoris* (право страны продавца), которое применимо и в отношении первоначального договора между экспортером и импортером.

6. Форфейтинг признается и применяется в международной практике и в России в силу отсутствия прямого запрета и наличия стыкового законодательства (в частности, в РФ – это нормы договора финансирования под уступку денежного требования, как правовая основа договора форфейтинга), однако необходимость принятия отдельных нормативных актов как на национальном, так и на международно-правовом уровне (несмотря на наличие стыковых международно-правовых норм, регулирующих факторинг и уступку дебиторской задолженности), которые регламентировали бы саму финансовую операцию, а также права и обязанности сторон договора форфейтинга, предложили бы единую терминологическую основу для регламентации форфейтинговых отношений представляется очевидной ввиду возрастающих запросов субъектов международной торговли, которые сводятся, главным образом, к необходимости формирования стабильного финансового поля международной торговли.

Шайдуллина Венера Камилевна

Договор перевозки грузов: полисистемное исследование

Дата защиты – 3 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет»
Научный руководитель	Морозов Сергей Юрьевич
Оппоненты	Илюшина Марина Николаевна, Ананьева Анна Анатольевна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»

Место защиты Диссертационный совет Д 212.081.26 при
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Научная новизна исследования. Диссертация является первым квалификационно-комплексным монографическим полисистемным исследованием договора перевозки грузов, рассматриваемого одновременно как элемент системы договоров, как правовое средство, как правовая форма и как юридическая конструкция.

В результате проведенного исследования впервые в науке гражданского права:

- выявлены отличия теоретической юридической конструкции договора перевозки от юридических конструкций конкретного договора перевозки грузов и гражданского законодательства о данном договоре;
- показаны отличия юридических конструкций сделки и договора перевозки груза;
- юридические конструкции договора фрахтования и договора перевозки в прямом смешанном сообщении признаны осложненной юридической конструкцией договора перевозки;
- выявлена системная взаимосвязь договора перевозки грузов с другими гражданско-правовыми договорами;
- выявлены целевая и функциональная общность группы договоров, направленных на выполнение и организацию услуг по перевозке грузов;
- дано авторское определение гражданско-правовой формы, выявлен ее новый вид.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Договор перевозки грузов является важнейшим элементом системы договоров, направленных на выполнение и организацию перевозки грузов. Под элементом данной системы договоров следует понимать гражданско-правовой институт, как ее неделимый при заданном способе рассмотрения компонент, который функционально взаимосвязан с иными гражданско-правовыми договорами указанной направленности.

Договор фрахтования и договор перевозки грузов в прямом смешанном сообщении являются элементами более низкого

уровня данной системы, поскольку являются подвидами договора перевозки грузов.

2) Следует различать сделку по заключению договора перевозки грузов и сам договор. Договор перевозки грузов, как правовое средство, нельзя отождествлять ни со сделкой, ни с правоотношением.

3)

4) Следует различать юридическую конструкцию конкретного договора перевозки грузов, его теоретическую юридическую конструкцию и законодательную юридическую конструкцию.

Под теоретической юридической конструкцией договора перевозки следует понимать обладающую максимальной степенью абстрактности мысленную типовую схему взаимодействия прав и обязанностей его сторон, являющуюся результатом обобщения решения правовых ситуаций, складывающихся при перемещении материальных объектов при помощи самоходных транспортных средств.

5) Теоретическую конструкцию договора перевозки можно представить как соглашение, в силу которого одна сторона (перевозчик) обязуется за плату оказать другой стороне услуги по перемещению материальных объектов (грузов, пассажиров, багажа) из одной точки пространства в другую при помощи принадлежащих ему на законных основаниях самоходных транспортных средств

6) Условия договора – это согласованные сторонами и обязательные для них правила (волевые модели) поведения, определяющие зависимость мер возможного и должного поведения одной стороны договорного правоотношения от согласованных границ возможного и должного поведения другой стороны.

Условие о цене является видообразующим для договора перевозки грузов, однако его нельзя отождествлять с существенным условием данного договора. Предусмотренные п. 2 ст. 784 ГК РФ общие условия перевозки, которые определяются транспортными уставами и кодексами, иными законами и издаваемыми в соответствии с ними правилами, не тождественны существенным условиям.

7) Предусмотренные императивными нормами условия, можно разделить на две группы основные, т. е. присутствующие

как элементы в юридической конструкции любого конкретного договора перевозки грузов и факультативные, появление которых зависит от усмотрения сторон договора.

Диспозитивные нормы права влияют на структуру юридической конструкции конкретного договора перевозки.

8) Договор фрахтования представляет собой осложненную конструкцию договора перевозки грузов. Осложнение происходит ввиду: 1) добавления условия о предоставлении вместимости транспортного средства либо его части; 2) возможности включения условия об опционе; 3) возможности исключения условия о выдаче груза грузополучателю.

9) Нельзя рассматривать перевозчика, заключившего договор перевозки грузов в прямом смешанном сообщении в качестве представителя грузоотправителя, поскольку при такой трактовке у перевозчика при заключении договора должно возникнуть секундарное право, предоставляющее возможность совершения юридического действия от чужого имени, не предполагающее наличия какой либо встречной обязанности, что не соответствует действительности.

Юридическая конструкция договора перевозки грузов в прямом смешанном сообщении является единой. По сравнению с договором обычной перевозки она осложнена условием, возможность применения которого предусмотрена ст. 313 ГК РФ. Содержанием данного условия является возможность возложения обязанности должника (перевозчика, заключившего договор) на третьих лиц.

10) Под правовой формой, понимаются: 1) правовые источники (внешняя форма самого права); 2) структура системы права (внутренняя форма права); 3) идеальная модель общественного отношения (его элементов), полученная в результате установления границ позитивных обязываний, дозволений и запретов для участников общественных отношений, выражающихся в мерах их возможного или должного поведения.

11) Следует признать существование самостоятельной (отличной от кредиторской обязанности) правовой формы – секундарной необходимости, выражающейся как мера необходимого поведения обладателя секундарного права (грузополучателя), направленная на создание условий для надлежащей реализации

юридических возможностей, содержащихся в этом праве.

12) Согласие владельца инфраструктуры железнодорожного транспорта на принятие заявки перевозчиком (ст. 11 УЖТ) не может являться элементом акцепта перевозчика. Секундарное право перевозчика и секундарное право владельца транспортной инфраструктуры являются едиными по форме, но различными по своему содержанию правами. При этом недопустимым представляется утверждение, что одно из этих прав является элементом другого. Нельзя вести речь и о «раздвоении» единого секундарного права, поскольку эти права связывают состоянием бесправия разных субъектов.

13) Анализ правовой формы секундарных прав позволяет сделать выводы о том, что грузоотправитель и грузополучатель в договоре перевозки не могут рассматриваться в качестве одной стороны, а сам договор перевозки не является сложносоставным обязательством.

14) Пределы правоспособности грузоотправителя могут изменяться в зависимости от его профессионализма. Ситуация о возможности признания судом слабой стороной акцептанта не должна распространяться на договор перевозки грузов, в котором оферту подает грузоотправитель, а акцептантом является перевозчик.

15) Предлагается внести следующие изменения в законодательство:

15.1. Следует исключить обязанность получения груза из транспортных уставов и кодексов. Это позволит рассмотреть в соответствии с нормами и смыслом ГК РФ: 1) договор перевозки грузов, как договор в пользу третьего лица; 2) обязанность грузополучателя по принятию исполнения от перевозчика как кредиторскую. Требуется приведение соответствующих норм транспортного законодательства, устанавливающих возможность привлечения грузополучателя к ответственности за отказ либо просрочку в приеме груза, в соответствии с п. 2 ст. 406 ГК РФ.

15.2. Следует предусмотреть в законодательстве возможность абонементного обслуживания грузоотправителей при перевозках транспортом необщего пользования.

15.3. Предлагается изложить ч. 1 ст. 791 ГК РФ следующим образом:

По договору о предъявлении груза к перевозке перевозчик в соответствии с условиями принятой от отправителя груза заявки обязан подать ему исправные и пригодные для перевозки соответствующего груза транспортные средства, а отправитель обязан предъявить груз к перевозке.

Срок подачи транспортных средств под погрузку и предъявления груза к перевозке, а также объем предъявляемого груза устанавливаются заявкой (заказом), договором перевозки и (или) договором об организации перевозок.

Басос Евгения Владимировна
Правовой режим помещения как объекта гражданских прав
Дата защиты – 3 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
Научный руководитель	Козлова Елена Борисовна
Оппоненты	Чеговадзе Людмила Алексеевна, Ахметьянова Замира Асраровна
Ведущая организация	ФКОУ ВПО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» Диссертационный совет Д 229.001.01 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что на основе изучения положений нормативных правовых актов, практики их применения и цивилистической доктрины в области регулирования отношений, опосредующих оборот помещений, в работе сформировано целостное теоретико-правовое представление о помещении как об объекте гражданских прав, его правовой природе, предпосылках формирования и общей характеристике правового режима, особенностях правового регулирования отдельных видов помещений.

В рамках исследования диссертантом:

- сформулированы юридические понятия, раскрывающие содержание правового режима помещения как объекта гражданских прав (представлены авторские определения категорий «помещение», «правовой режим помещения»);

- раскрыта совокупность признаков помещения как объекта гражданских прав, обуславливающая специфику его правового регулирования;

- проведен анализ оснований для классификации помещений и разработаны две взаимосвязанные системы разграничения помещений: по дихотомическому принципу и в зависимости от субъективных прав на строение и его части;

- подробно рассмотрено развитие института собственности на помещение в цивилистике европейских стран и гражданском праве России, что позволило установить социально-экономические и правовые предпосылки формирования правового режима помещения как объекта гражданских прав;

- внесено и обосновано предложение о введении в российское гражданское законодательство коммунальной собственности как правового института, обуславливающего правовой режим помещений как принадлежащих различным собственникам частей составной вещи;

- сформулированы характерные признаки коммунальной собственности как самостоятельного вида собственности.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие новые или содержащие элементы новизны положения:

1. Помещение как объект гражданских прав – недвижимая вещь, представляющая собой обособленную, т. е. отграниченную строительными конструкциями от остального его объема, часть строения.

Критериями отнесения объекта к помещениям выступают: во-первых, его характеристика в качестве части строения, под которым необходимо понимать любую капитальную постройку, права на которую зарегистрированы в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним; во-вторых, обособленность, которая обеспечивается несущими и ограждающими элементами строения.

2. Признаками помещения как объекта гражданских прав являются:

- 1) объемно-пространственная структура формы выражения;
- 2) неразрывная конструктивная связь с другим объектом недвижимости – строением, частью которого оно является;
- 3) производный от прав на строение характер возникновения;
- 4) законодательно установленное назначение помещений (жилое или нежилое).

Существуют социально-экономические и правовые предпосылки для признания помещения самостоятельным объектом права собственности.

К социально-экономическим предпосылкам относятся: необходимость создания значительного класса собственников как экономической основы государства, реализация социальной политики государства в жилищной сфере, ограниченность бюджетных средств и необходимость распределения бремени содержания помещений.

К обязательным правовым предпосылкам относятся: законодательная возможность существования здания в качестве самостоятельного объекта гражданских прав по отношению к земле, на которой оно расположено, и законодательно закрепленная возможность раздела строения в форме *communio pro diviso*, когда части разделенного строения (а именно помещения разных видов) принадлежат различным собственникам, но сохраняют материальную связь с целым и по внешнему виду представляются как единый, неразделенный объект.

3. Правовой режим помещений – это нормативно определенный набор юридических элементов, включающий в себя правовые инструменты воздействия на общественные отношения в сфере оборота помещений и способы их применения на практике, отражающий сущность, регулирующий процессы изменения и развития указанных правоотношений, а также обеспечивающий защиту и охрану интересов их участников.

Правовой режим помещений отличается:

- 1) социально-политической обусловленностью, в связи с чем основные характеристики правового режима помещения устанавливаются государством;

2) своей сущностью, которую составляет специфическое правовое регулирование отношений между субъектами права: во-первых, в его основе лежат положения, устанавливающие взаимные права и обязанности субъектов, ограничения свободы и интересов одного субъекта в пользу свободы и интересов другого; во-вторых, имеет место повышенная роль запретов и ограничений в правовом регулировании.

4. Как объекты гражданских прав помещения можно классифицировать следующим образом:

а) по назначению помещения делятся на жилые (предназначенные для проживания) и нежилые (предназначенные для иных целей, кроме проживания);

б) в зависимости от субъективных прав на строение и его части все жилые и нежилые помещения можно разделить на помещения, расположенные в строениях, которые являются единым объектом права собственности (помещения в таком случае не являются объектами права собственности), помещения, расположенные в строениях, реальные части которых принадлежат одному собственнику (помещения при этом выделяются в качестве самостоятельных объектов права собственности, а строение в целом такое качество утрачивает), и помещения, расположенные в строениях, реальные части которых принадлежат различным лицам (наряду с помещениями, являющимися самостоятельными объектами права собственности, в таком случае выделяются объекты права общей долевой собственности).

5. Нежилые помещения, расположенные в строениях, реальные части которых принадлежат различным лицам, по критерию пригодности для самостоятельного использования разделяются на объекты, являющиеся самостоятельными объектами права собственности, и объекты, входящие в состав общего имущества строения и принадлежащие собственникам на праве общей долевой собственности.

Нежилые помещения дифференцируются в зависимости от расположения в жилом или нежилом строении, что обусловлено преобладанием запретов и ограничений в содержании правового режима помещений в жилом строении.

6. Жилые помещения, существующие в качестве самостоятельных объектов права собственности, по наличию в их составе

основных и вспомогательных помещений разделяются на два вида: квартиру как объект, состоящий из основных и вспомогательных помещений, и комнату, представляющую собой основной объект.

Квартиры в зависимости от присутствия в их составе самостоятельных объектов права собственности могут быть разделены на коммунальные и на квартиры, выступающие в качестве единого объекта права собственности.

В коммунальных квартирах выделяются помещения индивидуального и общего пользования.

7. Строение (или помещение), в состав которого входят помещения, являющиеся самостоятельными объектами права собственности, представляет собой составную вещь, части которой имеют материальную связь друг с другом, но являются самостоятельными объектами права собственности, при этом непосредственно составная вещь такое качество утрачивает. Правовой режим помещений, представляющих собой принадлежащие различным лицам составные части строения или другого помещения, в качестве основополагающей характеристики имеет режим коммунальной собственности, обусловленный образованием в результате раздела единого объекта помещений, принадлежащих субъектам на праве индивидуальной собственности, и общего имущества строения (или помещения), принадлежащего собственникам на праве общей долевой собственности.

8. Коммунальная собственность определяется сочетанием неотделимых прав: индивидуальной собственности на помещение и производной от нее общей долевой собственности на общее имущество строения (помещения).

Для коммунальной собственности характерно следующее:

1) законодатель прямо указывает на приоритет в составе коммунальной собственности права индивидуальной собственности перед правом общей собственности;

2) объектом права коммунальной собственности выступает имущество, включающее в себя помещение, являющееся индивидуальной собственностью, и общее имущество строения (помещения), находящееся в общей долевой собственности собственников помещений;

3) общее имущество строения (помещения), в отличие от

основной части объекта коммунальной собственности – помещения, имеет более детальную правовую регламентацию;

4) общая долевая собственность в составе коммунальной собственности обладает специфическими признаками, отличающими ее от классической общей долевой собственности;

5) содержание права коммунальной собственности составляют не только правомочия собственника, но и возложенные на него обязанности, среди которых основной является содержание как индивидуального, так и общего имущества строения;

6) доля обязательных расходов на содержание общего имущества зависит от доли в праве общей собственности на общее имущество строения (помещения), которая устанавливается только от размера общей площади помещения, принадлежащего лицу на праве собственности.

Заболотный Сергей Николаевич

Гражданско-правовой статус автономного образовательного учреждения

Дата защиты – 15 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»
Научный руководитель	Ельникова Елена Васильевна
Оппоненты	Серова Ольга Александровна, Жукова Татьяна Валерьевна
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)»
Место защиты	Диссертационный совет Д 170.003.02 при ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней

установлено самостоятельное место автономного образовательного учреждения в системе организаций, осуществляющих образовательную деятельность, сформулировано его определение, выявлены особенности гражданско- правового статуса автономного образовательного учреждения, в том числе его создания, реорганизации, прекращения, формирования органов и имущества, участия в гражданском обороте.

Положения, выносимые на защиту

1. Сформулировано понятие автономного образовательного учреждения как образовательной организации, созданной Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием в организационно-правовой форме учреждения автономного типа, основным видом деятельности которого является оказание образовательных услуг на основе задания учредителя посредством реализации определённых Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» образовательных программ.

2. Автономное образовательное учреждение следует отличать от иных автономных учреждений, имеющих право осуществлять образовательную деятельность в качестве организаций, осуществляющих обучение, созданных для осуществления основной деятельности в сферах науки, медицины, социальной работы и пр. Кроме того, выявлены различия между автономными образовательными учреждениями и образовательными организациями, созданными в другой организационно-правовой форме, установленной гражданским законодательством для некоммерческих организаций.

3. Установлено, что гражданско-правовой статус автономного образовательного учреждения характеризуется комплексом обусловленных сферой его деятельности отличительных черт, проявляющихся в особенностях: а) правового регулирования; б) создания, реорганизации и прекращения; в) наименования; г) создания филиалов; д) структуры и полномочий органов управления; е) размещения информации, связанной с его деятельностью.

4. Проведена дифференциация автономных образовательных учреждений по видам и типам и её критерии. Автономные образовательные учреждения, являясь типом государственных и муниципальных учреждений в общегражданском смысле, в свою

очередь, подразделяются на виды в зависимости от собственника принадлежащего им на праве оперативного управления имущества (федеральные, созданные субъектом РФ, муниципальные), а также на типы в зависимости от реализуемых ими в качестве основного вида деятельности совокупности основных и дополнительных образовательных программ.

5. Определено, что наименование автономного образовательного учреждения включает обязательные элементы (организационно-правовую форму и тип) и дополнительные элементы (тип учреждения в общегражданском смысле, собственника имущества учреждения, особенности образовательной деятельности). Указание на основной вид деятельности, установленное законом как общее требование для некоммерческих организаций, применительно к рассматриваемому субъекту не является необходимым самостоятельным элементом наименования, поскольку проявляется через указание на тип автономного образовательного учреждения как образовательной организации.

6. Предложено установить субсидиарную ответственность учредителя по обязательствам учреждения, возникшим до изменения его типа на автономное, в целях обеспечения более стабильных гарантий для защиты интересов кредиторов, что является особенно актуальным для образовательных учреждений, поскольку основными потребителями образовательных услуг являются физические лица как менее защищённая категория субъектов гражданского оборота.

7. Доказано, что образование автономного образовательного учреждения путём изменения типа государственного (муниципального) учреждения (бюджетного или казённого) является особым самостоятельным способом его создания, отличным от учреждения и реорганизации, поскольку приводит не к возникновению нового юридического лица, а к изменению статуса существовавшего ранее учреждения.

8. Установлено, что используемое в Федеральном законе «Об автономных учреждениях» понятие «особо ценное движимое имущество» распространяется исключительно на вещи и не охватывает иные объекты гражданских прав, входящие в состав имущества автономного образовательного учреждения (например, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к

ним объекты), что может повлечь обращение кредиторами взыскания на такие объекты и, как следствие, оказать негативное влияние на продолжение его деятельности. В целях исключения указанных возможных последствий вместо него предложено использовать более широкое по содержанию понятие «особо ценное имущество» для обозначения совокупности движимого и иного имущества, без которого осуществление автономным учреждением своей уставной деятельности будет существенно затруднено.

Бородкин Вадим Геннадьевич
Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора

Дата защиты – 15 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»
Научный руководитель	Андреев Владимир Константинович
Оппоненты	Занковский Сергей Сергеевич, Гутников Олег Валентинович
Ведущая организация	ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Диссертационный совет Д 170.003.02 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»

Научная новизна состоит в полученных результатах исследования корпоративного договора в российском праве как категории гражданского права, обладающего корпоративно-правовой спецификой, позволяющих сделать выводы о правовой природе корпоративного договора, влиянии на данный договор законодательных ограничений, предмете, содержании и субъектном составе корпоративного договора, а также о способах защиты и мерах ответственности, применимых за нарушение корпоративного

договора.

Научная новизна исследования находит свое отражение в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Обосновано, что корпоративный договор не является односторонним договором и может быть выражен в трех договорных видах, каждый из которых обладает своим предметом:

1) соглашение, направленное на совместное осуществление или воздержание от осуществления корпоративных прав, при котором стороны договора преследуют единую цель. Предмет такого договора совпадает с предметом договора простого товарищества;

2) соглашение, направленное на осуществление или воздержание от осуществления корпоративных прав, либо о воздержании от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств, при котором стороны договора преследуют различные цели. Данный договор является разновидностью организационного договора, и его предмет заключается в определении общих взаимосвязанных условий осуществления и (или) воздержания от осуществления корпоративных прав и в первую очередь установлении порядка голосования на общих собраниях участников общества;

3) соглашение о приобретении или отчуждении доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств, предмет которого совпадает с предметом договора купли-продажи и опциона.

2. Автором выявлен феномен корпоративно-правового эффекта, под которым предложено понимать результат опосредованного регулирования корпоративных отношений путем установления в корпоративном договоре прав и обязанностей его сторон, который распространяется на участников корпоративного договора в их отношениях с корпорацией (внутренний эффект) и при определенных условиях может распространяться на общество и третьих лиц (внешний корпоративно-правовой эффект).

3. Обосновано, что корпоративный договор имеет обязательственноправовой характер, который за счет опосредованного регулирования корпоративных отношений создает внутренний корпоративно-правовой эффект, распространяющийся на его стороны в их отношениях с корпорацией.

4. Диссертантом доказано, что внешний корпоративно-правовой эффект может наступить только при заключении корпоративного договора между всеми участниками хозяйственного общества. Если таким корпоративным договором изменяются положения устава общества, внешний корпоративноправовой эффект наступает только при условии регистрации соответствующих изменений устава общества.

5. Обосновано, что положения ГК РФ о последствиях отказа от осуществления права (п. 2 ст. 9 ГК РФ) и недействительности отказа от право-, дееспособности (п. 3 ст. 22 ГК РФ) не могут ограничивать свободу заключения корпоративного договора.

6. Диссертантом аргументировано, что при нарушении преимущественного права покупки доли (акций), установленного корпоративным договором, заключенным по модели договора простого товарищества, при котором доля (акции) была отчуждена другому участнику общества, и общество было уведомлено о факте заключения корпоративного договора, риск незнания условий договора должен быть возложен на участника общества, а требование стороны корпоративного договора о переводе прав и обязанностей покупателя подлежит удовлетворению.

7. Обосновано, что в российском праве опционная премия не является квалифицирующим и обязательным условием предоставления опциона при заключении корпоративного договора, поскольку цель опциона заключается в заблаговременном установлении сторонами порядка распоряжения долей (акциями) в уставном капитале общества, а не в получении премии лицом, предоставляющим опцион.

8. Установлено, что в корпоративном договоре могут содержаться следующие условия, направленные на разрешение тупиковой ситуации: право выкупа (продажи) доли (акций) в уставном капитале общества; исключение участника из непубличного общества; ликвидация общества. При этом автором обосновано, что исключение участника и ликвидация общества могут быть предусмотрены в корпоративном договоре, заключенном между всеми участниками общества, в связи с чем сделан вывод о том, что универсальным механизмом разрешения тупиковой ситуации является право выкупа (продажи) доли (акций).

9. В результате проведенного исследования автором выде-

лены следующие наиболее эффективные способы обеспечения исполнения обязательств из корпоративного договора: взаимный залог долей (акций); передача доли (акций) в залог третьему лицу, которому выразили доверие стороны корпоративного договора; предоставление безотзывной доверенности для голосования на общих собраниях участников в соответствии с условиями корпоративного договора; опционное соглашение, предусматривающее право покупки или продажи доли (акций) по заниженной или завышенной цене при нарушении обязательства стороной корпоративного договора.

10. Обосновано, что стороной корпоративного договора может выступать непубличное общество, в рамках которого заключен такой договор между всеми его участниками. При этом в целях ограничения возможных злоупотреблений со стороны мажоритарных участников общества предлагается ввести критерий допустимости обязательств, которые могут быть возложены договором на общество. Критерий допустимости обязательства заключается в определении интереса, на достижение или защиту которого направлено обязательство. Обязательство, возложенное на общество в интересах одного участника или группы участников общества, необходимо квалифицировать как недопустимое.

11. Определены формы понуждения к исполнению обязательства в натуре из корпоративного договора: понуждение к исполнению обязательства по продаже (покупки) доли (акций) в уставном капитале общества; понуждение к исполнению обязательства по голосованию определенным образом путем принятия обеспечительных мер, направленных на запрет голосовать на общем собрании участников иным образом, чем предусмотрено корпоративным договором; понуждение к исполнению обязательства по голосованию определенным образом путем признания недействительным решения общего собрания участников общества, принятого в нарушение корпоративного договора.

12. Сформировано авторское предложение по внесению изменений в законодательство, которое состоит в необходимости предусмотреть в законе в качестве способа защиты стороны корпоративного договора изменение выраженного участником общества волеизъявления на общем собрании участников общества, нарушающего корпоративный договор. Обосновано, что приме-

нение указанного способа защиты является целесообразным, когда решение органа управления общества принято в нарушение корпоративного договора, заключенного между всеми участниками общества.

Абедини Мохаммад Хосейн
Расторжение брака в иранском праве
Дата защиты – 18 марта 2016 г.

Место выполнения работы	Таджикский национальный университет
Научный руководитель	Махмудов Махкам Азамович
Оппоненты	Левушкин Анатолий Николаевич, Бадалов Шараф Каримович
Ведущая организация	Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики Диссертационный совет ДМ 737.004.08 при Таджикском национальном университете, Институте философии, политологии и права им. А.М. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Межгосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российско-Таджикский (славянский) университет»
Место защиты	

Научная новизна исследования состоит в том, что его автором впервые проведен комплексный анализ расторжения брака по законодательству Ирана, выявлены причины, условия, особенности развода, рассмотрена судебная практика и сформулирован ряд новых положений, выводов и рекомендаций по совершенствованию действующего гражданского законодательства в данной сфере.

Научная новизна исследования состоит также в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Развитие института развода осуществлялось в направлении расширения права женщины и сужения абсолютного права мужчины на развод. Предоставление женщинам прав в различных сферах общественной жизни, направленных на повышение их статуса в иранском обществе, предопределило предоставление им права требования развода от мужа, хотя и при определенных условиях.

2. Развод, являясь одним из оснований для расторжения брачного договора, получил дуалистическую регламентацию: с помощью гражданско-правовых институтов Гражданского закона Исламской Республики Иран, а также испытывает сильное влияние религиозных и моральных норм.

3. Исламский фикх и гражданское законодательство Исламской Республики Иран признают развод односторонним актом (йика), исходящим от мужа или его представителя. Право на развод женщины обусловлено наличием определенных условий.

4. В гражданском законодательстве Исламской Республики Иран реализованы концепции: 1) развода как санкции, основанной на виновном поведении одного из супругов; 2) развода как констатации, основанного на непоправимом распаде семьи; 3) развода как соглашения, основанного на взаимном согласии сторон; развода как требования, основанного на одностороннем волеизъявлении одного из супругов.

4. Социологические исследования причин разводов позволили выявить факторы разводов в Исламской Республике.

Причины разводов классифицированы по группам факторов развода:

- на факторы, связанные со здоровьем и зрелостью супругов, которые включают в себя возрастные различия, раннее вступление в брак, затяжные болезни, бесплодие, сексуальную несовместимость.

- культурные, нравственные, социальные и экономические факторы развода, включающие в себя увеличение требований и ожиданий супруги от совместной жизни в браке, подражание чужой культуре, стремление к излишней роскоши, наличие дискриминации по отношению к женщинам, наличие насилия в семье, легкомысленный или меркантильный выбор супруга, небольшой доход и связанные с ним семейные проблемы, вмеша-

тельство родственников в семейную жизнь супругов, различия в материальном положении родственников и близких мужа и жены, разница в образовании и социальной принадлежности, завышенное внимание к внешней атрибутике, поверхностное и беспечное отношение к браку, безработица и безденежье супруга.

5. Предоставление абсолютного права на развод мужу выполняется возможностью диспозитивного урегулирования права на развод жены при заключении брачного договора. Причем брачный договор в качестве обязательных условий должен содержать условия, нарушение которых влечет появление у жены субъективного права на обращение в суд с заявлением о расторжении брака, а также право на материальное взыскание с мужа, расторгнувшего брак без уважительной на то причины, и право на развод мужа.

6. В целях интеграции Ирана в мировое сообщество и упрощения процедуры расторжения распавшегося брака считаем целесообразным допустить возможность совершения развода по праву того государства, где брак расторгается. В качестве основания признания данного развода на территории Ирана считать его соответствующим законам иностранного государства и проводить проверку на соблюдение требований шариата при запросе признания решения.

7. Принципы свободы развода в законодательстве Исламской Республики Иран и Республики Таджикистан различаются.

В Республике Таджикистан право на развод женщины не может быть ограничено, оно является абсолютным ее правом. Даже брачный договор не может содержать условия, которые ставят супруга в крайне неблагоприятное положение или ограничивают его право на обращение в суд за защитой своих прав.

Право на развод женщины связано с условиями брачного договора, который предоставляет мужу и жене равные права на расторжение брака. Условия брачного договора в Исламской Республике Иран также должны содержать обоюдное право обоих супругов на расторжение брака.

Гражданское законодательство Исламской Республики Иран абсолютное право на развод предоставляет мужчине, и не требует предоставления фактов или причин для развода со стороны жены.

8. Предложен комплекс мероприятий, направленных на

предотвращение разводов, классифицированный на: государственные (организационные (профилактические) и идеологические механизмы) и внутрисемейные частные методы (в соответствии с нормами шариата).

Лукина Вероника Владимировна

Нотариальное удостоверение сделок с земельными участками

Дата защиты – 18 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт»
Научный руководитель	Еременко Александр Сергеевич
Оппоненты	Соловьев Владимир Николаевич, Полатов Юрий Джамалович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» Диссертационный совет Д. 504.001.15 при ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Место защиты	

Научная новизна работы заключается в проведении комплексного монографического исследования института нотариального удостоверения сделок с земельными участками в условиях реформируемого российского гражданского законодательства, а также выработке некоторых новых доктринальных определений и конкретных предложений по совершенствованию законодательства и толкованию отдельных правовых норм, регулирующих нотариальное оформление сделок с земельными участками.

Так, сформулировано понятие нотариального действия по удостоверению сделок, отражающее, в частности, процессуальный статус нотариуса; уточнены особенности порядка нотариального удостоверения сделок с земельными участками; выявлено значение нотариальной формы, в том числе в решении вопроса

о сохранении обязательств, возникающих из сделок, совершенных с недостатками нотариального удостоверения; конкретизированы правила заключения и действительности сделок.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Нотариальное удостоверение сделки с земельным участком есть сложный гражданско-правовой фактический состав со специальной письменной формой совершения сделок с недвижимым имуществом, которая удостоверяется нотариусом или иным лицом, имеющим право совершать нотариальные действия (уполномоченным должностным лицом), в предусмотренном в законе порядке с целью проверки законности такой сделки, установления гражданских прав лиц, участвующих в сделке на ее совершение, и гражданской оборотоспособности являющегося предметом сделки земельного участка. Нотариальные действия по удостоверению сделки с земельным участком – это комплекс взаимосвязанных юридических, организационных и технических процедур, предусматривающих исполнение уполномоченным должностным лицом обеспечивающих применение норм гражданского права обязанностей по правоконтролю, праворазъяснению и правоудостоверению.

2. История законодательства о нотариальной форме удостоверения сделок с земельными участками характеризуется тенденцией к сужению полномочий нотариуса в области земельно-имущественных правоотношений и к сохранению участия в гражданско-правовом механизме совершения сделок с земельными участками, основанного на указании закона или соглашении между сторонами таких сделок. Поэтапное развитие праворегулятивного инструментария в области исследуемых отношений создало предпосылки для увеличения доли сделок с земельной недвижимостью, совершаемых посредством нотариального удостоверения. Сравнительно-исторический правовой анализ показывает, что простая письменная форма совершения сделок с земельными участками неэффективно защищает имущественные права лиц, участвующих в таких сделках, и существенно повышает риск наступления неблагоприятных гражданско-правовых последствий совершения сделок с земельными участками для третьих лиц.

3. Гражданско-правовыми условиями нотариального удо-

стование сделок с земельными участками, осуществляемого уполномоченным должностным лицом, являются сочетание добровольности и обязательности нотариальных действий и их регламентированность, включающая в себя: а) установление гражданской правосубъектности лиц, совершающих сделку; б) сбор, исследование и правовую экспертизу имеющих юридическое значение документов; в) оценку объяснений сторон сделки; г) выявление нарушений прав и законных интересов третьих лиц. Выполнение гражданско-правовых условий нотариального удостоверения сделок с земельными участками нацелено на обеспечение правопорядка и выражается в сформулированном нами принципе осуществления и защиты гражданских прав при наступлении чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (*viresmaiores, tempusnecessarium*): «При введении в установленном в законе порядке чрезвычайного положения совершение сделок с земельными участками и иным связанным с ними имуществом, имеющим значение для устранения обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения, а также для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей, удостоверяется в нотариальном порядке».

4. Требование о проверке законности сделок с земельными участками имеет свойства императивной нормы гражданского права и предполагает осуществление уполномоченным должностным лицом действий, направленных на правовую экспертизу проекта такой сделки и разъяснение ее участникам правоположений, относящихся к основаниям, условиям и порядку совершения сделки с земельными участками и их гражданской оборотоспособности. Проверка уполномоченным должностным лицом законности сделок с земельными участками и установление гражданских прав на совершение таких сделок производится в нотариальной форме, сущность которой передает выдвигаемая нами гражданско-правовая презумпция: «Нотариальное удостоверение сделки с земельным участком поглощает относимые нотариальные действия по поводу имеющих юридическое значение для совершения такой сделки фактов (фактических обстоятельств) и иных действий, в отношении которых законом либо соглашением сторон сделки не предусмотрен особый нотариальный порядок

удостоверения либо свидетельствования».

5. Порядок нотариального удостоверения сделок с земельными участками уполномоченным должностным лицом отличается открытостью, согласованностью и последовательностью совершения предусмотренных в законе нотариальных и иных связанных с ними действий. Комплексный характер гражданско-правового механизма совершения сделок с земельными участками обуславливает хронологическую первичность нотариальных отношений (отношений по нотариальному удостоверению сделки с земельным участком) и вторичность регистрационных отношений (отношений по государственной регистрации прав на земельные участки и сделок с ним). Данное обстоятельство вызывает необходимость в информационном и организационном взаимодействии между системами нотариата и государственной регистрации в форме договоров о взаимопомощи и разграничении полномочий. Информационно-цифровые технологии способствуют оптимизации гражданско-правового механизма нотариального удостоверения сделок с земельными участками путем регламентированного применения при совершении нотариальных действий уполномоченными должностными лицами технических средств аудио- и видеодокументирования, в том числе дистанционно.

6. Гражданско-правовые последствия нотариального удостоверения сделки с земельным участком детерминированы объемом сделкоспособности участвующих в ней лиц (материально-правовой признак) и доказательственной силой нотариального действия (процессуально-правовой признак). Нотариальная форма сделки с земельным участком легализует состав гражданских прав и обязанностей отчуждателя и приобретателя по такой сделке, в том числе их представителей и третьих лиц, и является необходимым и достаточным основанием единоличного присутствия в компетентном государственном органе, осуществляющем государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ними, приобретателя земельного участка либо его уполномоченного представителя. Из выявленных нами свойств нотариально удостоверенной сделки с земельным участком несущественные недостатки нотариальной формы такой сделки толкуются в пользу действительности нотариально удостоверенной

сделки и правомерности соответствующего обязательства, включая в целях динамики гражданского оборота оспоримость либо ничтожность такой сделки.

Кобыляцкий Дмитрий Андреевич
Правовая охрана произведений в сети интернет
Дата защиты – 18 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»
Научный руководитель	Стрегло Валентина Ефимовна
Оппоненты	Хохлов Вадим Аркадьевич, Шугурова Ирина Викторовна
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» Диссертационный совет Д-212.239.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна исследования. Автором предложена новая концепция охраны прав на авторские произведения, учитывающая актуальные правовые проблемы, связанные с использованием произведений в сети Интернет, развитие законодательства Российской Федерации и норм международного права, а также практику правоприменения на современном этапе.

Отмечены различия, лежащие в основе разделения произведений на произведения науки, литературы и искусства, что приобретает большое значение в том случае, когда речь идёт об электронной форме произведений, используемых в сети Интернет. Сделан вывод о принципиальной применимости правового режима открытых лицензий к отношениям, возникающим по поводу использования произведений под свободными лицензиями, и даны рекомендации по уточнению норм, определяющих существенные условия таких лицензий.

Определены характеристики выраженного в электронной форме произведения, обоснована позиция относительно определения электронной формы в качестве одного из видов объективной формы, и дана квалификация способам использования произведения в электронной форме. В ходе анализа практики использования электронных произведений в сети Интернет выработаны рекомендации по защите личных неимущественных и иных прав авторов электронных произведений, а также по управлению и распоряжению имущественными правами, в том числе путём заключения открытых лицензионных договоров и предоставления произведений в открытый доступ.

Выявлена особая роль информационных посредников в отношениях по использованию произведений в сети Интернет, и обоснована необходимость уточнения условий наступления ответственности лиц, обеспечивающих доступ к информации в этой сети. Аргументирован подход, упрощающий процедуру привлечения информационного посредника к ответственности за нарушение интеллектуальных прав в случае получения им имущественной выгоды. Сделан вывод о необходимости обеспечить определённый правообладателем режим доступа к произведению в сети Интернет, в случае применения специальных мер защиты (блокировок) к другим произведениям, размещённым на данном ресурсе.

Научная новизна находит непосредственное выражение в следующих основных выводах и **положениях, выносимых на защиту:**

1. Законодатель не делает различий в объёме и содержании правовой охраны, предоставляемой произведениям в различных областях человеческого знания, хотя и выделяет произведения науки, литературы и искусства. Развитие технических средств воспроизведения и появление возможности выражения творческого результата в электронной форме акцентирует внимание на их различиях, и позволяет по-новому взглянуть на три указанных вида – произведения науки, литературы и искусства, с учётом возникающих трудностей в охране интеллектуальных прав на них.

Разделение произведений на произведения науки и искусства имеет в своей основе различие в степени связи между их формой

и содержанием. Форма и содержание произведения искусства неразрывны, в то время как форма произведения науки не имеет определяющего значения для выражения его содержания. Субъективная важность охраняемых прав на произведения науки и на произведения искусства также неодинакова ввиду различной парадигмы применения творческого результата. Практическая реализация авторских прав и их защита варьируется в зависимости от среды использования произведения и его формы. В отношении электронных произведений в сети Интернет корреляция между видом произведения и приоритетностью охраны имущественных либо личных неимущественных и иных прав особенно заметна. Эти различия могут служить для автора или иного правообладателя критерием выбора режима доступа к произведению и определения условий его использования.

2. Введение в Гражданский кодекс РФ норм, регулирующих использование произведений науки, литературы или искусства на основании открытой лицензии (ст. 1286.1 ГК РФ) произошло вследствие широкого распространения этой формы правомерного использования произведений в мировой практике. Изучение опыта использования произведений в сети Интернет позволяет сделать вывод о том, что понятие открытой лицензии может быть соотнесено с получившим широкое распространение в мировой практике институтом свободной лицензии.

Имеются некоторые особенности правовых норм об открытой лицензии, не позволяющие в полной мере воспользоваться институтом свободной лицензии в рамках российского законодательства. К таким особенностям относятся, в частности, ограничение специально не оговоренного срока использования пятью годами (абз. 2 п. 3 ст. 1286.1 ГК РФ) и наличие в п. 3 ст. 1235 ГК РФ общего положения об ограничении явно не оговоренной территории использования произведения территорией Российской Федерации, противоречащего абз. 3 п. 3 ст. 1286.1 ГК РФ. Указанные условия могут претерпеть изменения в процессе унификации и гармонизации российского права.

Предлагается уточнить правовую регламентацию порядка предоставления открытой лицензии с целью обеспечения правообладателям возможности выбора условий проработанных и проверенных на практике типовых договоров. Для пользователей и

информационных посредников использование произведения на условиях открытой лицензии упростит соблюдение и контроль условий использования, что позволит усилить охрану авторских прав.

3. Использование произведения в сети Интернет обусловлено выражением его в той объективной форме, которая способна сохранить произведение и может адекватно передать его содержание в технических условиях этой информационной сети. Произведение может быть изначально выражено в электронной форме, либо воспроизведено в электронной форме для дальнейшего использования (в том числе доведения до всеобщего сведения) в сети Интернет. Особенность электронной формы определяется потребностью вовлечения в процесс использования произведения электронной вычислительной техники, воспроизводящей произведение с цифрового носителя информации в том виде, который доступен для человеческого восприятия.

Поскольку выражение произведения в электронной форме происходит с помощью некоторого программно-аппаратного комплекса, от его состояния и настройки зависит возможность модификации авторского произведения: изменение формата воспроизведения, добавление объёма, повышение чёткости, увеличение числа звуковых каналов. Такая модификация не является переработкой произведения до тех пор, пока происходит без вовлечения творческого труда. В том случае, если модификация электронного произведения происходит по инициативе и (или) под контролем человека, вносящего свой творческий вклад, результатом является создание производного произведения: пересъёмка фильма из двухмерного в трёхмерный, придание цветности монохромному фильму, переписывание кода компьютерной программы на другой язык программирования. Приложение к модификации электронного произведения творческого усилия является критерием отграничения её от действительной переработки произведения, в результате которой появляется новое произведение.

4. Процесс выражения произведения в объективной форме имеет определённый результат – создание оригинала произведения, который может быть воспроизведён путём создания экземпляров. Специфика электронной объективной формы проявляется

в том, что различия между оригиналом и экземплярами произведений отсутствуют, поскольку каждый экземпляр произведения в электронной форме тождественен оригиналу.

При одновременном создании нескольких экземпляров произведения в электронной форме (что нередко определяется техническими особенностями электронной вычислительной техники), вопрос определения одного из таких экземпляров в качестве оригинала находится в ведении автора. Таким образом, выделение оригинала и экземпляра произведения (ст. 1257 ГК РФ) не может быть применимо в отношении произведения в электронной форме.

5. Пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, должно осуществляться с учётом объёма защищаемого права и не допускать необоснованного ограничения прав третьих лиц. Между тем, нормативные правовые акты, предусматривающие специальные меры защиты авторских прав (в частности, Федеральный закон от 24.11.2014 № 364-ФЗ) и складывающаяся практика правоприменения не учитывает того обстоятельства, что реализация таких мер приводит к прекращению технической возможности доступа к другим произведениям, правомерно размещённым в сети Интернет.

Предлагается ввести нормы, направленные на защиту прав авторов, правообладателей и пользователей правомерно размещённых в сети Интернет произведений от прекращения технической возможности доступа к ним в связи с реализацией мер защиты в отношении других произведений. Такие правила могут предусматривать общие требования к параметрам формирования электронных ресурсов, конкретная реализация которых должна быть предусмотрена нормативными актами органов исполнительной власти.

6. Использование произведений может осуществляться с применением технических средств защиты авторских прав и сопровождаться доведением информации об авторском праве. На практике встречаются неправомерные действия (обход и удаление технических средств и информации об авторском праве), которые делают возможным дальнейшее нарушения порядка использования произведений в электронной форме. Наиболее часто в результате таких действий нарушению подвергается исключи-

тельное право автора, но не право авторства, право автора на имя и право на неприкосновенность произведения.

Произведения науки, отличающейся особым приоритетом защиты личных неимущественных прав автора и демонстрирующие малую зависимость своего содержания от формы выражения, могут рассматриваться в качестве наименее подверженных таким неправомерным действиям. В их отношении в первую очередь возможно предусмотреть систему, направленную на снижение числа нарушений авторских прав в сети Интернет. Элементами данной системы могут являться предоставление произведений под открытой лицензией – путём выбора условий типового договора; доведение произведений до всеобщего сведения в сети Интернет – путём предоставления открытого доступа; обеспечение возможности применения технических средств для учёта частоты использования произведения – как на основании открытой лицензии, так и путём свободного использования.

7. С развитием общественных отношений и изменением законодательства об интеллектуальной собственности сформировалась особая группа мер защиты интеллектуальных прав, которые условно могут быть названы «косвенными». Специфика электронного произведения состоит в том, что начало его использования определяется моментом обеспечения технической возможности воспроизведения. Контроль над процессом воспроизведения (включая обеспечение такой возможности) является специальной сферой деятельности, осуществляемой информационными посредниками. В целях обеспечения надлежащей охраны авторских прав в сети Интернет представляется наиболее эффективным дальнейшее усиление мер правового воздействия на них.

При разрешении дел, связанных с защитой авторских прав на произведения в сети Интернет, особенности защиты определяются признаками, позволяющими отнести информационного посредника к одной из трёх категорий (перечисленных в п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ) Такими признаками служат действия, осуществляемые этими лицами в отношении материала, являющегося объектом авторского права. Между тем, особенности ответственности лица, предоставляющего возможность доступа к материалу в сети Интернет, не конкретизируются, а отсылка к положениям, касающимся двух других категорий лиц, не является достаточно од-

нозначной (п. 5 ст. 1253.1 ГК РФ). Правовая регламентация особенностей ответственности лиц, предоставляющих возможность доступа к материалу в сети Интернет, может быть дополнена путём распространения на них правил, предусмотренных для лиц, предоставляющих возможность размещения материала в сети Интернет (п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ).

8. Соблюдение формальных условий, определяющих особенности ответственности информационного посредника (ст. 1253.1 ГК РФ), не всегда позволяет достигнуть надлежащего правового результата и обеспечить охрану интересов автора. Недобросовестный посредник имеет возможность, получив выгоду от нарушения интеллектуальных прав, обеспечить соответствие содержащимся в указанной статье критериям и таким образом избежать ответственности. Правообладатель в таком случае вынужден доказывать наступление для провайдера благоприятных имущественных последствий, а также его осознанное противоправное поведение (злоупотребление правом). Обычно эти обстоятельства не входят в предмет доказывания, что делает их рассмотрение правом, а не обязанностью суда, и ухудшает процессуальное положение истца.

Между тем, аналогичные нормы зарубежного законодательства предусматривают специальное правило, которое включает факт недобросовестности поведения провайдера в предмет доказывания. Представляется, что введение в российское законодательство специальной нормы, препятствующей недобросовестному лицу воспользоваться правилами, исключающими ответственность по формальным основаниям, позволит снизить число нарушений интеллектуальных прав, происходящих при участии информационных посредников.

Предложения по совершенствованию законодательства, которые делаются диссертантом по результатам проведённого исследования:

1. Об изменении редакции п. 3 ст. 1235 ГК РФ: добавить после слов «территории Российской Федерации» слова «, если настоящим Кодексом не предусмотрено иное».

2. Об изменении редакции п. 3 ст. 1259 ГК РФ: указать после слов «в объёмно-пространственной форме» слова «, в электронной форме».

3. Об изменении редакции абз. 1 п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ: указать после слов «размещения материала в информационно-телекоммуникационной сети» слова «или предоставляющий возможность доступа к материалу в этой сети».

4. Об изменении редакции п. 5 ст. 1253.1 ГК РФ: изложить его в следующей редакции: «Правила пункта 2 и пункта 3 настоящей статьи применяются в отношении информационных посредников при условии, что они не получили имущественную выгоду, связанную с произошедшим нарушением интеллектуальных прав».

Дудченко Анна Владимировна
Гражданско-правовая ответственность по договорам
перевозки груза и пассажира
Дата защиты – 25 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»
Научный руководитель	Камышанский Владимир Павлович
Оппоненты	Андреев Юрий Николаевич, Карнушин Вячеслав Евгеньевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет»
Место защиты	Диссертационный совет Д 521.023.02 при НОУ ВПО «Московская академия экономики и права»

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что оно представляет собой одно из первых комплексных исследований гражданско-правовой ответственности, возникающей из договорного отношения перевозки грузов и пассажиров, регулируемого специальными нормативными актами, входящими в систему транспортного законодательства. Выявлены особенности и основания гражданско-правовой ответственности по договору перевозки грузов и пассажиров с учетом содержания новейшего

российского законодательства, регулирующего отношения перевозки.

Обосновывается вывод о том, что перевозчик, выступающий в правоотношении перевозки как профессиональный участник, имеющий опыт и навыки, должен нести повышенную ответственность перед контрагентами независимо от наличия вины в его действиях.

Доказывается, что в гражданском праве отсутствуют общие нормы, устанавливающие единые подходы к установлению гражданско-правовой ответственности обеих сторон договора перевозки. В отношении грузоотправителя, пассажира и грузополучателя гражданско-правовая ответственность выполняет преимущественно карательную функцию в силу действия принципа «наказания, кары». В результате перевозчик приобретает дополнительную имущественную выгоду в отношении своих контрагентов за счет реализации такой ответственности, а гражданско-правовая ответственность в транспортных обязательствах лишена компенсаторновосстановительной функции.

Новизна исследования заключается также в том, что оно содержит целостную систему авторских доктринальных подходов к решению проблем повышения эффективности гражданско-правовой ответственности из договоров перевозки груза и пассажира. На основе изучения этапов развития транспортного права, современных исследований в сфере охранительного правоотношения и юридической ответственности, трудов ученых-цивилистов в сфере транспортного права обосновано целостное научное представление о гражданско-правовой ответственности по договору перевозки грузов и пассажиров. Предлагается дифференциация гражданско-правовой ответственности по договору перевозки по различным основаниям, создающую методологическую основу для дальнейших исследований по совершенствованию исследуемого института гражданского права.

Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие основные выводы и положения, выносимые на защиту:

1. Особенность существующей гражданско-правовой ответственности предпринимателя-перевозчика по договорам перевозки груза и пассажира заключается в том, что вина, как элемент

гражданского правонарушения, представляет собой не психическое отношение перевозчика к совершаемому им правонарушению, а негативный результат действия либо бездействия перевозчика, закрепленного в нормах права в качестве основания наступления ответственности (вина в объективном смысле). Вместе с тем, перевозчик, как профессионал, предприниматель должен нести повышенную ответственность перед контрагентами независимо от наличия вины в его действиях. Такой подход соответствует правовой традиции, уходящей к римскому праву, и законным интересам контрагентов перевозчика, как слабой стороны в современном обязательстве перевозки.

2. По договору перевозки пассажира любым видом транспорта у перевозчика отсутствует предусмотренная законом императивная обязанность, согласно которой он обязан обеспечить безопасность пассажиров, в связи с чем ответственность за причинение вреда жизни или здоровью носит деликтный характер. Применение установленной транспортным законодательством исключительно деликтной ответственности за необеспечение безопасности пассажиров не позволяет в полной мере обеспечить ответственность перевозчика за причинение вреда жизни и здоровью пассажиров. В связи с этим предлагается законодательно закрепить дополнительные обязанности перевозчика по повышению качества оказываемых услуг, подразумеваемые, в том числе, и их безопасность, соответствующие им меры специальной (повышенной), основанной на договоре, ответственности по сравнению с применяемой в настоящее время деликтной ответственностью.

3. Обосновано, что досудебный порядок защиты нарушенных прав по договору перевозки ограничивает право грузоотправителей и грузополучателей на судебную защиту, ставит их в неравное положение по отношению к перевозчику, для которого право на судебную защиту более доступно и ничем не ограничено. Кроме того, заявление требований в суд, о которых не было изложено в претензии, для контрагентов перевозчика становится невозможным, что свидетельствует об ограничении его права на защиту и привилегированном по отношению к нему положении перевозчика.

4. Особенности ответственности из договора перевозки, в

первую очередь, обусловлены сферой действия договора перевозки, субъектным составом правоотношения ответственности содержанием и видом договора. В этой связи предлагается следующая классификация гражданско-правовой ответственности по договорам перевозки: 1) в зависимости от сферы действия договора: ответственность в сфере торгового мореплавания, ответственность при перевозке на внутренних водных путях, ответственность при осуществлении воздушных перевозок, ответственность при перевозке на автомобильном и городском наземном электрическом транспорте, ответственности при перевозке железнодорожным транспортом; 2) в зависимости от субъектов ответственности: ответственность перевозчика, ответственность грузоотправителя, ответственность грузополучателя, и ответственность пассажира; 3) в зависимости от содержания и вида договоров перевозки на: ответственность по договору перевозки груза и ответственность по договорам перевозки пассажира.

Ответственность за причинение вреда жизни, здоровью пассажира признается внедоговорной и непосредственным образом не относящейся к содержанию договора перевозки, что является недостатком законодательства и не отвечает интересам пассажиров.

5. Специфика мер гражданской ответственности состоит в том, что она обусловлена преимущественным положением перевозчика в правоотношении перевозки. В отношении контрагентов перевозчика гражданско-правовая ответственность выполняет преимущественно карательную функцию. Применительно к грузоотправителю, грузополучателю и пассажиру в законодательстве имеют место как поименованные, так и непоименованные, в том числе повышенные меры ответственности. При этом общие нормы, закрепляющие единые подходы к установлению гражданско-правовой ответственности обеих сторон договора перевозки в общей части гражданского права отсутствуют. В результате в отношении контрагентов перевозчика действует принцип «наказания, кары», перевозчик приобретает дополнительную имущественную выгоду за счет реализации такой ответственности, а гражданско-правовая ответственность не обеспечивает свою компенсаторно-восстановительную функцию.

6. Ответственность по транспортным обязательствам, за ко-

тору применяется такая мера ответственности, как штраф, возникает из усеченного состава правонарушения, в котором необходимо наличие лишь одного элемента – противоправного действия. Наличие иных элементов: вины, вреда и причинной связи между противоправным действием и вредом – не является необходимым. Такая ответственность, как правило, применяется в отношении контрагентов перевозчика (фрахтовщика). В свою очередь в отношении самого перевозчика требуется наличие полного состава правонарушения, что противоречит принципу справедливости в гражданском праве и методу равенства как методу гражданско-правового регулирования.

7. В транспортном законодательстве широко применяется непоименованная в ст. 12 ГК РФ мера ответственности – компенсация за причинение вреда жизни и здоровью пассажира. Компенсация не может быть отнесена ни к убыткам, ни к неустойке. Применение компенсации при нарушении субъективных прав в обязательственных правоотношениях невозможно. Компенсация возможна только при нарушении абсолютных неимущественных и имущественных прав. Компенсация, упомянутая в транспортном законодательстве, непосредственным образом не относится к мере ответственности, вытекающей из нарушений договора перевозки.

8. Нуждается в уточнении и установлении единого подхода к понятию используемых мер гражданско-правовой ответственности, закрепленных в источниках транспортного законодательства. В связи с этим предлагается:

1) отказаться от использования понятия «штраф», заменив его понятием «неустойка»;

2) к делам о правонарушениях, в которых срок правонарушения имеет юридическое значение, применять понятие «пеня» как вид неустойки, а к правонарушениям, в которых срок нарушения не имеет юридического значения, применять понятие «неустойка»;

3) законодательно закрепить разграничение понятий «ущерб» и «вред», где первое следует применять в качестве разновидности убытков – «реальный ущерб» (ст. 15 ГК РФ), а понятие «вред» не использовать в нормах о нарушениях договорных обязательств по перевозке.

9. Основные источники транспортного законодательства не обладают единообразной структурой. Применительно к институту ответственности наблюдается две противоположные тенденции. В Кодексе торгового мореплавания РФ (далее – КТМ РФ) нормы об ответственности расположены непосредственно в тех же правилах, которые регулируют соответствующие договорные отношения перевозки. Во всех остальных транспортных кодексах и уставах нормы об ответственности представляют собой компактно расположенную совокупность правил, адресованную в равной мере любому транспортному обязательству (перевозка, буксировка, фрахтование). В связи с этим предлагается в транспортных уставах и кодексах придерживаться традиционной структуры правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция) и распространить на них закрепленный в КТМ РФ подход.

Джанаева Анна Мишелевна

Понятие реституции: сравнительно-правовой анализ института в российской и англо-американской системах права

Дата защиты – 28 марта 2016 года

Место выполнения работы	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правождения при Правительстве Российской Федерации»
Научный руководитель	Синицын Сергей Андреевич
Оппоненты	Слесарев Владимир Львович, Новак Денис Васильевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации» Диссертационный совет Д 503.001.01 при
Место защиты	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правождения при Правительстве Российской Федерации»

Научная новизна исследования. В предлагаемой плоскости поставленные в исследовании проблемы в цивилистической литературе не анализировались. Данная работа представляет собой первый опыт сравнительно-правового анализа реституционных отношений в странах англо-американской правовой семьи и в российском праве.

Кроме того, ранее проведенные исследования не охватывали всех вопросов указанной выше проблематики, останавливались лишь на изучении отдельных ее аспектов. В результате развития законодательства и судебной практики появились новые направления в изучении данной темы, которые до настоящего времени остаются малоизученными, например, проблема применения реституции и неосновательного обогащения к публично-правовым отношениям.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В действующем российском законодательстве реституция охватывает отношения, связанные с недействительностью сделки, исключая из правового регулирования ситуации незаключенности сделок, расторжения договора и иные. Реституция в англо-американском праве включает значительный перечень ситуаций, в т.ч. возникает в результате некоторых правонарушений и овладения вещным правом без надлежащего правового основания. Ограничение применения реституции недействительными сделками не характерно для большинства правовых порядков и не находит должного обоснования в историческом развитии института в России. Реституция должна рассматриваться как универсальная мера защиты, применяемая при любом предоставлении, не имеющем правового основания, а также имеющем такое основание, если оно отпало впоследствии.

2. Проведенный сравнительно-правовой анализ законодательства, правоприменительной практики и доктрины позволил сформулировать по системе признаков индивидуальные черты (свойства) реституции в странах англо-американской правовой семьи, не характерные для российского права, к которым, диссертант относит:

- отсутствие исчерпывающего перечня ситуаций, когда применяется институт;
- отсутствие жестких критериев применения реституции в

источниках права;

- широкая сфера применения;
- моральное основание признается достаточным для применения реституции;
- сильная связь между реституцией и неосновательным обогащением;
- использование института к публично-правовым отношениям;
- возможность применения реституции даже когда экономического обогащения не произошло.

3. Реституция в качестве универсальной меры должна применяться к отношениям, носящим публично-правовой характер, при соблюдении критерия «выгоды» (излишне уплаченные налоги, неправомерно наложенные штрафы, ошибочно произведенные платежи за осуществление государственной функции).

4. К неосновательному обогащению в российском праве применяется принцип «отсутствия основания» (нет основания для обогащения – подлежат применению нормы о неосновательном обогащении), для применения реституции необходимо наличие «несправедливого фактора» в виде недействительной сделки (конкретно названо основание для применения норм права). Первый подход характерен для неосновательного обогащения в странах континентальной системы права, второй – англоамериканской. Российским законодательством используются, таким образом, одновременно два критерия – большая часть ситуаций охватывается принципом отсутствующего основания, а реституция как последствие признания сделки недействительной выделено отдельно, в этой ситуации используется принцип несправедливого фактора. Смещение двух различных подходов представляется неоправданным. Кроме того, правовые последствия и сущность реституции и неосновательного обогащения в российском праве, по сути, одинаковы – оба института направлены на восстановление правового положения лица, существовавшего до его нарушения неосновательно обогатившимся лицом.

5. Англо-американская семья права использует принцип «выгоды», обогащения (gain-based theory) применительно к реституции. В российском праве следует применять аналогичный принцип: имущество возвращается не в силу того, что лицо пре-

терпело убытки или потери в имущественной сфере, а в силу того, что основание предоставления не было законным/ отсутствовало/ отпало, и на стороне обогатившегося имеется выгода. Закрепление принципа законодательно означает для добросовестного лица возможность взыскания суммы, на которую лицо обогатилось в результате неосновательного обогащения, а не размер убытков и потерь потерпевшего.

6. Реституция и неосновательное обогащение должны соотноситься как основание и мера защиты права. Первостепенную роль должен играть принцип реституции – сам принцип, который является более общим, нежели основания, которые порождают его. Принцип выгоды демонстрирует, что концепция реституции должна выходить за рамки неосновательного обогащения, хотя большая часть ситуаций и будет связана с неосновательным обогащением. Введение реституции как универсальной меры защиты прав, таким образом, не отменяет необходимости в имеющемся в настоящий момент регулировании неосновательного обогащения. Кроме того, поскольку реституция не относится к формам ответственности, признание реституции универсальным средством защиты не умаляет возмещения убытков как универсальной формы гражданско-правовой ответственности.

7. Согласно теоретическим воззрениям, виндикация в странах англо-американской правовой семьи может быть частично охвачена реституцией как универсальной мерой, в России, наоборот, есть основания рассматривать реституцию как разновидность виндикации при возврате индивидуально-определенных вещей.

8. Виндикационный и реституционный иск/ иск из неосновательного обогащения – различные по своей правовой природе иски. Реституция/ неосновательное обогащение направлены на недопущение обогащения одного лица за счет другого, основаны на принципе «выгоды», которую получает обогащаемый, виндикация основана на принципе «потери», то есть направлена на возврат имущества, которое принадлежит собственнику в связи с тем, что отсутствие правовой возможности владеть и пользоваться имуществом приносит имущественные неудобства собственнику.

Проведенное диссертантом исследование позволило диссертанту сформулировать следующие предложения по совершен-

ствованию действующего гражданского законодательства РФ. Целесообразно дополнить Гражданский кодекс положением, вводящим принцип «изменившейся обстановки» (change of position), который означает, что если лицо, неосновательно обогатившееся за счёт другого лица, при этом вело себя в момент обогащения и впоследствии добросовестно, и потратило денежные средства (вложило их в имущество, заключило сделку, распорядилось им путем дарения), при том, что, не имея данных денег, данное лицо не стало бы осуществлять траты, такое лицо не считается в части произведённых платежей неосновательно обогатившимся, и данную сумму не обязано возвращать.

Евстигнеев Эдуард Александрович
Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве
Дата защиты – 28 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
Научный руководитель	Егоров Андрей Владимирович
Оппоненты	Карапетов Артем Георгиевич, Степанов Дмитрий Иванович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» Диссертационный совет Д 503.001.01 при
Место защиты	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Научная новизна исследования. Диссертация является одной из первых работ, посвященных вопросам комплексного анализа: сферы применения императивных и диспозитивных норм; основных принципов функционирования доктрины разделения норм на императивные и диспозитивные; факторов, влияющих на формирование доктрины о разделении норм на императивные и

диспозитивные; связи между формальным набором реквизитов нормы и ее видом, а также алгоритма определения императивного или диспозитивного характера норм договорного права. Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие основные положения и выводы, выносимые на защиту.

Традиционно считается, что диспозитивный или императивный характер нормы обязательственного права должен выводиться из внешних признаков данной нормы, в частности, из наличия или отсутствия в ней фразы «если иное не предусмотрено законом». Однако такой подход является недостаточно гибким и не соответствует развитым имущественным отношениям.

Возможности законодателя по определению императивного или диспозитивного характера норм договорного права в тексте самой нормы существенно ограничены, так как разработчики норм не могут предвидеть всех жизненных ситуаций, в которых эти нормы будут применяться. В итоге норма, которая выглядит как императивная, в определенных случаях может применяться на практике как диспозитивная, и наоборот.

В действительности многие нормы обязательственного права не могут быть абсолютно (окончательно) императивными или диспозитивными.

2. С точки зрения юридической техники для определения императивного или диспозитивного характера норм обязательственного права нельзя использовать законодательную презумпцию диспозитивности таких норм, так как законодатель рискует упустить множество жизненных ситуаций, при которых одна и та же норма может получать как императивный, так и диспозитивный характер. Более того, закреплением такой презумпции будет поддержан позитивистский подход к определению характера норм договорного права, из-за которого в настоящий исторический период и возникли основные проблемы, связанные с разделением норм договорного права на императивные и диспозитивные.

3. На данный момент нет необходимости проводить ревизию норм договорного права и переформулировать их с целью указания на диспозитивную или императивную принадлежность. В условиях, когда текст нормы договорного права и буквальное

толкование не определяют такой принадлежности, действующий текст ГК не препятствует правильному и справедливому определению императивного и диспозитивного характера норм договорного права. Более того, даже если подобная ревизия будет проведена, она не сможет однозначно на будущее решить вопрос о виде норм договорного права.

4. В условиях, когда отсутствует прямая связь между текстом нормы и ее видом, решающую роль при определении императивной или диспозитивной принадлежности нормы договорного права необходимо отводить толкованию правовых предписаний.

Анализ европейских правовых систем показывает, что решающая роль толкования в подобных случаях оптимальна; это – финальный результат масштабной и длительной работы по разделению императивных и диспозитивных норм.

5. Алгоритм определения императивного или диспозитивного характера норм договорного права должен строиться следующим образом.

На первом этапе определяется сфера регулирования нормы.

Если норма связана с установлением критериев по вступлению субъектов в обязательственное правоотношение соответствующего типа, то она всегда является только императивной. Дальнейший ее анализ не требуется.

На втором этапе анализируется позиция законодателя относительно императивного или диспозитивного характера нормы с помощью системного толкования или применения иных оснований, построенных на системном толковании.

На третьем этапе происходит учет обстоятельств конкретных отношений, сложившихся на практике.

Для этого проводится оценка, не нарушает ли согласованное условие сделки прав и интересов какой-либо стороны, прав и интересов третьих лиц, публичных интересов, прав и интересов добросовестного контрагента или иных заслуживающих защиты законных интересов.

Для признания буквально диспозитивной нормы императивной – указанные нарушения должны иметь место. Для изменения буквально императивной нормы на диспозитивную – указанные нарушения должны отсутствовать.

Пиличева Анна Владимировна
Лекарственные средства как объекты патентных прав
Дата защиты – 28 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
Научный руководитель	Павлова Елена Александровна
Оппоненты	Орлова Валентина Владимировна, Алексеева Ольга Ленаровна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» Диссертационный совет Д 503.001.01 при ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
Место защиты	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Научная новизна. В данной диссертации лекарственное средство исследуется прежде всего как объект патентных прав (изобретение) на основании положений ГК РФ. При этом отличительной особенностью настоящего исследования является то, что в нем рассматривается целый ряд частноправовых вопросов, которые ранее не изучались в отечественной доктрине.

В работе учтены последние изменения, внесенные в четвертую часть ГК РФ Федеральным законом от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты

Российской Федерации»¹ (далее – 35-ФЗ), которые в значительной мере затрагивают вопросы патентования лекарственных средств.

В исследовании также уделяется внимание специальному правовому регулированию, содержащемуся в Федеральном законе от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекар-

¹ Российская газета. № 59. 14 марта 2014 года.

ственных средств»¹ (далее – ФЗ о лекарственных средствах) и в подзаконных актах. Кроме того, анализируется опыт зарубежных государств в исследуемой области общественных отношений, научная литература, законодательство и судебная практика на иностранных языках, изучаются и предлагаются пути решения проблем, возникающих на практике.

Особое внимание в работе уделяется вопросам, связанным с исчислением срока действия патента на лекарственное средство в отношении отдельных видов лекарственных средств, с точки зрения теории и практики исследуются проблемы, связанные с выдачей дополнительного патента на лекарственное средство, приводится теоретическое обоснование и даются определения понятий «обновление патента» и «положение Болар», выдвигаются предложения по внесению изменений в ФЗ о лекарственных средствах и ГК РФ.

В приложениях к диссертации приводится перевод на русский язык двух регламентов Европейского союза, касающихся выдачи свидетельств о дополнительной охране в отношении лекарственных средств: регламента Совета Европейского союза от 18 июня 1992 года № 1768/92 и регламента Совета Европейского союза от 6 мая 2009 года № 469/2009, а также перевод положений законодательства Аргентины, Бельгии, Германии, Европейского союза, Индии, Италии, Канады, США и Японии об имплементации положения Болар в национальные законодательства.

Таким образом, настоящая диссертация представляет собой комплексное исследование лекарственных средств как объектов патентных прав с учетом последних изменений, внесенных в ГК РФ в 2014 году и в ФЗ о лекарственных средствах в 2014 – 2015 годах.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. «Положение Болар» – юридический термин, который появился в 1984 году в США в связи с конкретным судебным спором между двумя фармацевтическими компаниями и впослед-

¹ Российская газета. № 78. 14 апреля 2010 года. Изменен Федеральным законом от 22 декабря 2014 года № 429-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» // Российская газета. № 296. 26 декабря 2014 года.

ствии во всем мире получил широкое распространение в судебной практике и научной литературе, – по существу, характеризует особое ограничение исключительного права обладателя патента на оригинальное лекарственное средство.

«Положение Болар» в диссертации предлагается рассматривать как механизм, направленный на регулирование отношений между производителями оригинальных и воспроизведенных лекарственных препаратов¹ и определяющий момент, начиная с которого производитель воспроизведенного лекарственного препарата может до истечения срока действия патента на оригинальный препарат инициировать определенный спектр подготовительных действий (исследовательских, регистрационных) с целью скорейшего правомерного вывода воспроизведенного препарата на рынок после истечения срока действия патента на оригинальное лекарственное средство.

2. В действующем законодательстве Российской Федерации установлен общий шестилетний запрет использования данных об исследованиях оригинального лекарственного препарата, при этом не проводится различия по срокам охраны данных исследований в зависимости от объекта изобретения. В диссертации обосновывается целесообразность установления различного срока защиты данных исследований оригинальных лекарственных препаратов в зависимости от объекта изобретения, относящегося к лекарственному средству, и вклада разработчика в его создание, исследование и последующее введение в оборот. На основе анализа законодательства зарубежных государств предлагается установить более длительный срок для защиты данных исследований в отношении орфанных препаратов² (10 лет с момента государ-

¹ В пункте 12 статьи 4 ФЗ о лекарственных средствах используется термин «воспроизведенный лекарственный препарат». В научной литературе (в том числе зарубежной) данный вид лекарственных средств носит название «дженериковые (генерические) препараты». Далее в тексте автореферата для обозначения воспроизведенных лекарственных препаратов также будет использоваться термин «дженерик».

² От англ. «orphan» – сиротский, редкий. Словосочетание «orphan drug» («orphan medicinal products») означает лекарственные или биологические средства, которые могут быть полезны при лечении редких («сиротских») болезней (англ. – «rare disease», «orphan disease»), но разработка которых не является

ственной регистрации), для оригинальных лекарственных препаратов сократить срок защиты с 6 до 5 лет с даты государственной регистрации и самый короткий срок предусмотреть в отношении оригинальных лекарственных препаратов с измененной лекарственной формой или новым применением активного вещества (4 года с даты государственной регистрации)».

3. В соответствии с пунктом 1 статьи 1350 ГК РФ лекарственные средства получают охрану в качестве изобретений, относящихся к веществам.

К числу наиболее актуальных для правоприменительной практики зарубежных государств относятся вопросы о том, охватывает ли патент на вещество также и производные формы такого вещества (соли, эфиры, изомеры, смеси изомеров), и должны ли производные формы химического вещества, являющегося лекарственным средством, обладать тем же терапевтическим эффектом, что и основное вещество? В зарубежной доктрине и судебной практике указанный комплекс вопросов получил название «проблема соли».

В диссертации обосновывается необходимость в целях защиты интересов разработчиков новых лекарственных средств при предоставлении правовой охраны конкретному химическому веществу, представляющему собой лекарственное средство, распространять охрану также на производные формы данного вещества (такие как соли, сложные эфиры, эфиры, изомеры, смеси изомеров) за исключением случаев, когда по своим свойствам они существенно отличаются от данного вещества с точки зрения безопасности и (или) эффективности, в том числе обладают самостоятельным терапевтическим эффектом.

4. Новая комбинация (композиция) известных ранее веществ может быть признана патентоспособной, если эффект от данной комбинации веществ будет настолько неожиданным и полезным, что для специалиста в данной области, обладающего обычными знаниями, он будет неочевидным. То есть ключевое значение для новой комбинации известных ранее веществ имеет соблюдение критерия изобретательского уровня. При этом в со-

ответствии с пунктом 1 статьи 1358.1 ГК РФ новое применение известной комбинации веществ может быть защищено зависимым патентом.

5. В отношении ранее зарегистрированных лекарственных препаратов, впоследствии произведенных в других лекарственных формах, в новой дозировке (при доказательстве ее клинической значимости и эффективности), с другим составом вспомогательных веществ возможно получение патента на изобретение при условии соответствия таких объектов всем условиям патентоспособности.

В то же время в целях достижения баланса общественных интересов целесообразно установить определенные пределы такой патентной защиты:

1) право на получение нового патента в отношении ранее запатентованного вещества или комбинации веществ, взятых в другой лекарственной форме и в новой дозировке, должно принадлежать только обладателю действующего патента на указанное вещество или комбинацию веществ, составляющие основу соответствующего лекарственного средства;

2) срок действия нового патента должен быть меньше предусмотренного законодательством общего срока действия патента (например, не более десяти лет).

Также следует установить, что после прекращения действия первоначального (основного) патента на вещество или комбинацию веществ никто не может претендовать на получение патента в отношении тех же самых вещества или комбинации веществ, взятых в другой лекарственной форме, в новой дозировке, с другим составом вспомогательных веществ.

6. В новой вступившей в силу с 1 января 2015 года редакции пункта 2 статьи 1363 ГК РФ предусмотрена возможность выдачи на изобретение, относящееся к лекарственному средству, дополнительного патента сроком не более чем на 5 лет, в случае получения разрешения на применение этого лекарственного средства. По своей правовой природе такой дополнительный патент аналогичен свидетельству о дополнительной охране, выдаваемому в Европейском союзе, и представляет собой документ, указывающий на продление срока предоставления защиты запатентованному продукту.

В диссертации проанализированы особенности дополнительного патента и сделаны следующие выводы об условиях его выдачи:

1) дополнительный патент на одно и то же вещество может быть выдан только один раз;

2) если структурная формула патента охватывает несколько активных веществ (или их комбинации), и в отношении них будут получены отдельные разрешения на применение в составе лекарственного средства, то в этом случае может быть выдано несколько дополнительных патентов, базирующихся на одном основном патенте;

3) если запатентованное лекарственное средство состоит из нескольких компонентов, только один из которых имеет терапевтический эффект (активное вещество), то дополнительный патент может быть выдан только на активное вещество;

4) действие дополнительного патента автоматически распространяется на производные формы активного вещества (соли, сложные эфиры, изомеры, смеси изомеров и так далее), если в фармацевтическом смысле они являются эквивалентными;

5) выдача дополнительного патента в отношении выявленного второго медицинского применения активного вещества, по общему правилу, невозможна так как использование этого вещества для лечения других заболеваний не охватывается первым выданным разрешением на применение; вместе с тем дополнительный патент может быть выдан в том случае, если на вновь выявленное второе медицинское применение вещества будет получено самостоятельное разрешение на применение.

7. В пункте 1 статьи 4 ФЗ о лекарственных средствах биологическая технология названа в качестве одного из способов получения лекарственного средства. Исходя из смысла пункта 1 статьи 1350 ГК РФ, биологическая технология, как способ получения вещества или комбинации веществ, может выступать самостоятельным объектом изобретения. При этом легальная дефиниция данного термина отсутствует.

В диссертации сравниваются многочисленные определения биологической технологии, используемые в доктрине и законодательстве зарубежных государств, и делается вывод о целесообразности включения в российское законодательство легальной

дефиниции данного термина. При этом, учитывая то, что термин «биологическая технология» фактически охватывает любой способ получения нового вещества или его комбинации с использованием биологических явлений, в целях практического применения предлагается сформулировать легальное определение данного термина максимально широко, а именно, как «способ использования биологических явлений с целью получения вещества или комбинации веществ, являющихся основой лекарственного средства, и способных к промышленному применению».

Акимова Юлия Михайловна
Принципы международного частного права
Дата защиты – 29 марта 2016 года

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Дмитриева Галина Кирилловна
Оппоненты	Хлестова Ирина Олеговна, Бенова Виктория Игоревна
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Диссертационный совет Д 212.123.04 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна исследования заключается в обосновании, характеристике и классификации системы отраслевых принципов международного частного права, что в теоретическом плане дает рассматривать международное частное право как самостоятельную отрасль права, а в практическом отношении – выстраивать правовое регулирование в соответствии с принципами международного частного права.

Положения, выносимые на защиту. Проведённое исследование позволило сформулировать и обосновать следующие положения, выносимые на защиту:

1. Классификация отраслевых принципов международного частного права представляет иерархическую систему: от универсальных, определяющих возможность, режим и пределы применения права иностранных государств, к частным, обеспечивающим решение коллизийной проблемы (принципам коллизийного регулирования). Вместе они определяют специфику международного частного права.

К первой группе принципов относятся:

— принцип равенства национального права различных государств – признание государством права других государств самостоятельно строить свои национальные системы права, а также признание национальных систем права других государств равными между собой и равными своему праву;

— принцип обязательности применения иностранного права – выражает вытекающую из отечественных коллизийных норм юридическую необходимость применения иностранного частного права при регулировании частных правоотношений, осложнённых иностранным элементом;

— принцип защиты отечественного правопорядка – устанавливает пределы применения иностранного права для защиты национальных интересов, которые не должны быть нарушены применением иностранного права.

К группе принципов коллизийного регулирования относятся:

— принцип автономии воли сторон – законодательно предусмотренная возможность выбрать применимое право сторонами правоотношения;

— принцип наиболее тесной связи – выбор применимого права с учётом всей совокупности факторов и обстоятельств рассматриваемого правоотношения;

— принцип территориальной локализации – выбор применимого права с учётом связи правоотношения с определенной территорией с помощью единственного четко обозначенного законодателем формального критерия.

2. Отраслевые принципы международного частного права

тесно связаны и взаимно дополняют друг друга, повышая эффективность правового регулирования: существование второй группы принципов обусловлено принципами первой группы, равно как и наоборот. Каждая из групп отраслевых принципов в отдельности не раскрывает всю специфику международного частного права.

Коллизионное регулирование является ядром и квинтэссенцией международного частного права. Оно невозможно без одновременного наличия двух составляющих:

— констатации необходимости применения иностранного права для регулирования трансграничных частноправовых отношений (прежде всего в силу их специфики – наличия иностранного элемента) и правил установления его содержания;

— формирования правил и границ применения иностранного права (для защиты собственной правовой системы).

3. Принцип равенства национального права различных государств создает первичные предпосылки для применения иностранного права, а принцип обязательности применения иностранного права направлен на формирование правовых оснований и механизма применения иностранного права. Вывод о равнозначности и условной взаимозаменяемости систем частного права является отправной точкой для существования международного частного права как такового – принцип равенства национального права первичен по отношению к принципу обязательности применения иностранного права.

4. Принципы МЧП – категория конкретная, стабильная, имеющая самостоятельное регулятивное значение и отражающая специфику международного частного права. Нормообразующие факторы нельзя отнести к отраслевым принципам международного частного права: они не стабильны и не всегда отражают специфику международного частного права, в частности специфику коллизионного регулирования; не имеют самостоятельного регулятивного значения для трансграничных частноправовых отношений; часто содержат абстрактные, расплывчатые и даже субъективные понятия; дать их исчерпывающий перечень невозможно, поскольку они являются более динамичной категорией и часто меняются (дополняются) по мере развития общественных отношений.

5. Коллизионное регулирование построено на трех принципах – автономии воли, наиболее тесной связи и территориальной локализации; все они направлены на локализацию отношений в пространстве. Выделены два критерия их разделения: 1) на ком лежит бремя выбора применимого права: по принципу автономии воли, бремя выбора – на сторонах; по принципу наиболее тесной связи, бремя выбора – на правоприменителе (судье); по принципу территориальной локализации – на законодателе; 2) какое качество регулирования они выражают: принцип территориальной локализации – «жесткое» регулирование; принципы автономии воли сторон и наиболее тесной связи – «гибкое» регулирование.

Не существует приоритета в подходе к коллизионному регулированию: это различные, но равно эффективные механизмы выбора права, которые обеспечивают баланс между гибкостью и жёсткостью. Сегодня этот баланс не зависит исключительно от законодателя: для обеспечения международной гармонии судебных решений чрезвычайно важна роль правоприменителя и сторон частнопроводного отношения, что позволяет сделать вывод о «смещении центра тяжести» при регулировании частнопроводных отношений, осложнённых иностранным элементом, от законодателя в пользу правоприменителя и сторон.

6. Следует различать термины «коллизионная привязка», «коллизионный принцип», и «принцип коллизионного регулирования». Коллизионная привязка – это структурный элемент коллизионной нормы, наряду с объемом; в основе каждой коллизионной привязки лежит коллизионный принцип; в основе каждого коллизионного принципа – один из трех принципов коллизионного регулирования.

7. Несмотря на связь принципов автономии воли в международном частном праве и свободы договора в гражданском праве, автономия воли не является ни трансформацией, ни воплощением гражданско-правового принципа свободы договора; это – специфическая категория международного частного права. Первое отличие – правовая природа: принцип автономии воли – коллизионно-правовая категория, а принцип свободы договора – материально-правовая. Второе отличие – сфера применения: принцип автономии воли применяется исключительно к трансграничным гражданско-правовым отношениям, он не действует во

внутреннем гражданском праве; принцип свободы договора действует во всех частноправовых отношениях (в том числе осложнённых иностранным элементом). Третье отличие – особенность содержания: принцип автономии воли означает, что сторонам частноправового отношения предоставляется право выбрать правопорядок, на основе которого будет урегулированы их частноправовые отношения. Автономия воли – это «закон, избранный сторонами», принцип свободы договора – это право сторон заключать договоры и формулировать их условия, вступать или не вступать в любые частноправовые отношения.

8. Принцип территориальной локализации – это географическая связь между элементами правоотношения, осложненного иностранным элементом, и применимым для регулирования названного правоотношения правопорядком. Существуют три основных вида территориальной локализации: локализация субъектов, локализация действий субъектов, локализация имущества. Принцип территориальной локализации не является частью принципа наиболее тесной связи, так как:

- первый – является выражением «жесткого» регулирования, второй отражает «гибкое» регулирование;
- первый – учитывает единственный, четко обозначенный законодателем формальный критерий (например, место заключения брака, место проведения судебного разбирательства), второй – учитывает всю совокупность фактических обстоятельств дела, то есть не один, а множество критериев, которые заранее не определены законодателем.

Роль принципа наиболее тесной связи не сводится к гибкой формуле прикрепления: он проявляет себя как основополагающее начало регулирования трансграничных частноправовых отношений, сфера его применения законодателем не ограничена.

Файзрахманов Карим Рафисович

Признание вещного права отсутствующим как правовое средство

Дата защиты – 31 марта 2016 г.

Место выполнения работ	ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Научный руководитель	Хамидуллина Фарида Ильдаровна
Оппоненты	Емелькина Ирина Александровна, Филиппова Софья Юрьевна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» Диссертационный совет Д 212.081.26 при
Место защиты	ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научная новизна диссертационного исследования связана с тем, что впервые в науке гражданского права разработано комплексное представление о признании вещного права отсутствующим как правовом средстве организации деятельности по защите нарушенного вещного права. Выявлены цели, объект, основания и условия правовой защиты, что должно положительным образом влиять на правоприменительную практику, позволяя субъектам существенно снизить риск отказа в судебной защите по мотиву выбора ненадлежащего способа защиты. Предложен и обоснован оригинальный подход в определении правовой природы признания вещного права отсутствующим и его места в системе способов защиты гражданских прав.

Результатом диссертационного исследования являются следующие **основные положения и выводы, выносимые на защиту**:

1. Защита гражданских прав может быть представлена как целенаправленная система действий (деятельность), основанная на началах диспозитивности, требующая организации в целях выбора надлежащего средства защиты и достижения эффекта восстановления нарушенного права.

2. Система правовой деятельности состоит из элементов субъективных – правосознания, антагонизма правовых целей, воли, – и объективных – правовых средств, правовой ситуации. Данная система испытывает на себе воздействие сил сотрудничества и разрушения (конфликта), способных сменить состояние

стабильности открытым конфликтом, который характеризуется субъектнообъектной связью, основаниями и условиями.

3. Технология организации правозащитной деятельности состоит из следующих стадий: 1) идентификация элементов правового конфликта; 2) формирование правовой цели; 3) избрание надлежащего средства защиты исходя из требования о совпадении избранных субъектом правовых средств системе предусмотренных законом способов защиты нарушенных прав.

4. Конструкция правовой цели иска о признании вещного права отсутствующим двойственна: в одних случаях это устранение правовой неопределенности в принадлежности титула, в других – устранение неопределенности в свойствах объекта имущественных прав.

Таким образом, признание вещного права отсутствующим – это охранительное (юрисдикционное) вещно-правовое средство защиты, направленное на устранение правовой неопределенности в принадлежности титула или свойств объекта имущественных прав, предъявляемое в отношении всякого третьего лица, нарушающего субъективное вещное право.

5. Основанием правового конфликта, разрешаемого посредством признания вещного права отсутствующим, является нарушение абсолютной правовой связи, выраженное в юридическом присвоении зарегистрированного вещного права или в его обременении несуществующими, а равно несоответствующими заявленным качествам вещными правами.

6. Объектом отрицательного признания всегда выступает право собственности или ограниченное вещное право. Гражданско-правовые обременения не обладают качествами субъективных прав, представляя собой лишь отражение того либо иного вещного права, в связи с чем, не могут выступать самостоятельным объектом негативного признания. В данной связи, целесообразно уточнить используемое в судебной практике понятие «признание права или обременения отсутствующим» указанием на «признание вещного права отсутствующим», что позволит избежать расширительного толкования в отношении объекта отрицательного признания;

7. Основания правовых конфликтов, разрешаемых посредством признания вещного права отсутствующим, носят исчерпы-

вающий характер. В силу противоречия конституционному принципу неприкосновенности собственности в качестве ненадлежащего средства защиты следует квалифицировать признание отсутствующим прав на уничтоженный или разрушенный объект имущественных прав. Не применим рассматриваемый иск в спорах публично-правовых образований по поводу земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена. Органы местного самоуправления не обладают вещными правами на данные земельные участки, правомочие по их распоряжению по своей природе схоже с административным полномочием, временной функцией органа местного самоуправления, обусловленной рачительным отношением к государственной собственности. Соответственно и споры о полномочиях должны разрешаться не гражданско-правовыми средствами, а средствами публичных отраслей права.

8. К числу условий правового конфликта, разрешаемого посредством признания вещного права отсутствующим следует отнести:

(1) Специальный (исключительный) порядок предъявления иска о признании вещного права отсутствующим, предполагающий его применимость лишь в том случае, если эффект восстановления нарушенного права невозможно достичь иными правовыми средствами;

(2) Правовой эффект должен соответствовать цели субъекта (устранение правовой неопределенности в принадлежности титула или свойств объекта имущественных прав), обеспечивая восстановление нарушенного права и выражая связь субъективного и объективного;

(3) Должен быть заявлен субъектом, обладающим зарегистрированным титулом на спорную недвижимую вещь и не утратившим ее владения;

(4) Констатация отсутствия вещного права мыслима лишь в отношении индивидуально-определенного имущества, сохранившегося в натуре;

(5) На требования о признании отсутствия вещного права не распространяется исковая давность;

(6) Наличие спора о праве, в котором истцу надлежит доказать юридический факт возникновения у него прав на спорное

имущество и порок фактов, лежащих в основании прав ответчика, либо юридический факт прекращения оспариваемого права, либо его несоответствие требуемым законом критериям.

9. Признание вещного права отсутствующим входит в систему вещноправовых средств защиты гражданских прав. При этом критически следует оценивать преобладающий в науке и судебной практике подход квалификации исследуемого средства в качестве негаторного, а равно предложение считать его полноценным самостоятельным способом защиты.

10. Признание вещного права отсутствующим как правовое средство является разновидностью закрепленного в ст.12 ГК РФ универсального способа защиты – признания права.

11. Разрешение спора о признании вещного права отсутствующим возможно исключительно в исковом порядке. Правоподтверждающая природа государственной регистрации предопределяет невозможность оспаривания вещного права в порядке рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений.

Трубина Марина Владиславовна
Гражданско-правовое регулирование акционерных соглашений в России и странах континентальной Европы
Дата защиты – 6 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
Научный руководитель	Протопопова Ольга Владимировна
Оппоненты	Зенин Иван Александрович, Савина Виктория Сергеевна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.203.36 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нём проведено комплексное исследование акционерных соглашений как эффективной юридической конструкции, обеспечивающей оптимальную модель разграничения прав, обязанностей и ответственности акционеров. На основе анализа большого количества оригинальных иностранных законодательных актов, судебных решений и научной литературы сделаны обоснованные выводы об особенностях регулирования акционерных соглашений в различных странах.

В результате проведённого анализа международного опыта в части признания, легитимации и практики заключения акционерных соглашений сформулировано авторское определение понятия «акционерное соглашение»; выявлены доктринальные и практические особенности институционализации акционерных соглашений в различных правовых системах; обоснована необходимость легитимации целей акционерных соглашений, законодательной регламентации сроков акционерных соглашений.

Кроме того, определены особенности и оптимальные параметры структуры и содержания акционерных соглашений; обоснованы традиционные и специальные критерии установления пределов допустимого содержания акционерных соглашений; на основе анализа российской и зарубежной практики использования обеспечительных мер в акционерных соглашениях, а также реализации гражданско-правовой ответственности за нарушение акционерных соглашений, сформулированы предложения по использованию наиболее эффективных и оптимальных механизмов защиты прав и законных интересов их участников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ законодательства стран континентальной Европы позволил выявить отсутствие универсальных или единообразных механизмов правового регулирования акционерных соглашений, признаваемых доктриной и практикой всех западноевропейских стран. Данное положение основано на утверждении, что акционерные соглашения в специальном правовом регулировании не нуждаются, а для определения допустимости, правомерности, содержания и формы акционерных соглашений могут быть использованы общие нормы и принципы гражданского и акционерного

законодательства.

2. Установлено, что сущность акционерных соглашений проявляется единообразно в законодательном регулировании, доктринальном и судебном-практическом толковании данного вида соглашений стран континентальной Европы и России и состоит в том, что они являются сформировавшейся юридической конструкцией, которая содержит оптимальную модель распределения на основе гражданско-правового договора прав и обязанностей акционеров.

3. На основе анализа законодательных и доктринальных источников Германии, Швейцарии, Франции, Италии и России были выделены и обобщены основные характеристики акционерного соглашения, которые позволили сформулировать его понятие, в соответствии с которым «Акционерным соглашением признается гражданско-правовой договор по поводу осуществления принадлежащих акционерам прав, предусматривающий способы и особенности совместного осуществления согласованного поведения либо предусматривающий способы и особенности обеспечения прав акционера (-ов) в случаях, если соответствующие способы и особенности осуществления прав акционеров не урегулированы исчерпывающим образом законодательством или уставом акционерного общества».

4. Системный анализ норм гражданского законодательства позволил определить акционерное соглашение как разновидность договора о совместной деятельности. Выявленные специфические признаки, присущие акционерному соглашению, к числу которых относятся: отсутствие имущественных отношений, связанных с внесением вкладов, специфика субъектного состава и целей, которых желают достичь его стороны, позволяют отграничивать акционерное соглашение от иных разновидностей договора о совместной деятельности, в частности, от договора простого товарищества.

5. Обоснована необходимость и важность легитимации целей акционерного соглашения. Указание на цели акционерного соглашения в нормативной форме позволит отграничить акционерное соглашение от иных схожих договоров, а также обеспечит недопущение злоупотреблений при осуществлении акционерами своих прав. В этой связи предлагается внести изменения в ст. 32.1

ФЗ РФ «Об акционерных обществах» в части указания на цели акционерных соглашений.

6. Определены границы, в пределах которых формируется содержание акционерных соглашений в России. К ним относятся: 1) недопустимость злоупотребления правом; 2) императивные нормы гражданского и акционерного законодательства (а именно, такие нормы, которые содержат прямой запрет на включение сторонами соглашения условий, отличающихся от установленных законодательством, а также содержат признаки императивности, предусмотренные Постановлением Пленума ВАС от 14.03.2014 г. «О свободе договора и ее пределах»); 3) обязательные положения устава акционерного общества (то есть такие положения, которые в соответствии с законодательством могут содержаться только в уставе акционерного общества и не могут быть изменены каким-либо соглашением участников).

7. Выявлено, что акционерное соглашение как гражданско-правовой договор воплощает в себе определённую модель обязательств его участников, содержащую указание на акции (материальный объект), а также способы и особенности осуществления акционерами своих прав на акции или вытекающих из владения акциями, т.е. конкретные действия (бездействие, включая ограничение действий), которые стороны обязуются совершить либо воздержаться от их совершения (юридический объект). Доказано, что в качестве материального объекта предмета акционерного соглашения следует рассматривать именно акции, а не обусловленные ими права как имущественного, так и неимущественного характера.

Анализ различных подходов к определению видов обязательств, которые могут быть юридическим объектом предмета акционерного соглашения, позволил сделать вывод о том, что таковыми являются только те обязательства, которые не урегулированы исчерпывающим образом гражданским законодательством или уставом акционерного общества.

8. Установлено, что российское законодательство позволяет заключать акционерные соглашения как на срок, так и без указания срока. Обоснована необходимость законодательно закрепить право акционера в одностороннем порядке выйти из акционерного соглашения, если соглашением не предусмотрен срок его дей-

ствия, что будет являться гарантией недопущения злоупотреблений со стороны недобросовестных участников соглашения и обеспечит временный характер обременения прав акционеров – участников акционерного соглашения.

Мазо Мария Александровна
Конфликт интересов в акционерном обществе (гражданско-правовой аспект)

Дата защиты – 8 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет»
Научный руководитель	Бублик Владимир Александрович
Оппоненты	Егорова Мария Александровна, Забоев Константин Игоревич
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.282.01 при ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет»

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что оно представляет собой первое в науке российского гражданского и предпринимательского права комплексное исследование конфликта интересов в акционерном обществе. На основе существующих научных разработок диссертантом обосновано собственное видение конфликта интересов, дано определение этого понятия, осуществлено его отграничение от иных явлений правовой действительности, исследованы гражданско-правовые конструкции регулирования отношений, связанных с конфликтом интересов в акционерном обществе. В работе сформулированы основные проблемные аспекты законодательства в обозначенной сфере, а также предложены основные направления его совершенствования.

Проведенное диссертационное исследование позволило автору сформулировать и вынести на защиту следующие **положения, являющиеся новыми или обладающие элементами новизны.**

1. На основе проведенного анализа содержания понятия «интерес акционерного общества» сформулировано его определение. Под таким интересом предлагается понимать самостоятельные, социально обусловленные, носящие частный характер потребности акционерного общества, сформировавшиеся на основе общих интересов его учредителей/акционеров, детерминированные основной целью деятельности общества и реализуемые опосредованно, т. е. специально созданными органами управления общества.

2. Аргументируется, что возникновение конфликта интересов в акционерном обществе связано с особенностями реализации самостоятельного интереса акционерного общества. Так как конфликт интересов может возникнуть в любом случае при опосредованной реализации интереса (т. е. при совершении действий в интересах другого лица), а интерес акционерного общества носит производный характер и, соответственно, может быть реализован исключительно опосредованно, функционированию акционерного общества возможность возникновения конфликта интересов присуща имманентно.

3. Поскольку в гражданско-правовой науке отсутствует единое понимание термина «конфликт интересов» по отношению к акционерному обществу и легального определения данного понятия не имеется, автор предлагает собственное уточненное применительно к акционерному обществу определение понятия «конфликт интересов в акционерном обществе». Конфликт интересов в акционерном обществе представляет собой юридический факт (относительное событие), содержанием которого является столкновение (противоречие) интереса акционерного общества с личным интересом лица, реализующего интерес акционерного общества (управляющий, акционер и др. – субъект конфликта интересов), исключающее одновременную реализацию обоих интересов в полной мере (без ущерба для одного из них).

4. В результате анализа юридических конструкций, регулирующих отношения, связанные с конфликтом интересов в акционерном обществе, сделан вывод о том, что правовое регулирова-

ние указанных отношений выходит за пределы предмета одной отрасли (гражданского права). Отношения, связанные с конфликтом интересов в акционерном обществе, регулируются также нормами уголовного, административного и трудового права. В зависимости от отраслевой принадлежности выделяются соответствующие виды юридических конструкций, направленных на регулирование отношений, связанных с конфликтом интересов в акционерном обществе. При этом юридические конструкции различных отраслей права функционируют автономно и регулируют соответствующие отношения независимо друг от друга.

5. Предложены новые научные классификации гражданско-правовых конструкций, направленных на регулирование отношений, связанных с конфликтом интересов в акционерном обществе. С точки зрения функционального назначения выделены регулятивные и охранительные гражданско-правовые конструкции. В зависимости от возможности распространения конструкций на всех/отдельных субъектов конфликта интересов выделяются универсальные и специальные гражданско-правовые конструкции. Указанные классификации позволяют систематизировать существующие гражданско-правовые конструкции регулирования отношений, связанных с конфликтом интересов в акционерном обществе, установить взаимосвязи между ними, определить специфические свойства конкретной конструкции.

6. Сформулированы основные принципы, на которых должны базироваться гражданско-правовые конструкции регулирования отношений, связанных с конфликтом интересов в акционерном обществе:

- направленность на обеспечение реализации и защиты общекорпоративного интереса акционерного общества (а не интересов совокупности или отдельно взятых акционеров);

В частности, реализация данного принципа предполагает, что действующие нормативные конструкции охранительного характера должны предусматривать право акционера на оспаривание юридически значимых действий общества/взыскание убытков, даже если на момент их причинения он (акционер) таковым не являлся, в связи с чем требуется внесение соответствующих изменений в Закон об акционерных обществах (ст. 84).

- преобладание в регулировании не характерного для

гражданско-правового метода императивного начала, ограниченные диспозитивности.

Настоящий принцип обуславливает недопустимость включения в устав акционерного общества положения о неприменении положений Закона об акционерных обществах о сделках, в которых имеется заинтересованность. Возможность включения в уставы акционерных обществ подобного положения предусматривается в рамках либерализационной реформы корпоративного законодательства некоторыми проектами Закона об акционерных обществах¹.

7. Обоснована необходимость изменения существующего подхода к регулированию отношений, связанных с конфликтом интересов в акционерном обществе. Конфликту интересов необходимо придать значение самостоятельного юридического факта, возможность возникновения которого в акционерном обществе не ограничивается институтом сделок и, более того, выходит за рамки гражданско-правовых отношений (например, возникновение конфликта интересов возможно при заключении трудовых договоров). Соответственно отличные от сделок юридически значимые действия при наличии конфликта интересов должны также совершаться в особом порядке, аналогичном предусмотренному для сделок с заинтересованностью, в той части, в которой это не противоречит существу регулируемых отношений.

8. Обосновано, что перечень субъектов конфликта интересов не должен ограничиваться органами управления акционерного общества: если в обществе появляются иные лица, которые имеют легитимированную возможность реализовать/влиять на реализацию интереса акционерного общества, то они также должны считаться субъектами конфликта интересов и на таких лиц должны распространять свое действие соответствующие нормативные конструкции. В частности, предлагается расширить

¹ См., например: проект федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части приведения их в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации) (подп. 12 п. 4 (3) ст. 49) // URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/36145.html>. Дата обращения: 01.09.2014.

перечень субъектов конфликта интересов за счет лиц, заключивших договор с участниками хозяйственного общества, по которому последние в интересах указанного лица обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления. Указанные лица должны считаться заинтересованными в смысле ст. 81 Закона об акционерных обществах, также в отношении них должны быть установлены фидуциарные обязанности действовать добросовестно в интересах акционерного общества.

Еремин Александр Александрович
Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения
Дата защиты – 22 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет»
Научный руководитель	Левушкин Анатолий Николаевич
Оппоненты	Кулаков Владимир Викторович, Арсланов Камиль Маратович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный Университет им. Н. П. Огарева» Диссертационный совет Д-212.239.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна диссертационного исследования состоит в формировании комплексного научного представления о франчайзинге и договоре коммерческой концессии, теории и практики применения данных договорных конструкций.

Разработанное автором представление о франчайзинге, договорах франчайзинга и коммерческой концессии является вкладом в развитие теории гражданского и предпринимательского права.

Анализ развития франчайзинговых отношений и отношений коммерческой концессии в зарубежном и российском законодательствах при всем многообразии их реализации и различиях в доктринальном толковании позволяет сделать вывод о сложной правовой природе и достаточно противоречивой правоприменительной практике. Данные обстоятельства диктуют необходимость совершенствования законодательства, посредством изменения национального и международного правового регулирования франчайзинговых отношений.

Разработаны и теоретически обоснованы предложения, направленные на реформирование правового регулирования особенностей заключения и исполнения договора коммерческой концессии, проблемы правоприменительной деятельности по данному вопросу.

Дана авторская оценка экономико-правового назначения франчайзинга и договора коммерческой концессии.

Определены такие категории, как «франчайзинг» «договор «франчайзинга» «договор коммерческой концессии», «предмет и объект договора коммерческой концессии» «стороны договора» и другие.

Выявлено, что институт франчайзинга не имеет законодательного регулирования не только в России, но и во многих странах мира, что означает необходимость юридического осмысления данного вида правоотношений. И, тем не менее, отсутствие регулирования данного договора не препятствует заключению его на территории Российской Федерации, что следует из п. 2 ст. 421 ГК РФ, согласно которому стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами.

Доказано, что в российском законодательстве предполагается регулирование наряду с отношениями франчайзинга и собственно отношений коммерческой концессии в узком значении этого термина.

Аргументировано, что содержание главы 54 ГК РФ соответствует современным представлениям о франчайзинге различных видов (торговораспределительный, сервисный, производственный), а ее название ограничивает возможности более широкого использования данной главы.

Предложены изменения в главу 54 ГК РФ, касающиеся названия и содержания данной главы, которые направлены на устранение отдельных императивных условий и установление сбалансированного регулирования франчайзинговых механизмов и договора коммерческой концессии в России.

Сделан вывод о том, что необходимо реформирование действующего законодательства в рамках ГК РФ, принятие отдельного федерального закона, регулирующего франчайзинговые отношения, не целесообразно.

Аргументируется вывод, что приравнивать термины «информация, составляющая коммерческую тайну» и «секрет производства (ноу-хау)» в корне неправильно, это приведет к искажению сути возникающих на их основе правоотношений.

Доказано, что предметом рассматриваемого договора является не исключительное право, как отдельный объект, а комплекс прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним объекты.

Данное исследование носит системный и комплексный характер. На основе изучения исторического развития права и современных экономических исследований и правоприменительной практики, а также трудов ученых – цивилистов и специалистов в области предпринимательского и коммерческого права разработана и обоснована система теоретических положений о франчайзинге и договоре коммерческой концессии, выработаны рекомендации по совершенствованию законодательства и практики применения данных договорных конструкций.

Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие основные положения и выводы, выносимые на защиту:

- Установлено, что франчайзинг выступает одним из наиболее эффективных способом развития бизнеса и инвестиционных проектов в Российской Федерации, поскольку позволяет крупному, среднему и малому предпринимательству, в кризисный период экономического развития в нашей стране, достаточно быстро и с максимальной прибылью развить технологии с целью продвижения товаров, работ и услуг на рынке.

Правовой анализ сущности франчайзинговых обязательств позволяет сформулировать следующее авторское определение. Франчайзинг – это правоотношение, система тесно взаимосвязанных правовых и экономических связей, форма (способ) организации и осуществления предпринимательской деятельности, представляющая собой урегулированную нормами права целостную систему отношений, реализуемых с помощью комплекса взаимосвязанных правовых средств для достижения конкретного экономического результата, основанных на договоре франчайзинга и иных сопутствующих договорных отношениях между лицом, предоставляющим комплекс исключительных и иных прав (франчайзером), и лицом, приобретающим данные права (франчайзи) в различных сферах предпринимательской деятельности (производственной, торговой, посреднической и др.).

- Доказано, что франчайзинг по своей юридической природе многоплановое и многозначное явление, которое не может рассматриваться в узком значении. Франчайзинг в широком смысле следует трактовать как:

- правоотношение;
- правовой институт;
- систему экономических и правовых связей;
- соглашение (договор);
- юридическую конструкцию;
- форма (способ) организации и осуществления предпринимательской деятельности;
- комплекс взаимосвязанных правовых средств;
- технологию ведения бизнеса, бизнес-модель (проект);
- механизм инвестирования.

Выявлено, что такое указание в одном ряду, на первый взгляд, несовместимых понятий, вполне обоснованно, что подчеркивает многоплановый, комплексный характер франчайзинга.

- Аргументирована необходимость законодательного закрепления понятия договора франчайзинга. На основе сформулированного определения франчайзинга, можно предложить следующую авторскую дефиницию договора франчайзинга, которую целесообразно включить в ГК РФ – это

комплексное соглашение, по которому одна сторона (франчайзер) предоставляет другой стороне (франчайзи) комплекс исключительных и (или) консультационных, обучающих и контрольных услуг и иных прав с соблюдением условий бизнес-технологий и иных факторов производства, (оказания услуг), установленных франчайзером в различных сферах предпринимательской деятельности (производственной, торговой, посреднической и других) на определенный срок, а другая сторона (франчайзи) имеет право и обязуется использовать данный комплекс исключительных прав и выплачивать вознаграждение (роялти).

- Проведенный анализ франчайзинга и коммерческой концессии позволяет сделать вывод о многоплановости и различной интерпретации единой правовой и экономической модели (конструкции) – франчайзинга, а применительно к Российской Федерации – коммерческой концессии.

Вместе с тем, отсутствие на законодательном уровне правового регулирования договора франчайзинга, и закрепление на уровне ГК РФ договора коммерческой концессии позволяет сделать вывод об однотипности рассматриваемых договоров. Однако доказано, что, исходя из сущности данных договоров, их нельзя рассматривать как синонимы. Франчайзинг предполагает более высокий уровень взаимодействия между обладателем прав и предпринимателем, получающим право на использование исключительных прав, в том числе императивно установленную поддержку.

Полагаем, что исходя из нормативно-правового регулирования франчайзинга в Российской Федерации на уровне ГК РФ, в узком значении его следует рассматривать как коммерческую концессию, урегулированную главой 54 ГК РФ.

- Установлено, что содержание главы 54 ГК РФ не в полной мере соответствует современным представлениям о франчайзинге различных видов, а ее название ограничивает возможности более широкого использования данной главы. В гл. 54 ГК РФ имеет место «подмена понятий». Договорные отношения, урегулированные главой 54 ГК РФ, именуется франчайзингом.

Доказана необходимость изменения названия главы 54 ГК РФ «Коммерческая концессия» на «Франчайзинг и коммерческая концессия», Наиболее логичным способом будет внесение изменений, подразумевающих законодательное применение терминов «коммерческая концессия» и «франчайзинг», «правообладатель» и «франчайзер», «пользователь» и «франчайзи». Предлагаемый вариант изменений учитывает и международную практику применения терминологии к франчайзинговым отношениям, и сложившуюся практику применения определенной терминологии в РФ.

- Вопрос о специальном регулировании франчайзинга является весьма дискуссионным. Полагаем, что подход к регулированию франчайзинговых отношений на уровне ГК РФ в большей степени отвечает сбалансированности и эффективности правового регулирования франчайзинга в нашей стране. Аргументируется необходимость реформирования действующего законодательства в рамках ГК РФ, принятие отдельного федерального закона видится не целесообразным и лишь усложнит нормативно-правовое регулирование анализируемых отношений.

- Аргументировано, что в качестве предмета по договору коммерческой концессии выступают целенаправленные действия правообладателя, связанные с предоставлением пользователю комплекса исключительных прав и действия пользователя по использованию переданных прав и по уплате вознаграждения, совершение иных, связанных с заключением и исполнением договора, действий, а также общественные отношения, складывающиеся между сторонами из заключенного договора.

Объектами гражданских прав, которыми по этому договору пользователь приобретает возможность использовать, выступает два вида объектов: 1) объекты интеллектуальной собственности: товарный знак, знак обслуживания, секрет производства (ноу-хау) и др.); 2) особые нематериальные блага: деловая репутация и коммерческий опыт правообладателя.

Доказано, что в категорию «объект договора коммерческой концессии» включается: конкретный объект (из числа тех, которые указаны в ГК РФ) и права на этот объект, регулируемые договором. Причем, объектом рассматриваемого договора

является не исключительное право, как отдельный объект, а комплекс прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним объекты.

- Выявлено, что приравнивать термины «информация, составляющая коммерческую тайну» и «секрет производства (ноу-хау)», исходя из их содержания, неверно, что приведет к искажению сущности возникающих на их основе правоотношений. Считаем, что законодатель поступил абсолютно верно, исключив тождественность этих понятий. На наш взгляд, имеется существенное различие этих двух терминов. Законодатель, поместив понятие «секрет производства» в ч. 4 ГК РФ, а так же прямо указав на это в законе определил, что секрет производства (ноу-хау) всегда является продуктом интеллектуальной деятельности. Однако, очевидно, что не вся информация, составляющая коммерческую тайну, является таковой. Эти термины можно соотнести как целое и часть. Так как информация, составляющая коммерческую тайну, может включать в себя иные сведения, не относящиеся к секрету производства. Секрет производства (ноу-хау) выступает частным случаем информации, составляющей коммерческую тайну.

- В системе франчайзинга контроль качества товаров, производимых франчайзи, является правом франчайзера, но не его обязанностью, как это представлено в ст. 1031 ГК РФ. Установление анализируемой обязанности правообладателя считаем полностью оправданным, т.к. это способствует дополнительной защите прав и интересов потребителей товаров, работ и услуг. Считаем необходимым установить обязанность осуществлять контроль качества товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) пользователем на основании договора коммерческой концессии, не как дополнительную, а как основную обязанность правообладателя. Установление такого рода обязанности более логичным видится в п. 1. ст. 1031 ГК РФ.

- Установлено, что в международном праве отсутствует единое понятие договора франчайзинга и унифицированных правил, регулирующих его. Доказывается необходимость создания унифицированных правил, регулирующих договор международного франчайзинга. В рамках этих правил следует

внести единое понятие франчайзинга, сторон договора, объекта франчайзинга, перечень документов, который бы регулировал все этапы создания франчайзинговой системы. Договор международного франчайзинга – это комплексное соглашение, по которому одна сторона (франчайзер) предоставляет другой стороне (франчайзи), имеющему основное место деятельности в иностранном государстве, за вознаграждение на срок или без указания срока право осуществлять предпринимательскую деятельность (франчайзинг) в рамках франчайзинговой сети (системы) в международном торговом обороте с целью предоставления определенного продукта в интересах и от имени франчайзи, а франчайзи имеет право и обязан использовать комплекс исключительных и иных прав и услуг, установленных франчайзером в различных сферах предпринимательской деятельности.

- Обоснован вывод о том, что права и обязанности сторон договоров франчайзинга и коммерческой концессии имеют реализацию как в частноправовых, так и в публично-правовых отношениях. Можно сделать вывод о комплексности и межотраслевом характере правового регулирования данных отношений. Аргументируется, что договоры франчайзинга и коммерческой концессии обладают сложной правовой природой, усматриваются межотраслевые связи при возникновении правоотношений из договора коммерческой концессии. Вместе с тем, правовой институт коммерческой концессии, является институтом гражданского права, включаемым в обязательственное право.

В целях совершенствования правового регулирования франчайзинга и договора коммерческой концессии, автором доказана целесообразность внесения ряда изменений в действующее законодательство:

- закрепить в ГК РФ положение о том, что является предметом гражданско-правового договора вообще и договора коммерческой концессии, в частности. К сожалению, в ГК РФ отсутствует легальное определение предмета гражданско-правового договора, что, в свою очередь, порождает разнообразие научных и практических предложений. Такая законодательная неопределенность приводит к тому, что

договорная и судебная практика сталкиваются с определенными сложностями в формулировании предмета договора. Исходя из этого, считаем необходимым изменить п. 1 ст. 432 ГК РФ ввести ч. 3, изложив ее в следующей редакции: «В качестве предмета договора выступают действия сторон и общественные отношения, складывающиеся между сторонами из заключенного договора»;

- предусмотреть диспозитивную норму, позволяющую сторонам выбирать, регистрировать переход исключительных прав по договору коммерческой концессии или нет. Т.е. п. 2. ст. 1028 изложить в следующей редакции: «Предоставление права использования в предпринимательской деятельности пользователя комплекса принадлежащих правообладателю исключительных прав по договору коммерческой концессии по соглашению сторон подлежит государственной регистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности. При отказе сторон от государственной регистрации предоставление права использования комплекса исключительных прав, договор считается состоявшимся»;

- с целью защиты коммерческой тайны правообладателя, необходимо внести изменения, касающиеся срока действия договора коммерческой концессии, а именно, установить минимальный срок договора, например, равный трем годам.

Включить в ГК РФ ст. 1030.1. «Срок договора франчайзинга и коммерческой концессии», изложив ее в следующей редакции:

«1. Договор франчайзинга и коммерческой концессии заключаются на срок, не менее трех лет. Для отдельных видов договоров франчайзинга и коммерческой концессии законом могут быть установлены иные минимальные сроки, на которые может быть заключен договор.

- После окончания срока договора франчайзинга и коммерческой концессии правообладатель вправе изменить любые условия, но пользователь, в случае надлежащего исполнения своих обязанностей, имеет преимущественное право на заключение договора на изменившихся условиях на новый срок перед другими потенциальными пользователями.

- При отсутствии заявления одной из сторон о прекращении договора по окончании срока его действия он

считается продленным на тот же срок и на тех же условиях, какие были предусмотрены договором».

Таким образом, срок договора должен рассматриваться как существенное условие договора; ст. 1034 ГК РФ «Ответственность правообладателя по требованиям, предъявляемым к пользователю» изложить в следующей редакции: «Правообладатель несет субсидиарную ответственность по предъявляемым к пользователю требованиям о несоответствии качества товаров (работ, услуг), продаваемых (выполняемых, оказываемых) пользователем по договору коммерческой концессии, в случаях, предусмотренных самим договором.

По требованиям, предъявляемым к пользователю как изготовителю продукции (товаров) правообладателя, правообладатель отвечает солидарно с пользователем»;

- установить положение о невозможности включения в коммерческую тайну самого перечня сведений, отнесенных к коммерческой тайне, путем внесения в ст. 5 ФЗ «О коммерческой тайне» пункта 2, который необходимо представить в следующей редакции «В отношении перечня информации, составляющей коммерческую тайну, указанном в подпункте 1 пункта 1 статьи 10 настоящего Федерального Закона не может быть установлена коммерческая тайна».

Кодирзода Тохир Камар

Проблемы злоупотребления субъективными гражданскими правами

Дата защиты – 19 апреля 2016 г.

Место

выполнения работы Таджикский национальный университет

Научный

руководитель Тагайназаров Шариф Тагайназарович

Оппоненты

Вилкова Нина Григорьевна,
Бадалов Шараф Каримович

Ведущая организация	Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан
Место защиты	Диссертационный совет ДМ737.004.08 на базе Таджикского национального университета, Института философии, политологии и права имени А.М. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан, Межгосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российско-Таджикский (славянский) университет»

Научная новизна исследования состоит в том, что оно является первым в юридической науке РТ самостоятельным комплексным теоретическим исследованием, посвященным проблемам злоупотребления субъективными гражданскими правами. В целях решения поставленных задач обосновывается понятие субъективных прав в двух значениях – в состоянии статики и динамики; раскрывается понятие злоупотребления субъективными гражданскими правами в широком и узком понимании; упорядочены различные концепции относительно сущности института злоупотребление субъективными гражданскими правами.

В ходе проведенного исследования выявлены отдельные недостатки отечественного законодательства по проблемам злоупотребления субъективными гражданскими правами. В процессе исследования разработаны и теоретически обоснованы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности.

Основные положения, выносимые на защиту:

В целях преодоления трудностей в понимании субъективного гражданского права применительно ко всем институтам, в частности к злоупотреблению субъективными гражданскими правами, предлагается использовать его определение в двух значениях – в состоянии статики и в состоянии динамики. В состоянии статики это признаваемое притязание на какое-либо благо или на форму поведения. Субъективное право в динамике -это его общераспространенное понимание как меры возможного (дозволенного) поведения.

Выявлены отличия таких пограничных институтов, как ограничение субъективного гражданского права, пределы осуществления субъективными гражданскими правами и соотношение их с институтом злоупотребления субъективными гражданскими правами. При этом ограничение субъективного гражданского права представляет собой ограничение содержания субъективного права, которое не имеет отношения к процессу осуществления субъективного права. Пределы осуществления субъективного гражданского права указывают на границы, в которых может протекать процесс реализации возможностей.

При злоупотреблении субъективным гражданским правом происходит употребление субъективного права вопреки его назначению и сути, в иных целях, не соответствующих общим принципам и нормам права и морали. Речь идет об особых, специальных случаях, когда, не выходя за рамки мер и возможностей, субъект неправильно осуществляет субъективные права. Именно поэтому злоупотребление определяется исходя из конкретной ситуации.

Институт злоупотребления субъективными гражданскими правами представляет собой специальное правовое явление. В общем виде поведение, квалифицирующееся как злоупотребление субъективным гражданским правом, является правовым в том значении и в той степени, что лицо, осуществляя свое право, действует в рамках содержания данного субъективного права. Выход за рамки этого содержания превращает данные отношения в противоправные, однако этот аспект смежен со злоупотреблением правом, а не тождественен ему.

В методологических и практических целях предложено использовать понятие института злоупотребления субъективным гражданским правом в широком и узком значении. Последнее ограничивается только в рамках шиканы. Запрет на всевозможные формы злоупотребления правом обосновывается с позиции справедливого осуществления права.

Злоупотребление субъективным гражданским правом представляет собой осуществление правом вопреки его назначению со стороны управомоченного, которое приведёт или может привести (создаёт угрозу) к негативным последствиям, имеющим правовое значение, при наличии возможности осуществления субъектив-

ного права иным способом, не приводящим к таким негативным последствиям. Признаками, в совокупности позволяющим квалифицировать деяние как злоупотребление субъективными правами, являются недобросовестное осуществление правом вопреки его назначению; наличие возможностей иного способа реализации права; наступление или угроза наступления неблагоприятных последствий, имеющих правовое значение.

Способы реагирования государства на действия, квалифицируемые как злоупотребление субъективными гражданскими правами, составляют правовые последствия злоупотребления субъективными гражданскими правами. По характеру и правовой природе эти последствия различаются. Общим правовым последствием злоупотребления субъективным гражданским правом автором признаны санкции, не связанные с дополнительными обременениями. Следовательно, правовые меры, применяемые в таких случаях, в основном ограничиваются отказом в защите прав. Целью этой санкции является способствование восстановлению положения, существовавшего до злоупотребления. Она выполняет превентивную функцию и не имеет цели наказания лица, злоупотребившего правом. Другие способы реагирования на случаи злоупотребления субъективными гражданскими правами (статья 12 ГК РТ) универсальны.

В целях эффективной реализации института злоупотребления субъективными гражданскими правами предлагаем внести следующие изменения и дополнения в гражданское законодательство РТ:

Предлагается изложить ч. 5 ст.10 ГК РТ в следующей редакции:

«5. В случаях несоблюдения требований настоящей статьи, суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права, а также применить иные меры, предусмотренные законом».

Данное изменение обеспечит комплексное применение негативных правовых последствий в случае злоупотребления субъективными гражданскими правами, особенно если оно сопряжено с нарушением границ субъективного гражданского права.

Предлагается изложить второе предложение ч. 2 статьи 405 ГК РТ в следующей редакции:

«Полученное гарантом после такого уведомления повторное требование бенефициара подлежит удовлетворению гарантом с согласия принципала.».

Это позволит пресечь потенциальные возможности злоупотребления субъективным гражданским правом требования со стороны бенефициара.

Цибенко Александр Юрьевич

Хозяйственное партнерство как организационно-правовая форма венчурного и инновационного предпринимательства (компаративное исследование)

Дата защиты – 26 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Научный руководитель	Егорова Мария Александровна
Оппоненты	Ломакин Дмитрий Владимирович, Арсланов Камиль Маратович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» Диссертационный совет Д 504.001.03 при ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Научная новизна диссертационной работы заключается в выбранном концептуальном подходе к рассмотрению насущных вопросов национального правового регулирования создания, функционирования и развития института хозяйственного партнерства через призму ожидаемых современными деловыми кругами преимуществ от корпоративной организации, осуществляющей хозяйственную деятельность в условиях становления инновационной экономики и конвергенции с зарубежными право-

порядками с учетом интернационализации и расширения современных предпринимательских отношений.

Научная новизна диссертационного исследования нашла свое отражение и закреплена в следующих **основных положениях, выносимых на защиту**:

Выработано определение хозяйственного партнерства как *коммерческой организации корпоративного типа хозяйствования*, созданной путем учреждения, в управлении деятельностью которой принимают участие участники партнерства, внесшие вклад в складочный капитал, а также иные лица, не являющиеся участниками, *обеспечивающей ограничение* личной ответственности ее участников по обязательствам в пределах стоимости внесенных ими вкладов и пропорционально их размеру и *полную свободу* внутренней организации (системы органов и их компетенции) посредством соглашения об управлении партнерством, *сочетающей в себе* признаки «объединения лиц» и «объединения капиталов».

Доказывается, что основными предпосылками избрания хозяйственного партнерства в качестве организационно-правовой формы предпринимательства являются следующие обеспечиваемые ею юридические возможности: 1) повышение доверия иностранных инвесторов и выбора российской юрисдикции; 2) закрепление индивидуальной системы управления в соответствии с конкретными предпринимательскими интересами; 3) ограниченное раскрытие информации при сохранении конфиденциальности в части использования результатов интеллектуального труда, не обладающих достаточным правовым режимом защиты; 4) поэтапное формирование складочного капитала, позволяющее по мере необходимости привлекать дополнительные средства.

Установлены основные характеристики сферы венчурного предпринимательства, определяющие правовые подходы к его регулированию: 1) основные категории субъектов правоотношений в сфере венчурного предпринимательства, выступающих в роли инвесторов и предприятий-получателей; 2) содержание и направленность предпринимательской деятельности в пределах национальных юрисдикций, характеризующиеся тесной взаимосвязью с наукой, в основе произведенного продукта которых лежит значительный интеллектуальный капитал; 3) способы право-

вого стимулирования венчурного инвестирования (налоговые льготы для венчурных компаний, существенное государственное и муниципальное участие, гибкое внутриорганизационное руководство); 4) специфика ресурсов формирования основного капитала венчурного предпринимательства: частные лица, накопительные, пенсионные фонды, страховые организации, промышленные гиганты и банки; 5) доминирование в правовом регулировании данного вида предпринимательской деятельности институтов интеллектуальной собственности, корпораций и корпоративного управления, а также права инвестиционного регулирования.

Проведена дифференциация субъектов инновационного предпринимательства на группы в зависимости от их принадлежности к различным сегментам рынка на основе критерия права собственности на принадлежащее им имущество, уровня глобальной экономической системы, а также степени и этапов вовлеченности участия в инновационном проекте.

Результаты субъектного участия на основании всех трех проведенных в исследовании классификаций показали обоснованную предпочтениями законодателя, государственной и правовой политики приоритетность участия в инновационном предпринимательстве корпоративного сектора – корпоративных форм хозяйствования. На основе классификаций по критерию принадлежности к различным уровням глобальной экономической системы, а также в зависимости от степени и этапов вовлеченности участия в инновационном проекте выявлено предпочтительное использование в обороте организационно-правовой формы хозяйственного партнерства наряду с обществами, основанными на капитале.

В результате сопоставительного анализа правовой природы венчурной и инновационной деятельности, носящей в первом случае финансовый характер, а во втором – интеллектуальный (творческий), сформулировано определение венчурной деятельности как разновидности предпринимательской деятельности в сфере инноваций и как совокупности правоотношений между венчурным предпринимателем и венчурным инвестором, содержание которой связано с воспроизводством венчурного капитала посредством осуществления рискованного инвестиционного проекта, в том числе в сфере инноваций.

Сделан вывод о том, что корпоративные отношения в хозяйственном партнерстве носят организационно-имущественный характер. Они получают специальное закрепление в законе, что не всегда сочетается с нормами ГК РФ, однако создает правовые предпосылки для активизации инновационной предпринимательской деятельности, венчурного проектирования, и делают эту форму хозяйствования привлекательной для инвестиций, что на современном этапе экономического развития является существенным фактором в выборе хозяйственного партнерства в качестве правовой формы корпоративной организационной деятельности.

Обоснованы факторы правового характера, способствующие благоприятному развитию ведущих зарубежных рынков инвестиционных услуг в сфере венчурной индустрии и вносящие коррективы в правовую политику целевого назначения организационно-правовых форм, аналогичных хозяйственным партнерствам, имеющих смешанную правовую природу, занимающих промежуточное положение между партнерствами и корпорациями и обладающих преимуществами ведения гибкого венчурного и инновационного бизнеса.

Сделан вывод, что необходимость таких корректив связана с общей правоспособностью, традиционной для исследуемых организационно-правовых форм, при которой российское хозяйственное партнерство хоть и создавалось специально для осуществления венчурной деятельности, тем не менее используется в других сферах хозяйствования, в отличие от зарубежных форм-аналогов, прототипом которых оно является, превалирующих именно в сфере венчурного бизнеса, который изначально не был главной целью их создания.

Установлено, что правовая политика развития организационно – правовой формы хозяйственного партнерства как эффективного субъекта трансграничного инновационного предпринимательства в приоритетных сферах – нефтегазовой, химической и металлургической промышленности, а также топливно-энергетическом комплексе и атомной энергетике – должна основываться на минимизации императивных норм права при максимальной его международной стандартизации и унификации.

Выявлены вопросы, подлежащие такой стандартизации, не

урегулированные положениями действующего законодательства и ограничивающие использование организационно-правовой формы хозяйственного партнерства в трансграничной предпринимательской деятельности. Среди них следует отметить порядок расчета страховых взносов с выплат иностранным гражданам, возможность управления партнерством из других стран, распределение прибыли в случаях, когда участниками являются иностранные граждане.

Мотылькова Алиса Вадимовна
Проблемы правовой охраны товарного знака в
законодательстве Российской Федерации
Дата защиты – 26 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Научный руководитель	Ванин Виталий Владимирович
Оппоненты	Городов Олег Александрович, Вайпан Виктор Алексеевич
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» Диссертационный совет Д 504.001.03 при ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Научная новизна состоит в теоретическом обосновании правовой модели регулирования отношений, опосредующих создание, использование товарного знака, распоряжение, защиту права на товарный знак, выработке практических рекомендаций для законодателя и правоприменителя по разрешению противоречий норм в рассматриваемой сфере.

Положения, выносимые на защиту:

Обосновано, что на сегодняшний день назначение товарного знака претерпело изменения и состоит не только в обеспечении необходимости различать товары, но и в защите интересов правообладателей и потребителей, рекламе продукции. Совокупность же функций образует системно понятие товарного знака, что влечет необходимость его совершенствования.

Рассмотрение существующих в настоящее время видов товарных знаков и установление препятствий предоставления правовой охраны «нетрадиционным» товарным знакам позволяет говорить о необходимости выделения критериев их охраноспособности, являющихся дополнительными по отношению к критериям охраноспособности, установленным ст. 1483 ГК РФ. К числу таковых надлежит отнести объективную форму представления, достоверность информации о товарном знаке, стабильность характеристик товарного знака, способность к воспроизведению обозначения, узнаваемость товарного знака.

Исследование возможностей регистрации «нетрадиционных» товарных знаков показало необходимость замены категории «представление в графической форме» понятием «представление в объективной форме», поскольку лишь графическая форма не всегда способна дать полное и однозначное представление об объекте. Представление же в объективной форме следует определить как любое представление, которое дает возможность объективного восприятия обозначения, в частности, с использованием таких элементов, как символы, словесное описание, формулы, ноты, непосредственное изображение обозначения, эскизы отдельных кадров, описание угла зрения, под которым виден тот или иной кадр, представление всех неподвижных изображений, составляющих динамический объект, рисунки, фото, видеозапись, аудиозапись, образец на цифровом носителе, или комбинаций таких элементов.

Законодатель связывает момент возникновения соответствующего исключительного права с днем подачи на государственную регистрацию товарного знака в Роспатент заявки (с датой приоритета) (п. 1 ст. 1491 ГК РФ). Толкование данной статьи и ст. 1479 ГК РФ в их взаимосвязи позволяет заключить, что исключительное право действует со дня подачи заявки, но лишь в случае, если товарный знак в последующем был зарегистрирован.

Однако правомочия, образующие содержание исключительного права возникают в силу регистрации и фактически заявитель, подав заявку, не обладает еще исключительным правом. Надлежит учитывать и то, что со дня подачи заявки информация о товарном знаке становится доступной широкому кругу лиц, и потому возникает потребность в защите интересов правообладателя товарного знака. В связи с этим необходимо закрепить действие исключительного права на товарный знак со дня его государственной регистрации федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности, предусмотрев необходимость осуществления правовой охраны обозначения со дня подачи заявки на регистрацию.

В ситуации направленности правового регулирования на прекращение правовой охраны товарных знаков, не используемых правообладателями в соответствии с законом, а также в целях обеспечения нормального функционирования субъектов в рамках предпринимательских правоотношений и соблюдения основных принципов предпринимательской деятельности (в частности, принципа свободы конкуренции и ограничения монополистической деятельности, государственного регулирования предпринимательской деятельности) обоснована необходимость принятия мер к прекращению права на товарный знак при прекращении деятельности юридического лица – правообладателя.

Вопрос, касающийся прекращения правовой охраны товарного знака в случае смерти индивидуального предпринимателя, являвшегося правообладателем, на сегодняшний день не получил однозначного разрешения. Обоснована необходимость перехода права на товарный знак к правопреемнику правообладателя, а при отсутствии наследника, наделенного статусом индивидуального предпринимателя к моменту открытия наследства или наследника, приобретшего таковой в течение года со дня открытия наследства, либо в случае, если в указанный период не произведено отчуждение **исключительного права на товарный знак** **надлежащему лицу, необходимость прекращения исключительного права.**

Действенность защиты права на товарный знак в существенной степени зависит от правильного и однообразного понимания подлежащих применению категорий. Формулировка, присут-

ствующая в ГК РФ, подверглась изменениям по сравнению с используемой в Законе о товарных знаках, прямого отождествления на сегодняшний день нет, как нет и однозначного определения понятия «нарушение исключительного права на товарный знак». Необходимо сформулировать определение понятия «нарушение исключительного права на товарный знак» как «использование средства индивидуализации или результата интеллектуальной деятельности (в том числе использование их способами, предусмотренными ГК РФ), распоряжение исключительным правом, если такое использование и (или) распоряжение осуществляется без согласия правообладателя, за исключением случаев, когда такое использование и (или) распоряжение допускается законом». Незаконное же использование товарного знака включает в себя нарушение исключительного права (в части правомочия использования товарного знака, но не распоряжения исключительным правом), однако не ограничивается им, исходя из чего использование товарного знака с нарушением законодательных предписаний следует считать незаконным использованием рассматриваемого средства индивидуализации.

В настоящее время ГК РФ в большинстве случаев не разграничивает, зачастую относя одни и те же средства то к способам защиты, то к мерам ответственности. Обоснована необходимость разграничения способов защиты и мер ответственности. Аргументировано, что защита права на товарный знак (в широком смысле) включает в себя способы защиты (в узком смысле) и меры ответственности, не являющиеся тождественными (отличаются основания и условия применения рассматриваемых мер, функции, характер правового воздействия на нарушителя и т.д.).

Для обеспечения эффективности достижения цели компенсации как меры гражданско-правовой ответственности (восстановление (компенсация) кем-либо нарушенного права), а также поддержания общей направленности развития гражданского права как права частного с преобладающим частноправовым методом регулирования, обозначенной в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, обоснована необходимость принятия мер, позволяющих сочетать некоторые возможности для нарушителя с привилегиями правообладателя в

случае обращения к компенсации при защите права на товарный знак.

В диссертационном исследовании выработаны следующие предложения по совершенствованию действующего российского законодательства:

Для легальной реализации выносимого на защиту положения № 1 о совершенствовании легального определения товарного знака необходимо изложить п. 1 ст. 1477 ГК РФ следующим образом: «На товарный знак, то есть на обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, защиты интересов правообладателей и потребителей, рекламы, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак (статья 1481)».

Для легальной реализации выносимого на защиту положения № 4 изложить п. 1 ст. 1491 ГК РФ следующим образом: «Исключительное право на товарный знак действует в течение десяти лет со дня государственной регистрации товарного знака федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности. Правовая охрана товарного знака действует со дня подачи заявки на товарный знак».

Для легальной реализации выносимого на защиту положения № 5 следует внести изменения в пп. 4 п. 1 ст. 1514 ГК РФ, ст. 22, 22.3 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и возложить на регистрирующий орган при прекращении юридического лица – правообладателя или при прекращении индивидуальным предпринимателем – правообладателем – предпринимательской деятельности обязанности по информированию об этом Роспатента с тем, чтобы правовая охрана рассматриваемого средства индивидуализации была прекращена (в случае ликвидации юридического лица или при прекращении физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя) или для внесения необходимых изменений в Государственный реестр товарных знаков (далее – ГРТЗ) (если производится реорганизация юридического лица).

Для легальной реализации выносимого на защиту положения № 6 обоснована необходимость включения в п. 1 ст. 1514 ГК РФ положения, согласно которому правовая охрана товарного знака

прекращается «в случае смерти индивидуального предпринимателя – обладателя исключительного права на товарный знак, если по истечении года со дня открытия наследства физическое лицо, являющееся наследником не было зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя либо не произвело отчуждение исключительного права на товарный знак».

Для легальной реализации выносимого на защиту положения № 8 следует произвести легальное разграничение способов защиты и мер ответственности путем создания самостоятельных статей «Способы защиты исключительных прав» и «Ответственность за нарушение исключительных прав»; переименовать ст. 1253 ГК РФ в «Ответственность за нарушение исключительных прав» и исключить из нее нормы, относящиеся к прекращению деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица в случае грубого или неоднократного нарушения ими исключительных прав на средства индивидуализации и на результаты интеллектуальной деятельности, поскольку данная санкция, не будучи направленной на восстановление субъективного права, имеет скорее публично-правовой характер. Единообразие правовых норм в рассматриваемой ситуации будет способствовать и переименование ст. 12 ГК РФ (из «Способы защиты гражданских прав» в «Защита гражданских прав»), включающей средства правового воздействия, относящиеся как к способам защиты, так и к мерам ответственности. С целью упорядочения правовых норм, подпараграф 7 «Защита права на товарный знак» параграфа 2 части 4 ГК РФ должен быть подвергнут изменению путем выделения в его составе двух статей: ст. 1515 «Защита права на товарный знак», охватывающей п. 1 -3 ст. 1515 в ее нынешней редакции, и ст. 1515.1 «Ответственность за незаконное использование товарного знака», включающей в себя п. 4, 5 ст. 1515 в существующей редакции.

Для легальной реализации выносимого на защиту положения № 9 необходимо дополнить п. 3 ст. 1252 ГК РФ следующим положением: «В случае, если нарушитель докажет, что совершенное им противоправное деяние не причинило и не могло причинить убытков, он может быть освобожден от обязанности уплаты компенсации».

Доронькина Виктория Юрьевна

Имплементация дистрибьюторского договора в российское право

Дата защиты – 28 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Научный руководитель	Лебедев Константин Константинович
Оппоненты	Андреева Любовь Васильевна, Маслова Варвара Алексеевна
Ведущая организация	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» Диссертационный совет Д 212.232.04 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научная новизна диссертационного исследования состоит, во-первых, в формулировании определения дистрибьюторского договора; во-вторых, в обосновании дистрибьюторского договора в качестве самостоятельного вида договора и возможности включения в него элементов поименованных договоров, что не повлечет его квалификации в качестве смешанного; в-третьих, в определении термина «субдистрибьюторский договор»; в-четвертых, в необходимости закрепления дистрибьюторского договора в отдельном нормативном правовом акте, регулирующем дистрибьюторский договор и отношения, возникающие в процессе его заключения и исполнения, либо внесения в Гражданский кодекс Российской Федерации норм, регулирующих дистрибьюторский договор; в-пятых, в сопоставлении дистрибьюторского договора с договорами, нормы о которых применяются к дистрибьюторскому договору, а также определении места дистрибьюторского договора в системе гражданско-правовых договоров.

Научная новизна диссертационного исследования нашла свое отражение в **основных положениях, выносимых на защиту:**

Предлагается дефиниция дистрибьюторского договора, в соответствии с которой по дистрибьюторскому договору одна сторона (принципал) обязуется предоставлять произведенные или закупаемые ею товары другой стороне (дистрибьютору), а дистрибьютор обязуется за свой счет и от своего имени осуществлять реализацию указанных товаров, оказывать принципалу согласованные в договоре услуги, выполнять в связи с этим поручения принципала в целях сохранения деловой репутации принципала, а также укрепления его позиций на соответствующем товарном рынке (расширение торговой сети, сохранение и (или) увеличение доли на товарном рынке, информационное обеспечение потребителей товара и т.п.).

Предмет дистрибьюторского договора составляют действия принципала по предоставлению товаров дистрибьютору и действия дистрибьютора по реализации товаров, которые принципал производит или закупает, совокупность действий, являющихся элементами поименованных в действующем гражданском законодательстве договоров (договор возмездного оказания услуг, договор хранения, агентский договор, договор поставки и других).

Установлено, что условие о порядке взаимодействия сторон после заключения договора является существенным условием дистрибьюторского договора, включающее в себя договоренность о механизме осуществления поставок, а также степень детализации условий договора в дальнейшем, будут ли сторонами заключаться отдельные договоры и в отношении каких именно обязанностей, а также каким именно образом будет осуществляться взаимодействие между принципалом и дистрибьютором, будет ли представитель дистрибьютора присутствовать на производстве принципала.

Доказано, что вопреки сложившимся в доктрине точкам зрения, условие о территории, условие об эксклюзивности, условие о гарантированном минимуме продаж являются наиболее часто встречающимися в дистрибьюторских договорах, однако, не являются существенными, поскольку отсутствие указанных условий не влечет признание дистрибьюторского договора незаключенным. В случае отсутствия названных условий в дистрибьюторском договоре дистрибьютор не ограничен территорией реа-

лизации товаров, не является эксклюзивным дистрибьютором на территории и не связан объемом продаж или закупок.

Установлено, что дистрибьюторский договор не является договором поставки, агентским договором, договором возмездного оказания услуг, опционным договором, однако, в силу своей правовой природы может содержать в себе элементы названных договоров, при этом перечень таких элементов определяется по усмотрению сторон. Дистрибьюторский договор может быть как рамочным, так и не рамочным, и зависит данное разделение от степени детализации сторонами условий непосредственно в дистрибьюторском договоре. Дистрибьюторский договор не является рамочным в тех случаях, когда непосредственно во исполнение дистрибьюторского договора стороны могут осуществлять свои права и обязанности и обязательного заключения дополнительных договоров не требуется.

В силу самостоятельного характера дистрибьюторского договора в качестве специального регулирования предлагается принятие отдельного федерального закона, посвященного регулированию дистрибьюторского договора, либо дополнения в Гражданский кодекс Российской Федерации, в частности, ввести отдельную главу «Дистрибьюция», а разработанные автором диссертации проекты могут быть восприняты законодателем. В предлагаемых проектах приводится понятие дистрибьюторского договора, права и обязанности его сторон, особенности заключения, расторжения и ответственности сторон дистрибьюторского договора.

Доказано, что дилерский договор может быть идентичен по своему содержанию дистрибьюторскому, при этом необходимо сохранение термина «дилерская деятельность» для рынка ценных бумаг и терминов «дилер», «дилерский договор», используемых в сфере реализации автомобильного транспорта, так как исключить указанные термины из присутствия в предпринимательской деятельности в сфере реализации автомобильного транспорта не представляется возможным. Различие дистрибьюторского договора и дилерского договора состоит в материальном предмете отношений: как правило, дилерский договор получил свое распространение и заключается в отношении реализации автомобильного транспорта. В отношении иных товаров, не относящихся

ся к автомобильному транспорту, предлагается изменение терминологии и использование конструкции дистрибьюторского договора и субдистрибьюторских договоров. В сфере реализации автомобильного транспорта представляется целесообразным сохранение термина «дилерский договор».

Предлагается определение субдистрибьюторского договора. Во исполнение обязанности реализовывать товар дистрибьютор вправе заключать субдистрибьюторские договоры, в силу которых одна сторона (дистрибьютор) обязуется предоставлять другой стороне (субдистрибьютору) товары, закупаемые у третьего лица (принципала), а субдистрибьютор обязуется за свой счет и от своего имени осуществлять реализацию указанных товаров, оказывать дистрибьютору согласованные в договоре услуги, выполнять поручения дистрибьютора.

Определено, что для дистрибьюторского договора характерно установление специфических санкций, влекущих негативные последствия для сторон за нарушение условий о территории, эксклюзивности и соблюдении минимума закупок или продаж: 1) приостановление для дистрибьютора права на получение специальной дистрибьюторской скидки на закупаемый товар; 2) увеличение отпускной цены на товары на определенный процент; 3) отказ принципала от исполнения обязательств по дистрибьюторскому договору, результатом чего является лишение статуса дистрибьютора в контексте отношений дистрибьютора с данным принципалом.

Односторонний отказ принципала от исполнения дистрибьюторского договора оказывает влияние на субдистрибьюторские договоры. В случае одностороннего отказа принципала от исполнения дистрибьюторского договора по основаниям, не зависящим от дистрибьютора, дистрибьютор вправе отказаться от исполнения субдистрибьюторского договора, при этом данное право дистрибьютору и субдистрибьютору необходимо согласовать в субдистрибьюторском договоре.

В случае одностороннего отказа принципала от исполнения дистрибьюторского договора на основании нарушений обязательств дистрибьютором, последний несет ответственность перед субдистрибьюторами в форме возмещения убытков.

Ромашин Эдгар Сергеевич
Особенности правовой охраны аудиовизуального произведения как сложного комплексного объекта интеллектуальной собственности

Дата защиты – 28 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (РГАИС)
Научный руководитель	Близнец Иван Анатольевич
Оппоненты	Рузакова Ольга Александровна, Терлецкий Василий Витальевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия» Диссертационный совет Д 401.001.02 при ФГБОУ ВПО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (РГАИС)
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (РГАИС)

Научная новизна авторского подхода заключается в том, что диссертационная работа представляет собой исследование актуальных проблем правового регулирования вопросов создания и использования аудиовизуальных произведений, учитывающее международный опыт, развитие законодательства Российской Федерации и практики его применения на современном этапе.

Принятый подход позволил осуществить разработку теоретических положений, направленных на выявление сущности правоотношений, возникающих при создании и использовании аудиовизуальных произведений, в том числе в условиях развития новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий, а также сформировать предложения по дальнейшему развитию законодательства и совершенствованию практики его применения.

На защиту выносятся следующие положения и выводы диссертационного исследования:

1. Исключительное право на аудиовизуальное произведение существенным образом отличается по своему содержанию от ис-

ключительного права на иные виды произведений. В соответствии с абзацем вторым пункта 4 статьи 1263 ГК РФ изготовителю аудиовизуального произведения принадлежит исключительное право на аудиовизуальное произведение в целом. Такое исключительное право распространяется только на случаи использования самого аудиовизуального произведения или его части, представляющей собой «зафиксированную серию связанных между собой изображений» (пункт 1 статьи 1263 ГК РФ).

При этом использование любого результата интеллектуальной деятельности, вошедшего в аудиовизуальное произведение, отдельно от такого произведения, а также переработка аудиовизуального произведения могут осуществляться только на основании договора, заключенного с автором или иным правообладателем соответствующего результата интеллектуальной деятельности, и в установленных таким договором пределах.

Данный вывод следует также из пункта 2 статьи 14 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, предусматривающего, что «переделка в любую другую художественную форму кинематографических постановок, созданных на основе литературных или художественных произведений, требует разрешения авторов оригинальных произведений, вне зависимости от наличия разрешения авторов кинематографических постановок», и пункта 1 статьи 14bis Бернской конвенции, в соответствии с которым кинематографическое произведение подлежит охране в качестве оригинального «без ущерба авторским правам» на использованные при его создании произведения.

2. Предлагается внести изменение в определение понятия аудиовизуального произведения, которое в настоящее время согласно пункту 1 статьи 1263 ГК РФ определяется как «произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений».

Аудиовизуальное произведение представляет собой результат творческой деятельности авторов такого произведения, в состав которого входят результаты интеллектуальной деятельности иных лиц. «Зафиксированная серия изображений» является формой выражения аудиовизуального произведения и не может рассматриваться в качестве содержания такого произведения.

В связи с этим предлагается изложить пункт 1 статьи 1263 ГК РФ в новой редакции:

«Аудиовизуальным произведением является произведение, **выраженное в форме** зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации».

Устанавливаемое пунктом 2 статьи 1240 ГК РФ положение о недействительности любых условий лицензионного договора, ограничивающих использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, противоречит общему принципу диспозитивности гражданско-правового регулирования и ограничивает правовые возможности сторон заключаемых договоров.

Лица, организующие создание сложных объектов, в том числе изготовители аудиовизуальных произведений, и обладатели исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые при создании сложных объектов, должны иметь возможность самостоятельно определять порядок и условия использования произведений и иных результатов интеллектуальной деятельности в заключаемых между ними договорах, включая возможность установления по соглашению сторон любых не противоречащих законодательству Российской Федерации ограничений.

В связи с этим предлагается по аналогии с положениями абзаца третьего пункта 1 статьи 1240 ГК РФ, устанавливающего диспозитивное правило о заключении договора на весь срок и в отношении всей территории действия соответствующего исключительного права, изложить пункт 2 статьи 1240 ГК РФ в следующей редакции:

«2. В случае, когда лицо, организовавшее создание сложного объекта, приобретает право использования результата интеллек-

туальной деятельности на основании лицензионного договора, использование такого результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта может осуществляться в любой форме и любым не противоречащим закону способом, если иное не предусмотрено соглашением сторон».

На основании проведенного анализа выявлено противоречие между абзацем первым пункта 4 статьи 1263 ГК РФ и пунктом 5 статьи 1263 ГК РФ, устанавливающими противоположные презумпции при определении обладателей исключительных прав на произведения, созданные для включения в аудиовизуальное произведение как сложный объект.

Абзацем первым пункта 4 статьи 1263 ГК РФ предусматривается, что права изготовителя аудиовизуального произведения определяются в соответствии со статьей 1240 ГК РФ, согласно которой исключительные права на создаваемые для включения в сложный объект произведения переходят к лицу, организовавшему создание сложного объекта, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

В то же время пунктом 5 статьи 1263 ГК РФ устанавливается, что авторы произведений, вошедших составной частью в аудиовизуальное произведение, в том числе созданных в процессе работы над аудиовизуальным произведением, сохраняют исключительное право на свои произведения, за исключением случаев, когда это право было передано изготовителю либо перешло к изготовителю или другим лицам по иным основаниям, предусмотренным законом.

Для устранения отмеченного противоречия предлагается исключить абзац первый пункта 4 статьи 1263 ГК РФ.

5. Бернская конвенция не предусматривает презумпции передачи авторами исключительных прав изготовителю аудиовизуального произведения, ограничиваясь установлением диспозитивной нормы о предоставлении авторами согласия на последующее беспрепятственное использование создаваемого произведения (подпункт (b) пункта 2 статьи 14bis Бернской конвенции). В терминологии ГК РФ речь идет только о предоставлении неисключительной лицензии в отношении основных видов использования созданного аудиовизуального произведения, не охватывающей, в частности, действия по его переработке или использова-

нию результата творческой деятельности автора, участвовавшего в создании аудиовизуального произведения, отдельно от созданного при его участии аудиовизуального произведения.

В связи с этим предлагается дополнить пункт 5 статьи 1263 ГК РФ положениями о предоставлении изготовителю аудиовизуального произведения права использовать произведения, созданные для включения в аудиовизуальное произведение, в составе такого произведения на условиях простой (неисключительной) лицензии в соответствии с положениями статьи 1240 ГК РФ, то есть без ограничений по сроку, территории и способам использования, если иное не будет установлено соглашением сторон.

В случае, когда произведение создавалось автором для включения в сложный объект или с согласия автора использовалось при создании сложного объекта, но при этом сторонами не был установлен размер вознаграждения или порядок его определения, в качестве исключения из общего правила, согласно которому соответствующий договор должен признаваться незаключенным (пункт 3 статьи 1234, пункт 5 статьи 1235 ГК РФ), в целях защиты интересов лиц, участвующих в создании аудиовизуального произведения или иного сложного объекта, необходимо установить, что размер вознаграждения, условия и порядок его выплаты могут определяться судом, закрепив для указанных случаев положения, аналогичные предусмотренным статьей 1295 ГК РФ для определения судом размера и порядка выплаты вознаграждения за служебное произведение в случае спора между автором и работодателем.

В работе обосновывается вывод о возможности выделения режиссера-постановщика в качестве единственного автора аудиовизуального произведения с отнесением всех остальных авторов к категории лиц, результаты творческой деятельности которых входят в состав аудиовизуального произведения (пункт 5 статьи 1263 ГК РФ).

Творческая деятельность режиссера-постановщика является необходимым условием создания аудиовизуального произведения, ее результаты не могут быть отделены от такого произведения, в отличие от результатов творческой деятельности автора сценария и композитора, которые могут использоваться отдельно от аудиовизуального произведения.

Кроме того, участвовавший в создании аудиовизуального произведения композитор может не признаваться его автором, если он не создавал музыкальные произведения специально для данного аудиовизуального произведения (пункт 2 статьи 1263 ГК РФ), а определение авторов сценария в ряде случаев оказывается затруднено, в частности, при его неоднократной переработке различными лицами, в том числе при разработке режиссерской версии сценария.

Предлагаемый подход позволит упростить порядок доказывания изготовителем аудиовизуального произведения (продюсером) принадлежности ему исключительного права на аудиовизуальное произведение, так как для этого ему будет достаточно представить договор с режиссером-постановщиком такого произведения. В то же время использование данного подхода значительно упрощает систему правоотношений при создании и использовании аудиовизуальных произведений, обеспечивает унификацию правового положения всех авторов, принимающих участие в их создании.

Предлагаемый подход не противоречит Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, поскольку в соответствии с ее положениями определение правообладателей аудиовизуального произведения «сохраняется за законодательством страны, в которой истребуется охрана» (статья 14bis Бернской конвенции).

8. При определении размера компенсации за нарушение исключительного права на аудиовизуальное произведение или иной сложный объект суды должны учитывать наряду с другими обстоятельствами также количество и состав результатов интеллектуальной деятельности, входящих в сложный объект.

Стоимость прав, необходимых для использования таких результатов в составе аудиовизуального произведения или иного сложного объекта, непосредственным образом влияет на стоимость его создания и потенциальный размер убытков, причиняемый правообладателю в результате его незаконного использования.

В связи с выявленными проблемами с защитой прав на аудиовизуальные произведения и иные сложные объекты, имеющими системный характер и выражающимися в минимизации

размера компенсации, присуждаемой судом при нарушениях исключительных прав на них, предлагается предусмотреть, что для целей расчета компенсации незаконное использование аудиовизуального произведения или иного сложного объекта может рассматриваться также как незаконное использование входящих в них результатов интеллектуальной деятельности.

В указанных случаях суду должна быть предоставлена возможность определения в соответствии с правилами абзаца третьего пункта 3 статьи 1252 ГК РФ размера компенсации за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности, исключительное право или исключительная лицензия в отношении которого принадлежат изготовителю аудиовизуального произведения или, соответственно, иному лицу, организовавшему создание сложного объекта (пункт 1 статьи 1240 ГК РФ).

При создании аудиовизуальных произведений авторы в ряде случаев, например, при несогласии с результатами монтажа, переработки или сокращения произведений, заинтересованы в том, чтобы выступать под псевдонимом или анонимно. Возможны также ситуации, в которых автор, предоставивший согласие на использование произведения анонимно или под псевдонимом, предъявляет требование об указании его подлинного имени.

Для защиты интересов как авторов, так и изготовителей аудиовизуальных произведений и иных лиц, участвующих в создании или осуществляющих использование произведений, представляется необходимым установить порядок реализации права автора на имя в рассматриваемых случаях по аналогии с общим порядком, установленным для реализации права на отзыв (пункт 1 статьи 1269 ГК РФ), то есть предусмотреть, что автор вправе отказаться от ранее принятого им решения об указании его имени, использовании под псевдонимом или анонимном использовании только до обнародования произведения и при условии возмещения лицу, которому принадлежит исключительное право на произведение или предоставлено право использования произведения, причиненных таким отказом убытков.

Быстров Артем Константинович
Интернет-сайт и доменное имя как объекты гражданских прав в системе отношений по использованию сети интернет
Дата защиты – 28 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
Научный руководитель	Матвеев Игорь Валентинович
Оппоненты	Рабец Анна Максимовна, Фролова Наталья Михайловна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» Диссертационный совет Д 401.001.02 при ФГБОУ ВПО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (РГАИС)
Место защиты	

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что на основе комплексного исследования новейших положений российского законодательства в области правовой охраны отношений, возникающих в сети Интернет, а также международного опыта, впервые сформулирован подход к правовой природе сети Интернет с позиций теории фикции. Также проведено исследование таких ее базовых объектов, как Интернет-сайт и доменное имя, сформулировано авторское определение указанных объектов и сделана попытка выявить существующие и возможные коллизии прав на данные объекты.

Проведенное исследование позволило обосновать и вынести на защиту следующие основные положения и выводы, отражающие научную новизну диссертации:

предложен новый подход рассмотрения сети Интернет с позиций теории фикции. Сеть Интернет, не являясь ни объектом, ни субъектом правоотношений, ни некой виртуальной средой, является идеальной моделью реального мира. Используя теорию фикции, можно прийти к выводу, что сеть Интернет является предположенным искусственным обществом, на которое могут быть

перенесены правоотношения из реального общества. В таком искусственном обществе можно осуществлять большинство правоотношений из обычного общества. В данном случае используется основной признак фикции, а также такая позиция позволяет использовать уже разработанные и указанные в нормативно-правовых актах определения.

Предложено, в связи с отсутствием в части четвертой ГК РФ определения Интернет-сайта, дополнить ст. 1240 ГК РФ таким определением. В связи с чем, предлагается авторское определение Интернет-сайта, которым является «совокупность любых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которые выражены в цифровой форме, размещенная автором Интернет-сайта, обладателем исключительного права на Интернет-сайт или уполномоченным(ми) им(и) лицом(ами) в сети Интернет таким образом, что к ней имеет доступ неограниченный круг лиц».

Выявлено и обосновано, что отнесение законодательством Интернет-сайта одновременно к сложному объекту интеллектуальной собственности и к составным произведениям не влечет никаких правовых коллизий. Согласно этому, Интернет-сайт является не только составным объектом, согласно ст. 1260 ГК РФ, но и сложным в смысле ст. 1240 ГК РФ. Но необходимо учитывать, что ст. 1240 ГК РФ находится в главе 69 «Общие положения», а ст. 1260 ГК РФ – в главе 70 «Авторское право». В соответствии с этим, можно утверждать, что если в состав Интернет-сайта включено средство индивидуализации, то такой Интернет-сайт всегда будет сложным объектом.

Для определения автора необходимо учитывать творческий вклад, вносимый авторами каждого результата интеллектуальной деятельности, входящего в Интернет-сайт. В связи с этим, можно выделить следующих авторов Интернет-сайта как целого сложного объекта: дизайнер (или иллюстратор), программист и, в некоторых случаях, редактор (или копирайтер). Указанные лица являются как авторами Интернет-сайта в целом, так и авторами включённых в Интернет-сайта произведений. Авторы остальных произведений, входящих в Интернет-сайт, не являются авторами Интернет-сайта в целом;

дана комплексная оценка Интернет-сайта как результата интеллектуальной деятельности, выраженного в объективной форме, особенность которого заключается в его динамическом характере.

Динамический характер Интернет-сайта означает, что в период своего существования он может меняться (изменять дизайн и содержательную сторону) неопределенное количество раз. В связи с этим, в практике возникает вопрос о границах, в которых допустимо считать расположенный по тем же адресам претерпевший изменения Интернет-сайт измененным прежним Интернет-сайтом, либо появившимся в результате таких изменений новым Интернет-сайтом.

Отличие между измененным прежним и новым Интернет-сайтом лежит в степени таких изменений. В соответствии с этим, можно признать, что новый объект авторского права возникает в том случае, когда Интернет-сайт существенно изменен, в том числе и графически (то есть до такой степени, что у пользователя не возникает никаких ассоциаций с прежним Интернет-сайтом и изменения затронули все входящие в состав Интернет-сайта объекты).

Также, учитывая то, что Интернет-сайт является объектом авторского права, необходимо расширить список объектов авторских прав,

содержащийся в статье 1259 ГК РФ¹, добавив в него Интернет-сайт;

целесообразно уточнить требования к договору авторского заказа. Предусмотренная ст. 1288 ГК РФ конструкция договора авторского заказа, во-первых, ограничивает сторону-заказчика Интернет-сайта заказать произведение у юридического лица и предполагает исполнителем только физическое лицо – автора, во-вторых, п. 2 ст. 1289 ГК РФ дает возможность исполнителю договора авторского заказа при наличии уважительных причин просрочить момент выполнения заказа, что представляется неприемлемым для правового регулирования отношений по созданию

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая). 18.12.2006. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

Интернет-сайта. В связи с этим необходимо законодательно закрепить в ГК РФ договор создания Интернет-сайта, сходного по природе с договором авторского заказа, но обладающего определенной правовой спецификой.

Предлагается дополнить часть четвертую ГК РФ статьей 1290.1 «Договор создания Интернет-сайта»:

«1. По договору создания Интернет-сайта одна сторона (исполнитель) обязуется по заказу другой стороны (заказчика) создать обусловленный договором Интернет-сайт на любом материальном носителе, в том числе и размещенный на указанном в таком договоре сервере одной из Сторон.

Материальный носитель произведения передается заказчику в собственность, если соглашением сторон не предусмотрена его передача заказчику во временное пользование. В случае, если Интернет-сайт размещен на указанном в договоре сервере одной из Сторон, исполнитель обязан предоставить доступы к административной панели такого Интернет-сайта.

Договор создания Интернет-сайта является возмездным, если соглашением сторон не предусмотрено иное.

В соответствии с договором создания Интернет-сайта, исключительное право на произведение, которое должно быть создано исполнителем, в полном объеме переходит заказчику, если иное не предусмотрено договором. Соответственно, к такому договору применяются правила настоящего Кодекса о договоре об отчуждении исключительного права, если из существа договора не вытекает иное.

Если договор создания Интернет-сайта заключен с условием о предоставлении заказчику права использования произведения в установленных договором пределах, к такому договору соответственно применяются положения, предусмотренные статьями 1286 и 1287 настоящего Кодекса.

Обязательным условием договора создания Интернет-сайта является указание всех третьих лиц, которые передали исключительные права на произведения, входящие в состав Интернет-сайта, а также указание на то, на основании чего такие права переданы.

К договору создания Интернет-сайта применяются соответственно правила о договоре авторского заказа, за исключением

пункта 2 и абзаца первого пункта 3 статьи 1289 ГК РФ, если это не противоречит правилам настоящей статьи»;

выявлено, что на Интернет-сайт возникает исключительное право. В связи с этим, временное и постоянное ограничение доступа к Интернет- сайту представляет собой, соответственно, временное и постоянное ограничение исключительного права на Интернет-сайт. Поскольку Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации,

информационных технологиях и о защите информации»¹ предусматривает ограничение доступа к Интернет-сайту по сетевому адресу, при таком способе происходит ограничение ко всем Интернет-сайтам, расположенным на таком сетевом адресе, в том числе и к добросовестным ресурсам. В силу чего у владельцев таких ресурсов появляется право не только требовать снятия временного или постоянного ограничения, но и требовать возмещения убытков или выплаты компенсации в соответствии со ст. 1301 ГК РФ. Это является еще одним основанием для применения ограничения доступа к Интернет-сайту исключительно по указателю страниц Интернет-сайтов в сети Интернет;

на основе содержащегося в отчетах и неофициальных разъяснениях Всемирной Организации Интеллектуальной Собственности определения доменного имени, предложено авторское определение данного объекта: доменное имя – это уникальное сложное символическое обозначение, воспринимаемое физическим лицом и предназначенное для индивидуализации Интернет-сайтов в сети Интернет, а также являющееся выходом (путем) к необходимому Интернет-сайту. Данное определение доменного имени следует закрепить в статье 1541.1 вводимого параграфа 5 главы 76 ГК РФ;

предложено отнести доменное имя к средствам индивидуализации, признать правообладателем любой субъект права, вне зависимости от осуществления им предпринимательской деятельности, а также установить в законе возможность охраны прав об-

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2014) // Российская газета. 2006. 29 июня.

ладателей доменных имен путем установления регистрационного режима доменного имени и признания доменного имени составной частью Интернет-сайта.

Калиниченко Ксения Сергеевна
Правовой режим земельного участка и расположенных на нем зданий, сооружений в России и Германии
Дата защиты – 28 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Научный руководитель	Скворцов Олег Юрьевич
Оппоненты	Алексеев Вадим Александрович, Стрембелев Сергей Викторович
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» Диссертационный совет Д 212.232.04 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе проводится комплексное исследование правового режима земельного участка и расположенных на нем зданий, сооружений в России и Германии, на базе которого предлагается концептуальная научная модель понимания указанных объектов недвижимости и делаются практические предложения по урегулированию отношений в данной сфере.

Основные положения, выносимые на защиту:

В результате проведенного исследования предлагается изменить концептуальную законодательную модель понимания недвижимости. Земельный участок и расположенные на нем здания, сооружения следует понимать как единый объект, характеризующийся единым правовым режимом, при этом здания, сооружения должны рассматриваться как составные части земельного

участка, на котором они расположены. Необходимо отказаться от понимания зданий и сооружений, а также помещений как объектов права.

Поскольку гражданско-правовой режим таких объектов, как участки недр, не установлен, отсутствует правовая определенность относительно границ между участком недр и земельным участком, не определено соотношение прав собственника земельного участка и прав недропользователя, а также с учетом тенденции реструктуризации объектов недвижимости предлагается исключить участки недр из числа недвижимых вещей, признав недра составной частью земельного участка.

Закрепленные действующим российским законодательством модели ограниченных вещных прав не отвечают потребностям участников современного гражданского оборота в использовании земельных участков. Представляется необходимым введение в России таких имеющихся в германском праве ограниченных вещных прав, как узурфрукт, ограниченные личные сервитуты и право застройки земельного участка (суперфиций).

В германском праве вещный договор – соглашение о передаче права собственности на земельный участок (*Auflassung*) – основан на принципах разделения и абстракции, входит в юридический состав приобретения права собственности на земельный участок, подлежит обязательному нотариальному удостоверению в присутствии обеих сторон, не может быть заключен под условием или с указанием срока. Рецепция конструкции вещного договора российским правом неоправданна, поскольку для перехода права собственности на недвижимость не требуется отдельного соглашения об отчуждении, так как воля на отчуждение уже выражена в обязательственном договоре купли – продажи и в соответствии с этой волей должны быть произведены исполнение и государственная регистрация права. Кроме того, модель абстрактного вещного договора может приводить к несправедливым решениям (например, в случае приобретения вещи третьим лицом от первоначального собственника принцип абстракции дает защиту недобросовестному приобретателю).

Представляется целесообразным ввести обязательную нотариальную форму сделок по отчуждению недвижимости, а также предусмотреть возможность внесения в реестр предварительной

записи, предупреждающей заинтересованных лиц о предстоящей регистрации в пользу другого лица. Комплекс таких мер, как нотариальное удостоверение сделки, внесение предварительной записи и государственная регистрация права, позволит установить оптимальный баланс интересов участников гражданского оборота, а также приведет к уменьшению количества споров относительно действительности заключенных сделок с объектами недвижимого имущества.

Абдурахманова Тахмина Джамолиддиновна
Правовое регулирование договора франчайзинга в
международном частном праве
Дата защиты – 29 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	Межгосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российско-Таджикский (славянский) университет»
Научный руководитель	Тагаева Санавбар Назиркуловна
Оппоненты	Мороз Светлана Павловна, Бобоев Джамрод Курбонович
Ведущая организация	Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики Диссертационный совет ДМ737.004.08 на базе Таджикского национального университета, Института философии, политологии и права имени А.М. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан, Межгосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российско-Таджикский (славянский) университет»

Научная новизна исследования состоит в следующих положениях, выносимых на защиту:

На основании анализа признаков международного франчайзинга разработана следующая дефиниция: международный франчайзинг представляет собой внешнеэкономический договор, заключаемый между предпринимателями, располагающимися на территории различных государств, направленный на возмездную передачу комплекса исключительных прав, эксклюзивную продажу товаров и эксклюзивное оказание услуг на оговоренной в договоре территории, предусматривающий особое правовое регулирование, предполагающее выбор применимого к договорным отношениям права.

Обосновано, что термин «международный франчайзинг» понимается в широком и узком смысле.

В широком смысле «международный франчайзинг» выступает формой продолжительного делового сотрудничества между франчайзером и франчайзи, направленного на производство продукции, торговлю товарами или предоставление услуг под торговой маркой правообладателя на определенной территории иностранного государства на срок и на условиях, определенных франшизным договором; реализуется он с помощью ряда гражданско-правовых договоров (договорные отношения по найму помещений для ведения предпринимательской деятельности, поставке товаров под торговой маркой франчайзера, по оказанию маркетинговых услуг, услуг по обучению персонала и т.д.).

В узком смысле слова под «международным франчайзингом» понимается внешнеэкономический договор по передаче комплекса исключительных прав на срок, сопровождающийся передачей прав на эксклюзивную продажу товаров, оказание услуг или выполнение работ на определенной территории.

Правовое регулирование международного франчайзинга требует отдельной регламентации, поскольку каждый сопутствующий реализации международного франчайзинга гражданско-правовой договор, осложненный «иностранном элементом», требует самостоятельного коллизионного регулирования. Не всегда обязательственный статут договора коммерческой концессии, предусмотренный гражданским законодательством, является достаточным для разрешения спора, возникшего в процессе реализации международного франчайзинга.

К специфическим особенностям договор франчайзинга как *sui generis* относятся: трансграничная передача не одного объекта исключительных прав, а комплекса исключительных прав, иногда сопровождаемая передачей и объектов права собственности; действие пользователя без поручения правообладателя, по своей инициативе и за свой счет (оказание услуг относится к дополнительным обязанностям франчайзера и не является основным предметом договора).

Правовое регулирование договора франчайзинга в международном коммерческом обороте характеризуется возможностью применения входящих в *lex mercatoria* норм и не ограничивается выбором правовой системы определенного государства.

Так, применение международных торговых обычаев и международных обычаев делового оборота (входящих в систему *lex mercatoria*) связано как с выбором применимого права самими контрагентами, так и с разрешением коллизионной проблемы правоприменительным органом.

Применение Руководства по франчайзингу, Модельного закона, Типового контракта (входящих в систему *lex mercatoria*) допускается только при указании на их действие соглашением сторон.

Применимое к договору международного франчайзинга право определяется в соответствии с обязательственным статутом, принципом автономии воли сторон, законом наиболее тесной связи, коллизионной привязкой – при отсутствии соглашения сторон о выборе права.

Целесообразно закрепить в качестве императивной нормы обязанность правообладателя оказывать пользователю постоянное техническое и консультативное содействие, включая содействие в обучении и повышении квалификации работников, а также осуществление контроля качества товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) пользователем на основании договора франчайзинга.

По итогам исследования были сформулированы следующие предложения по совершенствованию гражданского законодательства Республики Таджикистан:

изменить название главы ГК РТ и соответствующих статей в этой главе с «коммерческая концессия» на «франчайзинг»;

внести изменение в ч. 1 ст. 1218 ГК РТ путем исключения слова «страны» и изложить ее в следующей редакции: «Договорные отношения регулируются правом, выбранным соглашением сторон, если иное не предусмотрено законодательными актами Республики Таджикистан»;

конкретизировать ст.1222 ГК РТ и изложить ее в следующем виде: «договор франчайзинга, в частности толкование договора, права и обязанности сторон по договору, исполнение договора, последствия неисполнения (или ненадлежащего исполнения договора), прекращение договора, основания и последствия недействительности договора, уступка требования и перевод долга в связи с договором»;

внести изменения в ч. 1 ст. 962 ГК РТ в части введения преддоговорной стадии заключения договора франчайзинга (коммерческой концессии), где потенциальный франчайзер обязуется предоставить потенциальному франчайзи документ раскрытия информации о франшизе, а также разработать на базе модельного Закона «О раскрытии информации о франшизе» (УНИДРУА) аналогичный отечественный закон;

ч.1 ст. 962 ГК РТ изложить в следующей редакции: «1. Правообладатель обязан: за 20 дней до подписания договора или до момента оплаты потенциальным пользователем причитающихся сумм, связанных с подписанием договора, передать пользователю техническую и коммерческую документацию и предоставить иную информацию, необходимую пользователю для осуществления прав, предоставленных ему по договору франчайзинга (коммерческой концессии), т.е. документ раскрытия информации. При этом потенциальные стороны должны заключить договор, регулирующий вопросы о взаимных обязательствах сторон на случай отказа от заключения договора франчайзинга (коммерческой концессии), в том числе о последствиях разглашения пользователем документа раскрытия информации, переданного ему правообладателем. Потенциальный пользователь должен по требованию правообладателя в письменной форме подтвердить получение документа о раскрытии информации»;

изменить норму ч. 1 ст. 962 ГК РТ, изложив ее в следующей редакции: «выдать пользователю предусмотренные договором лицензии на использование объектов интеллектуальной соб-

ственности, обеспечив их оформление в установленном порядке». В целях устранения дублирования норм исключить из ч. 2 ст. 962 ГК РФ такую обязанность правообладателя, как обеспечение регистрации договора франчайзинга (коммерческой концессии);

изменить норму ч. 1 ст. 966 ГК РФ, изложив ее в следующей редакции: «1. Пользователь, надлежащим образом исполнявший свои обязанности, имеет по истечении срока договора коммерческой концессии преимущественное право на заключение договора на новый срок. При заключении договора коммерческой концессии на новый срок условия договора могут быть изменены по соглашению сторон»;

исключить из ч. 1 ст. 964 ГК РФ обязательство пользователя согласовывать с правообладателем место расположения коммерческих помещений, используемых при осуществлении предоставленных по договору исключительных прав, а также их внешнее и внутреннее оформление с целью устранения дублирования нормы ст. 963 ГК РФ;

внести в ст. 965 ГК РФ корректировку, указав следующее: «В случае удовлетворения правообладателем обоснованных требований, предъявленных потребителями товаров (работ, услуг) к пользователю ввиду недобросовестного выполнения им своих обязательств, правообладатель вправе предъявить к последнему регрессное требование о возмещении понесенных правообладателем расходов, связанных с удовлетворением таких требований».

12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

Защиты кандидатских диссертаций

Бабина Ксения Ивановна

**Государственные учреждения науки как субъекты
финансового права**

Дата защиты – 6 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
Научный руководитель	Бехер Вероника Виссарионовна
Оппоненты	Смирнов Дмитрий Анатольевич, Беликов Евгений Геннадьевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Диссертационный совет Д 212.239.01 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна диссертационного исследования. В диссертации разработаны теоретические основы деятельности государственных учреждений науки как субъектов финансового права, позволившие сформулировать и обосновать предложения по совершенствованию норм финансового и бюджетного законодательства, а также практики их применения.

На защиту выносятся следующие новые положения и положения, содержащие элементы новизны:

Государственное учреждение науки – некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации в форме автономного, бюджетного или казенного учреждения, представляющая собой общественное объединение научных работников и реализующая в качестве основного вида деятельности научную и (или) научно-техническую деятельность.

Разработан авторский понятийно-категориальный аппарат, позволяющий уяснить особенности финансово-правового регулирования деятельности научных учреждений.

Бюджетные правоотношения с участием государственных учреждений науки представляют собой урегулированные нормами бюджетного права общественные отношения, участниками которых являются автономные, бюджетные и казенные учреждения науки, реализующие бюджетно-правовые нормы на практике в процессе образования, распределения и использования денежных фондов государства.

Финансовая деятельность научных учреждений – плановая деятельность по образованию, распределению и использованию денежных фондов учреждения в целях выполнения фундаментальных и (или) прикладных исследований или разработок в той или иной области знаний, а также реализации иных целей и задач учреждения, закрепленных в его уставе.

Аргументировано наличие следующих признаков государственных учреждений науки как субъектов финансового права:

основной деятельностью выступает научная и (или) научно-техническая деятельность;

являются некоммерческими организациями;

являются юридическими лицами публичного права;

создаются собственником, которым выступает Российская Федерация или субъекты Российской Федерации;

могут быть автономными, бюджетными или казенными учреждениями;

действуют на основании устава или положения (для казенных учреждений);

представляют собой общественное объединение научных работников;

значимость деятельности и влияния научной и (или) научно-технической деятельности на социально-экономическое развитие государства;

осуществляют посредством научной и (или) научно-технической деятельности привлечение финансовых ресурсов в экономику государства;

финансовое обеспечение деятельности научных учреждений основывается на его целевой ориентации и множественности источников финансирования, однако преимущественно осуществляется Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации;

финансовое обеспечение выполнения государственного (муниципального) задания бюджетным учреждением проводится через механизм субсидирования из соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации;

в рамках деятельности учреждений науки происходит интеграция научной, научно-технической и образовательной деятельности.

Сделан вывод о необходимости признания науки приоритетной социально значимой отраслью, определяющей уровень социально-экономического развития Саратовской области, и целесообразности принятия в связи с этим закона Саратовской области «О научной политике на территории Саратовской области» с закреплением в нем принципов финансового обеспечения научной и (или) научно-технической деятельности в Саратовской области за счет средств бюджета Саратовской области, а также форм такой финансовой поддержки.

Выявлены характерные особенности финансовой деятельности государственных учреждений науки:

осуществляется на основе нормативно-правовых актов различного уровня и индивидуальных правовых актов;

правовое регулирование осуществляется и финансовым, и гражданским законодательством;

составной частью финансовой деятельности научных учреждений выступает финансовый контроль, который проводится в процессе получения бюджетных средств и их использования в целях функционирования учреждения, развития науки и т.д.;

строится на основе планов;

осуществляется на основе управленческих решений; в процессе финансовой деятельности участвуют как бюджетные, так и «внебюджетные» средства.

Доказано, что Российская академия наук, участвуя в бюджетных правоотношениях, является главным распорядителем бюджетных средств, наряду с органами государственной власти, органами управления государственным внебюджетным фондом, органом местного самоуправления, органом местной администрации, как значимое учреждение науки, обладая при этом соответствующими бюджетными полномочиями.

Выявлены особенности бюджетных правоотношений с участием государственных учреждений науки, которые заключаются в следующем:

возникают в процессе планового образования, распределения и использования государственных денежных фондов, т.е. в процессе финансовой деятельности научных учреждений;

представляются имущественными правоотношениями, возникающими по поводу финансовых ресурсов, причем денежные средства являются бюджетными, получаемыми в качестве субсидии из бюджета или выделяемыми на основе сметы;

одной из сторон правоотношения выступает государство в лице уполномоченного органа;

длятся в течение года;

бюджетные средства в бюджетных правоотношениях с участием учреждений науки рассматриваются в широком смысле как совокупность денежных ресурсов Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований, предназначенных для финансового обеспечения выполняемых ими задач и функций;

государственные учреждения науки имеют субъективное право требования финансового обеспечения своей деятельности из бюджетов бюджетной системы РФ.

Целесообразно закрепить порядок финансирования научных учреждений на основе оценки качества проводимых исследований. Подобный нормативный акт может быть принят в форме постановления Правительства РФ. Установление критериев оценки эффективности деятельности государственных учреждений науки в данном нормативном акте может повлиять на размер бюджетного финансирования в последующем. Система мотивации и

стимулирования деятельности научных организаций позволит стать одной из мер повышения результативности их деятельности и будет способствовать развитию российской науки в целом.

Констатируется наличие противоречий в законодательстве, касающихся процесса обращения взыскания на денежные средства учреждений, полученные в результате осуществления ими приносящей доход деятельности. Данный вопрос видится важным и принципиальным при рассмотрении споров с участием государственных учреждений. В целях обеспечения единообразия правоприменительной практики, а также повышения правовой определенности видится целесообразным дополнить п.п. 5 и 6 ст. 123.22 ГК РФ указанием на то, что не допускается обращение взыскания на денежные средства соответственно бюджетного и автономного учреждения, полученные от приносящей доход деятельности.

Сделан вывод об особенностях ответственности государственных учреждений науки за нарушения финансового законодательства:

к научным учреждениям применяются меры административной и финансово-правовой ответственности;

одним из самых распространенных бюджетных нарушений, совершаемых учреждениями науки, является нецелевое использование бюджетных средств;

деяние, составляющее объективную сторону нецелевого использования бюджетных средств, проявляется в действиях двух видов:

нарушение принципа адресности использования бюджетных средств;

нарушение принципа целевой направленности бюджетных средств.

Гугнюк Иван Геннадьевич
Доступность банковских услуг как финансово-правовой
принцип банковской деятельности
Дата защиты – 6 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
Научный руководитель	Покачалова Елена Вячеславовна
Оппоненты	Рыбакова Светлана Викторовна, Земцова Лариса Николаевна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.239.01 при ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые в науке финансового права разработана концептуальная модель финансово-правового принципа доступности банковских услуг, включающая определение его содержания, формы нормативного закрепления и места в системе финансово-правовых принципов банковской деятельности.

Свое конкретное выражение научная новизна исследования получает в следующих основных положениях, выносимых на публичную защиту:

Доказано, что повышение уровня доступности банковских услуг является приоритетным направлением финансово-правовой политики Российской Федерации, которое отражается в области финансово-правового регулирования банковской деятельности. Аргументирована целесообразность закрепления в качестве финансово-правового принципа банковской деятельности предложенного приоритетного направления финансово-правовой политики доступности банковских услуг. Указанное предложение позволит расширить классическое определение предмета финансового права за счет включения в него общественных отношений в области функционирования банковской системы Российской Федерации.

Обосновано, что ориентиром для разработки теоретической модели принципа доступности банковских услуг служит такой принцип финансового права, как принцип приоритетности пуб-

личных задач в правовом регулировании финансовых отношений, который находит дальнейшее воплощение в принципе социальной направленности финансово-правового регулирования.

Обосновано, что доступность банковских услуг – сложносоставное, комплексное понятие, включающее в себя несколько компонентов:

количественный критерий доступности банковских услуг, предполагающий территориальную и дистанционную близость кредитных организаций, предоставляющих банковские услуги;

качественный критерий доступности банковских услуг, означающий их оперативность, своевременность, гарантированность, адаптированность и соответствие действующим финансово-правовым нормам и принципам;

критерий достаточной информативности банковских услуг, предопределяющий предоставление информации об особенностях банковских услуг и условиях их предоставления, а также выполняющий образовательную функцию (например, повышение финансовой грамотности населения);

- критерий безопасности предоставления банковских услуг получателю, связанный с реализацией совокупности мер и способов, направленных на защиту осуществляемых банковских услуг от внешнего вмешательства.

На основании предложенных правовых и организационных критериев доступности банковских услуг сформулирована авторская дефиниция доступности банковских услуг, под которой следует понимать комплексную характеристику банковской услуги, предоставляемой потребителю с учетом качественного, количественного, информационного критериев, а также критерия безопасности.

Обосновано, что реализация финансово-правового принципа доступности банковских услуг позволяет решать ряд социально-экономических проблем, таких как повышение покупательной способности населения и уровня доверия населения к банковской системе Российской Федерации.

Установлено, что финансово-правовой принцип доступности банковских услуг представляет собой новое направление деятельности кредитных организаций – клиентоориентированность.

В связи с этим предлагается принять федеральный закон «О доступности банковских услуг», авторский проект которого включает 5 глав. Первая глава содержит общие положения, основные понятия и принципы; вторая глава отражает спектр полномочий органов государственной власти, Центрального банка Российской Федерации, кредитных организаций в области реализации идеи о повышении уровня доступности банковских услуг; в третьей главе представлены нормы, регулирующие уровень доступности банковских услуг с учетом количественного и качественного критериев, а также критериев информационной достаточности и безопасности предоставления банковских услуг; четвертая глава закрепляет возможность международного сотрудничества в области повышения уровня доступности банковских услуг; пятая глава освещает заключительные положения.

Обоснована необходимость разработки Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2020 года и отражения в ней особенностей реализации принципа доступности банковских услуг.

Аргументировано, что финансово-правовой принцип доступности банковских услуг является целеустановочным принципом банковской деятельности, так как он определяет глобальные цели, стоящие перед банковской системой Российской Федерации при предоставлении банковских услуг. Исследуемый принцип позволит создать дополнительную правовую основу реформирования финансового законодательства в данной сфере.

Обоснована научная позиция о внесении изменений в Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» в части выделения преамбулы к данному Закону, а также отражения в ней принципа доступности банковских услуг.

Текст преамбулы можно представить следующим образом: «Настоящий Федеральный закон устанавливает общие принципы банковской деятельности; организацию и функционирование банковской системы Российской Федерации;

правовое положение субъектов банковских отношений; порядок регистрации и лицензирования кредитных организаций, обеспечения стабильности банковской системы; защиту прав и интересов вкладчиков и кредиторов кредитных организаций; со-

держание межбанковских отношений и обслуживание клиентов; правила сберегательного дела, бухгалтерского учета в кредитных организациях и надзора за их деятельностью; оказание банковских услуг с учетом принципа доступности».

В целях обеспечения стабильности и развития рынка банковских услуг содержание ч. 2 ст. 56 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» предлагается изложить в следующей редакции: «Главными целями банковского регулирования и банковского надзора являются поддержание стабильности банковской системы Российской Федерации, защита интересов вкладчиков и кредиторов, а также повышение уровня доступности банковских услуг в рамках банковской деятельности».

Обосновано, что, поскольку банковские услуги являются составной частью банковской деятельности, которая, в свою очередь, является частью финансовой деятельности государства, необходимо закрепить принцип доступности банковских услуг в качестве экономического норматива Банка России. Данное закрепление позволит придать большее практическое значение реализации финансово-правового принципа банковской деятельности, повысить финансовую надежность кредитных организаций и уровень доверия населения к банковской системе Российской Федерации. В соответствии с этим предлагается внести изменения в ст. 62 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», дополнив ее п. 11 следующего содержания: «11) норматив доступности банковских услуг». Указанное изменение актуально в рамках усиления императивности финансово-правовой нормы, регулирующей доступное предоставление банковских услуг.

Климовский Руслан Викторович
Система налогового права России
Дата защиты – 26 апреля 2016 г.

Место выполнения ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»

работы	
Научный руководитель	Цинделиани Имеда Анатольевич
Оппоненты	Разгильдиева Маргарита Бяшировна, Устинова Наталья Сергеевна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» Диссертационный совет Д 170.003.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в уточнении научного знания о факторах организации налогово-правовых средств в систему налогового права, разработке теоретических положений, характеризующих современное состояние, свойства, связи и тенденции развития системы налогового права.

На защиту выносятся следующие положения:

Система налогового права Российской Федерации определена как единство форм налогового права, организованных на основе системообразующих факторов – предмета и целевого назначения.

Установлено, что элементами системы налогового права Российской Федерации являются формы международного и внутригосударственного налогового права, к которым отнесены основополагающие (общие) принципы международного налогового права, международные налоговые соглашения, основополагающие (общие) принципы национального налогового права и национальные нормативные правовые акты о налогах и сборах.

Определено понятие целостности налогового права, как характеристики, являющейся показателем внешних и внутренних состояний системы налогового права. По отношению к внешней среде целостность обозначает, что налоговое право в единстве своих налогово-правовых средств является относительно самостоятельным правовым образованием и осуществляет законченное правовое регулирование участка общественных отношений, определенных как предмет налогового права. По отношению к внутренней среде целостность фиксирует соотношение тех свойств налоговоправовых средств системы, которыми они обла-

дают сами по себе и тех свойств, которые они приобретают при взаимодействии с другими налоговоправовыми средствами, и отражает их согласованность, подчинение общесистемным закономерностям и степень участия в реализации целей системы. Обоснован тезис, что целостность налогового права нарушена в силу следующих причин: разнонаправленность, противоречивость фискальных и управленческих целей государства и муниципальных образований; разнородность общественных отношений, входящих в предмет налогового права; низкие интегративные свойства у налогово-правовых средств налогового права.

Установлено, что с позиций теории систем налоговое право является простой системой. Выявлено, что с совершенствованием российского налогового права появилась тенденция к преобразованию системы налогового права в сложную систему. Отмечено, что данное преобразование сопровождается постоянным ростом объема налогово-правовых средств при одновременном снижении их формальной и фактической ясности и нарушении их взаимосвязи.

Сделан вывод, что основными системообразующими факторами для налогового права выступают его предмет, цели налогово-правового регулирования и целевое назначение. Обосновано утверждение, что главной целью налогово-правового регулирования является установление правовых оснований для финансовой деятельности государства и муниципальных образований по формированию публичных денежных фондов за счет законно установленных налогов и сборов. Сформулировано определение целевого назначения как инструментальной характеристики налогового права, обозначающей направленность сущностных и системных свойств налоговоправовых средств на достижение результата, определенного налоговым правотворцем, на момент их создания.

Выявлено, что координационные связи налогового и гражданского права носят односторонний характер, выражающийся в заимствовании налоговым правом гражданско-правовых конструкций, измененных в соответствии с целевым назначением налогово-правовых средств. Обоснован двухсторонний характер связей, образующихся при взаимодействии систем бюджетного и налогового права.

Структура налогового права обозначена как совокупность связей, существующих между правовыми средствами системы налогового права и обуславливающих их расположение в определенном порядке. Установлено, что системе налогового права присуще свойство полиструктурности, которое определено как существование в системе налогового права иерархически соподчиненных структур, каждая из которых соответствует определенному уровню его анализа. Обоснована устойчивость структуры налогового права, сформированной на основании критерия целевого назначения налоговоправовых средств и включающей в себя общие, системообразующие, основные и сопутствующие части налогового права.

К общим налогово-правовым средствам отнесены понятийный аппарат, принципы и унифицированные положения налогового права. Общие правовые средства налогового права выражают его системные свойства, координируют и согласовывают направленность действий остальных средств, обеспечивая тем самым единство их целевого назначения в рамках системы налогового права.

Сделан вывод, что к системообразующим налогово-правовым средствам относятся институт налогового правотворчества; нормы, регулирующие правовой статус субъектов налогового права; институт налоговой обязанности; нормы, конкретизирующие налоговую обязанность. Нарушение связей данных налогово-правовых средств с остальными правовыми средствами системы налогового права ведет к утрате системой стабильности и к ее разрушению.

К основным налогово-правовым средствам отнесены: институт налогового контроля; налоговые процедуры (в частности, налоговый процесс); институт налоговой ответственности; способы обеспечения исполнения налоговой обязанности и ряд других частей. Аргументируется тезис, что основные правовые средства налогового права обеспечивают эффективность применения системообразующих правовых средств, и, таким образом, способствуют стабильному функционированию всей системы налогового права.

Сделан вывод, что сопутствующие налогово-правовые средства предназначены для решения второстепенных задач, которые

возникают в ходе достижения цели налогово-правового регулирования и содержат алгоритм выбора налогово-правовых средств, который позволяет согласовывать целеустремленные действия по достижению цели налоговоправового регулирования и решению указанных выше задач.

Бацура Михаил Сергеевич
Субъекты банковского права
Дата защиты – 26 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»
Научный руководитель	Бельский Константин Степанович
Оппоненты	Алексеева Диана Геннадьевна, Киселёва Ольга Игоревна
Ведущая организация	ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» Диссертационный совет Д 170.003.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»

Научная новизна диссертации состоит в разработке основных положений теории субъекта банковского права, в рамках которой:

сформулированы характерные признаки субъектов банковского публичного права, на основе которых предложено авторское определение понятия «субъект банковского публичного права»;

сформулировано авторское определение понятия «банковские правоотношения» и разработана их классификация;

определено место банковского права в системе финансового права, сделан вывод о финансово-правовой природе института банковского публичного права;

предложено авторское определение понятия «банковская публичная правосубъектность».

Сформулированы и обоснованы следующие основные положения и выводы, выносимые на защиту:

Обосновано, что банковское право в системе российского права представляет собой совокупность институтов банковского публичного и частного права.

Банковское публичное право определено как институт финансового права, поскольку регулирует на основе метода власти-подчинения (императивного метода правового регулирования) отношения, которые носят публичный характер и возникают между субъектами, участвующими в реализации финансовой деятельности государства.

Банковское частное право определено как институт гражданского права, поскольку регулирует имущественные и неимущественные отношения, возникающие в связи с осуществлением банковских операций и сделок, которые строятся на началах равенства сторон и диспозитивности, а также, в большинстве своем, регулируются нормами гражданского законодательства.

Сформулировано понятие «банковское публичное право», под которым предлагается понимать институт финансового права, который включает правовые нормы, регулирующие публично-правовую деятельность Банка России, территориальных учреждений Банка России, кредитных организаций, Агентства по страхованию вкладов, осуществляемую на основе императивного метода правового регулирования.

Сформулировано понятие «банковские правоотношения», под которыми автор предлагает понимать урегулированные нормами права формы фактических банковских отношений, одной из сторон которых всегда выступает Банк России, его территориальное учреждение и/или кредитная организация, а в отдельных ситуациях – Агентство по страхованию вкладов, возникающие в процессе осуществления банковской деятельности, носящие частно-правовой или публично-правовой характер.

Банковская публичная правосубъектность может быть определена как законодательно установленная способность субъекта банковского публичного права обладать субъективными правами и обязанностями, приобретать своими действиями и осуществ-

лять права и обязанности, а также выступать в качестве участника публичных банковских правоотношений. Совокупность прав и обязанностей субъекта банковского публичного права составляет содержание банковской публичной правосубъектности или правовой статус субъекта.

Субъект банковского публичного права определен как лицо, либо организация, которые в силу комплекса конституционных, административных и финансово-правовых норм обладают банковской публичной правосубъектностью, т.е. способностью участвовать в публичных банковских правоотношениях и своими действиями приобретать и осуществлять субъективные права и юридические обязанности. Сам факт признания лиц субъектами банковского публичного права не влечет возникновения банковских правоотношений между указанными субъектами.

Теоретически обосновано предложение дополнить статью 77 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» абзацем следующего содержания: «Банк России обязан ежеквартально проводить консультации с кредитными и некредитными финансовыми организациями, а также их ассоциациями, союзами и саморегулируемыми организациями по вопросам регулирования банковской деятельности и деятельности в сфере финансовых рынков».

Аргументирован вывод о том, что отзыв лицензии Банком России по своей правовой природе возможно определить как исключительную меру воздействия. В том случае, если правонарушение, допущенное кредитной организацией, является несущественным, автор предлагает применять иные меры ответственности, предусмотренные законодательством. Отзыв лицензии в качестве меры ответственности не может применяться при несущественных нарушениях, но должен применяться в случаях существенного нарушения федеральных законов или нормативных актов Банка России и неисполнения предписаний Банка России, вынесенных по результатам совершения указанных правонарушений, а также в случае, если в результате нарушения действующего законодательства возникла реальная угроза интересам кредиторов и вкладчиков кредитной организации.

Диссертантом предложено законодательно закрепить правовое положение территориальных учреждений Банка России путем внесения поправок в Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и создания специальной главы, регулирующей их правовой статус.

Аргументирован вывод о возможности законодательного закрепления принципа обязательного представительства со стороны коммерческих банков и общественности в руководстве территориальных учреждений Банка России в целях повышения эффективности взаимодействия между Банком России и кредитными организациями, а также сокращения числа отделений Банка России путем объединения их в филиалы главных управлений Банка России, что позволит повысить уровень эффективности контроля и надзора как за деятельностью территориальных учреждений Банка России, так и за деятельностью кредитных организаций.

Теоретически обосновано предложение о внесении изменений в Федеральный закон от 02 декабря 1990 г. №395-1 «О банках и банковской деятельности» и соответствующие нормативные правовые акты и упразднении института небанковских депозитно-кредитных организаций.

Теоретически обосновано предложение внести изменения в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и установить, что механизмы предупреждения банкротства кредитных организаций должны использоваться в отношении системно значимых банков. Для того чтобы определить, относится ли банк к числу системно значимых, предлагается установить следующие критерии: размер активов кредитной организации; объем операций; доля, занимаемая кредитной организацией на рынке; негативные последствия, которые могут наступить для рынка, иных финансовых институтов, а также для обеспечения финансовой стабильности в целом, в случае банкротства и ликвидации кредитной организации.

Теоретически обосновано, что среди функций органов государственной власти как субъектов банковского права следует выделить:

определение и законодательное закрепление основных направлений политики государства в области осуществления Банком России и кредитными организациями банковской деятельности; 2) формирование состава органов надзора за банковской системой; 3) осуществление контроля за деятельностью Банка России.

При наделении органа государственной власти полномочиями в банковской сфере следует тщательно сопоставить делегируемые полномочия с уже предоставленными иным органам государственной власти в целях устранения дуализма в компетенции.

Смолицкая Елена Евгеньевна
Гражданско-правовые институты, понятия и термины в
налоговом праве

Дата защиты – 26 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»
Научный руководитель	Сенцова Марина Валентиновна
Оппоненты	Крохина Юлия Александровна, Мачехин Виктор Александрович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского» Диссертационный совет Д 170.003.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в работе предложена концепция связи налогового и гражданского права, выявлены закономерности этой связи, на основе которых разработана методология разрешения правовых проблем в исследуемой сфере. Впервые проведено научное разграничение институтов, понятий и терминов, заимствуемых налоговым правом из гражданского права; исследованы и описаны

юридико-технические способы использования гражданско-правовых институтов в налоговом правотворчестве, сформулированы принципы их использования. В работе аргументировано мнение автора по ряду дискуссионных вопросов, в частности: о том, что термины в системе «гражданское право – налоговое право» должны быть однозначными; о необходимости адаптации частноправовых конструкций в публично-правовом режиме; дано также определение такой адаптации.

На защиту выносятся следующие основные положения и выводы, обладающие научной новизной или содержащие в себе элементы новизны для финансово-правовой науки:

Разработана концепция связи гражданского и налогового права, согласно которой между гражданским и налоговым правом объективно существует внутренняя (сущностная) и внешняя связь.

Выделены два аспекта **внутренней (сущностной) связи** налогового и гражданского права: *динамический* (преемственность экономических отношений на стадии образования объекта налогообложения и на стадии перераспределения) и *статический* (единый имущественно-стоимостной характер гражданско-правовых и налоговых отношений), которые, соответственно, порождают преемственность правового регулирования и сходство юридико-технических решений гражданского и налогового права.

Выявлены формы проявления внутренней (сущностной) связи гражданского и налогового права:

прямое влияние гражданского права на налоговое;

обратное воздействие налогового права на гражданско-правовые отношения.

Выявлено, что **внешняя связь** налогового и гражданского права выражается в их взаимодействии, дополнении друг друга в процессе правового регулирования.

Выявлен интегративный характер терминологической связи налогового и гражданского права, заключающийся в том, что она объединяет и опосредует все формы связи указанных правовых образований, поскольку выступает языковым явлением.

Обосновано, что в процессе налогового правотворчества *понятия* как мыслительные модели правовых явлений используются при концептуальной разработке правовых норм, а *термины*

как их языковые знаки включаются в правовой текст; эти процессы должны происходить синхронно. Доказано, что только однозначные термины могут выступать точными идентификаторами правовых явлений, поэтому необходимо стремиться к однозначности терминов.

В целях обеспечения правовой определённости предлагается внести изменения в ст. 11 НК РФ, направленные на то, чтобы: а) адекватно отразить в законодательстве соотношение понятий и терминов, б) не допускать смешения в законодательстве категорий «понятия» и «правовые институты», поскольку это явления разного порядка, в) исключить легальное допущение многозначности юридических терминов.

Предлагаются следующие методы достижения однозначности терминов в системе «гражданское право – налоговое право»:

унификация терминов – приведение понятий и терминов в налоговом праве к полному тождеству с таковыми в гражданском праве;

разработка новых налогово-правовых терминов для понятий, которые претерпели изменения в налоговом праве;

дополнение языковых формулировок терминов указанием на налоговую сферу их употребления;

согласование объёма и содержания взаимосвязанных понятий.

Выбор соответствующего метода рекомендуется производить с учётом

вида связи гражданского и налогового права, поскольку:

- понятия, опосредующие динамическую связь гражданского и налогового права, должны иметь одинаковый смысл в обоих правовых образованиях, чтобы обеспечивать преемственность правового регулирования (соответствующие термины подлежат унификации);

- понятия, опосредующие статическую связь налогового и гражданского права, могут соответствовать сходным, но не совпадающим правовым механизмам, которые в гражданском и в налоговом праве обладают отличительными признаками (в этом случае предлагается применять оставшиеся три метода из вышеперечисленных).

Выявлено использование в налоговом праве *расширенных понятий*, т.е. понятий, являющихся более широкими по отношению к гражданско-правовым и включающих их в свой объём. Это позволяет налоговому праву охватить больше правовых и экономических явлений, соблюдая принцип экономии правового материала. Сформулированы условия применения расширенных понятий: 1) отсутствие специальных правил налогообложения гражданско-правовых явлений, включённых в их объём; 2) логическая согласованность расширенного понятия с системой смежных понятий.

Установлено, что имущественные налоговые и гражданско-правовые отношения развиваются по имущественным алгоритмам. Под *имущественными алгоритмами* предлагается понимать определённую последовательность действий, которые могут производиться с экономическими благами (передача, зачёт, возврат, взимание процентов и т.п.). Гражданско-правовые институты для налогового законодателя служат образцами правового оформления имущественных алгоритмов.

Выделены формы использования гражданско-правовых институтов в налоговом правотворчестве: 1) заимствование; 2) использование в качестве моделей для разработки собственных налогово-правовых конструкций.

Выделены методы заимствования гражданско-правовых институтов в налоговое право: а) трансформация по форме; б) трансформация по содержанию; в) отсылка к гражданскому законодательству.

По степени полноты выделены виды заимствования: полное и частичное.

Сформулированы принципы использования гражданско-правовых институтов в налоговом праве:

гражданско-правовые институты могут использоваться в налоговом праве только на основании специального указания закона либо судебного решения, которому придаётся общеобязательная сила;

гражданско-правовые институты в налоговом праве должны служить целям защиты имущественных прав как частных, так и публичных субъектов налогового права;

гражданско-правовые институты могут применяться в налоговом праве только тогда, когда порядок защиты имущественных прав специально не регулируется налоговым законодательством;

гражданско-правовые институты могут применяться в налоговом праве постольку, поскольку они не противоречат целям и принципам налоговоправового регулирования, в противном случае они должны быть адаптированы к публично-правовому режиму.

Под *адаптацией частноправовых конструкций в публично-правовом режиме* предлагается понимать качественное изменение конструкций частного права в процессе приспособления к особенностям публично-правового режима, с тем, чтобы они могли служить целям повышенной защиты публичного интереса и обеспечения юридической централизации отношений субъектов публично-правовых отношений.

Выделены стадии налогового правоприменения, на которых гражданско-правовые понятия и соответствующие термины используются наиболее часто, выявлена их роль на каждой из стадий:

стадия юридической квалификации дела:

подбор правового понятия, соответствующего фактической ситуации по всем существенным признакам, напрямую влияет на квалификацию дела;

стадия проверки и толкования нормы права:

при толковании налоговой нормы, содержащей гражданско-правовые понятия, смысл последних в обязательном порядке подлежит уяснению и влияет на результаты толкования нормы в целом;

при целевом толковании налоговой нормы могут использоваться гражданско-правовые понятия, не содержащиеся в налоговом законодательстве, для лучшего уяснения смысла налоговой нормы;

стадия решения дела:

гражданско-правовые понятия используются в составе применяемых норм или судебных доктрин.

Сделан вывод о том, что восполнять пробелы налогово-правового регулирования имущественных отношений с помощью аналогии гражданского закона нецелесообразно, во-первых, по

причине запрета ч. 3 ст. 2 ГК РФ, а во-вторых, это будет препятствовать реализации принципов налогового права и нивелировать особенности публично-правового режима.

Указанные пробелы предлагается напрямую устранять путём законотворчества. В частности, отношения, возникающие в результате ошибочного возврата налоговым органом из бюджета налога, предлагается урегулировать налоговым законодательством путём заимствования в него гражданско-правовых институтов:

неосновательного обогащения (при ошибочном возврате налога в отсутствие неправомерных действий частных субъектов налогового права);

возмещения убытков (для случаев, когда излишний возврат был произведён налоговым органом по вине частных субъектов налогового права).

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения

Защиты кандидатских диссертаций

Глотова Ирина Александровна
Конкретизация норм трудового права
Дата защиты – 4 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет»
Научный руководитель	Жильцов Мирон Александрович
Оппоненты	Хныкин Геннадий Валентинович, Драчук Мария Александровна
Ведущая организация	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» Диссертационный совет Д 212.282.02 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет»

Научная новизна предпринятого диссертантом исследования определяется недостаточной изученностью вопросов конкретизации норм в трудовом праве. Данная диссертация является комплексным исследованием конкретизационного процесса в системе отрасли трудового права и трудового законодательства и проблем, связанных с ним.

Полученные в результате диссертационного исследования выводы отражаются в положениях, выносимых на защиту:

1. Сделан вывод о том, что конкретизация норм в праве является полисемантическим понятием и может рассматриваться в

значении приема юридической техники для целей нормотворчества и как правовое явление, обеспечивающее процесс построения системы права в целом или отдельной отрасли.

Рассмотрение конкретизации как объективно существующего в трудовом праве процесса перехода от общих элементов к частным, направленного на построение отраслевой системы, имеет важное значение в вопросе согласованности этих элементов, объективно влияет на весь облик отрасли права, формируя её в логичную систему, что в целом существенно расширяет границы понимания исследуемой категории.

2. Обосновывается наличие специфики конкретизации в трудовом праве, обусловленной целями, задачами и принципами правового регулирования отношений, входящих в предмет отрасли, наличием локального и коллективно-договорного регулирования, следствием чего является расширение круга субъектов конкретизации за счет делегирования полномочий по нормотворчеству социальным партнерам, работодателю.

С учетом существующей специфики конкретизации норм трудового права выделены следующие её функции: преодоление неопределенности и абстрактности нормы права, уточнение понятийного аппарата трудового права, функция реализации делегированного нормотворчества, системообразующая и системосохраняющая функции конкретизации норм трудового права.

3. Установлено, что специальные нормы, регламентирующие определенный вид общественных отношений, могут по-разному отражать их особенности, то есть быть более конкретизированными по сравнению с нормами этого же порядка. С таких позиций вполне обоснованно выделение специальных норм с более высокой степенью конкретизации в рамках одной и той же части системы отрасли трудового права, чаще всего особенной. Предлагается дополнить ч. 5 ст. 74 ТК РФ, в которой нет однозначного указания на необходимость предупреждения работников о введении режима неполного рабочего времени в срок, установленный частью второй данной статьи (не позднее, чем за 2 месяца), следующей формулировкой: «В случае, когда причины, указанные в части первой настоящей статьи, могут повлечь за собой массовое увольнение работников, работодатель в целях сохранения рабочих мест имеет право с учетом мнения выборного органа первич-

ной профсоюзной организации и в порядке, установленном статьей 372 настоящего Кодекса для принятия локальных нормативных актов, вводить режим неполного рабочего дня (смены) и (или) неполной рабочей недели на срок до шести месяцев с предварительным письменным уведомлением работников в сроки, определяемые работодателем». Это позволит рассматривать данную норму специальной по отношению к ч. 1 ст. 74 ТК РФ и снимет неоднозначность в вопросе необходимости соблюдать двухмесячный срок, поскольку специальная норма характеризуется наибольшей степенью конкретности и содержит гарантию прав работника в виде учета мнения первичной профсоюзной организации.

4. Проведенный анализ принципов трудового права как основополагающих элементов системы отрасли и законодательства свидетельствует о недостаточном внимании к некоторым принципам, перечисленным в ст. 2 ТК РФ. В силу их общего генерализующего характера они требуют своей конкретизации. Принципы приобретают регулятивное значение только вместе с конкретизирующими их нормами. При этом из широкого перечня принципов, закрепленных в ст. 2 ТК РФ, необходимая конкретизация осуществлена в виде отдельной статьи только в отношении нескольких принципов: запрещения дискриминации в сфере труда, запрета принудительного труда, остальные же получили косвенное раскрытие в трудовом законодательстве.

Необходимым является проведение законодательной конкретизации всех принципов, перечисленных в ст. 2 ТК РФ и не имеющих надлежащей конкретизации, путем раскрытия каждого принципа в отдельной статье ТК РФ.

5. Обосновано, что при наличии дифференциации трудового законодательства особое теоретическое значение имеет категория конкретизации норм отрасли трудового права. Происходящая в трудовом законодательстве дифференциация правового регулирования труда отдельных категорий работников рассматривается как отраслевая конкретизация в системе трудового права, как результат процесса специализации норм в праве, в связи с чем категория конкретизации необходима для отражения в системе отрасли трудового права процесса дифференциации трудового законодательства. Дифференциация в то же время является более узким

понятием, чем конкретизация. Конкретизация в трудовом праве характеризуется развитием нормативных предписаний от общего к частному независимо от какой-либо категории работников. Дифференциация, таким образом, является одним из видов конкретизации.

6. Изучение механизма конкретизации в системе источников трудового права позволило сформулировать определение конкретизации трудовых норм как приема, характеризующего деятельность правотворческих и правоприменительных органов, социальных партнеров, включая работодателя, по дополнительной регламентации и детализации норм, носящих общий характер, получающего закрепление в соответствующих формах и направленное на совершенствование правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

7. На основе системы источников трудового права выделены формы конкретизации норм данной отрасли, под которыми понимаются выраженные в виде нормативных и иных положений результаты деятельности компетентных органов и лиц по детализации предписаний вышестоящих актов в системе источников трудового права. Системность и иерархичность построения источников трудового права обуславливают последовательную конкретизацию норм в актах нижестоящего уровня. Практически все формы обладают признаками нормативности, взаимодополняемости, при этом особенностями форм конкретизации трудового права являются нормативно-правовая и договорная природа, увеличение числа форм конкретизации по сравнению с количеством источников трудового права за счет актов, содержащих выработанные правовые позиции высших судебных инстанций. В зависимости от сферы действия указанных актов, степени их нормативности, формальной закреплённости выделены следующие формы конкретизации норм трудового права:

а) конкретизация норм международных актов в сфере труда, актов региональных международных сообществ;

б) конкретизация в нормативно-правовых актах различной юридической силы по вопросам регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, отнесенных к ведению федеральных органов государственной власти. К ним отно-

сятся: Трудовой кодекс РФ, иные федеральные законы, подзаконные акты органов исполнительной власти;

в) конкретизация норм трудового законодательства в коллективных договорах и соглашениях, в том числе посредством повышения уровня гарантий, установленных федеральными законами, иными нормативно-правовыми актами РФ;

г) конкретизация в форме локального нормотворчества, посредством которого работодатель регулирует трудовые отношения с учетом потребностей производства и/или деятельности организации, индивидуального предпринимателя;

д) конкретизация в форме правоположений и правовых позиций, вырабатываемых в ходе принятия постановлений Пленума Верховного Суда РФ и вынесения решений Конституционного Суда РФ, направленных на дополнение и изменение норм трудового законодательства.

8. Выявлены случаи отсутствия конкретизации ряда важных норм международного трудового права в национальном законодательстве. В частности, необходимость конкретизации вызывает требование Конвенции МОТ № 98 «О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров» (1949 г.) относительно невмешательства со стороны трудящихся и предпринимателей или со стороны их агентов, членов в создание и деятельность организаций или управление ими. В нарушение данной международной нормы в национальной практике допускается вступление руководителя или управленческого персонала организации в одну и ту же профсоюзную организацию с другими работниками этой же организации. Предложено внести в Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» соответствующее ограничение: «Запрещается любое вмешательство в деятельность организаций, создаваемых работниками для защиты своих интересов, в том числе посредством членства представителей работодателя в таких организациях, входящих в органы управления данных организаций».

9. Установлено, что особенностью нормативно-правового регулирования трудовых отношений является усиление конкретизации за счет издания писем компетентных органов исполнительной власти (Министерства труда и социальной защиты РФ, Феде-

ральной службы по труду и занятости) в виде разъяснений трудового законодательства, которые позволяют преодолевать неопределенность положений трудового законодательства, решать сложные ситуации правоприменения и фактически конкретизируют нормы, регулирующие трудовые и непосредственно связанные с ними отношения.

В связи с этим видится необходимым закрепление за данными ненормативными актами в силу их конкретизирующего характера статуса официального разъяснения. Для этого следует наделить таким правом Министерство труда и социальной защиты РФ и Федеральную службу по труду и занятости РФ путем внесения в Положения о соответствующих органах самостоятельного правомочия: «Издание официальных разъяснений по применению отдельных положений трудового законодательства». Для

признания данных документов официальными разъяснениями необходимо исключить авторство данных писем и предусмотреть коллегиальное их принятие.

10. На основе анализа процесса конкретизации трудовых норм сделан вывод о необходимости его осуществления с учетом соответствующих пределов, под которыми предлагается понимать границы, определяющие

баланс общих и конкретизирующих норм в праве, закрепленные в виде норм или устанавливаемые в результате правоприменительной деятельности.

Выход за пределы конкретизации норм права может повлечь неблагоприятные последствия в виде ограничения и иного нарушения прав и интересов участников трудовых отношений. Нарушение пределов конкретизации вызвано противоположными по природе ситуациями: недостаточной и излишней конкретизацией, которые в своей совокупности являются нарушением оптимального соотношения баланса общих и конкретизирующих их норм в законодательстве.

Неучет общих норм, на которых строится конкретизация трудовых норм в законотворческом процессе, зачастую вызывает системные нарушения в виде несогласованности частей отрасли.

11. Несмотря на то, что указанные пределы в законодательстве явно не выражены, их поиск и установление в каждом кон-

кретном случае осуществления конкретизации как в законодательном процессе, так и правоприменительной практике должны происходить при одновременном анализе законодательных норм, правоприменительной практики и теории трудового права посредством определенных способов. Указанные способы обладают спецификой в зависимости от формы, в рамках которой осуществляется конкретизация норм трудового права.

Под способами установления пределов конкретизации понимаются приемы, которые способствуют обозначению границ осуществления конкретизации норм трудового права с целью оптимального сочетания норм общих и конкретизационных, в совокупности необходимых для эффективного регулирования складывающихся отношений.

Обобщив наиболее типичные нарушения пределов конкретизации с учетом форм ее реализации, выявлены следующие универсальные способы определения пределов конкретизации: установление законодательных запретов и ограничений; установление и учет принципов права; использование закрытых перечней; закрепление компетенции уполномоченных органов и лиц по конкретизации норм трудового права. Значение отраслевых принципов трудового права в процессе конкретизации является крайне важным, что позволяет не только признать за принципами значение способа установления пределов конкретизации норм, но и рассматривать их в качестве общего предела, имеющего значение для правильного осуществления конкретизации трудовых норм.

При закреплении права на конкретизацию необходимым является закрепление правил и требований к осуществлению указанного процесса. Исходя из проведенного анализа конкретизации норм трудового права, в качестве общего требования соблюдения пределов конкретизации является её осуществление на основании принципов согласованности, непротиворечивости, компетентности субъектов конкретизации, рассматриваемые как гарантии правильного и эффективного использования конкретизации в праве.

Пшеничников Сергей Витальевич
Правовое регулирование труда работников, направляемых
работодателем к другим физическим или юридическим
лицам

Дата защиты – 5 марта 2016 г.

Место выполнения работы	НОЧУ ВПО «Московский новый юридический институт»
Научный руководитель	Буянова Марина Олеговна
Оппоненты	Костян Ирина Александровна, Рогалева Галина Анатольевна
Ведущая организация	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» Диссертационный совет Д 212.048.04 при ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научная новизна диссертации заключается в том, что на основе системного подхода осуществлено первое комплексное раскрытие особенностей правового регулирования труда работников, направляемых работодателем к другим физическим или юридическим лицам, с учетом изменений, внесенных в трудовое законодательство Федеральным законом от 05.05.2014 № 116-ФЗ, а также с учетом положений разрабатываемого проекта федерального закона «О регулировании труда работников, направляемых временно работодателем, не являющимся частным агентством занятости, к другим юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала)».

Новизна исследования определяется также положениями, выносимыми на защиту.

Основные выводы и положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

Труд работников, направляемых работодателем к другим физическим или юридическим лицам, представляет собой труд, осуществляемый работником на постоянной или временной ос-

нове в пользу, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника, в соответствии с гражданско-правовым договором (аутсорсинга, аутстаффинга, о представлении персонала и т.п.), заключенным работодателем данного работника с лицом, в пользу, под управлением и контролем которого осуществляется работа. Такой труд характеризуется наличием гражданско – правовой составляющей и в нем можно выделить заемный труд на постоянной основе, запрещенный ст. 56.1 ТК РФ, введенной Федеральным законом от 05.05.2014 № 116-ФЗ, и труд по договору о предоставлении персонала на определенный срок (не запрещенный законодательством).

Отношения по труду работников, направляемых работодателем к другим физическим или юридическим лицам, в отличие от стандартных трудовых отношений, носят комплексный характер, включая гражданско – правовую составляющую (отношения между организацией-исполнителем и

организацией-пользователем (заказчиком)) и трудовую составляющую (отношения предоставленного работника с организацией-исполнителем и с организацией-пользователем (заказчиком), основанием возникновения которых является фактический состав – совокупность юридических фактов: а)

заключение трудового договора предоставленного работника с частным агентством занятости или другим юридическим лицом, которое вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда работников; б) заключение гражданско-правового договора между частным агентством занятости или другим юридическим лицом, которое вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда работников и организацией-пользователем (заказчиком); в) фактическое допущение предоставленного работника к работе в организации-пользователе (заказчике).

Стандартные трудовые отношения носят прямой и непосредственный характер, отношения по предоставленному труду (в части отношений между предоставленным работником и организацией-пользователем (заказчиком)) носят производный характер и опосредуются частным агентством занятости или другим юридическим лицом, которое вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда работников.

Регулирование отношений, возникающих при использовании труда работников, направляемых работодателем к другим физическим или юридическим лицам, должно основываться на следующих основных положениях (принципах):

обеспечение равенства правового статуса основных и предоставленных работников.

Данный принцип проявляется в требованиях:

равенства в оплате труда;

обеспечения предоставленным работникам права на вступление в профсоюзы и участие в выработке условий коллективного договора;

равных социальных прав с основными работниками (права на отдых, добровольное медицинское страхование и др.);

равенства в условиях труда;

обеспечение контроля за деятельностью частных агентств занятости или других юридических лиц, которые вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда работников (персонала).

Данный принцип проявляется в требованиях:

установления режима лицензирования деятельности частных агентств занятости или регистрационного порядка их образования; указанием в законе жестких и четких требований, которым частные агентства занятости или другие юридические лица, которые вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда работников должны соответствовать;

установления регулярного текущего контроля за деятельностью частных агентств занятости;

обеспечение конфиденциальности информации о клиентах частного агентства занятости;

срочный характер отношений по использованию труда предоставленных работников;

ограничение сферы использования труда предоставленных работников.

Трудовое законодательство, регулируя отношения по социальному

партнерству и предусматривая механизмы достижения и поддержания баланса интересов наемных работников, в то же время не включает в систему социального партнерства предоставлен-

ных работников. Этот пробел создает условия для игнорирования работодателем их интересов.

С тем, чтобы в отношениях по использованию труда предоставленных работников их участники могли в полной мере пользоваться правами и исполнять обязанности сторон социального партнерства и в целях предупреждения нарушения трудовых прав предоставленных работников и более полного обеспечения их участия в механизмах социального партнерства следует внести следующие изменения и дополнения в ТК РФ:

дополнить ст. 15 ТК РФ частью третьей следующего содержания:

«Отношения между работником сторонней организации (юридическим

работодателем), выполняющим трудовую функцию в пользу, на территории и с подчинением правилам внутреннего трудового распорядка иной организации (фактического работодателя), и фактическим работодателем признаются трудовыми»;

дополнить ст. 16 ТК РФ частью четвертой следующего содержания:

«Трудовые отношения между работником сторонней организации и фактическим работодателем возникают на основе гражданско-правового договора между юридическим работодателем и фактическим работодателем о временном предоставлении работников и фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению фактического работодателя или его представителя»;

дополнить ст. 29 ТК РФ частью 2.1. следующего содержания:

«Интересы предоставленных сторонней организацией работников при проведении коллективных переговоров, заключении или изменении коллективного договора, осуществлении контроля за его выполнением, а также при реализации права на участие в управлении организацией, рассмотрении трудовых споров работников с фактическим работодателем могут по решению работников представлять профсоюзная организация, членами которой они являются, либо первичная профсоюзная организация фактического работодателя, либо иные представители, избираемые работниками»;

в ч. 1 ст. 30 ТК РФ после слов «а в случаях и порядке, которые установлены настоящим Кодексом, – интересы всех работников данного работодателя», добавить через запятую слова: «а равно интересы работников, осуществляющих труд в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателем данных работников», далее – по тексту;

дополнить ч. 2 ст. 30 ТК РФ после слов «Работники, не являющиеся членами профсоюза,» словами «а также работники, предоставленные сторонней организацией по гражданско-правовому договору,»;

дополнить ст. 35 ТК РФ частью восьмой следующего содержания:

«При использовании работодателем труда работников сторонней

организации, предоставленных частным агентством занятости или другим юридическим лицом, в комиссию для ведения коллективных переговоров, подготовки проекта коллективного договора и заключения коллективного договора включается представитель (представители) этих работников».

Ограничения и запреты в сфере использования труда предоставленных работников можно разделить на три группы.

1) Ограничения и запреты, определяемые необходимостью защиты жизни и здоровья предоставленного работника. К ним относятся:

запрет привлечения в качестве таких работников лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста;

запрет использования труда предоставленных работников для выполнения работ с вредными и/или опасными условиями труда.

Ограничения и запреты, определяемые необходимостью защиты прав предоставленных работников. К ним относятся:

запрет дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности, социального происхождения, социального положения и т.д.;

ограничения на срок договора работника с частным агентством занятости или другим юридическим лицом, которое праве осуществлять деятельность по предоставлению труда работников;

установление предельных сроков предоставления работников по договору о предоставлении персонала.

Ограничения и запреты, определяемые необходимостью достижения баланса интересов участников в сфере использования предоставленного труда. К ним относятся:

запрет на использование труда работников по договору о предоставлении персонала для замены бастующих работников организации-пользователя, заказчика;

запрет на замену работников с целью воздействия на процесс разрешения трудовых споров и конфликтов;

запрет на применение труда предоставленных работников в отдельных отраслях экономики;

запрет на использование предоставленных работников на работах, профильных для организации-пользователя;

установление лимита на количество предоставленных работников, которое вправе использовать организация-пользователь, заказчик.

В отношениях по использованию труда работников, направленных работодателем к другим физическим или юридическим лицам, фактический и юридический работодатели образуют своеобразную фигуру комплексного работодателя. Такой комплексный работодатель обладает определенной целостностью, поскольку в отношениях по использованию труда предоставленных работников частное агентство занятости или другое юридическое лицо, которое вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда работников и организация-пользователь (заказчик) не могут исполнять функции работодателя автономно друг от друга: права и обязанности этих субъектов распределены, но остаются взаимосвязанными.

Распределение юридической ответственности между юридическим и фактическим работодателями при использовании труда предоставленных работников, определяется содержанием отношений, возникающих между предоставленным работником, частным агентством занятости или другим юридическим лицом, которое вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда работников (юридическим работодателем) и организацией-пользователем (заказчиком) (фактическим работодателем).

В случаях, когда права предоставленного работника корреспондируют с обязанностями и юридического, и фактического работодателя, возникает взаимосвязь между обязанностями работодателей по отношению к предоставленному работнику. В этих случаях, при нарушении его прав одна из сторон-работодателей несет основную ответственность, а другая – субсидиарную.

В случаях, когда обязанности одного из работодателей по отношению к предоставленному работнику могут быть исполнены вне зависимости от отношений этого работника с другим работодателем, то ответственность за их нарушение ложится только на работодателя, допустившего его.

12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право

Защиты докторских диссертаций

Дудиков Михаил Владимирович
Правовое обеспечение публичных интересов в горном праве
Дата защиты – 24 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный консультант	Краснова Ирина Олеговна
Оппоненты	Анисимов Алексей Павлович, Духно Николай Алексеевич, Навасардова Элеонора Сергеевна
Ведущая организация	Институт проблем экологии и недропользования ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» Диссертационный совет Д 212.123.03 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный
Место защиты	юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна выражается в том, что в ней впервые проведено комплексное монографическое исследование проблем правового обеспечения публичных интересов в горном праве, на основе которого сформулирована научная концепция правового обеспечения публичных интересов в горном праве и предложены пути совершенствования законодательства в этой области, преду-

считающие необходимость учета специфических особенностей в сфере недропользования.

В результате проведенного исследования:

определена роль публичных интересов в недропользовании, которая направлена на поступления в бюджеты, обеспечение регионов сырьем, социально-производственное развитие территорий;

сформулированы понятия, признаки, структура и содержание публичных интересов;

предложено учесть опыт правового регулирования публичных интересов прошлых лет, а также зарубежный опыт при разработке проектов нормативных правовых актов;

показана роль горного права в обеспечении публичных интересов;

дано определение «мер правового обеспечения публичных интересов в горном праве», предложена классификация видов таких мер;

показаны недостатки правового регулирования отношений, связанных с обеспечением публичных интересов в недропользовании;

выявлена необходимость совершенствования правового регулирования отношений недропользования;

доказана необходимость закрепления в законодательстве Российской Федерации о недрах возможности оперативного вмешательства государства в деятельность горнодобывающего предприятия, в случае, если отсутствие такого вмешательства приведет к ущемлению публичного интереса;

аргументирована необходимость освобождения недропользователей от разовых платежей за пользование недрами для стимулирования добычи полезных ископаемых на труднодоступных, нерентабельных, брошенных участках недр;

обоснована необходимость внесения в законодательство изменения допускающего разделение, объединение, изменение границ участков недр; заключение договора о совместной деятельности на сопряженных участках недр; предоставление недропользователю возможности передачи права пользования участком недр или его частью другому недропользователю, отвечаю-

пчему требованиям установленным законодательством Российской Федерации о недрах;

доказано, что с целью обеспечения публичных интересов, в аукционы необходимо включить условие о полном извлечении полезных ископаемых, о проведении эффективных мероприятий по охране недр и окружающей среды, а также обязанность недропользователя обеспечить вклад в социально-экономическое развитие территории, на которой осуществляется недропользование.

В диссертации также сформулированы иные теоретические выводы и положения, обладающие элементом научной новизны, практические выводы и рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере обеспечения публичных интересов.

На защиту выносятся следующие наиболее существенные теоретические результаты исследования, отражающие научную новизну работы:

В теории горного права нет унифицированного доктринального понятия «горное право». Для целей настоящего исследования предлагается авторское определение этого понятия: «Горное право – подотрасль природоресурсного права, нормы которой регулируют отношения по поводу недр в их юридическом понимании, включающие отношения собственности на недра, их использования и охраны, а также использования отходов горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств».

Роль горного права в обеспечении публичных интересов основана на конституционных положениях об использовании и охране природных ресурсов как основе жизни и деятельности народов, и заключается в обеспечении экономики страны минеральными ресурсами, извлечении прибыли для социально-экономического развития, обеспечении охраны окружающей среды при недропользовании.

В отсутствие легального определения понятия «публичный интерес в горном праве», сформулировано его авторское определение: «Публичные интересы в горном праве – объективно-значимые потребности государства и общества в области получения прибыли, решения социальных задач и охраны окружающей среды при недропользовании в целях поддержания устойчивого развития России. При этом публичные интересы по содержанию представляют собой единство экономических, социальных и эко-

логических интересов общества и государства». Признаками публичных интересов в горном праве являются: субъектный состав публичного интереса, включающий в себя общество, Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования; законодательное признание публичного интереса; объектный состав, включающий в себя недра как объект государственной собственности.

Частные и публичные интересы в недропользовании являются двойственными (бинарными) правовыми категориями. При этом между ними присутствуют разнообразные внутренние взаимосвязи и взаимозависимости, объединяющие их в единую систему. Взаимодействие частных и публичных интересов в горном праве вариативно, так как подвержено влиянию этапов развития государственности, техники, технологии.

Законодательством Российской Федерации о недрах предусмотрено, что задачей государственной системы лицензирования является обеспечение социальных, экономических и экологических интересов. Однако содержание этих интересов не определено. Учитывая, что социальные, экономические и экологические интересы образуют публичный интерес, предлагается следующее их определение.

Публичные экономические интересы в горном праве – это обеспеченные правом и поддерживаемые государством общественные потребности, направленные на получение материальных выгод государства в результате реализации отношений, возникающих в связи с предоставлением участков недр в пользование.

Публичные социальные интересы в горном праве – это обеспеченные недропользованием потребности государства, нынешнего и будущих поколений народов Российской Федерации в реализации социальных программ, поддержании доходов, уровня жизни и занятости населения.

Публичные экологические интересы в горном праве представляют собой потребности государства, нынешнего и будущих поколений народов Российской Федерации, в сохранении благоприятного состояния недр и их ресурсов, как элементов экосистемы, в восстановлении нарушенных недропользованием природных объектов, предупреждении и устранении деградации

окружающей среды при недропользовании, поддержании благоприятных экологических условий жизнедеятельности.

Обосновано, что конструкция публичных интересов как сложного единства экономических, социальных и экологических интересов содержит внутреннюю противоречивость. С одной стороны государство заинтересовано в увеличении экономической выгоды от использования недр как своей собственности, так как средства направляются на решение социально-значимых и иных государственных задач, что требует интенсификации хозяйственного использования участков недр. С другой стороны, расширение недропользования влечет увеличение нагрузки на экологическую систему, что способно привести к усугублению экологических проблем. Их решение требует дополнительных расходов, что снижает в целом абсолютный экономический и социальный эффект от недропользования.

Данное противоречие предлагается устранить путем разработки в законодательстве о недрах системы эффективных мер охраны окружающей среды при недропользовании и одновременной оптимизации деятельности недропользователя.

В обеспечении публичных интересов право играет основополагающую роль. Для развития права, в этой области, в диссертации сформулирована научная концепция правового обеспечения публичных интересов в горном праве. Ее элементы включают:

определение системы правовых мер обеспечения публичных интересов в горном праве;

совершенствование системы платежей с усилением стимулирующего эффекта (расчеты с государством добытыми полезными ископаемыми, освобождение от разовых платежей);

- установление в лицензии условий недропользования, отражающие публичные интересы: внесение вклада в социально-экономическое развитие территории и создание ликвидационного фонда;

гармонизацию условий проведения конкурсов и аукционов с учетом публичных интересов в недропользовании (включение в условия аукциона тех же критериев, которые установлены для конкурса, предусматривающие научно-технический уровень программ геологического изучения недр и использования участков недр, полноту извлечения полезных ископаемых, вклад в соци-

ально-экономическое развитие территории, сроки реализации соответствующих программ, эффективность мероприятий по охране недр и окружающей среды, обеспечение обороны страны и безопасности государства);

внедрение системы стратегического планирования объемов добычи и потребления минеральных ресурсов;

определение режима горного имущества, изъятие которого возможно на основании решения суда, при прекращении права пользования недрами, органами предоставившими лицензию.

Публичные интересы в горном праве, а также меры их обеспечения должны быть четко закреплены в законодательстве о недрах. Учитывая, что система мер правового обеспечения публичных интересов в горном праве не установлена, предлагается доктринальное определение понятия таких мер и их классификация на виды. Под мерами правового обеспечения публичных интересов в горном праве предлагается понимать закреплённые в правовых актах права и обязанности недропользователей, порядок предоставления, основания и порядок прекращения права пользования недрами, функции и полномочия органов государственной власти по обеспечению исполнения законодательства о недрах и юридическая ответственность за нарушение законодательства о недрах и об охране окружающей среды, отражающие баланс экономических, социальных и экологических интересов. Предлагается закрепить в законодательстве Российской Федерации о недрах следующие меры: создание ликвидационного фонда; освобождение от платежей при использовании нерентабельными участками недр; снижение налоговой нагрузки на недропользователей для стимулирования экологоориентированного недропользования.

Предлагается следующая классификация видов мер правового обеспечения публичных интересов в горном праве: правовые меры обеспечения публичных интересов, выраженные путем законодательного их закрепления; организационные меры, обусловленные наличием функций и полномочий органов государственной власти; меры юридической ответственности в системе правового регулирования использования недр и охраны окружающей среды.

Разработанная в диссертации научная концепция правового обеспечения публичных интересов в недропользовании (концепция) включает предложение о внесении в законодательство изменений допускающих: разделение, объединение, изменение границ участков недр; заключение договора о совместной деятельности нескольких недропользователей на сопряженных участках недр; предоставление недропользователю возможности передачи права пользования участком недр или его частью другому недропользователю, отвечающему требованиям, предъявляемым к пользователям недр, установленным законодательством Российской Федерации о недрах.

Концепция предусматривает, что в целях гармоничного сочетания экономических, социальных и экологических интересов, необходимо установление дополнительных условий прекращения права пользования недрами, в случае, если недропользователю в определенный отрезок времени добывать полезное ископаемое невыгодно. Эти условия должны стимулировать продолжение недропользования посредством включения возможности внесения налоговых платежей добытыми полезными ископаемыми. Такой подход позволит избежать неэффективных расходов на предусмотренную законодательством о недрах, консервацию месторождений полезных ископаемых, а также позволит государству получать доходы от добычи этих полезных ископаемых и направлять их на решение социально-экономических и экологических задач.

Объект недропользования представляет собой сложный имущественный комплекс, состоящий из технической инфраструктуры и участка недр. При этом техническая инфраструктура является частной собственностью, а участок недр – собственностью государства. В случае прекращения права пользования недрами возникают проблемы, связанные с передачей участка недр другому эффективному недропользователю, обусловленные тем, что техническая инфраструктура является собственностью недропользователя, правовой режим которой регулируется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющими свободу распоряжения собственностью. Такое обстоятельство является непреодолимым препятствием для освоения месторождения, если собственник такой инфраструктуры отказывается ее от-

чуждать. В связи с этим, в концепции предлагается распространить на эти группы отношений общие правила Гражданского кодекса Российской Федерации о принудительном отчуждении технической инфраструктуры, на основании решения органа власти о прекращении права пользования недрами.

Учитывая, что предоставление права пользования недрами согласно Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции» не осуществляется, в концепции обоснована необходимость экстраполировать на Закон Российской Федерации «О недрах» такую эффективную правовую модель данного закона как возможность освобождения недропользователей от разовых платежей за пользование недрами на труднодоступных, нерентабельных, брошенных участках недр. Эта правовая модель будет стимулировать реализацию принципа наиболее полного извлечения полезных ископаемых.

Аукционная процедура предоставления участков недр в пользование опирается на единственный критерий выбора победителя как лица, заплатившего наивысшую сумму за право добычи полезного ископаемого на участке недр в отличие от конкурсной процедуры, позволяющей учитывать в первую очередь определенные квалифицирующие условия. Учитывая, что аукционная процедура применяется в подавляющем числе случаев, отсутствие дополнительных квалифицирующих условий приводит к выбору с экологических и социально-экономических позиций неэффективного недропользователя, что создает угрозу ущемления публичных интересов. В связи с этим, в концепции предложено дополнить аукционное предоставление участков недр таким квалифицирующим условием как обязанность по проведению мероприятий по охране недр и окружающей среды, а также вкладу в социально-экономическое развитие территории. Следует определить форму такого вклада: денежных взносов, направляемый на социальные нужды; строительство социально-значимых объектов; использование местных специалистов, обучение и повышение их квалификации, а также преимущественное использование местной производственной инфраструктуры.

С учетом положительного зарубежного опыта, в частности, возмещения вреда или устранения угрозы вреда, а также в целях решения публичных экологических задач, целесообразно заим-

ствовать модель Европейского Союза в этой области. В частности, сохранив установленный единый подход к возмещению причиненного экологического вреда, дополнить его правом государства, в лице его органов, в случае неисполнения обязанности устранения недропользователем угрозы причинения дальнейшего вреда, на вынесение властного решения о проведении мероприятий по устранению такой угрозы силами государства с последующим возмещением недропользователем государственных расходов.

Технико-экономические особенности добычи полезных ископаемых не всегда позволяют оперативно, с учетом рыночной конъюнктуры, начать рентабельную добычу полезных ископаемых. Данное обстоятельство приводит к ущемлению публичных экономических интересов. Для преодоления этой ситуации необходимо организовать стратегическое планирование объемов добычи и потребностей в минеральных ресурсах на внутреннем и внешнем рынках путем разработки долгосрочных балансов объемов добычи и объемов потребления таких ресурсов на основе аналитических сведений о развитии рынка товаров, технологий и производств.

Учитывая вероятностный характер геологической информации, истощаемость и невозобновляемость полезных ископаемых, достаточно сложно прогнозировать точные объемы их запасов и добычи. Поэтому существует риск сокращения доходов недропользователей, в результате которого теряется их способность финансировать ликвидационные и консервационные мероприятия, направленные на предотвращение неблагоприятных экологических последствий недропользования. По аналогии с порядком обеспечения промышленной безопасности опасных производственных объектов, предусматривающим обязанность иметь резервы финансовых средств и материальных ресурсов для локализации и ликвидации последствий аварий, в концепции обоснована целесообразность создания подобных резервов в виде ликвидационного фонда в качестве обязательного условия предоставления права пользования недрами.

Защиты кандидатских диссертаций

Миронов Никита Юрьевич

**Правовое регулирование досрочного прекращения,
приостановления и ограничения права пользования недрами**

Дата защиты – 2 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБУ ВПО «Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина»
Научный руководитель	Василевская Дарья Владимировна
Оппоненты	Агафонов Вячеслав Борисович, Мазков Евгений Юрьевич Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан
Ведущая организация	(обособленное подразделение Государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан») Диссертационный совет Д 503.001.02 при ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
Место защиты	

Научная новизна исследования заключается в том, что автором впервые проведен комплексный и системный анализ общественных отношений, связанных с приостановлением, ограничением и досрочным прекращением права пользования недрами в Российской Федерации и зарубежных государствах, с точки зрения их формирования и становления, сущности, содержания, правовой природы, теоретических и практических аспектов. Ранее проводившиеся отечественные исследования касались отдельных проблем в указанной сфере и не систематизировали выводы, подходы, знания в этой области. В работе представлены результаты изучения эволюции правовых институтов приостановления, ограничения и досрочного прекращения права пользования

недрами, предложены авторские определения понятий «прекращение права пользования недрами», «государственное управление отношениями, связанными с приостановлением, ограничением и досрочным прекращением права пользования недрами», выделены основные задачи и принципы государственного управления отношениями, связанными с приостановлением, ограничением и досрочным прекращением права пользования недрами. В диссертации проведен сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений, а также предложены наиболее перспективные направления совершенствования законодательства Российской Федерации о недрах.

На защиту выносятся следующие положения:

По мнению диссертанта, приостановление, ограничение, досрочное прекращение права пользования недрами являются механизмом управления государственным фондом недр и одной из важнейших составляющих административно-правового механизма регулирования отношений между государством и пользователями недр. В процессе этих отношений создаются условия для обеспечения рационального использования и охраны недр, а также защиты прав и интересов недропользователей. Однако из действующего нормативного правового регулирования отношений, связанных с использованием недрами, следует, что приостановление, ограничение, досрочное прекращение права пользования недрами представляют собой, прежде всего, государственную функцию, процедура исполнения которой определена соответствующим административным регламентом.

В настоящее время отсутствуют как доктринальное, так и легальное понятия «прекращения права пользования недрами». Автором предлагается рассматривать указанный термин как доктринально, так и легально как прекращение исключительного права недропользователя на осуществление в границах конкретного участка недр деятельности, соответствующей видам пользования недрами, предусмотренным лицензией на пользование недрами (то есть связанной с геологическим изучением, разведкой и добычей полезных ископаемых, а также осуществлением иных видов деятельности, связанных с использованием недрами).

Государственное управление отношениями, связанными с приостановлением, ограничением и досрочным прекращением права пользования недрами, определяется автором как специфический вид властной государственной деятельности, содержанием которой является практическая реализация государственных полномочий по распоряжению государственным фондом недр, а именно, по приостановлению, ограничению и досрочному прекращению права пользования недрами, и которая направлена на реализацию задач, вытекающих из норм права, в том числе на исполнение законодательства Российской Федерации о недрах и в области охраны окружающей среды.

К основным задачам государственного управления отношениями, связанными с приостановлением, ограничением и досрочным прекращением права пользования недрами, диссертантом отнесены соблюдение требований законодательства Российской Федерации, достижение благоприятных условий для жизнедеятельности и обеспечение экологической безопасности граждан, в том числе обеспечение безопасности жизни и здоровья людей, работающих или проживающих в зоне влияния работ, охраны окружающей среды, рационального использования и охраны недр, безопасного ведения работ, связанных с использованием недрами.

Автором выделены основные принципы государственного управления отношениями, связанными с приостановлением, ограничением и досрочным прекращением права пользования недрами, к которым отнесены принципы законности, эффективности исполнения требований законодательства, соблюдения прав пользователей недр, независимости и объективности органов государственного управления, обеспечения рационального использования и охраны недр, а также ряд специальных (самостоятельных) принципов, таких как принципы целесообразности приостановления, ограничения и досрочного прекращения права пользования недрами (не путать с принципами справедливости и соразмерности) и защиты экономических интересов Российской Федерации; презумпции опасности деятельности, связанной с использованием недрами.

Перечень оснований для досрочного прекращения права пользования недрами, по мнению автора работы, следует допол-

нить новым основанием – случаем, если недропользователь перестал удовлетворять требованиям законодательства о недрах (в том числе требованиям о наличии квалифицированных специалистов, необходимых финансовых и технических средств для эффективного и безопасного проведения работ, связанных с использованием недрами). Введение данного основания возможно при условии закрепления механизма выявления несоответствия пользователя недр установленным требованиям и срока для устранения этого несоответствия. Схожее регулирование применяется в немецком горном законодательстве.

В части оснований и порядка досрочного прекращения, приостановления или ограничения права пользования недрами автором предлагаются правила разграничения оснований для досрочного прекращения, приостановления, ограничения права пользования недрами (посредством установления отдельных перечней оснований). Критериями разделения оснований для досрочного прекращения, приостановления, ограничения права пользования недрами должны являться степень опасности обстоятельства, с наступлением которого закон связывает наступление тех или иных последствий (досрочное прекращение, приостановление, ограничение права пользования недрами), и его влияние на жизнь и/или здоровье людей, а также на рациональное использование недр, безопасность ведения работ, связанных с использованием недрами, сохранность разведочных горных выработок и буровых скважин.

Басыров Равиль Наилевич

Правовое регулирование обустройства участков недр

Дата защиты – 2 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
Научный руководитель	Сиваков Дмитрий Олегович
Оппоненты	Елюбаев Жумагельды Сакенович,

Ведущая организация	Никишин Денис Леонидович Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан (обособленное подразделение Государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан»)
Место защиты	Диссертационный совет Д 503.001.02 при ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой первую в отечественной науке комплексную научную работу, посвященную исследованию правового регулирования обустройства участков недр. На основе изучения доктринальных источников, отечественного и зарубежного опыта в работе формулируются предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации, в частности, среди прочего в ней предложены авторское определение понятия «объекты обустройства участков недр»; меры по устранению пробелов в правовом регулировании отношений по пользованию недрами при передаче прав на объекты обустройства, в том числе в случаях досрочного прекращения права пользования недрами; способы обеспечения целевого использования земельных участков, занятых объектами обустройства, выполнения недропользователями обязанностей по консервации и ликвидации объектов обустройства, проведению рекультивации использованных земельных участков при прекращении права пользования недрами; правовые механизмы обеспечения безопасности ликвидированных подземных объектов обустройства.

На защиту выносятся следующие основные положения и выводы диссертационного исследования:

В целях создания условий для рационального использования, охраны недр и окружающей среды в целом в законодательстве Российской Федерации следует использовать единое понятие объектов обустройства участков недр (далее – объекты обустройства), для размещения, строительства, эксплуатации, консервации и ликвидации которых законодательством о недрах предусматри-

ваются специальные требования. В Закон Российской Федерации «О недрах» следует ввести соответствующее понятие и определить его содержание как подземные (полностью или частично находящиеся в недрах) объекты капитального строительства, для строительства и эксплуатации которых требуется получение лицензии на пользование недрами, а также иные объекты капитального строительства, предусмотренные проектной документацией на выполнение работ, связанных с использованием участками недр. Правовая норма-дефиниция, в которой будет закреплено определение понятия «объекты обустройства», послужит основой для развития первичной группы правовых норм – «ассоциации норм», регулирующих отношения по обустройству участков недр.

Ликвидация подземных объектов обустройства не влечет устранение соответствующих источников экологической опасности. В большинстве случаев ликвидация подземных объектов обустройства осуществляется посредством тампонирования, установления заглушек и перекрытий. То есть даже после формальной ликвидации подземные объекты обустройства физически существуют и могут быть возвращены в рабочее состояние. Более того, осмотр кадастровыми инженерами мест нахождения ликвидированных подземных объектов обустройства не позволяет сделать достоверный вывод об уничтожении таких объектов. В связи с указанными обстоятельствами названные объекты обустройства следует признавать существующими объектами капитального строительства (как и объекты, находящиеся на консервации) до тех пор, пока прекращение их существования не будет подтверждено основанным на результатах маркшейдерских работ заключением органа государственного горного надзора. До получения такого заключения подобные объекты не следует исключать из государственного реестра опасных производственных объектов и производить закрытие связанных с ними разделов Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Для поддержания безопасности уже ставших бесхозными ликвидированных подземных объектов обустройства в статье 23 Земельного кодекса Российской Федерации предлагается предусмотреть возможность установления публич-

ного сервитута в отношении земельных участков для доступа к таким объектам.

Общественные отношения по обустройству участков недр оказывают непосредственное влияние на эффективность и безопасность недропользования. Допущение свободного распоряжения объектами обустройства может повлечь нарушение принципа рационального использования недр и дополнительные экологические риски при пользовании недрами. В связи с этим следует ограничить оборотоспособность объектов обустройства, закрепив в Законе Российской Федерации «О недрах» обязательность получения недропользователем согласия органа, выдавшего лицензию, на совершение сделок с такими объектами. Основанием для выдачи согласия должно быть представление недропользователем обоснования того, что совершение соответствующей сделки не приведет к существенному снижению эффективности пользования участком недр, к срыву установленных сроков пользования недрами, а также не повлечет нарушения технологических процессов недропользования. В выдаче согласия на совершение сделок с подземными объектами обустройства, находящимися в залежах твердых полезных ископаемых, предлагается отказываться до полной разработки таких залежей, поскольку такую разработку возможно осуществить только посредством уже существующих объектов. Ввиду этого в статье 25.2 Закона Российской Федерации «О недрах» предлагается предусмотреть возможность выкупа для государственных или муниципальных нужд подземных объектов обустройства, находящихся в залежах твердых полезных ископаемых. Государственные нужды при этом определяются правом собственности государства на недра и содержащиеся в них полезные ископаемые.

Поскольку в статье 46 Земельного кодекса Российской Федерации предусматривается право арендодателя прекратить по своей инициативе аренду земельного участка, используемого не в соответствии с его целевым назначением, предлагается установить обязанность органа, выдавшего лицензию, направлять арендодателям земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, уведомления в случае прекращения права пользования соответствующим участком недр. Орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на

недвижимое имущество и сделок с ним, в свою очередь должен направлять арендодателям таких земельных участков уведомления о смене собственников объектов обустройства, расположенных в их границах. Это позволит собственникам указанных земельных участков своевременно выявлять случаи их нецелевого использования. При этом в статье 25.1 Закона Российской Федерации «О недрах» на основании подпункта 2 пункта 3 статьи 46 Земельного кодекса Российской Федерации следует предусмотреть, что досрочное прекращение аренды земельного участка в таком случае допускается только при получении арендодателем от органа, выдавшего лицензию, положительного заключения о возможности сноса расположенных на земельном участке объектов обустройства. Таким образом будет обеспечиваться сохранность объектов обустройства, использование которых может быть целесообразным для дальнейшего пользования недрами.

Как показывает практика, обязанности по консервации и ликвидации объектов обустройства, приведению участков земли и других природных объектов, нарушенных при пользовании недрами, в состояние, пригодное для их дальнейшего использования (далее – завершающие мероприятия), недропользователями часто не выполняются, в том числе ввиду неэффективности санкции в виде досрочного прекращения права пользования недрами. Выполнение недропользователями обязанности по выполнению завершающих мероприятий наиболее действенным способом обеспечивается путем заблаговременного резервирования недропользователями денежных средств.

В связи со значительной обременительностью для недропользователя мер, связанных с обязательным резервированием денежных средств, в качестве первоочередной меры в российском законодательстве предлагается закрепить обязанность недропользователя ежеквартально представлять в орган, выдавший лицензию, данные о своих финансовых возможностях, необходимых для выполнения завершающих мероприятий. Недропользователя, являющегося хозяйственным обществом, целесообразно обязать поддерживать стоимость своих чистых активов на уровне не ниже расчетной стоимости расходов, которые последний должен будет понести для выполнения завершающих мероприятий. В случае если стоимость чистых активов такого недропользователя

станет меньше указанной величины, должны применяться меры вплоть до досрочного прекращения права пользования недрами. Для обеспечения активного участия государства в процессе ликвидации субъектов хозяйственной деятельности, которым недра были предоставлены в пользование, в перечень документов, предоставляемых в регистрирующий орган при ликвидации (прекращении деятельности) соответствующих лиц, предлагается включить справку о выполнении завершающих мероприятий от органа, выдавшего лицензию.

В Законе Российской Федерации «О недрах» предлагается закрепить обязанность собственника подземных объектов обустройства осуществлять наблюдение за такими объектами после их ликвидации, поддерживать ликвидированные подземные объекты обустройства в безопасном состоянии до тех пор, пока прекращение их существования не будет подтверждено специальным заключением органа государственного горного надзора. Поскольку в статье 22 Закона Российской Федерации «О недрах» предусмотрена обязанность недропользователя обеспечить безопасность горных выработок, буровых скважин и иных связанных с использованием недрами сооружений, расположенных в границах предоставленного в пользование участка недр, в названной статье следует предусмотреть право недропользователя на получение компенсации соответствующих расходов от собственников таких объектов.

Бутылина Екатерина Вячеславовна

Земельный надзор и контроль

Дата защиты – 17 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Выпханова Галина Викторовна
Оппоненты	Устюкова Валентина Владимировна, Солдатенков Владимир Викторович

Ведущая организация	Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.123.03 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна диссертационного исследования. Это первое комплексное исследование состояния и проблем правового регулирования организации и осуществления земельного надзора и контроля, на основе которого обоснованы теоретические выводы о признаках и соотношении этих понятий, а также сформулирована научная концепция совершенствования законодательства в данной области, предусматривающая необходимость учета публично-правового содержания надзорно-контрольной деятельности, которое предопределено конституционно-правовым статусом земли как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

В результате проведенного исследования:

показана специфика надзорно-контрольной деятельности в области земельных отношений, обусловленная земельно-правовой сущностью поднадзорных (подконтрольных) объектов (земли и земельных участков);

выявлены сходства и различия земельного надзора и контроля, образующих самостоятельную функцию управления земельными ресурсами;

выделены признаки государственного земельного надзора, отличающие его от земельного контроля;

предложена авторская научная классификация требований земельного законодательства, связанных в том числе: с использованием земель и земельных участков; охраной земель; оформлением и переоформлением права собственности и иных прав на земельные участки (их части);

выявлены недостатки и сформулированы предложения по уровням осуществления государственного земельного надзора и обеспечению координации этой деятельности;

в легальном определении муниципального земельного контроля предложено уточнение его объектов

В диссертации сформулированы также иные теоретические выводы и положения, обладающие элементами научной новизны, практические выводы и рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере организации и осуществления земельного надзора и контроля.

Основные положения, выносимые на защиту:

В условиях формирования и совершенствования основ административно – правового регулирования контрольно-надзорной деятельности показано значение отраслевой специфики земельного надзора и контроля, обусловленной особенностями правового режима земель, земельно-правовой сущностью поднадзорных (подконтрольных) объектов, которыми являются: земля как природный ресурс и природный объект; земельные участки, выступающие в качестве недвижимого имущества, объектов права собственности и иных прав; части земельных участков.

Указанные признаки, определяющие публично-правовое и частноправовое содержание земельного надзора и контроля, объективируются в правовых конструкциях земельных правонарушений, в требованиях, соблюдение которых проверяется органами государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля, а также должны учитываться при определении компетенции надзорных органов.

Надзорно-контрольная деятельность в земельной сфере формализуется через государственный земельный надзор и земельный контроль (муниципальный и общественный). В ходе проведенного исследования выявлены сходства и различия земельного надзора и контроля, образующих самостоятельную функцию отраслевого управления, направленную на рациональное использование и охрану земель, соблюдение земельных прав граждан, юридических лиц и публичных образований, обеспечение законности в данной сфере и земельного правопорядка. Основное сходство государственного земельного надзора и муниципально-земельного контроля заключается в форме их осуществления – проверке соблюдения требований законодательства, за нарушение которых предусмотрена административная и иная ответственность. Общественный земельный контроль также осуществ-

ляется в форме общественной проверки. Однако она проводится в отношении издаваемых органами государственной власти, органов местного самоуправления актов и принимаемых решений, затрагивающих земельные права и законные интересы граждан, юридических лиц.

Выделены следующие признаки государственного земельного надзора, отличающие его от земельного контроля:

множественность субъектов надзора, осуществляемого уполномоченными федеральными органами исполнительной власти;

реализация при его проведении превентивной и правоохранительной функций, направленных на предупреждение, выявление и пресечение нарушений земельного законодательства, принятие предусмотренных мер по пресечению и (или) устранению их последствий, а также информационно-аналитической функции, обеспечивающей получение сведений об исполнении требований земельного законодательства.

В целях разграничения полномочий органов государственного земельного надзора, а также уточнения составов земельных и смежных административных правонарушений предложена авторская научная классификация требований земельного законодательства. Предлагается выделять требования:

а) по использованию земель и земельных участков:

целевому использованию земельных участков (включая требования, связанные с обязательным использованием земельных участков, предназначенных для сельскохозяйственного производства, жилищного или иного строительства, в указанных целях; приведением земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению и др.);

рациональному использованию земель (включая требования по недопущению при использовании земельного участка (его части) существенного снижения плодородия сельскохозяйственных земель или ухудшения экологической обстановки и др.);

б) охране земель, в том числе по улучшению земель и почв, их охране от процессов, ухудшающих качественное состояние земель (включая проведение мероприятий по рекультивации и мелиорации земель, требований о запрете самовольного снятия, перемещения и уничтожения плодородного слоя почвы, порчи земель и др.);

в) оформлению и переоформлению права собственности и иных прав на земельные участки (их части);

г) исполнению предписаний, выданных должностными лицами федеральных органов государственного земельного надзора и их территориальных органов, по вопросам соблюдения требований земельного законодательства и устранения нарушений в области земельных отношений.

В соответствии с действующим законодательством составной частью государственного экологического надзора, осуществляемого на федеральном и региональном уровнях, является государственный земельный надзор, проведение которого возложено только на специально уполномоченные федеральные органы исполнительной власти. Тем самым имеется несоответствие между уровнями осуществления государственного экологического и земельного надзора.

В целях устранения такой коллизии, оптимизации системы надзорных органов в сфере земельных отношений предлагается наделить органы исполнительной власти субъектов РФ полномочиями по осуществлению регионального государственного земельного надзора в отношении земель, находящихся в собственности субъекта РФ, а также земельных участков, на которых расположены объекты хозяйственной деятельности, поднадзорные субъектам РФ в рамках государственного экологического надзора.

Для обеспечения координации надзорной деятельности в сфере земельных отношений необходимо определить порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный земельный надзор, в административном регламенте, предусмотрев в нем требования по согласованию их деятельности при проведении плановых и внеплановых проверок, в том числе в случаях, когда при проведении проверки соблюдения требований земельного законодательства (порчи земель сельскохозяйственного назначения, нарушения требований и обязательных мероприятий по их улучшению и т. д.) в пределах полномочий одного федерального органа исполнительной власти выявляется нарушение требований, надзор за соблюдением которых относится к компетенции другого уполномо-

моченного федерального органа исполнительной власти (нецелевое использование земель и др.).

Земельным кодексом РФ не предусмотрены требования к новым формам государственного земельного надзора – систематическому наблюдению за исполнением требований земельного законодательства, анализу и прогнозированию состояния исполнения требований земельного законодательства РФ.

Предлагается определить порядок осуществления этих форм надзорной деятельности в Положении о государственном земельном надзоре, включив в него требования о взаимном обмене полученной информацией, а также ее предоставление органам прокуратуры для осуществления прокурорского надзора за исполнением земельного законодательства.

На основе изучения материалов судебной практики разработана концепция совершенствования законодательства в области государственного земельного надзора, направленная на обеспечение публичных интересов в данной сфере. В целях устранения выявленных пробелов и коллизий федерального законодательства предлагается:

определить в Положении о государственном земельном надзоре, а также административных регламентах исполнения данной государственной функции порядок осмотра земель и земельных участков, в том числе земельных участков, не прошедших государственный кадастровый учет, определения их местоположения, площади, других сведений об их уникальных характеристиках;

наделить Росприроднадзор и ее территориальные органы дополнительным полномочием по осуществлению государственного земельного надзора за соблюдением требованиями о ликвидации последствий загрязнения, в том числе биогенного загрязнения, земель;

дополнить состав административного проступка (ст. 8.6. «Порча земель» КоАП РФ) ч. 3, предусматривающей наложение административного штрафа за невыполнение мероприятий по ликвидации последствий загрязнения, в том числе биогенного загрязнения, земель;

- в целях привлечения к административной ответственности органов местного самоуправления в случае, когда не установлено

лицо, виновное в загрязнении отходами производства и потребления земельного участка, расположенного в границах муниципального образования, предлагается расширить смежный с земельным правонарушением состав административного проступка, предусмотренный ст. 8.2 КоАП РФ, дополнив его объективную сторону невыполнением требований по организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов.

В легальном определении муниципального земельного контроля, закрепленном в Земельном кодексе РФ, не указан подконтрольный объект, что порождает противоречивую правоприменительную практику. В одних случаях муниципальный земельный контроль, осуществляемый в соответствии с муниципальными правовыми актами, проводится на всех землях (земельных участках), находящихся в границах муниципальных образований, независимо от их ведомственной принадлежности и формы собственности, а в других – из числа таких объектов исключаются земельные участки, земельный контроль в отношении которых отнесен к компетенции федеральных органов государственной власти.

В целях устранения указанных противоречий, упорядочения порядка проведения муниципального земельного контроля, повышения его эффективности предлагается: уточнить объекты муниципального земельного контроля, предусмотрев его проведение в отношении всех земель, земельных участков, находящихся в границах муниципального образования; закрепить в Земельном кодексе РФ полномочия органов местного самоуправления по выдаче предписаний об устранении выявленных нарушений земельного законодательства.

В ходе проведенного исследования выявлены пробелы и коллизии в правовом регулировании общественного земельного контроля. Как следует из легального определения данного понятия, объектом общественного земельного контроля являются издаваемые органами государственной власти, органами местного самоуправления акты и принимаемые ими решения. Однако на практике проводится общественная проверка документов территориального планирования и градостроительного зонирования,

которая фактически реализуется посредством проведения публичных слушаний.

Для устранения коллизии норм земельного и градостроительного законодательства, а также унификации требований в области общественного земельного контроля предлагается утвердить постановлением Правительства РФ порядок его организации и проведения, в котором следует предусмотреть формы его осуществления, в том числе публичные слушания проектов документов территориального планирования и градостроительного зонирования, определив их состав, объем и другие требования.

Тельхигова Малика Шамельевна
Правовое регулирование недропользования на северных территориях Российской Федерации
Дата защиты – 17 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Шпаковский Юрий Григорьевич
Оппоненты	Крассов Олег Игоревич, Никишин Денис Леонидович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» Диссертационный совет Д 212.123.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что проведено первое комплексное монографическое исследование проблем правового регулирования недропользования на северных территориях Российской Федерации. В результате исследования выявлена система факторов, определяющих специфику недропользования на северных территориях Россий-

ской Федерации, на основе которой разработана концепция совершенствования правового регулирования недропользования на северных территориях Российской Федерации. Положения диссертационного исследования развивают и дополняют существующие научные разработки в рассматриваемой сфере.

В диссертации сформулированы и обоснованы следующие выносимые на защиту положения, обладающие элементами научной новизны и практической значимостью.

В целях обеспечения комплексного унифицированного подхода при совершенствовании законодательства о недрах сформулировано авторское определение «северные территории Российской Федерации», под которыми следует понимать территории Крайнего Севера, Арктической зоны Российской Федерации, прилегающие к этим территориям внутренние морские воды и континентальный шельф, в отношении которого государство осуществляет суверенные права в целях его разведки и разработки минеральных ресурсов, характеризующиеся особым правовым режимом недропользования, обусловленным неблагоприятными природно-климатическими условиями, наличием низкоустойчивых экологических систем, сложными геологическими условиями добычи полезных ископаемых.

Диссертантом выделены особенности правоотношений недропользования на северных территориях Российской Федерации, выражающиеся в специфике:

– комплексного объекта правоотношения, обусловленного стратегической значимостью участков недр федерального значения для экономики Российской Федерации, в том числе участков недр континентального шельфа, необходимостью обеспечения обороны страны и безопасности государства, формирования федерального фонда резервных участков недр;

субъекта правоотношения, обусловленной наличием в законодательстве о недрах ряда дополнительных требований к пользователям недр, а также дополнительных ограничений допуска к участию в аукционах на право пользования участками недр;

содержания правоотношения, предусматривающего наличие дополнительных обязанностей, предъявляемых к пользователям недр, являющихся неотъемлемыми составными частями лицензии на право пользования недрами.

В результате проведенного исследования выявлена система факторов, определяющих специфику недропользования на северных территориях Российской Федерации:

а) природно-климатические факторы, требующие применения специальных экологически безопасных технологий пользования недрами:

экстремальные природно-климатические условия;

особо уязвимые экосистемы, устойчивость которых зависит от любых антропогенных воздействий;

наличие исконной среды обитания и территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов;

сложная структура залегания полезных ископаемых и их общая труднодоступность (трудноизвлекаемые запасы);

б) инвестиционные факторы, требующие вложения более значительных финансовых средств в разработку месторождений полезных ископаемых:

вероятностный характер геологической информации, требующий проведения дополнительного геологического изучения, успех которого не гарантирован;

слабое развитие инфраструктуры для полноценной и безопасной добычи, хранения, переработки, транспортировки полезных ископаемых;

в) экономические факторы, требующие внедрения специальных механизмов стимулирования недропользования на северных территориях, в том числе на морских месторождениях Российской Федерации, с учетом сложности технологических решений, природно-климатических условий и ледовой обстановки, глубины моря, геологической сложности открытых и перспективных месторождений, удаленности от берега и наличия объектов береговой инфраструктуры.

Обоснована необходимость создания благоприятного инвестиционного климата для недропользователей на северных территориях Российской Федерации, предусматривающего разработку нового механизма привлечения и эффективного использования инвестиций с учетом национальных интересов, предоставляя налоговые льготы, право преимущественного получения лицензии обладателям передовых экологически безопасных техно-

логий добычи природных ресурсов, гарантированное преимущественное право на освоение разведанного месторождения.

Установлено, что необходимость изучения и освоения минерально-сырьевого потенциала северных территорий Российской Федерации, развития транспортной инфраструктуры, в том числе Северного морского пути, а также обеспечения экологической безопасности при пользовании недрами, требует комплексного и системного решения этих вопросов в едином документе государственного стратегического планирования.

В этой связи представляется целесообразным разработку и принятие единой государственной политики в сфере опережающего развития минерально-сырьевого сектора экономики для перехода к инновационному социально ориентированному типу развития северных территорий, основанной на балансе экологических и экономических требований.

Такая политика должна исходить из комплексного унифицированного подхода к развитию северных территорий Российской Федерации, обеспечению экологической безопасности, учету природно-климатических, инвестиционных, экономических факторов, региональных особенностей и содержать цель, задачи, принципы, механизм координации деятельности субъектов реализации, а также механизм привлечения инвестиций.

С учетом того, что действующие документы государственного стратегического планирования Российской Федерации (Энергетическая стратегия России на период до 2030 года, Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года, Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года и др.) не позволяют обеспечить комплексный подход к регулированию отношений недропользования, диссертантом обосновывается необходимость разработки единой Стратегии развития северных территорий Российской Федерации, содержащей, в том числе, основные механизмы, способы и средства достижения стратегических целей и приоритетов развития минерально-сырьевой базы.

В диссертации обоснована авторская концепция совершенствования правового регулирования недропользования на северных территориях Российской Федерации, предусматривающая внесение изменений в действующие нормативные правовые акты как федерального, так и регионального уровня, а также принятие новых нормативных правовых актов в части:

снижения законодательных требований и ограничений предоставления в пользование участков недр федерального значения, в том числе участков недр континентального шельфа, отдельным категориям недропользователей;

установления приоритета конкурсного порядка предоставления в пользование участков недр северных территорий Российской Федерации для отдельных видов недропользования, требующих наличия особо сложных экологически безопасных технических и технологических средств;

учета природно-климатической специфики территории соответствующих субъектов Российской Федерации, условий и особенностей недропользования с учетом выявленных факторов;

оценки влияния реальных негативных последствий промышленной деятельности на образ жизни и природопользование коренных малочисленных народов посредством проведения государственной этнологической экспертизы;

привлечения долгосрочных отечественных и иностранных инвестиций в сложные для реализации проекты освоения арктического континентального шельфа, в том числе с использованием механизма раздела продукции;

определения порядка участия специализированных федеральных государственных учреждений в геологическом изучении недр северных территорий Российской Федерации и воспроизводстве минерально-сырьевой базы.

Зиновкин Никита Сергеевич

**Плата за негативное воздействие на окружающую среду как
эколого-правовой регулятор хозяйственной деятельности**

Дата защиты – 24 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Зиновьева Ольга Анатольевна
Оппоненты	Мисник Галина Анатольевна, Хлуденева Наталья Игоревна
Ведущая организация	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» Диссертационный совет Д 212.123.03 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На защиту выносятся следующие положения:

В условиях отсутствия легального понятия платы за негативное воздействие на окружающую среду автором предложено ее доктринальное определение: плата за негативное воздействие на окружающую среду – это форма отчуждения денежных средств субъекта хозяйственной деятельности в пользу государства с целью возмещения государственных расходов на природоохранные мероприятия и стимулирования перехода к экологически обособленной хозяйственной деятельности.

Разработано теоретическое понятие комплексного эколого-правового регулятора хозяйственной деятельности как закрепленной экологическим законодательством системы взаимосвязанных правовых мер, включающих экологическое нормирование, плату за негативное воздействие на окружающую среду и выдачу разрешений на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросы в водные объекты, размещение отходов производства и потребления, иные виды негативного воздействия на окружающую среду, предметом регулирования которого является объем такого негативного воздействия.

По итогам проведенного исследования автором обоснован вывод о том, что принцип платности природопользования и возмещения вреда окружающей среде, установленный Федеральным законом «Об охране окружающей среды», отражает не все особенности, присущие отношениям по поводу взимания платы за

негативное воздействие на окружающую среду. Вместе с тем Экологическая доктрина Российской Федерации предусматривает необходимость реализации в полной мере принципа «загрязнитель платит», одной из форм которой является плата за негативное воздействие на окружающую среду.

Предлагается имплементация в статью 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» международного принципа «загрязнитель платит», в соответствии с которым хозяйствующие субъекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, обязаны покрывать расходы, связанные с загрязнением окружающей среды.

Изучение законодательства и судебной практики показало, что место платы за негативное воздействие на окружающую среду в системе обязательных платежей Российской Федерации не определено. В целях устранения потенциальных противоречий между экологическим и налоговым законодательством предлагается включение в статью 2 Налогового кодекса Российской Федерации положения о неприменении налогового законодательства к отношениям по поводу взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Представляется возможным легальное закрепление специальной категории обязательных платежей, отличных от налоговых, к которой следует отнести плату за негативное воздействие на окружающую среду.

На основе анализа правоприменительной практики о взимании платы за размещение отходов производства и потребления выявлены противоречия между Федеральным законом «Об охране окружающей среды» и специальными нормативными правовыми актами, регулирующими отношения по взиманию такой платы. Размещение отходов производства и потребления является лицензируемой деятельностью, что освобождает субъектов, не имеющих лицензии, но в процессе хозяйственной деятельности которых образуются отходы, от обязанности вносить плату за негативное воздействие на окружающую среду.

Предлагается в статье 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и в статье 23 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» наряду с видом негативного

воздействия «размещение отходов производства и потребления» включить «образование отходов производства и потребления».

В ходе совершенствования правового регулирования в области переработки отходов законодателем были введены понятия экологического сбора и нормативов утилизации. На основе изучения указанных понятий автор сделал вывод о том, что экологический сбор по своей правовой природе соответствует эколого-правовому регулятору хозяйственной деятельности и обладает существенными признаками платы за негативное воздействие на окружающую среду. Он является формой отчуждения денежных средств, имеет компенсационный характер и способствует переходу к экологически обоснованной деятельности.

В целях создания централизованной системы природоохранных платежей предлагается включить экологический сбор в состав платы за образование отходов потребления.

Из статьи 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» исключены такие виды негативного воздействия, как загрязнение недр и почв, загрязнение физическими воздействиями; плата за выбросы в атмосферный воздух предусмотрена только для стационарных источников.

Эти изменения не соответствуют цели охраны окружающей среды, не учитывают зарубежную практику регулирования данных правоотношений. Они противоречат задаче предотвращения и снижения текущего негативного воздействия на окружающую среду, предусмотренной Основами государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года. В долгосрочной перспективе эти изменения приводят к отказу от решения экологических проблем, связанных с указанными видами негативного воздействия, с помощью правовых мер, в том числе через установление платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Представляется целесообразным расширить статью 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» в части перечня видов негативного воздействия на окружающую среду.

Законодателем предусмотрена классификация объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, в зависимости от степени опасности такого воздействия. При этом

объекты IV категории освобождаются от обязанности внесения платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Поскольку механизм компенсации вреда, причиняемого окружающей среде такими объектами в процессе хозяйственной деятельности, не предусмотрен, предлагается установление платы за негативное воздействие на окружающую среду для всех категорий объектов.

В настоящее время нормативы качества окружающей среды устанавливаются в гигиенических нормативах, санитарных правилах и нормах или же утверждаются приказами органов исполнительной власти. Представляется необходимым закрепить нормативы качества окружающей среды в едином нормативном правовом акте, с учетом того, что плата за негативное воздействие на окружающую среду должна базироваться на экологических, а не санитарно-гигиенических нормативах.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно- исполнительное право

Защиты докторских диссертаций

Мартыненко Наталия Эдуардовна
Уголовно-правовая охрана потерпевшего
Дата защиты – 10 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный руководитель	Цепелев Валерий Филиппович
Оппоненты	Лозовицкая Галина Петровна, Сидоренко Элина Леонидовна, Сумачев Алексей Витальевич
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»
Место защиты	Диссертационный совет Д 203.002.01 при ФГКОУ ВПО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научная новизна диссертационного исследования определяется, прежде всего, избранной темой, которая после принятия в 1996 г. УК РФ не была предметом самостоятельного монографического исследования, а также кругом анализируемых проблем, разрешение которых позволит обеспечить эффективность уго-

ловно-правовой охраны потерпевшего. В процессе исследования выявлены недостатки в уголовно-правовой охране потерпевшего и законодательной конструкции уголовно-правовых норм о преступлениях, посягающих на потерпевшего, которые ранее не были предметом научных исследований.

В диссертационном исследовании на основе результатов изучения российского законодательства, научной литературы, уголовных дел, судебных решений, анкетирования, статистических данных сформулированы выводы и предложения, направленные на совершенствование уголовно-правовой охраны потерпевшего, в частности:

- уточнен научно-понятийный аппарат, предложена классификация лиц, потерпевших от преступлений, в зависимости от их правового статуса: потенциальный потерпевший *de futurum*, потерпевший *de facto*, потерпевший *de jure*; обоснована необходимость разрешения проблемы уголовно-правовой охраны потерпевшего в трех аспектах: *de futurum* как субъекта уголовно-правовых отношений, *de facto* как объекта преступления, *de jure* как объекта и предмета преступления;
- представлена авторская редакция уголовно-правового определения потерпевшего, включающего признаки трех видов потерпевшего (*de futurum*, *de facto*, *de jure*);
- выявлены недостатки в сфере уголовно-правовой охраны потерпевшего и разработаны предложения по их устранению, в частности:
 - обоснована необходимость изменения подходов к уголовно-правовой охране юридических лиц;
 - предложено включить в число задач УК РФ (ст. 2) охрану и защиту потерпевшего, причем не только как физического, но и юридического лица;
 - внесено предложение о целесообразности признания в качестве потерпевшего государство;
 - предлагается распространить уголовно-правовую охрану на лиц, ставших потерпевшими *de facto*, но не получивших такого уголовно-процессуального статуса, разработаны проекты уголовно-правовых норм, направленные на охрану потерпевшего *de facto*;

- представлены аргументы необходимости выделения уголовно-правовой охраны потерпевшего в качестве самостоятельного направления уголовной политики государства;
- обоснован вывод о необходимости обеспечения уголовно-правовой охраны прав, обязанностей и законных интересов потерпевшего, не нашедших законодательного регулирования;
- проведена систематизация уголовно-правовых мер охраны потерпевшего по цели применения и виду потерпевших;
- представлена концепция уголовно-правовой охраны потерпевшего, включающая цель, задачи, принципы, средства, формы и методы деятельности государства в целом и государственных органов, прежде всего органов внутренних дел, в названной сфере.

Более конкретно новизна сформулированных автором выводов и рекомендаций представлена **в положениях, выносимых на защиту:**

I. В сфере определения и обеспечения уголовно-правового статуса потерпевшего:

1. В уголовном законе следует определить понятие потерпевшего как участника уголовно-правовых отношений, что позволит исключить смешение правовых признаков потерпевшего и его полномочий как участника уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, а также будет способствовать правильной правовой оценке общественно опасного деяния. Понятие потерпевшего представлено совокупностью правовых признаков, характеризующих:

- лицо – физическое или юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, организация, не являющаяся юридическим лицом, общество, государство;
- блага, на которые посягает лицо, совершившее преступление – права, свободы и законные интересы данных лиц, охраняемые УК РФ;
- правовые основания охраны таких прав уголовно-правовыми средствами – общественно опасное посягательство;
- характер неблагоприятных последствий для лица в результате посягательства – причинение или угроза причинения вреда.

Предлагается дополнить УК РФ новой статьей 14-1 следующего содержания: «Потерпевший – это физическое или юридиче-

ское лицо, индивидуальный предприниматель, организация, не являющаяся юридическим лицом, общество, государство, на чьи охраняемые настоящим Кодексом права, свободы и законные интересы было или могло быть направлено преступное посягательство и которым причинен или мог быть причинен вред».

2. В уголовном праве в зависимости от степени реализации правового статуса потерпевшие могут быть трех видов:

- потерпевший *de futurum* – это так называемые потенциальные потерпевшие, то есть лица, относящиеся к виктимологической группе риска или в отношении которых существует реальная угроза посягательства на их права, свободы и законные интересы;

- потерпевший *de facto* – это лица, в отношении которых совершено преступление, но они в силу обстоятельств не получили уголовно-процессуального статуса потерпевшего в установленном законом порядке, или информация о преступлении в правоохранительные органы не поступила, заявление или сообщение о преступлении не зарегистрировано или не разрешено;

- потерпевший *de jure* – это лица, в отношении которых совершено преступление и они в соответствии со ст. 42 УПК РФ имеют уголовно-процессуальный статус потерпевшего.

3. Криминологически значимая классификация потерпевших, основанная на следующих признаках: социально-демографические (возраст, пол, гражданство); отношения между потерпевшим и виновным (родственные, служебные, иные отношения); профессия (журналист, военнослужащий и пр.); уголовно-процессуальный статус (потерпевший, свидетель, эксперт и пр.); служебная деятельность или общественный долг (служебная деятельность сотрудника исправительного учреждения); состояние потерпевшего (беспомощное, болезненное, др.); количество потерпевших (один, два, более); вид причиненного вреда (физический, имущественный, моральный); поведение потерпевшего до и во время совершения преступления (положительное, отрицательное); иное (усыновитель).

4. В целях обеспечения гарантий полного возмещения вреда, причиненного преступлением, а также реализации уголовно-правовых принципов равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) и справедливости уголовно-правового воздействия (ст. 6 УК

РФ) в случаях, когда установить личность погибшего потерпевшего невозможно или у потерпевшего отсутствуют близкие родственники, к которым могут перейти его права (ч. 8 ст. 42 УПК РФ), потерпевшим следует признавать государство в лице органов социальной защиты населения.

5. Уголовно-правовая охрана потерпевшего является одной из гарантий его правовой защищенности и в этом качестве представляет собой деятельность государства по формированию научно обоснованной системы правовых норм, направленных на охрану потерпевшего и обеспечение их надлежащего применения. Правовые нормы, направленные на охрану потерпевшего, предлагается классифицировать по следующим признакам: форма закрепления (нормативные правовые акты и официальные документы общего и специального характера); сфера действия (универсальные, региональные, межрегиональные); юридическая сила (федеральные законы; указы Президента РФ; постановления Правительства РФ; законы субъектов РФ; нормативные правовые акты федеральных министерств, иных федеральных органов исполнительной власти; нормативные правовые акты органов исполнительной власти субъектов РФ); территориальный уровень (федеральный, межрегиональный, региональный, местный).

6. Среди задач УК РФ (ст. 2) отсутствует указание на охрану юридических лиц, что обуславливает неравенство в уголовно-правовой охране физических и юридических лиц. Данный пробел нарушает принцип справедливости и должен быть восполнен путем внесения изменений в уголовный закон. В частности, ч. 1 ст. 2 УК РФ предлагается дополнить задачей по охране прав юридических лиц и их представителей; перечень потерпевших, содержащийся в диспозициях ст. 302, 308, 309 УК РФ, следует расширить, дополнив его законным представителем юридического лица.

II. В сфере уголовно-правовой охраны потерпевшего:

7. Уголовно-правовая охрана потерпевшего определяется как деятельность государства по установлению и осуществлению мер уголовно-правового характера, направленных на устранение потенциальной опасности нарушения прав, свобод и законных интересов потерпевшего *de futurum*; создание гарантий восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов потерпев-

ших *de facto*, *de jure*. Эта деятельность должна строиться на принципах законности, справедливости, демократизма, уважения прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности органов, обеспечивающих охрану потерпевших и охраняемых лиц, соразмерности, юридическом равенстве, гласности, конфиденциальности, профессионализме, международном сотрудничестве.

8. Право на охрану потерпевшего как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны нуждается в законодательной регламентации, задачи УК РФ (ч. 1 ст. 2) следует дополнить необходимостью охраны прав, свобод, законных интересов и обязанностей человека и гражданина, прав юридических лиц и прав, свобод, законных интересов потерпевших от преступных посягательств, поскольку совершение преступления не только причиняет вред правам и законным интересам потерпевшего, но и препятствует добросовестному исполнению им своих процессуальных обязанностей. Кроме того, потерпевшего как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны предлагается включить в содержание принципов равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) и справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку в существующей редакции эти принципы распространяются только на лицо, совершившее преступление.

9. К задачам УК РФ следует отнести защиту потерпевшего, поскольку цели и содержание уголовно-правовой охраны и уголовно-правовой защиты потерпевшего различны. Уголовно-правовая охрана потерпевшего предусматривает предупреждение нарушений его прав, минимизацию вредных последствий, а уголовно-правовая защита – пресечение и восстановление нарушенных прав потерпевших. Уголовно-правовая охрана, сама по себе, не способна восстановить права потерпевшего, а состоит лишь в удержании от противоправного воздействия на потерпевшего (как потенциального потерпевшего *de futurum*, так и потерпевших *de facto*, *de jure*), а уголовно-правовую защиту можно применить только после совершения преступления и только к потерпевшим *de facto*, *de jure*.

10. В зависимости от степени реализации правового статуса потерпевшего следует различать три вида уголовно-правовой охраны: охрану потенциальных потерпевших, в отношении кото-

рых еще не совершено преступление, но которые входят в виктимологическую группу риска или в отношении которых имеется реальная угроза посягательства на их права, свободы и законные интересы; охрану лиц, в отношении которых уже совершено преступление; охрану лиц, имеющих уголовно-процессуальный статус потерпевшего.

11. Уголовно-правовая охрана потерпевших *de futurum*, *de facto*, *de jure* с учетом степени реализации их правового статуса должна осуществляется уголовным законом дифференцировано: потерпевший *de futurum* подлежит уголовно-правовой охране как субъект общественных отношений; потерпевший *de facto* – в рамках уголовно-правовых отношений как составная часть объекта преступления; потерпевший *de jure* – как субъект уголовных и уголовно-процессуальных отношений.

12. Формы преступного воздействия на потерпевших *de jure*, *de facto* классифицированы по следующим основаниям:

субъект посягательства на потерпевшего: частные лица; должностные лица; лица, использующие свое служебное положение; лица, входящие в организованные преступные группы; лица, от которых потерпевший находится в какой-либо зависимости;

способ преступления: подкуп потерпевшего в целях дачи им ложных показаний; принуждение потерпевшего к даче ложных показаний; принуждение к уклонению от дачи показаний; принуждение к даче показаний;

способ воздействия на потерпевшего: психическое; физическое;

характер воздействия на потерпевшего: непосредственное; опосредованное;

цель посягательства: склонение к даче потерпевшим ложных показаний; склонение к уклонению потерпевшего от дачи показаний;

вид предоставленных прав: посягательства на права потерпевшего *de jure*; посягательства на права потерпевшего *de facto*.

13. Разработанная система уголовно-правовых мер, направленных на охрану потерпевшего, представлена:

• в зависимости от цели применения:

уголовно-правовые меры, направленные на предупреждение посягательств на потерпевшего: пропаганда уголовного закона,

официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений в отношении потерпевшего, побуждение правонарушителей к добровольному отказу от завершения начатой преступной деятельности, установление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;

уголовно-правовые меры, направленные на пресечение преступных посягательств на потерпевшего: необходимая оборона, привлечение к ответственности за приготовление или покушение на преступление;

уголовно-правовые меры, направленные на обеспечение безопасности потерпевшего: для обеспечения собственной безопасности разрешить

приобретать, хранить, использовать оружие и индивидуальные средства защиты;

уголовно-правовые меры, направленные на возмещение потерпевшему причиненного вреда: конфискация имущества, побуждение правонарушителей к деятельному раскаянию, примирение с потерпевшим, досудебное соглашение о сотрудничестве;

- в зависимости от вида потерпевшего:

уголовно-правовые меры, направленные на охрану потерпевшего *de futurum*: пропаганда уголовного закона, официальное предостережение потенциальных правонарушителей, установление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, необходимая оборона;

уголовно-правовые меры, направленные на охрану потерпевшего *de facto*: пропаганда уголовного закона, побуждение правонарушителей к добровольному отказу от завершения начатой преступной деятельности, привлечение к уголовной ответственности за приготовление или покушение на преступление;

уголовно-правовые меры, направленные на охрану потерпевшего *de iure*: пропаганда уголовного закона, побуждение правонарушителей к деятельному раскаянию, примирение с потерпевшим, досудебное соглашение о сотрудничестве, конфискация имущества, для обеспечения собственной безопасности разрешить приобретать, хранить, использовать оружие и индивидуальные средства защиты.

III. В сфере совершенствования законодательства и правоприменительной практики:

14. Принимая во внимание необходимость уголовно-правового предупреждения возможного противоправного воздействия на потерпевшего, а также в целях воспрепятствования осуществлению им своих процессуальных обязанностей вносится предложение о дополнении УК РФ новой статьей 294.1 «Воспрепятствование осуществлению потерпевшим своих процессуальных обязанностей», предусматривающей уголовную ответственность за воспрепятствование в какой бы то ни было форме потерпевшим исполнения им своих процессуальных обязанностей. Под процессуальными обязанностями потерпевшего предлагается считать обязанности, перечисленные в п. 1, 3, 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ.

15. Лицо, потерпевшее от преступления, является полноценным участником уголовного процесса и его жизнь должна находиться под охраной так же, как и жизнь иных участников уголовного процесса (судьи, присяжного заседателя, иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя и их близких). В связи с этим вносится предложение о дополнении диспозиции ст. 295 УК РФ, включив в перечень субъектов лицо, потерпевшее от преступления.

16. В целях усиления уголовно-правовой охраны потерпевших *de futurum, de facto, de jure*, предлагается распространить на них уголовно-правовую охрану в случае, когда в отношении них преступление совершается из мести. Статьи 63, 105, 111, 112, 115, 167 УК РФ следует дополнить новымотягчающим обстоятельством – «совершение преступления в отношении потерпевшего из мести», тем самым распространив уголовно-правовую охрану на потерпевшего, имеющего такой уголовно-процессуальный статус (потерпевший *de jure*), так и потерпевшего, который еще не приобрел такого статуса (потерпевшие *de futurum, de facto*) либо утратил его, т.к. лицо, совершившее в отношении него преступление, осуждено.

17. В уголовном законе необходимо предусмотреть меры, направленные на уголовно-правовое предупреждение посяга-

тельств на потерпевших, находящихся под государственной защитой в соответствии с Федеральным законом от 20.04.1995 №45-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Вносится предложение об установлении уголовной ответственности за посягательства на потерпевших, находящихся под государственной защитой. В связи с этим ст. 295 УК РФ следует дополнить частью второй, а ст. 296 УК РФ частью второй-прим. и частью пятой, предусмотрев в них повышенную уголовную ответственность за посягательство на участников уголовного судопроизводства, находящихся под программой государственной защиты.

18. Основанное на изучении зарубежного опыта уголовно-правовой охраны потерпевшего предложение об изменении порядка распределения денежных средств, полученных в результате применения штрафа как вида наказания, путем установления возможности взыскания штрафа в тройном размере от суммы причиненного ущерба. При этом две части штрафа взыскивать в пользу потерпевшего для возмещения физического, материального и морального вреда, а третью часть – в пользу государства.

19. Уголовно-правовая охрана потерпевшего помимо прочего должна обеспечиваться деятельностью органов внутренних дел, в связи с чем деятельность органов внутренних дел предлагается оптимизировать по следующим направлениям:

- наделить сотрудников органов внутренних дел правом объявлять официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений в отношении лица, признанного потерпевшим по уголовным делам, предварительное расследование по которым производится органами внутренних дел;

- внести изменения в нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов внутренних дел по предупреждению преступлений, чтобы потерпевший был включен в число объектов профилактической деятельности (Приказ МВД России от 17.01.2006 №19);

- внести изменения в региональные программы по борьбе с преступностью, чтобы потерпевший был включен в число объектов профилактики;

- изменить критерии оценки деятельности органов внутренних дел в части перенесения главной оценки их деятельности с количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности, на количество потерпевших, которым возмещен причиненный вред.

Морозов Николай Александрович

Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики

Дата защиты – 19 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
Научный консультант	Квашне Виталий Ефимович, Коробеев Александр Иванович
Оппоненты	Гилинский Яков Ильич, Голик Юрий Владимирович, Иншаков Сергей Михайлович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Место защиты	Диссертационный совет Д 501.001.73 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Новизна исследования проявляется в совокупности авторских предложений, выводов и рекомендаций, направленных на совершенствование российского уголовного законодательства.

На защиту выносятся следующие положения и предлагаются выводы, которые имеют принципиальное значение для теории и практики уголовноправового обеспечения информационной безопасности, борьбы с компьютерной преступностью в Российской Федерации:

Преступления против информационной безопасности следует рассматривать как широкий класс уголовно наказуемых деяний,

посягающих на безопасность субъекта информационных отношений, как в социальной, так и в информационной среде. В исследовании предложена следующая классификация преступлений против информационной безопасности:

а) Преступления, посягающие на тайную (конфиденциальную) информацию, личную тайну, а также, преступления, направленные на распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст. 128.1 УК РФ, 137 УК РФ, ст. 138 УК РФ, ст. 138.1, ст. 146 УК РФ, ст. 155 УК РФ, ст. 183 УК РФ, ст. 170.1 УК РФ, ст. 183 УК РФ, ст. 283 УК РФ, ст. 283-1 УК РФ, ст. 310 УК РФ, ст. 311 УК РФ, ст. 320 УК РФ). Указанные преступления посягают на информацию, отнесённую законом к категории тайной, нарушают права участников информационных отношений на конфиденциальность информации.

б) Информационные преступления, направленные против безопасного обращения компьютерной информации, которые посягают на интересы личности и общества в сфере информационного обмена, создания, защиты, хранения и использования информации, хранящейся в компьютере. Речь идёт о преступлениях, обозначенных статьями 272 – 274 УК РФ, которые включённые в гл. 28 УК РФ, а также ст. 159. 6 УК РФ. Данная группа преступных посягательств нарушает права граждан на безопасное использование информации, находящейся на компьютерных носителях, в информационной сети.

в) Иные составы преступлений, направленные против прав граждан на получение информации, объектом преступных посягательств в данном случае являются законные конституционные права граждан на информацию (ст. 140 УК РФ, ст. 144 УК РФ, ст. 237 УК РФ).

Информационная безопасность представляет собой совокупность общественных отношений, которые регулируются системой правовых норм, направленных на обеспечение национальных интересов государства, интересов общества, на обеспечение законных интересов личности и субъектов хозяйствования в информационной сфере, гарантируют права человека и гражданина в информационной сфере, защиту информации от несанкциони-

рованного доступа, уничтожения, блокирования, модификации копирования, и неправомерного использования.

В отношении сбора информации в социальных сетях нецелесообразно говорить о целенаправленном сборе данной информации со стороны операторов социальных сетей, поскольку такая информация предоставляется пользователями добровольно. В этой связи следует говорить не о сборе информации, а о доступе к персональным данным, добровольно предоставляемыми пользователями социальных сетей, что не является преступлением. В тоже время раскрытие и распространение оператором персональных данных без согласия пользователя следует рассматривать как правонарушение, которое может повлечь за собой наступление уголовной ответственности.

Анализ УК РФ и российской судебной практики по вопросам информационной безопасности позволил автору данного исследования предложить уточнить название ст. 137 УК РФ, изложив её в следующей редакции: «Незаконный доступ к сведениям, составляющим личную или семейную тайну».

Часть 1 ст. 159.6 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём распространения с использованием информационных технологий ложной информации, ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей ...(далее по тексту)».

Часть 2 ст. 272 УК РФ изложить в следующей редакции «То же деяние, направленное на перехват информации, совершенное с корыстным мотивом и причинившее крупный ущерб ..(далее по тексту).

Часть 1 ст. 274 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «нарушение правил, касающихся информационных ресурсов, а также эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационнотелекоммуникаци-

онным сетям, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб . (далее по тексту)».

Сравнительный анализ ст. 159 УК РФ и ст. 159.6 РФ позволил установить, что законодатель лояльно подходит к проблеме наказания за мошенничество в сфере компьютерной, предоставляет необоснованные льготы виновным лицам, совершающим мошеннические действия в сфере компьютерной информации. Сделан вывод, что наказания за эти преступления, как минимум, должны быть соразмерными, соответственно имеется необходимость внести соответствующие изменения в нормы Уголовного кодекса РФ.

В п. 7 ст. 2 Закона РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предлагается установить, что «конфиденциальность информации представляет собой обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определённой информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия её обладателя, а также в случае, если запрет на передачу такой информации установлен законом, иным нормативно-правовым актом и данный запрет не противоречит положениям Конституции РФ».

Предлагается дополнить ст. 63 УК РФ пунктом «с», указав в нем, что совершение преступления с помощью компьютерной техники, информационных и сетевых технологий, является обстоятельством, отягчающим наказание.

Александрова Ирина Александровна
Современная уголовная политика по обеспечению
экономической безопасности и противодействию коррупции
Дата защиты – 27 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Оппоненты	Коробеев Александр Иванович, Лопашенко Наталья Александровна,

Ведущая организация	Цепелев Валерий Филиппович ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»
Место защиты	Диссертационный совет Д 203.009.01 при ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые сделаны выводы о негативных последствиях современной уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции и необходимости коррекции праволиберального курса этой уголовной политики. Исходя из этого и с учетом зарубежного и международноправового опыта противодействия аналогичного рода криминальным проявлениям была разработана авторская концепция противодействия двум взаимосвязанным видам преступности.

Новизна диссертационного исследования обусловлена: а) использованием междисциплинарного подхода к определению эффективности современной уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции, что связано с применением приемов, методов, а также результатов экономической, социологической и других наук;

б) критикой официальной доктрины уголовной политики, а также оспариванием ключевых концептов современной российской уголовной политологии; в) получением объективных данных об эффективности проводимой уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции; г) пересмотром некоторых понятий теории уголовного права и уголовной политологии: о функциях уголовного права в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности; основаниях уголовной ответственности и механизме их формирования; главном субъекте и других субъектах уголовной политики, организации отношений между ними; значении интерпретации уголовного закона в уголовной политике и реальном уголовном праве; принципах уголовной политики по обеспечению экономической безопасности; компромиссно-договорной модели разрешения уголовно-правовых конфликтов в сфере

предпринимательской или иной экономической деятельности; и др.; д) введением в научный оборот данных о новейшем антикоррупционном законодательстве других государств, в том числе Великобритании, Грузии; е) анализом результатов выполнения Россией рекомендаций международных организаций по имплементации стандартов противодействия коррупции; ж) определением объективных пределов увеличения в правовом механизме уголовно-правового регулирования доли частного элемента, в том числе договорных, экономических (штрафных) инструментов, для разрешения уголовно-правовых конфликтов между государством и предпринимателем в сфере экономической деятельности; з) предложением комплекса доктринальных положений, которые в своей совокупности представляют *теоретическую модель* уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции; и) созданием конкретной программы модернизации проводимой уголовной политики в области обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции в виде целостной авторской концепции, что составляет существенный вклад в науку уголовного права.

На защиту выносятся следующие научные положения:

Уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции представляет собой разработку и реализацию государством в союзе с гражданским обществом оптимальной стратегии и тактики по созданию надежной охраны от преступлений средствами уголовного права и иных отраслей права антикриминального цикла общественных отношений в сфере экономической деятельности, а также в сфере управленческой деятельности государственных и муниципальных органов и учреждений, интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Данная уголовная политика строится на признании ее взаимосвязи с экономической, социальной политикой российского государства, а также политикой в области государственного строительства и политикой в сфере международных отношений.

Уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции выступает составной частью уголовной политики РФ, включающей две компоненты: 1) уголовную политику по противодействию экономической пре-

ступности (преступности в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности) и 2) уголовную политику по противодействию коррупционной преступности.

Необходимость концептуального единства составляющих ее политик обусловлена их общими предпосылками, объектом, целевой направленностью, идеологией и принципами.

Предпосылки уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции – это угрозы безопасности России, которые осознаны субъектами уголовной политики в качестве объекта и подвергаются целенаправленному противодействию посредством данного вида уголовной политики.

В *структуру* каждой из этих двух составляющих входят (*по горизонтали*) уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная (карательная) *отраслевые политики* противодействия преступности, каждая из которых может подключать нормы иных отраслей права.

По вертикали уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции имеет трехуровневую структуру: 1) на *концептуальном уровне* – это формирование в условиях конкуренции политиками при содействии ученых определенной идеологии и теории надлежащего обеспечения экономической безопасности и оптимального противодействия коррупции всеми правовыми мерами (но в первую очередь средствами уголовно-правового воздействия), выражающихся в научных концепциях, партийных документах, а с доминирующей политической силой становящихся официальной политико-правовой доктриной, где предлагается программа для практической уголовно-политической деятельности законодателя и правоприменителя; 2) на *законодательном уровне* – это разработка и принятие демократическим, законным путем на научноэкспертной, доктринальной основе уголовно-правовых и иных норм отраслей права антикриминального цикла, воплощающих определенную генеральную линию относительно целей и средств уголовно-правового регулирования в экономической сфере и сфере управленческой деятельности государственных и муниципальных органов и учреждений посредством криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации;

на *интерпретационно-правоприменительном уровне* – это, прежде всего, *управление* деятельностью правоохранительных органов по правильному толкованию и применению уголовно-правовых и иных правовых норм для поддержания правопорядка, предупреждения и противодействия преступности в экономической сфере, а также для профилактики и борьбы с коррупцией.

Авторские предложения по модернизации правового механизма уголовной политики в части реформирования системы органов уголовной юстиции и органов обвинительно-следственной власти государства, а также их деятельности для привлечения к уголовной ответственности преступника в форме обвинительного приговора (или принятия иного уголовнопроцессуального решения, влекущего применение мер уголовно-правового характера), а вместе с тем и возможного ареста имущества (в уголовнопроцессуальном порядке) обвиняемого (осужденного), и эвентуально – для конфискации (уже в порядке гражданского судопроизводства) этого имущества, составляющего результат как преступной деятельности, так и иного, связанного с ней необоснованного обогащения.

Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции представляет собой продолжение внутренней и внешней политики государства по защите экономических и других интересов элиты, а также иных слоев российского общества уголовно-правовыми средствами и правовыми средствами иных отраслей права антикриминального цикла. Эта уголовная политика призвана обеспечивать оптимальные условия для производства и воспроизводства экономических отношений, составляющих базис современного российского общества потребления, одним из которых является нормальное функционирование государственных и муниципальных органов и учреждений, а также осуществлять организованное реагирование правоохранительной системы уголовноправовыми средствами на наиболее опасные внешние и внутренние угрозы социально-экономической системе. Сущность данной уголовной политики заключается в том, что она является *уголовно-правовой*: «реальное уголовное право», т. е. бытие закона в перманентном состоянии его интерпретации, переосмысления и

применения, или *переход* идеи права в закон, а затем в правопорядок, и *есть сама уголовная политика*.

Объект уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции составляют все связанные с преодолением дефицита правового регулирования процессы и явления, необходимые для определения актуальных криминальных угроз экономике, а также основам государственной власти и определения путей их нейтрализации.

Приоритетность уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции (в сравнении с иными компонентами общей уголовной политики государства) обуславливается ее объектом и заключается в системных, целенаправленных действиях со стороны государства и общества для снижения имеющимися ресурсами и силами уровня угроз экономической безопасности и государственной власти.

Основными наиболее актуальными направлениями формирования и реализации данной уголовной политики являются: 1) противодействие организованным формам экономической преступности; 2) подавление элитарной коррупции в органах государственной власти.

Организованная экономическая преступность и элитарная коррупция – две стороны одного криминогенного явления, производного от фундаментальных качеств постсоветской экономики и политической системы. Это главная внутренняя угроза для России и вызов российской государственности в долгосрочной перспективе, на который политически ответственная власть должна ответить надлежащим образом и незамедлительно. Стратегически данная уголовная политика направлена на минимизацию этой угрозы, что должно содействовать прекращению деградации социальноэкономической системы, модернизации российской экономики, улучшению делового климата, защите интересов бизнеса, «национализации элит», созданию новой экономической модели.

Стратегической целью уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции являются достижение эффективной охраны общественных отношений в экономической сфере, минимизация ее последствий и снижение уровня коррумпированности. В этом уголовная политика

является продолжением экономической политики государства, поскольку в конечном счете она направлена на защиту, оздоровление и развитие института частной собственности, поддержание установленного законодательством порядка предпринимательской или иной экономической деятельности, укрепление законного партнерства государства и бизнеса, повышение эффективности управления народным хозяйством, развитие экономики как базы национальной, государственной безопасности.

Система авторских положений о *принципиальной основе* уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции основана на понятиях правового государства, демократической законности, верховенства права, приоритете прав и свобод человека и гражданина в правоохранительной деятельности, что позволило раскрыть принципы, выражающие цели и средства их достижения в современной уголовной политике по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции. При этом отмечается наличие двоякого рода принципов уголовной политики, наполненных новым содержанием: во-первых, принципы, характеризующие технологию выработки уголовно-политических проектов; во-вторых, система ценностей, которые должны обеспечиваться определенной уголовной политикой. В последнем случае имеет место совпадение принципов уголовной политики и принципов уголовного права, а также иных отраслей права антикриминального цикла (диалектика перехода от идеи к норме).

Авторское понимание *реализации уголовной политики* по обеспечению экономической безопасности не как абстрактно понимаемого процесса *воплощения в жизнь государственной программы противодействия преступности*, а как деятельности правоохранительных органов по применению антикриминального законодательства. Концептуальный вывод состоит в том, что защита прав собственности будет оставаться несовершенной, а частный сектор будет объектом неправомерного вмешательства со стороны правоохранителей, пока не произойдут качественные изменения, т. е. на институциональном уровне, в правовой организации деятельности субъектов, реализующих уголовную политику. В реализации уголовной политики центральное значение имеют механизм уголовного правосудия, независимость судеб-

ной власти, реальная система сдержек и противовесов в организации и деятельности правоохранительных органов.

Авторская позиция относительно «переналадки» *механизма реализации уголовной политики* заключается в том, что (1) ведущим субъектом реализации уголовной политики должна быть прокуратура, которая является воплощением обвинительной власти государства и которую необходимо наделить дискреционными полномочиями по распоряжению уголовным преследованием ввиду приоритетов, обозначенных официально принятой Государственной доктриной уголовной политики; (2) ведомыми субъектами реализации уголовной политики являются правоохранительные органы, уполномоченные законом на противодействие преступности, к ним в первую очередь относятся органы внутренних дел, которые должны выявлять, расследовать преступления в сфере экономической деятельности;

суд выступает пассивным субъектом в механизме реализации уголовной политики, поскольку у него – роль независимого арбитра в уголовноправовом споре, потому суду важно демонстрировать нейтралитет к обществу, тем самым он легализует и легитимизирует уголовную политику;

уголовно-процессуальная составляющая уголовной политики должна быть переформатирована по европейским стандартам справедливого уголовного судопроизводства.

Существующие системные недостатки в организации досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере экономической деятельности, ведут к двоякого рода негативным последствиям: низкой эффективности функции правоохранительной системы в сфере экономики (она составляет 10-15%) и сохраняющемуся высокому уровню коррупционности среди правоохранителей. Выявление и уголовное расследование преступлений в сфере экономики должны быть непубличными, «нетравмирующими» для хозяйствующих субъектов, они должны проводиться незаметно (негласными методами в виде снятия информации с технических каналов связи и пр.), с применением минимальных правоограничительных средств до момента выдвижения официального обвинения в судебном порядке и с последующим судебным контролем за процессуальным уголовным преследованием.

Автор обосновывает положение о необходимости продолжения либерального курса уголовной политики по обеспечению экономической безопасности. Радикальная смена этого курса невозможна ввиду уже состоявшегося исторического выбора пути социально-экономического развития и всего пройденного по этому пути. Модернизация современной уголовной политики в области обеспечения экономической безопасности должна производиться на научной основе, демократически, с учетом интересов как элиты, так и всего общества. Она должна обеспечивать более эффективную защиту основ экономической и социальной систем, народного хозяйства, нормального производства и воспроизводства буржуазных общественных отношений. В связи с этим выдвигается и обосновывается предположение о роли уголовной политики в установлении равновесного состояния социально-экономической системы, при котором уровень криминальной противоправности в сфере экономики, выгодный части предпринимательского сообщества, является не критичным (допустимым).

Результаты критики праволиберальной идеологии новой уголовной экономической политики (НУЭП) «*Doing Business*» создания наибольшего благоприятствования ведению бизнеса и ограничения возможностей уголовной юстиции по охране антикриминальными правовыми средствами общественных отношений в сфере экономики, предпринимательской деятельности (1) основываются на фактах социально-экономического развития России за годы ее проведения, данных уголовной статистики, данных о состоянии правоохранительной системы; все это свидетельствует о деградации и примитивизации структур и процессов; (2) включают морально-правовую компоненту: противоречие праволиберальной идеологии первоначального курса уголовной политики обеспечения экономической безопасности принципам справедливости и равенства субъектов перед законом и судом; (3) учитывают угрозы, возникшие с новой геополитической ситуацией, экономической стагнацией, имеющей главным образом внутренние причины.

НУЭП являет собой тактический маневр в условиях неспособности уголовной юстиции постсоветского типа обеспечить интересы бизнеса и экономическую безопасность; она представляет собой образчик ситуативной «ручной» модели управления

криминальными рисками в сфере экономики. Поэтому эта уголовная политика может быть квалифицирована только как паллиатив, тактический маневр, но не как правовая антикриминальная стратегия, научно просчитанная на долговременную перспективу, адекватная подлинным потребностям российского общества.

Обоснование необходимости коррекции курса НУЭП концепцией «*Crime Control*» и выдвинутая в связи с этим система авторских предложений, направленных на модернизацию уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции, заключаются в следующем: 1) ввиду системного кризиса праволиберального проекта и невозможности объединения нации на его основе перед лицом новых внешних и внутренних угроз он не должен определять полностью идеологию этой уголовной политики; 2) необходимо национальное согласие по вопросам стратегии уголовно-правового противодействия этим угрозам: их криминализации, пенализации, т. е. перевода в уголовно-правовую плоскость и последующего купирования уголовной юстицией; 3) актуально переориентирование уголовной политики на решение новых задач в сфере обеспечения экономической безопасности: восстановление реального сектора экономики, деофшоризация, амнистия капитала и прочее – причем не юридическими инструментами из советского правового наследия, а правовыми средствами, прошедшими апробацию в мировой антикриминальной практике; 4) либеральный курс уголовной политики по обеспечению экономической безопасности должен быть скорректирован «влево», чтобы стать общенародным.

Суть леволиберального проекта в уголовной политике заключается в том, что либерализация должна быть не избирательной, а общей и сопровождаться структурными реформами уголовно-правовой системы и системы уголовной юстиции, принятием современного антикриминального законодательства на общепринятых в мировой практике стандартах, демократизацией политической и правовой сфер, где вырабатываются концепция и доктрина уголовной политики. Политическая платформа новой уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции в развернутом виде изложена в авторской

теоретической концепции обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции.

Относительно мер по реализации либерально-демократической правовой идеологии в уголовном, уголовно-процессуальном, уголовноисполнительном законодательстве предлагается следующее: 1) коррекция курса уголовной политики по обеспечению экономической безопасности предлагается по таким направлениям: а) отмена неоправданных, несправедливых и неэффективных изъятий из общих уголовных и уголовнопроцессуальных правил, которые были сделаны в пользу предпринимателей; б) криминализация ряда общественно опасных деяний, совершаемых субъектами предпринимательской деятельности, и усиление пенализации за наиболее опасные из них; в) гармонизация и реформирование всех элементов правового механизма уголовной политики, установление баланса частного, гражданско-правового и уголовно-правового – публичного; г) десоветизация уголовно-правовой идеологии и юридической техники: постсоветский переходный период в развитии уголовного права пора заканчивать и переходить на стандартное (европейское) правовое вооружение против преступности в сфере экономики, противодействия коррупции и организованной экономической преступности; 2) создание единого публичного правового режима противодействия преступности, являющейся угрозой экономической безопасности; 3) создание межотраслевого правового механизма возмещения вреда, причиненного преступлением экономической направленности (этот механизм должен включать в себя нормы уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права); 4) формирование медиационной, компромиссно-договорной модели правового механизма освобождения от уголовной ответственности лица (физического, юридического) при установлении факта совершения им преступления в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности: а) совершенное преступление (несколько преступлений) должно быть исключительно небольшой или средней тяжести; б) преступление должно быть совершено впервые; в) возмещение вреда или иное заглаживание вреда или выплата штрафа должны осуществляться во внесудебном, договорном порядке в

доход государства (специальным решением прокурора – приказом);

г) примирение с потерпевшим (факультативно); 5) криминализация ряда общественно опасных деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности: а) криминализация незаконного обогащения, действий, связанных с оказанием косметологических услуг и лечением нетрадиционными средствами; б) установление системы квалифицирующих признаков четырех категорий; в) введение квалифицирующих признаков в виде «совершение субъектом предпринимательской деятельности преступления в сфере экономической деятельности с использованием коррупционных связей»; б) пенализация, а именно: а) повышение меры уголовной ответственности за ряд преступлений экономической направленности и перевод их в категории тяжких или особо тяжких; б) запрет на применение только штрафа за такие преступления; в) определение размера штрафа в соотношении с размером имущественного вреда, причиненного преступлением; г) ужесточение уголовной ответственности за особо опасные экономические преступления; д) введение новых обстоятельств, отягчающих наказание: неоднократность преступлений; действий, связанных с воспрепятствованием уголовному расследованию, контрольно-надзорной деятельности государственных органов по сокрытию доказательств, имущества, полученного преступным путем.

Авторская позиция по коррекции курса уголовной политики противодействия коррупции содержит концептуальный вывод о том, что либерализация уголовного антикоррупционного законодательства посредством введения штрафной пенализации была стратегической ошибкой, требующей решительного исправления. Она включает в себя следующие основные меры: 1) создать эффективный правовой механизм изъятия собственности коррупционеров, составляющей их необоснованное обогащение, в бюджет государства. Это центральный пункт в стратегии искоренения коррупции. Для этого необходима имплементация в полном объеме, безо всяких изъятий и оговорок статьи 20 Конвенции ООН против коррупции. Модель конфискации объектов необоснованного обогащения коррупционеров может быть реализована в гражданско-процессуальной форме конфискации *«In-rem»*. В

Гражданский процессуальный кодекс РФ должна быть включена норма о том, что после вступления в законную силу обвинительного приговора в отношении коррупционера прокурор вправе предъявить гражданский иск об изъятии в доход государства имущества, составляющего результат необоснованного обогащения, т. е. того имущества, законность происхождения которого осужденный не смог доказать; 2) расширить предмет взятки и подкупа, чтобы охватить и в достаточной мере учесть любые нематериальные преимущества и преимущества, которые предоставляются или предлагаются третьей стороне независимо от того, имеют ли они поддающуюся оценке рыночную ценность или нет; включить в круг субъектов подкупа все лица, работающие на предприятиях частного сектора; 4) сделать одинаковым – публично-правовым – правовой режим уголовного преследования за преступления коррупционной направленности в государственном и частном секторах; 5) криминализировать злоупотребление влиянием в корыстных целях в соответствии со статьей 12 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию; 6) в статьи 184, 204, 290, 291 УК РФ ввести понятия предложения, обещания и просьбы о предоставлении преимущества и принятия предложения или обещания в соответствии с Конвенцией Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию; 7) создать институт уголовной ответственности для юридических лиц за преступления коррупционной направленности. Уголовная ответственность юридических лиц за совершение от их имени или в их интересах коррупционных преступлений рекомендована статьей 26 Конвенции ООН против коррупции. Эту норму следует имплементировать в российскую правовую систему, хотя бы это потребовало пересмотра ее концептуальных основ. Основная идея уголовной ответственности юридических лиц сводится к тому, что деяния, которые совершаются от имени или в интересах юридического лица, должны быть наказуемы. Субъектом уголовной ответственности должна быть коммерческая организация, которая не предотвращает дачу взятки. Коммерческая организация может быть признана виновной в совершении упомянутого преступления, если связанное с ней лицо осуществляет подкуп другого лица с намерением получить для данной организации какое-либо преимущество. Следует ввести штраф в качестве основной и

обязательной меры наказания юридических лиц за коррупционные преступления; 8) допустить использование сотрудниками правоохранительных органов для разоблачения коррупционеров правомерной провокации.

На основе уголовно-правовой концепции крайней необходимости и доктрины допустимости активных действий при проведении оперативного эксперимента создана авторская концепция контролируемого предложения взятки должностному лицу сотрудниками правоохранительных органов, иначе говоря, за допущение элементов провокации при выявлении взяточников. Эта концепция изложена в виде системы конкретных правовых стандартов поведения сотрудников полиции, осуществляющих негласные следственные действия по изобличению коррупционеров в Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации с нашим соавторством.

Амнистия капитала представляет собой первую стратегическую меру по реформатированию уголовной политики обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции, отвечающую долговременным национальным интересам по созданию современной правовой базы экономической деятельности в России. Амнистия капиталов должна позволить заключить новый социальный договор между властью – бизнесом – обществом и «перевести на новое время» действие правоохранительного механизма реализации уголовной политики. В основе правопорядка в сфере экономической деятельности должны лежать институты, а не люди: институты надежнее людей, они принуждают людей к надлежащему поведению. Выстраивание институциональной правовой основы, элементом которой должно быть новое уголовное законодательство, составляет стратегическую задачу.

Был сделан вывод относительно дифференциации уголовной политологии и реальной уголовной политики. Реальная политика – это политика в действии, политология – это политика в созерцании. Уголовную политологию – теорию уголовной политики, научную, идеологическую составляющую – следует вывести за рамки понятия уголовной политики. Реальная уголовная политика – это воплощение концепции, проекта в тексте закона, его ис-

толкование и применение; ее субъекты – законодатель и правоприменитель.

Уголовная политология – это комплекс научных представлений и принятая властью официальная доктрина уголовной политики. Она должна быть максимально синтетическим, комплексным, междисциплинарным знанием, при этом оставаясь в составе науки уголовного права. Уголовная политология должна быть местом для диалога, дискуссии власти и общества (научного сообщества), где должны находить свое проявление позиции субъектов гражданского общества, политических партий, социальных групп.

Защиты кандидатских диссертаций

Хилтунов Николай Николаевич

Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда

Дата защиты – 17 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»
Научный руководитель	Соктоев Зорикто Борисович
Оппоненты	Яцеленко Борис Викторович, Вешняков Дмитрий Юрьевич
Ведущая организация	ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Место защиты	Диссертационный совет Д 170.001.02 при ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

Научная новизна исследования состоит в том, что работа представляет собой первую после внесенных изменений в УК За-

коном № 421-ФЗ попытку комплексного изучения проблемы уголовной ответственности за преступное нарушение требований охраны труда, результаты которого восполнят пробел теоретического осмысления новой редакции ст. 143 УК. На основе авторского понимания механизма причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны в его системной связи с иными признаками преступления, а также результатов проведенного сравнительного анализа правоприменительной практики, сложившейся до и после внесения изменений, изучения опыта законотворческой работы по дифференциации обязанностей лиц, которые должны обеспечивать и соблюдать требования безопасности, сформулированы рекомендации на законодательном и правоприменительном уровнях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Уголовно-правовой запрет, предусмотренный ст. 143 УК, является результатом развития базового законодательства об охране труда. По мере эволюции уголовно-правовой нормы о преступном нарушении требований охраны труда изменялись типы технико-юридических приемов законодательного описания криминообразующих и квалифицирующих признаков преступления: 1) путем отказа от казуистического изложения деяния с изложением его в емкой форме как нарушения требований охраны труда;

2) посредством приведения редакции уголовно-правовой нормы в соответствие с базовым законодательством; 3) за счет конкретизации родового и непосредственного объектов уголовно-правовой охраны и, как следствие, уточнения объективных пределов ответственности; 4) путем определения признаков специального субъекта преступления.

2. В целях экономии уголовной репрессии в качестве криминообразующего признака использовано причинение вреда здоровью потерпевшего или смерти, что, в свою очередь, при совершении преступления, предусмотренного ст. 143 УК, свидетельствует о причинении вреда интегративному объекту преступления – безопасности производственной деятельности.

3. Механизм причинения вреда объекту преступного нарушения требований охраны труда уточняет криминологический механизм преступления и сводится к динамике взаимодействия

объекта преступления и его объективной стороны, реализуемой в силу преступной неосторожности специальным субъектом: лицо, на которое возложены обязанности по организации или обеспечению соблюдения требований охраны труда, разрывает социально-нормативную связь путем исключения себя из этого отношения (неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей), чем вызывает опасность воздействия на работников вредных производственных факторов. Вследствие разрыва социальной связи изменяет свое свойство уровень установленной безопасности, что является катализатором причинения вреда жизни и здоровью работника.

4. По ст. 143 УК потерпевшими могут быть признаны лишь лица, обладающие существенными признаками, обусловленными трудовыми отношениями, в том числе юридически не оформленными фактическими трудовыми отношениями, на которые указывают: 1) личный характер прав и обязанностей работника; 2) выполнение работы с соблюдением правил внутреннего распорядка при обеспечении нанимателем условий труда;

3) выполнение работы за счет средств производства, предоставляемых нанимателем; 4) возмездный характер (оплата производится за труд); 5) несамостоятельность работника, выполняющего заданную нанимателем (обязанность работника выполнять определенную, заранее обусловленную трудовую функцию). При отсутствии у лица данных признаков ответственность виновных в преступном нарушении требований охраны труда наступает по другим статьям УК. Для повышения эффективности правоприменительной практики, исключения ошибок при разграничении составов преступлений предлагается внести изменения в ст. 143 УК, заменив термин «человек» на термин «потерпевший». Тем самым при использовании законодательного приема, связанного с толкованием термина «потерпевший», подчеркивается причинение вреда не просто человеку, а потерпевшему – работнику вследствие нарушения его конституционного права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены.

5. Законом № 421-ФЗ изменена редакция ст. 143 УК в части определения обязанностей субъекта преступления. Проведенная законодательная регламентация является неудачной, поскольку породила на практике сложности при квалификации и разграни-

чении преступлений, что приводит к квалификационным ошибкам. В соответствии с трудовым законодательством любой работник обязан соблюдать требования по охране труда и по обеспечению охраны труда, однако из этого вовсе не следует, что каждый работник обязан обеспечивать конституционное право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Не может признаваться субъектом преступления, предусмотренного ст. 143 УК, рядовой работник, если он не наделен работодателем полномочиями по организации или обеспечению соблюдения требований охраны труда. Поэтому предлагается изменить законодательную регламентацию обязанностей субъекта преступления, изложив в этой части ст. 143 УК в следующей редакции: «лицо, на котором лежали обязанности по организации или обеспечению соблюдения требований охраны труда» – так, как это осуществлено в ст. 263.1 УК.

6. Если лицо, имеющее статус индивидуального предпринимателя либо руководителя зарегистрированной в установленном порядке организации, осуществляет незаконное предпринимательство и допускает преступное нарушение требований охраны труда, то действия этого лица квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171 и 143 УК. Если вследствие осуществления предпринимательской деятельности без регистрации или без обязательной лицензии возникает производственная травма с причинением по неосторожности тяжкого вреда здоровью или смерти человеку, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171 и ст. 118 или 109 УК.

7. Следует признать ошибочным утверждение, что освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим за совершение преступления, предусмотренного ст. 143 УК, является не обязанностью, а правом компетентных органов. Освобождение от уголовной ответственности представляет собой реализацию полномочия правоприменительного органа, состоящего в единстве его прав и обязанностей. При наличии основания уголовной ответственности и всех условий, вытекающих из действительного смысла ст. 76 УК, компетентный орган обязан (а не вправе) прекратить уголовное дело и (или) уголовное преследование. Неукоснительное соблюдение этого требования

позволит минимизировать коррупционную составляющую практики освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

8. В связи с преступным нарушением требований охраны труда в 64,9 % случаев в качестве наказания избиралось лишение свободы с применением ст. 73 УК; в 10,8 % от всех приговоров назначался штраф исключительно как основной вид наказания; исправительные работы назначались лицам в 6,9 % случаев с реальным отбыванием назначенного наказания и в 5,4 % случаев – с признанием считать наказание условным с испытательным сроком; обязательные работы назначались в 0,8 % от всех приговоров; принудительные работы вовсе судами не назначались. Поскольку выявленные тенденции в практике назначения наказания показали, что судами не в полной мере учитывается требование о том, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания, в санкцию ч. 1 ст. 143 УК предлагается включить такой вид наказания, как ограничение свободы.

9. Обоснована необходимость изменения законодательной регламентации преступных нарушений требований охраны труда посредством изложения ч. 1 ст. 143 УК в следующей редакции:

«1. Нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на котором лежали обязанности по организации или обеспечению соблюдения этих требований, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, –

наказывается штрафом в размере до четырехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы до трех лет, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до одного года или без такового».

Матчанова Зоя Шарифовна
Факторы распространения терроризма в современной
России: криминологический анализ
Дата защиты – 18 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»
Научный руководитель	Гишинский Яков Ильич
Оппоненты	Павлик Михаил Юрьевич, Топильская Елена Валентиновна
Ведущая организация	ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» Диссертационный совет Д 999.017.03 при ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», ФГБОУ
Место защиты	ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- разработано авторское определение терроризма;
- выявлено значение различных факторов распространения терроризма в современной России;
- отражены изменения в способах совершения терактов, проявившиеся в 2015 году;
- предложена типология личности террориста;
- выводы подкреплены результатами проведенного в 2015 году социологического опроса среди сотрудников правоохранительных органов Санкт-Петербурга о влиянии отдельных факторов на распространение терроризма;
- сформулированы предложения по изменению и дополнению ст. 3 и ст. 5.1 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года.

Основные выводы и положения, выносимые на защиту:

В современных условиях оптимальным является следующее определение терроризма: терроризм – противоправная деятельность отдельных лиц, групп лиц или коллективных образований (группировок, организаций), основанная на идеологии насилия и нарушающая общественную безопасность во внутригосударственном или международном масштабе, выраженная в совершении взрыва или других действий, влекущих гибель человека или создающих опасность таковой, а также причинение имущественного ущерба, направленная на устрашение населения отдельного государства или группы государств и оказание воздействия на органы власти государства или международные органы и организации с целью дестабилизации обстановки в обществе и принуждения к принятию решений, выгодных для террористов, а также с иными целями деструктивной направленности.

Основными критериями классификации терроризма являются: территориальный охват, субъектный состав, объект посягательств.

По территориальному охвату терроризм может быть подразделен на: 1) внутригосударственный и 2) международный, который может быть: а) региональный, б) глобальный.

По субъектному составу терроризм подразделяется на: 1) индивидуальный и 2) коллективный, который может быть: а) групповой, б) организованный.

По объекту посягательств может выделяться терроризм, посягающий на:

жизнь, здоровье и имущество населения; 2) политическую безопасность; 3) экономическую безопасность; 4) военную безопасность; 5) материальнотехническую безопасность; 6) транспортную безопасность; 7) продовольственную безопасность; 8) экологическую безопасность.

Современный терроризм обладает рядом особенностей: высокий уровень организационной, финансовой, военно-технической, материальной, информационной оснащенности современных террористов, что приводит к увеличению числа террористических актов и значительной численности их жертв;

наличие тесных и устойчивых связей терроризма с организованной преступностью, в частности, с незаконным оборотом наркотических средств, а также наемничеством;

ярко выраженный интернациональный характер и значительный масштаб террористической деятельности;

использование терроризма как инструмента политического давления.

В настоящее время наблюдается изменение методов и тактики совершения терактов. Еще недавно была распространена практика применения взрывных устройств, которые скрытно закладывались в заранее определенные места и приводились в действие, как правило, дистанционно. Также широкое распространение имели действия террористов-смертников, несущих взрывчатку на себе. Последние случаи террористических атак в ноябре-декабре 2015 г. в разных странах мира выразились в открытых нападениях террористов на людей в общественных местах с применением огнестрельного и холодного оружия. Кроме того, теперь в большинстве случаев террорист стремится покинуть место теракта, а лишает себя жизни лишь при попытках задержания или угрозе ликвидации.

При разработке антитеррористических мер в целях соблюдения баланса интересов общества и личности основной упор должен быть сделан на меры превентивного характера. В частности, необходимо:

направить усилия государственных органов, а также общественных и религиозных организаций на профилактическую работу, прежде всего, по развенчанию идеологической базы терроризма;

усилить антитеррористическую профилактику среди молодежи и создавать негативный образ террориста (в том числе с использованием социальных сетей) с целью удержания молодых людей от потенциально возможного вливания в ряды террористов;

осуществлять постоянное информирование населения о порядке действий в опасных ситуациях, связанных с террористической угрозой (через СМИ, интернет-ресурсы, стенды в общественных местах, массовую рассылку информационных брошюр по почтовым ящикам).

Базовым критерием типологии личности террориста является мотивация к террористической деятельности. В соответствии с данным критерием выделяются 10 типов личности террориста: 1)

идейно-политический, 2) идейнорелигиозный, 3) деструктивный, 4) корыстный, 5) мститель, 6) ведомый (внушаемый), 7) искатель смысла, 8) демонстративный, 9) авантюрный, 10) ситуативный. Однако, чистые типы встречаются редко. Один и тот же субъект может быть мотивирован на террористическую деятельность разнотипно, не исключена и трансформация мотивации.

Все факторы распространения терроризма в современной России подразделяются на следующие группы:

Политико-правовые: политическая нестабильность; падение авторитета власти и закона; ослабление правоохранительных органов, спецслужб, армии, выразившееся в снижении мотиваций, падении профессионального уровня, серьезном ухудшении материально-технической базы; борьба за власть политических партий и отдельных групп, преследующих узкоэгоистические цели; попытки вмешательства со стороны отдельных представителей иностранных государств, ряда зарубежных организаций, в том числе религиозных, с целью сохранения очага нестабильности на территории России; несовершенство законодательства.

Социально-экономические: отсутствие действенной социальной политики и рост социально-экономического неравенства; безработица, особенно в беднейших регионах страны; коренные изменения в социальной структуре, приведшие, в частности, к маргинализации некоторых социальных групп; социальная напряженность; падение уровня жизни; кризис в экономическом развитии государства.

Национальные и религиозные: рост национализма и национальноэтнической нетерпимости; распространение религиозного экстремизма; усиление сепаратистских настроений.

Психологические: рост социальной агрессии; состояние дискомфорта и незащищенности, обостренное чувство социальной неустроенности и тревоги, испытываемое значительной частью населения; утрата веры в способность государства обеспечить безопасность граждан; утрата людьми духовных, культурных, нравственных ориентиров.

Опрос, проведенный в рамках диссертационного исследования в ноябре-декабре 2015 г. среди ста сотрудников правоохранительных органов, показал, каким образом оценивается влияние отдельных факторов на распространение терроризма в современ-

ном мире. В числе факторов, влияние которых на распространение терроризма максимально, были названы: распространение религиозного экстремизма (63%), попытки вмешательства со стороны иностранных государств в целях продвижения своих интересов (50%), этническая, религиозная, идеологическая нетерпимость, ксенофобия (45%). Достаточно велико, хотя и не абсолютно, по мнению респондентов, влияние таких факторов, как: структурный кризис государства и его институтов (55%), падение авторитета власти и закона (50%), усиление сепаратистских настроений (47%).

Мнацакян Аревик Васильевна
Информационная безопасность в Российской Федерации:
уголовно-правовые аспекты
Дата защиты – 22 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
Научный руководитель	Серебренникова Анна Валерьевна
Оппоненты	Букалерева Людмила Александровна, Юрченко Ирина Александровна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»
Место защиты	Диссертационный совет Д 501.001.73 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Новизна исследования проявляется в совокупности авторских предложений, выводов и рекомендаций, направленных на совершенствование российского уголовного законодательства.

На защиту выносятся следующие положения и предлагаются выводы, которые имеют принципиальное значение для теории и практики уголовноправового обеспечения информационной без-

опасности, борьбы с компьютерной преступностью в Российской Федерации:

Преступления против информационной безопасности следует рассматривать как широкий класс уголовно наказуемых деяний, посягающих на безопасность субъекта информационных отношений, как в социальной, так и в информационной среде. В исследовании предложена следующая классификация преступлений против информационной безопасности:

а) Преступления, посягающие на тайную (конфиденциальную) информацию, личную тайну, а также, преступления, направленные на распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст. 128.1 УК РФ, 137 УК РФ, ст. 138 УК РФ, ст. 138.1, ст. 146 УК РФ, ст. 155 УК РФ, ст. 183 УК РФ, ст. 170.1 УК РФ, ст. 183 УК РФ, ст. 283 УК РФ, ст. 283-1 УК РФ, ст. 310 УК РФ, ст. 311 УК РФ, ст. 320 УК РФ). Указанные преступления посягают на информацию, отнесённую законом к категории тайной, нарушают права участников информационных отношений на конфиденциальность информации.

б) Информационные преступления, направленные против безопасного обращения компьютерной информации, которые посягают на интересы личности и общества в сфере информационного обмена, создания, защиты, хранения и использования информации, хранящейся в компьютере. Речь идёт о преступлениях, обозначенных статьями 272 – 274 УК РФ, которые включённые в гл. 28 УК РФ, а также ст. 159. 6 УК РФ. Данная группа преступных посягательств нарушает права граждан на безопасное использование информации, находящейся на компьютерных носителях, в информационной сети.

в) Иные составы преступлений, направленные против прав граждан на получение информации, объектом преступных посягательств в данном случае являются законные конституционные права граждан на информацию (ст. 140 УК РФ, ст. 144 УК РФ, ст. 237 УК РФ).

Информационная безопасность представляет собой совокупность общественных отношений, которые регулируются системой правовых норм, направленных на обеспечение национальных интересов государства, интересов общества, на обеспечение за-

конных интересов личности и субъектов хозяйствования в информационной сфере, гарантируют права человека и гражданина в информационной сфере, защиту информации от несанкционированного доступа, уничтожения, блокирования, модификации копирования, и неправомерного использования.

В отношении сбора информации в социальных сетях нецелесообразно говорить о целенаправленном сборе данной информации со стороны операторов социальных сетей, поскольку такая информация предоставляется пользователями добровольно. В этой связи следует говорить не о сборе информации, а о доступе к персональным данным, добровольно предоставляемыми пользователями социальных сетей, что не является преступлением. В тоже время раскрытие и распространение оператором персональных данных без согласия пользователя следует рассматривать как правонарушение, которое может повлечь за собой наступление уголовной

ответственности.

Анализ УК РФ и российской судебной практики по вопросам информационной безопасности позволил автору данного исследования предложить уточнить название ст. 137 УК РФ, изложив её в следующей редакции: «Незаконный доступ к сведениям, составляющим личную или семейную тайну».

Часть 1 ст. 159.6 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём распространения с использованием информационных технологий ложной информации, ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей ...(далее по тексту)».

Часть 2 ст. 272 УК РФ изложить в следующей редакции «То же деяние, направленное на перехват информации, совершенное с корыстным мотивом и причинившее крупный ущерб ..(далее по тексту).

Часть 1 ст. 274 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «нарушение правил, касающихся информационных ре-

сурсов, а также эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и окончного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб . (далее по тексту)».

Сравнительный анализ ст. 159 УК РФ и ст. 159.6 РФ позволил установить, что законодатель лояльно подходит к проблеме наказания за мошенничество в сфере компьютерной, предоставляет необоснованные льготы виновным лицам, совершающим мошеннические действия в сфере компьютерной информации. Сделан вывод, что наказания за эти преступления, как минимум, должны быть соразмерными, соответственно имеется необходимость внести соответствующие изменения в нормы Уголовного кодекса РФ.

В п. 7 ст. 2 Закона РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предлагается установить, что «конфиденциальность информации представляет собой обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определённой информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия её обладателя, а также в случае, если запрет на передачу такой информации установлен законом, иным нормативно-правовым актом и данный запрет не противоречит положениям Конституции РФ».

Предлагается дополнить ст. 63 УК РФ пунктом «с», указав в нем, что совершение преступления с помощью компьютерной техники, информационных и сетевых технологий, является обстоятельством, отягчающим наказание.

Аглямова Гульназ Махияновна
Криминологическая характеристика коррупционной преступности в сфере местного самоуправления и ее предупреждение

Дата защиты – 24 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Научный руководитель	Талан Мария Вячеславовна
Оппоненты	Кабанов Павел Александрович, Малышева Юлия Юрьевна
Ведущая организация	ФКОУ ВПО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» Диссертационный совет Д 212.081.32 при
Место защиты	ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проводится общетеоретический, практический и сравнительно-правовой анализ криминологической характеристики коррупционной преступности в сфере местного самоуправления и ее предупреждения. Разработана концепция предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления. Комплексное криминологическое исследование природы коррупционной преступности в сфере местного самоуправления позволило выработать предложения о необходимости изучения и предупреждения данного вида преступности, а также по совершенствованию отдельных норм уголовного законодательства.

Основные положения, выносимые на защиту:

Коррупционная преступность в сфере местного самоуправления – это социальное, опасное явление, обладающее высокой латентностью, которое представляет собой совокупность преступлений, совершенных муниципальными служащими, имеющими управленческие функции, с использованием служебного положения против интересов граждан, муниципального образования, государства, для собственного обогащения или узкогрупповых целях, а также совокупность таких категорий лиц.

Криминологическое законодательство в сфере местного самоуправления – система нормативно-правовых актов, предусматривающих меры по предупреждению общей преступности на уровне местного самоуправления и коррупционной преступности в сфере местного управления, в частности.

Для устранения пробела в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» предлагается в первой статье дать определение понятия коррупционного правонарушения в следующей редакции: коррупционное правонарушение – это противоправное поведение должностного лица органов государственной и муниципальной власти, а также лиц, выполняющих управленческие функции, нарушающие права, свободы и интересы физических лиц, юридических лиц, общества и государства, используя свои должностные и служебные полномочия.

Выявлены следующие причины и условия преступности коррупционной в сфере местного самоуправления:

1-я группа: детерминанты, связанные с причинами и условиями преступности в целом;

2-я группа: детерминанты, взаимосвязанные с причинами и условиями коррупционной преступности;

3-я группа: специфические детерминанты коррупционной преступности в сфере местного самоуправления:

а) в области регулирования права собственности на землю;

б) в области жилищно-коммунального хозяйства и строительства;

в) связанные с низкой заработной платой муниципальных служащих.

Наиболее коррумпированными сферами местного самоуправления являются: земельные и имущественные отношения, отношения органов местного самоуправления с предпринимательством.

Выявлены наиболее существенные структурные компоненты в личности коррупционного преступника в сфере местного самоуправления:

Социально-демографические особенности:

средний возраст – 35 – 40 лет;

образование – 82% составляют лица с двумя высшими, высшим, неоконченным высшим образованием;

пол преступников – 13% коррупционеров в сфере местного самоуправления составляют лица женского пола;

личная жизнь преступников – 100% коррупционеров имеют семьи.

Социально-ролевые особенности – 100% коррупционеров выполняли свои профессиональные обязанности в сфере местного самоуправления.

Социально-психологические особенности проявляются в алчности, стремлении незаконно обогатиться за счет злоупотребления и превышения полномочиями, в недооценивании работы муниципальных служащих со стороны государственных и муниципальных органов.

Для устранения коллизии между УК РФ и ФЗ РФ «О противодействии коррупции» предлагается предусмотреть ст. 285 УК РФ в следующей редакции:

Ст. 285. Злоупотребление служебным положением

Использование лицом своих должностных и служебных полномочий вопреки интересам должности и службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, наказывается лишением свободы на срок до четырех лет.

Предлагается внести изменения в Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и предусмотреть ч. 1, ст. 8 и ч. 1, ст.

в следующих редакциях:

Ст. 8 Представление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера

1. Сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, близких родственников по нисходящей и восходящей линии, обязаны представлять представителю нанимателя (работодателю):

граждане, претендующие на замещение должностей государственной или муниципальной службы, включенных в перечни, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации;

граждане, претендующие на замещение должностей членов Совета директоров Центрального банка Российской Федерации, должностей в Центральном банке Российской Федерации, вклю-

ченных в перечень, утвержденный Советом директоров Центрального банка Российской Федерации;

граждане, претендующие на замещение должностей, включенных в перечни, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации, в государственных корпорациях, Пенсионном фонде Российской Федерации, Фонде социального страхования Российской Федерации, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, иных организациях, создаваемых Российской Федерацией на основании федеральных законов;

граждане, претендующие на замещение отдельных должностей, включенных в перечни, установленные федеральными государственными органами, на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами;

граждане, претендующие на замещение должностей руководителей государственных (муниципальных) учреждений;

лица, замещающие должности, указанные в пунктах 1-3.1 настоящей части.

Ст. 8.1. Представление сведений о расходах

1. Лица, замещающие (занимающие) должности, включенные в перечни, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации или нормативными актами Центрального банка Российской Федерации, обязаны представлять сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга), несовершеннолетних детей, близких родственников по нисходящей и восходящей линии, в случаях и порядке, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Во избежание коллизий между УК РФ и Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральным законом от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» и для восполнения пробела предлагается ввести в УК РФ ст. 285.4 и предусмотреть в следующей редакции:

Ст. 285.4 Соккрытие и несвоевременное предоставление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера

Соккрытие и несвоевременное предоставление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, которые претендуют на замещение должностей государственной или муниципальной службы, включенных в соответствующий перечень, государственными или муниципальными служащими, замещающими указанные должности, сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, близких родственников по нисходящей и восходящей линии, наказывается лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Выявлено, что массовая коррупционная виктимность в сфере местного самоуправления – это состояние общества, которое связано с преступностью коррупционной, совокупность всех жертв в конкретный период времени на территории муниципального образования.

Разработаны Концепция предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления, криминологические исследовательские программы по проблеме «Латентная преступность» и «Коррупционная преступность в сфере местного самоуправления», которые могут быть использованы в различных регионах Российской Федерации в целях выявления и предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления.

Гарипов Тимур Ильгизович
Преступления против правосудия, совершаемые в
досудебных стадиях уголовного судопроизводства его
участниками и иными лицами (вопросы теории и практики)
Дата защиты – 25 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный руководитель	Малков Виктор Павлович
Оппоненты	Лобанова Любовь Валентиновна, Вотчель Нелли Рашидовна
Ведущая организация	ФБГОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» Диссертационный совет Д 212.081.32 при
Место защиты	ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что с учетом изменений уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и административно-законодательства последних пяти лет осуществлено комплексное исследование уголовно-правовых и криминологических средств, направленных на реализацию задач должностных лиц органов предварительного расследования и на основании этого сформулированы предложения и рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и мер противодействия и предупреждения преступлений против правосудия, совершаемых на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Научная новизна диссертационного исследования отражена также в положениях, выносимых на защиту:

1. Под преступлениями, посягающими на установленный порядок производства предварительного расследования, следует понимать запрещенные уголовным законом, виновные, общественно опасные деяния, совершаемые участниками уголовного судопроизводства стороны обвинения и защиты, а также иными заинтересованными лицами, в связи с осуществлением ими своих

процессуальных прав и обязанностей в период предварительного расследования по уголовному делу и при производстве процессуальных и следственных действий;

2. Стажер, претендующий на должность следователя или дознавателя, помощник следователя и практикант не являются субъектами преступлений против правосудия, ввиду отсутствия у них признаков специального субъекта. Данные лица могут подлежать уголовной ответственности в случаях фактического наличия в их действиях признаков иных составов преступлений, например против жизни и здоровья, свободы и личной неприкосновенности человека и гражданина;

3. В ходе исследования, установлено, что распространенной формой противодействия предварительному расследованию является невыполнение соответствующими адресатами законных требований следователя, дознавателя или прокурора. Невыполнение требований изложенных в представлении следователя об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, неявка для допроса по повестке, немотивированный отказ от участия в следственном действии в качестве понятого могут способствовать волоките при производстве предварительного расследования, помешать скорейшему раскрытию преступления, установлению похищенного имущества, а так же ущемлению прав потерпевшего на возмещение причиненного ущерба. С целью предупреждения невыполнения законных требований следователя и дознавателя при производстве предварительного расследования, наиболее целесообразным может быть введение в гл.31 УК РФ нового состава преступления с административной преюдицией в следующей редакции: «Статья 294¹ Неоднократное невыполнение законных требований суда, прокурора, следователя или дознавателя Злостное невыполнение законных требований суда, прокурора, следователя или дознавателя в целях воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования по уголовному делу, если это деяние совершено неоднократно, – наказывается ... (преступление средней тяжести) Примечание. Злостным невыполнением законных требований суда, прокурора, следователя или дознавателя в целях воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования по

уголовному делу, признается невыполнение законных требований суда, прокурора, следователя или дознавателя, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в течение ста восьмидесяти дней);

4. Предлагается часть 2 ст.307 УК РФ дополнить квалифицирующим признаком «либо совершенные по мотиву корыстной или иной личной заинтересованности».

5. В связи с тем, что большинство преступлений против правосудия, субъектами которых являются должностные лица органов предварительного расследования, совершаются по мотиву ложно понятых интересов службы, названный мотив предлагается включить в перечень обстоятельств, смягчающих наказание (ч.1 ст. 61 УК РФ). Реализация данного положения могла бы способствовать возможности судов индивидуализировать назначаемое наказание в зависимости не только от формы вины совершенного деяния, но и от мотива.

6. С целью декриминализации деяний, связанных с формальным нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, не имеющих общественной опасности, целесообразно исключить ст.303 «Фальсификация доказательств» из УК РФ и включить данную норму в ст.ст.299,300 УК РФ в качестве квалифицирующих признаков, раскрыв содержание данного понятия в примечании к ст.299.

7. В ст.ст.299,300 УК РФ вместо понятия «уголовная ответственность» целесообразно использовать термин «уголовное преследование» и изложить указанные статьи в следующей редакции:

«Статья 299 Заведомо незаконное уголовное преследование

1. Заведомо незаконное уголовное преследование – наказывается... (преступление средней тяжести)

2. То же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а равно с фальсификацией доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, – наказывается ... (тяжкое преступление)

Примечание. Под фальсификацией доказательств в статьях 299, 300, 306 настоящего Кодекса понимается подделка, подмена,

искажение доказательств по уголовному делу, материалов проверки сообщения о преступлении, результатов оперативно-разыскной деятельности, а равно их умышленное, изъятие, сокрытие или уничтожение.

Статья 300 Незаконный отказ от уголовного преследования

1. Принятие незаконного решения об отказе от уголовного преследования лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, следователем или дознавателем, – наказывается... (преступление средней тяжести)

2. То же деяние, соединенное с фальсификацией доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, – 14 наказывается... (тяжкое преступление)»

Ахмедов Михайл Насреддин оглы

Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты

Дата защиты – 14 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
Научный руководитель	Расторопов Сергей Владимирович
Оппоненты	Иванцов Сергей Вячеславович, Чирков Дмитрий Константинович
Ведущая организация	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» Диссертационный совет Д 229.001.01, созданного на базе ФГБОУ ВПО
Место защиты	«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Научная новизна работы заключается в том, что диссертационное исследование было проведено в период активного реформирования уголовного законодательства. Результаты настоящего

исследования могут способствовать стабилизации и оптимизации практической значимости уголовной нормы.

Диссертант проанализировал, обобщил и внес коррективы в части уголовной ответственности за нелегальную миграцию. В результате всестороннего изучения теоретических и прикладных аспектов противодействия нелегальной миграции автор предложил новый подход, согласно которому предусмотренные уголовным законом составы преступлений в сфере противодействия нелегальной миграции делятся на преступления непосредственного и опосредованного характера, что направлено на защиту социума от рассматриваемого негативного явления. Новизна предлагаемого автором направления заключается в установлении взаимосвязей и взаимодействия данных сфер, а также их комплексного воздействия на феномен нелегальной миграции.

Исследование зарубежного законодательства в области нелегальной миграции позволило автору прийти к выводу о необходимости совершенствования государственных мер по противодействию нелегальной миграции в Российской Федерации. Учитывая выявленные и полученные данные, диссертант внес обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части противодействия нелегальной миграции, соответствующие духу современной уголовной политики.

Таким образом, автор диссертационной работы путем анализа результатов, полученных в ходе изучения законодательства в рассматриваемой сфере, а также практики деятельности правоохранительных органов и судов по данному направлению, с помощью исследования в определенной степени подводит итог формированию средств противодействия нелегальной миграции уголовно-правового характера и предлагает пути их дальнейшего совершенствования.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие новые или содержащие элементы новизны основные положения:

Положение о разграничении терминов нелегальной миграции и незаконной миграции. Несмотря на схожесть данных понятий, они имеют отношение общего – нелегальная миграция и частного – незаконная миграция.

Авторское определение нелегальной миграции, которая представляет собой нарушение гражданином данного государства, иностранным гражданином или лицом без гражданства закрепленных в национальном законодательстве правил въезда, выезда из страны, пребывания и транзитного проезда страны пребывания.

Заключение о наличии в современной России достаточно развитой системы мер противодействия нелегальной миграции, состоящей из двух основных составляющих: организационная, включающая деятельность уполномоченных органов, а также правовая, предусматривающая административно-правовое и уголовно-правовое воздействия в отношении лиц, преступивших действующее миграционное законодательство.

Авторский подход к классификации составов преступлений в сфере противодействия нелегальной миграции на непосредственные, к которым относятся ст. 322, 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ, и опосредованные – ст. 292.1, 324, 325, 327 УК РФ. Непосредственные, в свою очередь, посягают на общественные отношения, связанные с режимом государственной границы (ст. 322 и 322.1 УК РФ), и общественные отношения, связанные с правовым режимом пребывания на территории РФ (ст. 322.1 в части, касающейся организации незаконного пребывания на территории РФ, ст. 322.2 и 322.3 УК РФ).

Современная отечественная система мер уголовно-правового противодействия нелегальной миграции соответствует требованиям международного законодательства и имеет достаточно действенный, эффективный и сбалансированный организационно-правовой механизм, сформировавшийся исторически и на основе международного права. Однако, учитывая зарубежный опыт, имеются перспективы совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере, в связи с чем предлагаем дополнить пунктом «с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей» ч. 2 ст. 126 «Похищение человека», ст. 127 «Незаконное лишение свободы», ст. 127.2 «Использование рабского труда», ст. 206 «Захват заложника», что будет способствовать реализации Россией взятых на себя обязательств по соблюдению ратифицированных международных документов.

Вывод диссертанта о несоответствии сложившимся реалиям квалифицирующих признаков ч. 2 ст. 322.1 УК РФ и практике ее применения судами и правоохранительными органами, вследствие чего предлагается изменить их на следующие формулировки:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) в целях содействия тшеступления или административного правонарушнсния на тсооитооии РФ.

Это позволит повысить эффективность пштиводействия нелегальной миграции и будет соответствовать принципу справедливости.

Обоснование необходимости оптимизации группы составов преступлений опосредованного характера, посягающих на общественные отношения, связанные с правовым режимом пребывания на территории РФ, путем объединения ст. 322.2 и 322.3 УК РФ в рамках одной ст. 322.2 УК РФ и с учетом ее специфики, дополнив частью, предусматривающей уголовную ответственность за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации с сохранением санкций, предусмотренных ст. 322.3 УК РФ, и частью, предусматривающей квалифицируемую уголовную ответственность для должностных лиц, с более высокими санкциями.

Предложение автора о необходимости изменения ст. 292.1 УК РФ путем корректировки названия статьи «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации», заменив словосочетание «выдача паспорта» словосочетанием «оформление и выдача паспорта», что более точно отражает суть преступного деяния, а также разделения преступных действий, связанных с незаконной выдачей паспорта и внесением заведомо ложных сведений в документы, на разные части ст. 291.1 УК РФ в целях облегчения толкования нормы и правоприменительной практики.

Вывод диссертанта о необходимости оптимизации порядка применения конструкций элементов характеристики личности преступника, совершающего преступления в сфере нелегальной

миграции, что позволит целостно исследовать личность преступника, предметно выявить факторы, детерминирующие индивидуальное преступное поведение, и эффективно разработать методы профилактики. Целесообразно рассматривать личность в рамках двух типов: личности преступника – нелегального мигранта и личности преступника, организующего и содействующего нелегальной миграции, которые отличаются друг от друга по своим криминологическим характеристикам.

Положение о выделении компонентов детерминантов преступности в сфере нелегальной миграции в рамках двух групп: внутренних детерминант, включающих факторы российского происхождения. и внешних, к которым относятся негативные факторы, существующие в странах исхода. Обособление данных групп детерминант связано с местом образования причинно-следственного комплекса преступности в сфере нелегальной миграции.

Вывод диссертанта о необходимости расширения применяемых криминологических мер противодействия нелегальной миграции социально-экономического, культурно-нравственного, политического и правового характера, что за счет комплексности их реализации и учета принятых в зарубежных странах направлений профилактики преступности в данной сфере существенно повысит эффективность противодействия преступности в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Москалев Георгий Леонидович
Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации
Дата защиты – 15 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»
Научный руководитель	Тарбагаев Алексей Николаевич
Оппоненты	Коробеев Александр Иванович,

Ведущая организация Оленников Сергей Михайлович
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный
юридический университет»
Диссертационный совет Д 212.232.63,
Место защиты созданного на базе ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский государственный университет»

Научная новизна исследования выражается в том, что оно представляет собой первое в уголовно-правовой науке диссертационное исследование, полностью посвященное проблемам уголовно-правовой регламентации и квалификации геноцида в УК РФ. Международно-правовые акты в работе рассматриваются в связи с анализом ст.357 УК РФ. В работе обосновывается необходимость существования нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ. Осуществляется развитие положений ранее проведенных исследований, о содержании признаков состава преступления ст. 357 УК РФ, а также об особенностях его соотношения с составами других преступлений, предусмотренных действующим УК РФ. В диссертационном исследовании предлагаются новые решения следующих проблем: определено содержание понятия «дети» в диспозиции ст. 357 УК РФ; доказана обоснованность установления законодателем минимального возраста для субъекта геноцида в 16 лет; установлено соотношение причинения тяжкого вреда здоровью и насильственного воспрепятствования деторождению как признаков объективной стороны геноцида; обоснована необходимость криминализации публичных призывов к совершению геноцида, и другие. В связи с тем, что большинство проблем, связанных с объектом исследования, имеет дискуссионный характер, новизну представляет также новая дополнительная аргументация их решения, продемонстрированная в работе. Сформулированные теоретические рекомендации для законотворческой и потенциальной следственной и судебной практики также представляют научную новизну данной работы. Внесено предложение по изменению диспозиции ст. 357 УК. При проведении исследования уголовно-правовой регламентации и квалификации геноцида по УК РФ, автором были учтены положения всех наиболее актуальных доступных научных трудов.

Научная новизна выражается также в положениях, выносимых на защиту:

Представлена новая дополнительная аргументация по вопросу определения видового и непосредственного объектов геноцида. Видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, выступает безопасность человечества. Угроза данному объекту создается ввиду потенциального сокращения культурного или генетического разнообразия человеческого рода в результате совершения геноцида. Геноцид посягает на безопасность человечества опосредованно, через безопасность национальных, этнических, расовых и религиозных групп. Поэтому безопасность данных групп, под которой понимаются общественные отношения, обеспечивающие объективное отсутствие угроз социального характера существованию национальной, расовой, этнической или религиозной группы, следует признать основным непосредственным объектом геноцида. Основным непосредственным объектом геноцида, совершаемого путем принудительной передачи детей, выступает безопасность только национальной, этнической или религиозной группы.

К дополнительным факультативным объектам геноцида относятся общественные отношения, охраняющие жизнь, здоровье человека, его личную свободу, отношения собственности. Обоснован вывод о том, что половая свобода и половая неприкосновенность дополнительными объектами геноцида не являются.

Содержание понятия «дети» в ст. 357 УК РФ составляют лица, не достигшие 16 лет и являющиеся представителями национальной, этнической или религиозной группы. В современной России в 16 лет у человека уже, как правило, сформирована устойчивая основа личности, характеризующая его как представителя национальной, этнической или религиозной группы, и его передача в другую человеческую группу не сможет создать угрозу безопасности группы, к которой он принадлежит.

Обоснован вывод о том, что положение ст. 357 УК РФ о возможности совершения геноцида путем причинения только тяжкого вреда здоровью, а не легкого или средней тяжести вреда здоровью соответствует признаку «причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства» в Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»

1948 года. Причинение членам группы легкого или средней тяжести вреда здоровью не является серьезным в смысле Конвенции 1948 года, так как не может повлиять на способность самореализации лица как представителя национальной, этнической, расовой или религиозной группы и, как следствие, создать угрозу ее существованию.

Насильственное воспрепятствование деторождению выражается в насильственных действиях в отношении беременной женщины, делающих невозможным рождение ребенка, а также в насильственных действиях, осуществляемых до момента зачатия и объективно ему препятствующих. Сформулировано и обоснованно предложение стерилизацию, кастрацию и прерывание беременности, совершенные с целью уничтожения группы, квалифицировать по признаку воспрепятствования деторождению, а не причинения тяжкого вреда здоровью. Обоснован вывод о том, что запрещение браков между представителями одной и той же демографической группы не может рассматриваться в качестве воспрепятствования деторождению.

Прямое публичное подстрекательство к совершению геноцида, ответственность за которое предусмотрена Конвенцией ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 года, не является подстрекательством, предусмотренным ч. 4 ст. 33 УК РФ, и с использованием терминологии действующего УК РФ может быть обозначено как публичные призывы к совершению геноцида. Россия, став правопреемником СССР, тем самым взяла на себя обязательства по криминализации данного деяния. Однако до сих пор оно не предусмотрено УК РФ. Поэтому необходимо включить в УК РФ норму об ответственности за публичные призывы к совершению геноцида.

В диспозиции ст. 357 УК РФ указано, что при создании жизненных условий виновный рассчитывает на физическое уничтожение членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Однако в пункте «с» ст. II Конвенции 1948 года говорится о создании жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение группы (*deliberately inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its physical destruction in whole or in part*), а не ее членов. В данной части диспозиция ст. 357 УК не полностью соответствует кон-

венционным положениям, что, безусловно, необходимо устранить на законодательном уровне, исключив термин «членов» из формулировки признака «создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы».

Создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение национальной, этнической, расовой, или религиозной группы совершается с прямым умыслом и целью физического истребления этих групп. Действия, создающие угрозу фактическому существованию групп, без причинения смерти их членам, не подпадают под этот признак, хотя и создают угрозу объекту геноцида. В целях совершенствования уголовно-правовой охраны объекта геноцида мы предлагаем в дополнение к предложению, предусмотренному п. 8 Основных положений, выносимых на защиту исключить термин «физическое» из формулировки признака в ст. 357 УК РФ. Это приведет к обоснованному расширению круга деяний, охватываемых нормой о геноциде в УК РФ, по сравнению с Конвенцией 1948 года.

Геноцид нельзя однозначно отнести к группе преступлений экстремистской направленности, поскольку состав преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, не содержит такого обязательного признака как экстремистский мотив. При этом нельзя отрицать возможность совершения отдельного преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а равно ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Поэтому к преступлениям экстремистской направленности можно отнести лишь конкретные акты совершения геноцида, мотивация которых будет учитываться в качестве отягчающего обстоятельства по п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Направления совершенствования нормы об уголовной ответственности за геноцид, продемонстрированные в законодательстве зарубежных стран, в большинстве своем по результату исследования оцениваются негативно. В частности, включение в объективную сторону геноцида в УК Испании действий сексуального насилия необоснованно, так как они фактически не создают угрозы объекту геноцида. В диссертации приводится новое обоснование необходимости криминализации культурного гено-

цида. Предлагается также расширить содержание объекта геноцида, обеспечив охрану не только национальных, этнических, расовых или религиозных групп, но и любых других групп, обладающих отличительными культурными признаками (например, сословные, кастовые, профессиональные и политические группы).

Матвеева Яна Максимовна

**Институт освобождения от уголовной ответственности в
российском уголовном праве: модернизация и поиск
альтернативных способов урегулирования уголовно-
правового конфликта**

Дата защиты – 15 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Научный руководитель	Лукьянов Владимир Викторович
Оппоненты	Звечаровский Игорь Эдуардович, Малинин Василий Борисович
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации» Диссертационный совет Д 212.232.63,
Место защиты	созданного на базе ФГБОУ ВПО «Санкт- Петербургский государственный университет»

Научная новизна исследования состоит в том, что это одно из первых комплексных исследований, посвященных проблемам исследуемого института, проведенное в условиях современной уголовной политики, после появления нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1.УК РФ) и выражения Верховным Судом РФ официальной позиции по спорным вопросам применения норм главы 11 УК РФ в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.06.2013 N 19 "О применении судами

законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности".

Кроме того, в результате проведенного исследования разработаны теоретические и практические предложения и идеи, обладающие признаками новизны:

идея целостной системы оснований освобождения от уголовной ответственности;

модель нормы, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности в связи с особыми обстоятельствами совершения преступления;

модель делегированной медиации (примирение потерпевшего и преступника с участием независимого посредника), применяемая в условиях российской правовой действительности;

модель нормы, позволяющей использовать возможности примирения с потерпевшим эффективнее, в том числе, используя медиацию;

теоретическая модель имплементации элементов института транзакции в условия российского уголовно-правового регулирования, изложенная в новой редакции ст. 76.1. УК РФ;

теоретические модели разъяснений к Постановлению Пленума ВС РФ от 27.06.2013 N 19 "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности", позволяющие решить некоторые проблемы применения норм главы 11 УК РФ.

На защиту выносятся следующие *основные положения*:

Комплексный подход к решению проблем совершенствования исследуемого института включает в себя следующие основные направления: 1) модернизация института освобождения от уголовной ответственности с учетом выявленных теоретических, законодательных и правоприменительных проблем; 2) разработка и внедрение в российское законодательство норм, регулирующих альтернативные способы решения уголовно-правового конфликта; 3) совершенствование правоприменительной практики; 4) создание целостной системы оснований освобождения от уголовной ответственности.

Концепция целостной системы оснований освобождения от уголовной ответственности предполагает включение в нее целесообразных, обоснованных, необходимых и достаточных матери-

ально-правовых оснований применения норм исследуемого института. Предлагается следующая классификация материально-правовых оснований освобождения от уголовной ответственности, в соответствии с которой должна выстраиваться данная система:

 позитивное постпреступное поведение;

 особые обстоятельства совершения преступления, относящиеся к личности преступника;

 наступление определенных юридических фактов, носящих объективный характер (истечение срока давности, акт амнистии).

В случае совершения преступления, основным объектом которого являются охраняемые уголовным законом интересы общества и (или) государства, примирение с потерпевшим (физическим или юридическим лицом) не способно возместить вред, причиненный основному объекту посягательства. Поэтому лица, совершившие подобные преступления, не должны освобождаться от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Однако при наличии материально-правового основания, выраженного в позитивном постпреступном поведении виновного (возмещение ущерба, заглаживание вреда любыми способами), лицо, совершившее такое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. В качестве решения поставленной проблемы может быть использована следующая теоретическая модель разъяснения в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.06.2013 N 19 "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности": «В случае совершения преступления, основным объектом которого являются охраняемые уголовным законом интересы общества и (или) государства, не допускается освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим – физическим и (или) юридическим лицом. При наличии определенных уголовным законом оснований и условий, в таких случаях возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Возмещение ущерба или заглаживание вреда потерпевшему при рассмотрении подобных уголовных дел может быть оценено судом как форма деятельного раскаяния. Таким же образом должен решаться вопрос и в тех случаях, когда преступ-

лением причиняется вред только интересам общества и (или) государства.».

Примирение сторон по делам частного обвинения и освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ – две разные процедуры, имеющие одно материально-правовое основание – позитивное постпреступное поведение, выраженное в фактическом примирении с потерпевшим. Решение проблемы разного понимания единого основания отказа от уголовного преследования видится в редакции

ч. 2 ст. 20 УПК РФ, предусматривающей возможность достижения примирения путем возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного потерпевшему. Кроме того, целесообразно внести дополнение в ст. 76 УК РФ, предусматривающее иные условия (указанные в ч. 2 ст. 20 УПК РФ) и императивный порядок освобождения от уголовной ответственности по уголовным делам частного обвинения.

В целях единообразия практики применения ч. 2 ст. 20 УПК РФ по делам частного обвинения и во избежание совершения судами ошибок при выборе между ст. 76 УК РФ и ч. 2 ст. 20 УПК РФ, в Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 N 19 "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности" предлагается внести разъяснение по этому вопросу и изложить его в следующей редакции:

«В тех случаях, когда потерпевший (его законный представитель) примирился с обвиняемым (подсудимым) по делу частного обвинения, уголовное дело подлежит

прекращению на основании ч. 2 ст. 20 УПК РФ. При этом по смыслу ч. 2 ст. 20 УПК РФ, уголовные дела частного обвинения подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего (его законного представителя) и обвиняемого (подсудимого) даже в том случае, если обвиняемый (подсудимый) ранее совершил иное преступление. В таких случаях не допускается отказ в прекращении уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ на том основании, что по требованию ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, преступление должно быть совершено впервые.».

В примечаниях к некоторым статьям Особенной части Уголовного кодекса РФ (ст.ст. 122, 184, 204, 291, 337, 338) содержатся

ся основания освобождения от уголовной ответственности, характеризующиеся особыми обстоятельствами совершения преступления. При этом ни одно из оснований, закрепленных в главе 11 УК РФ, не учитывает специфики подобных обстоятельств. Признание за особыми обстоятельствами совершения преступления способности уменьшать или устранять общественную опасность преступника и (или) совершенного им преступления является основой для формирования нового основания освобождения от уголовной ответственности, учитывающего субъективные факторы, относящиеся к личности виновного. Предлагается теоретическая модель ст. 75.1. УК РФ, предусматривающая основание освобождения от уголовной ответственности – особые обстоятельства совершения преступления:

«Статья 75.1. Освобождение от уголовной ответственности в связи с особыми обстоятельствами совершения преступления:

Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если преступление было совершено им в особых обстоятельствах, вследствие чего уменьшилась или полностью была утрачена общественная опасность лица, совершившего преступление.

Лицо, совершившее тяжкое преступление в особых обстоятельствах, может быть освобождено от уголовной ответственности в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.

Лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление в особых обстоятельствах, освобождается от уголовной ответственности в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.»

В российском законодательстве целесообразно урегулировать возможность применения делегированной медиации по уголовным делам. Предложенная модель предусматривает участие в примирении сторон конфликта независимого третьего лица (медиатора или специализированной организации). Медиация в данном случае выступает как иной способ реагирования государства на совершенное преступление, направленный на решение уголовно-правового конфликта с учетом интересов потерпевшего и обвиняемого (или подсудимого). Предлагается следующий ме-

ханизм включения норм о делегированной медиации в российский уголовный закон:

изложить ч. 1 ст. 75 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 75. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием

Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, в том числе в порядке медиации, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.»;

изложить ст. 76 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 76. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим

Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред, в том числе в порядке медиации.».

Предложенная модель является переходной, полагаем, что со временем, российское уголовное право может перейти к использованию только делегированной модели медиации.

Основание освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности содержит элементы института транзакции. Однако юридическая природа и назначение этого института искажены, и действующая редакция ст. 76.1. УК РФ не соответствует сущности освобождения от уголовной ответственности и основным идеям восстановительного правосудия. Целесообразно предусмотреть обязательность возмещения ущерба потерпевшему и пересмотреть размер денежного возмещения, подлежащего уплате в бюджет, ограничив его максимальным размером штрафа, предусмотренного в качестве наказания за совершенное преступление. В связи с этим предлагается:

изложить ч. 2 ст. 76.1. УК РФ в следующей редакции:

«Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой статьи 171, частью первой статьи 171.1, ча-

стью первой статьи 172, частью второй статьи 176, статьей 177, частями первой и второй статьи 180, частями третьей и четвертой статьи 184, частью первой статьи 185, статьей 185.1, частью первой статьи 185.2, статьей 185.3, частью первой статьи 185.4, статьей 193, частью первой статьи 194, статьями 195 - 197 и 199.2 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если возместило вред, причиненный физическому лицу, организации или государству в результате совершения данного преступления и перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, или денежное возмещение в сумме, не превышающей максимального размера штрафа, предусмотренного за совершенное преступление, либо, в случае, если преступлением не причинен вред физическому лицу, организации или государству, перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в сумме, не превышающей максимального размера штрафа, предусмотренного за совершенное преступление.»;

- изложить разъяснение в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.06.2013 N 19 "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности" в следующей редакции: «При

определении размера денежного возмещения, подлежащего уплате в бюджет, судам следует учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, личность преступника и размер дохода, полученного в результате совершения преступления.».

Формальный подход к вопросам возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением, недопустим. При рассмотрении вопроса об освобождении от уголовной ответственности на основании ст.ст. 75, 76 УК РФ, правоприменительным органам следует выяснять и указывать в процессуальном акте о прекращении уголовного дела: 1) вид и объем возмещенного ущерба или заглаженного вреда; 2) реальность возмещения ущерба (заглаживания вреда).

Зорькина Анна Александровна
Неосторожные преступления несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты

Дата защиты – 19 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»
Научный руководитель	Анисимов Валерий Филиппович
Оппоненты	Шеслер Александр Викторович, Курсаев Александр Викторович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» Диссертационный совет Д 212.048.10, созданного на базе ФГАОУ ВПО
Место защиты	«Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем на основе существующих социально-экономических и политико-правовых реалий на общетеоретическом, отраслевом (уголовно-правовом и криминологическом) и практическом уровнях, с учетом соответствующего исторического отечественного и современного зарубежного опыта, на основе избранной методики выработаны и научно обоснован комплекс авторских выводов и предложений, направленных на совершенствование уголовно-правовых и криминологических мер предупреждения неосторожных преступлений несовершеннолетних. В обобщенном виде они отражены в положениях, выносимых на защиту.

В частности, на примере положительного отечественного, зарубежного и международного опыта обоснована целесообразность формирования в российском праве подотрасли, связанной с уголовным правом несовершеннолетних (ювенальным уголовным правом), закрепления и реализации в российском уголовном праве системы дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних за совершение преступлений по неосторожности, уточнения в отдельных нормах уголовного законодатель-

ства мер ответственности и наказания для несовершеннолетних, совершивших преступления по неосторожности, поскольку такие имеют качественные отличия от преступлений, совершенных умышленно.

Положения, выносимые на защиту:

Неосторожные преступления несовершеннолетних, как уголовно-правовое и криминологическое явление, имеют двойственное содержание. В уголовно-правовом плане, они представляют собой запрещенные уголовным законом общественно-опасные деяния, совершенные по неосторожности несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет, как специальными субъектами ограниченного круга преступлений, которые посягают преимущественно на такие объекты уголовно-правовой защиты как жизнь и здоровье человека, собственность, общественная безопасность и общественный порядок. В криминологическом аспекте, эти преступления представляют собой относительно небольшую совокупность уголовнонаказуемых деяний, совершаемых по неосторожности несовершеннолетними, в связи с выбором ими неправильного, порожденного социальной незрелостью, недостаточной ответственностью и внимательностью, варианта поведения.

Уголовно-правовыми особенностями неосторожных преступлений несовершеннолетних, отличающими данные деяния от умышленных преступлений несовершеннолетних, с одной стороны, и неосторожных преступлений взрослых, с другой стороны, являются:

неосторожность как форма вины несовершеннолетних проявляется в подавляющем большинстве случаев (97 %) в виде легкомыслия;

субъективная сторона, как психическая деятельность специальных субъектов – несовершеннолетних лиц, совершающих преступления по неосторожности, проявляется, как в интеллектуальной сфере и связана с отсутствием у них достаточного социального опыта, так и в эмоциональной сфере в связи с повышенной лабильностью чувственных и поведенческих реакций несовершеннолетних;

- содержание мотивационной и поведенческой детерминант неосторожной преступной деятельности несовершеннолетних характеризуются определенной спецификой: в мотивационной сфе-

ре – это интеллектуальная или эмоциональная незрелость, неконтролируемые или слабо контролируемые эмоции, ложное самоутверждение, детский азарт; в поведенческой сфере – это переоценка собственных сил, использование для совершения неосторожных преступлений условий и возможностей, связанных с относительно высоким уровнем материального достатка родителей, наличием в семье автотранспорта, отсутствие должного контроля со стороны лиц, обязанных воспитывать несовершеннолетнего.

Уголовно-правовые и криминологические признаки неосторожности в преступлениях несовершеннолетних с единственной формой вины (неосторожностью) и в преступлениях с двумя формами вины (абсолютное большинство из которых составляют деяния, предусмотренные ч. 4 ст. 111 УК РФ) по своему содержанию имеют существенные различия: а) в характере и степени общественной опасности деяний и лиц, их совершивших; б) в мотивационной и причинной детерминантах преступного поведения этих лиц; в) криминологической характеристике несовершеннолетних лиц, совершивших названные неосторожные преступления, что наряду с иными обстоятельствами позволяет говорить о целесообразности выделения самостоятельного вида неосторожных преступлений несовершеннолетних и специфичных для борьбы с ними мер уголовно-правового и криминологического характера.

В связи с тем, что неосторожные преступления несовершеннолетних, во-первых, обладают существенно более низкой общественной опасностью, во-вторых, имеют определенную специфику криминологической характеристики личности несовершеннолетнего, совершающего преступление по неосторожности, уголовно-правовая политика в сфере противодействия неосторожным преступлениям несовершеннолетних должна основываться на принципе гуманизма в установлении уголовно-правовых запретов и иных мер уголовно-правового характера, а также в осуществлении профилактики подобных преступлений.

Результаты анализа уголовно-правовых аспектов неосторожных преступлений несовершеннолетних позволяют предложить меры, направленные на совершенствование института уголовной

ответственности несовершеннолетних за неосторожные преступления. В частности:

- с учетом возрастных и психологических особенностей субъектов неосторожных преступлений, а также имеющих у законодателя возможностей уголовно-правового реагирования на них, следует дифференцировать возрастную границу уголовной ответственности – повысить возраст для лиц, совершивших преступления по неосторожности, с 16 до 17 лет;

за совершение неосторожного преступления в несовершеннолетнем возрасте следует ограничить применение наказания в виде лишения свободы, допустив его применение только в случаях причинения по неосторожности смерти двум и более лицам;

при назначении наказания несовершеннолетнему, совершившему преступление с двумя формами вины, при отсутствии отягчающих обстоятельств, следует предусмотреть возможность сокращения максимального размера или срока наказания наполовину;

при совершении несовершеннолетним преступления по неосторожности впервые целесообразно предусмотреть обязательное применение принудительных мер воспитательного воздействия, если несовершеннолетний полностью возместил материальный ущерб и раскаялся в содеянном;

расширить перечень принудительных мер воспитательного воздействия за счет: прохождения лечебно-консультационного курса у психиатра, психолога; прохождения курса социальной реабилитации у социального педагога в общеобразовательном учреждении;

предусмотреть возможность помещения несовершеннолетнего в центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей сроком до 45 суток при систематическом (злостном) неисполнении этим лицом любой из принудительных мер воспитательного воздействия;

при освобождении несовершеннолетнего от наказания за преступление, совершенное по неосторожности до достижения возраста восемнадцати лет, предусмотреть возможность помещения его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа лишь в тех случаях, когда суд признает невозможность его

исправления с помощью других принудительных мер воспитательного воздействия;

с учетом положительного опыта зарубежных стран по выделению привилегированного характера уголовной ответственности несовершеннолетних и молодежи, а также результатов эмпирического исследования диссертанта, обосновывается необходимость увеличения максимального возраста лиц, совершивших преступления по неосторожности, к которым могут применяться положения гл. 14 УК РФ, до двадцати одного года.

Криминологический портрет несовершеннолетнего, совершающего неосторожные преступления, кардинально отличается от портрета несовершеннолетнего, совершающего умышленные преступления, за счет гораздо меньшего количества криминогенных свойств личности несовершеннолетнего. Типичный портрет личности неосторожного несовершеннолетнего преступника характеризуется следующими признаками: это самоуверенное лицо мужского пола (86%), имеющее неполное среднее образование (44%) или продолжающее обучение, в том числе профессиональное, с нежеланием (56%), воспитывающееся, как правило, в благополучной семье (78%); социально адаптированное; встречающееся с девушками; имеющее довольно широкий и беспорядочный круг друзей и знакомых, в компании с которыми оно осуществляет бесцельное времяпрепровождение, сопряженное с совершением общественно опасных деяний, чаще по легкомыслию (97%), чем по небрежности; неспособное критически оценивать свои поступки, напрямую связанные с инфантильностью, лихачеством, отсутствием чувства долга и социальной ответственности; имеющее (56%) симптомы или признаки нервно-психических заболеваний и отклонений, влияющих на его эмоционально-поведенческие способности.

Авторская классификация несовершеннолетних неосторожных преступников, основанием которой выступает сфера общественных отношений, охраняемых уголовным законом и позволяющая разделить несовершеннолетних на лиц, совершивших неосторожные преступления против личности, собственности и (или) общественного порядка. Качественные отличия данных видов неосторожных несовершеннолетних преступников позволяют

выделить наиболее целесообразные для применения к ним криминологические меры профилактики:

общие для всех видов преступлений несовершеннолетних, в том числе, неосторожных: создание информационно-аналитической базы данных, характеризующих распространенность и структуру детско- подростковых девиаций, а также имеющиеся ресурсы по обеспечению профилактической работы. Ведение этой работы следует возложить на региональных уполномоченных по правам ребенка и на социальный патронаж семьи;

специфические для неосторожных преступлений несовершеннолетних против личности, против собственности и общественного порядка: внесение в курс программы учреждений общего среднего образования обучение навыкам безопасного поведения в местах массовых мероприятий или массового скопления людей; обучение навыкам бытовой безопасности (в обращении с электроприборами, пиротехникой и т.п.); обучение основам безопасного поведения на дороге; привитие уважительного отношения к чужой собственности. По нашему мнению, повышение внимания к данным проблемам при обучении детей в школе будет способствовать их взрослению, сопряженному с пониманием смысла и цели своего существования в рамках социума, что вполне способно сократить количество преступлений, как с неосторожной, так и с двумя формами вины;

В качестве самостоятельной меры правового предупреждения неосторожных преступлений несовершеннолетних следует предусмотреть меры административной ответственности этих лиц за причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью по неосторожности.

Третьякова Елена Игоревна
Оборот фальсифицированных лекарственных средств:
уголовно-правовые и криминологические проблемы
противодействия

Дата защиты – 20 апреля 2016 г.

Место

ФГКОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт

выполнения работы	Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный руководитель	Заблоцкая Алла Григорьевна
Оппоненты	Цепелев Валерий Филиппович, Блинов Александр Георгиевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» Диссертационный совет Д 212.239.01,
Место защиты	созданного на базе ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна исследования определяется тем, что автором сформирован концептуальный подход к разрешению уголовно-правовых и криминологических проблем противодействия обороту ФЛС и разработаны научно обоснованные предложения по совершенствованию в соответствующей части действующего уголовного законодательства, практики его применения, а также мер предупреждения рассматриваемого явления. Настоящая работа является одним из первых исследований оборота ФЛС с учётом новелл от 31.12.2014 г.

Новизна работы определяется также теми результатами исследования, которые выносятся нами на публичную защиту:

Результаты исторического анализа оборота ФЛС и ответственности за его совершение свидетельствуют о существовании данного явления в серьезных масштабах со времен развития фармацевтической отрасли. Появление ФЛС на фармацевтическом рынке обусловлено, прежде всего, отсутствием должного законодательного регулирования. Только в 2004 г. было законодательно закреплено понятие ФЛС. Исторически для российского государства борьба с ФЛС никогда не была первоочередной задачей, поэтому нормы уголовного законодательства об ответственности за оборот ФЛС отсутствовали вплоть до 2014 года. Действующая же в настоящее время уголовно-правовая норма (ст. 238.1 УК РФ) представляется не совершенной, требует серьезной доработки.

Современное состояние системы противодействия изучаемому явлению характеризуется:

отсутствием единого подхода к определению реальных масштабов распространения данного явления;

несоответствием российской нормативно-правовой базы в этой сфере нормам международного права;

наличием в действующем российском уголовном законодательстве несовершенной нормы об ответственности за преступления в сфере оборота ФЛС;

невозможностью планирования целевых профилактических мероприятий;

непринятием Правительством РФ, МВД России, Росздравнадзором мер по защите прав производителей и потребителей лекарственных средств.

Фальсифицированное лекарственное средство – это препарат или вещество, выдаваемое за лекарство, но фактически не являющееся таковым, состав которого умышленно частично или полностью изменен в сторону ухудшения качества, и (или) сопровождаемое заведомо неполной или недостоверной (ложной) информацией о составе, сроке годности, условиях хранения и других данных препарата.

Классификация видов ФЛС:

а) по источнику изготовления:

промышленного производства;

кустарного производства;

б) по способу фальсификации:

ложная информация в инструкции по применению лекарственного средства и на упаковке;

фальсифицированное содержание лекарственного препарата (препараты, не включающие все ингредиенты зарегистрированного лекарственного средства; препараты, содержащие ингредиенты, не указанные в инструкции по применению лекарственного средства и на упаковке; препараты, содержащие активное вещество или ингредиенты в больших либо меньших количествах).

Преступность в сфере фармацевтической деятельности – это совокупность запрещенных уголовным законом общественно опасных корыстных и иных посягательств на лекарственную безопасность здоровья населения, установленный порядок деятельности организаций оптовой и розничной торговли лекарственными

ми средствами, изготовителей лекарственных средств, а также на установленный порядок обращения лекарственных средств.

Оборот фальсифицированных лекарственных средств – это производство, изготовление, хранение, перевозка и/или сбыт средств и веществ, фактически не являющихся лекарствами, но выдаваемых за них.

Общесоциальные факторы, способствующие обороту ФЛС: бурное развитие частного предпринимательства; низкий технологический уровень отечественных фармацевтических производственных предприятий; юридическая и экономическая самостоятельность аптечных организаций; большое число иностранных производителей и фирм, занимающихся реализацией ФЛС; бесконтрольное увеличение оптовых и розничных организаций товаропроводящей сети; отсутствие льготного финансово-кредитного обеспечения производства фармацевтических предприятий; большой объём, ассортимент и потребность в лекарственных средствах; интенсивность заболеваемости населения; зависимость эффекта здравоохранения от функционирования сферы лекарственного оборота; зависимость ценообразования на лекарственные средства от эпидемий заболеваемости населения; преобладание неконтролируемого частного предпринимательства в сфере оборота лекарственных средств.

Типичные факторы преступлений в сфере оборота ФЛС: корыстное лоббирование интересов и продукции отдельных поставщиков; отсутствие нормы в уголовном законодательстве, предусматривающей ответственность за оборот ФЛС; несовершенство порядка лицензирования деятельности фирм по оптовой торговле лекарственными средствами и фирм по утилизации лекарственных средств, пришедших в негодность; отсутствие единого бланка лицензии; постоянное увеличение реестра лекарственных средств; нечеткость в разграничении компетенции между правоохранительными органами и Росздравнадзором, а также отсутствие системы их взаимодействия.

Виктимологические факторы преступлений в сфере оборота ФЛС: пренебрежительное отношение граждан к изучению процесса производства и механизма сбыта лекарственных средств на фармацевтическом рынке;

стремление потенциальных жертв к приобретению дешевых лекарственных средств в надежде на излечение от серьезных заболеваний; легковёрность в приобретении часто рекламируемых лекарственных средств и использование сомнительных методик лечения; пренебрежение в получении квалифицированных консультаций специалистов в области технологий изготовления лекарственных средств; утрата (уничтожение) использованных поддельных лекарственных препаратов, соответственно, невозможность проведения химической экспертизы на предмет определения фальсификата; равнодушное (индифферентное) отношение граждан к своему здоровью и здоровью окружающих.

Усреднённая криминологическая модель лиц, занимающихся оборотом ФЛС. В основном это мужчина в возрасте 40 лет, действующий в составе преступной группы, контролирующей оборот ФЛС от производства до реализации, имеющий высшее медицинское или фармацевтическое образование, трудоустроенный, имеющий возможность для занятия ФЛС, ранее не судимый, с деформацией нравственного и правового сознания и гипертрофированными материальными потребностями.

Ряд уголовно-правовых выводов и предложений, направленных на совершенствование противодействия обороту ФЛС:

Основным непосредственным объектом оборота ФЛС является лекарственная безопасность здоровья населения, т.е. здоровье населения в части безопасного пользования лекарственными средствами;

Предметом преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, выступают исключительно лекарственные средства;

В названии статьи 238.1 УК РФ термин «обращение» необходимо заменить термином «оборот», наиболее полно и точно определяющим перечень преступных действий, связанных с ФЛС;

Из названия статьи и диспозиции ч. 1 ст. 238.1 УК РФ следует исключить недоброкачественные и незарегистрированные лекарственные средства, медицинские изделия, фальсифицированные биологически активные добавки, а также фармацевтические субстанции и отнести их административной юрисдикции ст. 6.33 КоАП РФ, так как на лекарственную безопасность здоровья насе-

ления посягают исключительно фальсифицированные лекарственные средства;

Диспозицию ч. 1 ст. 238.1 УК РФ необходимо дополнить такими общественно опасными действиями, как изготовление, хранение, перевозка и сбыт ФЛС, представив её в следующей редакции: «Производство, изготовление, хранение, перевозка с целью сбыта или сбыт фальсифицированных лекарственных средств»;

Из диспозиции ч. 1 ст. 238.1 УК РФ надлежит исключить указание на крупный размер, а из примечания 2 его толкование, так как речь не может идти о размере фальсификата в какой-либо сумме, можно говорить о сумме причинённого ущерба;

Из ст. 238.1 УК РФ следует исключить примечание 1, касающееся разъяснения факта нераспространения действия статьи на случаи незаконных сбыта и ввоза на территорию РФ наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, сильнодействующих или ядовитых веществ, а также незаконного производства наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, как не требующее дополнительного разъяснения;

Из ч. 2 ст. 238.1 УК РФ следует исключить п. «б», предусматривающий повышенную ответственность в случае причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью либо смерти человека, так как данные последствия могут быть вменены в вину по совокупности с соответствующими частями ст. 118 и ст. 109 УК РФ, предусматривающими ответственность за преступления против жизни и здоровья личности, и исключить ч. 3 ст. 238.1 УК РФ в случае причинения по неосторожности смерти двум и более лицам, так как данные последствия могут быть вменены в вину по совокупности с

ч. 3 ст. 109 УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление против жизни;

В примечание 1 к ст. 238.1 УК РФ необходимо включить определение понятия ФЛС, приведенное в положении 3, выносимом на защиту, чётко обозначающее его признаки;

Статью 238.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за обращение ФЛС, следует изложить в следующей редакции:

«Статья 238.1.оборот фальсифицированных лекарственных средств

Производство, изготовление, хранение, перевозка с целью сбыта или сбыт фальсифицированных лекарственных средств, - наказываются ...

Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», - наказываются .

Примечание. Фальсифицированное лекарственное средство – это препарат или вещество, выдаваемое за лекарство, но фактически не являющееся таковым, состав которого умышленно частично или полностью изменен в сторону ухудшения качества, и (или) сопровождаемое заведомо неполной или недостоверной (ложной) информацией о составе, сроке годности, условиях хранения и других данных препарата.

Организационно-управленческие, воспитательные, технические и иные меры по оптимизации противодействия обороту ФЛС:

разработка программы обеспечения контроля за качеством лекарственных средств и за распространением их фальсификаций на фармацевтическом рынке страны;

инициирование взаимодействия со странами Европейского Союза, СНГ, государств «Группы 20» при осуществлении контроля за ростом количества участников фармацевтического рынка и предотвращения оборота ФЛС;

создание единой электронной системы обмена информацией о фактах ФЛС внутри ведомственных структур, между ведомственными и негосударственными структурами, а также населения;

ужесточение со стороны государства надзорных и контролирующих функций и повышение уровня защищенности лекарств от подделок;

создание при Президенте РФ координационного совета по противодействию обращению ФЛС;

создание электронной системы мониторинга фармацевтического рынка доступного для всех его участников;

введение контроля за использованием типографского оборудования и деятельностью полиграфических предприятий.

Виктимологические меры противодействия обороту ФЛС: формирование внимательного отношения граждан к изучению

особенностей производства лекарственных средств и их сбыта; самовоспитание в оценке степени заболевания и стоимости медикаментозного лечения; формирование оценочного мнения в использовании часто рекламируемых препаратов и методик лечения; формирование нацеленности граждан на получение квалифицированных консультаций специалистов в области технологий изготовления лекарственных средств; сохранение записей о курсах лечения и аннотаций использованных лекарственных препаратов для проведения при необходимости химической экспертизы на предмет определения фальсификата; формирование культуры ведения правильного образа жизни и бережного отношения к своему здоровью.

Сухомлинов Дмитрий Вячеславович

Уголовная ответственность за угон транспортного средства и ее дифференциация

Дата защиты – 21 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Грачева Юлия Викторовна
Оппоненты	Безверхов Артур Геннадьевич, Рузевич Олег Русланович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» Диссертационный совет Д 212.123.01 на базе ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые подвергнуты монографическому самостоятельному и комплексному теоретическому изучению проблемы установления и дифференциации уголовной ответственности за не-

правомерное завладение транспортным средством без цели хищения. Исследование опыта регулирования ответственности за указанное преступление в уголовном праве России, зарубежных стран, уголовно-правовой доктрины, судебной практики позволило углубить и научные представления по ряду моментов, в частности:

уточнить содержание некоторых признаков основного состава преступления (объекта, предмета, деяния и др.);

по-новому решить вопрос об окончании рассматриваемого преступления;

разработать алгоритмы квалификации угона транспортного средства, отграничения от сходных и смежных деяний;

внести предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Конкретно научная новизна проявляется в положениях, выносимых *на защиту*:

Объектом преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, является интерес, сущность которого выражается в пользовании транспортным средством по его назначению; это обстоятельство желательно непосредственно отразить в законе.

В число *транспортных средств как предмета неправомерного завладения без цели хищения* следует включать: 1) механические транспортные средства (в том числе военные) – автотранспортные средства; самоходные машины (тракторы, экскаваторы, грейдеры, скреперы, автопогрузчики и т.п.); наземный городской электротранспорт (трамваи, троллейбусы); мотоциклы и приравненные к ним механические транспортные средства; 2) немеханические транспортные средства (в том числе военные) – мопеды и приравненные к ним немеханические транспортные средства; велосипеды и инвалидные коляски; гужевого транспорт (гужевые повозки и сани, верховые и вьючные животные).

Для устранения различных толкований транспортного средства как предмета преступления из *ст. 166 УК РФ* целесообразно *изъять* указание на автомобиль, а в законе следует *уточнить*, что транспортное средство должно быть *чужим* для виновного.

Завладение транспортным средством в сочетании с *угоном* означает использование по его функциональному назначению;

неправомерность характеризует использование транспортного средства без соответствующего волеизъявления собственника.

Завладение участником *долевой собственности транспортным средством* становится неправомерным, если оно осуществляется в нарушение соглашения или установленного судом порядка пользования им; завладение участником *совместной собственности транспортным средством* признается неправомерным, если имеет место нарушение соглашения, достигнутого между собственниками.

Преступление следует признавать *оконченным* с момента появления возможности использования транспортного средства по его функциональному назначению.

Разграничение неправомерного завладения транспортным средством без цели хищения и хищения транспортного средства следует проводить по *содержанию корыстной цели*, которая в данных преступлениях существенно различается. Если в первом случае имеет место желание избавиться от затрат, то во втором – получение материальной выгоды. Если при неправомерном завладении транспортным средством присутствуют желание избавиться от затрат и получения материальной выгоды, то имеет место совокупность преступлений – неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения и хищение.

Хищение транспортного средства не может перерасти в его неправомерное завладение без цели хищения; в таком случае хищение не завершается по не зависящим от лица обстоятельствам. В свою очередь угон также не может перерасти в хищение.

Не подлежат уголовной ответственности по ст. 166 УК РФ лица, в число субъективных прав которых входит действительное или предполагаемое право пользования транспортным средством, которым завладели без цели хищения.

При оценке преступления как совершенного *по предварительному сговору группой лиц* необходимо иметь в виду, что действия (бездействие) до или помимо завладения и поездки не образуют непосредственного совершения преступления, как и действия (бездействие) после окончания преступления. Часть указанных действий (бездействия) может образовать исполнение неправомерного завладения транспортным средством без цели хищения в виде непосредственного участия в совершении преступ-

ления в случае, если лица, их выполняющие, присутствуют на месте его совершения и действуют совместно с не менее чем двумя лицами, непосредственно совершающими преступление.

При неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения, *совершенном с применением насилия*, последнее всегда используется исключительно для собственно неправомерного завладения транспортным средством, а не в других целях (например, для удержания транспортного средства). В противном случае квалифицирующий признак отсутствует, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений.

Неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения, совершенное с причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, следует квалифицировать по совокупности ст. 166 и ч. 1 ст. 109 УК РФ.

Дифференциацию уголовной ответственности за неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения с помощью трех групп квалифицирующих признаков нельзя признать удачной. В ч. 3 и 4 ст. 166 УК РФ законодатель неоправданно разорвал связь между такими квалифицирующими признаками, как совершение преступления организованной группой и с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия. Связь указанных признаков стабильно присутствует в других статьях Особенной части уголовного законодательства и может считаться типичной. В ч. 3 ст. 166 УК РФ законодатель неоправданно включил квалифицирующий признак в виде совершения преступления, причинившего особо крупный ущерб. С точки зрения юридической техники особо крупный ущерб есть смысл указывать в статье Особенной части Уголовного кодекса, если уголовная ответственность установлена или усилена с помощью признака крупного ущерба. Кроме того, для целей борьбы с такими преступлениями достаточно ч. 1 ст. 167 и ст. 168 УК РФ, по совокупности с которыми может квалифицироваться любое уничтожение или повреждение транспортного средства.

Статью 166 УК РФ целесообразно изложить в следующем виде:

«Статья 166. Угон транспортного средства

Угон транспортного средства, то есть неправомерное завладение чужим транспортным средством, соединенное с использованием его по своему назначению, -

наказывается...

Угон транспортного средства:

- а) совершенный группой лиц по предварительному сговору;
 - б) совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;
 - в) сопряженный с крупным ущербом, вызванным утратой транспортного средства собственником или иным владельцем, -
- наказывается...

Угон транспортного средства:

- а) совершенный организованной группой;
 - б) совершенный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;
 - в) сопряженный с особо крупным ущербом, вызванным утратой транспортного средства собственником или иным владельцем, -
- наказывается...».

Семочкина Анна Александровна
Предупреждение насильственных преступлений,
совершаемых несовершеннолетними в ритуальной форме
Дата защиты – 27 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»
Научный руководитель	Лебедев Семен Яковлевич
Оппоненты	Антонян Юрий Миранович, Орлов Владислав Николаевич
Ведущая организация	ФКОУ ВПО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»
Место защиты	Диссертационный совет Д 203.019.03 на базе ФГКОУ ВПО «Московский университет

Министерства внутренних дел Российской
Федерации имени В. Я. Кикотя»

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой ранее не отраженную в современной криминологической литературе научную информацию о криминальной агрессии несовершеннолетних, проявляющейся в совершении ими насильственных преступлений, связанных с участием в различных «магических» ритуалах, а также о путях и способах криминологического обеспечения предупреждения насильственных преступлений, совершаемых подростками в ритуальной форме. В диссертации содержится новые результаты криминологического изучения насильственного поведения, реализуемого подростками в ритуальной форме, дана характеристика насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в ритуальной форме, а также криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершающего насильственные преступления в ритуальной форме. Выявлены криминогенные угрозы и детерминанты насильственных преступлений подростков, совершаемых в ритуальной форме, разработаны не нашедшие своего освещения в теории и, соответственно, не применяемые в правоохранительной практике научно обоснованные меры предупреждения насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в ритуальной форме. Новизной отличаются также положения, вынесенные на защиту.

Положения, выносимые на защиту:

К насильственным преступлениям, совершаемым несовершеннолетними в ритуальной форме, относятся уголовно наказуемые деяния (убийство, умышленное причинение вреда здоровью различной тяжести, побои, истязание, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественные действия, вандализм, жестокое обращение с животными и др.), совершаемые ими в процессе совместного участия в «магических» ритуалах, связанных с их приверженностью к верованиям и оккультным учениям, либо находящимся под влиянием таких приверженцев. При этом для насильственных преступлений, совершаемых в ритуальной форме несовершеннолетними, харак-

терны коллективные формы проявления жестокости и агрессивности, порождаемые общим чувством зависимости от сверстников на фоне крушения авторитета взрослых. Демонстрация агрессии вызывает у подростков ощущение собственной взрослости, усиливающее чувство принадлежности к группе и дающее ощущение безопасности. Наряду с этим, на участие в ритуальных насильственных преступлениях подростка толкает острое переживание собственной индивидуальности. Таким образом, использование насилия при ритуальных действиях становится особо почитаемым среди подростков. Человеческие жертвоприношения, пытки, издевательства становятся для участвующих в них несовершеннолетних одновременно и смыслом, и образом жизни, что в значительной степени повышает общественную опасность совершаемых ими насильственных преступлений.

Для насильственного преступления, совершаемого несовершеннолетними в ритуальной форме, характерны общие механизмы ритуального поведения, которое подразделяется, в основном, на две группы: ритуалы и псевдо ритуалы. Религиозные ритуалы требуют обязательного присутствия как внутреннего (духовного) компонента, так и неукоснительного соблюдения его формы – внешне выраженного (символического) компонента. В том случае, когда наличествует лишь внешне выраженная форма ритуала и отсутствует его духовная составляющая, ритуала как такового нет, есть лишь его внешнее воспроизводство – псевдо ритуал. При этом от группы преступлений, являющихся псевдо ритуалами, следует отличать преступные действия, направленные на маскировку, имитацию преступления под «ритуальное». Особой криминогенностью отличаются «магические» ритуалы, участниками которых зачастую и становятся несовершеннолетние.

Ритуальное насилие проявляет себя на всех этапах развития человеческой цивилизации. Оно было и есть у всех народов и этносов разных по уровню культурного, научного, общественного развития, в государствах с разным политическим устройством и режимом, в различных по своей религиозной направленности верованиях и учениях. Ритуальное насилие имеет в своем арсенале разнообразные способы воздействия на жертву, применяется для достижения различных по диапазону и сферам жизнедеятельности целей. Раньше ведущую роль в этом играли религиозноэтни-

ческие мотивы, сейчас – в основном эгоистические. Именно вера в бессмертие души, в возможность с помощью «магических» ритуалов воздействовать на реальность и подчинять ее своей воле, приводит к совершению насильственных преступлений с особой жестокостью и изощренностью.

В зависимости от целей ритуалы, сопровождающие насильственное поведение несовершеннолетних, выражаются в следующем:

совершение жертвоприношения, в том числе человеческого;
совершение убийства, представляющего собой ритуал мести (может совершаться, в том числе, и по мотиву религиозной ненависти или вражды);

совершение насильственного преступления как части обряда посвящения в члены секты;

совершение насильственного преступления с целью получения органов и тканей живых существ, которые необходимы для последующих ритуальных манипуляций;

совершение насильственного преступления для «приобретения каких-либо магических способностей»;

совершение насильственного преступления в целях «вызывания духов и демонов»;

совершение насильственного преступления в целях гадания (обычно умерщвляется животное);

совершение акта экзорцизма, т.е. процедуры изгнания бесов и других сверхъестественных существ из «одержимого» с помощью молитв, обрядов определенной религии, в результате чего потерпевшему может причиняться физический вред, вплоть до смерти.

Насильственные преступления несовершеннолетних, совершаемые в ритуальной форме, содержат признаки, отличительные от всех преступлений несовершеннолетних, а потому они могут быть выделены в самостоятельный объект криминологического исследования, которому должны соответствовать свои меры предупреждения. Подобные деяния отличаются высоким уровнем латентности, спецификой мотивации, характером применяемого насилия, последовательностью, тщательной продуманностью, согласованностью и единством совершаемых действий, выбором жертвы, исполнителя, места и способа совершения преступления

и предопределяются особенностями исповедуемого религиозного культа или учения, а также проводимого ритуала.

б. Насильственные преступления в ритуальной форме несовершеннолетние в подавляющем большинстве совершают группой лиц по предварительному сговору, чаще организованной группой. Численный состав может варьироваться от двух человек до пятнадцати-двадцати и больше. Многочисленные группы в основном имеют смешанный возрастной состав и возглавляются совершеннолетними. Каждое третье ритуальное насильственное преступление совершается подростками в отношении лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии, которое обусловлено малолетним возрастом, в силу которого жертва преступления не была способна защитить себя, оказать активное сопротивление виновным, которые осознавали это и рассчитывали воспользоваться этим состоянием жертвы. При этом механизм совершения насильственного преступления несовершеннолетними в ритуальной форме характеризуется тщательной продуманностью действий преступников, их согласованностью, последовательностью и единством.

Личность несовершеннолетнего преступника, совершившего насильственное преступление в ритуальной форме, представляет собой совокупность социальных, физиологических, нравственных и правовых особенностей личности, определяющих ее ориентацию на асоциальный образ жизни и совершение преступлений. Среди несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления в ритуальной форме, большинство составляют представители мужского пола в возрасте 16-17 лет, имеющие неполное среднее или среднее специальное образование, ранее не судимые, с отклонениями в эмоционально-волевой, ценностной, правовой и психологической сферах, а также с некоторыми психопатическими симптомами разной степени, не исключающими вменяемости.

Оценка детерминации насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в ритуальной форме, предполагает учет, прежде всего, социальных условий жизни, влияющих на формирование личностных качеств и поведение несовершеннолетнего, предопределяющих его ориентацию на насильственную форму самовыражения и достижения тех или иных результатов в

жизни с помощью насилия. При этом общими детерминантами насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в ритуальной форме, выступают, главным образом, недостатки в духовной и идеологических сферах жизни государства и общества, которые, в свою очередь, усиливаются: нарастающим правовым нигилизмом населения; утратой людьми доверия к органам власти, закону и правоохранительным структурам; обостряющимися проблемами неблагополучия в семейной сфере; этнической и религиозной нетерпимостью; алкоголизацией и наркотизацией молодежной сферы общения; снижением порогов стыдливости у молодежи; активизацией нетрадиционных религиозных течений; нарастающим увлечением молодыми людьми мистикой и оккультизмом.

Система предупреждения насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в ритуальной форме, сочетает в себе мероприятия, направленные на предупреждение преступности несовершеннолетних, групповой насильственной преступности и противодействие деятельности деструктивных религиозных сект. Основными из них являются: активизация на государственном уровне деятельности по реализации программ поддержки молодёжных и подростковых общественных организаций; семей, имеющих несовершеннолетних детей; программы по работе с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении; организация взаимодействия правоохранительных органов с органами образования и здравоохранения в целях раннего выявления подростков, нуждающихся в психологической и правовой помощи и коррекции поведения; повышение контроля информации, доступной несовершеннолетним; мероприятия, направленные на раннее выявление и разоблачение групп несовершеннолетних асоциальной направленности; повышение контроля за деятельностью групп религиозной направленности.

Деятельность органов внутренних дел в области борьбы с насильственными преступлениями несовершеннолетних, совершаемых в ритуальной форме, должна носить комплексный характер и осуществляться по следующим основным направлениям:

выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений и административных правонарушений, совершаемых участниками сатанистских групп;

ведение учёта и контроля за выявленными лицами, причастными к деятельности таких групп;

установление и розыск лиц, совершивших насильственные преступления в ритуальной форме, или руководивших (руководящих) такими группами;

пресечение деятельности молодежных сатанистских организаций, а также других организаций имеющих сходную идеологию;

совершенствование оперативно-разыскной деятельности в сфере противодействия насильственным преступлениям, совершаемым в ритуальной форме, с акцентом на их оперативно-разыскную профилактику;

взаимодействие органов внутренних дел с другими органами, организациями, учреждениями и отдельными гражданами в предупреждении насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в ритуальной форме;

взаимодействие между службами и подразделениями территориальных органов внутренних (внутреннее взаимодействие);

взаимодействие со средствами массовой информации и общественными объединениями в целях повышения эффективности противодействия преступлениями данного вида.

12.00.09 – Уголовный процесс

Защиты докторских диссертаций

Россинский Сергей Борисович
Концептуальные основы формирования результатов
«невербальных» следственных и судебных действий в
доказывании по уголовному делу
Дата защиты – 31 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный консультант	Воскобитова Лидия Алексеевна
Оппоненты	Бозров Владимир Маирович, Лазарева Валентина Александровна, Семенцов Владимир Александрович
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»
Место защиты	Диссертационный совет Д.212.123.01 на базе ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна диссертационного исследования. Настоящая диссертационная работа является комплексным монографическим исследованием внешних (процессуальных) и внутренних (гносеологических, психологических, психофизиологических и иных) закономерностей формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в общей системе

средств уголовно-процессуального доказывания.

Методологически отталкиваясь от информационной теории уголовнопроцессуальных доказательств, используя современные философские и естественно-научные подходы к сущности и механизмам формирования человеческим сознанием мысленных образов объективной реальности, автор предлагает концепцию «невербального» способа уголовно-процессуального познания, обусловленного непосредственным, наглядно-образным восприятием дознавателем, следователем, судом значимых для уголовного дела материальных фрагментов объективной реальности и лежащего в основе следственного (судебного) осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и тому подобных следственных и судебных действий. При этом с учетом многообразия толкований термина «невербальный» в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе в настоящем диссертационном исследовании он используется с определенной долей условности и поэтому преднамеренно берется в кавычки.

Описанные в работе закономерности формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий позволили провести их сравнительный анализ с иными средствами доказывания обстоятельств уголовного дела: с показаниями, вещественными доказательствами, письменными и иными документами, а также с результатами непроцессуальной оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов, на основании чего выявить теоретические, нормативно-правовые и практические проблемы и сформулировать ряд предложений для их разрешения.

На основании предложенной автором концепции в работе сконструированы системы «невербальных» следственных и судебных действий, намечены тенденции для их развития и совершенствования; проведено разграничение некоторых следственных и судебных действий с близкими познавательными и организационно-техническими процессуальными механизмами, находящимися в арсенале органов предварительного расследования и суда. Опираясь на методологические закономерности наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности, автор формулирует ряд законодательных предложений и практических рекомендаций, направленных на совершен-

ствование механизмов осуществления некоторых следственных и судебных действий, в частности осмотра, освидетельствования, предъявления для опознания и других, в контексте их «невербального» познавательного характера. И, наконец, рассматриваются особенности производства, а также фиксации хода и результатов характерных для современных условий крупномасштабных «невербальных» следственных действий (в форме специальной операции), в первую очередь следственного осмотра, обыска и выемки, проводимых на обширных территориях и сопряженных с привлечением большого числа участвующих лиц.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

Доказывание в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный комплексный процесс, предполагающий сочетание познавательных, достоверительных и аргументационных приемов, методологически основанных на доктринальных положениях правовой теории, научных подходах к гносеологии и формальной логике, которые изменялись на протяжении развития общества и были обусловлены различными мировоззренческими, политическими, историческими, социальными, культурными и иными факторами. В настоящее время национальная теория уголовно-процессуального доказывания должна развиваться в условиях методологического компромисса, заключающегося в разумном совмещении традиционных для отечественной процессуальной науки положений диалектического материализма с рядом положений и взглядов современных философских школ и течений.

В работе выявлена методологическая закономерность прямой связи существовавших в разные периоды времени представлений о понятии и сущности доказательств с общими подходами к доказыванию в уголовном судопроизводстве, обусловленными соответствующими по времени философскими доктринами. Так, позиции представителей дореволюционной процессуальной школы можно объяснить тем, что они базировались на постулатах формальной логики, приведших к признанию доказательствами любых оснований для судейского убеждения. На рубеже XIX-XX веков возникло представление о доказательствах как фактах, имеющих более определенный характер, что согласовывалось с теорией диалектического материализма. Советская процессуаль-

ная школа постепенно трансформировала данную концепцию в представление о доказательствах как о фактических данных, чем создала фундамент для современного доказательственного права. В 60-70-е годы XX века на общем фоне развития учения об информации возникла информационная (кибернетическая) теория доказательств. Многообразие современных научных подходов и точек зрения на сущность доказательств является следствием отсутствия в настоящее время соответствующих общепринятых философских и иных, в том числе правовых, концепций.

Имеющиеся в теории уголовного процесса различные подходы к понятию и сущности доказательств не должны противопоставляться друг другу, тем более ставиться в зависимость от существующего в государстве типа (формы) уголовно-процессуальной деятельности, в частности от уровня гарантий прав и свобод личности. С позиций методологии доказывания эти подходы не противоречивы, а лишь характеризуют разные проявления одного и того же сложного процессуального, гносеологического и логического феномена – средства, с помощью которого реализуются различные этапы процесса доказывания обстоятельств уголовного дела. Так, к познавательному аспекту доказывания наиболее применима информационная теория, понимающая под доказательством след, несущий определенный информационный сигнал о преступлении; к удостоверительному его аспекту – прагматичная теория, делающая упор на процедуру и порядок формирования доказательств; к аргументационному аспекту – позиции дореволюционных юристов, понимавших под доказательствами основания для судебного убеждения.

Процессуальное познание как первый аспект доказывания по уголовному делу представляет собой деятельность органов предварительного расследования и суда, заключающуюся в восприятии посредством процессуальных действий определенных информационных сигналов, поступающих от различных материальных и идеальных фрагментов объективной реальности, отражающих обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Рассмотрение сущности процессуального познания не с позиций правовой доктрины, а в контексте современных достижений гносеологии, психологии, психофизиологии и нейропсихологии позволяет выделить вербальный и «невербальный» способы воспри-

ятия дознавателем, следователем, судом обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе относительно адекватных мысленных образов.

Под вербальным способом познания в уголовном судопроизводстве следует понимать систему гносеологических и психофизиологических закономерностей зрительного или слухового восприятия сведений, выраженных в условно-знаковой (вербальной) форме, которые трансформируются в соответствующие мысленные образы посредством рационального мышления дознавателя, следователя, судьи или присяжных заседателей. При этом в протоколе вербального следственного действия (судебного заседания) фиксируются не результаты рационального мышления субъекта познания, не сформированные в его сознании мысленные образы, а только сведения, сообщенные свидетелем, обвиняемым и другими участниками. К достоинствам вербального способа познания следует отнести достаточно высокую степень адекватности сведений, изложенных в соответствующих протоколах, и возможность познания обстоятельств, не попавших в зону наглядно-образного восприятия. Недостатками вербального способа познания являются изначально субъективный характер получаемых сведений, возможность неверного восприятия или осмысления сообщенных сведений самим дознавателем, следователем или судом, а также весьма ограниченный природный потенциал органов слуха и, следовательно, недостаточная информативность соответствующего слухового представления (образа).

«Невербальный» способ познания в уголовном судопроизводстве – это система гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (зрительного или посредством иных органов чувств) восприятия дознавателем, следователем или судом материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, трансформирующихся в соответствующие мысленные образы посредством наглядно-образного мышления. В протоколе «невербального» следственного действия (судебного заседания) отражается словесная форма выражения мысленных образов, сформированных в сознании субъекта познания. Достоинствами «невербального» способа познания являются первичный объективизм воспринимаемых фрагментов реальности и, следовательно, сравнительно небольшой уровень

гностической погрешности (то есть высокая степень адекватности реального объекта его мысленному образу). К недостаткам «невербального» способа процессуального познания можно отнести относительную невоспроизводимость сформированных доказательств и высокий уровень субъективности при формировании результатов соответствующих следственных (судебных) действий.

Предусмотренные ст. 83 УПК РФ протоколы следственных действий и судебного заседания, представляя собой объекты документального характера, не вписываются в общее понятие уголовно-процессуальных доказательств в контексте информационной теории; они не являются формами информационных сигналов, а лишь фиксируют сведения о мысленных образах материальных объектов познания, сформированных в сознании их авторов. Доказательством по уголовному делу является не протокол, а определенный познавательный результат, выраженный в наглядно-образном восприятии дознавателем следователем или судом какого-либо материального фрагмента объективной реальности и в формировании на этой основе соответствующего мысленного образа, впоследствии зафиксированного в протоколе. Поэтому доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, следует именовать не протоколами, а результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Под ними понимаются имеющие значение для уголовного дела сведения, полученные в предусмотренном законом порядке дознавателем, следователем или судом посредством наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности и отраженные в соответствующем протоколе.

Результаты «невербальных» следственных и судебных действий методологически соотносятся с показаниями как гносеологические категории, отличающиеся друг от друга диаметрально противоположными способами получения значимой для уголовного дела информации – вербальным и «невербальным». Вместе с тем с учетом потребностей современной правоприменительной практики и оптимизации уголовного судопроизводства представляется возможным разумное наполнение отдельными вербальными элементами любого «невербального» следственного или судебного действия и наоборот, с последующим приданием всем

полученным таким образом результатам доказательственного значения, но лишь при условии соблюдения критериев законности, второ- степенности, производности и рациональности.

При производстве по уголовному делу существует тесная и устойчивая процессуальная и методологическая взаимосвязь вещественных доказательств с результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Последние обуславливают как само появление в уголовном деле вещественных доказательств, так и логическую возможность их использования в процессе доказывания. Критерии для разграничения вещественных доказательств с результатами «невербальных» следственных и судебных действий заключаются в их гносеологической сущности. Вещественное доказательство (в отрыве от других взаимосвязанных с ним доказательств) – это сама вещь как элемент объективной реальности и носитель юридически значимой информации. А результат «невербального» следственного и судебного действия – это образ реальности, сформированный познающим субъектом, содержащий информацию о нахождении той или иной вещи в определенном месте (у определенного лица) или об определенном взаиморасположении двух или нескольких предметов и т.д.

Материалы контроля и записи переговоров, а также материалы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, подлежащие приобщению к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, не соответствуют гносеологической сущности последних. Они не отвечают ни одному из признаков, предусмотренных ст. 81 УПК РФ, а являются лишь средством фиксации определенных процессуальных действий. В этой связи предлагается исключить соответствующие предписания из ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ при сохранении общего правила о необходимости приобщения данных материалов к уголовному делу.

Концептуальное отличие предусмотренных ст. 84 УПК РФ документов вербального характера (письменных, аудиодокументов и т.п.) от результатов «невербальных» следственных и судебных действий заключается в использовании принципиально разных механизмов восприятия субъектами доказывания обстоятельств объективной реальности: вербального и «невербального».

Предусмотренные ст. 84 УПК РФ документы «невербального» характера (фото-, видеодокументы, графики, схемы и т.д.) являются предметом соответствующих «невербальных» следственных и судебных действий, в первую очередь осмотра. Сам по себе «невербальный» документ в отрыве от следственного или судебного действия не подлежит полноценному восприятию и, следовательно, не может быть самостоятельно использован в доказывании по уголовному делу. С помощью этих действий и совместно с ними «невербальные» документы имплантируются в общую совокупность доказательств и получают реальную возможность влиять на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Результаты «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий по своей познавательной сущности схожи с результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Следовательно, они могут найти процессуальное отражение лишь в тех доказательствах, которые по своей гносеологической природе соответствуют доказательствам, подпадающим под контекст ст. 83 УПК РФ. Данный вопрос может быть решен только путем легализации механизмов прямого, непосредственного введения «невербальных» результатов оперативно-розыскной и административной деятельности в уголовный процесс, без необходимости какого-либо мнимого процессуального оформления, но исключительно при условии создания такого правового режима их проведения, который бы обладал требуемыми гарантиями доброкачественности, в частности отвечал условиям соблюдения прав и свобод личности. В этой связи автор вносит ряд предложений по изменению и дополнению уголовнопроцессуального законодательства в части использования результатов оперативно-розыскной и административной деятельности в доказывании по уголовному делу, которые сформулированы в тексте работы.

Цели производства следственных действий тесно взаимосвязаны с собиранием и проверкой доказательств, но при этом они не тождественны. Собирание и проверка доказательств – процессы, сопутствующие производству следственных действий, тогда как целью следственного действия всегда является определенный познавательный результат, обусловленный установлением новых

обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно этим следственные действия отличаются от иных процессуальных процедур, находящихся в арсенале органов предварительного расследования (представления, истребования и т.д.). Таким образом, следственные действия – это производимые следователем или дознавателем уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

«Невербальные» следственные действия – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, которые направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и осуществляются следователем или дознавателем (органом дознания) посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности. В систему «невербальных» следственных действий входят следственный осмотр, освидетельствование, обыск, выемка и следственный эксперимент. В эту же систему с определенной долей условности можно включить и более сложные формы познания, характеризующиеся сочетанием вербальных и «невербальных» механизмов восприятия реальности: предъявление для опознания и проверку показаний на месте.

В понятийный аппарат уголовно-процессуальной науки вносится новая категория – процессуальная комбинация, под которой следует понимать предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимоотношений следственных и иных процессуальных действий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения. К процессуальным комбинациям поисково-познавательного характера относятся: а) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; б) контроль и запись переговоров; в) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Имплантированные в их структуру самостоятельные познавательные механизмы (осмотр и выемка) осуществляются на основании закономерностей наглядно-образного восприятия объективной реальности, что обуславливает возможность их признания

специфическими элементами системы «невербальных» следственных действий.

Предложения, касающиеся уголовно-процессуального регулирования и практики производства некоторых «невербальных» следственных действий. Так, одну из задач следственного освидетельствования предлагается переориентировать с вопроса об установлении состояния опьянения на вопрос об установлении отдельных признаков опьянения, подлежащих наглядно-образному восприятию (запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке, и т.д.). Под выемкой предлагается понимать не технический прием легализации каких-либо предметов, документов или иных объектов, а полноценный «невербальный» механизм процессуального познания, направленный на восприятие факта нахождения определенных материальных объектов в определенном месте. Для простого (технического) приобщения предметов, документов или иных объектов к материалам уголовного дела приемлемы более простые процедуры – представление и истребование. Автор также предлагает распространить на предъявление для опознания и проверку показаний на месте положения ст. 187-189 и 191 УПК РФ – в части получения показаний и положения ст. 177 УПК РФ – в части получения «невербальной» информации.

Специальная операция – это сложная организационная форма производства «невербального» следственного действия в современных условиях, которая характеризуется большим числом участников и сопряжена с восприятием множества фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, расположенных на значительной по своим размерам территории. Специальной операции свойственны сложные многоступенчатые познавательные процессы, обусловленные параллельной работой не одного, а сразу многих познающих субъектов на отведенных им участках. Наиболее типичными следственными действиями, проводимыми в форме специальной операции, являются осмотр, обыск и выемка. В этой связи предлагается технология составления протокола следственного действия, основанная не на принципе последовательности, а на принципе параллельности. Помимо протокола, обязательными средствами фиксации хода и ре-

зультатов следственного действия в форме специальной операции следует признать видеозапись, а также составление общего плана места его проведения.

Основной способ обеспечения конституционных прав личности при производстве «невербальных» следственных действий – предварительный судебный контроль – представляет собой достаточно слабую и малоэффективную процессуальную гарантию, а его использование оказывает негативное влияние на современную правоприменительную практику. В этой связи автор предлагает заменить его последующим судебным контролем, позволяющим реально обеспечить состязательность сторон как необходимое условие реализации судебной власти, а также полноценно проверить и оценить не только законность, но и обоснованность проведенного следственного действия.

Судебные действия в уголовном судопроизводстве – это производимые непосредственно судом совместно со сторонами и в присутствии иных лиц уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В систему судебных действий следует включать лишь те познавательные приемы, которые соответствуют общим условиям судебного разбирательства, а расширение существующего перечня судебных действий может иметь место только на законодательном уровне путем внесения дополнений в гл. 37 УПК РФ. Лишь легальное закрепление новых судебных действий позволит обеспечить соответствие их процессуальной формы общим условиям судебного разбирательства и, таким образом, создать действительно эффективные правовые механизмы познания обстоятельств уголовного дела в условиях состязательности.

Под «невербальными» судебными действиями следует понимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, которые направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и осуществляются судом совместно со сторонами посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности. Действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет рассматривать в ка-

честве типичных элементов системы «невербальных» судебных действий судебный осмотр, освидетельствование и судебный эксперимент.

В эту же систему с определенной долей условности можно включить и более сложную форму познания – предъявление для опознания.

В работе сформулированы предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального регулирования и практики производства «невербальных» судебных действий. Автор считает необходимым:

а) вернуться к содержавшейся в ст. 291 УПК РСФСР правовой конструкции, предполагавшей не только право, но и обязанность суда осматривать приобщенные к уголовному делу вещественные доказательства как по ходатайству стороны, так и по своему собственному усмотрению. Исключение могут составлять лишь случаи, связанные с утратой, повреждением вещественных доказательств или специфическим характером отдельных вещественных доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 82 УПК РФ;

б) распространить действие ст. 284 УПК РФ не только на осмотры вещественных доказательств, но и на осмотры любых других предметов, представленных в судебное заседание сторонами или истребованных (обнаруженных) судом самостоятельно;

в) дополнить ст. 285 УПК РФ третьей частью, предусматривающей возможность проведения в судебном заседании осмотра документов;

г) дополнить гл. 37 УПК РФ новой статьей, определяющей правовые условия и порядок проведения судебной проверки показаний на месте;

д) пересмотреть процессуальный порядок судебного предъявления для опознания живых лиц, отказавшись от возможности опознания потерпевшим подсудимого и наоборот, а также заменив предварительный допрос опознающего лица в судебном заседании оглашением его показаний, полученных в ходе предварительного расследования уголовного дела.

Защиты кандидатских диссертаций

Самутичева Екатерина Юрьевна

**Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе
(сравнительно-правовое исследование)**

Дата защиты – 23 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
Научный руководитель	Ильютченко Наталия Владимировна
Оппоненты	Россинская Елена Рафаиловна, Быкова Елена Викторовна
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»
Место защиты	Диссертационный совет Д 501.001.73 на базе ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Научная новизна диссертационного исследования. Впервые на диссертационном уровне проведено комплексное сравнительно-правовое исследование института заключения эксперта в уголовном процессе. С учетом принятой в доктрине типологии уголовного процесса автор, опираясь на континентальный и англо-американский подходы, выделил общие и особенные формы использования специальных знаний, проанализировал процессуальный порядок получения заключения эксперта с указанием достоинств и недостатков процессуальных форм экспертиз, показал современные тенденции развития института экспертизы как способа получения заключения эксперта, исследовал степень автономии заключения эксперта как доказательства и его соотношение с показаниями эксперта, рассмотрел критерии оценки заключения (показаний) эксперта.

Основные положения, выносимые на защиту:

В континентальном и англо-американском уголовном процессе существует единый подход к понятию специальных знаний. Так, в обоих типах уголовного процесса под специальными знаниями понимаются особые знания, умения и навыки, приобретенные в рамках образования, специальной подготовки либо в результате опыта, как в научной, так и иной сферах деятельности, и которыми не владеют субъекты, обязанные осуществлять доказывание по уголовному делу.

В то же время формы использования специальных знаний в континентальном и англо-американском уголовном процессе дифференцированы. В зависимости от правового статуса сведущего лица можно выделить как общие (характерные для группы стран), так и особенные формы использования специальных знаний, существующие в уголовном процессе отдельных государств.

В континентальном уголовном процессе среди *общих форм* могут быть представлены: 1) экспертиза (Россия, Украина, Франция); 2) производство экспертизы или дача консультации экспертом (Нидерланды, Германия); 3) участие сведущего лица, не имеющего процессуального статуса эксперта, для дачи информации консультативного характера (Россия, Украина, Франция,

Германия); 4) участие сведущего лица при проведении следственных (процессуальных) действий для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств (Россия, Украина, Франция, Нидерланды, Германия).

В качестве *особенных форм* использования специальных знаний в континентальном уголовном процессе можно выделить участие сведущего лица по ходатайству обвиняемого для осуществления контролирующей функции при производстве экспертизы или для анализа заключения, подготовленного официально назначенным экспертом (Нидерланды). В уголовном процессе Франции в качестве особенной формы использования специальных знаний возможно привлечение сведущего лица, способного дать рекомендации, требующие специальных знаний, официально назначенному эксперту (в уголовном процессе Нидерландов такое участие возможно в рамках вышеуказанной формы).

В англо-американском уголовном процессе (США, Соединенное Королевство) *общими формами* использования специ-

альных знаний являются: 1) участие эксперта-свидетеля сторон в целях производства экспертизы или дачи консультации; 2) участие эксперта, назначенного судом, в целях производства экспертизы или дачи консультации; 3) участие специалистов для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии криминалистически значимой информации на месте преступления.

Каких-либо *особенных форм* в англо-американском уголовном процессе в ходе исследования не выявлено.

Существующие фундаментальные различия, касающиеся вопросов доказывания в континентальном и англо-американском уголовном процессе, определяют особое регулирование отношений, возникающих между его участниками в связи с процессуальным порядком получения заключения эксперта. В зависимости от того, кто является субъектом назначения экспертизы, следует выделять континентальную и англо-американскую (соствязательную) экспертизу.

Континентальная экспертиза характеризуется тем, что правом ее назначения обладает только уполномоченный представитель государства, устанавливающий все обстоятельства уголовного дела в рамках досудебной и судебной стадий уголовного процесса.

Англо-американская (соствязательная) экспертиза имеет место тогда, когда и уполномоченный представитель государства со стороны обвинения вправе по собственной инициативе назначить экспертизу, и сторона защиты как субъект доказывания может самостоятельно привлечь эксперта для производства экспертизы по конкретному уголовному делу.

Оценивая тенденции развития института экспертизы как способа получения заключения эксперта в уголовном процессе России и зарубежных государств, можно отметить сближение континентального и англо-американского подходов.

В континентальном уголовном процессе отмечается расширение прав стороны защиты в рамках процессуального порядка получения заключения официально назначенного эксперта и его оспаривания, что усиливает начала соствязательности, свойственные англо-американскому процессу.

В англо-американских государствах прослеживаются противоречивые тенденции. С одной стороны, в Соединенном Коро-

левстве и США по-прежнему ограничивается вмешательство суда в процесс доказывания при рассмотрении уголовного дела. С другой стороны, в целях преодоления несовершенств состязательной экспертизы, а именно сложности оценки противоречивых заключений экспертов сторон и потенциальной вероятности их недостоверности, происходит заимствование некоторых черт континентального подхода. Так, стоит обратить внимание на усиление роли суда как субъекта оценки заключения (показаний) экспертов, а также на снижение степени конфронтации между сторонами применительно к институту экспертизы.

По мнению автора, в российском уголовном процессе недопустимо предоставлять стороне защиты право назначать экспертизу. Во-первых, на системном уровне произойдет умаление континентальных начал российского уголовно-процессуального доказывания. Во-вторых, имплементация англоамериканского подхода неизбежно приведет к утрате стороной защиты значимых прав в рамках института экспертизы (на примере Украины: право ставить вопросы перед экспертом при назначении экспертизы стороной обвинения, право присутствовать при ее производстве).

С целью предоставления стороне защиты дополнительной процессуальной возможности оспаривания заключения официально назначенного эксперта автором предлагается усовершенствовать институт экспертизы в российском уголовном судопроизводстве с учетом его континентальных традиций. По мнению диссертанта, сторону защиты следует наделить правом ходатайствовать о назначении выбранного ею специалиста, который сможет присутствовать при производстве экспертизы в целях представления в письменной форме заключения, содержащего ответы на поставленные ему вопросы, в том числе по поводу правильности или качества проведенного исследования экспертом, надежности применяемых им методик.

В континентальном уголовном процессе заключение эксперта признается самостоятельным доказательством, которое суд может положить в основу приговора, не прибегая в обязательном порядке к допросу эксперта в рамках судебного разбирательства. Исключением является уголовный процесс Германии, в котором эксперт по общему правилу должен явиться для дачи показаний в суд, поскольку только тогда его заключение будет признано до-

казательством, за исключением случаев, предусмотренных законом.

В англо-американском уголовном судопроизводстве заключение эксперта, полученное в ходе досудебного производства, по общему правилу не имеет доказательственного значения в связи с существованием доказательственного правила hearsay, которое предполагает признание недопустимыми доказательств, полученных вне суда от лица, не явившегося в судебное заседание. Вместе с тем, в связи с практической значимостью в уголовном процессе отдельных штатов США и Соединенного Королевства определены условия, при соблюдении которых полученное сторонами в рамках расследования заключение эксперта может быть признано в качестве допустимого доказательства.

Как в континентальном, так и в англо-американском уголовном процессе заключение эксперта не имеет заранее установленной силы и оценивается с точки зрения относимости содержащихся в нем сведений к обстоятельствам уголовного дела, соблюдения закона и прав обвиняемого при назначении и проведении экспертизы, а также его достоверности, в том числе научной обоснованности.

Вместе с тем, континентальный и англо-американский подходы к оценке доказательств, в том числе заключения эксперта, имеют особенности. В континентальном уголовном процессе свойства относимости, допустимости (требование соблюдения закона и прав человека), достоверности имеют собственное содержание, и суд их использует для принятия решения по существу.

В англо-американском уголовном процессе понятие допустимости доказательства имеет иное содержание. Там доказательство признается допустимым, если оно относимо и не подпадает под правила, исключающие доказательства. С целью вынесения обоснованного и справедливого вердикта присяжными заседателями профессиональный судья до исследования ими обстоятельств дела оценивает допустимость доказательства.

Рогова Антонина Александровна
Использование материалов СМИ в доказывании по
уголовным делам на досудебных стадиях уголовного
судопроизводства

Дата защиты – 30 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный руководитель	Поляков Михаил Петрович
Оппоненты	Рябков Евгений Марксович, Зуев Сергей Васильевич
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Место защиты	Диссертационный совет Д 203.009.01 на базе ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научная новизна исследования. Настоящая диссертация является первым комплексным научным исследованием, посвященным поиску решения проблем использования материалов СМИ в доказывании по уголовным делам. В работе предлагается авторская концепция использования СМИ в уголовном судопроизводстве, создающая предпосылки для быстрого и эффективного раскрытия и расследования преступлений и способствующая повышению эффективности использования материалов СМИ в доказывании. Автором предлагаются новые подходы к совершенствованию деятельности по проверке сообщений о преступлении, распространенных в СМИ, а также научно обоснованные способы устранения практических проблем собирания, проверки и оценки уголовно-процессуальных доказательств, в качестве которых выступают материалы СМИ.

Положения, выносимые на защиту:

Деятельность журналистов, специализирующихся на обнаружении через СМИ фактов совершения либо подготовки к со-

вершению преступления, является актуальным средством цивилизованной помощи государству в борьбе с преступностью. Указанная помощь в определенной мере позволяет компенсировать издержки современного уголовного судопроизводства, обусловленные существенным сокращением участия в нем общественности.

Главной идеологической предпосылкой, предполагающей широкое использование СМИ в сфере уголовного судопроизводства, является идея (принцип) участия народного элемента, исторически и культурно присущий отечественному уголовному судопроизводству с давних времен. В целях повышения эффективности уголовного судопроизводства, в том числе и эффективности его взаимодействия со СМИ, следует актуализировать данный принцип путем его закрепления в уголовно-процессуальном законе.

В целях организации эффективного информационного взаимодействия СМИ и уголовного судопроизводства необходимо четко разграничить СМИ и иные средства массовой коммуникации (в том числе сайты в сети «Интернет»), не являющиеся СМИ. Основным критерием такого разграничения является регистрация СМИ. Судам, органам предварительного расследования и иным правоохранительным органам не следует в своей правоприменительной деятельности распространять правовой статус СМИ на средства массовой коммуникации, не зарегистрированные в качестве СМИ.

Неоднозначная законодательная трактовка понятий «защита общественных интересов» (ст. 50 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»¹) и «частная жизнь гражданина» (ст. 152.2 ГК РФ) создает предпосылки для «формально законных» злоупотреблений со стороны журналистов и должностных лиц правоохранительных органов в сфере получения информации. Указанные предпосылки можно устранить путем уточнения и конкретизации ст. 152.2 ГК РФ «Охрана

¹ См.: О средствах массовой информации: закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 30.12.2015) // Российская газета. 1992. 8 февраля.

частной жизни гражданина», для чего следует внести в нее следующие изменения:

«Не являются нарушением правил, установленных абзацем первым настоящего пункта, сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, таких как получение информации журналистом о готовящемся или совершенном преступлении, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле».

Представленный в УПК РФ подход к распределению функции руководства органами предварительного расследования между прокурором и ведомственным руководителем порождает ряд практических проблем, к которым, в частности, относятся проблемы распределения процессуальных функций между органами уголовного преследования при проведении проверки сообщения о преступлении, распространенного в СМИ.

Поручение прокурора о проведении проверки сообщения о преступлении, распространенного в СМИ, имеет немало формальных и содержательных совпадений с постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Указанные документы совпадают и по целям, поскольку в конечном итоге призваны инициировать уголовное преследование. В связи с этим в ситуациях, связанных с проверкой сообщения о преступлении, распространенного в СМИ, целесообразно унифицировать форму прокурорского волеизъявления, законодательно определив в качестве таковой только постановление прокурора.

Законодательное правило, согласно которому проверку по сообщению о преступлении, распространенному в СМИ, проводит по поручению прокурора орган дознания, а также по поручению руководителя следственного органа следователь (ч. 2 ст. 144 УПК РФ), нуждается в пересмотре, поскольку оно значительно усложняет и запутывает порядок проведения доследственной проверки по материалам СМИ и ущемляет такое важнейшее общее условие досудебного производства, как процессуальная са-

мость органов уголовного преследования при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

В информационно-процессуальном смысле материалы СМИ представляют собой разновидность непроцессуальной информации, что, в свою очередь, не позволяет четко определить правовой статус этих материалов и закрепить их доказательственное значение. Преодоление данного противоречия предполагает принципиально новый подход к правовой регламентации использования непроцессуальной информации в уголовном процессе.

В УПК РФ следует закрепить общее положение о порядке использования непроцессуальной информации, согласно которому непроцессуальная информация может быть использована в качестве доказательств, если при ее сборании не были нарушены нормы Конституции РФ и действующего законодательства, которые регламентируют процесс получения такой информации вне рамок уголовного судопроизводства. В связи с этим допустимость использования результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств должна определяться исходя из законности способа получения этих сведений, установленного Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, допустимость использования материалов СМИ – соблюдением журналистом Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации».

Выделение сообщений СМИ, содержащих информацию о признаках преступления, в отдельный повод для возбуждения уголовного дела нецелесообразно. Подобная формализация повода не решит проблемы повышения эффективности взаимодействия органов уголовного преследования и СМИ и не повысит уровень выявления в публикациях СМИ законных оснований для возбуждения уголовного дела. Названная эффективность может быть достигнута преимущественно за счет расширения круга непрофессиональных субъектов информационного анализа СМИ. В связи с этим для обнаружения информации о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, распространенной в

¹ См.: Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Российская газета. 1995. 18 августа.

СМИ, целесообразно привлекать граждан. Процедура привлечения и участия граждан в выявлении такой информации должна быть максимально простой и предусматривать возможность материального и нематериального поощрения.

Материалы СМИ могут быть использованы в уголовном процессе в качестве ориентирующей информации; в качестве повода для возбуждения уголовного дела; в качестве доказательств.

Доказательствами, сформированными на основе материалов СМИ, следует считать сведения, полученные в результате уголовно-процессуального познания текста, изображений, аудио-, видеозаписи, содержащихся в материалах СМИ, а также сами носители с находящейся на них конкретной процессуально значимой информацией.

Материалы СМИ соответствуют признакам таких доказательств, как «вещественные доказательства» и «иные документы». Разграничение «материалов СМИ – вещественных доказательств» от «материалов СМИ – иных документов» следует проводить в зависимости от того, содержится в материалах СМИ описание события преступления или в них непосредственно запечатлены его признаки.

Основным критерием, определяющим допустимость источника материалов СМИ, является проверяемость данных материалов. В целях оптимизации проверки материалов СМИ в ч. 2 ст. 144 УПК РФ необходимо включить положение, предусматривающее право суда на ограничение журналистского иммунитета на любой стадии производства по уголовному делу. Общая норма о журналистском иммунитете, позволяющая журналисту отказаться назвать источник своей осведомленности, должна быть закреплена в ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

В случае принятия судом решения о раскрытии источника, предоставившего информацию журналисту, к данному лицу (источнику информации) должны применяться процессуальные и иные меры безопасности, предусмотренные действующим законодательством. Источник, предоставивший информацию, должен допрашиваться лицом, производящим расследование, в порядке, исключающим возможность раскрытия сведений о нем. В дальнейшем при возникновении вопросов (на любой стадии судопро-

изводства) по поводу показаний данного лица допросу подлежит лишь должностное лицо, производившее допрос.

Фетищева Лидия Михайловна
Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности
Дата защиты – 31 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный руководитель	Александров Александр Сергеевич
Оппоненты	Булатов Борис Борисович, Смирнов Павел Алексеевич
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» Диссертационный совет Д 203.009.01 на базе ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия
Место защиты	Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научная новизна исследования определяется нормативным материалом, который ранее не был предметом научного освещения на диссертационном уровне, а именно новеллами уголовного и уголовно-процессуального законодательства (2009-2014 гг.), сформировавшими новую уголовно-процессуальную политику применения мер уголовно-процессуального пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности. Оценка результатов этой политики и выработка предложений по ее корректировке составляют основную ценность работы. Обуславливает принципиальную новизну выводов автора выбор им доктринальной позиции по основным вопросам реформы досудебного уголовного производства, техно-

логии уголовно-процессуального доказывания, превентивного судебного контроля с возможным участием в нем следственного судьи.

В диссертации исследованы материалы судебно-следственной практики, полученные лично соискателем. На основании этого рассмотрены следующие вопросы: особенности порядка применения мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, специфика принятия судебных решений, связанных с избранием мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, указанных в части 1.1 статьи 108, части 3 статьи 20 УПК РФ.

В работе проанализированы дискуссионные проблемы, связанные с практикой применения мер уголовно-процессуального пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности.

Диссертант предложил новую альтернативную правовую модель взаимодействия бизнеса и государства по сравнению с той, которая реализуется в настоящее время в России. Эта модель основана на принципах равенства и справедливости, развивает принципиальные положения Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ¹ и концепции уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции, созданной И.А. Александровой. Ее основная идея состоит в том, что преступность в предпринимательской сфере как главная угроза для экономической безопасности страны и функционирования народного хозяйства должна контролироваться и подавляться уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами не менее жестко, чем иные схожие виды преступности. Исходя из концепции И.А. Александровой, диссертантом подготовлены научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регулирующего применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о пре-

¹ См.: Александров А.С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ. URL: <http://www.iuaj.net/node/1766>

ступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности.

Положения, выносимые на защиту:

Положения доктринального характера

Гуманизация, либерализация политики по применению мер уголовно-процессуального пресечения и обеспечения надлежащего поведения лиц, привлекаемых к уголовному преследованию, необходимы. Это закономерность правового развития, но она должна распространяться на всех, независимо от социального статуса и рода деятельности. Залог и домашний арест должны стать реальной альтернативой заключению под стражу и быть доступными для любых обвиняемых при всех прочих одинаковых условиях.

Уголовно-процессуальный институт мер пресечения, где наиболее остро проявляются дисбаланс частного и публичного начал и несправедливость, должен основываться на принципах справедливости и формального равенства всех участников уголовного процесса перед законом и судом. Изъятие из общего порядка применения мер пресечения отдельной категории граждан, с целью большей защиты, оправдано только в отношении лиц, находящихся в менее защищенном правовом положении в силу физической и психологической несостоятельности. К их числу можно отнести несовершеннолетних, лиц, страдающих тяжкими заболеваниями, но никак не лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность с целью получения прибыли и сознательно идущих на риск, в том числе связанный с правовой неопределенностью.

Действительная модернизация политики уголовно-процессуального принуждения по уголовным делам в отношении субъектов предпринимательской деятельности возможна только при реформе досудебного уголовного производства по состязательному типу. Состязательность способна изменить механизм судебного контроля за применением мер пресечения и обеспечить новую, более гуманную, справедливую уголовно-процессуальную политику принуждения к надлежащему поведению лиц, привлекаемых к уголовному преследованию. Превентивный судебный контроль, распространяющийся на все уголов-

ные дела, в отношении любых обвиняемых, должен стать элементом нового досудебного уголовного производства.

Одним из шагов к созданию качественно новой модели превентивного судебного контроля могло бы стать введение в отечественный уголовный процесс института следственного судьи. Этот новый орган судебного контроля должен распространяться на все уголовные дела. Неприемлемым является предложение (Морщаковой, Смирнова) ограничить подсудность следственного судьи уголовными делами об экономических преступлениях¹, то есть создать очередной элемент особой, привилегированной процедуры по делам в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Правильная организация института следственного судьи и правовой механизм его деятельности изложены в нижегородской Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ.

При разрешении следственным судьей ходатайства органа уголовного преследования об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого в совершении преступления (в том числе и экономической направленности) доказывание обоснованности обвинения и оснований той или иной меры пресечения должно производиться на основе состязательности, равенства сторон, устности, гласности, непосредственности, независимости следственного судьи от прокуратуры, исполнительной власти.

Изъятие уголовных дел в отношении лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности, из общего порядка производства по уголовным делам противоречит статье 19 Конституции РФ. Формальная дифференциация правовых режимов применения принуждения не допустима по признаку предпринимательской деятельности. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения должна строиться в нашей стране по той же модели, что и во всех цивилизованных государствах. Особая, более либеральная политика уголовно-

¹ Включение в эту подсудность уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, подсудных судам субъектов РФ, является прикрытием истинного замысла выделить предпринимателей в новую разновидность специальных субъектов, обладающих иммунитетом от применения наиболее жестких мер правового принуждения, связанных с реальным лишением свободы.

процессуального принуждения по делам в отношении предпринимателей не оправдана ни в правовом, ни в моральном аспектах и требует корректировки.

Принципиальное разрешение создавшейся проблемы возможно двумя путями. Во-первых, через отмену нормы, запрещающей избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (часть 1.1 статьи 108 УПК РФ), и переход на общий порядок применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности. Такой путь является предпочтительным.

Однако возможно и иное разрешение проблемы восстановления нарушенного баланса частного и общественного интересов и справедливости, а именно уравнивание запрета на арест предпринимателей, содержащегося в части 1.1 статьи 108 УПК РФ, специальными нормами, ухудшающими их положение по сравнению с другими гражданами, в статьях, регламентирующих домашний арест и залог, поскольку эти меры являются наиболее строгими мерами пресечения, которые могут быть применены в отношении данной категории обвиняемых. В этом случае окончательное завершение получит специальный институт мер пресечения как часть особого производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, что в принципе не вполне правильно, но такова политико-правовая конъюнктура, с которой надо считаться: новая уголовная политика противодействия преступлениям в сфере предпринимательской деятельности – это «всерьез и надолго».

Диссертант делает вывод о расхождении первоначального замысла законодателя относительно запрета на заключение под стражу субъектов предпринимательской деятельности с результатом его реализации на уровне интерпретации закона и его применения. Практика применения запрета, предусмотренного частью 1.1 статьи 108 УПК РФ, позволяет резюмировать следующее: правоприменители вынуждены обходить прямой запрет части 1.1 статьи 108 УК РФ в случаях, когда необходимо брать под стражу предпринимателя; это делается путем: 1) вменения иных статей, не входящих в перечень части 1.1 статьи 108 УПК РФ (чаще всего в этих целях используется статья 210 УК РФ); 2) указания на то, что лица совершили преступления не в сфере предпринима-

тельской деятельности или что предпринимательство являлось способом маскировки мошенничества; 3) искусственного создания обстоятельства, предусмотренного пунктами 1-4 части 1 статьи 108 УПК РФ.

Норма, содержащаяся в части 1.1 статьи 108 УПК РФ, не способствует увеличению защиты потерпевших и реализации конституционного принципа равенства, а также противоречит новой редакции статьи 159⁴ УК РФ и позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 года № 32-П.

Запрет брать предпринимателей под стражу слишком категоричен, его безальтернативность создает порочную практику обхода закона и служит причиной правового нигилизма, создает практику двойных стандартов правопонимания, то есть беззакония. Другое порочное последствие данного абсолютного запрета в том, что он формирует ложное представление о безнаказанности и неуязвимости у некоторых бизнес-мошенников и прочих преступников, стимулируя их преступную деятельность.

Представители предпринимательского сообщества обладают большими интеллектуальными и материальными ресурсами, которые могут быть использованы ими и в противоправных целях – для противодействия расследованию. Поэтому в случае совершения такого рода лицами тяжких или особо тяжких преступлений в сфере экономической деятельности, причинивших имущественный и (или) иной вред значительному числу потерпевших – физических лиц – потребителей товаров и услуг, не должно быть никаких ограничений для взятия их под стражу в качестве первичной меры пресечения – при наличии оснований, предусмотренных статьями 97, 99 УПК РФ. Кроме того, заключению под стражу подлежат обвиняемые, если установлен факт попытки с их стороны скрыть имущество, полученное преступным путем, или избежать возмещения преступного вреда любым способом.

Ограниченный позитивный эффект данного запрета в том, что по этой категории уголовных дел отрабатываются более гуманная технология уголовно-процессуального принуждения, новые стандарты применения таких мер пресечения, как залог, домашний арест, которые могут постепенно распространиться и на иные категории уголовных дел.

Запрет на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей должен быть не категоричным, а условным. Нужно отказаться от прямого запрета брать под стражу предпринимателей, а использовать для регулирования порядка применения в отношении них мер пресечения правовую конструкцию, содержащуюся в части 2 статьи 108 УПК РФ, то есть при отсутствии возможности применения более мягкой меры пресечения брать под стражу.

В число условий, при наличии которых надлежит соблюдать данный запрет, входят: 1) свойства потерпевшего: а) единственный потерпевший от преступления является предпринимателем, б) потерпевшее от преступления предприятие является частным, без доли государственной, общественной собственности, в) потерпевший не настаивает на взятии обвиняемого под стражу;

это первый случай привлечения к уголовному преследованию обвиняемого (подозреваемого); 3) по таким делам в судебном заседании при избрании мер пресечения должен участвовать представитель омбудсмана (в том числе в качестве общественного обвинителя), который выступает против взятия под стражу обвиняемого; 4) обязательно участие прокурора из подразделения прокуратуры по обеспечению прав предпринимателей, дающего заключение о целесообразности избрания той или иной меры пресечения.

Изучение правоприменительной практики по анализируемой категории уголовных дел позволило прийти к выводу, что применение одной меры пресечения в отношении обвиняемого, совершившего преступление в сфере предпринимательской деятельности, часто бывает недостаточным, чтобы обеспечить его надлежащее поведение. Поэтому надо отказаться от доктринального запрета на применение одновременно двух мер пресечения. Орган, в производстве которого находится указанное уголовное дело, или суд, осуществляющий судебный контроль по этому делу, должны быть наделены полномочием на комбинирование нескольких мер пресечения или элементов (исходя из обстоятельств дела) для достижения целей уголовного процесса.

Положения юридико-технического характера

Предлагается внести изменения в название и содержание статьи 103 УПК РФ и читать ее в следующей редакции:

«Статья 103. Личное и общественное поручительство.

Поручительство состоит в письменном обещании выполнения подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса, лицом, заслуживающим доверия, или представителем общественной организации.

С согласия лица, в отношении которого дается поручительство по письменному ходатайству одного или нескольких поручителей, или общественной организации допускается избрание личного поручительства в качестве меры пресечения.

Поручителю разъясняются обязанности и ответственность, связанные с выполнением личного поручительства, а также существо подозрения или обвинения.

Возможность наложения денежного взыскания в размере до десяти тысяч рублей в порядке, установленном статьей 118 настоящего Кодекса, в случае невыполнения поручителем своих обязательств.

Возможность кредитодателя выступить в качестве личного, общественного поручителя по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности.

При взятии на поруки общественной организации обвиняемого в преступлении, совершенном в сфере предпринимательской деятельности, может быть внесен залог.

Общественная организация, взявшая на поруки обвиняемого, отвечает за обеспечение его надлежащего поведения уставным капиталом, всеми своими активами».

В статью 106 Уголовно-процессуального кодекса РФ предлагается внести следующее изменение:

В часть 3 следует включить следующую норму:

«В отношении лиц, указанных в части 1.1 статьи 108 настоящего Кодекса, по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести минимальный размер залога не может быть менее 1 миллиона рублей, по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – менее 5 миллионов рублей».

Предлагается внести ряд изменений и дополнений в статью 107 УПК РФ, а именно:

Дополнить часть 4 пунктом 3 следующего содержания:

«3) по ходатайству одной из сторон для обоснования нового предложения относительно места домашнего ареста и условий его исполнения, а также представления дополнительных доказательств в пользу ходатайства или для внесения залога принятие решения может быть отложено на срок не более 72 часов с момента вынесения соответствующего постановления».

В часть 7 внести дополнительные пункты:

«5) выписывать активы, подписывать договоры, заключать сделки, подписывать доверенности о разрешении другому лицу осуществлять предпринимательскую деятельность вместо обвиняемого от своего имени;

вести обвиняемому предпринимательскую деятельность, включая полный запрет на время расследования уголовного дела и судебного разбирательства».

В статью 108 УПК РФ внести следующие изменения и дополнения:

Изменить содержание части 1.1:

«1.1. К несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому, а также к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159-159.6, 160, 165 УК РФ, а также статьями 171-174, 174.1, 176-178, 180-183, 185-185.4, 190-199.2 УК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в исключительных случаях, когда применение иной меры пресечения является невозможным, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности и причинили ущерб исключительно индивидуальным предпринимателям, коммерческим организациям».

Дополнить статью частью 1.2:

«1.2. В отношении указанных в части 1.1 настоящей статьи лиц заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено при наличии одного из обстоятельств, указанных в пунктах 1-4 части первой статьи 108 УПК РФ».

Дополнить статью частью 1.3:

«1.3. Заключение под стражу подлежат лица, обвиняемые в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159-159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 171-174, 174.1,

176-178, 180-183, 185-185.4, 190-199.2 УК РФ, при наличии к тому оснований, предусмотренных статьями 97, 99 УПК РФ, если: а) предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество; б) установлен факт попытки обвиняемым скрыть имущество, полученное преступным путем, или избежать возмещения преступного вреда».

Тутикова Ирина Алексеевна
Внесудебный порядок рассмотрения жалоб участников
уголовного судопроизводства (в порядке ст.124 УПК РФ)
Дата защиты – 31 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный руководитель	Федулов Андрей Владимирович
Оппоненты	Григорьев Виктор Николаевич, Камчатое Кирилл Викторович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» Диссертационный совет Д 203.009.01 на базе
Место защиты	ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научная новизна исследования заключается в том, что автором впервые осуществлено комплексное систематизированное изучение существующего контрольно-надзорного механизма по обеспечению прав, свобод и законных интересов личности в досудебном производстве в части внесудебного порядка рассмотрения жалоб участников уголовного процесса, предусмотренного статьей 124 УПК РФ.

На основе изучения действующего уголовно-процессуального законодательства, следственной и судебной практики субъектов Российской Федерации автор пришел к однозначному выводу о

необходимости существования внесудебного порядка рассмотрения жалоб исключительно в сфере уголовно-процессуального регулирования. В связи с этим, учитывая современные научные подходы к сущности уголовного судопроизводства, автор предлагает новые научно обоснованные определения основных процессуально-правовых понятий, используемых в сфере регулирования внесудебного порядка рассмотрения жалоб участников уголовного процесса.

В работе впервые сформулированы предложения, которые позволят сделать процедуру разрешения жалоб во внесудебном порядке доступной и понятной для лиц, обращающихся за восстановлением своих нарушенных прав и законных интересов в досудебных стадиях уголовного процесса. Это, в частности, достигается за счет сокращения круга должностных лиц, в чьи обязанности входит рассмотрение жалоб участников уголовного процесса; определения конкретных временных пределов подачи жалобы; установления критериев, указывающих на необоснованность внесудебной жалобы лица, вовлеченного в уголовно-процессуальные правоотношения; новых формулировок по детальной нормативно-правовой регламентации порядка применения этого процессуального института.

Все предложения представлены и развиты в положениях, выносимых на защиту.

Основные положения, выносимые на защиту.

Авторское понятие жалобы, поступающей на стадии возбуждения уголовного дела или предварительного расследования, как процессуального документа (разновидности письменного или устного обращения участников уголовного процесса, иных физических или юридических лиц), адресованного прокурору, содержащего возражение на действия (бездействие) или решения следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания или прокурора, которыми заявителю было причинено действительное либо мнимое нарушение прав, свобод и законных интересов, и требование по их восстановлению.

В целях создания единообразного несудебного порядка подачи и разрешения жалоб участников досудебного производства по

уголовному делу предлагается закрепить в УПК РФ данное определение анализируемой жалобы.

Вывод о том, что необходимо ликвидировать полномочие руководителя следственного органа по рассмотрению жалоб участников уголовного судопроизводства на досудебных стадиях. Этот вывод подтверждается статистическими данными, свидетельствующими о повторности обращения с аналогичными жалобами после отказа их удовлетворения руководителем следственного органа, в органы прокуратуры (или в суд).

Все жалобы в уголовном судопроизводстве имеют общую природу. Жалобы, подаваемые в порядке статьи 124 УПК РФ прокурору, должны отвечать определенным требованиям и критериям так же, как жалобы, подаваемые в апелляционном, кассационном и надзорном производствах. Следует закрепить в УПК РФ требования, предъявляемые ко всем видам жалоб, а также право субъектов разрешения жалоб возвращать жалобу заявителю в связи с нарушением установленных требований.

В связи с этим диссертант предлагает дополнить УПК РФ статьей 1231 «Требования, предъявляемые к жалобам участников уголовного процесса» следующего содержания: «1. Жалоба может быть подана прокурору через должностное лицо органа предварительного расследования, чьи действия (бездействие) и решения обжалуются. В этом случае они обязаны в течение суток направить поступившую жалобу со своими объяснениями прокурору.

Заявитель, его защитник, адвокат, представитель, законный представитель вправе знакомиться с материалами уголовного дела для подготовки обоснования жалобы. За исключением сведений, составляющих государственную тайну. 3. Жалоба обязательно должна быть зарегистрирована. Об этом заявителю должно быть выдано соответствующее уведомление. 4. Лицо, подавшее жалобу, вправе ее отозвать. Отзыв жалобы не может препятствовать повторному обжалованию. 5. Поданная жалоба не приостанавливает производство обжалуемого действия или выполнение обжалуемого решения, если это не посчитают нужным сделать должностные лица органов предварительного расследования, чьи действия (бездействие) и решения обжалуются. 6. Жалоба может быть возвращена заявителю в случаях: 1) жалобу по-

дало лицо, которое не имеет на это право; 2) жалоба не отвечает установленным настоящим Кодексом требованиям; 3) жалоба подана не уполномоченному на ее рассмотрение должностному лицу. 7. Копия постановления о возвращении жалобы незамедлительно направляется заявителю вместе с жалобой и всеми приложенными к ней материалами. После устранения недостатков жалоба может быть подана снова».

Автор предлагает дополнить главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» новым участником – «заявитель жалобы», что позволит наделить его правами, обязанностями участника уголовного процесса и определить степень его ответственности в случае дачи заведомо ложных сведений. Заявителем жалобы может быть не только лицо, вовлеченное в уголовно-процессуальные отношения и имеющее личный интерес, но и лицо, действующее от имени участника уголовного процесса, чьи права и свободы нарушены. Такими лицами могут быть защитники, адвокаты, представители, законные представители, уполномоченные по правам человека.

Лицо, подавшее жалобу, должно быть предупреждено об уголовной ответственности за предоставление заведомо ложных сведений.

Юридические лица, чьи права и законные интересы были нарушены или поставлены под угрозу действиями или бездействием, равно как решениями органов предварительного расследования, прокурором, вправе подавать жалобу прокурору через своего представителя, независимо от того получили ли они официально статус потерпевшего или гражданского истца.

Следует распространить общие требования к жалобе и условия ее подачи на коллективную жалобу, подаваемую совместно несколькими заинтересованными субъектами, – через общего представителя и в порядке, предусмотренном статьей 124 УПК РФ.

Предлагается усовершенствовать порядок рассмотрения жалоб прокурором, для чего дополнить статью 124 УПК РФ нормами следующего содержания:

жалобы на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа до-

знания, нижестоящего прокурора могут быть поданы в течение 14 суток с момента, когда заявителю стало об этом известно;

прокурор рассматривает жалобу в течение 7 суток со дня ее регистрации. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до 14 суток, о чем извещается заявитель;

рассмотрение и разрешение жалобы проходит в присутствии прокурора, должностного лица органа предварительного расследования, чье действие (бездействие) и решение обжалуется, и заявителя, его защитника, адвоката, представителя или законного представителя;

по результатам рассмотрения жалобы прокурор принимает одно из следующих решений:

признать обоснованными и законными действия (бездействие) и решения должностных лиц органов уголовного преследования;

изменить решение в части или отменить решение и дать указание принять новое решение;

признать незаконными действия (бездействие) и дать указание совершить новое действие;

прекратить переписку с участником уголовного процесса, если предмет обжалования не изменился, а ранее ему направлялись обоснованные ответы по его жалобе;

о принятом решении незамедлительно уведомляется заявитель, и в случае признания действий (бездействия) и принятых решений незаконными ему приносится официальное извинение;

принятое решение может быть обжаловано вышестоящему прокурору или в суд;

все материалы производства по жалобе в обязательном порядке должны быть приобщены к материалам уголовного дела.

Для проведения проверки по жалобе должны привлекаться руководители должностных лиц, чьи действия (бездействие) и решения обжалуются. В связи с этим предлагается дополнить статью 123 УПК РФ частью третьей, изложив ее в следующей редакции: «Для участия в проверке и рассмотрении жалобы должны привлекаться руководители должностных лиц, чьи действия (бездействие) и решения обжалуются».

Табolina Ксения Андреевна
Надзор прокурора за возбуждением и расследованием
уголовных дел

Дата защиты – 31 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Масленникова Лариса Николаевна
Оппоненты	Халиулин Александр Германович, Григорьева Наталья Владимировна
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.123.01 на базе ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что соискателем во многом по-новому на монографическом уровне, комплексно исследованы теоретические и научно-практические вопросы дифференциации надзора прокурора в зависимости от формы предварительного расследования, в том числе соотношения полномочий прокурора по надзору за возбуждением и расследованием уголовных дел органами предварительного следствия и органами дознания. В работе сформулировано авторское понятие «надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел» и раскрыта его правовая природа; определено содержание публичного интереса по обеспечению законности в досудебном производстве; на основе ретроспективного анализа выявлены основные тенденции развития института надзора прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел (с 1864 года по настоящее время); определены основные проблемы осуществления надзора прокурором за возбуждением и расследованием уголовных дел, выявлены причины их вызывающие, и подготовлены предложения по совершенствованию за-

конодательного регулирования процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве, в том числе основанные на анализе зарубежного законодательства, а также предложения по совершенствованию практики применения действующего законодательства, направленные на повышение эффективности надзорной деятельности прокурора в досудебном производстве.

На защиту выносятся:

Теоретические выводы о том, что:

Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел – это уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве, заключающаяся в обеспечении исполнения законов органами предварительного расследования, направленная на достижение назначения уголовного судопроизводства и осуществляемая в защиту публичного интереса по обеспечению законности в сфере уголовного судопроизводства.

Публичный интерес по обеспечению законности в досудебном производстве, носителем которого является прокурор, заключается: в уголовноправовом смысле – в защите от совершенного преступления путем участия в уголовном преследовании; в уголовно-процессуальном смысле – в обеспечении исполнения законов органами предварительного расследования путем осуществления надзора.

Деятельность прокурора по обеспечению исполнения законов (уголовного и уголовно-процессуального) носит постоянный характер и включает надзор за процессуальной деятельностью органов расследования и уголовное преследование, составляющим элементом которого является осуществляемое прокурором процессуальное руководство предварительным расследованием.

Участие прокурора в уголовном преследовании проявляется в надзоре за исполнением уголовного закона, а также в процессуальной деятельности, осуществляемой в целях раскрытия преступлений (в частности, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве) и обеспечения правильного применения уголовного закона (принятие прокурором решения по уголовному делу с постановлением о направлении его в суд для применения принудительных мер медицинского характера и т.д.).

Осуществляемое прокурором в рамках уголовного преследования процессуальное руководство предварительным расследо-

ванием – это деятельность прокурора по направлению процессуальной деятельности органов предварительного расследования (путем дачи указаний о направлении расследования, производстве процессуальных действий; передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому и т.д.).

Ретроспектива развития института надзора прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел (с 1864 года по настоящее время) свидетельствует о том, что полномочия прокурора по надзору за следствием и дознанием в истории России до 2007 года не были обусловлены формой расследования (дознание или следствие), а предоставляемый прокурору объем полномочий позволял не только выявлять, но и устранять нарушения закона, допущенные как дознавателями, так и следователями.

Анализ уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран (государств-участников СНГ: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан, Украина – а также Грузии, Федеративной Республики Германии, Французской Республики и Соединенных Штатов Америки) свидетельствует о том, что ни в одной из стран объем полномочий прокурора не обусловлен формой расследования, позволяет не только выявлять, но и устранять нарушения закона, допущенные органом расследования.

Дефицит полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела в настоящее время создает проблему для осуществления надзора за возбуждением уголовных дел, поскольку у прокурора отсутствуют полномочия по своевременному и эффективному предупреждению нарушения законности и по устранению выявленных прокурором нарушений законов. Выявив нарушение закона и имея право отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, прокурор не наделен полномочием возбудить в этом случае уголовное дело, не наделен правовым средством защиты конституционного права на доступ к правосудию.

Дефицит полномочий прокурора для осуществления надзора за законностью предварительного следствия в настоящее время создает проблему осуществления надзора за соблюдением кон-

ституционных прав и свобод человека и гражданина, проблему осуществления надзора за решениями, обеспечивающими формирование обвинения и движение уголовного дела.

Защита публичного интереса по обеспечению законности возбуждения и расследования уголовных дел не может быть поставлена в зависимость от формы расследования и субъекта его производства. Соответственно, объем полномочий прокурора по надзору за возбуждением и расследованием уголовных дел как правовое средство защиты публичного интереса не может быть поставлен в зависимость от формы предварительного расследования.

1.11 . Защита публичного интереса по обеспечению законности возбуждения и расследования уголовных дел требует наделяния прокурора достаточными правовыми средствами надзора, позволяющими предотвратить, выявить и устранить (дать указания об устранении) нарушения уголовного и уголовнопроцессуального законов при возбуждении и расследовании уголовных дел, независимо от формы расследования, что обуславливает необходимость внесения изменений и дополнений УПК РФ.

Предложения по изменению и дополнению УПК РФ, направленные на:

нормативное закрепление надзора прокурора за законностью возбуждения уголовного дела, включающего полномочия прокурора возбуждать уголовное дело и отказывать в возбуждении уголовного дела (ст. 149.1 УПК РФ);

нормативное закрепление полномочий прокурора: давать руководителю следственного органа, следователю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); продлевать срок предварительного следствия (п. 4.1 ч. 2 ст. 37, ч.ч. 4-7 ст. 162 УПК РФ); давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 37, ч. 2 ст. 91, ч. 3 ст. 108, ч.ч. 2, 3 ст. 109, ч. 3 ст. 110, ч. 1 ст. 114, ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 165 УПК РФ); отменять все незаконные или необоснованные постановления руководителя следственного органа и следователя (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); разрешать отводы, заяв-

ленные руководителю следственного органа и следователю, а также их самоотводы (п. 9 ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 67 УПК РФ); отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ (п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); приостанавливать производство по уголовному делу (п. 12.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); утверждать постановление руководителя следственного органа и следователя о прекращении производства по уголовному делу, а также прекращать производство по уголовному делу (п. 13 ч. 2 ст. 37, гл. 4 УПК РФ); принимать решение о соединении уголовных дел, находящихся в производстве следователя (ч. 3 ст. 153 УПК РФ); принимать решение о возобновлении производства по уголовному делу, расследование по которому осуществлялось в форме предварительного следствия (ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ); при утверждении обвинительного заключения исключить из него отдельные пункты обвинения либо переклассифицировать обвинение на менее тяжкое (ч. 1.2 ст. 221 УПК РФ);

уточнение права прокурора: требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); истребовать материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела при проверке законности и обоснованности решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); по письменному запросу знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении или материалами находящегося в производстве уголовного дела в установленный им срок (ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ);

исключение порядка: обжалования следователем требований прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия (ч. 6 ст. 37, ч. 3 ст. 38, ч. 4 ст. 39 УПК РФ); обжалования следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия (ч.ч. 4, 5 ст. 221 УПК РФ);

исключение полномочий руководителя следственного органа: давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении ме-

ры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); разрешать отводы, заявленные следователю, а также его самоотводы (п. 5 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ (п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); продлевать срок предварительного расследования (п. 8 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);

замену формулировки «мотивированное постановление» прокурора на «постановление» прокурора (ч. 4 ст. 146, ч. 6 ст. 148, ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214, ч. 3 ст. 221, ч. 3.2 ст. 223 УПК РФ и др.).

Предложения по совершенствованию практической деятельности, направленные на повышение эффективности надзора прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел, в том числе:

путем исключения закрепления в ведомственных нормативных актах необоснованного ограничения прокурора сроками реагирования на незаконные и необоснованные решения органов предварительного расследования;

путем закрепления в ведомственных нормативных актах возможности согласования с прокурором проекта постановления о привлечении в качестве обвиняемого;

рекомендации прокурорам использовать в полном объеме полномочие, предоставленное п. 8 ч. 2 ст. 37, ч. 3 ст. 165 УПК РФ, принимать участие в каждом судебном заседании при рассмотрении ходатайств о производстве процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, каждый раз обосновывая свою позицию перед судом;

рекомендации прокурорам соблюдать сроки принятия решений по уголовным делам, поступившим с итоговым процессуальным актом в досудебном производстве (ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8); рекомендации прокурорам во избежание нарушения установленного уголовно-процессуального срока выполнять требования ч. 1.1 ст. 221 УПК РФ о возбуждении перед вышестоящим прокурором ходатайства о продлении срока рассмотрения

уголовного дела, поступившего от следователя с обвинительным заключением, до 30 суток.

Гехова Дина Хусеновна
Кассационное производство в российском уголовном
процессе: генезис и перспективы развития
Дата защиты – 7 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
Научный руководитель	Бертовский Лев Владимирович
Оппоненты	Колоколов Никита Александрович, Маслов Игорь Викторович
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Место защиты	Диссертационный совет Д.212.203.24 на базе ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научная новизна диссертационного исследования. Работы отечественных ученых, посвященные производству в суде кассационной инстанции, в основном были написаны до принятия Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, т.е. без учета новых нормативных положений. Автор впервые после внесения существенных изменений и дополнений в УПК РФ осуществил на диссертационном уровне системный анализ производства по уголовным делам в суде кассационной инстанции. При этом были выявлены сильные и слабые стороны законодательных новелл, обоснованы новые решения возникших проблемных вопросов, сформулированы научные положения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Предложено авторское определение кассационного производства.

Основные положения, выносимые на защиту:

Авторская периодизация развития кассационного производства. Изучение истории развития уголовного судопроизводства ведущих стран Европы, таких как Франция, ФРГ, Италия и т.д., позволило выделить три основных этапа появления, становления и развития кассационного производства. По свидетельству исторических источников, к первому этапу относятся признаки зарождения кассационного производства, которые проявились в странах ЕС, где судом кассационной инстанции с 9 в. – 17 в. выступали королевские суды княжеств, в которых заседал король. Началом второго этапа можно считать первое упоминание кассации в Европе, а именно во Франции в Гражданском ордонансе 1667 г. Третий этап ознаменовался созданием кассационных судов в Европе и принятием уголовно-процессуальных кодексов, редакции которых с некоторыми изменениями действуют и по сей день. Так, в 1791 г. Конституцией Франции был создан первый Кассационный суд в Европе. Также Кассационный суд был закреплен и в УПК Франции в 1808 г. Уголовно-процессуальный кодекс

Франции стал своего рода фундаментом для принятия УПК и создания кассационного суда в других странах Европы. В 1865 г. Гражданским кодексом Италии был создан Кассационный суд Италии, Законом о судеустройстве ФРГ 1877 г. был учрежден Кассационный суд ФРГ и в других странах ЕС (приложение № 1).

Авторское определение кассационного производства, под которым следует понимать урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность, состоящую: в обжаловании управомоченными лицами¹ или (и) принесении представления прокурором² на вступивший в законную силу приговор (или

¹ Осужденным, оправданным, их защитниками и законными представителями, потерпевшим, частным обвинителем, их законными представителями и представителями, а также иными лицами в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы; гражданским истцом, гражданским ответчиком или их законными представителями и представителями в части, касающейся гражданского иска.

² Генеральным прокурором Российской Федерации и его заместителями, прокурором субъекта Российской Федерации, приравненным к нему военным прокурором и их заместителями.

иное судебное решение); в рассмотрении судом уголовного дела по кассационным жалобе или представлению для решения вопроса о том, является ли обжалованное судебное решение (решение, на которое принесено представление) законным, а также в принятии (при необходимости) предусмотренных УПК мер для обеспечения законности названных решений.

Обосновывается необходимость восстановления справедливости независимо от времени вступления в законную силу обвинительного приговора. Предлагается изложить ст. 401.6 УПК РФ в следующей редакции: «Пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается без ограничения сроков со дня вступления их в законную силу, не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела существенные нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия».

В целях исключения формального рассмотрения поданных жалоб и заявлений в кассационном порядке, для принятия обоснованного и законного решения по ним, в процессе проведения исследования, пришли к выводу о том, что необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 401.8 УПК РФ и изложить ее в новой редакции: «Судьи, указанные в ст. 401.7 настоящего Кодекса, изучают кассационные жалобы, представление по материалам истребованного уголовного дела».

Кроме того, необходимо ввести положение, согласно которому председатели и заместители верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, а также окружного (флотского) военного суда также могут не согласиться с постановлением судьи указанных судов. В связи с этим считаем логичным дополнить норму ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ и предложить новую редакцию: «Председатель Верховного Суда Российской Федерации, его заместитель вправе не согласиться с постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации, равно как и

председатели верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, суда окружного (флотского) военного суда и их заместители вправе не согласиться с постановлением судьи (указанных судов) об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и вынести постановление об отмене такого постановления и о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда кассационной инстанции».

Для усиления защиты прав и законных интересов личности, а также для сокращения сроков прохождения дел и соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства в кассационной инстанции, предлагается внести изменения в ст. 401.9 «Сроки рассмотрения кассационных жалобы, представления» УПК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«1. В суде кассационной инстанции, за исключением Верховного Суда Российской Федерации, кассационные жалоба, представление рассматриваются в срок, не превышающий одного месяца со дня их поступления.

2. В Верховном Суде Российской Федерации кассационные жалоба, представление рассматриваются в срок, не превышающий двух месяцев со дня их поступления.».

В целях оптимизации деятельности кассационной инстанции представляется целесообразным изменить существующее положение о лишении судьи, вынесшего постановление о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, права участвовать в рассмотрении данного уголовного дела. В связи с этим предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 401.13 УПК РФ указав: «Судья, вынесший постановление о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, участвует в рассмотрении данного уголовного дела». Часть 5 ст. 401.13 УПК РФ изложить в следующей редакции: «После разрешения отводов и ходатайств уголовное дело докладывается судьей, вынесшим постановление о передаче кассационных жало-

бы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции».

Для реализации принципа уголовного судопроизводства «право на обжалование процессуальных действий и решений», предусмотренной ст. 19 УПК РФ, для своевременного исправления возможных ошибок, допущенных судьями, и вынесения по уголовному делу законного, обоснованного и справедливого решения в суде кассационной инстанции, аргументируется необходимость дополнения главы 47.1 ст. 401.18 УПК РФ «Порядок обжалования постановления судьи»:

«1. Постановление судьи верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда об отказе в принятии к рассмотрению уголовного дела в суде кассационной инстанции может быть обжаловано председателям указанных судов или их заместителям.

Постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению уголовного дела в суде кассационной инстанции может быть обжаловано Председателю Верховного Суда Российской Федерации или его заместителю.».

Несмачная Нина Валерьевна

Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации

Дата защиты – 20 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
Научный руководитель	Францифоров Юрий Викторович
Оппоненты	Гриненко Александр Викторович, Смирнов Павел Алексеевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Место защиты Диссертационный совет Д 212.239.01 на базе
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная
юридическая академия»

Научная новизна исследования заключается в том, что автором было сформировано концептуальное представление о сущности выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора как вида

международного сотрудничества по уголовным делам, в котором:

обосновано положение о возможности структурирования норм УПК РФ, регламентирующих международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве в качестве подотрасли в системе российского уголовно-процессуального права;

выработано авторское понимание международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства как продолжительной по времени процессуальной деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц Российской Федерации и соответствующего иностранного государства, направленной на расследование и разрешение уголовных дел по национальным и международным преступлениям;

доказано, что выдача лица для уголовного преследования или исполнения является правовым институтом;

обоснована сущность выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора как элемента экстрадиции;

сформулировано авторское определение понятия «выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора» и обосновано, что выдача возможна государству, на территории которого было совершено преступление, либо государству, которое в наибольшей степени пострадало от преступного деяния, либо государству, гражданином которого является данное лицо;

доказано, что в качестве правового основания для выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора может выступать внутригосударственное право в тех случаях, когда отсутствует заключенный договор между государствами;

предложены понятие и условия осуществления международного розыска лиц для последующей выдачи иностранному государству.

Новым является избранный автором подход к отграничению выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора от иных процедур и видов международного сотрудничества в уголовном процессе как обязательному условию соблюдения принципа взаимности в решениях Верховного Суда РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Генеральной прокуратуры РФ и других ведомств с целью оказания правовой помощи и подготовки запроса к иностранному государству о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора от имени Российской Федерации.

В диссертационном исследовании автор предлагает дополнить некоторыми нормами УПК РФ, формулирует предложения, направленные на восполнение пробелов, имеющих в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, регламентирующем выдачу лица для уголовного преследования или исполнения приговора, а также рекомендации по совершенствованию практики осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства и такого его направления, как выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора.

Научная новизна данного исследования нашла отражение в положениях, выносимых на защиту:

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства является комплексным, многоплановым правовым явлением: 1) международное сотрудничество выступает целостным

структурным образованием в системе уголовно-процессуального права и может быть охарактеризовано как его подотрасль, имеющая особый предмет регулирования, свою внутреннюю организацию (общую и особенную части, процессуальные институты); 2) международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве представляет собой процессуальную деятельность национальных правоохранительных органов, судов и международных организаций, продолжительную во времени, осуществляемую на основе международных соглашений Россий-

ской Федерации и соответствующего иностранного государства, направленную на расследование и разрешение уголовных дел о национальных и международных преступлениях.

Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора выступает в качестве правового института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Как составная часть деятельности по международному сотрудничеству выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора представляет собой основанные на принципах и нормах международного и национального права, последовательно совершаемые процессуальные действия, направленные на передачу (при наличии требования) лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрена выдача, или осужденного. Выдача осуществляется с целью привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора государством, на территории которого находится данное лицо, государству, на территории которого было совершено преступление, либо государству, которое в наибольшей степени пострадало от преступного деяния, либо государству, гражданином которого является данное лицо. Деятельностью по выдаче лица охватываются также предшествующие передаче розыск, задержание, арест данного лица.

Понятие «выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора» и понятие «экстрадиция» не являются тождественными. Экстрадиция представляет собой не только деятельность по выдаче лица, но и передачу лица для отбывания наказания и принудительного лечения.

Недопустимо использование в теории уголовного процесса термина «выдача лица, совершившего преступление», поскольку этим предreshается вопрос о виновности лица до вынесения приговора суда и вступления его в законную силу и, соответственно, нарушается конституционный принцип презумпции невиновности. Обоснована допустимость использования словосочетания «выдача лица» либо «выдача подозреваемого/обвиняемого лица».

Анализ уголовно-процессуального законодательства ряда европейских государств позволяет констатировать, что в случае отсутствия у них договора о выдаче государствами используется закрепление в качестве самостоятельного основания выдачи лица

для уголовного преследования или исполнения приговора положений внутригосударственного права. Этим обстоятельством вызвано предложение автора о законодательном закреплении положений внутригосударственного права Российской Федерации в УПК РФ в качестве самостоятельного основания для выдачи лица в тех случаях, когда отсутствует договор, заключенный между государствами.

Предложение о дополнении УПК РФ статьей 453.1 «Назначение международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, следующего содержания. «Назначением международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является осуществление в рамках международного соглашения Российской Федерации или на основе принципа взаимности уголовного преследования, выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора, передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания или принудительного лечения путем частичной передачи компетенции или совместного расследования по уголовным делам, посредством чего обеспечиваются:

безопасность многонационального народа России, национального и государственного суверенитета, государственная и общественная безопасность, а также общественный порядок, защита окружающей среды, экономики, науки, культуры;

защита всех личных, социально-экономических, политических, социально-культурных прав, свобод и законных интересов каждого человека и гражданина, конституционного строя, политической и экономической систем, всех форм собственности;

предотвращение, предупреждение, пресечение международных, транснациональных и национальных преступлений».

Предложение о закреплении в УПК РФ ст. 210.1 «Международный розыск лиц для последующей выдачи иностранному государству для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора», следующего содержания.

«1. В случае, когда местонахождение лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче, неизвестно, оно может быть объявлено следователем в международный розыск в порядке, предусмотренном ст. 210 настоящего Кодекса, либо международными соглашениями.

Международный розыск может быть объявлен при условии, что в результате проведенных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий:

получена достоверная информация об имевшемся у разыскиваемого лица намерении выехать из Российской Федерации с деловой или иной целью и достоверно установлены имеющиеся у разыскиваемого лица родственные и дружеские связи за пределами Российской Федерации;

получены данные о выезде разыскиваемого лица за пределы Российской Федерации.

Объявление и осуществление международного розыска лица возможно только после объявления его в федеральный розыск на территории Российской Федерации».

Кожокар Валерий Васильевич

Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики

Дата защиты – 21 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»
Научный руководитель	Гаврилов Борис Яковлевич
Оппоненты	Шаталов Александр Семенович, Белкин Анатолий Рафаилович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия» Диссертационный совет Д 212.123.01 на базе ФГБОУ ВПО «Московский государственный
Место защиты	юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что на монографическом уровне с авторских позиций комплексно проанализированы проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса в ходе про-

верки сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе с учетом внесенных в 2007-2015 гг. в УПК РФ поправок.

Новым в данном исследовании является обоснование автором, с учетом активизации научной дискуссии о роли в уголовном судопроизводстве стадии возбуждения уголовного дела, точки зрения о необходимости исключения из российского уголовно-процессуального законодательства данной стадии уголовного процесса, а принятие, рассмотрение и разрешение сообщений о преступлениях считать первоначальным этапом стадии предварительного расследования.

Новизна диссертационного исследования заключается и в том, что на основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства, изучения правоприменительной практики и результатов эмпирических данных, полученных в процессе исследования, автором подготовлены предложения, направленные на совершенствование процессуальной деятельности должностных лиц, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях, в том числе введено в научный оборот понятие «иное должностное лицо органа дознания», которому с согласия начальника органа дознания предоставлено право по результатам рассмотрения сообщения о преступлении принятия процессуального решения о начале производства по уголовному делу или об отказе в этом, для чего разработан проект федерального закона по реформированию уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего начало производства по уголовному делу.

Более конкретно новизна сформулированных соискателем выводов и рекомендаций отражена в положениях, выносимых на защиту.

Основные положения, выносимые на защиту

Утверждение автора, что включение в УПК РСФСР 1960 года процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела, принципиально изменивших порядок начала производства по уголовному делу, было обусловлено стремлением законодателя обеспечить законность и обоснованность решений должностных лиц, которым предоставлено право осуществления уголовного преследования, и способствова-

ло формированию в российском уголовном судопроизводстве стадии возбуждения уголовного дела.

Вывод:

автора, с одной стороны, о последовательной реализации в уголовно – процессуальном законе положений Концепции судебной реформы в Российской Федерации по ограждению личности от необоснованного вовлечения в уголовное судопроизводство;

с другой, об отходе законодателя от принципиального положения Концепции судебной реформы – о начале производства по уголовному делу, когда хотя бы в минимальной степени существует вероятность того, что преступление было действительно совершено, о чем свидетельствует складывающаяся за последнее двадцатилетие практика многократного увеличения (с 1,3 млн. в 1992 г. до 6,9 млн. в 2015 г.) принятых органами предварительного расследования и органами дознания по заявлениям, сообщениям граждан и организаций о преступлениях процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Это позволяет утверждать о фактическом снижении уровня защиты прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от противоправных деяний, что противоречит конституционным установлениям об обеспечении им доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба, поскольку от 20% до 40% процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела прокурорами ежегодно признаются незаконными, необоснованными и отменяются.

Предлагаемый автором пересмотр положений уголовно – процессуального законодательства в виде разработанного по результатам исследования проекта федерального закона (приложение №7), призванного принципиально изменить начало производства по уголовному делу путем исключения из УПК РФ процессуальных норм о возбуждении уголовного дела (ст.146 УПК РФ), об отказе в возбуждении уголовного дела (ст.148 УПК РФ) и внесении изменений во взаимосвязанные с ними иные процессуальные нормы (ст.20, 21, 23, 24, 37, 40.1, 42, 44, 45, 49, 65, 125, 140-145, 147, 149 УПК РФ):

предусматривает:

замену раздела VII «Возбуждение уголовного дела» на раздел «Начало производства предварительного расследования по уго-

ловному делу», регламентирующий порядок приема и регистрации сообщения о преступлении;

действие процессуальных правил о начале производства расследования по уголовному делу с момента регистрации сообщения о преступлении, оформленного в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона;

введение специальной уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме и регистрации сообщения о преступлении;

и позволит:

оптимизировать уголовно-процессуальную деятельность следователя, дознавателя, органа дознания, прокурора на начальном этапе производства по уголовному делу, повысить ее эффективность;

значительно усилить гарантии конституционного права граждан на их доступ к правосудию;

обеспечить тем самым существенное сокращение нарушений законности при принятии процессуальных решений о начале производства по уголовному делу (ежегодно их выявляется от 1,5 до 2 млн.).

Позиция автора о пересмотре начала производства по уголовному делу путем исключения из уголовно-процессуального законодательства стадии возбуждения уголовного дела предполагает исключение длительного (до 30 суток) этапа проверки сообщений с признаками преступления, регистрация которых в соответствии с проектом разработанного федерального закона осуществляется незамедлительно (не позднее 24 час.) в Едином реестре производств по уголовным делам, что:

направлено на реализацию конституционного принципа о доступе потерпевшего к правосудию и возможности компенсации причиненного ущерба;

призвано обеспечить действие нормы-принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства»;

позволит создать эффективный механизм собирания доказательств непосредственно после регистрации сообщения о преступлении;

будет способствовать значительному повышению эффективности затрат сил и средств органов предварительного расследо-

вания и органов дознания на данный вид процессуальной деятельности.

Анализ зарубежной юридической практики, в том числе и ряда стран бывшего постсоветского пространства (Республика Казахстан, Латвия, Молдова, Украина и др.) свидетельствует о том, что отсутствие в нормах уголовно-процессуального законодательства этих государств уголовно-процессуальных норм, аналогичных наличествующим в УПК РФ нормам о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела, образующих стадию возбуждения уголовного дела, позволяет существенно (многократно) повысить уровень обеспеченности граждан, пострадавших от преступления, на их доступ к правосудию и одновременно результативность деятельности компетентных органов указанных и иных государств по борьбе с преступностью.

Учитывая актуальность установления для начала производства расследования такой процессуальной категории как повод для возбуждения уголовного дела автором:

- уточнено понятие сообщения о преступлении, как оформленной в соответствии с требованиями уголовно-процессуального и норм иного законодательства информации о любом совершенном или готовящемся преступлении, формируемой в рамках уголовного судопроизводства, и представляющей собой формы сообщений об уголовно-наказуемом деянии, влекущие для уполномоченных государственных органов и должностных лиц обязанность разрешить вопрос о начале производства по уголовному делу или об отказе в этом;

- дополнена ч.1 ст.140 УПК РФ пунктами 5-10, предусматривающими в качестве самостоятельных поводов для начала производства по уголовному делу, как:

- непосредственное обнаружение органом дознания, дознавателем, следователем признаков преступления;

- постановление о выделении из уголовного дела материалов, содержащих сведения о новом преступлении, и направлении их для принятия решения в соответствии со ст. ст. 144-145 УПК РФ;

- материалы оперативно-розыскной деятельности, предоставленные органу предварительного расследования в установленном федеральным законом порядке;

сообщение суда об обнаружении признаков преступления, направляемого в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

постановление мирового судьи о направлении заявления потерпевшего или материалов дела руководителю следственного органа или начальнику органа дознания в случаях неустановления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, или когда лицо, в отношении которого подано заявление, относится к категории лиц с особым правовым статусом производства по уголовному делу (ст.447 УПК РФ), или установлены признаки преступления, расследование которых проводится в порядке публичного или частно-публичного обвинения;

запрос иностранного государства о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации в связи с обнаружением его компетентным органом признаков преступления.

В связи с отсутствием в УПК РФ процессуальных полномочий органа дознания по разрешению заявлений, сообщений о преступлениях автором предлагается дополнить перечень субъектов уголовно-процессуальной деятельности иным, кроме дознавателя и начальника подразделения дознания, должностным лицом органа дознания, как участником уголовного процесса со стороны обвинения осуществляющим процессуальные полномочия в указанной сфере деятельности с согласия начальника органа дознания.

Иные предложения автора о внесении изменений в УПК РФ, предусматривающие:

изменение редакции п. 43 ст. 5 УПК РФ с целью уточнения изложенного выше понятия сообщения о преступлении;

исключение ч. 2 ст. 140 УПК РФ, регламентирующей процессуальную категорию «основание для возбуждения уголовного дела»;

дополнение ч. 2 ст.142 УПК РФ положением об обязательном участии адвоката при подаче в правоохранительные органы явки с повинной.

Соболев Антон Валентинович

**Процессуальные последствия истечения сроков давности
привлечения лица к уголовной ответственности**

Дата защиты – 27 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»
Научный руководитель	Бобров Виталий Константинович
Оппоненты	Володина Людмила Мильтоновна, Глушков Александр Иванович
Ведущая организация	ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» Диссертационный совет Д 203.019.03 на базе
Место защиты	ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»

Научная новизна работы определяется комплексным характером монографического исследования теоретических и правовых положений, связанных с процессуальными последствиями истечения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности.

К числу положений, обладающих научной новизной, относится классификация норм УПК РФ, определяющих порядок уголовного судопроизводства в случае истечения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности, на основе которой предложены единые терминологические обозначения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности, учитывающие специфику уголовно-процессуальных отношений.

Диссертантом определен перечень процессуальных прав, которыми в случае истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности обладает лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, а также подозреваемый, обвиняемый и подсудимый.

Разработаны рекомендации по совершенствованию норм УПК РФ, регламентирующих деятельность государственных ор-

ганов и должностных лиц, а также суда при истечении сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности на стадии возбуждения уголовного дела, в ходе предварительного расследования и судебного производства.

Внесены предложения по совершенствованию правовых норм, регламентирующих деятельность суда при истечении сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности в ходе судебного разбирательства, осуществляемого в особом порядке, по уголовным делам, дознание по которым проводилось в сокращенной форме, при производстве у мирового судьи.

Положения, выносимые на защиту.

Применение положений УК РФ о давности привлечения лица к уголовной ответственности представляет собой уголовно-процессуальную деятельность, которая осуществляется судом, государственными органами и должностными лицами, выступающими на стороне обвинения, в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Уголовно-процессуальная деятельность по применению положений УК РФ о давности привлечения лица к уголовной ответственности включает в себя следующие компоненты: 1) исследование обстоятельств произошедшего события преступления; 2) доказывание юридического факта истечения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности; 3) определение момента начала течения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности и момента их истечения; 4) защита лица, освобождаемого от уголовной ответственности, от необоснованного ограничения его прав и свобод; 5) принятие правоприменительного акта, прекращающего правоотношения между государством и лицом, освобождаемым от уголовной ответственности. Наряду с этим должностные лица должны быть уверены в виновности лица, освобождаемого от уголовной ответственности.

В целях устранения терминологических неточностей при формулировании уголовно-процессуальных предписаний, связанных с использованием уголовно-правовых понятий «срок давности привлечения лица к уголовной ответственности» и «срок давности обвинительного приговора суда», в нормах УПК РФ, определяющих порядок уголовного судопроизводства в случае истечения сроков давности, необходимо закрепить следующие

термины: 1) истечение срока давности привлечения лица к уголовной ответственности, установленного статьей 78 Уголовного кодекса Российской Федерации; 2) истечение срока давности обвинительного приговора суда, установленного статьей 83 Уголовного кодекса Российской Федерации; 3) истечение срока давности привлечения лица к уголовной ответственности, установленного законодательством иностранного государства; 4) истечения срока давности обвинительного приговора суда, установленного законодательством иностранного государства.

Вывод о том, что отсутствие уклонения от следствия или суда является обстоятельством, влекущим освобождение лица от уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности. В связи с этим юридический факт отсутствия уклонения от следствия или суда должен быть установлен с помощью предусмотренных в УПК РФ доказательств и/или средств проверки сообщения о преступлении. В противном случае решения об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела и (или) прекращении уголовного преследования являются необоснованными.

Истечение сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности не названо в числе оснований для отказа мирового судьи в принятии заявления к своему производству (ст. 318, ст. 319 УПК РФ), что обуславливает возбуждение уголовного дела. Между тем, согласно п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в случае истечения данных сроков уголовное дело не может быть возбуждено. Для устранения указанной правовой неопределенности истечение сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности должно являться основанием отказа мирового судьи в принятии заявления к производству. В связи с этим ст. 319 УПК РФ следует дополнить частью 1.3. следующего содержания:

«1.3. Установив наличие основания отказа в возбуждении уголовного дела, предусмотренного пунктом 3 части первой статьи 24 настоящего Кодекса, мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству».

В УПК РФ закреплён различный объём прав лица, в отношении которого решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности, и подозреваемого, обвиняемого,

подсудимого, в отношении которых решения о прекращении уголовного дела и (или) прекращении уголовного преследования принимаются по тому же основанию. Поскольку в основе принятия перечисленных решений лежит одна и та же правовая ситуация – необходимость освобождения от уголовной ответственности – объем прав, возникающих у данных участники уголовного судопроизводства, должен быть равным.

Лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, подозреваемый, обвиняемый и подсудимый должны быть уведомлены об истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности; им должно быть разъяснено наличие у них права возражать против принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела и (или) прекращении уголовного преследования по данному основанию; разъяснены правовые последствия их волеизъявления, выражающиеся в продолжении судопроизводства – при наличии возражения, либо в ограничении трудовых прав в отношении определенных видов деятельности – при отсутствии возражения.

Принятие решений об отказе в возбуждении уголовного дела и прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности должно допускаться лишь в отношении конкретного лица. В связи с этим предлагаем:

изложить часть 1 ст. 148 УПК РФ в следующей редакции:

«1. При отсутствии основания для возбуждения уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Отказ в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 части первой статьи 24 настоящего Кодекса, допускается лишь в отношении конкретного лица.»

дополнить ст. 212 УПК РФ частью 3, следующего содержания:

«3. Прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 24 настоящего Кодекса, допускается только при установлении конкретного подозреваем-

мого (обвиняемого) и с соблюдением требований, предусмотренных частью второй статьи 27 настоящего Кодекса.».

Суду следует продолжить рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу в случаях, когда подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) возражает против прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности, а также если по уголовному делу предъявлен гражданский иск. Предлагаем дополнить ст. 302 УПК РФ частью 8.1.:

«8.1. Порядок, установленный частью восьмой настоящей статьи, применяется, если подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) возражает против прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 24 настоящего Кодекса, а также, если по делу предъявлен гражданский иск.».

В случае, если сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности истекли в ходе судебного разбирательства, осуществляемого в особом порядке, а также по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, суд не вправе принять решение о прекращении уголовного дела по данному основанию. Для этого потребовалось бы исследование обстоятельств, влекущих освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности (истечение данных сроков, отсутствие уклонения от следствия или суда), что не предусмотрено для данных форм уголовного судопроизводства. Поэтому в указанной правовой ситуации суду следует вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке, в рамках которого рассмотреть вопрос о его прекращении, а в случае производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, – постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке.

Установленный в ч. 3 ст. 214 УПК РФ запрет возобновления производства по прекращенному уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств ограничивает конституционное право лица, в отношении которого уголовное дело было

прекращено в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности, защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Предлагаем:

исключить часть 3 ст. 214 УПК РФ;

дополнить часть 3 ст. 414 УПК РФ пунктом 3.1. следующего содержания:

«3.1.) Порядок, установленный частью третьей настоящей статьи, не распространяется на случаи прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 24 настоящего Кодекса.».

12.00.10 – Международное право; европейское право

Защиты докторских диссертаций

Тюрина Наталия Евгеньевна

Публичный интерес в международном торговом праве

Дата защиты – 25 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Научный руководитель	Курдюков Геннадий Иринархович
Оппоненты	Капустин Анатолий Яковлевич, Бахин Сергей Владимирович, Моисеев Алексей Александрович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.081.32 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научная новизна исследования состоит в том, что в данной работе впервые в отечественной науке международного права предпринята попытка осмысления правового регулирования международной торговли с точки зрения публичного интереса, формирующегося под воздействием вызовов мирового развития, и предложены концепции международного торгового права и

права международной торговли. Обосновано, что международное торговое право сформировалось как подотрасль международного экономического права, в которой центральное место занимает право Всемирной торговой организации. Аргументирована целесообразность юридической конструкции «право международной торговли» для обозначения совокупности правовых регуляторов, регулирующих различающиеся по уровню отношения в одной общей сфере. Установлено, что в процессе осуществления международных экономических отношений возникает необходимость в специфическом методе международно – правового регулирования и что определенные участники международных торговых отношений, не выделяемые в современной доктрине международного права в качестве субъектов этого права, обладают международной правоспособностью *de facto*.

В данной работе впервые на уровне диссертационного исследования были получены следующие результаты:

выделены свойства публичного интереса, характеризующие его как движущую силу в развитии международного торгового права;

установлены объект, предмет и носители (субъекты) публичного интереса в международном торговом праве;

раскрыто содержание международной торговли в аспекте юридической категории «правоотношение»: это совокупность международных и

внутригосударственных, публичных и частных отношений, предопределяющих взаимодействие международной и национальной правовых систем, международного публичного и международного частного права;

на понятийном уровне проведено разграничение категорий «международное торговое право» и «право международной торговли» и обоснована целесообразность использования правовой конструкции «право международной торговли» в исследовании правового регулирования международной торговли;

предложено толкование принципа международного сотрудничества как *право* государства вступать в отношения с другими государствами в собственных интересах и целях и *обязанность* действовать в соответствии с другими основными принципами

международного права и специальными отраслевыми принципами и нормами;

обосновано, что международное торговое право включает наряду с нормами международных договоров по вопросам торгового сотрудничества, нормы, содержащиеся в иных международных договорах, право ВТО и международные договоры по вопросам международного частного права и является обособленной внутриотраслевой системой – подотраслью международного экономического права;

выявлены особенности имплементации права ВТО в российскую правовую систему;

раскрыты и проанализированы с позиции доктрины международного права особенности современного международного торгового права (нормативное содержание, субъекты, метод регулирования).

В результате проведенного исследования были получены выводы относительно необходимости комплексного подхода к изучению правового регулирования международной торговли и сделаны заключения, развивающие и дополняющие ряд теоретических положений международного публичного права.

Основные выводы, определяющие новизну исследования, отражены в следующих выносимых на защиту положениях:

Наиболее существенными общими характеристиками интереса, которые определяют его роль в праве, являются:

а) с точки зрения мотивации к действию – это неотъемлемое свойство субъекта, вектор его сознания;

б) с точки зрения юридического содержания – это правоотношение или юридический факт (объект интереса), результатом которого являются материальные и нематериальные блага (предмет интереса);

в) с точки зрения обусловленности – то, что интерес имеет объективносубъективный характер

г) с точки зрения удовлетворения потребностей – условие достижения

благ.

Из характеристик интереса, выделенных в общей теории права, вытекает, что объектом публичного интереса в международном торговом праве выступают правоотношения в сфере между-

народной торговли. Предмет публичного интереса составляют материальные и нематериальные блага, представляющие собой результат деятельности, урегулированной международным торговым правом. Объект публичного интереса раскрывается в содержании принципов и норм международного торгового права, которыми закладывается модель правоотношения. На предмет публичного интереса указывают цели международных торговых договоров.

Первичным и основным носителем (субъектом) публичного интереса в международном торговом праве выступает государство как официальный представитель организованного им сообщества. Наряду с государством носителями публичного интереса могут быть производные от государства или государств образования, обладающие обособленной территорией и правоспособностью, сходной с правоспособностью государства в сфере международных торгово-экономических отношений.

Публичный интерес в международном торговом публичном праве находит подтверждение в содержании международных торговых и иных договоров, включающих положения о торговле; в международном частном праве – в факте создания соответствующих норм и обеспечении их применения к частным торговым отношениям международного характера; в национальном праве – в нормах государственного регулирования внешнеторговой деятельности.

Международная торговля как мирное взаимодействие предполагает сотрудничество государств, в связи с чем объектом публичного интереса является, юридическое содержание принципа международного сотрудничества, и поскольку оно до сих пор остается довольно неопределенным, предлагается уточнить юридическое содержание принципа международного сотрудничества в следующей редакции: принцип международного сотрудничества предусматривает *право* государства вступать в отношения с другими государствами в собственных интересах и целях, в формах, отвечающих данным интересам и целям, и *обязанность* соблюдать в установленных отношениях основные принципы международного права и специальные принципы и нормы соответствующей отрасли (и, при наличии, подотрасли) международного права.

Международная торговля представляет собой совокупность отношений разного уровня, которые упорядочиваются соответственно международным торговым (публичным) правом, международным частным правом, и национальным правом. Для получения всестороннего представления о правовом регулировании международной торговли представляется целесообразным использование конструкции «право международной торговли», что предполагает изучение перечисленных регуляторов в сфере международной торговли (международное торговое право, международное частное право и национальное право) в рамках единого комплекса. Аналогичные конструкции могут быть использованы для формирования комплексного представления о правовом регулировании и в других сферах, где предмет международноправового и внутригосударственного регулирования совпадает (право защиты прав человека, право защиты окружающей среды и т.п.). С точки зрения практики значение подобной конструкции состоит в том, что она дает наиболее полное и целостное представление о нормативных установлениях, имеющих значение для участников соответствующих правоотношений.

Международное торговое право входит в состав более крупной совокупности норм, регулирующих отношения, сходные по характеру деятельности, в сфере которой они возникают, но различающиеся по предмету регулирования, – международного экономического права. В международном экономическом праве международное торговое право образует обособленную систему, которой, с одной стороны, присущи установленные наукой международного права признаки отдельной отрасли международного права, а с другой – черты, характерные для структурного элемента отрасли. Так, оно базируется не только на собственных специальных принципах, но и общих принципах международного экономического права; предмет международного торгового права представляет собой разновидность предмета международного экономического права. Данные характеристики международного торгового права указывают на его соотношение с международным экономическим правом как части и целого, что дает основание для квалификации международного торгового права как подотрасли международного экономического права.

Международное торговое право представляет собой совокупность норм единых по юридической природе, но различных по назначению закрепляемых ими обязательств государств: а) относительно правил для непосредственных участников международных договоров и б) относительно правил для частных лиц. С точки зрения публичного интереса представляется важным выполнение государствами любых взятых на себя обязательств, в том числе и тех, которые требуют от них обеспечения порядка в гражданско-правовых отношениях международного характера.

Расширение объекта публичного интереса в международном торговом праве оказывает воздействие на развитие всего международного права, в результате чего происходит:

удлинение радиуса действия международного публичного права за счет имплементации в национальные правовые системы;

расширение универсальной основы международного публичного права благодаря росту численности многосторонних соглашений и их участников;

функционирование международного публичного права в качестве основы региональной интеграции;

- универсализация международного права находит проявление в том, что оно непосредственно регулирует отношения между субъектами международного права, обеспечивает форму для унификации международного частного права, служит основой и моделью для формирования национального права.

Специфика объекта публичного интереса в современном международном торговом праве, обуславливает ряд особенностей международного торгового права.

Так, в содержательном аспекте оно характеризуется:

принципами и нормами, которые устанавливают обязательства, непосредственно затрагивающие вопросы внутригосударственного регулирования;

принципами, которые являются противоположными по содержанию, но составляют диалектическое единство, отражающее баланс противоположных интересов;

наличием юридически обязательных предписаний, выработанных органами межправительственных образований (организаций экономической интеграции) – наднациональными нормами;

нормами, принятыми методом согласования на институциональной основе (в рамках ВТО, организаций региональной экономической интеграции);

нормами, регулируемыми отношения, которые составляют предмет других отраслей международного права.

В ценностном аспекте основная экономическая функция международного торгового права дополняется социальной, гуманитарной, экологической и другими функциями.

В организационном аспекте особенности международного торгового права связаны с субъектами и методом регулирования.

Особенность международного торгового права в связи с субъектами, состоит в том, что наряду с государствами и международными межправительственными организациями участниками международных публичных отношений в сфере международной торговли выступают таможенные союзы и самостоятельные таможенные территории в составе государства, которые обладают признаками субъекта международного публичного права.

Указанными признаками в отношении таможенных союзов являются присущие им все черты международной организации.

В отношении самостоятельных таможенных территорий такими признаками выступают: а) правоспособность, предоставляемая им государством, в состав которого они входят, в объеме, позволяющем данным территориям участвовать в международных торгово-экономических отношениях от собственного имени, в том числе участвовать в международных договорах и международных организациях; б) международно-правовое признание данных образований *de facto* в качестве участника международных, в том числе многосторонних, договоров и международных организаций в определенной сфере, наряду с государствами.

Фактический статус самостоятельных таможенных территорий в международных торговых отношениях дает основание для вывода о том, что производные субъекты международного права по способу образования могут быть двух видов: а) субъекты, возникающие в результате согласованного волеизъявления государств, на основе международного договора, и б) субъекты, создаваемые односторонним волеизъявлением государства путем предоставления им правоспособности в объеме, необходимом для участия в международных отношениях наряду с государствами,

хотя бы в определенной сфере, при условии международно-правового признания *de facto* соответствующих прав со стороны других государств.

Особенностью метода международного торгового права является сочетание таких двух способов воздействия на предмет регулирования, как: а) согласование обязательных для выполнения предписаний (координационный, общий метод международного права); б) признание юридической обязательности предписаний, выработанных международными органами, наделенными соответствующими полномочиями со стороны государств (наднациональный метод). Все возрастающее в процессе экономической интеграции применение наднационального метода не умаляет значения координационного метода. Оба метода находятся в неразрывной связи. Наднациональный метод является производным от координационного метода, имеет по отношению к нему субсидиарный характер и применяется параллельно с координационным методом. Таким образом, теоретическое положение о единстве метода международного права, наполняется новым смыслом. Применение наднационального метода происходит в основном в процессе регулирования международного торгово-экономического сотрудничества, но сфера его применения не ограничена данными рамками.

Выявленные особенности международного торгового права не противоречат современной концепции международного публичного права и раскрывают его потенциал как:

универсального правового регулятора, непосредственно упорядочивающего международные отношения (отношения между субъектами международного права), транснациональные отношения (отношения между негосударственными субъектами) – посредством национального законодательства и внутригосударственные отношения, выступая инструментом приоритетного применения;

регулятора, приоритет которого по отношению к внутригосударственному праву имеет тенденцию к международно-правовому закреплению и общепризнанности;

правовой системы, характеризующейся двуединым (координационнонаднациональным) методом регулирования; дополнением норм одной отрасли права нормами других отраслей в процес-

се их толкования и применения; диверсификацией производных субъектов и способов их образования.

Гурбанов Рамин Афад Оглы
Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики
Дата защиты – 30 марта 2016 г.

Место выполнения работы	Национальная академия наук Азербайджана
Научный руководитель	Капустин Анатолий Яковлевич, Джафаров Азер Мамед оглы Вельяминов Георгий Михайлович,
Оппоненты	Бекяшев Камиль Абдулович, Моисеев Алексей Александрович ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Ведущая организация	Диссертационный совет Д 503.001.03 при ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
Место защиты	сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые комплексно исследован вопрос взаимодействия судебных органов на европейском пространстве.

Классическое взаимодействие между государствами осуществляется органами исполнительной власти (министерствами иностранных дел и дипломатическими службами), а взаимодействие в сфере правосудия реализуется министерствами юстиции сотрудничающих государств.

Сотрудничество органов государств, не относящихся к исполнительной ветви власти, а именно судебных органов, является новым явлением в современной международной жизни. Как след-

ствие, исследование международно-правового взаимодействия судебных органов обладает несомненной новизной для науки международного права. Пример сотрудничества данных органов на европейском пространстве является наиболее актуальным, так как процессы интеграции в Европе достигли наивысшего уровня, который особенно благоприятствует организации прямого (без посредничества органов исполнительной власти) взаимодействия судебных органов.

В работе разработаны классификация и типология механизмов международно-правового взаимодействия судебных органов, определены уровни и направленность их взаимодействия, дана характеристика их взаимодействия и т.п. На основе такого подхода выявлена взаимозависимость уровня интеграции различных правопорядков и уровня взаимодействия их судебных органов, а также используемых при этом инструментов судебного права. Комплексный анализ также позволил продемонстрировать возможность формирования иерархической структуры взаимодействия судебных органов при отсутствии системных связей между ними, характерных для отдельно взятых судебных систем того или иного правопорядка. К основным результатам используемого подхода следует отнести идентификацию международно-правового взаимодействия судебных органов при отсутствии специально предназначенных для этого механизмов процессуального права – нормативное международно-правовое взаимодействие судебных органов.

Впервые на уровне докторской диссертации проведено исследование права Европейского Союза и права Совета Европы, регулирующего вопросы взаимодействия судебных органов на европейском пространстве; вторичного права ЕС, имеющего первостепенное значение в организации взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС; дан анализ судебной практики как национальных, так и международных региональных судебных органов, а также документов, лежащих в основе взаимоотношений между судебными органами государств и международными региональными судебными органами; изучены внутреннее право государств – членов Совета Европы и Европейского Союза, научная доктрина международного права в аспекте поставленных в диссертации проблем.

Положения, выносимые на защиту:

На современном этапе международных отношений увеличивается потребность в согласованной деятельности государств по защите интересов личности, общества, государства, международного сообщества от транснациональных преступных посягательств, а также по обеспечению законных прав и интересов граждан и юридических лиц и содействию эффективному отправлению правосудия. Анализ взаимоотношений между национальными судебными органами различных государств, а также отношений национальных судов с международными судебными органами позволил определить основные факторы, способствующие расширению взаимодействия судебных органов в Европе. К ним относится юридическая глобализация, наиболее полно осуществляемая в области основных прав и свобод человека, которая сопровождается процессом «нормативной инфляции», порождающей потребность не только гармонизации законодательства, но и диалога судебных органов, а также увеличения их роли в обеспечении основных прав и свобод.

Следующим фактором является «юридическая регионализация», которая в Европе имеет свои особенности, выражающаяся в большей степени интегрированности государств и субъектов национальных правовых систем, более сложным характером и структурой отношений между европейскими государствами. Европа характеризуется наличием нескольких международных региональных организаций с близкой, или даже пересекающейся компетенцией (Совет Европы, Европейский Союз, ОБСЕ и др.), а также появлением нескольких европейских судебных органов, что порождает конкуренцию международных юрисдикций. Правовая интеграция в форме гармонизации законодательства европейских государств, ведущая в ряде случаев (ЕС) к интеграции их правопорядков, рассматривается как юридический феномен, способствующий взаимодействию судебных органов в Европе.

Формирование и развитие интеграционного правопорядка в ЕС, характеризуемого своеобразными принципами его взаимоотношений с национальными правовыми системами его государств-членов (прямое действие норм права ЕС, верховенства права ЕС, обязательство применять право ЕС внутригосударственными ор-

ганами государств – членов ЕС), привело к усилению взаимодействия судебных органов в ЕС.

Развитие механизма контроля за соблюдением ЕКПЧ в Совете Европы усилило роль данного судебного органа и его влияние на практику применения ЕКПЧ в государствах – участниках конвенции. Это обстоятельство также способствует расширению взаимодействия (информационного и иного) между судами европейских государств. Объективно уже само существование судебной системы ЕС (Суд ЕС) и ЕСПЧ представляется необходимым условием становления и развития взаимодействия судебных органов в Европе на различных уровнях (между судами различных государств и европейскими судами межгосударственного характера). Таким образом, объективные предпосылки взаимодействия судебных органов в Европе сформировались в результате взаимодействия международных процессов (юридическая глобализация, регионализация и интеграция) и формирования необходимых правовых (интеграционные правовые порядки) и институциональных (контрольные конвенционные механизмы и судебные органы международных региональных организаций) условий.

С учетом изложенного и исходя из объективного характера интеграционных процессов в Европе, можно прогнозировать дальнейшую диверсификацию форм и методов взаимодействия судов на европейском пространстве.

Международно-правовой статус региональных судебных органов характеризуется рядом институционно-правовых особенностей, позволяющих им оказывать влияние на судебное правоприменение в национальных правовых системах и, соответственно, способствовать судебному взаимодействию в Европе. К таковым можно отнести следующие.

Судебные органы европейских организаций имеют международно-правовую основу либо в форме учредительных актов указанных международных организаций (учредительные договоры ЕС), либо в форме отдельных международных договоров государств – членов европейской международной организации (Суд ЕАСТ, ЕСПЧ, Суд Бенилюкса). В ряде случаев государства – члены европейских международных организаций заключают дополнительно особые международные договоры (протоколы к учредительным актам) о статусе и полномочиях соответствующим

щих судов (статуты или уставы). Наличие договорной основы у судебных органов европейских региональных организаций позволяет обеспечить юридически значимый признак – постоянный характер их деятельности, придающий завершенность правовым системам указанных международных организаций.

Среди важнейших принципов деятельности европейских региональных судебных органов можно выделить обязательный характер их юрисдикции, определенность компетенции каждого регионального судебного органа, не исключающие в ряде случаев ее конкуренцию; независимость европейских судебных органов (институциональную, независимость состава судебных коллегий, несовместимость судебного мандата с другими видами деятельности, установление иммунитета от уголовного преследования, права регламентации собственной деятельности); обязательный характер принимаемых европейскими региональными судами решений, которые в ряде случаев формируют их судебную практику, имеющую прецедентный характер (как минимум де-факто).

Выявлено три вида взаимодействия судебных органов в Европе: классическое международное сотрудничество в сфере правосудия; углубленное взаимодействие судебных органов различных государств; взаимодействие на основе принципа «взаимного признания судебных решений».

Классическое международное сотрудничество государств в сфере правосудия осуществляется посредством взаимодействия национальных органов исполнительной власти (органы юстиции, ведомства иностранных дел). Оно, как правило, осуществляется на основе международных договоров о правовой помощи, в которых обязательства возлагаются на государства, а не непосредственно на судебные органы. Данный вид характерен для сотрудничества государств – членов Совета Европы в сфере правосудия, а также для взаимоотношений Суда ЕАСТ и Суда Бенилюкса.

Второй вид – углубленное взаимодействие государств, в процессе которого отношения в правовой сфере выстраиваются непосредственно между национальными судами. Такое взаимодействие исключает посредничество органов исполнительной власти интегрирующихся стран. Данный вид взаимодействия можно наблюдать в ЕС как между судами государств – членов ЕС, так и между национальными судами и Судом ЕС. Междуна-

родно-правовой основой такого взаимодействия являются акты институтов ЕС, принятие которых предусмотрено учредительными договорами Европейского Союза. Formой подобного взаимодействия является Европейская сеть контактных пунктов в сфере правосудия, представляющая собой достаточно гибкое средство поддержания связей судебных органов государств – членов ЕС.

Третий вид взаимодействия судебных органов получает выражение в принципе «взаимного признания судебных решений», который выступает одной из основополагающих норм строительства пространства правосудия ЕС – так называемого «европейского пространства правосудия». Данный вид взаимодействия судебных органов является уже менее значимым, так как взаимное признание судебных решений предполагает, что суды одного правопорядка в определенной мере являются судами другого правопорядка, с которым устанавливается взаимодействие в сфере правосудия. Международно-правовой основой данного вида взаимодействия выступает доктрина европейского права, получившая выражение в актах «мягкого права» ЕС, и акты вторичного права ЕС (Рамочное решение, касающееся Европейского ордера на арест; Рамочное решение, касающееся ордера на выдачу доказательств и др.), имеющие юридически обязательный характер.

Выявленные разновидности взаимодействия судебных органов позволяют утверждать о незавершенности формирования в настоящее время как европейского пространства правосудия (в рамках ЕС), так и общеевропейского пространства правосудия, которое в работе определено как формирование правовых основ для взаимодействия между международными региональными судами, действующими на общеевропейском пространстве (Судом ЕС, Судом Бенилюкса, Судом ЕАСТ и ЕСПЧ), их взаимодействия с национальными судами государств – членов этих региональных образований с учетом соблюдения права Совета Европы, и в первую очередь Европейской конвенции по правам человека.

Обоснован вывод о том, что строительство общеевропейского пространства правосудия осуществляется посредством двухуровневого взаимодействия судебных органов различных правопорядков: «вертикального» и «горизонтального» взаимодействия. На «вертикальном» уровне взаимодействие реализуется между

региональными судами (Судом ЕС, ЕСПЧ и т.д.) и национальными судами государств. На «горизонтальном» уровне отношения складываются между национальными судами стран ЕС, а также между региональными судами (между Судом ЕС и ЕСПЧ).

При этом для отношений судебных органов как «вертикального», так и «горизонтального» уровней в рамках ЕС характерным является применение механизмов прямого взаимодействия (преюдициальный запрос, европейский исполнительный лист, европейское распоряжение об уплате, принцип взаимного признания судебных решений и т.д.), предусмотренных либо учредительными актами ЕС, либо актами вторичного права ЕС. В отличие от права ЕС, взаимодействие национальных судов государств – членов Совета Европы с ЕСПЧ выстраивается в отсутствие таких механизмов прямого действия.

В Совете Европы влияние судебной практики и постановлений ЕСПЧ на решения и судебную практику судов государств – членов Совета Европы осуществляется на основе принципа приоритета применения международного права по отношению к национальному праву, а также на основе обязательной юрисдикции Европейского суда по правам человека и обязательной юридической силе его постановлений, закрепленных в ЕКПЧ и в национальном законодательстве государств – членов. В результате такие отношения предложено квалифицировать как опосредованное взаимодействие национальных судебных органов с ЕСПЧ.

Аргументировано положение о том, что характер международноправового взаимодействия судебных органов (слабо или сильно интегрированный) зависит либо от уровня интеграции национальных правопорядков государств-членов и их судов, либо от наличия или отсутствия специальных процессуальных механизмов обеспечения единства правоприменения в правопорядке такой региональной организации (например, в рамках региональной организации (ЕС) механизм преюдициального производства в Суде ЕС). Так, например, отношения национальных судов государств – членов ЕС, а также их отношения с Судом ЕС характеризуются более высоким уровнем интегрированности. Объясняется это тем, что правовые системы государств – членов ЕС на современном этапе развития отличает высокий уровень гармонизации между собой и высокую степень интеграции с правопоряд-

ком ЕС. В ЕС функционируют специальные судопроизводственные механизмы взаимодействия между судебными органами, которые регулируют отношения как между судами государств – членов ЕС (нормы вторичного права ЕС регулируют сотрудничество судов по уголовным и гражданским делам), так и между судами государств – членов ЕС и судебными органами ЕС (производство по преюдициальным запросам).

Взаимодействие между судами на европейском пространстве, отличающееся наиболее высокой степенью интегрированности, основано на праве ЕС и установленных принципах формирования пространства правосудия

ЕС, среди которых выделяется в качестве определяющего принцип взаимодействия судов различных государств – членов ЕС в виде взаимного признания судебных решений. Анализ современного уровня взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС, построенного на основе принципа взаимного признания судебных решений, позволил сделать вывод о существовании глубоко интегрированных связей в сфере правосудия между судами государств – членов ЕС, которые определены в работе как международно-правовая основа формирования «европейского пространства правосудия ЕС».

Выявлено, что для разновидности углубленного взаимодействия между национальными судебными органами характерно заимствование отдельных элементов и механизмов регулирования отношений, которые ранее были присущи судебным системам отдельно взятых национальных правопорядков. Примером такого заимствования является производство Суда ЕС по преюдициальным запросам, направляемым Суду ЕС любым судом государств – членов ЕС. Изначально адаптированное для взаимодействия национального органа конституционной юстиции с судами общей юрисдикции отдельно взятого правопорядка данное производство с успехом было применено к отношениям судебных органов государств – членов ЕС и Суда ЕС в рамках единого интеграционного правопорядка ЕС.

Данное заимствование обусловлено тем, что взаимодействие судебных органов отдельных государств также характеризуется большей (например, между судами нижней и кассационной инстанций) или меньшей (например, между конституционными су-

дами и судами общей юрисдикции, а также между последними и специализированными судебными органами) степенью иерархичности.

Проведенный анализ особенностей функции преюдициального производства в Суде ЕС позволяет сделать вывод, что подобное заимствование национально-правовых процессуальных механизмов, основанное на положениях международного договора, не меняет принципиального характера складывающихся отношений между Судом ЕС и национальными судами государств-членов. Суд ЕС не становится в силу этого общим конституционным судом Союза, а организация отношений между этим судом и национальными судами государств – членов ЕС посредством преюдициального производства не приводит к формированию единой судебной системы Союза, включающей национальные суды и Суд ЕС. Движение в этом направлении станет возможным лишь в результате параллельного заключения соответствующего международного договора с осуществлением конституционных реформ во всех государствах – членах ЕС.

Обоснован вывод о том, что взаимодействие между региональными и национальными судами, реализуемое в отсутствие специальных судопроизводственных механизмов, осуществляется исключительно посредством влияния судебной практики региональных судов на национальную судебную практику. Такие отношения, основанные на приоритете регионального правопорядка над национальными правопорядками государств-членов, поддерживаются обязательной в отношении национальных органов правосудия силой решений региональных судов. Они складываются в международных региональных организациях (например, в Совете Европы). Кроме того, рассматриваемые отношения являются наименее интегрированными, что также обусловлено отсутствием во взаимодействии региональных и национальных судов классических судопроизводственных механизмов подчинения нижестоящих судов вышестоящим, характерных для отношений в рамках национальных судебных систем (кассация, апелляция, надзор и т.п.).

С учетом того, что механизм одностороннего влияния судебной практики регионального суда (ЕКПЧ) не урегулирован в достаточной мере ни международно-правовыми нормами, ни нор-

мами национального законодательства, в практике некоторых национальных судов иногда наблюдается нежелание добровольно соблюдать принятые международные обязательства, придерживаться судебной практики регионального суда, что в ряде случаев усугубляется наличием «пересекающихся» юрисдикций европейских региональных судебных органов. Урегулирование подобных ситуаций предлагается путем использования международно-правовых средств.

Аргументировано положение о юридической природе взаимодействия национальных судов государств – членов Совета Европы и Европейского Союза и международных региональных судебных органов (Судом ЕС и Европейским судом по правам человека). Данный тип взаимодействия судебных органов, с одной стороны, не может быть отнесен к отношениям международной иерархии, так как они действуют в различных правопорядках (международных региональных и национальных). С другой стороны, юридическая обязательность решений региональных судов для национальных судов, имеющая в ряде случаев императивный характер, придает этому взаимодействию «квазиерархичный» характер, отличный от традиционной концепции «координационной природы» международных организаций и их органов.

Нельзя согласиться с мнением, высказанным в зарубежной науке международного права, в соответствии с которым отношения между национальными и международными региональными судами строятся на основе диалога или равноправного взаимного отношения. Такая позиция, обосновываемая отсутствием санкций за несоблюдение национальными органами (в том числе и судами) обязательной силы решений международного регионального суда, а также отсутствием других механизмов принуждения судов государств-членов, аналогичных тем, которые существуют в рамках судебных систем отдельно взятого правопорядка (апелляция, кассация, надзор и т.п.), представляется ошибочной.

Принимая во внимание сложившийся порядок в отношениях судов двух уровней (национальных и региональных), согласно которому в них отсутствует системность классических судопроизводственных механизмов подчинения нижестоящих судов вышестоящим (верховным), предлагается определить их в качестве взаимодействия судов, связанных между собой установленными

в международно-правовом порядке принципами распределения компетенции по согласованным вопросам.

Проанализированы перспективы развития отношений между судебными органами Европейского Союза и Совета Европы (Суда ЕС и Европейского суда по правам человека), характер которых изменится в результате возможного присоединения Европейского Союза к Европейской конвенции о защите прав человека. В настоящее время, ввиду неприсоединения ЕС к Европейской конвенции, несмотря на положения Договора о Европейском Союзе и Хартии Европейского Союза об основных правах, судебные органы Европейского Союза литерально обязаны соблюдать положения ЕКПЧ, но не судебную практику и решения Европейского суда по правам человека. Иначе говоря, в настоящее время отношения между Судом ЕС и ЕСПЧ можно квалифицировать как отношения международных судов, один из которых признал приоритет компетенции другого суда (ЕСПЧ), несмотря на отсутствие полноценного юридического обязательства Суда ЕС применять решения и судебную практику Европейского суда по правам человека.

Обоснован вывод о том, что в случае присоединения ЕС к ЕКПЧ Суд ЕС по отношению к Конвенции и ЕСПЧ окажется в положении, аналогичном ситуации суда одного из государств – членов ЕС, в связи с чем отношения между Судом ЕС и ЕСПЧ будут идентичны отношениям, существующим между судами государств – членов Совета Европы и Европейским судом по правам человека. Иными словами, без формального изменения своего правового статуса Суд ЕС исключит из своего ведения вопросы, входящие в компетенцию ЕСПЧ.

В перспективе развитие отношений между судами на европейском пространстве приведет ко все более сложносоставной системе, что может отрицательно сказаться на положении лиц, участвующих в судебных разбирательствах. В частности, развитие взаимоотношений европейских судов как многоуровневой системы, окончательно выстроенной в случае присоединения ЕС к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, будет состоять из следующих звеньев: классических судебных систем государств – членов ЕС; Суда ЕС, который является единственным судебным органом интеграционного правопорядка по отно-

шению к судебным системам государств – членов ЕС; последний, в свою очередь, в случае присоединения ЕС к Европейской конвенции будет признавать юрисдикцию Европейского суда по правам человека, который, соответственно, будет обладать исключительной юрисдикцией толкования ЕКПЧ, решения которого будут обязательными как для судебных органов государств – членов ЕС (и государств – членов Совета Европы), так и для Суда Европейского Союза.

Такая система предполагает возможное существование как минимум пяти инстанций: трех в рамках судебной системы государства – члена ЕС (первая инстанция, апелляция, кассация) и двух – на международном региональном уровне, в рамках судебной системы ЕС и Европейского суда по правам человека. Представляется, что увеличение количества судебных гарантий прав граждан ЕС отрицательно отразится на их качестве, поскольку процессы, состоящие из большого количества (национальных и международных региональных) судебных инстанций, приведут к длительному разбирательству.

Обоснован феномен «мультиполярности» международно-правовых отношений судебных органов, который создает сложности в деятельности и функционировании как отдельных судов, так и судебных систем различных европейских правопорядков в целом.

Довольно сложным остается вопрос использования судебной практики региональных судебных органов в деятельности судов европейских государств: судебная практика европейских региональных судебных органов часто либо игнорируется последними, либо не учитывается ими в связи с недостатком информации. Данный феномен можно наблюдать в отношении судов государств – членов Совета Европы, которые в некоторых случаях не соблюдают обязательства, установленные судебной практикой Европейского суда по правам человека.

Кроме того, противоречия в судебной практике международных региональных судебных органов и высших судебных органов отдельных государств создают объективные сложности для нижестоящих судов, так как последним приходится соблюдать решения как вышестоящих судебных органов, так и международных региональных судов, которые нередко противоречат друг

другу. В частности в отношении судов государств – членов ЕС, которые одновременно участвуют в Совете Европы, неоднократно отмечалась проблематичность соблюдения судами этих государств судебной практики двух европейских судебных органов, которая зачастую в отношении определенных вопросов бывает противоречивой.

В связи с этим делается вывод о необходимости упорядочения процедур согласования правовых позиций европейских судебных органов путем разработки и принятия международно-правовых актов между европейскими организациями и их государствами – членами.

Анализ международно-правовых норм, доктрины и практики взаимодействия судебных органов в Европе позволяет сделать вывод, что в науке международного права в рамках формирующейся отрасли по изучению институтов международного правосудия складывается самостоятельное направление исследования международно-правовых основ взаимодействия судов в отдельных регионах.

Защиты кандидатских диссертаций

Водянов Андрей Викторович

**Международно-правовое регулирование деятельности
Интерпола по противодействию легализации доходов,
полученных преступным путем**

Дата защиты – 10 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»
Научный руководитель	Каламкарян Рубен Амаякович
Оппоненты	Белый Игорь Юрьевич, Андреев Андрей Федорович
Ведущая	ФГБОУ ВПО «Московский государственный

организация	институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Место защиты	Диссертационный совет Д 203.019.01 при ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»

Научная новизна исследования выражается в представлении целостного по своему содержанию исследования правовых основ и практики деятельности Интерпола как международной организации по противодействию легализации преступных доходов. Новаторский характер проведенной работы определяется, в том числе, проведенным автором теоретическим исследованием проблематики преступлений международного характера с отражением современных тенденций международной организованной преступности и раскрытием сущности и содержания легализации преступных доходов как преступления международного характера.

Автором определено, что международное полицейское сотрудничество посредством каналов Интерпола представляет собой основополагающий фактор эффективного противодействия легализации преступных доходов. Исследование международно-правовых основ и практических аспектов деятельности Интерпола как международной организации, а также юридических механизмов международного сотрудничества по каналам Интерпола по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, позволило автору прийти к новым научно аргументированным заключениям в части констатации эффективности имеющихся механизмов Интерпола и выявлению направлений их дальнейшего развития.

Академический инновационный характер диссертационной работы определен объединением в рамках настоящего исследования тематики межгосударственного взаимодействия по линии правоохранительной деятельности и проблематики роли Интерпола в области обеспечения законности и правопорядка. Общий концептуальный посыл проявляет себя в констатации включенности Интерпола в общемировой правоохранительный процесс

посредством предоставления правоохранительным органам государств-членов юридически оформленного механизма в целях противодействия легализации преступных доходов и установление международно-правовой вовлеченности Российской Федерации в формат универсальной системы международной безопасности.

Научную новизну диссертации отражают следующие положения, выносимые на защиту:

Несмотря на наличие ряда различий в части имплементации в национальное законодательство государств положений о порядке осуществления контроля за операциями, связанными с легализацией преступных доходов, это не является препятствием для международного сотрудничества государств в данной сфере по причине функционирования в каждом из рассматриваемых государств сложившейся системы противодействия легализации преступных доходов.

Автором установлено, что, несмотря на широкие возможности использования механизмов Интерпола при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с легализацией преступных доходов, основными эффективными формами международного полицейского сотрудничества в этой сфере, являются проведение проверок юридических и физических лиц, обмен оперативной информацией, а также организация международного розыска обвиняемых и осужденных.

Определено, что основной особенностью международного полицейского сотрудничества в сфере противодействия легализации преступных доходов, являются трудности с получением информации, необходимой для возбуждения уголовного дела на территории Российской Федерации от зарубежных правоохранительных органов, в связи с тем, что предоставление такой информации осуществляется на основе международных запросов о правовой помощи в рамках уже возбужденного уголовного дела.

Решением проблемы получения от зарубежных правоохранительных органов информации, необходимой для возбуждения уголовного дела на территории Российской Федерации, может стать формирование под эгидой Интерпола и закрепление в международно-правовых соглашениях перечня сведений о физических и юридических лицах, имуществе и финансовых операциях,

предоставление которых будет являться обязательным по запросам по каналам Интерпола.

Научно доказано и установлено, что особенность международного сотрудничества ООН и Интерпола в сфере противодействия легализации преступных доходов заключается в том, что оно осуществляется на правовой платформе противодействия финансированию терроризма. Формами такого сотрудничества являются издание совместных уведомлений касательно организаций и лиц, связанных с террористической деятельностью и формирование списка таких лиц в целях выявления и блокирования финансовых потоков с ними связанных.

В целях повышения эффективности сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств-членов Интерпола автором сделан вывод о необходимости проведения следующих организационно-правовых мероприятий в Российской Федерации:

- организация взаимодействия НЦБ Интерпола МВД России с Федеральной службой по финансовому мониторингу по проведению регулярного анали-

- за информационных массивов Интерпола с целью выявления как конкретных фактов, имеющих признаки легализации преступных доходов, так и тенденций совершения данного вида преступлений;

- повышение координирующей роли НЦБ Интерпола МВД России при осуществлении международного полицейского сотрудничества в процессе раскрытия и расследования преступлений легализации преступных доходов;

- формирование информационной системы для правоохранительных органов Российской Федерации, содержащей сведения об объеме и порядке представления информации компетентными органами государств-членов Интерпола, положительном опыте международного сотрудничества по такого рода делам, и предоставление доступа к ней заинтересованным подразделениям.

Совершенствование действующего законодательства Российской Федерации регулирующего международное полицейское сотрудничество по каналам Интерпола в сфере противодействия легализации преступных доходов должно осуществляться по

направлению дополнения Межведомственной инструкции¹ следующими положениями:

«Информация о наличии недвижимости и иной собственности за рубежом у лиц, являющихся фигурантами дел оперативного учета, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, если известно предполагаемое местонахождение (место регистрации) объектов собственности (страна, регион, населенный пункт и т.д.), а также об отдельных вопросах финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц (выполнение контрактов, финансовое положение и т.д.), копиях финансово-хозяйственных и других коммерческих документов, может быть предоставлена посредством направления запроса по каналам Интерпола в случаях и порядке, предусмотренном Правилами обработки информации Интерпола и законодательством государств-членов Интерпола. В случае если в рамках запроса по каналам Интерпола запрашивается информация, составляющая банковскую тайну согласно законодательства запрашиваемого государства-члена Интерпола, решение о его предоставлении определяется компетентными органами такого государства в строгом соответствии с действующими нормами международного права»;

«Уведомления с «фиолетовым углом» (Purple Notice) издаются в целях широкого распространения информации и предупреждения правоохранительных органов государств-членов Интерпола о новых способах совершения преступлений, предметах и методах сокрытия преступлений, а также получения информации о совершении аналогичных преступлений за рубежом»;

«Информационный обмен между НЦБ Интерпола МВД России и Федеральной службой по финансовому мониторингу осуществляется в строгом соответствии с действующим законодательством Российской Федерации посредством проведения совместных мероприятий по систематизированию информационных массивов и выявлению общих тенденций, характеристик, способов и особенностей совершения преступлений, связанных с лега-

¹ 1 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971 «Об утверждении Инструкции об организации информационного сотрудничества по линии Интерпола» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». ВерсияПроф [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – послед.обновление 25.12.2012.

лизацией преступных доходов, а также выявлению криминальных связей между физическими и юридическими лицами и разработке рекомендаций по повышению эффективности использования информационных массивов НЦБ Интерпола МВД России».

Завгородний Вячеслав Станиславович
Контрольный механизм Американской конвенции по правам человека

Дата защиты – 6 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
Научный руководитель	Алисиевич Екатерина Сергеевна
Оппоненты	Николаев Андрей Михайлович, Бурков Антон Леонидович
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» Диссертационный совет Д 212.203.36 при
Место защиты	ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что в отечественной доктрине международного права прав человека проведен всеобъемлющий системный анализ организации и деятельности контрольного механизма Американской конвенции 1969 г. с учетом его специфических особенностей и в контексте последних достижений концептуально-прикладного характера Межамериканской системы защиты прав человека.

Новизна исследования выражается в изучении генезиса процесса формирования контрольного механизма Американской конвенции 1969 г. и комплексном изучении исторических, институциональных, политических, экономических, социальных, культурных и иных факторов, предопределивших специфические черты контрольного механизма Американской конвенции 1969 г.

Научная новизна заключается в представлении общерегионального механизма защиты прав человека как единого целого, состоящего из двух относительно самостоятельных, но тесно связанных друг с другом структур административного и судебного характера, деятельность которых направлена на достижение общей правозащитной цели в регионе.

Новизна исследования также заключается в комплексном анализе результатов реформы, направленной на укрепление Межамериканской системы защиты прав человека, с целью выявления недостатков и перспектив ее развития.

Автором выявлены причины неэффективности деятельности Комиссии по рассмотрению индивидуальных жалоб, имеющие системный характер, что также является новым моментом в доктрине международного права прав человека.

Научная новизна заключается также в выявлении особенностей визитов «in loco», в комплексном анализе специфики их процедуры и в определении их роли в деятельности Комиссии.

Новизна проявляется и в выявлении и анализе правовых позиций контрольного механизма Американской конвенции по правам человека и тех категорий дел, которые в наибольшей степени оказывают влияние на национальное право и судебную практику американских государств.

В российскую международно-правовую доктрину введены и проанализированы новые международно-правовые источники, в том числе Межамериканская конвенция о ликвидации расизма, расовой дискриминации и связанной с ней нетерпимостью 2013 г. и Межамериканская конвенция о ликвидации всех форм дискриминации и нетерпимости 2013 г.

Положения, выносимые на защиту. По результатам проведенного диссертационного исследования автор выносит на защиту следующие основные положения:

Предложена авторская периодизация процесса развития сотрудничества государств Северной и Южной Америки в области прав человека, состоящая из четырех этапов: 1) 1826-1889 гг.; 2) 1889-1948 гг.; 3) 1948-1969 гг.; 4) 1969 г. – по н.в.), выделение каждого из которых обосновывается принятием международного правового акта по правам человека, ознаменовавшего переход сотрудничества государств на новый прогрессивный уровень разви-

тия в данной сфере, что позволяет показать специфику Межамериканской системы защиты прав человека, predeterminedенную историческими, политическими, экономическими, социальными, культурными, организационными и иными факторами.

Выявлены основные причины, обусловившие тенденцию снижения эффективности Межамериканской комиссии по правам человека применительно к индивидуальным жалобам. Среди них – несоответствие количества ежегодных сессий Комиссии числу поступающих на рассмотрение жалоб на фоне постоянного роста обращений; длительность рассмотрения дел Комиссией; несоответствие количества специальных процедур уровню финансового и кадрового обеспечения Комиссии; несовершенные правила процедуры Комиссии, касающиеся организационной структуры и деятельности Комиссии.

Научно обоснована необходимость реформирования Межамериканской комиссии и предложены следующие меры для повышения эффективности ее работы:

а) ограничение права Межамериканской комиссии по правам человека, связанного с рассмотрением индивидуальных жалоб, полномочием осуществлять первичную обработку обращений и решать вопрос относительно их приемлемости с целью сокращения срока рассмотрения индивидуальных жалоб;

б) установление четких критериев и процедуры определения приоритетных (первоочередных) дел с целью отбора из поступающих жалоб тех, которые затрагивают структурные и системные проблемы с правами человека в государствах-членах ОАГ. Предлагается уже признанные приемлемыми жалобы разделить на две категории:

жалобы, в которых затрагиваются однотипные вопросы и по которым Комиссия уже высказала свою позицию и неоднократно повторила ее в последующих решениях;

жалобы, в которых затрагиваются новые аспекты защиты прав человека, по которым Комиссия еще не высказала свою позицию.

Дела второй категории предлагается рассматривать на пленарном заседании Комиссии, а по делам, входящим в первую категорию дел, предлагается упростить процедуру и рассматривать их в составе трех членов Комиссии. Предложенные меры предпо-

лагают реструктуризацию Секретариата Межамериканской комиссии и создание группы экспертов по тематическим направлениям.

Выявлена косвенная поддержка контрольного механизма Американской конвенции по правам человека, который, основываясь на обстоятельствах, изложенных в конкретной жалобе, выявляет те нарушения прав человека, на которые сам заявитель не ссылается. Такая практика основывается на принципе *jura novit curia* и, по мнению автора диссертационного исследования, эту практику следует рассматривать как правомерную в связи с отсутствием каких-либо возражений со стороны государств.

Выявлены организационные и процедурные механизмы, определяющие высокую эффективность специальных процедур Межамериканской комиссии по вопросам мониторинга ситуаций с правами человека, и дана адекватная оценка роли процедуры поездок на места (визиты «in loco»/«on-site») в этом процессе.

Показан незавершенный характер реформы контрольного механизма Американской конвенции 2011-2013 гг., именуемый «Процесс укрепления Межамериканской системы защиты прав человека», который подтверждается, прежде всего, тем, что не произошло комплексной реорганизации работы контрольного механизма Американской конвенции по правам человека 1969 г., а также фрагментарностью мер, предпринятых для повышения эффективности Комиссии. Автором научно обоснована необходимость процесса реформирования Межамериканской комиссии по правам человека с целью достижения всех поставленных прежних целей реформы.

Выявлен прогрессивный характер правовых позиций Межамериканского суда по правам человека, сформулированных в его консультативных заключениях и решениях, в особенности по защите прав коренных народов и вопросах амнистии, который предопределил их высокую степень восприятия со стороны национальных судебных органов.

Теймуров Эльвин Сахават оглы
Международно-правовое регулирование рационального
использования пресной воды
Дата защиты – 13 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Бекашев Камиль Абдулович
Оппоненты	Валеев Револь Миргалимович, Боклан Дарья Сергеевна
Ведущая организация	ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» Диссертационный совет Д 212.123.02 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Место защиты	юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно представляет собой комплексное исследование вопросов международно-правового регулирования рационального использования пресной воды.

В работе всесторонне исследовано нормативное содержание права на воду, определено его место в системе прав человека и раскрыта роль международного права прав человека в регулировании рационального использования пресной воды. Выявлена взаимосвязь международного права прав человека и международного экологического права в области рационального использования и охраны пресной воды.

На основе рассмотрения международных договоров, международной и национальной правоприменительной практики сформулированы рекомендации и предложения, направленные на выработку действенных путей совершенствования рационального использования пресной воды.

По результатам исследования на защиту выносятся следующие положения:

Пресная вода – это природный ресурс, отношения по управлению, использованию и охране которого регулируются нормами международного экологического права. В большинстве случаев пресная вода как составная часть трансграничных водных источников выступает объектом отношений по их управлению, использованию и охране, урегулированных нормами международного экологического права, в то же время она может выступать в качестве самостоятельного объекта международных экологических правоотношений. В настоящее время эколого-правовые механизмы рационального использования ресурсов пресной воды дополняются инструментарием международного права прав человека – наблюдается тенденция к признанию в качестве одного из основных прав человека права на воду. В результате чего в международном праве пресная вода выступает в двух тесно взаимосвязанных качествах: как объект международных экологических правоотношений и как ресурс, без которого невозможно обеспечение и осуществление жизнедеятельности человека.

Анализ международно-правовых договоров в области рационального использования и охраны пресной воды с начала XX столетия свидетельствует о расширении объекта правового регулирования. Если объектом регулирования международно-правовых норм начала XX столетия выступали отношения по промышленному и сельскохозяйственному использованию международных водотоков, с установлением приоритета использования водотоков для целей судоходства над промышленным и сельскохозяйственным водопользованием, то международно-правовые нормы середины столетия оставляли вопрос о приоритете видов использования на усмотрение прибрежных государств. А с 60-70-х годов XX

в. началось международно-правовое регулирование вопросов использования водных ресурсов трансграничных водных объектов для удовлетворения потребностей людей в питьевой воде, санитарии или для иного жизнеобеспечения человека. При этом в настоящее время исследование договорной базы сотрудничества и норм мягкого права в данной сфере позволяет сделать вывод о приоритете использования ресурсов пресной воды для удовлетворения насущных потребностей человека, т.е. питьевых и в производстве продовольствия, перед иными видами водопользо-

вания, следствием чего является появление тенденции к внедрению норм о правах человека в механизмы рационального использования пресной воды.

Международно-правовое регулирование использования и охраны ресурсов пресной воды базируется на четырех принципах: суверенитета государств на свои части трансграничных водных объектов; справедливого и разумного использования; ненанесения значительного ущерба; сотрудничества. Указанные принципы использования и охраны пресных вод не обладают иерархией, не вступают в противоречия между собой, гармонично дополняют друг друга и, в конечном счете, направлены на достижение единых целей – установление равенства государств при использовании ресурсов пресной воды, максимизацию благ от их использования и минимизацию экологических, экономических и иных потерь.

Право на воду является производным и служит необходимым условием реализации иных прав человека – права на жизнь; на наивысший достижимый уровень здоровья; на достаточный жизненный уровень; на человеческое достоинство; права на социальную защиту; на продовольственную безопасность; права на развитие и др. Выделение права на воду в качестве самостоятельного права способно затруднить его имплементацию, приведет к ограничению определенной эффективности реализации иных прав, закрепленных в действующих международных договорах, а также к правовой неопределенности в системе прав человека.

Анализ норм международных договоров и доктринальных положений позволяет утверждать, что нормативное содержание права человека на воду сводится к возможности индивида требовать от государства и иных лиц:

обеспечения ежедневно для удовлетворения своих повседневных потребностей не менее 20 литрами питьевой воды;

предоставления безвредной, приемлемой по цвету, запаху и вкусу пресной воды;

обеспечения доступности пресной воды в экономическом и физическом плане, т.е. не более чем в одном километре от домоладения и из безопасных источников снабжения.

При этом на государства возлагаются корреспондирующие данному праву обязанности по созданию максимально благопри-

ятных условий получения воды для личных целей, а также по невмешательству и предотвращению подобных действий со стороны третьих лиц в процесс осуществления данного права индивидами путем принятия законодательных, административных, технических, экономических и иных мер, в том числе учреждению эффективных механизмов его защиты в случае нарушений.

Глобальное, региональное и локальное регулирование использования и охраны ресурсов пресной воды базируются на международно-правовой концепции устойчивого развития, которую следует воплощать на практике, прежде всего, через интегрированный подход к управлению водными ресурсами (далее – ИУВР). ИУВР характеризуется следующим:

изменение подхода к управлению подземными водами и учет природных особенностей при регулировании отношений по их использованию и охране, принятие во внимание естественной взаимосвязи водных ресурсов с иными компонентами окружающей среды;

активное вовлечение частных лиц в процессы управления в сфере отношений по использованию и охране пресной воды;

принятие во внимание интересов особо уязвимых групп населения – коренные народы, женщины, дети и старики, лица с ограниченными возможностями, заключенные и находящиеся под стражей.

Анализ практики международных судебных учреждений по рациональному использованию пресной воды позволяет определить в качестве наиболее значимой проблемы международно-правового регулирования соотношение принципов использования трансграничных водных объектов и возможности одностороннего использования государством трансграничных водных объектов. В связи с чем предлагается закрепить в международных договорах норму о возможности использования трансграничных водных объектов в одностороннем порядке при должном учете интересов других разделяющих их государств.

Судебная практика свидетельствует о возможности международно-правового регулирования как односторонней, так и совместной деятельности государств относительно извлечения благ и охраны трансграничных ресурсов пресной воды. При этом принципы суверенитета государств на часть трансграничного

водного объекта, справедливого и разумного использования, нанесения значительного ущерба и сотрудничества характеризуются целевым единством и взаимодействием в установлении правового режима трансграничных ресурсов пресной воды.

Среди универсальных судебных учреждений только в практике Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС) имели место споры, связанные с необходимостью учета норм о правах человека при определении рационального использования пресной воды. Данная практика свидетельствует о растущем воздействии норм о правах человека по вопросам управления ресурсами пресной воды и в то же время отражает недостаточную проработанность содержания обязательств государств по обеспечению населения питьевой водой и их соотношения с другими международными обязательствами.

Исследование практики региональных и национальных механизмов защиты прав человека в обеспечении рационального использования пресной воды свидетельствует об экологизации содержания основных прав и свобод индивида. Несмотря на то, что ни один из региональных международных договоров по защите прав и свобод человека прямо не закрепляет право на воду, учрежденные региональные и национальные механизмы защиты осуществляют его охрану путем расширительного толкования, выведения его из содержания следующих прав и свобод человека: право на жизнь; право на здоровье; свобода от пыток; право на человеческое достоинство; право на удовлетворительную окружающую среду; право на частную и семейную жизнь; право на жилище; право на справедливое судебное разбирательство.

Клюня Алесь Юрьевич

Ответственность за нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм международного права

Дата защиты – 20 апреля 2016 г.

Место
выполнения
работы

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов»

Научный руководитель	Солнцев Александр Михайлович
Оппоненты	Толстых Владислав Леонидович, Кожеуров Ярослав Сергеевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» Диссертационный совет Д 212.203.36 при
Место защиты	ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научная новизна диссертационного исследования. В результате проведенного комплексного анализа правоприменительной практики в части ответственности государств и международных межправительственных организаций за международно-противоправные деяния автором диссертационного исследования определены основные направления и перспективы дальнейшего развития института ответственности в международном праве.

В целях уточнения правовой природы и характерных черт императивных норм международного права (*jus cogens*) автором диссертации комплексно проанализированы подготовительные материалы Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г. и доктринальные подходы в этом отношении.

Всеобъемлюще исследованы решения и консультативные заключения Международного Суда ООН в части установления и квалификации Судом юридических последствий существующих норм *jus cogens* в качестве источника международного права.

Комплексно и всесторонне изучены конкретные правовые позиции региональных и субрегиональных международных судебных учреждений, а также национальных судебных органов государств в части определения правовой природы норм *jus cogens* и правовые основания данных позиций в контексте квалификации конкретных норм международного права в качестве *jus cogens*.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в сравнительно-правовом анализе двух проектов статей Комиссии международного права ООН об ответственности за международно-противоправные деяния суверенных государств и международных межправительственных организаций с целью выявления специфики определения ответственности данных

субъектов международного права в случае нарушения ими обязательств, вытекающих из норм *jus cogens*.

Также новизной диссертационной работы является всеобъемлющий анализ основных концепций (эффективный контроль, разделяемая ответственность), оказывающих влияние на кодификацию и прогрессивное развитие института ответственности в международном праве в целом и такие концепции, как *jus cogens*, *erga omnes*, применительно к правовым последствиям, наступающим при нарушении обязательств, вытекающих, в частности, из императивных норм международного права.

Положения, выносимые на защиту. По результатам проведенного диссертационного исследования автор выносит на защиту следующие основные положения:

На основе юридической конструкции международно-правового обычая (*opinio juris* и практика государств) обосновывается тезис о том, что в силу практики международных судебных учреждений и национальных судебных органов государств положения проектов статей КМП ООН об ответственности государств и международных организаций впоследствии будут признаны обычно-правовыми нормами международного права, что, по мнению автора, снимает необходимость принятия специального международно-правового акта обязательной юридической силы в этой области.

Научно обосновывается несостоятельность концепции «разделяемой ответственности», разработанной западными учеными в целях призвания на основе единого механизма к ответственности нескольких субъектов международного права, согласованно действующих в нарушение его норм, что влечет за собой необходимость квалификации ответственности за международно-противоправные деяния (*responsibility*) и ответственности за вред в результате правомерных действий (*liability*) в качестве самостоятельных правовых конструкций.

Обосновывается необходимость дальнейшей научной разработки в части определения сущностных характеристик и перечня норм *jus cogens* в целях уточнения правовых последствий серьезных нарушений обязательств, вытекающих из норм *jus cogens*. В этой связи на основе анализа правоприменительной практики и доктрины международного права автором исследования выявляе-

но, что в качестве норм *jus cogens* чаще всего подлежат квалификации такие нормы, как запрещение применения силы с целью агрессии, право на самооборону, запрещение геноцида, запрещение пыток, запрещение преступлений против человечности, запрещение рабства и работорговли, запрещение расовой дискриминации и апартеида, запрещение военных действий против гражданского населения.

В результате исследования теоретических достижений международно-правовой науки и практики применения норм *jus cogens* за период после принятия Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. выявлены основные критерии квалификации нормы в качестве *jus cogens*, какими являются признание нормы *jus cogens* как нормы позитивного права, основанной на согласии субъектов международного права; широко распространенная правоприменительная практика; *opinio juris* государств; закрепление в многосторонних международных договорах универсального применения; имплементация во внутреннее право государств и подкрепление нормы *jus cogens* международно-правовой доктриной.

Выявлена эволюция правовых подходов Международного Суда ООН к нормам *jus cogens*, что проявляется в движении от простой констатации Судом позиций сторон в споре в отношении данных норм к выделению характеризующих элементов норм *jus cogens* и отражению *jus cogens* в особом мнении судей.

Обосновывается тезис о необходимости наличия единой концептуальной основы квалификации нормы в качестве *jus cogens* как превентивного механизма негативного явления, обозначенного КМП ООН как фрагментация международного права, вызванного диверсификацией и расширением сферы охвата международно-правовых норм.

В целях преодоления проблемы квалификации нормы в качестве *jus cogens* предложены следующие шаги:

- разработка КМП ООН конкретного, но не исчерпывающего и достаточно ясного перечня норм *jus cogens*, по которым уже достигнуто согласие государств и имеются соответствующие позиции международных судебных учреждений с учетом появления потенциальных норм международного права императивного характера;

- вынесение на основании соответствующего запроса ГА ООН Международным Судом ООН Консультативного заключения по вопросу о разъяснении ст. 53 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Защиты кандидатских диссертаций

Немзорова Римма Юрьевна

Приоритеты прокурорской деятельности: практический и теоретический аспекты

Дата защиты – 1 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»
Научный руководитель	Бут Надежда Дмитриевна
Оппоненты	Ястребов Владислав Борисович, Зинуров Рафаил Нариманович
Ведущая организация	ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» Диссертационный совет Д 170.001.01 при ФГКОУ
Место защиты	ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

Научная новизна исследования заключается в обосновании необходимости определения приоритетов прокурорской деятельности на научной основе, в соответствии с потребностями правового обеспечения социального и экономического развития обще-

ства и государства средствами деятельности органов прокуратуры.

В теории и практике прокурорской деятельности выделяется такая категория, как «функция прокуратуры»¹. Функциональная деятельность прокуратуры направлена на широкий круг правовых отношений, охватить который в полном объеме силами конкретной прокуратуры не представляется возможным и целесообразным. Кроме того, недостаточно системное выделение наиболее значимых, первоочередных направлений деятельности на каждом уровне органов прокуратуры как в соответствующих планах работы, так и в оперативном, текущем порядке, в том числе при направлении нижестоящим прокурорам различных заданий, особенно срочных, существенно влияет на качество их реализации имеющимися силами и средствами конкретной прокуратуры.

Приоритетные направления деятельности прокуратуры являются основными. Они реализуются с помощью надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в приоритетном, первоочередном порядке, могут составлять основное содержание деятельности органов прокуратуры в определённые периоды (например, в сфере охраны труда, жилищных, экологических правоотношений, противодействия коррупции, экстремизму и терроризму и др.)²

На защиту выносятся следующие основные положения

Совокупность разработанных в диссертации теоретических аспектов, находящихся во взаимосвязи и составляющих современное содержание теории приоритетов как новой составной части общей теории прокурорской деятельности. Они включают как принципиально новые положения, так и авторскую интерпретацию отдельных уже известных положений, развитых на базе проведенных исследований.

Под приоритетом прокурорской деятельности необходимо понимать направление прокурорской деятельности, обладающее

¹ Рябцев В.П. Прокурорский надзор : курс лекций. М.: НОРМА, 2006. С. 73.

² Прокурорский надзор : учебник / под ред. А.Я. Сухарева. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 8-9.

характером первоочередности по отношению к другим направлениям, с учетом соответствующих принципов определения и реализации, их системы и места в иерархии, установленном с использованием объективных инструментов, детерминантов и индикаторов.

Приоритеты деятельности органов прокуратуры в значительной мере основываются на состоянии общества и политике государства по различным аспектам их развития, выраженных в качественных и количественных параметрах, характеризующих состояние законности и правопорядка в стране в целом, в отдельных регионах, сферах правовых отношений.

Приоритезация прокурорской деятельности представляет собой процесс определения и реализации приоритетов. Установление приоритетности направления прокурорской деятельности требует неопременного определения его места в общей иерархии приоритетов в конкретных временных и территориальных границах использования, а реализация приоритетов прокурорской деятельности включает контроль за исполнением такого приоритета.

Ключевым признаком основных приоритетов прокурорской деятельности является их нормативность, которая обусловлена, во-первых, требованиями действующего законодательства в стране, а во-вторых, правовым характером осуществления прокурорской деятельности. Нормативность обеспечивается надлежащим закреплением выделенных приоритетов прокурорской деятельности в законах и иных нормативных правовых актах, организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации, имеющих обязательный характер для исполнения органами прокуратуры в целом. Надлежащее закрепление приоритетов прокурорской деятельности с учетом места в их иерархии позволит установить обязательность определенных приоритетов и унифицировать подход к их реализации как для научных работников, так и для работников органов прокуратуры в целом.

Такие требования к приоритетам прокурорской деятельности, как достаточная обоснованность, иерархичность, взаимосвязь и последовательность исполнения, соответствие имеющимся у органов прокуратуры возможностям (штатным, материально-

техническим, информационным и др.), неразрывно связаны с признаком нормативности.

Система принципов определения и реализации приоритетов прокурорской деятельности предполагает включение в нее как общих принципов организации и деятельности органов прокуратуры, так и собственных принципов приоритезации прокурорской деятельности. В их числе: принцип соответствия приоритетов деятельности органов прокуратуры реальным потребностям социального и государственного развития, выраженных в законах, политических установках руководящих органов государства и обеспечения законности и правопорядка в качестве обязательного условия такого развития в соответствующих сферах правовых отношений; принцип адекватности выделенных приоритетов актуальным потребностям укрепления законности и правопорядка в первоочередном порядке в конкретных сферах правовых отношений; принцип выделения решающего звена; принцип научной обоснованности; принцип иерархичности приоритетов; принцип динамизации; принцип разумной достаточности выделяемых приоритетов деятельности с учетом имеющихся возможностей, сил и средств органов прокуратуры и координируемых ими государственных структур.

Использование перечисленных выше принципов организации и деятельности органов прокуратуры в системе в качестве основополагающих начал процессов приоритезации прокурорской деятельности существенно расширяет адаптационные возможности органов прокуратуры в изменяющихся социальных, экономических, правовых условиях и способствует повышению качества деятельности органов прокуратуры.

В диссертации определена система законодательных и политикоправовых актов руководящих органов государственной власти как основных источников установления Генеральным прокурором Российской Федерации или непосредственно ими стратегических и тактических приоритетов деятельности органов прокуратуры и координируемых ими компетентных правоохранительных и иных государственных органов в сфере укрепления законности и правопорядка в стране, отдельных регионах, в различных сферах правовых отношений.

Продемонстрирована взаимосвязь установления приоритетов посредством принимаемых политико-правовых актов на общегосударственном уровне с определяемыми приоритетами прокурорской деятельности в порядке адаптации.

На процесс формирования приоритетов деятельности органов прокуратуры, помимо решений и рекомендаций внутригосударственных руководящих органов, оказывают влияние решения и рекомендации международных организаций, членами которых является Российская

Федерация, включая Организацию Объединенных Наций, Содружество Независимых Государств, Совет Европы, Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, Шанхайскую организацию сотрудничества, БРИКС, Группу разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), Группу государств против коррупции (ГРЕКО) и некоторые другие структуры, а также международных прокурорских сообществ (например, Международная Ассоциация Прокуроров (МАП), Консультативный совет европейских прокуроров).

Приоритеты деятельности органов прокуратуры, которые имеют достаточно общий и долговременный характер, находят выражение в организационной структуре аппаратов органов прокуратуры, в актах организации их деятельности, включая планы работы, и должны быть отражены как в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации, так и в формах статистической отчетности. Последние, в свою очередь, не должны иметь «застывшую» форму на длительный период, а должны подвергаться своевременной и адекватной корректировке в соответствии с изменениями состава и структуры реализуемых приоритетов, выражающих реальные потребности политического, социального, экономического и правового развития страны с учетом динамики состояния законности и правопорядка.

Семенов Андрей Сергеевич
**Взаимодействие прокуратуры с органами государственной
власти и органами местного самоуправления в сфере
обеспечения законности**

Дата защиты – 15 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»
Научный руководитель	Винокуров Александр Юрьевич
Оппоненты	Залужный Александр Гаврилович, Борисова Юлия Валерьевна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» Диссертационный совет Д 170.001.01 при
Место защиты	ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

Научная новизна заключается в том, что диссертация представляет собой логически завершенное самостоятельное монографическое исследование, в котором с учетом современных тенденций развития прокуратуры Российской Федерации сформулированы научные положения об организации и осуществлении взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере обеспечения законности, рассмотрены вопросы, касающиеся его сущности, содержания и правовых основ.

Новизна проведенного исследования также обусловлена: наличием авторских подходов в определении принципов и условий взаимодействия субъектов, а также цели, задач и предмета взаимодействия, его основных направлений; раскрытием содержания организации работы на рассматриваемом участке деятельности прокуратуры, анализом его современного состояния; определением проблем, возникающих в процессе взаимодействия, а также предложением путей и средств их решения; разработкой комплекса мер, направленных на совершенствование данной деятельности.

Положения, выносимые на защиту:

Взаимодействие прокуратуры с органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере обеспечения законности представляет собой исторически сложившуюся и социально обусловленную их совместную деятельность, которая осуществляется в рамках закона в пределах компетенции указанных органов присущими каждому из них способами и методами, а также направленную на решение общих задач и достижение единой цели – обеспечение законности.

В связи с тем, что в теории прокурорской деятельности не сложилось единого мнения о функциональной принадлежности взаимодействия прокуратуры с органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере обеспечения законности, определено, что оно является составной частью такого направления (участка) внешнефункциональной деятельности прокуратуры Российской Федерации, как взаимодействие с органами публичной власти и институтами гражданского общества.

Разработанные автором формулировки, которые характеризуют предмет, субъекты и объект взаимодействия.

Предметом взаимодействия в сфере обеспечения законности выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе организации и осуществления субъектами данной деятельности взаимосогласованных мероприятий (совершение действий, принятие решений и т. д.), направленных на обеспечение законности.

Субъектами взаимодействия в сфере обеспечения законности являются: 1) органы прокуратуры и прокуроры (уполномоченные лица органа прокуратуры); 2) органы государственной власти и (или) органы местного самоуправления, а также должностные и иные лица этих органов.

Объектом взаимодействия в сфере обеспечения законности выступает складывающееся в конкретный временной отрезок на определенной территории (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования), отдельно взятом объекте состояние законности в той или иной сфере общественных отношений, улучшению которого призваны способствовать субъекты взаимодействия.

На основе изучения современного состояния взаимодействия прокуратуры с органами государственной власти и органами местного самоуправления сделан вывод об активизации данной деятельности за последние десять лет. Этому способствовали такие обстоятельства как:

обсуждение проблем взаимодействия органов прокуратуры и контрольно-надзорных органов с органами местного самоуправления на уровне руководства страны и Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

накопление прокурорами положительного опыта работы по организации и осуществлению рассматриваемой деятельности;

организационные изменения в структуре Генеральной прокуратуры Российской Федерации и прокуратур субъектов Российской Федерации (появление профильных подразделений и соответствующих должностей);

рассмотрение вопросов взаимодействия в научной, учебной и методической литературе;

совершенствование правовой основы взаимодействия, прежде всего путем подписания различных соглашений о сотрудничестве, в том числе и на уровне субъектов Российской Федерации.

Кроме того, прослеживаются положительные тенденции, связанные с повышением эффективности данной деятельности, в первую очередь по таким направлениям, как правотворчество и противодействие коррупции, что подтверждается результатами проведенного исследования.

Формы взаимодействия прокуратуры с органами государственной власти и органами местного самоуправления – это наиболее результативные, оправдавшие себя на практике способы организации и осуществления совместной деятельности, которая складывается в результате осознания ее участниками потребности в сотрудничестве на основе взаимопомощи для более эффективного решения задач в сфере обеспечения законности.

Характер форм взаимодействия позволяет выделить его основные направления, которые составляют работу прокуроров в рамках: координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией, участия в правотворческой деятельности; проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов; осуществления правово-

го просвещения граждан; рассмотрения обращений и приема населения.

Обосновано, что совершенствованию взаимодействия прокуратуры с органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере обеспечения законности должны способствовать:

максимальное использование возможностей системы межведомственного электронного взаимодействия всеми его участниками для повышения эффективности информационного обмена;

совершенствование организации взаимодействия в части оптимального распределения нагрузки между работниками, которые вовлечены в этот процесс, а также повышение профессионализма государственных и муниципальных служащих;

совершенствование правового регулирования взаимодействия (внесение необходимых изменений в федеральное законодательство, подготовка ведомственных нормативных правовых актов, заключение соглашений о сотрудничестве);

улучшение методического и научного обеспечения взаимодействия;

совершенствование материально-технического обеспечения, включая внедрение инновационных технологий (электронный документооборот и электронно-цифровая подпись) в работу органов прокуратуры и иных органов публичной власти;

активизация сотрудничества прокуроров с руководителями органов государственной власти, органов местного самоуправления и председателями судов в рамках координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией.

В целях повышения эффективности деятельности прокуроров по осуществлению взаимодействия с органами публичной власти и институтами гражданского общества сформулированы предложения о внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», а именно: о дополнении разделом IV.1 «Иные направления (участки) деятельности прокуратуры» с включением в него главы 1 «Взаимодействие прокуроров с органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными государственными органами и должностными лицами, институтами гражданского общества», где предлагается

определить предмет, принципы, задачи взаимодействия и полномочия прокуроров.

Разработанный автором проект приказа Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации работы прокуроров по взаимодействию с органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере обеспечения законности», который призван регламентировать на ведомственном уровне порядок организации и осуществления рассматриваемой деятельности.

Буслаева Оксана Борисовна
Деятельность адвоката по оказанию юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях: теория и практика
Дата защиты – 19 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель	Володина Светлана Игоревна
Оппоненты	Юрьев Сергей Сергеевич, Бородин Сергей Владимирович
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.123.05 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно является одним из первых в отечественной юридической науке исследованием комплекса проблем, возникающих в деятельности адвоката в связи с оказанием им квалифицированной юридической помощи осужденным, отбывающим

наказание в исправительных учреждениях. Авторские выводы и интерпретация результатов эмпирических исследований способствовали разработке и теоретическому обоснованию понятия, признаков, целей и задач адвокатской деятельности по оказанию юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях, основных направлений совершенствования правового регулирования данного вида деятельности адвоката и формулированию предложений по совершенствованию законодательства.

Научная новизна проведенного исследования отражена в положениях, выносимых на защиту:

1. Предложено определение понятия деятельности адвоката по оказанию юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях, как относительно обособленного вида адвокатской деятельности, для которого характерно комплексное содержание, включающее оказание различных видов юридической помощи, и особый состав доверителей. Специфика предмета оказания юридической помощи осужденным в данном виде деятельности адвоката во многом обусловлена нормами уголовно-исполнительного права, определяющими взаимоотношения осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении, с адвокатом.

2. Обосновано выделение в адвокатской деятельности по оказанию юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительном учреждении, следующих подвидов:

- защита прав и законных интересов осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством по вопросам, разрешаемым судом в порядке уголовного судопроизводства;

- защита и представление интересов осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении, по вопросам, возникающим из правоотношений по привлечению осужденного к дисциплинарной ответственности и наложению дисциплинарных взысканий администрацией исправительного учреждения;

- представление интересов осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении, по вопросам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений.

3. На примере изученного опыта зарубежных стран установлено, что основными критериями, способствующими совершенствованию

отечественного правового регулирования в сфере реализации права осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, на получение квалифицированной юридической помощи, являются:

- наличие в штате исправительных учреждений лиц, призванных оказывать необходимую юридическую помощь осужденным (Ирландия, Италия);

- наличие института уполномоченного по правам человека, представляющего интересы лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (Великобритания, США);

- оказание бесплатной юридической помощи лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях (Великобритания, США, Австралия);

- отсутствие цензуры содержания переписки адвоката с осужденным со стороны органов, исполняющих наказание (Казахстан, Армения);

- предоставление осужденному в исправительном учреждении возможности телефонных переговоров с адвокатом (Германия, Норвегия, Финляндия).

4. Последовательное развитие механизма правозащитной деятельности актуализирует необходимость нормативного закрепления некоторых профессиональных прав адвоката, осуществляемых при оказании юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительном учреждении:

- 1) право фиксировать с помощью технических средств информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, в исправительном учреждении;

- 2) право на беспрепятственную встречу с доверителем наедине в условиях конфиденциальности в исправительном учреждении;

- 3) право адвоката на неконтролируемые телефонные переговоры с доверителем, отбывающим наказание в исправительном учреждении, без ограничения по их количеству и продолжительности;

4) право на переписку адвоката с доверителем, отбывающим наказание в исправительном учреждении, не подлежащую цензуре со стороны администрации исправительных учреждений.

5. Эффективность деятельности адвоката по защите прав и законных интересов осужденного, помимо прочего, зависит от внутренних решений администрации исправительного учреждения, в котором доверитель отбывает наказание. В целях обеспечения объективности решений администрации исправительного учреждения, касающихся личности осужденного, предложено ввести обязательное участие представителей общественности в работе комиссий исправительных учреждений при принятии решений о даче характеристики осужденного, подавшего ходатайство об условно-досрочном освобождении, и внести соответствующие изменения в федеральное законодательство.

6. Обоснована целесообразность включения в перечень гарантий соблюдения, а также защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, получение ими бесплатной юридической помощи, в том числе и по вопросам исполнения наказания, разрешаемым в порядке уголовного судопроизводства.

7. Определяющая тенденция развития направления государственной политики в сфере правовой поддержки населения связана с совершенствованием деятельности в области создания эффективной системы бесплатной юридической помощи. В целях обеспечения доступности правовой информации, юридических услуг, устранения факторов, способствующих проявлению правового нигилизма в деятельности служащих исправительных учреждений, предлагаются меры, направленные на создание программы участия адвокатов и членов неправительственных правозащитных организаций в оказании субсидируемой юридической помощи в исправительных учреждениях:

1) организация участия дежурных адвокатов в оказании квалифицированной юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях;

2) обеспечение координации деятельности института адвокатуры с неправительственными правозащитными организациями с целью повышения эффективности юридической помощи, оказываемой в исправительных учреждениях;

3) разработка и осуществление образовательных программ, направленных на правовое просвещение и повышение правовой грамотности осужденных;

4) внедрение специальных программ правового образования несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

На основе проведенного научного исследования предусмотрен ряд положений по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности адвоката по оказанию юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях (Приложение № 7 диссертации).

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Защиты докторских диссертаций

Гусев Алексей Васильевич
Концепция формирования специального
криминалистического познания и механизма его реализации
в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной
деятельности

Дата защиты – 28 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Оппоненты	Владимиров Владимир Юрьевич, Нестеров Анатолий Васильевич, Бертовский Лев Владимирович
Ведущая организация	ФГКОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Место защиты	Диссертационный совет Д 203.017.02 на базе ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научная новизна диссертационной работы определяется положениями, выносимыми автором на защиту, сформулированными на основе результатов проведенного исследования правовых, научно-теоретических, организационных и тактических проблем

реализации в уголовном судопроизводстве специального криминалистического познания вне судебно-экспертной деятельности. Личный вклад автора состоит в разработке концепции системы криминалистического знания, выступающего в качестве методологической основы механизма реализации специального криминалистического познания в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной деятельности, а именно:

уточняется видовая характеристика специального криминалистического знания и формируемого на его основе специального криминалистического познания;

обосновывается необходимость введения в язык криминалистики новых терминов, отражающих специфику механизма приобретения и реализации специального криминалистического познания;

содержатся конкретные предложения по эффективной организации деятельности специалиста-криминалиста в процессе технико-криминалистического обеспечения предварительного расследования и взаимодействию с ним следователя;

обосновывается необходимость формирования в системе криминалистической науки раздела, содержащего информацию о видах, структуре, логической организации и методах реализации специального криминалистического познания вне судебно-экспертной деятельности.

Основные положения, выносимые на защиту и отражающие теоретическую значимость работы, а также практическую возможность их использования:

1. Авторское понятие «внеэкспертный процесс реализации специальных познаний». Внеэкспертный процесс реализации специальных познаний – это научно обоснованная структура криминалистического знания о системе, логической организации, методах и средствах деятельности специалистов в уголовном судопроизводстве, отличающихся от задач деятельности судебных экспертов.

2. Авторское понятие «специальное криминалистическое познание». Специальное криминалистическое познание экспертов и специалистов – это наличие у них технико-криминалистического знания, умения и навыка, приобретенных в ходе профессиональной подготовки по специальности «Судебная экспертиза» или

практической технико-криминалистической подготовки в государственном судебно-экспертном учреждении, для производства криминалистических экспертиз и (или) осуществления процессуальных функций специалиста-криминалиста.

3. Авторская концепция совершенствования системы криминалистической науки путем формирования области знания «Реализация специальных познаний в уголовном судопроизводстве», включающей следующие элементы: 1) общие положения реализации специальных познаний в уголовном судопроизводстве; 2) экспертный процесс реализации специальных познаний в уголовном судопроизводстве; 3) внеэкспертный процесс реализации специальных познаний в уголовном судопроизводстве.

4. Авторская концепция систематизации общих положений реализации специального познания в разделе «Реализация специальных познаний в уголовном судопроизводстве»: 1) понятие и сущность специального познания и специального познания; 2) цели и задачи использования специального познания в уголовном судопроизводстве; 3) понятие и сущность экспертного и внеэкспертного процесса реализации специального познания в уголовном судопроизводстве; 4) форма и содержание экспертной и внеэкспертной деятельности лиц, обладающих специальным познанием; 5) права и обязанности экспертов и специалистов в уголовном судопроизводстве; 6) принципы использования специального познания в уголовном судопроизводстве; 7) общие положения тактики взаимодействия лиц, осуществляющих судопроизводство, с лицами, обладающими специальным познанием.

5. Авторская концепция систематизации внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания в разделе «Форма и содержание экспертной и внеэкспертной деятельности лиц, обладающих специальным познанием»: 1) участие специалиста-криминалиста в оперативно-розыскной деятельности; 2) участие специалиста-криминалиста в следственной деятельности; 3) участие специалиста-криминалиста в судебной деятельности.

6. Авторская концепция содержания методологической основы процесса практической реализации в уголовном судопроизводстве специального криминалистического познания вне судебно-экспертной деятельности (внеэкспертный процесс реализации

специального криминалистического познания): 1) общая характеристика внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания; 2) логическая организация внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания; 3) структура внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания.

7. Авторская концепция содержания общей характеристики вне-экспертного процесса реализации специального криминалистического познания: 1) субъекты внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания; 2) объект внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания; 3) предмет внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания; 4) цель внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания; 5) задачи вне-экспертного процесса реализации специального криминалистического познания; 6) принципы внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания.

8. Авторская концепция логической организации внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания может быть представлена следующей структурой элементов: 1) формы внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания; 2) методы внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания; 3) средства внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания; 4) предполагаемый результат внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания.

9. Авторская концепция структуры внеэкспертного процесса реализации специального криминалистического познания при производстве следственных действий.

1) Подготовительный этап следственного действия: а) уяснение специалистом-криминалистом задачи своей деятельности; б) проверка готовности технико-криминалистических средств; в) выбор методов применения технико-криминалистических средств; г) согласование со следователем вопросов применения технико-криминалистических средств и методов исходя из ситуации проведения следственного действия.

2) Рабочий этап следственного действия – технико-криминалистическое обеспечение специалистом-криминалистом следственного действия (оперативно-розыскного мероприятия) путем осуществления поисково-исследовательской деятельности.

3) Заключительный этап следственного действия предполагает осуществление специалистом-криминалистом следующей деятельности: а) упаковку обнаруженных объектов; б) обсуждение со следователем результатов применения технико-криминалистических средств и методов; в) составление специалистом-криминалистом справки, в которой отражаются результаты проделанной работы в рамках следственного действия (оперативно-розыскного мероприятия) и перспективы дальнейшего судебно-экспертного исследования собранных материальных следов и их проверки по массивам экспертно-криминалистического учета.

10. Рекомендации по оптимизации использования отчета специалиста-криминалиста – «Справка специалиста-криминалиста», подготавливаемого им в качестве приложения к процессуальному документу следственного действия, в котором он принимал участие. Определение формы данного отчета, который должен отражать следующую информацию: 1) условия применения технико-криминалистических средств и методов; 2) результаты применения технико-криминалистических средств и методов; 4) объекты, участки местности, помещения, люди, для фиксации которых применялась фото-, видео- и киносъемка; 5) что было обнаружено, каким методом и где; 6) способ изъятия и упаковка обнаруженных объектов; 7) особые требования к транспортировке обнаруженных и изъятых объектов; 8) какие экспертизы могут быть назначены в отношении обнаруженных объектов, какие вопросы могут быть вынесены на рассмотрение эксперта; 9) какие образцы необходимо изъять для сравнительного исследования обнаруженных материальных следов; 10) особенности изъятия конкретных сравнительных образцов, необходимых для исследования обнаруженных материальных следов; 11) результаты предварительных исследований обнаруженных материальных следов; 12) какие из обнаруженных материальных следов могут быть проверены по экспертно-криминалистическим учетам.

11. Авторское уточненное понятие версии специалиста-криминалиста как обоснованного специальным криминалистическим познанием предположительного суждения специалиста-криминалиста об элементах события преступления, которое отразилось в общей материальной обстановке исследуемого места и его отдельных материальных следах, а также вопросах, поставленных ему сторонами судопроизводства.

12. Авторское понятие внеэкспертного регистрационно-криминалистического исследования специалиста-криминалиста и стадии его осуществления. Регистрационно-криминалистическое исследование – это идентификационное исследование, проводимое по массивам экспертно-криминалистического учета, вне процесса производства судебной экспертизы, лицом, обладающим специальным криминалистическим познанием. Стадии регистрационно-криминалистического исследования: 1) подготовительная; 2) поисково-аналитическая; 3) сравнительная; 4) синтезирующая (оценочная); 5) заключительная. В качестве факультативной стадии может выступать экспериментальная стадия, осуществляемая методом мысленного эксперимента, выступающего в качестве неразрушающего метода исследования.

13. Авторское уточнение понятия видоизменяющих методов и обоснование возможности их применения в уголовном судопроизводстве при реализации специального криминалистического познания вне процесса производства судебной экспертизы. Видоизменяющие методы – это методы, которые, не разрушая объект в целом, приводят к частичному изменению его внешней формы, что позволяет проводить дальнейшее исследование объекта при производстве судебной экспертизы.

14. Авторское понятие тактико-технологической комбинации как формы научной организации эффективного взаимодействия следователя и специалиста-криминалиста и условия ее эффективной реализации при производстве следственных действий. Тактико-технологическая комбинация – это согласованная реализация следователем тактических, а специалистом-криминалистом технико-криминалистических приемов в рамках одного или различных следственных действий с целью решения конкретной задачи расследования в данной ситуации. Условием эффективного применения тактико-технологической комбинации является плани-

рование ее осуществления с учетом информационно-следовых комплексов – обобщенных научных рекомендаций по выбору следователем конкретной тактико-технологической комбинации, ее реализации в зависимости от условий производства следственного действия и его информационно-следовой картины.

15. Авторское понятие интерактивной криминалистической лаборатории и ее назначение в учебном процессе, направленном на практическую криминалистическую подготовку, в том числе в ходе приобретения учащимися специального криминалистического познания. Интерактивная криминалистическая лаборатория – это компьютерный тренажерный комплекс, предназначенный для виртуального овладения учащимися необходимыми криминалистическими умениями и навыками в конкретной ситуации, обозначенной темой проводимого занятия.

Защиты кандидатских диссертаций

Еремин Денис Николаевич

Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона

Дата защиты – 18 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
Научный руководитель	Волчецкая Татьяна Станиславовна
Оппоненты	Комаров Игорь Михайлович, Мешков Владимир Михайлович
Ведущая организация	ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет» Диссертационный совет Д 999.017.03 на базе
Место защиты	ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», ФГБОУ

ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нём впервые на монографическом уровне проведено комплексное исследование теоретических и практических вопросов расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом. На основе теоретических положений криминалистики и других наук, изучения следственной и судебной практики Северо-Кавказского региона, результатов анкетирования следователей, оперативных работников и экспертов-криминалистов, а также с позиции ситуационного подхода разработана новая частная криминалистическая методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом. Сформулировано понятие политического экстремизма, раскрыто содержание элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с политическим экстремизмом. Изучены личностные особенности политического экстремиста. Установлены типовые следственные ситуации и предложены алгоритмы действий следователя по их разрешению. Выявлены проблемы, возникающие в процессе раскрытия и расследования преступлений указанной категории, определены способы их преодоления. Предложены пути повышения эффективности деятельности должностных лиц органов предварительного расследования при производстве отдельных следственных действий с учётом их тактических особенностей. Проанализированы особенности взаимодействия представителей следственных и оперативных подразделений, предложены направления совершенствования форм такого взаимодействия.

Основные положения, выносимые на защиту:

Авторское определение политического экстремизма, под которым понимаются планирование, организация, подготовка и совершение действий, основанных на отличающихся от конституционных и правовых норм идеологических установках, направленных на насильственное изменение государственной политики, основ конституционного строя государства, нарушение его тер-

риториальной целостности, суверенитета, создание в указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, а равно, для достижения политических целей, посягающих на функционирование механизма государственной власти, общества в целом или на какие-либо его элементы. Данное определение даёт возможность выделить преступления, связанные с политическим экстремизмом, на основании идеологии политических экстремистов, целей и мотивов их преступной деятельности.

Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с политическим экстремизмом, содержание её структурных элементов и закономерные связи между ними позволяют провести взаимосвязи в общей картине преступлений, связанных с политическим экстремизмом, что прежде всего, относимо к составу преступной экстремистской организации, личности политического экстремиста, способу совершения и особенностям следообразования в структуре механизма преступления. Знание этих и других элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с политическим экстремизмом, позволяет оптимально и быстро обнаружить следы преступной деятельности.

Установлен значимый для методики расследования типичный «портрет» политического экстремиста, который отличается значительной спецификой и предопределяет содержание иных элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с политическим экстремизмом. Наибольшее информационно-поисковое значение имеют: детерминанты экстремистского поведения, идеология политического экстремиста, этнорелигиозные характеристики и региональные особенности политического экстремиста.

Выявлена необходимость использования ситуационного подхода как средства оптимизации процесса расследования по уголовным делам о преступлениях, связанных с политическим экстремизмом. В результате анализа предкриминальной, собственно криминальной и посткриминальной ситуаций преступной деятельности, связанной с политическим экстремизмом, описаны наиболее возможные варианты поведения политического экстремиста.

Автором исследованы и описаны типовые следственные ситуации, оказывающие существенное влияние на расследование

преступлений, связанных с политическим экстремизмом. Разработаны рекомендации по разрешению типовых исходных следственных ситуаций первоначального этапа расследования указанной категории преступлений.

В результате всестороннего анализа оперативно-розыскной и следственной деятельности определены основные направления взаимодействия следственных и оперативных подразделений в противодействии преступлениям, связанным с политическим экстремизмом, а также выявлены и исследованы наиболее существенные особенности, отражающие специфические черты направлений раскрытия и расследования указанной категории дел, оказывающие влияние на взаимодействие следственных и оперативных подразделений.

Выявлены особенности тактики производства отдельных следственных действий, обусловленные спецификой криминалистической характеристики преступлений, связанных с политическим экстремизмом, и следственными ситуациями, возникающими при расследовании преступлений, связанных с ним, а также разработаны рекомендации по разрешению типовых ситуаций, складывающихся при их осуществлении.

Разработаны рекомендации по использованию ситуационного моделирования на этапах подготовки и проведения следователем отдельных следственных действий при расследовании преступлений, связанных с политическим экстремизмом.

Вывод о значимости применения специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с политическим экстремизмом, в том числе дерматоглифических и семасиологических экспертных исследований. Полученная информация позволяет существенно расширить поисковые возможности проверки следственных версий о неизвестном политическом экстремисте и сузить круг его поиска.

Вдовина Ольга Павловна

**Теория и практика использования микрообъектов в
расследовании дорожно-транспортных преступлений**

Дата защиты – 19 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет»
Научный руководитель	Толстухина Татьяна Викторовна
Оппоненты	Майлис Надежда Павловна, Моисеева Татьяна Федоровна
Ведущая организация	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» Диссертационный совет Д 999.017.03 на базе ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», ФГБОУ
Место защиты	ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

Научная новизна исследования определяется его предметом, поставленной целью, задачами и представляет комплексный подход в рассмотрении проблемы использования микрообъектов в раскрытии и расследовании ДТП.

На основании проведенного изучения теоретических работ, в том числе диссертационных исследований, затрагивающих отдельные научные положения и частные аспекты использования микрообъектов в доказывании, а также анализа практики их применения в раскрытии и расследовании ДТП, диссертантом одним из первых предпринята попытка разработки правовых, организационных и тактических рекомендаций, направленных на повышение эффективности этой работы.

Дано авторское определение понятия микрообъекта, уточнены и дополнены имеющиеся в криминалистике классификации микрообъектов, разработаны комплексы микрообъектов, характерные для каждого вида ДТП. Сформулированы предложения по

внесению изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство и ведомственные акты, регулирующие сферу использования микрообъектов в расследовании. Внесены рекомендации по оптимизации работы с микрообъектами на месте ДТП и повышению результативности их экспертных исследований.

Основные положения, выносимые на защиту:

Диссертантом сформулировано определение микрообъекта, как материального носителя криминалистически значимой информации, невидимого или слабовидимого невооруженным глазом ввиду его микроразмеров. На основании анализа смыслового значения слова «микрообъект» обосновано использование этого термина в качестве обобщающего.

Предложено классифицировать микрообъекты по следующим основаниям:

по форме материального существования (микрочастицы, микроследы и микроколичества веществ);

по природе происхождения (биологические микрообъекты и микрообъекты производного характера);

по основным категориям уголовных дел (разработаны комплексы микрообъектов, характерные для различных видов ДТП).

Классифицируя микрообъекты по указанным основаниям, диссертант придерживался общих тенденций дифференциации объектов в криминалистике.

Отмечено, что каждое из приведенных делений имеет определенное практическое назначение.

Разработаны рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и ведомственных актов, регулирующих порядок использования микрообъектов в доказывании, предусматривающие:

внесение дополнений в ст. 17 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», ст. 57 УПК РФ, закрепляющих право эксперта в определенных случаях самостоятельно выявлять микрообъекты на представленных на исследование материалах: «В случае, когда обнаружение микрообъекта предпочтительно как решение первоначальной задачи экспертного задания, оно осуществляется экспертом в ходе изу-

чения представленного для судебно-экспертного исследования объекта-носителя»;

закрепление, в целях унификации норм действующего уголовнопроцессуального законодательства, возможности обнаружения микрообъектов экспертом в инструкциях по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ и судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ.

Сделан вывод о том, что специфические особенности микрообъектов, обусловленные их малыми размерами, не являются основанием для придания им специфического процессуального статуса.

На основании анализа особенностей поиска, обнаружения, фиксации, изъятия и упаковки микрообъектов предложены рекомендации по работе с ними на месте ДТП. Построен алгоритмизированный порядок такой работы.

Обоснована целесообразность закрепления в ведомственных актах за следователем обязанности привлекать специалиста к осмотру места ДТП в следующих случаях:

- а) причинение в результате ДТП смерти двум и более лицам;
- б) на месте преступления нельзя точно определить лицо, управляющее ТС во время ДТП;
- в) ТС скрылось с места преступления;
- г) произошло столкновение трех и более транспортных средств, при этом на месте преступления нельзя точно определить виновника ДТП.

Считаем порочной практику производства сотрудниками ГИБДД на месте дорожно-транспортного преступления, по устному на то указанию следователей, осмотров ТС, в связи с чем, автором предложено признавать допустимыми доказательствами только протоколы, составленные следователями.

Выявлен ряд ошибок, допускаемых следователями на этапе назначения экспертиз микрообъектов по делам о ДТП, основной причиной возникновения которых являются недооценка доказательственной значимости информации, которая может быть получена в ходе производства экспертиз микрообъектов:

преимущественное назначение экспертиз только одного определенного рода (вида) (83,4 % от всех проведенных единич-

ных экспертиз микрообъектов пришлось на долю экспертиз ЛКМ и ЛКП, волокнистых материалов и изделий из них, судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств);

изучение микрообъектов в рамках единичных экспертиз (73,8 %) с постановкой однотипных вопросов о родовой (групповой) принадлежности.

На основе этого даны рекомендации, связанные с необходимостью усиления методической работы экспертов со следователями, заключающейся в активном доведении до субъектов расследования новейших научных достижений в области исследования тех или иных объектов, оказании сотрудникам внутренних дел необходимой научно-методической помощи.

В целях получения максимально полного объема информации о произошедшем событии обоснована необходимость назначения комплексных экспертиз микрообъектов, как наиболее эффективной формы исследования доказательств по делам о ДТП.

На основании анализа современных возможностей экспертиз микрообъектов автором даны рекомендации о необходимости увеличения их практического использования в расследовании ДТП в целях расширения и укрупнения доказательственной базы уголовных дел (особенно при расследовании ДТП, совершенных в условиях неочевидности), а значит, как следствие, повышения эффективности расследования рассматриваемых преступлений. Акцентируется внимание на назревшей потребности проведения экспертами научно-исследовательской работы.

12.00.14 – Административное право; административный процесс

Защиты докторских диссертаций

Мельников Валерий Анатольевич

Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел

Дата защиты – 28 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГКОУ ВПО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Научный консультант	Денисенко Виктор Васильевич
Оппоненты	Старилов Юрий Николаевич, Дугенец Александр Сергеевич, Севрюгин Виктор Егорович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
Место защиты	Диссертационный совет Д 203.017.02 при ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научная новизна работы заключается в том, что она является одной из первых монографических работ комплексного характера, посвященных исследованию теоретико-правовых проблем административно-правового ограничения прав граждан и механизма его реализации органами внутренних дел, выполненных системно.

Автором сформулировано определение административноправового ограничения прав граждан и механизма его реализации, раскрыты элементы этого механизма. Предложены определения правовых средств механизма реализации административноправового ограничения прав граждан. В исследовании обоснована новая форма выражения индивидуальных правовых актов управления – непосредственное физическое воздействие на граждан. На основе определения места института административного принуждения в механизме реализации административноправового ограничения прав граждан уточнено его понятие. Проведенные исследования позволили автору разработать и обосновать концепцию административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают основные положения, выносимые на защиту:

Авторская концепция административно-правового ограничения прав граждан, являющаяся основой для разработки нормативных правовых актов в этой сфере отношений и совершенствования соответствующей административной деятельности уполномоченных на то субъектов.

Авторская концепция административно-правового ограничения прав граждан базируется на двух уровнях. Это установление законодателем административно-правового статуса граждан путем определения пределов (границ) реализации гражданином своих прав и свобод в сфере государственного управления в целях обеспечения надлежащего баланса интересов гражданина и общества (первый, правоустановительный, уровень); а также правомерные изъятия из правомочий, входящих в объем административно-правового статуса граждан, путем издания уполномоченным на то должностным лицом (органом) индивидуального правового акта управления, лишаящего гражданина какого-либо его субъективного права вообще или частично (во времени или по объему), либо правомерное возложение на гражданина таким актом дополнительных юридических обязанностей в сфере государственного управления (по отношению к уже имеющимся у него обязанностям, установленным нормативными правовыми актами), либо непосредственное применение к гражданину мер ад-

министративного принуждения физического характера (второй, правоприменительный, уровень).

Авторское определение механизма реализации административно-правового ограничения прав граждан как совокупности правовых способов и средств, при помощи которых уполномоченными на то органами (их должностными лицами) административно-правовые ограничения прав граждан устанавливаются и (или) претворяются в жизнь.

Юридическая конструкция способов реализации административно-правового ограничения прав граждан на основе совокупности двух взаимообусловленных его уровней: правоустановительного (статусного) и правоприменительного (принудительного).

Правоустановительный способ реализации административно-правового ограничения прав граждан выражается в нормотворческой деятельности специально уполномоченных государством субъектов, направленной на установление: а) ограничений общего характера, определяющих границы общего административно-правового статуса граждан; б) ограничений прав и свобод, обусловленных особенностями административно-правового статуса отдельных категорий граждан (определяющих границы их специального административно-правового статуса); в) ограничений прав граждан в условиях какого-либо специального экстраординарного административно-правового режима.

Правоприменительный способ реализации административно-правового ограничения прав граждан выражается в деятельности специально уполномоченных государством субъектов по изданию индивидуальных правовых актов управления, направленной на правомерные изъятия из правомочий, входящих в объем административно-правового статуса граждан, путем лишения гражданина какого-либо его субъективного права вообще или частично (во времени или по объему); правомерного возложения на гражданина таким актом дополнительных юридических обязанностей (по отношению к уже имеющимся у него обязанностям, определенным их административно-правовым статусом); непосредственного физического воздействия на граждан.

Определенная и обоснованная в результате анализа теоретических предпосылок формирования система правовых средств

механизма реализации административно-правового ограничения прав граждан.

Правовые средства механизма реализации административно-правового ограничения прав граждан – это совокупность средств-установлений, выраженных в нормах административного права (правоустановительный уровень), и средств-деяний в форме индивидуального правового акта управления (правоприменительный уровень), ограничивающих права граждан с целью обеспечения надлежащего баланса интересов гражданина и общества.

Правовые средства правоустановительного способа реализации административно-правового ограничения прав граждан есть совокупность средств-установлений, выраженных в нормах административного права тремя возможными методами правового регулирования: запретами, предписаниями (позитивными обязательствами) и дозволениями, – при помощи которых государством устанавливаются пределы (границы) реализации гражданином своих прав и свобод в форме определения его административно-правового статуса с целью обеспечения надлежащего баланса интересов гражданина и общества.

Правовые средства правоприменительного способа реализации административно-правового ограничения прав граждан есть совокупность средств-деяний в форме изданного уполномоченным на то должностным лицом (органом) индивидуального правового акта управления, лишаящего гражданина какого-либо его субъективного права вообще или частично (во времени или по объему), либо правомерного возложения на гражданина таким актом дополнительных юридических обязанностей (по отношению к уже имеющимся у него обязанностям, установленным рамками административно-правового статуса), либо непосредственного применения к гражданину мер административного принуждения физического характера с конечной целью обеспечения надлежащего баланса интересов гражданина и общества.

Авторская конструкция совокупности правовых средств нормативно-правового ограничения общего административно-правового статуса граждан, в соответствии с которой такое ограничение возможно лишь посредством норм административного права, определяющих содержание одного из элементов этого статуса путем:

законодательного установления пределов (границ) реализации гражданином своих общих прав и свобод в сфере государственного управления, выраженных в нормах административного права тремя возможными методами правового регулирования: запретами, предписаниями (позитивными обязываниями) и дозволениями – в целях обеспечения необходимого баланса интересов личности, общества и государства;

установления нормами административного права объема, пределов (границ) и оснований приобретения гражданином административной правоспособности (правосубъектности);

нормативно-правового закрепления объема, пределов (границ) юридических обязанностей уполномоченных органов по обеспечению, охране и защите прав и свобод человека и гражданина (в тех случаях, когда они не корреспондируются этим органам соответствующими правами личности, т. е. не возникают из их соответствующих субъективных правоприязаний).

В качестве самостоятельного средства нормативноправового ограничения общего административно-правового статуса граждан диссертантом допускается установление нормами права ответственности граждан по административному праву.

Авторское определение системы способов нормативноправового ограничения прав граждан в условиях экстраординарных специальных административно-правовых режимов в Российской Федерации:

а) путем сужения объема статусных прав граждан;

б) путем возложения на граждан дополнительных статусных обязанностей (к уже имеющимся в объеме их административно-правового статуса), установления запретов;

в) путем особого нормативно-правового регулирования применения мер административного принуждения в условиях экстраординарных административно-правовых режимов, которое может выражаться:

в установлении нормами права мер административного принуждения, не существующих в рамках общего правового режима;

в изменении содержания существующих в рамках общего правового режима мер административного принуждения;

в нормативном установлении иных оснований применения существующих в рамках общего правового режима мер административного принуждения;

в нормативном установлении иного порядка применения существующих в рамках общего правового режима мер административного принуждения.

Авторское определение объема действий, охватываемых правоприменительным способом механизма реализации административно-правового ограничения прав граждан, путем исключения из него соответствующих действий уполномоченных должностных лиц по реализации правоограничительных норм права без принятия в пределах их компетенции решений о необходимости и объеме причинения правоограничений, а также действий этих лиц по исполнению правоограничительных актов- документов индивидуального характера.

Единственной формой реализации правоприменительного способа административно-правового механизма ограничения прав граждан является деятельность уполномоченного должностного лица в пределах его компетенции, которая заключается в реализации норм административного права, закрепляющих содержание, основания и порядок применения меры административного принуждения, путем принятия этим лицом самостоятельного решения о необходимости и объеме причинения правоограничений в виде издания индивидуального правового акта управления (акта-документа или акта-действия).

Сформулированное на основе результатов теоретических исследований характерных признаков административного принуждения понятие административного принуждения; его авторское определение как метода воздействия государства на субъектов права, заключающегося в причинении им каких-либо правоограничений в форме применения прямо предусмотренных нормами административного права мер в связи с правонарушением (или объективно-противоправным деянием, содержащим в себе признаки состава правонарушения) или в связи с иной государственной необходимостью, путем возложения на субъектов права индивидуальным правовым актом управления дополнительной юридической обязанности либо лишения (ограничения на использование) уже имеющихся у них прав, либо непосредственно-

го воздействия физического характера и его места в структуре механизма реализации административно-правового ограничения прав граждан.

Теоретически обоснованная авторская классификация индивидуальных правовых актов управления и форм их выражения, в соответствии с которой признаются индивидуальные правовые акты управления в форме действия (акт-действие) и индивидуальные правовые акты управления в форме издания документа (акт-документ). И в той, и в другой форме реализуются нормы права путем правоприменительной деятельности, направленной на возникновение, изменение или прекращение управленческого правоотношения. Поскольку последствия при применении мер административного принуждения (как единственной формы реализации правоприменительного способа административно-правового ограничения прав граждан) всегда заключаются в причинении правоограничений, то отнесение таких действий к «иным юридически значимым действиям» необоснованно снижает их значимость.

Признавая индивидуальные правовые акты управления в форме актов-действий и актов-документов, предлагаем выделять не три (письменная, устная и конклюдентная), а четыре формы их выражения. Помимо названных, в качестве самостоятельной четвертой формы выступает непосредственное физическое воздействие (применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия).

Авторская конструкция системы средств административно-правового ограничения прав граждан органами внутренних дел в Российской Федерации, в соответствии с которой выделяются следующие средства:

возможность правовой регламентации порядка (или отдельных положений порядка) применения некоторых мер административного принуждения, осуществляемая на основании закона и возникшая путем делегирования законодателем своих полномочий федеральному органу исполнительной власти в области внутренних дел;

возможность правовой регламентации порядка реализации установленных в законе ограничений специального административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел,

возникшая путем делегирования законодателем своих полномочий федеральному органу исполнительной власти в области внутренних дел;

возможность применения сотрудниками органов внутренних дел мер административного принуждения.

Делегирование законодателем своих полномочий федеральным органам исполнительной власти в области внутренних дел по правовой регламентации порядка реализации установленных в законе ограничений специального административно-правового статуса не сотрудников этих органов, а других, определенных законом, групп граждан (полномочия федеральных органов исполнительной власти внешней направленности) автору представляется недопустимым. По нашему мнению, не может являться правовым средством административно-правового ограничения прав граждан органами внутренних дел и возможность правовой регламентации содержания и оснований применения мер административного принуждения в Российской Федерации. Такая правовая регламентация должна являться исключительной компетенцией законодателя и, соответственно, содержаться только в федеральных законах.

Разработанные и обоснованные предложения и рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации в целом и соответствующей административной деятельности органов внутренних дел в частности.

Защиты кандидатских диссертаций

Алексеев Денис Борисович

Актуальные проблемы контрольной деятельности органов государственной власти в современной России

Дата защиты – 22 марта 2016 г.

Место выполнения ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при

работы	Президенте Российской Федерации»
Научный руководитель	Кинев Александр Юрьевич
Оппоненты	Субанова Наталья Викторовна, Никифоров Максим Владимирович
Ведущая организация	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
Место защиты	Диссертационный совет Д 504.001.03 при ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Научная новизна диссертации определяется тем, что, во-первых, получили дальнейшее развитие общетеоретические положения о понятии, сущности, признаках и принципах контроля как функции государственного управления, а также обобщены и систематизированы множественные подходы к классификации государственного контроля и структурной организации контрольной государственной власти. Во-вторых, в пределах проведенного исследования с новых методологических позиций раскрыта система государственной контрольной деятельности, в том числе с учетом современных изменений в государственном аппарате, разработана новая концептуальная модель двуединого государственного контроля, как за законностью осуществления государственной власти, так и за безопасностью материальных сфер общественной жизни. Оригинальный авторский подход позволяет развести по различным направлениям контроль и надзор.

В диссертации разработаны совершенно новые правовые категории (например «организационно-правовая форма контрольной деятельности»), проанализированы новейшие тенденции развития государственного контроля, которые позволяют по-новому взглянуть на механизм государственной контрольной деятельности в условиях информационного общества.

Положения, выносимые на защиту:

Государственная контрольная деятельность – это осуществляемая органами государственного аппарата двуединонаправленная функция государственного управления, призванная обеспечить режим всеобщей законности, качество реализации государ-

ственной власти органами государства, а также безопасность хозяйственной деятельности граждан, организаций и иных частных субъектов в различных материальных сферах общественной жизни.

Общая государственная контрольная деятельность, как система деятельности, имеет два вектора применения: собственно контроль, как

самостоятельная функция управления, направленная на обеспечение законности и качества осуществления государственной власти, и собственно надзор, как самостоятельная функция управления, но направленная на обеспечение законности и безопасности жизни и хозяйственной деятельности человека в различных материально-правовых сферах жизни общества (в чистом виде это только административный надзор).

Институционализация государственной контрольной деятельности осуществляется в различных организационно-правовых формах, которые представляют собой особое соотношение субъектов контроля и применяемых ими методов. Специальные субъекты контроля и используемые ими методы в своей взаимосвязи позволяют разграничить различные институционально обособленные организационно-правовые формы государственной контрольной деятельности аналогично тому, как предмет и метод разграничивают отрасли права.

К организационно-правовым формам государственной контрольной деятельности в современной России относятся: парламентский контроль, президентский контроль, судебный контроль, внутренний контроль органов исполнительной власти, контроль института омбудсменов, административный надзор, прокурорский надзор, финансовый контроль Счетной палаты РФ и Центрального банка РФ, избирательный контроль.

Единая система государственной контрольной деятельности включает два важнейших направления ее использования: контроль и надзор, внутри которых государственный контроль существует в виде институционально обособленных организационно-правовых форм, реализуемых на федеральном и региональном уровнях государственной власти.

Новые законодательные положения, расширяющие общественное участие в государственном управлении, а также разви-

тие информационнокоммуникационных систем, породившие новые формы общения и передачи информации (интернет, блоги и социальные сети) реализуют не просто функцию диалога между обществом и государством, но и порождают реальные механизмы общественного правового воздействия на контрольную государственную деятельность. В общем виде это развивающееся явление можно назвать «информационным общественно-государственным контролем».

Основными идеями концепции совершенствования государственной контрольной деятельности на современном этапе должны стать: а) институциональное обособление контрольной ветви государственной власти, (которая в отличие от классического понимания должна включать не только внешний государственный контроль, но и внутренний государственный контроль (например, в системе органов исполнительной власти), поскольку он также призван обеспечить качество ее осуществления) в виде организационно-правовых форм государственной контрольной деятельности; б) вовлечение информационного общества и внедрение информационных технологий в процесс контрольной деятельности; в) принятие унифицированной официально признанной модели (системы) государственной контрольной деятельности; г) принятие специального законодательства, устанавливающего разработанную систему, и устраняющего имеющиеся терминологические противоречия; д) персонализация конечных контрольных инстанций, в частности, путем укрепления президентской формы контроля, законодательного определения статуса уполномоченных и спецпредставителей Президента РФ, реорганизации государственных инспекций в статус федеральных служб, а также создания службы главных государственных инспекторов в системе межотраслевой надзорной деятельности.

8. Основой для систематизации государственного контроля и терминологического разграничения надзора и контроля как функций управления в действующем законодательстве должен стать Федеральный закон «Об основах государственной контрольной деятельности в Российской Федерации», который бы закрепил официальную модель системы двуединонаправленной государственной контрольной деятельности (проект разработан автором в рамках диссертационного исследования), а также Ко-

декс об административном надзоре (Административно-надзорный Кодекс).

Грецкая Анна Сергеевна

Контроль в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции

Дата защиты – 22 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Научный руководитель	Юсупов Виталий Андреевич
Оппоненты	Редкоус Владимир Михайлович, Майоров Владимир Иванович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»
Место защиты	Диссертационный совет Д 504.001.03 при ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Новизна темы диссертационного исследования.

В данном исследовании автором впервые на научном уровне осуществляется комплексный анализ всего существующего и действующего массива законодательства в сфере оборота алкогольной продукции. Анализ носит комплексный характер, так как осуществляется во взаимосвязи с процессом реализации указанного законодательства органами исполнительной власти, социальным контролем, а также судебно-арбитражной практикой. Автор, также предпринял попытку разработки комплексного государственного подхода, направленного на совершенствование, административно-правового регулирования в сфере оборота алкогольной продукции.

Положения и выводы, выносимые на защиту:

Дано концептуальное обоснование необходимости формирования комплексного государственного подхода с целью регулирования сферы оборота алкогольной продукции, т.е. равнозначное развитие всех направлений: законодательного, экономического, медицинского, социального, образовательного и политического.

Обоснована безусловная важность административного регулирования в сфере оборота алкогольной продукции, а также аргументированно выделены основные направления административного регулирования, по мнению автора: законодательное; акцизы или ценообразование; лицензирование; пространственные, временные и возрастные ограничения; государственная монополия.

Сделано обоснование необходимости принятия федерального закона «О профилактике алкоголизма в РФ»;

Обоснована значимость и необходимость создания бесплатных муниципальных центров по профилактике и лечению алкогольной зависимости, в каждом муниципальном образовании нашего государства;

Аргументирована необходимость и целесообразность создания государственных, специализированных магазинов в которых будет осуществляться реализация алкогольной продукции, а также отмечена значимость закрепления в законодательстве режима работы таких магазинов;

Дано определение понятия малозначительности административного правонарушения определены его критерии, согласно существующей судебной практики Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда Российской Федерации (до и после объединения данных Судов), которое необходимо включить в статью 2.9 КоАП РФ;

Обоснована важность развития социального контроля во взаимодействии с государственным в рассматриваемой сфере: повышение качества социальной антирекламы употребления алкогольной продукции, пропагандирование активного и здорового образа жизни, введение комплексных программ направленных на воспитание подрастающего поколения, которое ориентированно на важность личностного и духовного роста, развитие творческого потенциала и формирование важных ценностей.

Вывод о том, что на сегодняшний день, государственно-правовое регулирование в сфере производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции определяет в большей степени фискальный метод и не берется во внимание то, что в данном случае значительного решения требуют социальные вопросы. Из направлений деятельности можно выделить две: увеличение роста бюджета (с помощью поступления налоговых платежей) и тщательное контролирование деятельности (лицензирование). При всём положительном влиянии акцизной системы регулирования на алкогольную промышленность она не решает проблему суррогатного алкоголя, подделок акцизных марок и злоупотребления алкогольной продукцией в стране в целом;

Вывод о наличии существенного недостатка в сложившейся судебной практике, в ходе разрешения дел о назначении наказания в виде административного приостановления деятельности – слепое следование судами выводов надзорных органов, изложенных в протоколе об административном правонарушении и иных прилагаемых к нему материалах;

Вывод о том, что отсутствует целесообразность введения повышения возрастного ценза, с которого можно употреблять алкогольную продукцию до 21 года, в связи с малой эффективностью данного законопроекта, по мнению автора диссертационного исследования;

Предложения с целью борьбы с самогонварением предлагается установить административную ответственность за самогонварение, как за изготовление, так и за реализацию. Данные изменения предлагается ввести в Кодекс об административных правонарушениях в виде отдельного состава с назначением штрафа в диапазоне с 5 до 10 тыс. руб. Для обеспечения реализации данной нормы предлагается также увеличить штат участковых уполномоченных с целью контроля соблюдения данной нормы. Также предлагается урегулировать ценовую политику на алкогольную и спиртосодержащую продукцию путем установления фиксированной ставки акциз с расчётом доступности алкогольной и спиртосодержащей продукции населению;

Вывод о том, что получение лицензии операторами дьюти-фри значительно затруднено, т.к. данные торговые объекты беспошлинной торговли расположены на режимных объектах;

Вывод о том, что существует наличие целесообразности законодательного закрепления принудительного лечения от алкогольной зависимости;

Предложение о необходимости включения в антиалкогольное воспитание, как специальный курс обучения культуре питания алкогольных напитков. Особенность данного спецкурса должно являться, то, чтобы в его содержании предоставлялась информация не только как употреблять алкогольные напитки, но и как правильно подходить к их выбору. Сегодня населению необходимо разъяснить, что, выбирая для употребления суррогатную алкогольную продукцию, они наносят вред своему здоровью и более того рискуют потерять жизнь;

Предложение о том, что с целью повышения эффективности применения Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», необходимо все существующие нормы, относительно оказания услуг общественного питания собрать в одном Федеральном законе «Об оказании услуг общественного питания», где будет четко прописано понятие общественного питания, а также установлены более жесткие требования относительно переоборудования торговых точек бары, кафе и закусочные;

16. Предложение относительно внесения изменений в пункт 5 статьи 16 Федерального закона (в ст. 3 Краевого закона, соответственно по аналогии с Федеральным законом), а также внесены предложения дополнения указанного пункта следующим абзацем: «реализация алкогольной продукции в магазинах с оборудованной в них точкой общественного питания допускается в случае, если площадь магазина не менее 100 кв. метров, а также при наличии обслуживающего персонала (повара, официанты, бармены и др.) и охраны»;

17. Предложение, относительно нарушений в сфере лицензирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также оборота некачественного алкоголя, автором сделан вывод, что с целью выявления недобросовестных участников оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции необходимо при регистрации организации с ОКВЭД: 51.34 (Оптовая торговля ал-

когольными и другими напитками), 51.34.2 (Оптовая торговля алкогольными напитками, включая пиво), 51.34.21 (Оптовая торговля алкогольными напитками, кроме пива) – проводить проверку налоговыми органами таких организаций по следующим критериям:

наличие лицензии на ведение соответствующего вида деятельности;

наличие складских помещений;

транспортных средств;

достаточное количество персонала для осуществления выбранного вида деятельности;

соответствие лиц, указанных в учредительных документах при регистрации – лицам, осуществляющим деятельность в организации;

адрес регистрации, указанный в учредительных документах соответствует реальному местоположению организации.

Изюмова Евгения Сергеевна
Правовое регулирование контрольной и надзорной деятельности органов государственного управления в сфере игорного бизнеса

Дата защиты – 25 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»
Научный руководитель	Майоров Владимир Иванович
Оппоненты	Зырянов Сергей Михайлович, Андрюхина Элина Петровна
Ведущая организация	ФГАОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Место защиты	Диссертационный совет Д 212.274.06 при ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно представляет собой первое комплексное исследование специфики и проблем правового регулирования контрольной и надзорной деятельности органов государственного управления в сфере игорного бизнеса.

Проведено комплексное исследование понятийного аппарата сферы игорного бизнеса. Дано авторское определение понятия «персонал игорного заведения», «предписание уполномоченных органов в сфере игорного бизнеса».

Исследованы функции и методы регулирования контрольной и надзорной деятельности органов государственного управления в сфере игорного бизнеса, определена их специфика.

Разработан административный регламент исполнения Федеральной налоговой службой государственной функции по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением установленных Федеральным законом № 244-ФЗ «О государственном регулировании

деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» ограничений.

Выделены особенности правоприменительной деятельности органов государственного управления при осуществлении контроля и надзора в сфере игорного бизнеса, обозначены основные проблемы применения права в указанной сфере, и пути их решения.

На защиту выносятся следующие основные положения, являющиеся новыми или содержащие элементы новизны:

Сформулированы основные признаки объекта контрольной и надзорной деятельности органов государственного управления в сфере игорного бизнеса: 1) игорный бизнес является предпринимательской деятельностью; 2) деятельность заключается в организации и (или) проведении азартных игр; 3) полученный доход извлекается в виде платы за проведение и (или) участие в азартных играх. Предложено авторское определение понятия «персонал игорного заведения», под которым следует понимать лиц, действующих по поручению организаторов азартных игр, способствующих заключению соглашений между участниками азартных игр и игорным заведением либо между собой, а равно и

получающих денежные средства для участия в азартных играх от посетителей игорного заведения либо обеспечивающих получение выигрыша участником азартных игр.

Предложена авторская формулировка предписания уполномоченных органов в сфере игорного бизнеса как обязательного для исполнения документа, составленного и направленного (врученного) от имени органа государственного контроля (надзора) юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю или должностному лицу, содержащего законные требования по устранению нарушений требований законодательства об азартных играх и пари. Обоснована позиция о необходимости установления сроков исполнения выдаваемых органами государственного контроля (надзора) предписаний. Для этого в Федеральном законе № 294-ФЗ предлагается определить сроки исполнения предписания (30 дней), и максимальные сроки его продления (60 дней), количество возможных продлений (3) с целью исключения широты дискреционных полномочий контролирующих (надзорных) органов.

Обоснован вывод о необходимости возврата к лицензированию игорного бизнеса, исходя из особенностей явления, связанных с возможностью нанесения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан, обороне и безопасности государства. Лицензионная система является наиболее приемлемым и эффективным способом регулирования отношений в сфере деятельности по организации азартных игр и пари ввиду возможности осуществления последующего контроля и определенности срока выдаваемой лицензии.

Обоснована позиция о том, что регулирование вопросов, связанных с организацией игорного бизнеса, закреплением административной ответственности за нарушения в указанной сфере, должно осуществляться исключительно на федеральном уровне ввиду высокой общественной опасности деяний и вредных последствий, которые могут возникнуть из-за бесконтрольного распространения игорного бизнеса, законодательной неопределенности пределов компетенции органов регионального государственного надзора.

Предложен ряд новых составов административных правонарушений, в том числе обосновано введение административной ответственности за участие в

незаконных азартных играх; ответственности провайдера за неисполнение требований об ограничении доступа к сайтам

с азартными играми; ответственности персонала игорных заведений за обеспечение доступа в игорное заведение лиц, не достигших возраста 18 лет.

Аргументирована позиция о необходимости делегирования Федеральной налоговой службе и ее территориальным органам полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях по всем частям ст. 14.1.1 КоАП РФ путем внесения изменений в п. 5 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ.

Внесено предложение о необходимости разработки административного регламента Федеральной налоговой службы по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением установленных Федеральным законом № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» ограничений, предложен авторский вариант его структуры и основных положений.

Сабодаш Анатолий Николаевич

Административно-правовое регулирование государственного управления в области социальной защиты ветеранов боевых действий в Российской Федерации

Дата защиты – 26 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»
Научный руководитель	Севрюгин Виктор Егорович
Оппоненты	Шайхатдинов Владимир Шамильевич, Дизер Олег Александрович
Ведущая	ФГБОУ ВО «Вятский государственный

организация гуманитарный университет»
Место защиты Диссертационный совет Д 212.274.06 при
ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научная новизна диссертационной работы определяется кругом мало исследованных вопросов административно-правового регулирования государственного управления в области социальной защиты ветеранов боевых действий и членов их семей в Российской Федерации.

В данной диссертационной работе предпринята попытка комплексного анализа и правоотношений, возникающих по поводу организации государственного управления социальной защитой ветеранов боевых действий и членов их семей в Российской Федерации.

Автором проведен системный анализ нормативно-правовой базы регулирования отношений в области государственного управления социальной защитой ветеранов боевых действий.

Диссертационное исследование представляет собой первое системное теоретико-правовое исследование проблемных вопросов

административно – правового регулирования государственного управления в области социальной защиты ветеранов боевых действий. Автором охвачен значительный круг проблем, которые не рассматривались в научной литературе либо не получили до сих пор определенного решения. Постановка и предлагаемая автором трактовка этих проблем содержат элементы новизны или во многих случаях являются новыми.

Основные положения, выносимые на защиту.

Проведенное многолетнее исследование позволило вынести на защиту следующие положения, являющиеся новыми в науке административного права или содержащие элементы научной новизны:

На основе изучения и систематизации признаков понятия «ветераны боевых действий» обоснована необходимость признания данного понятия в качестве юридической категории и дано ее авторское научное определение:

ветераны боевых действий – это действующие или бывшие военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов, и иные граждане, направленные по решению органов государственной власти СССР или Российской Федерации в иностранные государства и принимавшие участие в боевых действиях на территории этих государств, а также, выполнявшие задачи в условиях вооруженных конфликтов или в ходе контртеррористических операций на территории Российской Федерации.

Установлено, что организационно-правовыми формами социальной защиты ветеранов боевых действий являются:

1) социальное страхование, 2) государственное социальное обеспечение, 3) обязательное государственное страхование, 4) негосударственное пенсионное обеспечение, 5) содействие занятости, 6) физическая и психологическая реабилитация, 7) санаторно-курортное лечение, 8) льготы на приобретение лекарственных препаратов и ортопедической техники, 9) обеспечение жилыми помещениями. Особое место в системе организационных форм занимает благотворительность.

Организационно-правовые формы влияют на содержание общественных отношений в области государственного управления социальной защитой ветеранов боевых действий, дополняют друг друга и придают мерам социальной защиты ветеранов боевых действий комплексный и системный характер. Сделан вывод о достаточности таких форм.

Вместе с тем, содержательное наполнение данных форм нуждается в обновлении, нормативном закреплении нового содержания, а так же в обеспечении принципа справедливости в условиях неравного уровня жизни в различных субъектах Российской Федерации.

Анализ нормативного и индивидуального правового регулирования системы мер социальной защиты ветеранов боевых действий позволяет выявить ряд тенденций, влияющих на их реализацию:

возрастающее количество федеральных нормативных правовых актов в исследуемой сфере государственного управления, что свидетельствует о бессистемности правового регулирования социальной защиты ветеранов боевых действий и членов их семей;

формирование нормативных правовых актов на субфедеральном уровне, входящих в единую систему нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере государственного управления социальной защитой ветеранов боевых действий и конкретизирующих меры социальной защиты на региональном уровне с учетом бюджетных возможностей субъектов Российской Федерации;

расширение взаимодействия органов государственного управления с исполнительными органами муниципальных образований, с общественными объединениями по вопросам социальной защиты ветеранов боевых действий, позволяющее обеспечить адресность мер социальной защиты ветеранов боевых действий и членов их семей;

формирование обширной судебной практики по признанию судами всех уровней действий и бездействия органов государственного управления и их должностных лиц по вопросам социальной защиты ветеранов боевых действий неправомерными, что благотворно влияет на правоприменительную практику и, как следствие, на уровень социальной защищенности ветеранов боевых действий и членов их семей.

Исследованием установлено, что, во-первых, состав и объем мер социальной защиты ветеранов боевых действий и членов их семей зависит от принадлежности таких лиц к конкретным силовым ведомствам. Во-вторых, нормативно-правовые акты, регулирующие состав и объем мер социальной защиты ветеранов боевых действий и членов их семей имеют различную юридическую силу. В связи с этим, обоснована необходимость принятия единого федерального закона, систематизирующего правовые нормы о мерах социальной защиты ветеранов боевых действий и членов их семей вне зависимости от их ведомственной принадлежности. Это позволит определить правовые, экономические и нравственные ориентиры государственной политики в области социальной защиты ветеранов боевых действий, укрепить ее, реально обеспечить их единый особый правовой, в том числе административно-правовой, статус ветеранов боевых действий, признанный Конституционным судом Российской Федерации.

Изучение вопросов занятости ветеранов боевых действий позволило выделить отдельные группы отношений в сфере госу-

дарственного управления занятостью в качестве предмета административно-правового регулирования, поскольку обязательной стороной этих отношений являются органы государственной службы занятости. К предмету административно-правового регулирования относятся такие группы общественных отношений с участием ветеранов боевых действий с одной стороны и органов государственной службы занятости – с другой, как:

1) по признанию ветеранов боевых действий безработными; 2) по трудоустройству ветеранов боевых действий; 3) по профессиональной ориентации, профессиональной подготовки, переподготовки ветеранов боевых действий; 4) по содействию безработным ветеранам боевых действий в организации собственного дела; 5) по денежным выплатам безработным ветеранам боевых действий и др.

Для совершенствования механизма административно-правового регулирования в сфере социальной защиты ветеранов боевых действий и членов их семей сформулированы предложения:

о наделении одного межведомственного органа государственной исполнительной власти полномочиями по ведению единого реестра ветеранов боевых действий и выдачи соответствующих удостоверений;

о необходимости признания выдачи удостоверения ветерана боевых действий административной государственной услугой, предоставляемой уполномоченным органом государственной исполнительной власти по обращению заявителя;

об урегулировании процедуры выдачи такого удостоверения административным регламентом, утвержденным указом Президента Российской Федерации;

об уточнении перечня льгот, предоставляемых ветеранам боевых действий и членам их семей, на основе принципа актуализации и соответствия их современному уровню жизни.

Под совершенствованием законодательства в области государственного управления социальной защитой ветеранов боевых действий предложено понимать не только разработку системы и структуры такого законодательства, но и выявление основных пробелов действующего законодательства в исследуемой области

и, в первую очередь, законодательства об охране здоровья военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

Предложены этапы совершенствования такого законодательства. Первый этап. Разработка стратегии социальной защиты ветеранов боевых действий и членов их семей, а так же концепции совершенствования законодательства об охране здоровья военнослужащих и работников правоохранительных органов, в том числе лиц, имеющих особый статус ветеранов и инвалидов боевых действий.

Второй этап. Проведение мониторинга и экспертизы нормативных правовых актов с целью выявления противоречий и пробелов в действующем законодательстве о социальной защите ветеранов и инвалидов боевых действий и членов их семей.

Третий этап. Закрепление раздела «Законодательство о социальной защите ветеранов боевых действий и членов их семей» в Классификаторе правовых актов Российской Федерации.

Четвертый этап. Издание кодификационного свода законов о социальной защите ветеранов и инвалидов боевых действий и членов их семей и об охране здоровья военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

Сформулирован комплекс предложений по внесению изменений и дополнений в действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Глава 5 – ст.ст. 5.41, 5.42, 5.43, ч. 1 – 3 ст. 5.57; глава 15 – ст.ст. 15.32, 15.33, 15.34; глава 19 – ст. 19.1).

Кретов Вадим Валерьевич

Административно-правовое регулирование дорожного хозяйства Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы развития

Дата защиты – 26 марта 2016 г.

Место
выполнения
работы
Научный

ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Севрюгин Виктор Егорович

руководитель

Оппоненты

Ведущая
организация

Место защиты

Каплунов Андрей Иванович,
Коркин Андрей Владимирович
ФГКУ «Всероссийский научно-
исследовательский институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации»
Диссертационный совет Д 212.274.06 при
ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный
университет»

Научная новизна работы заключается в следующем:

впервые проведен комплексный сравнительно-правовой анализ административно-правового регулирования дорожного хозяйства РФ; обоснован новый теоретический подход к понятию «дорожное хозяйство»; установлена прямая зависимость состояния автодорожной сети страны от эффективности административно-правового регулирования дорожного хозяйства; обоснована концепция механизма административно-правового регулирования дорожного хозяйства; выявлены основные проблемы сложившегося административно-правового регулирования дорожного хозяйства РФ; определены основные направления совершенствования административно-правового регулирования дорожного хозяйства, предусматривающие:

а) принятие правовых актов, обеспечивающих повышение эффективности управления дорожным хозяйством, за счет совершенствования структуры органов управления дорожным хозяйством и привлечения к процессу управления дорожных советов, представляющих интересы пользователей дорог;

б) законодательное решение проблемы обеспечения адекватного финансирования дорожного хозяйства;

обоснована необходимость принятия ФЗ «О внебюджетных дорожных фондах в Российской Федерации», направленного на обеспечение адекватного финансирования содержания и ремонта автомобильных дорог и разработаны основные его положения;

обоснована необходимость принятия Федерального Закона «О развитии и совершенствовании сети автомобильных дорог общего пользования Российской Федерации», направленного на

активизацию развития автодорожной сети страны за счет обеспечения адекватного финансирования строительства и реконструкции автомобильных дорог;

обоснована необходимость совершенствования Федерального закона «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 257-ФЗ от 8.11.2007г. и разработан комплекс предложений по его совершенствованию.

сформулирован ряд понятий административно-правового регулирования дорожного хозяйства для применения в юридической практике, основными из которых являются: «дорожное хозяйство», «автомобильная дорога», «сеть автомобильных дорог», «механизм административно-правового регулирования дорожного хозяйства», «управление дорожным хозяйством с привлечением пользователей дорог» и др.;

обоснована необходимость установления административно-правовой ответственности органов управления дорожным хозяйством и их руководителей за невыполнение или непрофессиональное исполнение возложенных на них полномочий и разработаны доктринальные модели норм отдельной главы особенной части КоАП РФ «Административные правонарушения в области дорожного хозяйства».

Научная новизна отражена в обоснованных и представленных теоретических положениях и выводах, практических предложениях по совершенствованию механизма административно-правового регулирования дорожного хозяйства Российской Федерации.

На защиту выносятся следующие основные положения, являющиеся новыми или обладающие элементами новизны:

Дорожное хозяйство, являясь сложной системой, включает в себя следующие основные элементы: автомобильные дороги, предназначенные для удовлетворения спроса

пользователей; органы управления, наделенные собственником полномочиями в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности; предприятия, обеспечивающие эксплуатацию, совершенствование и развитие дорожной сети; а также нормативно-правовую и нормативно-техническую базы, посредством которых собственник и уполно-

моченные им органы осуществляют нормативно-правовое и нормативно-техническое регулирование функционирующей системы с целью удовлетворения спроса пользователей автомобильных дорог.

Действующее в Российской Федерации административно-правовое регулирование, включая сложившиеся на его основе системы финансирования и управления отраслью, не обеспечивает возможности приведения дорожной сети страны в состояние, удовлетворяющее спрос пользователей дорог на безопасное, бесперебойное, с расчётными скоростями движение транспорта по дорогам общего пользования.

Законодательство об автомобильных дорогах и дорожной деятельности, основанное на Конституции РФ, ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», №257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», других федеральных законах и принимаемых в соответствии с ними законах субъектов федерации, создающее юридическую основу административно-правового регулирования дорожного хозяйства не обеспечивает эффективного решения проблем развития сети дорог и содержания существующих автодорог в требуемом нормативно-техническом состоянии.

Подтверждением этому является слабо развитая автодорожная сеть страны, находящаяся в неудовлетворительном состоянии, предопределяющая необходимость совершенствования и дальнейшего развития действующего законодательства, в первую очередь, в целях обеспечения повышения эффективности управления и адекватного финансирования дорожного хозяйства.

Механизмом административно-правового регулирования дорожного хозяйства предлагается считать установленную действующим законодательством систему правовых средств, посредством которых органами государственной власти осуществляется воздействие на общественные отношения в сфере дорожного хозяйства с целью удовлетворения потребительского спроса на безопасное, бесперебойное с расчётными скоростями движение транспорта по дорогам общего пользования.

Действующий в РФ механизм административно-правового регулирования дорожного хозяйства нельзя считать эффектив-

ным, поскольку он в полной мере не обеспечивает эффективного функционирования дорожной отрасли и, как следствие – удовлетворения спроса пользователей автомобильных дорог.

В результате, из-за отсутствия эффективных правовых решений не обеспечено: адекватное финансирование дорожного хозяйства; эффективное управление дорожным хозяйством на всех этапах, включая: анализ состояния дорожного хозяйства, планирование, принятие решений, организацию реализации принятых решений, контроль за реализацией принятых решений на всех уровнях

При современном состоянии административно-правового регулирования, действующие в сфере дорожного хозяйства правовые акты не обеспечивают создание эффективной организационной структуры и системы управления дорожным хозяйством, способных обеспечить удовлетворение спроса пользователей в безопасном, бесперебойном, с расчетными скоростями движении транспорта по дорогам общего пользования.

Основными причинами этого являются:

отсутствие правовых решений, обеспечивающих возможность создания эффективной системы управления сетью автомобильных дорог страны, как единым целым;

отсутствие законодательного ограничения численности аппарата управления дорожным хозяйством, запрещающее создание многоступенчатой структуры управления, рост аппарата управления, что в итоге приводит к снижению персональной ответственности работников, значительному увеличению сроков принятия управленческих решений, увеличению расходов на содержание аппарата управления.

отсутствие правового решения вопроса о наличии в структуре управления организации, представляющей интересы пользователей дорог, реально заинтересованных в улучшении состояния дорог, эффективном использовании перечисляемых ими платежей, предназначенных для улучшения состояния автодорожной сети страны.

отсутствие законодательно утвержденной системы конкретной, персональной ответственности руководителей органов управления дорожным хозяйством за состояние подведомственных им дорог общего пользования.

Понятийный аппарат, существующий в области административно-правового регулирования дорожного хозяйства требует своего совершенствования. В работе сформулированы такие основополагающие понятия как «дорожное хозяйство», «сеть автомобильных дорог», «механизм административно-правового регулирования дорожного хозяйства» и т.д.

Основными проблемами административно-правового регулирования дорожного хозяйства РФ являются:

а) отсутствие правового решения проблемы обеспечения дорожного хозяйства адекватным финансированием;

б) неэффективное правовое решение проблемы управления дорожным хозяйством, выражающееся в отсутствии в правовых актах:

положений, устанавливающих обязательность наличия полной, достоверной и доступной информации о состоянии автодорожной сети, о решениях принимаемых органами управления, качестве и сроках их реализации и т.д.,

норм, устанавливающих обязательность наличия систем объективного рационального планирования дорожных работ;

положений, устанавливающих обязательность своевременного и качественного выполнения запланированных дорожных работ и конкретную ответственность руководителей органов управления дорожным хозяйством за выполнение запланированных мероприятий;

положений, предусматривающих обязательность публикации отчетов о целевом и эффективном расходовании средств, выделяемых дорожному хозяйству и персональную ответственность за достоверность и доступность публикуемой информации руководителей органов управления дорожным хозяйством.

Правовое и организационное решение вопроса подключения к процессу управления наделенных реальными полномочиями дорожных советов, обеспечит повышение эффективности управления дорожным хозяйством на всех этапах, включая объективное информационное обеспечение, обоснованное планирование, организацию обязательного выполнения запланированных мероприятий и контроль за своевременностью и качеством их реализации.

Существующий дорожный совет при Федеральном дорожном агентстве создан по формальным признакам и практически не обладает никакой функциональной нагрузкой. В то же время, в связи с наличием большого количества проблем, стоящих перед дорожным хозяйством РФ и требующих своего профессионального решения, дорожный совет мог бы в значительной мере способствовать повышению эффективности управления отраслью.

Правовое решение вопроса создания в РФ смешанного дорожного совета, совмещающего функции консультационного и функционального, наделения его реальными полномочиями и включения в структуру управления дорожным хозяйством, безусловно обеспечит повышение эффективности управления дорожным хозяйством.

Наиболее эффективными административно-правовыми решениями проблемы обеспечения адекватного финансирования дорожного хозяйства представляются:

а) создание внебюджетных дорожных фондов, управляемых и формируемых с участием пользователей автомобильных дорог и обеспечивающих финансирование ремонта и содержания автомобильных дорог общего пользования;

законодательное решение вопроса финансирования дорожного хозяйства через дорожные фонды, являющиеся составной частью бюджетов, к обеспечению адекватного финансирования дорожного хозяйства не привело. Обеспечить решение этой проблемы сможет принятие специального Федерального закона «О внебюджетных дорожных фондах в Российской Федерации», предусматривающего участие в финансировании и управлении такими фондами пользователей дорог (структура такого закона разработана автором);

б) обеспечение финансирования совершенствования и развития сети дорог общего пользования за счет бюджетных и иных средств, путем принятия Федерального закона «О развитии и совершенствовании сети дорог общего пользования в Российской Федерации».

Сложившаяся система административно-правовой ответственности за правонарушения в сфере дорожного хозяйства предусматривает наказание юридических и физических лиц, в

основном пользователей дорог и иных лиц, допускающих нарушения установленных правил:

использования полос отвода и придорожных полос автомобильных дорог;

охраны автомобильных, железнодорожных переездов и других дорожных сооружений;

обеспечения безопасности дорожного движения при ремонте и содержании дорог.

В то же время, к ответственности не привлекаются органы управления дорожным хозяйством и их руководители, не обеспечивающие:

а) надлежащего содержания и своевременного ремонта дорог, в результате чего ускоренно разрушается дорожная сеть, увеличивается стоимость перевозок, гибнут люди;

б) развития и совершенствования сети дорог общего пользования, в результате чего не выполняются положения Конституции Российской Федерации.

В качестве мер по установлению адекватной ответственности за правонарушения в сфере дорожного хозяйства необходимо:

расширить главу 10 Федерального закона «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №257-ФЗ от 8.11.2007 - «Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации об автомобильных дорогах и дорожной деятельности».

откорректировать содержание статей 11.21; 11.22; 12.21; 12.33; 12.34 КоАП РФ.

ужесточить ответственность по этим статьям;

вести в №257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и КоАП РФ дополнительные статьи, определяющие ответственность органов управления дорожным хозяйством и их руководителей за неисполнение или непрофессиональное исполнение возложенных на них полномочий;

вести в особенную часть КоАП РФ дополнительную главу «Административные правонарушения в области автомобильных дорог».

Повышение эффективности административно-правового регулирования дорожного хозяйства РФ может быть обеспечено за счет:

совершенствования действующего Федерального закона «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №257-ФЗ от 8.11.2007г.;

развития действующего законодательства, в целях создания правовых условий для адекватного финансирования дорожного хозяйства, в т. ч.:

а) финансирования содержания и ремонта существующей сети дорог общего пользования, путем принятия отдельного Федерального закона «О внебюджетных дорожных фондах в Российской Федерации»;

б) финансирования развития и совершенствования сети автомобильных дорог общего пользования путем принятия Федерального закона «О развитии и совершенствовании сети автомобильных дорог общего пользования Российской Федерации»;

законодательного установления административно-правовой ответственности органов управления дорожным хозяйством за неисполнение или непрофессиональное исполнение возложенных на них полномочий.

развития действующей правовой базы дорожного хозяйства с целью повышения эффективности управления дорожным хозяйством, путем принятия Постановлений Правительства Российской Федерации: а) «О дорожных советах в Российской Федерации», предусматривающего наделение пользователей дорог, (объединенных в дорожные советы) определенными реальными полномочиями и подключение их к процессу управления дорожным хозяйством; б) «О совершенствовании системы и структуры управления сетью дорог общего пользования Российской Федерации», предусматривающего передачу федеральных дорог в доверительное управление региональным органам управления дорожным хозяйством, и устанавливающего ограничения многоступенчатости и численности аппарата управления дорожным хозяйством.

Дорофеева Жанна Павловна
Превенция административной деликтности
несовершеннолетних: научно-практические основы
формирования государственных программ и их реализация в
Российской Федерации
Дата защиты – 21 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Научный руководитель	Махина Светлана Николаевна
Оппоненты	Денисенко Виктор Васильевич, Беженцев Александр Анатольевич
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Диссертационный совет Д 999.044.03 на базе ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс»

Научная новизна диссертации заключается в том, что на основании выполненных соискателем исследований:

разработаны научно-практические основы и установлены параметры для принятия и реализации государственных и муниципальных программ превенции АДН; установлено место и определено назначение программного регулирования в общей системе предупреждения и профилактики АДН;

предложены к принятию: государственная программа Российской Федерации, направленная на превенцию АДН; государственная программа субъекта Российской Федерации, направленная на превенцию АДН; а также муниципальная программа превенции АДН, в который предлагаются основные меры, направленные на превенцию АДН;

доказаны: приоритетное значение программ превенции АДН по сравнению с другими элементами системы превенции АДН; эффективность программно-целевого метода превенции АДН; необходимость реформирования действующего законодательства в соответствии с предложенными направлениями программ превенции АДН: Российской Федерации; субъектов Российской Федерации; муниципальных образований;

введены в научный оборот авторские интерпретации терминов: административной деликтологии, делинквентного поведения, административной деликтности несовершеннолетних, превенции АДН, формы превенции АДН, метода превенции, функционально-целевого назначения превенции АДН, системы превенции АДН, программного регулирования.

На защиту выносятся следующие положения, обладающие элементами научной новизны:

новые подходы к содержательному аспекту понятия административной деликтологии в узком и широком смысле, где автором обозначено, что ее важной частью являются программы предупреждения деликтности, а также сформулированный термин делинквентного поведения несовершеннолетних (деликвентов); авторская интерпретация составной характеристики категории АДН;

выводы по результатам рассмотрения исторического ракурса становления института АДН в России, которые свидетельствуют о том, что в отношении АДН до настоящего времени не сформировано эффективного механизма правового регулирования ее превенции, что требует: а) новых подходов к решению вопросов АДН; б) реформирования действующего законодательства с учетом современных особенностей развития общества и государства; авторские концепции:

превенции АДН как комплекса мероприятий, осуществляемых всеми субъектами системы превенции АДН по отношению к несовершеннолетним деликвентам, по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений;

специальной превентивной деятельности, – сконцентрированной вокруг физической и социальной среды, а также факторов, оказывающих влияние на возможности для совершения про-

тивоправных действий, – ориентированной как на отдельных несовершеннолетних, так и их группы, имеющие потенциальный риск стать правонарушителями, а также тех несовершеннолетних, которые уже совершили противоправные действия, с целью недопущения противоправного поведения, – направленной на формирование у правонарушителей сознания действовать в рамках правовой нормы;

классификационных составляющих видовой характеристики превенции

АДН;

предложения:

о систематизации функций, направленных на достижение целей превенции АДН, к которым отнесены: регулятивная функция превенции АДН; охранно-защитная функция превенции АДН; воспитательная функция превенции АДН; контрольно-предупредительная функцию превенции АДН;

о выделении содержательного аспекта функционально-целевого назначения превенции АДН, который включает: а) нейтрализацию негативных процессов, способствующих созданию причин и условий для совершения правонарушений и протекающих в подростковой среде, б) упреждающее воздействие на определенный круг несовершеннолетних лиц, склонных к противоправному поведению в силу различных факторов, в) защиту прав и законных интересов несовершеннолетних при реализации превенции АДН;

о понятии системы превенции АДН и выделении ее основных элементов;

о внедрении предложенных диссертантом программ превенции АДН, которые в силу их правового, долгосрочного, универсального характера, позволят: а) предусмотреть возможные проблемные аспекты превенции АДН с учетом современных потребностей общества и государства, б) своевременно осуществлять необходимые корректировки правовой основы для оперативного и эффективного противодействия АДН;

обоснованные и сформулированные положения о:

понятии формы превенции АДН, понимаемой: – в содержательном аспекте как комплекс предупредительных мер, которые реализуются через соответствующую деятельность субъектов,

осуществляющих превентивную деятельность, направленную на предотвращение и борьбу с АДН, – в юридическом (правовом) аспекте как способ выражения, внешнее проявление основных направлений ее реализации;

видовой характеристике форм превенции АДН и основных направлениях их реализации, включающих: а) объект воздействия; б) объект превенции; в) особенности противоправного поведения несовершеннолетних;

предлагаемый автором термин метода превенции АДН, а также разработанная классификация методов превенции АДН; позиция диссертанта о том, что программы превенции АДН представляют собой правовые акты, утверждаемые на соответствующем уровне и содержащие комплексы мер, направленные на достижение общественно значимых и, как правило, количественно измеримых результатов с одновременным мониторингом и контролем за достижением намеченных целей и результатов;

сформированная видовая характеристика программ превенции АДН, которая предусматривает их разграничение на: а) государственные программы Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, которые дают ориентацию для правового регулирования и упорядочивания действующих правовых норм и представляют собой исключительно правовые документы; и б) муниципальные программы, которые принимаются для эффективной реализации государственных программ;

предложения о содержательных основах программ превенции АДН, включающих: а) меры первичной превенции; б) меры вторичной превенции АДН; в) меры третичной превенции; г) меры превенции АДН в зависимости от трех основных категорий превенции противоправного поведения несовершеннолетних деликвентов; с раскрытием в исследовании каждого параметра;

авторская позиция о необходимости разработки и принятия государственной программы Российской Федерации – «Превенция административной деликтности несовершеннолетних граждан в Российской Федерации на 2016-2021 гг.» и разработанный диссертантом модельный проект предлагаемой программы; предложение о принятии Федерального закона «Об основах государственной системы превенции административных деликтов несовершеннолетних граждан Российской Федерации», который дол-

жен стать нормативно-правовой основой государственной программы Российской Федерации превенции АДН, и его модельный проект; позиция по вопросу круга субъектов реализации предложенной программы;

аргументация в пользу принятия государственной программы субъекта Российской Федерации «Комплексная целевая программа превенции административной деликтности несовершеннолетних на территории субъекта Российской Федерации, ориентированная на пять лет (2016-2021 гг.)» и разработанный ее модельный проект;

необходимость разработки и принятия муниципальной программы «Программно-целевой комплекс мер, направленных на превенцию административной деликтности несовершеннолетних» и разработанный ее модельный проект; позиция автора по вопросу определения круга субъектов, которые в пределах своей компетенции должны проводить различные профилактические мероприятия, направленные на превенцию АДН на муниципальном уровне, а также ряд положений, направленных на устранение проблем соотношения государственных и муниципальных программ.

Куценко Татьяна Михайловна

Новые виды документов и вещественных доказательств по делам об административных правонарушениях: проблемы теории и правового регулирования в Российской Федерации
Дата защиты – 22 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»
Научный руководитель	Махина Светлана Николаевна
Оппоненты	Шергин Анатолий Павлович, Дудаев Анатолий Борисович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Диссертационный совет Д 999.044.03 на базе
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»,
Место защиты ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный
университет», ФГБОУ ВПО «Государственный
университет – учебно-научно-производственный
комплекс»

Научная новизна работы заключается в том, что на основании выполненных соискателем исследований:

разработана новая научная идея выделения из всего многообразия фактических данных новых видов документов и вещественных доказательств в производстве по ДАП, их определения и систематизации;

предложены меры по оптимизации правового регулирования новых видов документов и вещественных доказательств в производстве по ДАП;

доказаны факты существования и необходимости правовой регламентации новых видов документов и вещественных доказательств в производстве по ДАП;

введены в научный оборот авторские дефиниции или предложены уточнения дефиниций: «фактические данные», «презумпция новых видов доказательств», «доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях», «документ как доказательство», «электронный документ», «электронный документ как доказательство», «виртуальный документ», «виртуальный документ как доказательство», «документы, полученные с использованием сотовой связи, как доказательства», «компьютерная информация», «данные сферы компьютерных технологий как доказательства», «электронный протокол об административном правонарушении», «вещественное доказательство в производстве по делам об административных правонарушениях», «специальное техническое средство».

На защиту выносятся следующие положения, обладающие элементами научной новизны:

авторская позиция о том, что фактические данные – это достоверная, допустимая информация, имеющая доказательственное значение для производства по делам об административных

правонарушениях, которая представляет собой доказательственную информацию по делу, подлежащую соответствующему процессуальному оформлению; сформулированное диссертантом понятие «презумпция новых видов доказательств» как предположение о существовании фактических данных, которые несут в себе доказательственное значение для производства по делам об административных правонарушениях, пока данное предположение не будет опровергнуто; система доводов о целесообразности введения в действующее административно-деликтное законодательство данной категории; авторское понятие «доказательства в производстве по ДАП» (сформулированное на основании изученных особенностей фактических данных), которое может стать основой формирования новой, отвечающей современным реалиям системы доказательств, предусматривающей возможные актуальные виды фактических данных (предложено закрепить в ч. 1 ст. 26.2 КРФ об АП);

разработанная диссертантом комплексная классификация доказательств в производстве по ДАП с учетом новых видов и характера фактических данных, в которую вошли как уже изученные и устоявшиеся категории, так и новые классификационные составляющие, такие как «электронные документы», «виртуальные документы», «документы, полученные с использованием сотовой связи», «данные сферы компьютерных технологий»;

сформулированное в работе понятие документа как доказательства в производстве по ДАП, которое основано на выявленных и изученных автором характерных сущностных особенностях «документов»; сформированная видовая классификация документов в производстве по ДАП в зависимости от правовой основы и периода их создания (получения); вывод о том, что указанные предложения целесообразно отразить в п. 1 и п. 2 ст. 26.7 КРФ об АП;

сформулированное понятие электронного документа как информации, которая содержится в особой файловой электронной среде, представленной в доступной для восприятия человеком цифровой форме, удостоверенной электронным аналогом собственноручной подписи, предусмотренным действующим законодательством либо соглашением сторон; позиция диссертанта о необходимости включения в структуру действующего админи-

стративно-деликтного законодательства новой правовой категории «электронный документ как доказательство в производстве по ДАП», которую следует закрепить в новой статье – 26.7.1 КРФ об АП, а также система положений, доказывающих целесообразность принятия федерального закона «Об электронном документе» или «Об электронном документообороте»;

предложенная автором дефиниция «виртуальный документ», сформулированная на основании изученных особенностей данной категории, а также условий, при которых данный вид документов может выступать в качестве доказательства по делу; обоснование предположения о том, что легализация понятия «виртуальный документ» в правовых нормах (например, в новой статье

КРФ об АП) станет позитивным аспектом как для теории доказательств, так и для производства по ДАП;

сформулированные диссертантом требования, при соблюдении которых документы, полученные с использованием сотовой связи, могут выступать в качестве косвенного доказательства в производстве по ДАП, а также авторская интерпретация понятия «документов, полученных с использованием сотовой связи, как доказательств в производстве по ДАП», которая может стать основой для формирования новой статьи 26.7.3 КРФ об АП;

сделанное диссертантом предположение о том, что в связи с расширением объема фактических данных, а также применением современных видов специальных технических средств, позволяющих получать такие данные в форме электронного документа, может произойти смещение значимости письменного протокола об административном правонарушении в сторону электронного протокола, который: а) сможет обрабатывать данные в единой типизированной форме, при помощи специализированной компьютерной программы,

б) будет являться электронным документом; сформулированное понятие электронного протокола об административном правонарушении, в котором получили отражение имеющиеся в современный период проблемные аспекты и современные реалии новых видов доказательств в производстве по ДАП;

обоснованные положения о том, что: – многие материальные и нематериальные объекты, которые по своей сущности являются

вещественными доказательствами, но не отнесенные к данной категории действующим законодательством, могут не получить данного статуса в производстве по ДАП; – с учетом существенных признаков назрела необходимость сформулировать новое определение вещественного доказательства в производстве по ДАП; – в случае законодательного закрепления указанного понятия в действующем законодательстве (а именно в п. 1 ст. 26.6 КРФ об АП) новые виды вещественных доказательств на законных основаниях могут быть приобщены к материалам дела производства по ДАП; – современная классификация вещественных доказательств в производстве по ДАП должна строиться на следующих основаниях: а) в зависимости от разновидности вещественных доказательств, б) в зависимости от способа собирания доказательств в производстве по ДАП, которая сформирована с учетом изменений объективной реальности, а также современных технических тенденций развития информационных технологий;

ряд выводов: – обосновавших положение, что компьютерная информация является содержательной частью совершаемых правонарушений в сфере компьютерных технологий; – позволивших дать понятие компьютерной информации и предложить дефиницию «доказательства сферы компьютерных технологий»; – позволивших провести классификацию доказательств сферы компьютерных технологий в соответствии с: а) их функциональным назначением, б) их происхождением, в) сущностью самого доказательства, г) формой предоставления; – доказывающих, что такое свойство как «достоверность доказательств сферы компьютерных технологий» в производстве по ДАП позволит придать им статус вещественных доказательств, что может быть практически обеспечено посредством проведения соответствующей экспертизы;

разработанное диссертантом понятие специального технического средства, которое предложено закрепить в действующем законодательстве, в частности, в п.1 ст. 26.8 КРФ об АП; а также выявленные условия: – при наличии которых специальные технические средства могут рассматриваться как вещественные доказательства в производстве по ДАП, а именно: а) в случаях, если специальное техническое средство стало объектом правонарушения или было использовано при его совершении, б) когда специ-

альное техническое средство сохранило на себе следы противоправного действия, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому делу в производстве по ДАП; – которые позволяют показаниям специальных технических средств выступать в качестве вещественных доказательств в производстве по ДАП.

12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

Защиты кандидатских диссертаций

Сорокина Татьяна Владимировна
Институт судебных поручений в гражданском
судопроизводстве Российской Федерации
Дата защиты – 16 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»
Научный руководитель	Носырева Елена Ивановна
Оппоненты	Фокина Марина Анатольевна, Рассахатская Наталия Александровна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет» Диссертационный совет Д.002.002.06 при
Место защиты	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук»

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые было проведено научное исследование института судебных поручений в гражданском судопроизводстве Российской Федерации.

Предложено теоретическое обоснование правовой природы судебного поручения как инструмента оказания правовой помощи не только на международном, но и на внутригосударственном уровне. В работе сформулирован новый – широкий – подход к пониманию судебного поручения как родовой категории для лю-

бых исходящих от суда требований, в какой бы форме они ни заключались (поручение, запрос, обращения иных видов), какому бы адресату они ни направлялись (другим судам, государственным органам, организациям, лицам).

С учетом действующего законодательства и складывающейся практики впервые дается классификация действий, которые могут составлять содержание судебных поручений.

В диссертации предложено решение ряда теоретических и практических проблем, которые ранее не освещались в науке (например, об отводе судьи, исполняющего судебное поручение; о направлении судебных поручений судами общей юрисдикции арбитражным судам и наоборот; о создании в целях взаимодействия судебных органов электронного документооборота и пр.).

Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие **основные положения и выводы, выносимые на защиту**:

В диссертации обосновывается вывод о существовании единого понятия «судебное поручение в гражданском судопроизводстве», применимого в гражданском и арбитражном процессе как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Основополагающими признаками данного понятия, обеспечивающими его внутреннее единство, являются:

судебное поручение исходит от органа судебной власти;

содержание судебного поручения составляет требование суда о совершении определенных действий, имеющих процессуальное значение;

целью судебного поручения является получение доказательств и иной процессуально значимой информации.

В работе предлагается широкое понимание единого понятия судебного поручения, суть которого заключается в том, что судебное поручение рассматривается как родовая категория для любых исходящих от суда требований, направляемых различным адресатам (другим судам, государственным органам, организациям, лицам). При этом форма судебного поручения может быть различной (непосредственно судебные поручения в традиционном понимании, судебные запросы, поручения другим судам об организации судебного заседания в режиме видеоконференц-связи, требование о содействии в установлении содержания норм

иностранного права и др.). Сущность судебного поручения от этого не меняется.

Данный подход позволит обеспечить комплексное регулирование института судебных поручений, гибко реагировать на появление новых форм взаимодействия судов.

С учетом разработанного автором широкого понимания судебного поручения как родовой категории в работе предлагается классификация судебных поручений по их содержанию на судебные поручения о совершении непосредственно процессуальных действий и судебные поручения о совершении организационно-процессуальных действий.

К судебным поручениям о совершении непосредственно процессуальных действий относятся, в частности, судебные поручения об осуществлении опроса сторон и третьих лиц, допроса свидетелей, осмотра и исследования письменных или вещественных доказательств, отображения образцов почерка. Судебными поручениями о совершении организационно-процессуальных действий являются, например, судебные поручения об организации судебного заседания в режиме видеоконференц-связи, которое предполагает проверку судом, исполняющим такое поручение, явки в судебное заседание лиц, участвующих в деле, их представителей и иных участников процесса, установление их личности и проверку их полномочий, обеспечение технической возможности интерактивного общения при организации видеоконференции по поручению другого суда, направление материального носителя видеосъемки судебного заседания и его протокола.

В ходе исследования выявлена необходимость возложения на суды общей юрисдикции обязанности исполнять судебные поручения арбитражных судов и, наоборот, возложения на арбитражные суды обязанности исполнять судебные поручения судов общей юрисдикции, а также необходимость направления судебных поручений судам не только того же уровня, но и нижестоящим.

Аргументирован вывод о том, что лицам, участвующим в деле, принадлежит право заявить отвод судье, исполняющему судебное поручение, а судья, исполняющий судебное поручение, обязан заявить самоотвод в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством.

Исходя из того, что защита нарушенных или оспариваемых прав частных лиц является приоритетной задачей любого правового государства, автором обосновывается вывод о том, что судебное поручение, поступившее от суда государства, с которым Российская Федерация не состоит в договорных отношениях по вопросам оказания правовой помощи, должно быть исполнено исключительно на основе принципа международной вежливости независимо от практики запрашивающего государства по исполнению судебных поручений судов Российской Федерации.

Единственным убедительным основанием для отказа в исполнении иностранного судебного поручения должно быть противоречие исполнению поручения иностранного суда публичному порядку Российской Федерации.

Шумова Кристина Александровна

Принципы медиации

Дата защиты – 18 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
Научный руководитель	Исаенкова Оксана Владимировна
Оппоненты	Михайлова Екатерина Владимировна, Кузбагарова Вероника Александровна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия» Диссертационный совет Д-212.239.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна работы. Система принципов медиации рассматривается как критерий эффективной реализации примирительной процедуры с участием посредника в рамках гражданского судопроизводства. Выводы, представленные в диссертации, помогут расширить теоретические представления о возможно-

стях медиативной практики с учетом истинной реализации ее руководящих начал в достижении цели гражданского судопроизводства.

Проведенное исследование показало особую значимость изучения принципов примирительной процедуры с участием посредника (медиации), их системы в организации правоотношений, складывающихся при реализации одного из важнейших институтов гражданского процессуального права (процедуры медиации).

Комплексное изучение принципов примирительной процедуры с участием посредника (медиации) в их взаимодействии и взаимосвязи позволили сформулировать в диссертации выводы и предложения относительно перспектив применения процедуры медиации в гражданской процессуальной деятельности.

В диссертационном исследовании автором предложен новый подход к построению системы принципов, на которых основана деятельность по урегулированию правовых споров в рамках процедуры медиации. Таковыми являются классификации принципов по правовому значению и по признаку закрепления в нормативно-правовых актах. Именно такого рода систематизация позволяет учесть наибольший объем как правовых, так и доктринальных позиций в процессе уяснения значения и роли принципов медиативной процедуры.

Неоспоримым преимуществом данного диссертационного исследования служит анализ как правовых, так и неправовых факторов, затрудняющих внедрение медиации в отечественную правовую действительность и уменьшающих качество реализации ее принципов.

Сформулированные и обоснованные в исследовании выводы помогут расширить теоретические представления о возможностях медиативной практики с учетом истинной реализации ее руководящих начал в достижении цели гражданского судопроизводства.

На защиту выносятся следующие авторские концептуальные положения и выводы:

Медиативная процедура, как и многие процессуальные явления, есть деятельность управомоченных лиц, направленная на примирение сторон и гармонизацию социально-экономических

отношений в российском обществе, а институт медиации – это совокупность правовых норм, регламентирующих эту деятельность. Императивные начала, закрепленные в статье 3 Закона о медиации, по своей сути определяют основы осуществления медиации в контексте преемственности медиативных правил стран Европейского союза. В свою очередь, потребность в четкой регламентации основных императивных начал применительно к отечественной правовой действительности, безусловно, велика. Объективное включение в статью 3 Закона о медиации дополнительных принципов, определяющих деятельность как медиатора, так и сторон, будет являться базисом для более качественного урегулирования споров в частности и эффективности правосудия в целом.

Принципы медиации – это исходные, основополагающие начала, идеи, морально-этические нормы и процессуальные основы конструктивного взаимодействия сторон медиативного процесса (деятельности участников медиaproцедуры), общие требования проведения примирительной процедуры, соблюдение и применение которых гарантирует её участникам разрешение конфликта и возможность построения дальнейших правоотношений.

Для повышения эффективности медиативных правоотношений необходима систематизация принципов её осуществления. В диссертационном исследовании нами предложена система принципов, на которых основана деятельность по урегулированию правовых споров в рамках процедуры медиации. Таковыми будут являться классификация принципов по правовому значению и по признаку закрепления в нормативно-правовых актах. Именно такого рода систематизация позволит учесть наибольший объем как правовых, так и доктринальных позиций в процессе уяснения значения и роли принципов медиативной процедуры.

Императивами медиации, построения и реализации механизмов разрешения медиативных споров выступают следующие группы принципов:

По правовому значению:

собственно правовые принципы (вытекают из смысла норм ФЗ «О медиации»): добровольность медиативного правоотношения; равенство сторон в процессе медиации; диспозитивность

(самостоятельность сторон) в процессе медиации; сотрудничество сторон; конфиденциальность; лимитативность полномочий медиатора (невозможность навязать сторонам решение их спора); профессиональная многопрофильность медиатора (должен обладать определенным набором профессиональных компетенций в праве, психологии, конфликтологии, экономике);

внеправовые принципы, которые имеют правовое значение: добросовестность сторон конфликта и медиатора; беспристрастность и нейтральность медиатора; персонификация процедуры медиации (стороны и медиатор присутствуют лично) и прямое взаимодействие сторон; доверие сторон (как друг другу, так и вера в успех самой примирительной процедуры); толерантность медиативной деятельности; субсидиарность и свободы сторон медиaproцедуры.

По признаку закрепления в нормативно-правовых актах:

нормативно-определенные принципы медиации: добровольность участия сторон в медиaproцессе; конфиденциальность; сотрудничество и равноправие сторон; беспристрастность и независимость медиатора;

доктринальные принципы медиации: толерантность медиативной деятельности; субсидиарность и свободы сторон медиaproцедуры; профессиональная многопрофильность медиатора; диспозитивность (самостоятельности сторон) в процессе медиации; возмездность медиативной деятельности; доверие и добросовестность сторон.

На стадии медиативной сессии действие принципа добровольности должно оставаться абсолютным, так как добровольное участие в примирительной процедуре с участием посредника отражает саму идею примирения сторон. В этом заключается основное отличие и преимущество альтернативной процедуры разрешения споров от судебных процессов. Но, учитывая отечественный правовой нигилизм и нежелание контрагентов разрешать конфликт без участия государственного волевого решения (суда), законодатель в РФ будет вынужден придать ряду дел обязательный медиативный характер, руководствуясь теми или иными причинами, тем самым законодательно подталкивая к применению медиации как единственного законного пути к правосу-

дию, переводя «добровольность» в статус «добровольно-принудительного» принципа в разрешении конфликта.

Диссертантом аргументируется необходимость установить категории дел, по которым досудебные примирительные процедуры должны быть обязательными. Сущностью досудебного медиативного рассмотрения спора будет являться не юридическая, а фактическая сторона конфликта с учетом сложности рассматриваемого дела. К таким процедурам относятся: иски, связанные с наследованием имущества (к досудебному разрешению спора возможно привлечение нотариусов); иски о взыскании налогов и сборов; иски о возмещении ущерба от ДТП; заявления о расторжении брака; заявления по спорам, связанным с воспитанием детей; трудовые споры о восстановлении на работе и взыскании заработной платы (можно привлекать профсоюзы, комиссии по трудовым спорам, государственные инспекции труда); трудовые споры о возмещении ущерба, причиненного при исполнении трудовых обязанностей (можно привлекать профсоюзы, комиссии по трудовым спорам, государственные инспекции труда); иски о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, а также вреда, причиненного смертью кормильца; иски о выселении; иски о признании права собственности на жилые помещения в силу приватизации; иски о признании права собственности на самовольные постройки; иски об определении порядка пользования имуществом; иски о разделе общего имущества, выделе из него доли; иски о защите интеллектуальной собственности; иски о защите прав потребителей (можно привлекать территориальные отделения Роспотребнадзора); иски о защите чести, достоинства и деловой репутации; иски о взыскании сумм по договору займа, кредитному договору; иски о взыскании задолженностей по коммунальным платежам.

Автором выявлен и обоснован доктринальный внеправовой принцип медиативного правоотношения – доверие субъектов медиативного треугольника (сторона 1 – медиатор – сторона 2) – как базис эффективного разрешения спора. Подтверждением выдвинутой гипотезы является ряд признаков, характеризующих доверие как принцип примирительной процедуры (медиации):

а) адресность. Вступая в правовую связь с контрагентом, каждый субъект правоотношения доверяет конкретному выбран-

ному партнеру (медиатору), надеется на четкое правовое урегулирование поставленной проблемы указанной стороной;

б) взаимность. Осуществляя разрешение спора, медиатор стремится продемонстрировать субъектам-получателям безграничный ресурс доверия. При этом, в свою очередь, надеется на взаимное доверие стороны, принимающей медиативную услугу, понимая, что это является гарантом принятия обществом устанавливаемого правового порядка;

в) стереотипность («коллективное знание»). Доверие к медиации определяется не по принципу эффективности ее действия, а по слухам и оценке ее участников, зачастую не способных объективно проанализировать правовую действительность.

Медиативная деятельность является интерактивным процессом, вовлекающим как минимум трех субъектов. Успешное проведение медиации возможно лишь между теми сторонами, которые в процессе ее проведения становятся открытыми к социально-правовому взаимодействию. Вступающие в примирительный процесс и проявляющие определенную степень доверия к медиатору стороны способны осуществлять медиативные действия на добровольной основе. Соотношение и взаимодействие императивного начала – добровольности – и доктринальной основы медиации – доверия – проявляется в определенных формулах, выявление составляющих которых является определяющим фактом успешности медиации и истинным следованием ее принципам.

Существенное значение в формировании и реализации принципов примирительной процедуры с участием посредника (медиации) имеют как неправовые, так и собственно правовые факторы общественного развития. Диссертантом выявлены следующие факторы, оказывающие воздействие на формирование принципов примирительной процедуры с участием посредника:

- неправовые факторы:

а) социально-экономические: рост социальной напряженности, нервозности и конфликтности; неравномерное распределение ресурсов, социальное расслоение общества, что затрудняет диалог между сторонами конфликта с различным имущественным положением и социальным статусом; недостаточная прозрачность системы социальных лифтов, наличие препятствий восходящей социальной мобильности; обеспечение не в полной

мере социальными институтами целей и интересов отдельных социальных групп;

б) политические: не в полной мере развитые демократические начала в политическом режиме государства, излишняя централизация и императивность правового регулирования, незавершенный процесс становления институтов гражданского общества; неоформленность государственной идеологии, приводящая к отсутствию устойчивых социальных норм и ценностей, в том числе отсутствию осознания социальной значимости примирения;

в) организационно-информационные: недостаточное информационное освещение преимуществ медиации, неосведомленность подавляющего большинства граждан о медиации;

- правовые факторы: отсутствие устойчивого правового механизма взаимодействия института медиации и гражданского процесса; обязанность соблюдения судьей сроков при рассмотрении дела без возможности его приостановления; неразвитость системы приведения в исполнение медиативных соглашений и иных соглашений о примирении; дороговизна квалифицированной юридической помощи, как фактора не способного обеспечить доступность правосудия; отсутствие среди критериев оценки деятельности судьи количества утвержденных мировых соглашений; наличие пробелов, недостаточно проработанных правовых конструкций и иных недостатков в ФЗ № 193-ФЗ.

Проведенный автором диссертации анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики позволил выявить следующие недостатки ФЗ № 193-ФЗ, существенным образом влияющие на качественный и количественный состав принципов медиации:

а) перегруженность Закона условиями доступа к процедуре медиации и ее инициирования при недостаточной правовой определенности многих содержательных вопросов;

б) сфера применения Закона (ч. 2 ст. 1) необоснованно сужена и недостаточно четко определена ч. 3 ст. 1 Закона;

в) принципы, порядок проведения медиативной процедуры, основания, по которым можно привлечь медиаторов к ответственности за вред, причиненный при осуществлении ими своей деятельности, меры ответственности, критерии, которым должны отвечать медиаторы, осуществляющие свою деятельность на

непрофессиональной основе, а также явно недостаточную определенность принципов медиации следует отнести к числу правовых неопределенностей в Законе;

г) существенный «перекос» положений Закона в сторону определения статуса и функций профессиональных медиаторов, а также саморегулируемых медиативных организаций, при том что Закон не устанавливает возможности осуществлять эффективный внешний контроль, в том числе со стороны органов публичной власти государства. Организациям, оказывающим услуги в данной области, предоставляется избыточно широкая свобода действий, что способствует низкой популярности медиации как способа альтернативного разрешения споров, так как лица, к ней прибегающие, могут не иметь реального представления о том, как можно провести процедуру наиболее эффективно.

Цуцкова Марина Геннадиевна
Информационное обеспечение в гражданском
судопроизводстве

Дата защиты – 18 марта 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Научный руководитель	Алиев Тигран Тигранович
Оппоненты	Михайлова Екатерина Владимировна, Борисова Виктория Федоровна
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» Диссертационный совет Д-212.239.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна исследования обусловлена отсутствием единой внутренне непротиворечивой концепции информационного обеспечения заинтересованных субъектов в гражданском

судопроизводстве, института судебных извещений и вызовов, что приводит к стагнации законодательного регулирования. В рамках диссертационного исследования впервые на современном историческом этапе развития государства на монографическом уровне выполнено системное исследование научных и прикладных проблем извещения лиц, участвующих в деле, и вызова лиц, содействующих осуществлению правосудия, в гражданском судопроизводстве. Это позволило автору сделать ряд новых выводов, имеющих научное и прикладное значение, в том числе создать концепцию общей фикции надлежащего уведомления, сформулировать предложения по созданию в гражданском процессуальном законодательстве эффективной модели извещения и вызова участников гражданского судопроизводства.

Научная новизна находит непосредственное выражение в следующих основных положениях диссертационного исследования, выносимых на защиту:

Информационное обеспечение в гражданском судопроизводстве следует понимать в широком и узком смысловом контексте. В широком контексте оно представляет собой не столько правовое явление, сколько общий информационный ресурс современного постиндустриального общества, охватывающий собой информационные коммуникации, инфраструктуру, технологии и системы, призванные облегчить и поддержать принятие высокоэффективных решений в политической, экономической или социальной сфере. В узком юридическом контексте информационное обеспечение – это комплексный процессуальный институт, регулирующий деятельность органа правосудия и иных участников гражданского процесса, которая направлена на поиск, сбор, обработку, накопление, хранение, потребление и распространение значимых с правовой точки зрения сведений для достижения целей и задач российского гражданского судопроизводства. При этом суд общей юрисдикции в ходе реализации этой деятельности выступает своеобразным связующим приемным и передающим информационным центром.

В контексте информационного обеспечения правовая и фактическая природа всей совокупности судебных извещений и вызовов заключается в том, что они представляют собой передачу информации от суда (судьи) остальным участникам гражданского

судопроизводства, а, следовательно, в самом общем виде они могут именоваться судебными уведомлениями. С теоретикопрактической точки зрения целесообразно выделять три самостоятельные разновидности судебных уведомлений: извещение, вызов и уведомление о гражданском деле.

Различие между извещением и вызовом обусловлено характером транслируемых значимых сведений и процессуально-правовым положением адресата. В первом случае – это сведения, указывающие на возможность реализации лицом, участвующим в деле, комплекса принадлежащих ему прав, связанных с его вовлеченностью в гражданское судопроизводство. Получение стороной, заявителем, заинтересованным лицом, третьим лицом, извещения представляет собой необходимое условие приведения в действие потенциально существующего объема правомочий субъекта гражданских процессуальных правоотношений (уведомление о праве).

Во втором случае имеет место властное волеизъявление органа судебной власти, обязывающее лицо, содействующее осуществлению правосудия, совершить определенные установленные законом действия в интересах разбирательства конкретного гражданского дела (уведомление об обязанности).

Извещение в гражданском судопроизводстве – есть передача органом правосудия лицам, участвующим в деле, любой процессуально значимой информации, не являющейся, с одной стороны, детерминантом возникновения гражданских процессуальных обязанностей, за исключением обязанности по добросовестному использованию наличествующих гражданских процессуальных прав. При этом данная передача информации всегда должна совершаться в той форме и тем способом, которые обеспечивают достоверную фиксацию самого факта передачи и получения адресатом необходимых сведений.

Вызов представляет собой властное и обязательное для исполнения, подкрепленное мерами государственного принуждения и (или) мерами ответственности, требование органа правосудия о явке в суд лиц, содействующих осуществлению правосудия, предоставлении ими документов, а также совершении иных юридически значимых для гражданского судопроизводства действий. Вызов, также как и извещение, должен быть осуществлен в фор-

ме и способом, которые обеспечивают фиксацию факта передачи и получения адресатом соответствующей информации.

Уведомление субъекта о наличии в производстве суда гражданского дела, будучи третьей разновидностью судебного уведомления в широком смысле, отличается значительной процессуальной спецификой. Последняя выражается в том, что уведомление, как коммуникативный документ, сочетает в себе информационную, разъясняющую и обязывающую составляющие.

Информационная составляющая предполагает оповещение заинтересованного субъекта о наличии судопроизводства, в котором он наделен статусом лица, участвующего в деле. В свою очередь суть разъяснения состоит в том, что гражданину или организации транслируются сведения об имманентной сущности и участниках дела, а также суде, в производстве которого находится гражданское дело (информация, позволяющая идентифицировать дело).

Обязывающая составляющая заключается в разъяснении и возложении на заинтересованных субъектов обязанности по добросовестному пользованию процессуальными правами, и в одновременном предупреждении их о наступлении предусмотренных законом последствий неисполнения процессуальных обязанностей, что в целом не присуще извещению и вызову.

Универсальным и достаточным критерием необходимости уведомления лиц, участвующих в деле, является проведение судебного заседания или широко применяемой на практике «беседы» в рамках подготовки дела к судебному разбирательству. В самом судебном заседании судоговорение, когда действие принципа устности не ограничено прямым указанием закона, происходящее в отсутствие не извещенных надлежащим образом участников дела, не отвечает международным стандартам правосудия. Обратное верно не во всех случаях: отсутствие судебного заседания как элемента гражданской процессуальной формы при совершении отдельных действий в ходе рассмотрения и разрешения гражданского дела не означает автоматического снятия с органа правосудия обязанности по извещению лиц, участвующих в деле.

Гражданское процессуальное законодательство должно предусматривать обязанность лиц, участвующих в деле, по

предоставлению органу правосудия информации о своем судебном адресе. Под «судебным адресом» следует понимать избранный субъектом в качестве наиболее удобного и надежного для себя канал получения судебной информации. Такое волеизъявление одновременно является обещанием принимать зависящие от лица, участвующего в деле, меры, направленные на своевременное принятие переданных сведений и ознакомление с ними. Предлагаемое распределение прав и обязанностей в институте судебных извещений и вызовов позволит считать участника гражданского судопроизводства, уведомление которому направлено по судебному адресу, извещенным надлежащим образом вне зависимости от фактического получения им переданной информации.

Неисполнение обязанности по указанию судебного адреса повлечет применение общих правил уведомления лиц, участвующих в деле.

Общему смыслу и назначению института судебных извещений и вызовов в гражданском судопроизводстве будет отвечать установление общей фикции надлежащего уведомления, отсутствующей в действующем процессуальном законодательстве. Лицо, участвующее в деле, не явившееся в отделение почтовой или телеграфной связи для получения направленной ему заблаговременно и в установленном порядке судебной корреспонденции, содержащей уведомление, считается надлежащим образом извещенным о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия.

Надлежащий вызов лица, содействующего осуществлению правосудия, должен иметь место вне фикции надлежащего извещения и может быть совершен лишь путем фактического вручения ему соответствующего документа. Иное противоречило бы специфике процессуального положения указанных субъектов, исключало бы применение к ним мер принуждения и (или) мер ответственности.

Розыск ответчика и (или) ребенка представляет собой экстраординарный способ уведомления по делам, имеющим повышенную социальную и общественную значимость, осуществляемый в два этапа.

На первом этапе до сведения субъекта органами внутренних дел доводится информация о наличии в производстве суда общей юрисдикции гражданского дела с его участием. На втором – извещение ответчика производится судом, рассматривающим дело, по общим правилам, установленным гл. 10 ГПК РФ, по месту нахождения, выявленному органами внутренних дел в ходе розыска. Вместе с тем сказанное реализуется со значительными процессуальными особенностями в отношении ребенка при рассмотрении заявлений в порядке гл. 22.2 ГПК РФ, поскольку суд обязан учесть нормы того или иного международного договора с участием Российской Федерации.

В целях соблюдения разумного срока судопроизводства необходимо ограничение продолжительности розыска ответчика двумя месяцами с предоставлением суду права продлить данный срок в исключительных случаях не более чем на два месяца.

Мальченко Ксения Николаевна
Преюдиция судебных постановлений в гражданском судопроизводстве

Дата защиты – 22 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
Научный руководитель	Цепкова Татьяна Митрофановна
Оппоненты	Баулин Олег Владимирович, Молева Галина Владимировна
Ведущая организация	ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова» Диссертационный совет Д-212.239.03 при
Место защиты	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна исследования состоит в том, что по результатам проведенной работы с учетом действующего гражданского

процессуального законодательства автор выработал целостное представление об институте преюдиции. Сформулировано определение преюдиции, раскрыта ее сущность, обозначены пределы действия, место в гражданском процессуальном праве, соотношение со смежными правовыми категориями, исследованы проблемы реализации, а также проанализированы отдельные ее виды.

Рассмотрены причины возникновения коллизионных ситуаций, выявлены пробелы в действующем гражданском процессуальном законодательстве, позволившие сформулировать выводы и предложения, подтверждающие необходимость и потребность во внесении в него изменений. Проведенное исследование, дополняя теоретические положения о преюдиции, дает возможность выделить дополнительные обоснования особенностей доказывания с ее применением.

Научная новизна находит непосредственное выражение в следующих основных выводах и положениях, выносимых на защиту:

Предлагается следующее определение преюдиции: это элемент доказывания, представляющий собой льготу, освобождение от обязанности доказывания тех юридических фактов, которые установлены вступившим в законную силу судебным постановлением по иному делу, в котором участвовали те же лица.

Преюдициальность предлагается рассматривать как свойство, присущее судебному постановлению, благодаря которому, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по какому-либо делу юридические факты, не могут быть оспорены и не нуждаются в повторном доказывании при последующем разбирательстве иного спора между теми же лицами.

Преюдициальные факты считаем возможным представить в виде общих обстоятельств (юридических фактов и правоотношений) взаимосвязанных для гражданских и уголовных дел, которые установлены во вступившем в законную силу судебном постановлении по какому-то делу, которые не должны подлежать доказыванию повторно, исходя из субъективных пределов преюдиции.

Аргументируется, что в основе реализации преюдиции необходимо рассматривать презумпцию как предположение о закон-

ности и истинности предыдущего правоприменительного решения. Опровержение такого решения влечет лишь его отмену, а преюдиция при этом не опровергается.

Обосновывается, что у преюдиций и презумпций имеются общие признаки: выступают видами предрешения; признаются юридико-техническими средствами; имеют индуктивный характер образования; закрепляются в праве; влекут правовые последствия. Главным отличием между ними отмечается признак непроверяемости преюдиции.

Доказывается, что свойством преюдициальности, помимо судебных решений, наделяются и иные судебные постановления, в частности заключительные определения. В обоснование данного утверждения положены следующие аргументы: во-первых, такие определения имеют четко выраженный характер самостоятельности и окончательности правоприменительного акта; во-вторых, содержат обстоятельства, установленные судом посредством анализа доводов и доказательств, представленных лицами, участвующими в деле; в-третьих, заключительные определения содержат ответ на вопрос по рассматриваемому делу, что приравнивает их к решениям суда, где спор разрешается по существу.

Аргументируется выделение основания классификации определений по характеру и значению имеющихся в них преюдициальных фактов:

содержат преюдициальные факты, но входят в решение суда, которое и будет преюдициальным;

содержат преюдициальные факты, но имеют значение только для суда;

содержат преюдициальные факты и имеют юридическое значение для сторон в последующем применении.

Обосновывается, что вопрос о преюдициальности заочного решения имеет свои особенности в случае ненадлежащего извещения ответчика. Считаем, что в законе имеется «правовая фикция», согласно которой суд исходит из надлежащего извещения стороны, на самом же деле этого не происходит и судья об этом осведомлен.

Аргументируется, что признание преюдиции за актами несудебных органов нарушает принцип непосредственности судебного разбирательства. В обоснование данного утверждения поло-

жены следующие доводы: во-первых, доказательства должны исследоваться и оцениваться лично судом в том составе, которым впоследствии дело должно быть разрешено по существу и вынесено решение; во-вторых, не может быть признана юрисдикционная деятельность несудебных органов доказыванием в той форме, в которой оно осуществляется в судах.

Доказывается, что объективные пределы преюдиции составляют юридические факты с их правовой оценкой и правоотношения. Выводы суда по вопросам толкования правовых норм не признаются обстоятельством, имеющим преюдициальное значение, так как процесс толкования не тождествен процессу судебного доказывания. Привязка правовой оценки к факту не придает судебному акту характер прецедента и не обязывает суды, рассматривающие последующие дела, аналогичным образом толковать и применять норму права.

Обосновывается возможность проведения судами предварительной «ознакомительной проверки» преюдициально установленных фактов. Предположительно «ознакомительная проверка» будет заключаться в том, что суд, обнаруживший присутствие в предыдущем решении ошибки в юридическом факте, обязан посредством определения уведомить об этом лиц, участвующих в деле, и разъяснить им их право обжаловать предыдущий судебный акт. В случае, если кто-либо из лиц, участвующих в деле, изъявит желание обжаловать предыдущий судебный акт, следует приостановить производство по текущему делу.

Доказывается, что принятие сокращенного решения суда без мотивировочной части вступает в противоречие с правилами преюдиции и утрачивает свойство преюдициальности в отношении юридических фактов и правоотношений, установленных в рамках гражданского дела.

Аргументируется, что при реализации преюдиции суд должен руководствоваться не только нормами права, но и внутренним убеждением, чтобы не допустить в последующем ошибки в выводах о фактах в принимаемых решениях. Следовательно, в случае возникновения у суда сомнений в правильности предыдущей оценки юридических фактов надлежит применять особое мнение.

Проведенное исследование позволило диссертанту сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства, в частности:

О дополнении ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ положением о том, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда (арбитражного суда) по делу об административном правонарушении, которое было рассмотрено ранее, освобождаются от доказывания.

О дополнении Гражданского процессуального кодекса РФ ст. 61.1 «Преюдиция» следующего содержания:

«1. Преюдиция есть элемент доказывания, представляющий собой льготу, освобождение от обязанности доказывания тех юридических фактов, которые установлены вступившим в законную силу судебным постановлением по иному делу, в котором участвовали те же лица».

О дополнении ч. 1 ст. 390 и ч. 1 ст. 391.12 Гражданского процессуального кодекса РФ пунктом следующего содержания:

«7) разъяснить в императивной форме сторонам право на обжалование предыдущего судебного акта в связи с судебной ошибкой».

О продлении до месяца срока на изготовление в полном объеме решения районными судами как альтернативы освобождения судов от написания мотивировочной части судебного решения.

Матросов Николай Александрович

Особенности судопроизводства по делам о расторжении брака и связанных с ним споров

Дата защиты – 22 апреля 2016 г.

Место выполнения работы	ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
Научный руководитель	Исаенкова Оксана Владимировна
Оппоненты	Баулин Олег Владимирович, Богданова Татьяна Васильевна

Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
Место защиты	Диссертационный совет Д-212.239.03 при ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научная новизна диссертации. Данная работа на современном этапе развития законодательства является первым монографическим исследованием, в котором определены особенности судопроизводства по делам о расторжении брака и смежных с ним споров. Автором выявлены и исследованы процессуальные особенности, характерные для каждой стадии судебного разбирательства по делам о расторжении брака и связанных с ним споров, внесены предложения по изменению и развитию действующего законодательства в области регулирования рассматриваемой категории дел.

На основе проведенных теоретических исследований с использованием разнообразных методов научного анализа впервые подробно раскрыт порядок судопроизводства по соответствующей категории дел. Проведенное диссертационное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие **основные теоретические положения и выводы, выносимые автором на защиту** и обладающие элементами научной новизны:

Изучение исторических предпосылок судопроизводства по делам о расторжении брака позволило установить, что со времен обычного права и до появления кодифицированных нормативно-правовых законов существовали процессуальные особенности расторжения брака: обязательно осуществлялись предварительные действия (проверка представленных доказательств, вызов в суд ответчика, свидетелей, мирное урегулирование); устанавливалась пошлина за обращение; в судебном решении определялся порядок проживания детей и имущественные права супругов. Обобщение опыта прошлого предоставило возможность выявить эффективность указанных институтов, которые в настоящее время используются в судопроизводстве по делам о расторжении брака.

Судопроизводство по гражданским делам, возбужденным по заявлению о расторжении брака, а также по спорам, вытекающим

из бракоразводного процесса, характеризуется необходимостью обеспечения судьей баланса публичного и частного интересов, поскольку ценность института семьи может поддерживаться только на государственном уровне и сохранение брака является одним из приоритетных направлений его правовой политики, но, с другой стороны, брак и, связанные с ним отношения, являются сугубо личной стороной жизни супругов, не терпящие давления извне.

Установлены процессуальные особенности стадии возбуждения гражданского судопроизводства по делам о расторжении брака, которые заключаются в необходимости дифференцированного подхода судьи к: установлению наличия оснований для отказа в принятии искового заявления (в частности, судья не может отказать в принятии заявления, если ранее истец отказался от заявленных тождественных требований и отказ был принят судом); выяснению наличия не только правоспособности, но и дееспособности заинтересованных субъектов; проверке мотивов расторжения брака при отсутствии согласия одного из супругов на расторжение брака; установлению согласия жены, в случаях установленных ст. 17 СК.

Процессуальные особенности стадии подготовки дела к судебному разбирательству характеризуются сочетанием частного и публичного начал в спорах, связанных с расторжением брака, что обуславливает необходимость обеспечения защиты интересов семьи и содействия в сохранении брака. В этих целях при определении предмета доказывания судья должен учитывать факты личного характера во взаимоотношениях супругов и иные требования, связанные с расторжением брака, предлагается также обязанность судьи направлять стороны к медиатору, посреднику. Кроме того, при необходимости обеспечения интересов несовершеннолетних детей, третьих лиц судья обязан проводить предварительное судебное заседание.

В целях обеспечения своевременного рассмотрения и разрешения дел о расторжении брака предлагается на законодательном уровне сократить срок, отведенный для примирения сторон, до одного месяца, в течение которого они обязаны обратиться к услугам медиаторов или иных примирителей. Для этого следует создать специализированный медиативный орган, состоящий

преимущественно из семейных психологов и работников социальных служб.

Судебное разбирательство по делам о расторжении брака характеризует ряд процессуальных особенностей, выражающихся в: ограничениях, применяемых в отношении законных представителей, в целях защиты прав и интересов несовершеннолетних детей; необходимости обязательного привлечения к участию в деле третьих лиц для недопущения нарушения их прав и законных интересов; усмотрении судьи при определении предмета доказывания, в частности, право суда ограничить предмет доказывания; ограниченном действии института мирового соглашения; дифференцированной степени гласности судебного разбирательства; не применении общих правил исковой давности предъявления заявлений.

Судебное решение по делам о расторжении брака характеризуется следующими специфическими особенностями. Во-первых, в нем отсутствует декларативный момент, поскольку предметом подтверждения в суде является волеизъявление супругов или одного из них о невозможности их дальнейшей совместной жизни; им не подтверждается наличие или отсутствие брачных правоотношений. Во-вторых, последствия вступления в силу решения суда об отказе в удовлетворении требования о расторжении брака являются исключением из общего правила о невозможности вторичного рассмотрения тождественного требования. В-третьих, исполнение решения не относится к компетенции органов ФССП РФ, а осуществляется органами ЗАГС путем внесения изменений в книги записи актов гражданского состояния.

Установлены следующие процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с расторжением брака: в целях обеспечения прав и законных интересов детей, судья вправе выйти за пределы заявленных требований: определить размер алиментов, место жительства ребенка, порядок общения с родителями и пр.; в ходе судебного разбирательства допускается заключение соглашения по вопросам воспитания, проживания и содержания детей, при этом судья обязан проверить соответствие такого соглашения не только нормам законодательства, но и интересам ребенка; обязательное участие в гражданском судопроизводстве специалиста (психолога, педагога и пр.). Итоговое решение

должно приниматься с учетом мнения ребенка, достигшего десятилетнего возраста и при определенных условиях может быть изменено судом, его принявшим.

Особенности исполнительного производства по делам, связанным с проживанием, воспитанием и содержанием детей, характеризуются ограниченным проявлением императивного метода. Установлены особенности, связанные с субъектным составом, которые заключаются в: обязательном участии в исполнительном производстве каждого родителя, а также специалиста (психолога, педагога); ограниченном участии представителя в делах, связанных с воспитанием и общением с ребенком; возможности и необходимости личного присутствия судебного пристава-исполнителя в процессе общения ребенка с родителем. Выявлена возможность изменения порядка и способа исполнения исполнительного документа с учетом мнения ребенка, достигшего в ходе исполнительного производства десятилетнего возраста.

Проведенное исследование позволило диссертанту внести ряд предложений по совершенствованию законодательства, направленных на оптимизацию судопроизводства по делам о расторжении брака и связанных с ним споров, в частности:

Предлагается включить в ГПК РФ Главу 22.3. «Производство по делам о расторжении брака и связанных с ним споров».

Статья 244.20. «Порядок подачи заявления о расторжении брака»

Суд приступает к рассмотрению дела о расторжении брака на основании заявления заинтересованного лица.

Заявление подается с соблюдением требований, указанных в статьях 131, 132 настоящего Кодекса, а также дополнительных требований, установленных частью 3 настоящей статьи.

В заявлении о расторжении брака должны быть указаны сведения:

- о регистрации брака;
- о наличии или отсутствии совместных детей и их возрасте; достигнуто ли супругами соглашение о содержании и воспитании детей;
- при отсутствии взаимного согласия супругов на расторжение брака – мотивы расторжения брака;
- сведения о досудебном порядке урегулировании спора;

сведения о наличии иных требований, которые подлежат рассмотрению одновременно с заявлением о расторжении брака.

Статья 244.21. «Подготовка к судебному разбирательству дел о расторжении брака и связанных с ним споров»

В рамках подготовки дела к судебному разбирательству судья:

при определении предмета доказывания должен учитывать следующие факты: отсутствие возможности совместного проживания супругов; согласие / возражение супругов относительно расторжения брака; наличие / отсутствие несовершеннолетних детей и договоренности о порядке их проживания, воспитания и содержания; требования о разделе совместно нажитого имущества супругов;

обязан направить стороны к медиатору, посреднику с целью примирения супругов в течение одного месяца, по итогам которого они должны предоставить доказательства, свидетельствующие о достижении или не достижении примирения;

провести предварительное судебное заседание при необходимости обеспечения интересов несовершеннолетних детей, третьих лиц.

Статья 244.22 «Порядок рассмотрения заявлений о расторжении брака и связанных с ним споров»:

Дела о расторжении брака и связанных с ним споров рассматриваются и разрешаются по общим правилам искового производства с особенностями, установленными настоящей главой.

Статья 244.23 «Рассмотрение заявлений о расторжении брака и связанных с ним споров»:

Заявление о расторжении брака и связанных с ним споров рассматривается с обязательным участием прокурора и органа опеки и попечительства.

Обязанностью суда при рассмотрении и разрешении заявлений о расторжении брака и связанных с ним споров является привлечение в процесс третьих лиц, чьи права и интересы могут быть затронуты принятым решением.

При рассмотрении заявлений о расторжении брака и связанных с ним споров не применяются правила о порядке заключения мирового соглашения относительно факта расторжения брака.

Суд обязан обеспечить несовершеннолетним лицам независимого представителя для объективной защиты их прав и законных интересов.

Статья 244.24 «Особый порядок расторжения брака при наличии несовершеннолетних детей»:

При наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей и наличия письменного соглашения о детях суд рассматривает дело в порядке особого производства без судебного разбирательства.

Суд обязан исследовать представленное соглашение о детях и в случае, если им не нарушаются интересы детей, утвердить его.

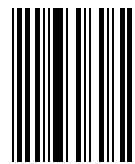
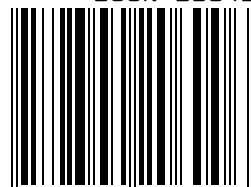
Рассмотрение заявления о расторжении брака в особом порядке при соблюдении условий, указанных в части первой настоящей статьи производится в рамках одного судебного разбирательства».

Статья 244.25 «Решение суда по делам о расторжении брака и связанных с ним споров»:

Решение суда по делам о расторжении брака и связанных с ним споров должно соответствовать установленным главой 16 настоящего Кодекса требованиям и содержать указание на необходимость государственной регистрации расторжения брака в органах ЗАГС и указание на распределение судебных расходов.

Мировой судья обязан составлять мотивированное решение по делам о расторжении брака и связанных с ним споров.

ISSN 2304206-0

9 772304 206006

1 6 0 0 2